

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

V

ОТ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДО КОНЦА XX ВЕКА

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое
Литературное
Общество

HISTOIRE DE LA VIE PRIVÉE

SOUS LA DIRECTION
DE PHILIPPE ARIÈS ET GEORGES DUBY

5

**DE LA PREMIÈRE GUERRE MONDIALE
À NOS JOURS**

SOPHIE BODY-GENDROT, RÉMI LEVEAU,
KRISTINA ORFALI, ANTOINE PROST,
DOMINIQUE SCHNAPPER,
PERRINE SIMON-NAHUM, GÉRARD VINCENT

VOLUME DIRIGÉ PAR ANTOINE PROST
ET GÉRARD VINCENT

ÉDITIONS
DU SEUIL
PARIS

1999

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ФИЛИППА АРЪЕСА И ЖОРЖА ДЮБИ

5

**ОТ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДО КОНЦА XX ВЕКА**

СОФИ БОДИ-ЖАНДРО, РЕМИ ЛЕВО,
КРИСТИНА ОРФАЛИ, АНТУАН ПРО,
ДОМИНИК ШНАППЕР, ПЕРРИН СИМОН-НАУМ,
ЖЕРАР ВЕНСАН

ТОМ ПОД РЕДАКЦИЕЙ АНТУАНА ПРО
И ЖЕРАРА ВЕНСАНА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2019

УДК 316.728(4)(091)
ББК 63.3(4)-75
И90

Редактор серии Л. Оборин

В оформлении обложки использована работа К. Малевича
«Три женские фигуры» © Русский музей, Санкт-Петербург, 2019

И90 История частной жизни: под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби.
Т. 5: От I Мировой войны до конца XX века; под ред. А. Про
и Ж. Венсана / Софи Боди-Жандро, Реми Лево, Кристина Орфали,
Антуан Про, Доминик Шнаппер, Перрин Симон-Наум, Жерар
Венсан; пер. с фр. О. Панайотти. — М.: Новое литературное обо-
зрение, 2019. — 688 с. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-0998-3 (т. 5)

ISBN 978-5-4448-0149-9

Пяти томная «История частной жизни» — всеобъемлющее исследо-
вание, созданное в 1980-е годы группой французских, британских
и американских ученых под руководством прославленных исто-
риков из Школы «Анналов» — Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби.
Пяти томник охватывает всю историю Запада с Античности до
конца XX века. Пятый, заключительный том — о XX веке, в ко-
тором частная жизнь претерпела невероятные изменения. Здесь
рассказывается о дегуманизации человека на войне и в концлагере,
о сексуальной революции и новом восприятии спорта, о том, как
можно хранить личные тайны в эпоху масс-медиа и государ-
ственного контроля, о трансформациях религии и появлении
интернета — и о многом другом.

УДК 316.728(4)(091)

ББК 63.3(4)-75

© Éditions du Seuil, 1987 et 1999

© О. Панайотти, пер. с французского, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

ТРУДНОСТИ ВЫБОРА

Жерар Венсан

Во введении к первому тому этой серии Поль Вейн задается вопросом, действительно ли цивилизация Древнего Рима послужила основанием для современного Запада, и отвечает: «На сей счет я не могу сказать ничего определенного»¹. О времени до XIV века Жорж Дюби пишет: все, что его касается, «гораздо менее достоверно и фрагментарно», чем сведения после этого рубежа². Поэтому неудивительно, что климат и отчасти демографию можно описывать в подробностях, а частная жизнь ускользает от историка, не желающего описывать исключительно быт, от которого остались многочисленные следы.

Богатейшие источники

Если ученые, занимающиеся давно прошедшими временами, испытывают дефицит любых источников — тех, которые можно использовать напрямую, и тех, что требуют реконструкции, — то для периода, исследуемого нами, источников больше чем достаточно. Даже просто перечисляя их, можно было бы составить целую книгу; автор этого введения (знания которого, увы, имеют границы) вынужден был удовлетвориться тем, что он знает, — малой долей того, что «следовало бы» знать. Первоначальный выбор скорее навязан обрывками сведений, которые принято называть «личной культурой», чем собственно «сделан». Историка невозможно отделить от его

личной и интеллектуальной биографии. Из этого не нужно делать абсурдный вывод, что любая историческая книга есть скорее автобиография ее автора, нежели научный обзор неопровержимых данных, но стоит с самого начала оговориться, что взгляд на изучаемую проблему субъективен.

Почему мы выбрали для исследования Францию

Возможно, «римское общество», «западный христианский мир» — это нечто иное, нежели набор артефактов, и за их разнообразием можно различить (их) общность. Предоставим специалистам разбираться в этом. С возникновением наций различия становятся все более явными или по крайней мере поддающимися оценке, так что невозможно написать историю частной жизни, в которой бы соединились таинственность мафиозо и открытость (хотя бы и мнимая) шведа. Вот почему мы приняли решение — и решение это было вынужденным — посвятить предлагаемый вниманию читателей том Франции. Это был наш второй выбор.

Пазл, который невозможно собрать

Ограничение нашего поля исследования Францией (не исключая, впрочем, возможного влияния иностранных моделей) — это попытка объять необъятное: на шестистах страницах сказать, что представляют собой все эти пятьдесят пять миллионов мужчин, женщин и детей, французов и иммигрантов, проживающих на данной территории, их образ жизни и представления. Шестьсот страниц — весьма значительный объем для читателя и крайне ограниченный для исследователя. Мы не можем изучать каждого человека в отдельности, поэтому нужно создать классификацию. По какому принципу классифицировать? По половому? Возрастному? Региональному? Социальному? По СПК — социoproфессиональным категориям, которые теперь превратились в ПСПК — профессиональные и социoproфессиональные категории? До какой цифры стоит

округлять?*

Все эти выборки по-своему важны и подразделяются на две, три, четыре категории. Статья о тридцатилетнем жителе Ниверне, женатом, отце двоих детей, двигающемся по социальной лестнице, работающем по временному договору, нерегулярно ходящем на мессу, выплачивающем ипотеку на собственность, располагающем библиотекой из трехсот томов, включая пятитомник «История частной жизни»? Почему нет? А почему именно об этом человеке, а не о достойной пожилой даме, вдове морского офицера, любящей своих шестерых детей и двадцать четыре внука, голосующей за правых, не работающей официально, но занимающейся волонтерской благотворительной деятельностью в своем приходе? Почему нет? А почему о ней? Составителей тома очень прельщала идея пазла, мозаики из биографий и семейных историй, потому что они обладали всей совокупностью изучаемых текстов и полагали, что подобная подача материала сможет удовлетворить потенциального читателя, предпочитающего истории, а не историю, потому что в этих семейных историях он может найти что-то общее со своей собственной. Тем не менее — и это наш третий выбор — мы отказались от этой концепции по той причине, что нашей целью было не создать справочник «Кто есть кто» со сведениями об обычных людях, но показать общую картину.

Читатель, удивленный отсутствием отдельных исследований, написанных с учетом «социального положения», (с)может умерить свое возмущение, потому что в этой работе демонстрируется социальное неравенство во всех сферах: в уровне жизни,

* Социoproфессиональные категории (СПК) в новой номенклатуре INSEE (Institut National de la Statistique et des Études Économiques, Национальный институт статистики и экономических исследований) переименованы в профессиональные и социoproфессиональные категории (ПСПК). Приведем лишь один пример: ПСПК № 250, 34 «Научные работники и преподаватели» делится на 9 подкатегорий, первая из которых, № 3411, под названием «Агреже и дипломированные преподаватели», в свою очередь, подразделяется еще на 17 подкатегорий. — *Примеч. авт. В дальнейшем примечания, не отмеченные особо, принадлежат переводчику.*

в смерти, в образовании детей или в доступе к культуре (по словам Пьера Бурдьё, «Вкус — это не что иное, как способность разбираться в определенном количестве знаковых моментов, что позволит вам считаться знатоком в определенных научных сферах»). Гомогенизация общества вследствие неоспоримого повышения уровня жизни (в особенности после II Мировой войны) — лишь мнимая; факторы расслоения общества продолжают существовать: это разница и в доходах*, и в потреблении продуктов культуры, и языковые различия социокультурных сред; движение моделей жизненного стиля «сверху вниз»; эндогамия внутри каждого класса или страты; бессменность модели выбора партнера в молодежной среде; небольшая, и скорее межпоколенческая, социальная мобильность.

Каковы границы частной жизни?

Показав то, от чего мы отказались, и, надеемся, объяснив причину этих отказов, попробуем обосновать то, на чем мы остановились. В XX веке государство (или госуправление) в том или ином виде как будто раздвигает границы частной жизни. Социальное страхование, пособия, облегчение доступа к приобретению собственности, потребительские кредиты, право на аборт и возмещение государством их оплаты — семья переходит в публичную сферу. В то же время повышение уровня жизни дало возможность для расцвета частной — тайной? — жизни каждого члена этой семьи; теперь каждый индивид может скрыться от взглядов близких: не стало общей кровати, а потом и общей комнаты; каждый может в индивидуальном порядке

* Из доклада ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) за 1978 год мы знаем, что доходы 10% самых богатых французов в 21,5 раза превышают доходы 10% самых бедных. Согласно докладу Комитета по организации исследований в области социально-экономического развития (CORDES), средний доход 77 000 самых обеспеченных семей в 1965 году в 53 раза превосходил доход 2 300 000 беднейших семей, а по сообщениям Центра педагогических и образовательных ресурсов (CREP), имущественное неравенство превышает разницу в доходах. — *Примеч. авт.*

слушать радиоприемник, в отличие от коллективных прослушиваний радиоточки в период между мировыми войнами, и т. д. Именно эволюцию взаимосвязи публичного и частного и описывает Антуан Про в первой части этого тома.

История тайны?

Во второй части тома — самой большой — автор этого введения, желая избежать очередного изложения истории повседневной жизни, попытался рассказать историю тайны. Безусловно, речь идет не о самом сокровенном, что каждый человек уносит с собой в могилу, подчас даже не зная, что он обладает какой-то тайной, но о смещении границы между тем, о чем говорят, и тем, о чем не говорят, интерес к чему проявляется на разных уровнях: индивидуальном, семейном, городском или квартальном, ближнего круга, «компании», «сообщества» и т. д. Не исключено, что речь может идти об «истории несдержанности» не в прямом смысле этого слова (неспособности различать, что допустимо, а что нет), но в значении «сообщать непосвященным информацию приватного характера»*. Такая затея требует эпистемологических уточнений, с которых и начинается вторая часть книги. Размышления о тайне идентичности проведут читателя по длинному пути от сосуществования людей в тесном соседстве друг с другом до подлинной сексуальной интимности.

Культурное разнообразие

За несколько абстрактной (несмотря на примеры и кое-какие анекдоты, призванные немного развлечь читателя) второй частью книги идет третья часть, посвященная культурным различиям. Здесь мы также оказались перед выбором. Остановились на четырех неравномерно структурированных «комплексах». В первую очередь речь пойдет о католиках и коммунистах;

* Французское *indiscretion* можно перевести как «бестактность, несдержанность» и как «болтливость». — *Примеч. ред.*

трудную задачу рассказать о них я взял на себя. Было весьма непросто на нескольких десятках страниц изложить сложнейшую проблематику, связанную с ними. У читателя будет возможность самому оценить результат. Далее следуют евреи, о которых пишет Перрин Симон. Она описывает не только различия в этой общности в XX веке, но и трансформацию отношения к ней, говорит о том, что геноцид на какое-то время снизил накал антисемитизма, а образование Израиля изменило общемировой дискурс. Наконец, иммигранты — европейцы в период между войнами (этапы их «ассимиляции» проследила Доминик Шнаппер) и, начиная с 1960-х годов, выходцы из стран Магриба (о сложностях межкультурного общения рассказывает Реми Лего).

Американец и швед: модель или миф?

Предстоит разобраться, проявляют ли французы склонность к вездесущим американским моделям поведения или же стремятся сохранить свою культурную идентичность. Софи Боди-Жандро обнаруживает повсеместное присутствие американского «мифа» и по-новому интерпретирует американские модели, с национальных и даже националистических позиций. Кристина Орфали рассказывает о «шведской модели», которая привлекала французов в 1960-е годы, и подчеркивает ее прозрачность: в экзотическом северном мире тайн почти нет, но все же частная жизнь существует в каких-то границах.

Вот такова эта книга, результат весьма субъективного выбора. Мы предпочли предвосхитить возможную критику, так как университетский мир, хоть и наследует ученым-клирикам прежних веков, не знает ни милосердия, ни снисхождения. Заканчивая введение, напомним мысль Жоржа Дюби, высказанную в «Предупреждении» ко второму тому этой серии: «Читателю не стоит рассчитывать на то, что он найдет здесь завершенное полотно. То, что ему предстоит прочитать, всего лишь незаконченный набросок, усеянный множеством вопросительных знаков».

ГЛАВА 1
ГРАНИЦЫ И ПРОСТРАНСТВА
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Антуан Про

Частная жизнь — это не естественная данность, существующая с начала мира; это историческая реальность, по-разному строящаяся определенными обществами. Нет какой-то частной жизни, существующей в раз и навсегда сложившихся рамках, есть лишь набор определенных человеческих действий в постоянно меняющихся границах между частным и публичным. Понятие «частная жизнь» имеет смысл лишь при сопоставлении с жизнью публичной, и ее история — в первую очередь история ее определения. Как во французском обществе XX века эволюционировало разграничение этих двух сфер? Как менялось содержание понятия «частная жизнь» и в каких пределах она распространялась? Итак, история частной жизни начинается с определения ее границ.

Эта проблема тем более важна в связи с отсутствием уверенности в том, что в разных социальных средах разграничение частного и публичного понималось одинаково. В случае с буржуазией Прекрасной эпохи вопрос ясен: эти две сферы разделяет стена. За этой спасительной стеной скрывается семья, и частная жизнь эквивалентна семейной. Сюда относятся деньги, здоровье, нравы, религия. Родители, желающие выдать замуж дочь или женить сына, «наводят справки» о семье избранника у нотариуса или юре, потому что известно, что принято скрывать какого-нибудь непутевого дядю, сестру-туберкулезницу, беспутного брата, а также размеры ренты. Жорес так ответил депутату-социалисту, упрекнувшему его в торжественном первом причастии дочери: «Дорогой коллега, вы можете поступать со своей женой как вам угодно, а я нет». Тем

самым он указал четкую границу между своей общественной деятельностью и частной жизнью.

Разделение частного и публичного делалось на основе строгих предписаний. Баронесса Стафф, например, детально описывает их: «Чем меньше знаешь с соседями, тем большего уважения в глазах окружающих заслуживаешь...» «В вагоне или любом другом общественном месте воспитанные люди никогда первыми не заводят разговоров с незнакомцами...» «Не следует обсуждать свои личные дела с друзьями или родственниками в присутствии посторонних»¹. В буржуазном жилище, будь то квартира или дом, существует четкая граница между помещениями, предназначенными для приема гостей, и личными «покоями». По одну сторону — то, что семья считает «презентабельным» и допустимым показать посетителям, по другую — то, что хозяева предпочитают скрывать от нескромных взглядов. Семья как таковая не проводит время в салоне: когда приходят гости, дети туда не допускаются, и семейные фотографии там неуместны, уточняет баронесса Стафф. И вообще, кто попало туда не пройдет. У каждой светской дамы есть свой приемный день — таких дам в Невере в 1907 году 178², но чтобы нанести ей визит, нужно быть предварительно ей представленным. Таким образом, гостиные — это промежуточное звено между жизнью частной и жизнью публичной.

Если частная жизнь буржуазии во времена Прекрасной эпохи отделялась от публичной, то в других социальных кругах дела обстояли иначе. Условия жизни крестьян, рабочих, городских мещан не позволяли им прятать от чужих глаз свою жизнь. Прогуляемся вслед за Жан-Полем Сартром по улицам Неаполя³: «В первом этаже каждого дома находится множество комнат, выходящих прямо на улицу, и в каждой из них живет семья. <...> В этих комнатах протекает вся жизнь их обитателей — здесь они спят, едят, работают. Улица <...> привлекает их. Они выходят из дома из соображений экономии — чтобы не жечь электричество, чтобы подышать воздухом и, мне

кажется, из естественной потребности побыть среди людей. Они выносят столы и стулья на улицу или сидят на пороге, наполовину снаружи, наполовину внутри, и вот в этом „промежуточном“ мире происходят важнейшие акты их жизни. Для них не существует понятий „внутри“ и „снаружи“, улица является продолжением их комнат, с их мебелью и домашними запахами. И с их историями. Улица является естественным продолжением комнаты. <...> Я видел вчера супружескую пару, обедавшую на улице, в то время как младенец спал в колыбели рядом с кроватью родителей, а старшая девочка делала уроки при свете керосиновой лампы. <...> Если женщина заболела и лежит (весь день) в постели, это происходит на глазах у прохожих и соседей...

Понятно, что частная жизнь неаполитанцев и французской буржуазии времен Прекрасной эпохи не имеет ничего общего.

Конечно, сравнение может быть опровергнуто. Культурные традиции в разных регионах отличаются друг от друга, и то взаимопроникновение «улицы» и «комнаты», какое мы видим на улицах Неаполя, можно интерпретировать как типично средиземноморскую черту; люди ведут себя так же в маленьких и не очень городках на юге Франции. Вот только в рабочих поселках Рубе, как и в шахтерских районах Франции, в Круа-Руссе, старейшем районе Лиона, в беррийских или лотарингских городах и селах жителям тоже не позволялось возводить стену вокруг своей частной жизни, она протекала на глазах у соседей. В каком-то смысле частная жизнь была привилегией буржуазии, жившей в больших домах и имевшей значительные состояния. В силу обстоятельств частная и публичная жизнь неимущих классов проникала одна в другую, и различий практически не существовало. В XX веке будет наблюдаться процесс демократизации частной жизни — все слои населения постепенно обретут ее.

Однако не следует понимать эту демократизацию механически и упрощенно. Частная жизнь рабочих и крестьян конца

XX века сильно отличается от частной жизни буржуазии его начала. Одновременно с этим появляются новые нормы, регулирующие так называемую публичную жизнь. Дальнейшее разграничение двух сфер во всех слоях общества изменяет и частную жизнь, и публичную. Обе эти сферы функционируют по-новому и по новым правилам. Меняются не только границы частного и публичного, но и содержание этих понятий.

Таким образом, предстоит понять, как завоевывается частная жизнь, как она влияет на жизнь общества и как организуется внутри своих границ. При этом нельзя не учитывать социальные и культурные особенности различных слоев общества. Мы не претендуем на то, чтобы решить эту невыполнимую задачу. Мы будем рады, если нам удастся выделить главные оси этой эволюции, обозначить важнейшие проблемы, отметить главные тенденции, в надежде на то, что менее масштабные, но более тщательные исследования подтвердят наши гипотезы или, скорректировав их, дадут новые направления дальнейшей работе.

РАБОТА

Первые крупнейшие изменения в XX веке произошли в сфере труда, который повсеместно выходит за рамки частной жизни и врывается в жизнь публичную.

Здесь мы наблюдаем двойное движение. Во-первых, разделение и специализация пространства: человек больше не работает там, где живет. Этот процесс сопровождается дифференциацией норм: домашний мир освобождается от правил, навязанных выполняемой дома работой, а трудовая сфера отныне регулируется не нормами частной жизни, а договорными отношениями между работником и работодателем.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

Рабочему месту не уделяется должное внимание в современных исследованиях. Работа у себя дома и вне его — в начале XX века это были принципиально разные вещи. В идеале молодой девушке следовало бы жить в доме родителей и не работать. Если же ей приходится работать, то лучше делать это у родителей, например шить на заказ. Лишь девушки из самых низов общества работают вне родительского дома: на заводе, в ателье или в качестве прислуги*.

* Эта иерархия прослеживается очень отчетливо, если рассматривать жизненную ситуацию девушки к моменту ее замужества. См.: Prost A. *Mariage, jeunesse et société à Orléan en 1911* // *Annales ESC*. Juil. — août 1981. P. 672-701. — *Примеч. авт.*

Таким образом, в начале XX века две трети французов или по крайней мере половина работает у себя на дому. В конце же века, наоборот, практически все французы работают вне дома. Произошли решительные изменения.

Надомный труд сдает позиции

Надомный труд в начале века в целом можно разделить на две большие категории, каждая из которых в свою очередь имеет свои особенности. Во-первых, работать дома можно на кого-то: в этой ситуации находятся надомные работники. Во-вторых, можно работать на себя и быть независимым производителем. В любом случае надомный труд на протяжении века сходит на нет.

Надомные работники

Определить их точное количество очень трудно. Тем не менее можно сказать, что в начале века их было несколько миллионов. В переписях населения тех лет упоминаются так называемые «изолированные»: в 1906 году их 1 502 000. К ним относятся поденщики и подсобные работники без определенного работодателя, которые трудятся то у одного хозяина, то у другого. Большинство, однако, работает на дому: это портные, сапожники, перчаточники, а также производители очков, ювелиры и т. д. Хозяева мастерских и ателье нанимают как мужчин, так и женщин. Иногда хозяева доставляют работникам материалы и заготовки и приезжают за сделанной продукцией, иногда работники сами приходят к хозяину за материалами и доставляют готовые изделия. В обоих случаях работник получает сдельную заработную плату.

Надомные работники находятся в невыгодном положении: их зарплата очень низкая и не идет ни в какое сравнение с суммами, получаемыми заводскими рабочими. Чтобы хоть как-то выживать, им приходится работать от зари до зари: мы

можем видеть это на примере Матушки Сантер⁴. К 1914 году, когда началось фабричное производство тканей, ее домочадцы едва сводили концы с концами. Они могли заниматься своим делом лишь в зимние месяцы, весной же нанимались батраками на ферму, откуда возвращались осенью с деньгами, которыми расплачивались с зимними долгами: работа в услужении у других людей приносила больший доход, чем надомное ткачество. Неважно, что они мастера своего дела: ткацкое ремесло больше не дает им возможности прокормиться. Условия их жизни и труда ужасающи: отец и дети встают в четыре часа утра и спускаются в подвал, к станкам; мать готовит уточную нить; станки стучат до десяти часов вечера: рабочий день длится пятнадцать часов, в сырости погреба, при свете сальной свечи. Утром — перерыв в работе на чашку цикория с куском хлеба, в полдень — тарелка супа, еще одна — вечером. По воскресеньям эти ревностные католики ходят на мессу, а потом снова берутся за работу. Они работают даже в день свадьбы Катрин Сантер, а в качестве праздничного угощения у них бараньи котлеты — вот до чего они бедны.

Наряду с подобной нищетой, надо признать, встречается и процветание. Перчаточники Мийо, например, в 1920-х годах были рабочей аристократией, но не стоит забывать, что перчатки из Мийо, столицы французского производства кожаных перчаток, были тогда предметом роскоши, и перчаточная промышленность Гренобля была им не конкурент. Чаще же надомные работники тяжело работали и жили очень бедно. Это одна из причин упадка надомного труда.

Что можно сказать о частной жизни надомников? Где, например, могла протекать частная жизнь Катрин Сантер? Рядом с домом, на обочине дороги, где она украдкой встречалась с возлюбленным, своим будущим мужем? В постели, куда она падает от усталости? За станком? Тяжелый труд не просто неотъемлемая часть частной жизни, он поглощает ее целиком: работа и жизнь составляют одно целое. Это при том, что

пространство в доме ткачей разделено: они работают в подвале, а едят и спят на первом этаже дома. Чаще же всего работа и жизнь протекают в одном и том же помещении. Леон Фрапье в романе «Детский сад» иронизирует по поводу того, что говорят детям в детском саду: «У каждой вещи должно быть свое место, и каждая вещь должна лежать на своем месте», описывая, как портниха-надомница из XX округа Парижа вынуждена освобождать обеденный стол, чтобы разложить свою работу или дать возможность ребенку сделать уроки⁵. Бедняки в первой половине XX века, как и веком раньше, жили в такой тесноте, что у них не было возможности выделить для работы какое-то определенное место.

Процесс работы в жилом помещении дает относительный доступ в частную сферу посторонним. Портниха принимает у себя дома клиентуру; ткач, перчаточник открывают двери представителям магазинов. Рабочее место, комната, где живет семья, иногда может стать местом производственных конфликтов. Жан Геенно вспоминает драматический эпизод из детства. Его родители жили в городе Фужере и занимались изготовлением обуви на дому из заготовок, которые дюжинными брали у фабриканта. В начала века во время забастовки обувщиков отец, у которого не осталось денег, не выдержал и вернулся к работе. Забастовщики узнали об этом, ворвались к ним в дом и предъявили отцу претензии в связи со штрейкбрехерством⁶. Таким образом, конфликты, касающиеся публичной жизни, могли разворачиваться в пространстве жизни частной. Можно сказать, что когда человек работал на дому, у него не было своего угла.

Надомный труд стал сдавать свои позиции не только по экономическим причинам, хотя они, вероятно, были определяющими. Желанию больше зарабатывать сопутствовало стремление ограничить время, отдаваемое работе: когда человек работает на предприятии, он знает, в котором часу заканчивается работа. На протяжении всего века растет ценность свободного времени,

которое не принадлежит хозяину предприятия и которым работник может полностью распоряжаться. Работать вне дома — это означает и чувствовать себя в полной мере дома, когда туда возвращаешься. В этом смысле отказ от надомного труда отвечает стремлению каждого человека иметь свою частную жизнь.

Тем не менее это не означает, что надомный труд полностью исчез. Согласно переписи населения, проведенной в 1936 году, тогда насчитывалось еще около 351 000 надомников. Существуют некоторые факторы, способствующие обновлению этой группы работников. Во время кризиса 1930-х годов, например, велась политика по ограничению доступа иностранцев на рынок труда, и иммигрантам было проще найти сдельную работу, чем добиться оклада. Это одновременно отвечало интересам фабрикантов, желающих снизить себестоимость продукции, и соответствовало традиционному образу жизни иммигрантов из Польши и Центральной Европы, поэтому в Париже в те времена увеличилось домашнее производство изделий из кожи и меха. Именно из слоя этих работников-индивидуалов, многие из которых были евреями, группа Манушяна* будет набирать своих активистов.

Сегодня надомный труд рассматривается как нечто остаточное и маргинальное. Он несовместим с современной частной жизнью, протекающей дома, и свободным временем, заработанным «досугом». Сегодня никто не станет работать дома не только на других, но даже для себя.

Индивидуальные предприниматели

Индивидуальных предпринимателей было больше, чем надомных работников, но их количество тоже стало стремительно сокращаться, хоть и несколько позднее. В начале века они составляли бóльшую часть населения: их было 58% — сюда

* Группа Манушяна — возглавлявшаяся армянином Мисаком Манушяном (1906–1944) группа участников движения французского Сопротивления.

входили сельскохозяйственные производители, ремесленники и торговцы, а также представители свободных профессий. В 1954 году, согласно переписи населения, их было уже не более трети от не работающих по найму. В 1982 году они составляют лишь 16,7% активного населения: независимый труд отступил перед трудом наемным.

Эти цифры плохо иллюстрируют важнейшие социальные изменения, коренным образом влияющие на семью. В крестьянской среде, у торговцев и ремесленников семья представляет собой самостоятельную производственную единицу, экономическую ячейку. Все члены семьи в той или иной мере, в зависимости от возраста, сил, навыков, заняты в семейном бизнесе — производстве или торговле: на фермах молодежь и старики пасут коров, четырнадцатилетний паренек работает слугой, а сад, скотный двор и птичник отведены женщине... Ни одна пара рук не лишняя во время уборки урожая, особенно если собирается гроза. В торговле женщины обычно занимаются бухгалтерией, а дети, возвратившись из школы, помогают в лавке или ходят за покупками. Каждый член семьи принимает участие в функционировании предприятия.

Включение всей семьи целиком в общую экономическую деятельность влечет за собой некоторое смешение частной жизни и работы. Это очевидно на финансовом уровне: сын, допустим, бакалейщика берет деньги в кассе на свои воскресные развлечения. Два бюджета — семейный и производственный — сливаются воедино: хозяйка берет деньги на покупку кофе, шоколада или какой-нибудь обновки для себя, и этих денег потом может не хватить на приобретение скота или арендную плату. Таким образом, сокращение расходов — это главный, если не единственный, способ свести концы с концами или накопить денег на развитие производства. Успех предприятия зиждется на строжайшей экономии.

С другой стороны, предприятие все же является частным и успех семьи у всех на виду; все знают, какое место она

занимает в местной иерархии: на это указывают и площадь принадлежащих ей земель, и поголовье скота, и количество наемных работников, и свежесть вывески на магазине. Успешность в делах — категория экономическая, следовательно, это вопрос не только частной жизни, но и публичной. Однако средства производства (земли, скот, торговля и пр.) являются и семейным достоянием, которое передается по наследству и делится между наследниками, иногда вопреки всякой экономической логике. Когда семейное предприятие разрастается и привлекает наемных рабочих, между его частным характером и экономической функцией, публичной по своему предназначению, возникает противоречие: наемные работники могут потерять работу вследствие исключительно частных событий, например смерти хозяина.

Экономическая функция такой семьи сплачивает ее членов; одновременно решаются две задачи — воспитание детей и забота о стариках. На ферме, в мастерской или в лавке молодежь приобретает профессиональные навыки непосредственно от родителей или от их друзей, и ученичество рассматривается как дело семейное, частное. Старики, которые больше не могут жить самостоятельно, живут и питаются у одного из своих детей. В то же время нельзя сказать, что это была стереотипная патриархальная семья*: в большинстве регионов Франции, за исключением юго-запада, крестьянская семья состояла из супружеской пары и их детей — социологи называют такой тип семьи нуклеарным; бабушка и дедушка жили по соседству,

* Вслед за Ле Пле неоднократно повторялось, что старинную семью возглавляла супружеская пара, вместе с которой жили один или несколько женатых сыновей со своими собственными детьми. Однако работы Питера Ласлетта об Англии XVII-XVIII веков заставили пересмотреть этот вопрос. Было констатировано, что во многих деревнях семьи состояли всего из трех-четырёх человек. В Шардонере (Уаза), например, в 1936 году лишь 15% процентов семей имели «расширенный состав» и в них входили женатые или одинокие родственники (*Ethnologie française*. 1974. Numéro spécial 1-2). — *Примеч. авт.*

в меньшем по размеру доме, и вели отдельное хозяйство до тех пор, пока были в состоянии трудиться; когда это становилось невозможно, особенно если бабушка умирала раньше своего супруга, дети брали овдовевшего деда к себе. Таким образом, семья в дополнение к своей экономической функции играла также воспитательную роль и обеспечивала безопасность старшего поколения.

Закат семейных предприятий

Мы видим, что наемный труд постепенно лишает семью ее экономической функции и что выход работы из домашней сферы переводит воспитание и обеспечение старости из частной жизни в публичную. Создание сети профессионального обучения и социальная защита заменяют семью. Однако причины этой эволюции не так просты, как ее последствия.

Безусловно, как для индивидуального предпринимательства, так и для надомного труда определяющими являются экономические причины. Цены на продукцию мелкого производства или небольших магазинчиков не выдерживают конкуренции с ценами крупных сельскохозяйственных или торговых предприятий. Протекционизм и отсталость французской экономики долгое время тормозили отступление семейных предприятий. После II Мировой войны, напротив, усилия по модернизации ускорили этот процесс, и несмотря на резкие протесты крестьян и хозяев мелких торговых точек, борющихся за выживание и требующих разного рода поддержки (гарантированные цены, снижение налогов), несмотря на впечатляющие демонстрации, проводившиеся, например, FNSEA (Национальной федерацией профсоюзов сельскохозяйственных производителей), движением Пьера Пужада (1953–1956) или CIDUNATI (Межпрофсоюзной конфедерацией поддержки индивидуальных предпринимателей), возглавляемой Жераром Нику, рынок был неумолим — его законы лишь иногда смягчались то здесь, то там принимаемыми социальными мерами,

например законом от 1973 года, ограничивающим строительство супер- и гипермаркетов.

Не менее важно и социальное развитие. Закат индивидуального предпринимательства связан с ростом социальных гарантий, получаемых работающими по найму. Возьмем для примера сельское хозяйство: сын, работающий у своего отца, часто считается теперь наемным сельскохозяйственным рабочим. Это также важно в торговле и кустарно-ремесленном промысле. Сокращение числа хозяев мелкого производства и торговых точек, которые в 1982 году составляли всего 7,8% активного населения, тогда как в 1954 году их было 12%, в 1962-м — 10,6%, в 1968-м — 9,6%, более заметно, нежели уменьшение числа хозяев коммерческих и ремесленных предприятий. Здесь мы наблюдаем два явления: с одной стороны, медленное сокращение мелкой торговли и ремесленного производства (каждый год исчезает больше предприятий, чем создается); с другой же стороны, изменение юридического статуса: начальник небольшого индивидуального предприятия превращает его в общество с ограниченной ответственностью или даже в анонимное акционерное общество, становясь таким образом руководителем, получающим заработную плату. В переписях населения он значится как руководящий сотрудник, а не как хозяин производства.

Отделение предприятия от семьи

Речь здесь идет не только о терминологии. Изменения в юридическом статусе на самом деле влекут за собой разделение семьи и предприятия. Публичная деятельность отделяется от частной: они обе становятся автономными. Это обособление имеет не только финансовые последствия в виде разделения производственного и семейного бюджетов. Происходят также пространственно-временные изменения.

В прежние времена на одном и том же пространстве имели место два вида активности семьи. Коммерсант, его жена

и дети, как правило, жили в помещении за лавкой, как это до сих пор принято у пекарей в небольших городках и предместьях. Лишь самые обеспеченные могли позволить себе жить в квартире над лавкой. Таким образом, это помещение служило и кладовой, и жилой комнатой. В стенных шкафах хранились запасы на продажу, бакалея, потребляемая семьей, и предметы домашнего обихода. Здесь ели, вели бухгалтерию, иногда спали, а дети делали уроки.

Недифференцированность пространства влекла за собой недифференцированность времени. Клиент, обнаружив, что дверь лавки закрыта, без колебаний стучал в окно кухни, где обедала семья, и покупателей тут же торопились обслужить. Ситуация не менялась до тех пор, пока однажды мать семейства, которую в неурочный час потревожил кто-то из завсегдатаев, не воскликнула: «Нас когда-нибудь оставят в покое?» То обстоятельство, что люди работали там же, где и жили, исключало такое понятие, как свободное время. В результате произошел слом старинного порядка: чтобы клиентура не мешала нормальному течению частной жизни, следовало отделить магазин от места проживания. И из задних помещений магазинов исчезли кровати, платяные шкафы, плиты. Коммерсанты стали снимать квартиры над магазинами или строили себе дома в пригородах. У них появилось по два адреса и по два телефонных номера (правда, в ежегодных телефонных справочниках фигурировал только один). Такова была цена частной жизни.

Разумеется, эволюция не была ни повсеместной, ни окончательной. В основном она затронула торговлю в центре города, а не по окраинам; изменения коснулись в первую очередь продавцов одежды, обуви и бытовых электроприборов, а ситуация булочников и бакалейщиков в основном осталась прежней. Во многих небольших городках недифференцированность пространства сохраняется, однако покупатели теперь более сознательны и стараются не беспокоить хозяев магазина в нерабочие часы. Ремесленники, в большей мере, чем продавцы к лавкам,

привязанные к своим мастерским, в которых они иногда работают по вечерам и воскресеньям, не решаются перенести жилье в другое место. Если же они и живут в отдельном доме, то он находится в непосредственной близости от мастерской. И все же общая тенденция к изменениям налицо.

Это можно увидеть на примере представителей свободных профессий. Что касается нотариусов, судебных исполнителей, адвокатов и в особенности врачей, они крайне ревностно относятся к сохранению своего либерального статуса и независимости. Однако даже в этой среде юридический статус иногда меняется. Сначала врачи стали декларировать своих жен как секретарей, получающих зарплату: супруга, как и раньше, отвечала на телефонные звонки и открывала дверь пациентам, но теперь она получала за это зарплату и имела страховку. Стали появляться так называемые полные товарищества*. Все это не отменяет взаимопроникновения частной и публичной жизни. Но вот что важно: врачи больше не живут рядом со своим кабинетом, а юристы — поблизости от контор. Отныне невозможно воспользоваться их услугами в нерабочие часы, вызвать семейного врача ночью... Звонить по телефону бесполезно: доктора не будет на месте. Он теперь оберегает свою частную жизнь и не допускает в нее пациентов.

Таким образом, мы видим, как во французском обществе устанавливается четкое разделение частной жизни и профессиональной деятельности. Эта новая норма так сильна, что действует даже для тех видов деятельности, в которых отношения с клиентурой не угрожают частной жизни. Здесь необходимо отметить и тенденцию к разделению трудовой и частной жизни в крестьянской среде. Это движение возникло в XIX веке, когда между общей комнатой и хлевом была возведена стена, но оно

* Участники полного товарищества, заключив договор, занимаются предпринимательством от имени товарищества и отвечают по его обязательствам своим имуществом. В настоящее время устаревшая форма предприятия.

не развилось повсеместно: в лучшем случае можно говорить о фермах в провинциях Нормандия и Бос, где жилой дом помещался на одной стороне двора, а хлев, амбар и другие хозяйственные постройки — на другой. Содержание домашней птицы и скота требовало наличия поблизости обслуживающего персонала и кормов. Теперь в этом нет необходимости. В богатых регионах сельскохозяйственные производители, которые прекратили заниматься скотоводством и перестали зависеть от своего стада, строят себе современные дома на приличном расстоянии от амбаров и складов, где хранятся их инвентарь и урожай. Например, в Босе Эфраим Гренаду в 1965 году переселился в дом, построенный, по его словам, чтобы жить там, когда он отойдет от дел⁷.

Это теперь делается не для того, чтобы сохранить приватность, — ей ничто не угрожает ни на ферме, ни на вилле, — а для того, чтобы раз и навсегда разделить работу и частную жизнь, которые отныне противопоставляются. Между этими двумя мирами, которые в начале века смешивались, появилась четкая граница.

Работа и места работы

Аналогичная эволюция идет и в местах работы, которые перестают выполнять любую иную функцию, кроме основной.

Первые заводы с нечеткими границами

В XIX и вплоть до начала XX века заводы не имели четкой организации. Цеха устраивались там, где для них было место, а не исходя из соображений логистики. Наиболее известен пример заводов Renault⁸: производственные корпуса в Бийанкуре были расположены в полнейшем беспорядке и занимали около сорока различных зданий, часто на приличном расстоянии друг от друга; жилые дома были переделаны в производственные помещения, и случалось поднимать и спускать

тяжелые объемные детали по узким, а иногда и винтовым лестницам. Таким образом, транспортировка грузов на предприятии была трудоемким делом; если речь не шла о чем-то очень тяжелом, прибегали к использованию детского труда. В производственных помещениях шло бесконечное беспорядочное движение. Порой трудно было понять, где завод начинается, а где заканчивается: чтобы попасть из одного цеха в другой, надо было пересечь улицу или двор, в который выходили окна жилых домов. Также было нельзя быть уверенным в том, что рабочий находится на своем рабочем месте — столько у него было поводов для хождений по предприятию. В результате непродуманной организации рабочего пространства место работы и жилье были плохо отделены друг от друга.

Иногда все было еще сильнее запутано. В нотариальных документах, оформленных около 1880 года, перечисляется имущество металлургических заводов в Лонгви. Наряду с доменными печами и цехами значатся дом руководства, общая спальня рабочих, сарай с сеновалом, барак с двенадцатью жилыми помещениями, пекарня, столовая⁹ и т. д. Владельцы заводов скупили окрестные земли, выставленные на продажу, и их земельная собственность простирается с перерывами на много километров от доменных печей. Поблизости от дорог, в частности железных, могут находиться сельскохозяйственные владения или дома, принадлежащие владельцам. Заводы в собственном смысле слова никак не были огорожены, и зимними ночами туда приходили бродяги, чтобы поспать в теплых шлаковых отвалах; в 1897 году руководство заводов в Нёв-Мезоне, не в силах прогнать их, обратилось к полиции с просьбой защитить от подобных вторжений заводы и железную дорогу, связывавшую их с шахтой. Заводская ограда была построена с большим опозданием, что явилось следствием крупномасштабных забастовок; она ограничивала и власть, не нуждавшуюся в границах, пока она не оспаривалась. В Ле-Крёзо после забастовок 1899 года вокруг заводов возводят новые или

восстанавливают разрушенные стены. В Лотарингии после волнений 1905 года, в частности в Понт-а-Муссоне, «возводят стены, чтобы как следует защитить завод». В 1909 году все крупные предприятия имели современные средства защиты на случай забастовок¹⁰. Однако не только рабочим приходилось форсировать эти ограждения. Жорж Ламираи еще в 1920-х годах писал о женщинах с детьми, которые принесли мужьям еду на работу¹¹. Такое неоднозначное использование предназначенных для производства помещений было результатом не только их постепенной, зависящей от окружающих обстоятельств организации. Оно завязано на общем представлении о том, что мужчина и женщина определяются через их труд. Мысль о том, что, помимо работы, есть и другие виды человеческой деятельности, не менее правомерные и к тому же благодатные и характеризующие индивида положительно, появилась весьма недавно. В начале же века лишь праздная публика — буржуа и рантье — имели право на полноценную частную жизнь. Народ определялся в первую очередь через работу, частная жизнь трудящихся всецело подчинялась производственной необходимости. Даже право на отдельное, автономное жилье было лишь у буржуазии; рабочие же могли жить прямо на предприятии, там же есть и спать. Такой порядок сложился, например, в Лионском регионе: персонал некоторых текстильных предприятий состоял из одних молодых крестьянок, которых селили в закрытых учреждениях, где за ними присматривали монахини¹². Как и в подобных учреждениях Каталонии, вся их жизнь протекала в этом заводе-монастыре.

В больницах дело обстояло так. В XIX веке правила предписывали медсестрам и медбратьям проживать в интернате при больнице. Эти интернаты были своеобразными братствами с суровыми, почти монастырскими порядками. Медперсонал жил практически взаперти; очень редкие выходы «в свет» под строгим контролем рассматривались как милость со стороны начальства. В то же время среди этого персонала было

немало женатых мужчин и замужних женщин, которые желали бы вести семейную жизнь. Это затворничество тем более сомнительно, что администрация выделяло персоналу в качестве жилья лишь общие дортуары, в которых доктор Бурневиль обнаруживал очаги туберкулеза¹³. Однако и в начале XX века директор Общества социальной защиты (*Assistance publique*) Гюстав Мезюрер был категорически против того, чтобы медперсонал проживал вне интерната.

Жизни вне интерната, а значит, возможности иметь частную жизнь постепенно добьются сначала врачи, затем просто все мужчины, замужние сиделки, наконец, замужние медсестры. Что касалось незамужних, то считалось, что все, что им может понадобиться, они найдут в интернате. В 1930-е годы правила для них не меняются и сохраняются даже после II Мировой войны. Впрочем, в интернатах шла автономная коллективная жизнь, такая же, как в лицах. Спонтанно возникали места встреч: это могли быть помещения, где стирали и гладили белье и одежду или жарили себе яичницу на газовой горелке. И все же частная жизнь в полном смысле этого слова могла протекать лишь вне стен интерната, выйти из которого удавалось редко; побыть одному в интернате удавалось только в спальне.

Специализация рабочего пространства

Систематическая организация производственного пространства шла в течение всего XX века, ускоряясь в ходе реструктуризации, которая начиналась сразу после каждой из двух мировых войн. Однако этому же в равной мере способствовало распространение тейлоризма и научная организация труда. Конвейер должен работать по непрерывной цепочке, поэтому для его размещения иногда требуется строительство огромных одноэтажных помещений. Завод Berliet в Венисьё в 1917 году, завод Renault на острове Сеген в 1930-м или Citroën, полностью перестроенный на набережной Жавель в 1933 году, являются прекрасной иллюстрацией к этой новой логике: производство

больше не зависит от ранее существовавших корпусов; наоборот, новые помещения строятся в зависимости от нужд производства. Таким образом, идет специализация производственных помещений; завод перестает быть местом, оборудованным для производства по случаю / по необходимости, и становится помещением, специально созданным для производства совершенно определенной продукции. Формируется промышленная архитектура, распространяются специфические формы зданий, в частности крыш.

Производственное пространство специализируется, все машины и станки расставляются в строго установленном порядке, у каждого рабочего есть свое место; проходы и склады отделяются от места собственно производства. Ведется контроль и учет времени и доступа на определенные участки производства; получают распространение часы с компостером; ведется хронометраж; зарплата начинает зависеть от производительности труда; на полу разными красками отмечаются пространства, куда рабочий не имеет права заходить без разрешения. В конце производственного процесса на заводе Renault во Флине, например, организация пространства, четко отделяющая собственно место работы от других внутренних помещений завода, приобретает сильнейшее символическое значение: устроить забастовку означало «выйти в проход» прямо на глазах у прораба.

Одновременно с этим в пространствах городов выделяются промышленные зоны. Возведение стен вокруг заводов требует контроля за входом на территорию и выходом с нее: заводские ворота становятся стратегическими пунктами, на которых дежурят охранники или, при определенных обстоятельствах, представители забастовщиков. Одна из характеристик рационализации производственного пространства — сокращение количества входов на завод и их специализация: для персонала, для поставщиков, для отправки готовой продукции. Мозаике цехов, находящихся на большом расстоянии друг от друга, завод нового типа противопоставлял компактное целое.

Начиная с середины XX века меняется масштаб этой эволюции. Современный урбанизм требует специализации городских кварталов. В тесноте старинных городов жилые дома соседствовали с мастерскими и ателье, на одних и тех же улицах находились доходные дома, склады, мастерские. В городском шуме мешались детские крики, гудение станков, удары молота и визг пил. Современный урбанизм, символом которого является Афинская хартия (1933)*, выступает против такого смешения. Осуждение это чисто теоретическое, поскольку экономический кризис мешает росту городов. Этому противопоставляется доктрина благоустройства — в послевоенные годы ликвидируются последствия бомбардировок, стерших с лица земли целые кварталы; урбанизация идет с новой силой. Появляется необходимость зонирования — разделения территории городов на промышленные и жилые зоны.

Первые промзоны не очень большие — всего несколько гектаров. Дальнейший экономический рост ведет к необходимости мыслить более масштабно: обустраиваются сотни гектаров и «промышленные» зоны становятся зонами «деятельности». И наоборот, из жилых зон, которые урбанисты проектируют сначала как большие комплексы зданий, потом — как небольшие участки, исключаются любые промышленные предприятия, остаются лишь магазинчики. Предмет современного урбанизма — население в целом, и в основополагающий принцип возводится обустройство жилых зон вдали от заводского шума и тесноты рабочих кварталов. Рядом со старинными буржуазными жилыми кварталами появляются новые, более демократичные. В старых кварталах мастерские закрываются и на их месте возводятся многоквартирные жилые дома. Постепенно структура городов становится все более однородной. Это можно наблюдать в Париже в XIV и XV округах, в Лионе, в Бротто или Круа-Руссе, да и в большинстве городов.

* Градостроительный манифест, написанный Ле Корбюзье. — *Примеч. ред.*

Разделение частной жизни и работы вписывается в структуру городской жизни и распределение рабочего времени. Люди больше не работают там, где живут, и не живут там, где работают: это принцип, и речь не об индивидуальных домах и мастерских, но о целых кварталах. Каждый день большие массы населения перемещаются от жилых районов в промышленные зоны и обратно. Автомобили или общественный транспорт обеспечивают связь между двумя все более несовместимыми пространствами.

Однако противопоставление это не носит тотального характера, или, лучше сказать, существует в городских поселениях на глобальном уровне, но ситуация корректируется сама собой. В дихотомию городского пространства не вписываются такие учреждения, как почтовое отделение, школа, мелкие торговые предприятия, больница: они не удаляются из пространства частной жизни и в то же время являются местом работы продавцов, почтальонов, врачей, учителей. А самое главное: «зонирование», то есть деление городов на специализированные участки, влечет за собой ежедневные переезды целых масс населения, поэтому на местах работы появляются разнообразные заведения. Устанавливается непрерывный рабочий день. Все чаще — в 1983 году в 20% случаев — сотрудники обедают не уходя с работы, в столовой предприятия. Прямо на территории заводов и фабрик открываются кафетерии, где люди могут общаться в частной обстановке. В то же время определенные виды деятельности никогда не покидали пределов дома, а некоторые возвращаются в дома — если речь идет о работе «по-черному», без уплаты налогов. Таким образом, специализация пространства не является полной и окончательной.

Новые нормы и женский труд

Впрочем, она становится нормой, и это можно увидеть на примере женского труда. На протяжении жизни многих поколений идеальным для женщины считалось находиться дома

и заниматься хозяйством: работа женщины вне дома свидетельствовала о ее чрезвычайной бедности и презиралась. Теперь же — и этот крутой поворот включает в себе одно из важнейших изменений, произошедших в XX веке, — ведение женщиной домашнего хозяйства рассматривается как заточение, потеря свободы, как порабощение женщины мужчиной, тогда как работа вне дома становится для женщин ярким свидетельством эмансипации. В 1970 году для руководителей предприятий женский труд был продиктован вопросами равенства полов и независимости женщин, в то время как рабочие и служащие все еще объясняли его экономической необходимостью.

В связи с этой неоспоримой эволюцией возникает множество вопросов. В первую очередь историков интересует дата: почему изменения начались именно в эту эпоху, а не раньше или позже? Аргументы в пользу нового отношения к женскому труду были в предыдущем веке теми же, что и двадцать-тридцать лет назад. Почему же надо было ждать середины XX века? Почему эволюция затронула в первую очередь среду городских наемных работников и лишь потом медленно и постепенно распространилась на все общество?

Ответ мы находим в исчезновении господствовавшей в прежние времена недифференцированности пространства и труда. В связи с тем, что хозяйственные и производственные задачи выполнялись одновременно, в замкнутом домашнем мире, гендерное разделение труда не рассматривалось как неравенство и порабощение. Подчинение женщины мужчине проявлялось в укладе/быту — на фермах, например, женщина подавала мужчине еду и стояла рядом до тех пор, пока он не заканчивал есть, и только потом садилась за стол сама. Однако труд по хозяйству не считался менее почетным. Мужчина и женщина тяжело работали на глазах друг у друга. В условиях чрезвычайной бедности в крестьянской или рабочей среде женский труд приносил доход. К тому же семейный доход начинается с экономии средств, и умение хозяйки экономить

играло большую роль. Эти деньги иногда вкладывались в дело. Мужчины, в свою очередь, тоже работали по хозяйству — заготавливали дрова, делали предметы обихода, мебель, чтобы не тратить деньги на их приобретение.

Специализация пространства нарушает равенство супругов и превращает женщину в прислугу. Образ мужа, который читает газету, сидя в кресле, в то время как его жена хлопочет по хозяйству, предполагает, что он работал целый день вне дома. Одновременно с этим идет процесс монетизации экономики: сокращение трат менее выгодно, чем зарабатывание денег. Работа по найму придает мужчине некое особое достоинство, а женщина, остающаяся дома, становится служанкой мужа: теперь примечательно не столько то, что она работает на дому, сколько то, что она работает на другого. Дифференциация производственного и хозяйственного пространства придает новый смысл гендерному разделению задач и превращает отношения в паре в отношения хозяина и прислуги, что прежде было свойственно буржуазии. Это тем более невыносимо, что в обществе в целом становится ненормальным работать в чужом частном пространстве. Наемный труд женщин в XX веке приобрел эмансипирующее значение, будучи при этом результатом более глобальной эволюции, изменившей нормы наемного труда в целом.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ НАЕМНОГО ТРУДА

Работа у других

Работе у себя на дому в начале XX века противопоставлялась работа на дому у других. Какова бы ни была его форма, наемный труд первоначально был работой, совершаемой на территории кого-то другого. Эта работа выполнялась не в публичном пространстве, где были приняты определенные коллективные нормы, а в частном пространстве другого человека.

Прислуга

В этом аспекте образцовой формой работы на частной территории других людей представляется работа слуг. О ком бы ни шла речь — о прислуге на ферме (1 800 000 человек в 1892 году) или о слугах в буржуазных домах — которых, согласно переписи населения 1906 года, было 960 000, — важно то, что эти люди полностью лишались своей частной жизни и входили в частную жизнь хозяев. В отличие от поденщиков и домохозяек, они живут под крышей хозяев, питаются прямо на рабочем месте или, как в случае с батраками на фермах, за одним столом с хозяевами; у них нет ничего «частного». Батраки на фермах спят, как правило, в хлеву, и все их личные вещи помещаются в кармане, в лучшем случае — в торбе. В городах прислуга за всё часто спит в каморке при кухне, некоторые горничные живут в мансардах, где могут держать какие-то предметы туалета и побрякушки. Книжки по домоводству настоятельно рекомендуют хозяйкам регулярно заходить в комнаты горничных. Впрочем, служанки туда приходят только поспать.

Отношения, в которые вступают служанки, тщательно контролируются хозяевами. Их редкий отпуск короток, а письма вскрываются. Иногда, гуляя с хозяйскими детьми в парке, девушки знакомятся с какими-нибудь парнями; приглашая ухажеров подняться в кухню по черной лестнице, они рискуют быть уволенными.

Среди слуг очень мало людей семейных, и это обстоятельство как нельзя лучше характеризует ситуацию с частной жизнью в этой среде. Работники ферм почти всегда холостяки и незамужние, и даже если это не так, то все равно ничего не меняется: супруга нет рядом, он никак не проявляется. В богатых буржуазных и аристократических домах случается, что кучер женится на горничной и они остаются на службе. Но в таком случае им лучше не иметь детей: наличие ребенка означало бы потерю места, если только у главы семьи нет маленького домика или хоть сторожки в деревне. Прислуге

не следует размножаться, ее частная жизнь может быть лишь подпольной или маргинальной.

Зато слуги участвуют в частной жизни своих хозяев и являются свидетелями самых интимных моментов их жизни: пробуждения, отхода ко сну, туалета, еды; они видят хозяев вне светских и публичных условностей, занимаются их детьми и лучше кого бы то ни было знают их проблемы со здоровьем, их капризы, ссоры и интриги. Иногда им доверяются секреты: предполагается, что они будут держать язык за зубами.

Надо сказать, что часто отношения хозяев и слуг выглядят скорее как семейные, нежели как профессиональные. Слуга — это нередко почти родственник, а бедные родственники, например какая-нибудь тетушка — старая дева, — почти слуги. Конечно, эти отношения иерархичны: один занимает положение выше, другой ниже; но таковыми являются и семейные отношения, и ребенка, который вдруг не проявит к родителям надлежащего почтения, грубо одернут. Слуги часто очень привязаны к своим хозяевам и их детям — ведь сами они лишены теплых семейных отношений. Хозяева относятся к слугам, как правило, с дружественной благосклонностью, ими занимаются, ухаживают за ними, когда они болеют. Хозяева традиционно обращаются к слугам на «ты» (как в армии, где офицеры «тыкают» солдатам), а слуги говорят с хозяевами в третьем лице, но называют их по имени: мсье Жак, мадам Луиза, в том числе детей. Очевидно, что называть их по фамилии не имеет смысла, так как отношения между ними разворачиваются в лоне домашнего очага, если не сказать — семьи. Иногда, как известно, дело заходит гораздо дальше: невозможно точно подсчитать количество романов хозяев со служанками и хозяек с лакеями, но они не плод воображения авторов водевилей...

То же самое можно сказать о происходящем на фермах, с небольшими нюансами. Та же близость в повседневной жизни, то же самое знание семьи и ее тайн, иногда те же интимные отношения между фермершей и слугой. Разница заключается

в другом: в городских буржуазных домах слуги выполняют работу по дому, на селе же они участвуют в производстве. Работники на фермах в меньшей степени участвуют в частной жизни хозяев, чем прислуга за всё и горничные. Отношения между работником и хозяевами здесь менее длительные: их нанимают на год, и сроку платежа за работу предшествует свободная неделя. Например, так было в Бретани вплоть до начала 1920-х годов, как пишет Пьер-Жак Элиас¹⁴. Прислуга за всё нанимается, как правило, на неопределенный срок, хотя жалование ей выплачивается ежегодно. На большинстве ферм, за исключением самых больших, к помощи наемных работников прибегают в совершенно определенную фазу жизни: когда сын или сыновья еще слишком малы, чтобы работать наравне со взрослыми; когда им исполняется шестнадцать–семнадцать лет, работников, которые до этого момента восполняли нехватку рабочей силы в семье, увольняют. В противоположность этому, буржуазное домохозяйство не может существовать без слуг, и пусть их число варьируется (например, когда подрастают дети: тогда дополнительно нанимают кормилицу, няню, воспитателя), для повседневной жизни в буржуазном доме требуются слуги — горничные, повара, посудомойки. Не имея по крайней мере одной служанки, нельзя поддерживать свой социальный статус.

Эти различия, впрочем, не затрагивают собственно рабочих отношений: в обоих случаях они основаны на отношениях личных. На ферме, как и в буржуазном доме, слуга обслуживает лично хозяина. Выполнением прямых обязанностей отношения между слугой и расплатившимся с ним хозяином не ограничиваются. Хозяин ждет от слуги, работа которого не имеет четкого определения, разнообразной помощи и уважительного, сочувственного и любезного поведения: ворчуны и склочники, как правило, на работе не задерживаются. Слуги, в свою очередь, вправе ждать от хозяев, помимо жалования, благожелательного отношения к себе: Жюль Пайо в своем руководстве для будущих служанок настоятельно рекомендует

им не терпеть неуважительное отношение к себе и не оставаться работать в доме, где они не могут ничему научиться¹⁵. Хозяйка должна заняться воспитанием служанки и научить ее «управлять хозяйством». Речь здесь не идет о чем-то обезличенном: необходимо, чтобы хозяин и слуга подходили друг другу. Во времена, когда в основе брака лежало социальное соответствие супругов, подобные отношения работника и работодателя походили на семейные: это были отношения частного порядка.

Но не стоит идеализировать эту картину. В почти семейных отношениях между хозяином и слугой не было никакой идиллии: семья — это территория не только любви, но и напряжения и конфликтов. Одно нельзя сбрасывать со счетов: по мнению юристов, трудовой договор в те времена был делом частного порядка.

Работники, живущие у хозяина

Надо отметить, что в начале века положение слуг не многим отличается от положения других наемных работников. Многие из них живут дома у хозяина. Посмотрим, что писали в своих отчетах о жизни в провинциальном городе счетчики, проводившие перепись населения в 1911 году. В доме мясника мы обнаруживаем мальчишку-подмастерья, а в пекарне — пекарей, работавших на хозяина. Вот кондитер-шоколадник: в его доме живет дюжина работников, в основном мужчин; конечно, они производят шоколад, но может быть, среди них есть и кучер? Вот модистка, с которой проживает сестра: можно поспорить, что именно она накрывает на стол и моет посуду¹⁶. Между слугой и наемным работником, живущим у хозяйки, граница весьма зыбкая. Так же трудно установить границу между рабочим, живущим у хозяина, и рабочим, живущим в другом месте. Во-первых, потому, что, как мы видели, даже если признать, что заводы-интернаты представляют исключения из правил, нередки случаи, когда какая-то часть персонала

отдельных предприятий живет там же, где работает. Отношения между рабочим и хозяином предприятия часто такие же, как между хозяином и слугой. Это в большой мере зависит от размеров предприятия: в небольших мастерских, лавках, пекарнях рабочие называют своего патрона по имени, как слуга хозяина («мсье Франсуа»), и могут поговорить с ним с глазу на глаз. На более крупных предприятиях (не будем забывать в то же время, что Франция — это страна малого бизнеса) отношения обезличиваются и рабочие не вступают с хозяином в личный контакт. При этом каков бы ни был размер предприятия, патроны считают, что, находясь на заводе, они «у себя»: для них завод — это не публичное пространство, но частная сфера. Поэтому они очень долго сопротивлялись допуску рабочих инспекций, визиты которых считали посягательством на неприкосновенность частной собственности. То, что они называли заводы своим «домом», очень показательно: для них не было разницы между жильем и предприятием.

Патернализм

Таким образом, патернализм был для них чем-то естественным. Ошибочно было бы усматривать здесь макиавеллиевский расчет. Безусловно, патернализм служит интересам хозяев предприятий, но если бы они не заботились о своих интересах, они бы потерпели крах, поэтому бессмысленно их в этом упрекать. В то время патроны представляли или патерналистами, или циничными и жестокими эксплуататорами. Патрон, осознающий свой долг, считает себя «добрым отцом семейства»: не это ли лежит в основе процветания богатых домов? В связи с тем, что трудовой договор — дело частное, «хороший» патрон — это патерналист.

Патернализм затрагивает и семью владельца предприятия. Он не только не должен жалеть себя — например, ему следует достаточно часто обходить все цеха, — но и его частная жизнь не должна быть целиком и полностью частной. Патрон и его

семья живут, в особенности в провинции, на всеобщем обозрении; чтобы спрятаться от чужих глаз, надо вести «двойную» жизнь, и жизнь частная в таком случае — это романы на стороне. Патрон должен появляться вместе со своей женой на вручении наград в школе, на награждении медалями за хорошую работу и т. д. Его супруга должна деятельно помогать семьям, матерям, заниматься школами бухучета и стенографии для девушек, поликлиниками, рукодельными мастерскими... Его дети находятся под пристальным вниманием окружающих, следящих за тем, как они растут, и обсуждающих их шалости; по случаю свадьбы кого-то из хозяйских отпрысков все получают щедрые подарки. Иначе говоря, жизнь хозяйской семьи — это жизнь напоказ. Да и дом хозяина стоит рядом с заводом, поблизости от цехов и часто даже внутри заводских стен.

Жизнь семьи рабочего тоже подчиняется трудовому договору. Поведение жены и детей влияет на мнение, складывающееся о главе семьи. Нередко по случаю рождения ребенка рабочий награждается подарком или премией, особенно на тех предприятиях, где рабочая сила стабильна. Считается естественным принимать на работу в первую очередь детей «своих» рабочих, и шахтеру, желающему устроить сына на работу в шахту, достаточно просто представить его хозяину. Коротко говоря, трудовой договор аналогичен тем договорам, которые мелкие землевладельцы Анжу заключают со своими арендаторами. Он охватывает всю жизнь целиком.

Трудовые отношения, основанные на личной зависимости от патрона, кажутся сегодня неприемлемыми; нам трудно поверить, что люди с радостью соглашались на них, считая единственно возможными и естественными. Тем не менее многие считали их милостью со стороны хозяина, а его самого — благодетелем. В начале периода Третьей республики промышленника, от которого зависело процветание кантона, рабочие часто избирали членом генерального совета: это было до такой степени само собой разумеющимся, что никакие манипуляции

на выборах не были нужны. В Лотарингии на железных рудниках ежегодно в День святой Варвары (4 декабря) шахтеры скидывались на букет для патрона, который торжественно доставляли ему домой. Это происходило и после окончания I Мировой войны¹⁷. 1 января 1919 года рабочие Луи Рено подарили ему крест Почетного легиона и почетную книгу, в которой расписалось около двенадцати тысяч человек¹⁸. Даже если сделать скидку на народные традиции и возможную роль руководства среднего звена, то обстоятельство, что подобные проявления были не только допустимы, но и успешны, подтверждает, что многие рабочие рассматривали предприятие, на котором работают, как большую семью, в которой патрон является отцом.

Этапы социализации труда

Тем не менее не все рабочие соглашались через трудовой договор вступить в столь неравные личные отношения. Если некоторые из них, воспитанные в традициях благодарности и уважения или в силу воспитания или привычки, соглашались стать этакими «большими детьми» — выражение встречается в записях хозяев предприятий, — то другие, количество которых в конце XIX века росло, отказывались от такой зависимости. Для республиканцев все люди равны; не этому ли учит школа? Для рабочего снисходительная благосклонность патрона так же невыносима, как для буржуа в 1789 году — отношение к нему аристократа. Рабочие согласны быть наемными работниками у патрона, но не его вассалами. Для них завод не большая семья. Это вопрос личного достоинства.

Стачка как слом личных отношений с патроном

Трудовой договор, предполагавший вступление рабочего в частную сферу патрона, превращал неизбежные конфликты интересов в личное противостояние. Стачка задевала патрона лично: разве могут бастовать дети или слуги? Забастовщики

не ограничиваются выдвижением каких-то требований — они оспаривают авторитет «отца завода», рвут связи, перестают быть зависимыми от него. Вот почему профсоюзные деятели начала века придают стачке такое значение: она воспитывает, закаляет, увлекает и созидает¹⁹. Повышение заработной платы, которого удалось добиться благодаря забастовке, имеет гораздо большую ценность, чем если вдруг патрон сам решил ее повысить, потому что, помимо материального, стачка приносит и моральное удовлетворение.

С этим начальники не могут смириться. Для них забастовка — жест неблагодарности, злонамеренности, неподчинения, даже «мятежа», как пишет один из них²⁰. После забастовок Народного фронта один из патронов в департаменте Кот-д'Ор даже заставлял своих рабочих, желающих вернуться на службу, подавать такое прошение: «Мсье, мы очень сожалеем, что, устроив забастовку, плохо вели себя по отношению к Вам; просим простить нас и, приняв обратно на работу, позволить нам искупить вину образцовым поведением в будущем. Заранее благодарим. Заверяем Вас, мсье Маршаль, в нашем глубочайшем уважении»²¹.

Становится понятным, почему в случае забастовки патроны так решительно сопротивлялись вмешательству властей и почему рабочие, наоборот, его настоятельно требовали: дело не только в том, что начальники полагали, что предприятие — «их дом», но и в том, что по закону от 1892 года арбитраж мирового судьи ставил хозяев предприятий и рабочих в равное положение, а это начальнику казалось столь же несуразным, как решать в суде разногласия с собственными сыновьями. Арбитраж переводил трудовой договор в публичную сферу, в то время как патрон пытался сохранить его сугубо частный характер. Рабочие же, не считавшие стачку чем-то личным или семейным, требовали судебного разбирательства. Эдвард Шортер и Чарльз Тилли продемонстрировали, что, несмотря на резко враждебное отношение профсоюзов к государству,

забастовщики без колебаний обращались к нему за помощью. В период с 1893 по 1908 год 22% стачек были предметом судебного разбирательства. В 43,8% случаев эти разбирательства проводились по инициативе рабочих, в 46,2% — по инициативе мировых судей и почти никогда по инициативе хозяев предприятий. Что же касается властей, они мотивировали свое вмешательство заботой о поддержании общественного порядка. Забастовка часто обязывала власти защищать частные владения патрона силами полиции, но из-за его непреклонности беспорядки могли вырваться на улицу. Хоть власти и не оспаривали частный характер конфликта между рабочими и предпринимателем, они оправдывали свое вмешательство возможными последствиями этого конфликта для общества; как правило, дело решалось в пользу бастующих, патрон вынужден был идти на компромисс, потому что в противном случае власти могли лишиться его своей защиты.

Первые изменения ненадолго произошли после 1914 года: во время войны на многих заводах трудовой договор перестал быть исключительно частным. Производство продукции для нужд войны интересует в первую очередь государство, которое откомандировывает на заводы молодых людей из армии; работодателем для последних является государство, а не патрон, и в отдельных случаях они подчиняются военным властям. Государство, в свою очередь, не может допустить, чтобы производство вооружений прерывалось забастовками. Мальви, министр внутренних дел, вмешивается в трудовые конфликты; Альбер Тома, министр вооружений, распоряжается создать арбитражные комиссии и провести выборы делегатов от цехов. Коротко говоря, в некоторых секторах промышленности война превращает трудовой договор в государственное дело; в этом вопросе, прежде сугубо частном, на первый план выходят интересы государства.

Вот почему война вызвала к жизни идею «возвращения стране» национальных богатств: в программе главного проф-

союзного органа Франции — Всеобщей конфедерации труда — в 1921 году появляется термин «национализация», а не «коллективизация», «социализация» или «этатизация», и это не было случайностью. Идея отмены частной собственности в этом контексте не является итогом экономического анализа капитализма, а вызвана войной: некоторые виды наемного труда представляют интерес для государства. Эта потребность исключительно велика на железной дороге; идея ее национализации формулировалась уже накануне войны: железнодорожные компании так велики, что взаимоотношения рабочих и хозяев обезличиваются, железнодорожники работают в первую очередь для пассажиров, а не для начальства. Всем известны масштабные забастовки февраля и мая 1920 года: компании, готовые бороться с бастующими, вышли победителями, более 20 000 железнодорожников было уволено, и государство не вмешивалось. Предполагалось, что, когда все недовольные будут изгнаны, работа сможет возобновиться на прежних условиях. На деле же это оказалось невозможно: национализация, провалившаяся в 1920 году, была проведена в 1937-м без какого-либо серьезного сопротивления²².

Захваты заводов Народным фронтом

Решительный разрыв наступает с появлением Народного фронта. Захваты заводов в июне 1936 года вызывают в буржуазной среде настоящий скандал: это было отрицанием частной собственности, покушением на социальную роль патроната, его власть, и это возмущало даже сильнее, чем покушение на его экономические интересы. Вынужденные уступить, хозяева предприятий жаждали реванша. Историки вслед за современниками стали задаваться вопросом о смысле этих захватов: отсутствие требований экспроприации, интереса к бухгалтерской отчетности предприятий и отчаянные попытки запустить работу без участия хозяев говорят лишь о желании рабочих временно удержать завод под контролем в ходе

переговоров. Это не самая удовлетворительная интерпретация, потому что в ней важнейший социальный конфликт в нашей истории предстает неким недоразумением — хозяева предприятий отказывались терять собственность, которую рабочие и не требовали.

Вся глубина конфликта становится понятнее, если положить в его основу трудовой договор, природу отношений между работодателем и наемным работником, а предприятие как собственность. Для хозяев то обстоятельство, что предприятия им принадлежат, придает трудовому договору исключительно частный характер. Для рабочих дело обстоит совсем по-другому. Для них завод, пусть даже и чья-то частная собственность, является публичной территорией, где они тоже чувствуют себя в некотором роде «дома». Цех не такая же частная территория, как спальня, поэтому трудовой договор носит общественный характер и является сделкой не между каждым наемным работником и его работодателем (что было бы утопией), а между профсоюзом и хозяевами предприятий. Важнейшее новшество — *коллективность* договора, и показательно, что это становится правилом лишь с приходом к власти Народного фронта, несмотря на то что соответствующий закон был принят в 1920 году.

В этой ситуации мелкие предприниматели особенно ощутили свою уязвимость. Они упрекали патронат крупных шахт, предприятий черной металлургии и машиностроения, подписавших Матиньонские соглашения*, в предательстве их интересов; потребовали от Всеобщей конфедерации французских работодателей (SGPF) смены названия и статуса, чтобы иметь

* Матиньонские соглашения — соглашения, заключенные между Всеобщей конфедерацией французских работодателей (SGPF) и Всеобщей конфедерацией труда (CGT) 7 июня 1936 года во дворце Матиньон, резиденции премьер-министра Франции, при содействии правительства Народного фронта. Это было значимой победой профсоюзов в истории Франции.

в ней большой вес; отказались подписывать со Всеобщей конфедерацией труда договор, касавшийся трудовых конфликтов и их разрешения, потому что видели в нем покушение на свободу предпринимательства. В тех вопросах, где патроны крупных предприятий готовы были пойти на компромисс, мелкие предприниматели проявили непреклонность. Дело в том, что на крупных предприятиях трудовые отношения в силу обстоятельств уже являются анонимными и обезличенными, за исключением отношений рабочих с мастерами и бригадирами. На мелких же предприятиях, напротив, трудовые отношения остаются личными, положение рабочего еще очень схоже с положением слуги. И вот именно это рабочие больше не хотят терпеть.

Лучше всего вклад Народного фронта в становление рабочего самосознания иллюстрирует история, которую я услышал от Бениньо Касереса, одного из деятелей движения «Народ и культура», который был в те времена рабочим в маленькой строительной фирме в Тулузе. Как-то раз в воскресенье он вышел подышать воздухом, мимо его дома проходил патрон. Они обменялись приветствиями, и патрон вдруг сказал: «Кстати, там стоит моя машина, будь добр, помой ее», — на что Касерес тут же ответил: «Извините, мсье, но это не предусмотрено коллективным договором».

Народный фронт вывел наемный труд из частной сферы в публичную. Вводится обязательная процедура решения трудовых конфликтов в суде; он же определяет зарплаты трудящихся. Прямо на предприятиях делегаты от цехов публично выносят на обсуждение проблемы, которые раньше держались при себе. Одновременно с этим, добившись сорокачасовой рабочей недели и оплачиваемых отпусков, рабочие обрели время на частную жизнь. С этой точки зрения современный статус частной жизни восходит к Народному фронту: начиная с этого времени становится предельно ясным не только то, что у каждого человека существует собственный дом и что он имеет право вести там свою частную жизнь, но и то,

что производственное пространство — завод, мастерская или офис — является не чьей-то частной территорией, но пространством публичным, где не действуют нормы личных отношений.

Вишистское правительство восстановило не все патрональные привилегии. Обстоятельства требовали от него регулирования в области оплаты труда и в сфере распределения сырья; патрональные организации укрепились: фактически руководство предприятиями осуществлялось ими. Конечно, роспуск рабочих конфедераций лишил трудящихся коллективного представительства. Однако трудовая хартия в попытке реконструировать общественные отношения на основе частных ценностей парадоксальным образом приходит к созданию коллективной публичной структуры: общественных заводских комитетов. Хартия стремится уничтожить противопоставление патронов и рабочих и способствовать установлению согласия на производстве, в основе которого будет лежать предоставление социальных благ и привилегий в соответствии с патерналистским идеалом большой семьи. Но отныне ни патрон, ни члены его семьи, ни его уполномоченные и доверенные лица не могут принимать решения единолично; хартия доверяет эту задачу общественным комитетам, куда входят рабочие, служащие и представители администрации. На эти комитеты возлагается обязанность поддерживать уважительное отношение к ценностям частной жизни и способствовать тому, чтобы производственное пространство перестало быть объектом частной жизни хозяина предприятия*.

* *Kourchid O. Production industrielle et Travail sous l'Occupation. Paris: Groupe du sociologie du travail, 1985.* В этой работе говорится об организации общественного комитета на шахтах Ланса. CEGOS (один из мировых лидеров профессиональной подготовки) советовала выбирать рабочих из общественных комитетов. Инструкция UIMM (патрональной организации металлургической промышленности) Парижского региона рекомендовала не лишать возможности выдвижения кандидатов, проявлявших политическую или профсоюзную активность, за исключением коммунистов. — *Примеч. авт.*

Неудивительно, что после освобождения Парижа общественные комитеты переросли в заводские комитеты. Надо признать, что между общественными и заводскими комитетами есть два существенных различия: представители трудового коллектива выбирались и лишь профсоюзы могли представлять кандидатов на этих выборах. Однако полномочия заводских комитетов были не многим шире полномочий общественных комитетов, и их участие в организации производства — управление предприятием исключалось — быстро сошло на нет. Впрочем, на предприятиях, численность персонала которых не превышала пятидесяти человек, заводских комитетов не было: здесь трудовые отношения продолжают носить личностный характер, на них не представляется возможным создать общественные организации.

Таким образом, после войны начинается новый этап обезличивания трудовых отношений. Важность этого этапа подчеркивается национализацией, проводившейся в данный период, и тем, как хорошо она была принята общественным мнением. В дальнейшем (события 1968 года) требования самоуправления и закон о профсоюзных организациях на предприятиях еще больше углубили этот процесс.

1968 год: самоуправление

Нет необходимости комментировать стремление к самоуправлению: совершенно понятно, что оно базируется на утверждении коллективного характера производства и в первую очередь ставит под вопрос не только принадлежность предприятия частному лицу, но и границы власти этого лица. Цель самоуправления — положить ей конец и передать ее трудовым коллективам. Таковы перспективы эволюции, которую мы описали выше.

А вот чтобы понять важность закона от 1968 года, касающегося профсоюзных органов на предприятиях, нужно начать с рассмотрения закона о профсоюзах от 1884 года, который

ограничивался признанием за трудящимися индивидуально-го права вступать в профессиональные ассоциации, не представляя этим органам специфических прав в профессиональной области в полном смысле слова. Кстати сказать, закон от 1884 года легитимизировал не только профсоюзные организации производителей сельскохозяйственной продукции и рабочих, но и профсоюзы патронов. Конечно, профсоюзы располагали достаточными средствами для своего функционирования, конечно, они могли подавать в суд, но на предприятии они никакой роли не играли: закон 1884 года не давал им возможности быть посредниками между рабочими и работодателями. Поначалу профсоюз мог разве что представлять своих собственных членов, быть чем-то вроде их уполномоченного, но этим все и ограничивалось. Случалось даже, что патроны согласовывали с профсоюзом повышение зарплат исключительно для его членов, лишь бы не дать ему права на представительскую роль. Обязательным представителем всех рабочих профсоюзы, пусть и немногочисленные, сделал в конце концов суд. Коллективные трудовые соглашения распространяются повсеместно: они должны заключаться на всех предприятиях данной отрасли, даже там, где не существует ячеек подписавших их профсоюзов.

Признание за профсоюзами представительской функции не влекло за собой признания их прав на вмешательство в управление предприятием. Внутри предприятия профсоюз оказывался вне закона: такая деятельность, как распространение газет, сбор членских взносов, приглашение на собрания, считалась нарушением раз и навсегда установленных правил и неминуемо влекла за собой увольнение. Иначе говоря, профсоюз мог выступать от имени рабочих, но его существование в стенах завода могло быть лишь нелегальным. В частности, профсоюзам запрещалось назначать членов комитетов предприятия, которые избирались трудовым коллективом. Постановление от 1945 года предписало избирать комитет по представлению

профсоюзов. Однако избирался он всеобщим голосованием, в то время как положение профсоюза оставалось неустойчивым и наличие его представителей на местах не приветствовалось. Лица, выдвинутые в комитет предприятия, не попадали под неправомерные увольнения, но только если они не были профсоюзными активистами. Таким образом, заводские комитеты смогли только косвенным образом узаконить профсоюзы на предприятиях; им придавалась видимость легальности, что было далеко от полного и всестороннего признания.

И только закон от 1968 года наделил профсоюз определенным статусом, по крайней мере на предприятиях численностью более пятидесяти человек. Профсоюзные органы получили право иметь свой штаб, доску объявлений, а их активисты, защищенные законом от неправомерных увольнений, — право заниматься профсоюзными делами в рабочее время; время, отдаваемое профсоюзной деятельности, зависело от размеров предприятия. До 1968 года это было нарушением установленного порядка, а после принятия закона стало правомерным явлением.

Новая норма наемного труда

В результате этой двойной эволюции труд вышел из частной сферы; работа на дому стала исключением из правил, даже если человек работал на себя; а наемный труд — это больше не работа на дому у нанимателя: это дело обезличенное, подчиняющееся формальным правилам и коллективному арбитражу; процесс наемного труда протекает отныне в обезличенном пространстве, где имеют вес выборные органы, а не только патрон.

Безусловно, эта эволюция шла не без трудностей. Частная жизнь, отделенная от процесса труда, различными способами пыталась проникнуть в сферу труда, о чем мы потом поговорим подробнее. Новое положение вещей не удовлетворяет в полной мере ни потребителей, ни производителей. То, что

раньше защищало от проникновения патрона предприятия в частную жизнь работника, теперь стало рассматриваться некоторыми как закабаление со стороны бесчеловечной бюрократии. В обществе появилось стремление к гуманизации трудовых отношений, что, на наш взгляд, влечет за собой новую эволюцию и, не ставя под вопрос принадлежность труда к публичной сфере, предлагает новые нормы существующих в ней отношений.

Реванш частной сферы не очевиден, если не принимать во внимание, что частная жизнь изменилась сама по себе и в рамках семьи. Решительное отделение труда от семьи привело к глубоким переменам в частной жизни.

СЕМЬЯ И ИНДИВИД

На первый взгляд, эволюция семьи очевидна: семья потеряла свои «публичные» функции и сохранила лишь «частные». Часть когда-то доверенных ей задач постепенно перешла к коллективным инстанциям — обобществление определенных функций закрепляет частную жизнь за семьей. В этом смысле можно говорить о «приватизации» семьи*.

При всей справедливости проведенного анализа надо признать его недостаточность. Семья, которая выполняет отныне лишь частные функции, теперь не та, что имела, помимо частных, функции публичные. Изменение функций влечет за собой изменение в сути: семья слабеет; приватизация семьи ведет к ее деинституционализации. Наше общество движется к «неформальной» семье. Однако надо сказать, что в лоне семьи индивиды получили право иметь свою автономную частную жизнь. Частная жизнь в некотором роде дублируется: в рамках частной жизни семьи выделяется частная жизнь ее членов. На горизонте мы видим одиночек, ведущих исключительно индивидуальную частную жизнь.

ПРОСТРАНСТВО ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Как правило, частная жизнь семьи, пары скрыта от общества глухой стеной. Граница между частным и публичным во французском обществе более ярко выражена, чем в англосаксонском

* Как и в предыдущих томах, под слово «приватизация» здесь подразумевается переход в сферу частного. — *Примеч. ред.*

мире. Например, во Франции не существует британской практики *bed and breakfast*, допускающей иностранцев в домашний мир. В XIX веке французы предпочитали отправлять детей в интернаты, если учебное заведение находилось слишком далеко от дома, а не селить их в семьях учителей или снимать им комнату у горожан, как это было принято в Германии. Коротко говоря, то, что происходит в домашнем мире, является частной жизнью.

Таким образом, понять изменения, произошедшие в частной жизни в XX веке, можно, изучив эволюцию материальной жизни: история частной жизни — это прежде всего история пространства, на котором разворачиваются ее события.

Ослабление семейных связей

Завоевание пространства

XX век — век освоения пространства, но не в том смысле, как это делали космонавты: французское население в массе своей завоевывало домашнее пространство, необходимое для частной жизни.

С начала века и вплоть до 1950-х годов наблюдался разительный контраст между образом жизни буржуазных и простонародных семей. У первых было достаточно места: были комнаты для приема посторонних, кухня и примыкающие к ней помещения, где жили служанки (одна или несколько), своя спальня для каждого члена семьи и нередко еще несколько комнат. Прихожая, коридоры надежно отделяли эти помещения одно от другого. Этим просторным квартирам, этим буржуазным домам противопоставлялось народное жилье. Рабочие и крестьянские семьи жили в одной комнате на всех, иногда в двух.

Многие деревенские дома состояли всего из одной комнаты, где разводили огонь, готовили пищу и спали. Врачи, изучавшие в начале XX века ситуацию с гигиеной сельских домов, например, в Морбиане или Йонне, дают нам описание этих

общих комнат: иногда в них было до четырех кроватей, в которых люди спали минимум по двое²³. Только в домах самых зажиточных фермеров есть еще одна комната. В начале века и в особенности в период между войнами появление одной или двух дополнительных комнат в деревенских домах говорило о том, что дела хозяев шли неплохо. О том же говорят и размеры помещений: описаны дома поденщиков, состоявшие из двух маленьких комнат, и богатые фермы, размеры помещений в которых весьма внушительны. Конечно, если принять во внимание их многофункциональность, они не велики: в Йонне в среднем всего лишь 25 квадратных метров.

Городские дома были более разнообразны. Часто, однако, они тоже состояли из одной или двух смежных комнат, одна из которых, конечно же, была кухней. В 1894 году 20% населения Сент-Этьена, 19% — Нанта, 16% — Лилля, Лиона, Анжера или Лиможа жили в домах, где была всего одна комната. Жан Геенно в своих воспоминаниях дает нам живую картину подобного жилья: «У нас была всего одна комната. Там работали, ели, иногда по вечерам даже принимали гостей. Вдоль стен стояли две кровати, стол, два шкафа, буфет, газовая плита, по стенам были развешаны кастрюли, рядом — семейные фотографии, портрет царя и президента Республики. <...> Через всю комнату были натянуты веревки, на которых всегда сушилось белье. <...> Под высоко расположенным окном была обустроена „мастерская“ — стояла мамина швейная машина, отцовский сундук и большой бак с водой, в котором всегда плавали обувные заготовки и подошвы»²⁴. И это была сравнительно неплохая ситуация, поскольку речь идет о недавно построенном доме в маленьком городке. Старые дома в крупных городах были гораздо теснее.

Перенаселенность была правилом; впрочем, сам Жак Бертильон считал, что порог перенаселенности составлял два человека на комнату. Согласно переписи от 1906 года, 26% жителей городов численностью 5000 человек проживали в комнате

более чем по двое, 36% — по двое или, во всяком случае, более чем по одному, 16,8% — по одному и лишь 21,2% жителей располагали более чем одной комнатой на человека²⁵. В шахтерских поселках в конце XIX века жили посвободнее — в среднем семья располагала тремя комнатами площадью 70 квадратных метров; так было, например, в домах шахтеров угольной компании Анзен. Но эти немногочисленные дома для рабочих задумывались буржуазией на основании норм, казавшихся им очевидными: понятно, что такие дома выделялись на фоне тесноты и скученности городского народного жилья. Отделение рабочего пространства от жилого делало жилье более просторным.

В общих чертах так обстояли дела на протяжении всей первой половины XX века. В 1949 году Мишель Куост описывает квартал Сен-Совер в Руане, Леон Фрапье — дома бедняков в Бельвиле в 1900 году, Жак Вальдур проводит анкетирование вскоре после I Мировой войны. Их описания очень схожи. Этому есть простое объяснение: с 1919 по 1940 год строили очень мало жилья, всего лишь два миллиона квартир и домов. Регулирование арендной платы, введенное в послевоенное время для защиты квартиросъемщиков и замедления роста цен, привело к тому, что у собственников пропал интерес к строительству доходного жилья, разве что для буржуазной клиентуры. Было бы полезно вмешательство некоммерческих социальных организаций, однако конторы, созданные по закону от 1912 года и сдававшие дешевое жилье, не имели достаточного финансирования, чтобы обеспечивать жильем всех нуждающихся. Кое-что все же было сделано: построено 200 000 дешевых домов и квартир, строительство которых финансировалось по закону Лушёра* (1928), небоскребы Вилёрбана, парижские дома на бывших фортификационных сооружениях,

* Луи Лушёр — французский политик, министр труда и социальной защиты с 1926 по 1930 год.

но в целом квартирный вопрос, возникший в конце XIX века, не был решен и в начале 1950-х годов. Для городского жилья XX век еще не наступил.

Естественно, уровень комфорта в квартирах за первую половину века практически не изменился. Единственное важное новшество — электричество: в 1939 году оно было проведено почти во все деревни, а в городах повсеместно. А вот с водой дело обстояло хуже. В Руане, в районе Сен-Совер более чем в половине многоквартирных домов не было водопровода, точнее — более чем в 1300 из 2233 в 1949 году²⁶. Общественными колодцами и водоразборными кранами на улицах все еще пользуются часто. На многих улицах нет канализации. Санитарное оборудование более чем рудиментарно. Конечно, нет никаких ванн там, где даже кран с холодной водой над мойкой был редкостью. Никаких уборных в квартирах, все те же выгребные ямы во дворах и грязные сортиры на лестницах. Никакого центрального отопления, а иногда никакого отопления вообще.

1954 год: прыжок в современность

Перепись населения, проведенная в 1954 году, демонстрирует нам поразительно архаичный образ французского жилья. Из 13,4 миллиона домов и квартир лишь чуть больше половины (58,4%) имеют водопровод; только в четверти есть туалет внутри дома (26,6%); ванная комната или душ есть лишь в каждом десятом жилище (10,4%) и в стольких же — центральное отопление. Даже принимая во внимание составляющие значительную долю в общем количестве жилья сельские дома, куда современные удобства приходят с большим опозданием, с трудом можно представить себе, что от того времени нас отделяют лишь сорок лет.

Надо сказать, что с начала 1950-х годов жилье французов беспрецедентным образом изменилось. В 1953 году построено более 100 000 квартир и домов, в 1959-м — более 300 000,

в 1965-м — более 400 000. В период с 1972 по 1975 год ежегодно вводится в строй более 500 000 новых домов и квартир: это больше, чем за весь период между двумя мировыми войнами. Начиная с 1953 года этот процесс стимулировался властями, в результате чего в середине 1960-х годов частный капитал снова стал инвестировать в строительство и сдача жилья в аренду снова стала рентабельной. В строящихся домах требовалось соблюдать определенные нормы размера и планировки квартир, а также их оснащение удобствами. Несмотря на то что эти нормы многократно пересматривались, их общая логика ясна. Жилая комната не может быть менее девяти квадратных метров. В квартире, помимо кухни, должна быть общая комната, спальня родителей и по крайней мере одна комната на двух детей, уборная, ванная, центральное отопление — индивидуальное или коллективное. Таковы минимальные нормы для НЛМ* (социального) и льготного жилья. Они широко применяются при строительстве нового жилья на окраинах городов. До появления пригородных коттеджей это будет настоящим прыжком в современность для миллионов французов. Строительство новых домов дает большей части населения, с некоторыми оговорками, доступ к комфорту, который раньше имела только буржуазия. Это беспрецедентная демократизация жизни.

Результаты ее весьма впечатляющи. Уже в 1973 году, то есть менее чем двадцать лет спустя после неутешительной переписи населения 1954 года, жилье французов состояло в среднем из 3,5 комнат, площадь каждой в среднем равнялась 20,1 квадратного метра; на каждого члена семьи в среднем приходилось 24,6 квадратного метра. Разумеется, жилье рабочих было несколько хуже, но и они располагали 18,6 квадратного метра на человека. В исследовании 1953 года Поль-Анри Шомбар де Лов называл критическим порогом площадь в 14 квадратных

* НЛМ — аббревиатура от «habitation à loyer modéré» (жилье за умеренную плату).

метров на человека и констатировал, что в Париже лишь одна из десяти семей рабочих достигала этого порога или перешагивала его²⁷. Двадцать лет спустя в семьях рабочих на человека в среднем приходится на четыре метра больше.

Одновременно с этим современные удобства получили повсеместное распространение. В том же 1973 году в 97% квартир есть водопровод, в 70% — туалеты в каждой квартире (в 1982 году — в 85%), 65% имеют ванную комнату или душ и 49% — центральное отопление (в 1982 году — 84,7% и 67,5% соответственно). Квартиры «со всеми удобствами», в которых одновременно есть и водопровод, и туалет, и как минимум один душ, составляли 9% в 1953 году и 61% в 1973-м. В то же время пожилые люди и сельское население продолжали жить без удобств. 1954 год — своеобразная веха, начиная с которой получил распространение прогресс.

Надо сказать, что количественные изменения повлекли за собой качественные. Чем большей площадью располагает человек у себя дома, тем лучше становится его жизнь. Увеличение жилой площади квартир привело к увеличению количества комнат, в результате чего они стали функционально специализироваться. Выстраивается новая конфигурация домашнего пространства, и появляется важнейшее новшество, по крайней мере для людей из народа: каждый член семьи отныне имеет право на свою собственную частную жизнь. Таким образом, в частной жизни семьи выделяется частная жизнь индивида.

Индивидуальное пространство

До этой жилищной революции частная жизнь каждого человека протекала на глазах у остальных членов семьи. Стена частной жизни отделяла домашний мирок от публичного пространства, то есть от посторонних. Но за этой стеной, кроме как в буржуазной среде, на частную жизнь каждого отдельного индивида места не хватало.

Невозможность приватности

Сегодня лишь с большим трудом можно представить себе, какое давление оказывала семья на каждого своего члена. Не было никакой возможности скрыться от чужих глаз. Родители и дети ежедневно жили буквально друг у друга на голове. Туалет в обязательном порядке совершался под взглядами родственников, которым предлагалось отвернуться, чтобы никого не смущать. Вот как, к примеру, было в шахтерской среде, до тех пор пока угольные компании не оборудовали душевые: горняк возвращался домой, где его ждала лохань с горячей водой, которую жена нагрела для него на плите. Он мылся прямо в общей комнате, жена ему помогала. На ферме дела шли не лучшим образом: омовения совершались в общей комнате или во дворе; впрочем, мылись нетщательно и никогда не мыли все тело целиком.

Так же обстояло и со сном. В одной комнате и даже в одной кровати спало по несколько человек. Мишель Куост описывал восторг мальчишек, вскоре после окончания I Мировой войны приехавших в лагерь на каникулы и увидевших кровати: «Ух ты, отдельная кровать — каждому!» Его это не удивляет: «Довольно часто в домах бывает всего одна кровать. В ней спят вдвоем, вчетвером, впятером, а иногда и больше»²⁸. В деревнях ситуация ничем не отличалась от городской: Пьер-Жак Элиас делил с дедом кровать, стоящую в общей комнате. В 1947 году двое этнологов, изучавших население в департаменте Нижняя Сена, констатируют те же факты и с негодованием людей, пришедших из совершенно другого мира, пишут о четырехлетнем ребенке, который спит в одной постели с родителями²⁹. И подобных примеров можно привести множество.

В таких условиях очень трудно было иметь какие-то личные вещи, разве что те, что помещались в карманах или в сумке. В этой тесноте трудно было создать себе собственный уголок. От близких ничего нельзя было скрыть: малейшее недомогание моментально становилось всем известно, и любая попытка изолироваться тут же вызывала подозрения.

Таким образом, понятие приватности было к этой ситуации неприменимо. Секс, для которого в буржуазных семьях существовали специальные помещения: супружеская спальня, будуар, на худой конец, альков, то есть отделенная часть общей комнаты, — здесь нельзя было скрыть. О том, что у девушки менструация, знали все, а в семьях шахтеров эти дни отмечались на приколотом кнопкой календаре, висевшем в кухне. Что касается секса, то им занимались либо на стыке частного и публичного пространства, в сумерках, в кустах, прилегающих к танцплощадке, или же на глазах у членов семьи. «Нет ничего аморального в том, что все или почти все население дома спит в одной и той же комнате, — писал в 1894 году один специалист по сельской жизни. — Напротив, благодаря этому осуществлялся взаимный контроль <...>. Конечно, это нарушает приличия, но не в такой степени, как это кажется людям, привыкшим жить в отдельных комнатах»³⁰. А Леон Фрапье рассказывает об одной паре, проживавшей вместе с детьми в маленькой комнате. Перед тем как заняться любовью, родители выставляли детей на лестницу, и те покорно сидели на ступеньках в ожидании момента, когда их позовут обратно³¹. То обстоятельство, что Фрапье приводит эту пару в качестве образца скромности и деликатности, говорит о том, что родители в большинстве своем не прятались от детей в такие моменты; в результате, отмечает историк, проблемы сексуального воспитания детей и подростков до начала 1960-х годов не существовало.

Как мы видим, в начале века частная жизнь огромного большинства французов в силу обстоятельств была неотделима от жизни семьи. В народной среде индивиду лично не принадлежало почти ничего, разве что какие-то мелочи, полученные в подарок: нож, трубка, четки, часы, украшение, туалетный несессер или принадлежности для шитья. Все эти пустяки имели очень большую символическую ценность для хозяина — только эти вещицы он мог рассматривать как свои собственные.

Такая же связь существовала у крестьянина с его домашним животным: коровы, собаки, лошади имели собственное имя и своего хозяина. Мы видим, что привязанность современных людей к коту или пуделю мало чем отличается от отношения крестьян недавнего прошлого к своим животным.

Секреты и тайны

Частная жизнь была полна секретов. Семейные тайны охранялись даже от детей. Личные секреты — мечты, желания, страхи, сожаления, мимолетные или навязчивые мысли — в основном оставались несформулированными. Поэтому важна была фигура кого-то из посторонних людей, кому можно было бы доверить свои тайны. Речь не идет о враче: к нему обращались очень редко, лишь в тяжелых случаях, и его визит не располагал к доверительным разговорам. Некоторые, особенно женские тайны доверялись медицинским и патронажным сестрам; такие беседы велись на нейтральной территории — в поликлиниках, которые в первой половине XX века открывались повсеместно. Однако больше всего о частной жизни людей знали нотариусы и священники. Нотариус был в курсе семейных дел крестьян и буржуазии, мелкой и крупной: браки, покупки, продажи, аренды, разделы имущества и договоры дарения. Священник же исповедовал — особенно женщин — и без колебания задавал самые личные вопросы. Бедняки, у которых не было никакого имущества, неверующие, а также верующие, но не желающие, чтобы священник вмешивался в их частную жизнь, — это было одной из фундаментальных причин антиклерикализма, — держали свои тайны при себе и прятали свою частную жизнь за монотонностью повседневного труда.

Частная жизнь буржуазии была гораздо разнообразнее. В этой среде у человека было больше личного пространства: своя кровать, своя комната, свой собственный туалетный столик, а вскоре и ванная комната. У буржуа было больше возможностей завязать доверительные отношения: помимо

нотариуса и священника, у него были слуги, семейный врач, который знал одновременно всех членов семьи и каждого в отдельности и с которым можно было поговорить наедине; в этой среде было гораздо больше общения с друзьями и родственниками: на досуге встречались с дядей, тетей, крестным отцом или крестной матерью, школьным другом или подругой... У лавочников и ремесленников не было для подобных вещей ни времени, ни места; их частная жизнь не сильно отличалась от частной жизни крестьян, хотя денег у них было больше. Мелкие буржуа — конторские служащие, коммивояжеры, бухгалтеры, фининспекторы, учителя, — чьи доходы не позволяли им подняться над народными массами, в то же время имели гораздо более насыщенную частную жизнь. Они составляли некую промежуточную категорию, о нравах которой нам бы хотелось узнать побольше.

В этой ситуации вполне можно утверждать, что изменения в жилищных условиях огромного большинства французов произвели в их жизни настоящую революцию. В современных квартирах со всеми удобствами, с достаточным количеством изолированных комнат каждый член семьи может иметь свой личный угол. С установлением Народным фронтом сорокачасовой рабочей недели и предоставлением каждому оплачиваемого отпуска у людей появилось свободное время и возможность жить в этом новом для подавляющего большинства собственном пространстве. Семейная жизнь как таковая протекает теперь в определенные часы — например, воскресные семейные обеды, и в определенном месте — в кухне или в помещении, которое в послевоенные годы архитекторы назовут английским словом *living-room*, общей комнатой. В жизни человека можно теперь выделить три неравные части: публичную — в основном речь идет о работе, семейную и личную.

Частная жизнь в ходе XX века диверсифицируется и расширяется, выходит за рамки домашнего мира. Право на частную жизнь подразумевает также возможность выхода из дома.

Владение автомобилем становится обычным делом: в 1981 году автомобиль имеют 88% семей (среди семей рабочих — 84%), а 27% семей владеют двумя машинами (среди рабочих семей владельцы двух автомобилей составляют 17%); по всем слоям общества распространяются поездки на автомобиле на работу, которые позволяют людям вырваться из домашнего мира. Иногда хозяева автомобилей — тоже своего рода личного пространства — чрезмерно привязаны к ним. Благодаря автомобилям, но также и развитию прочих видов транспорта свободное время, отвоеванное у работы, проводится в самых разных местах, люди заводят весьма свободные отношения. То, что раньше было доступно лишь буржуазии, открывается и остальным слоям населения. Дружба, завязавшаяся на отдыхе в горах, или страстные курортные романы — одно из новшеств XX века, парадокс, который мы будем рассматривать чуть позже: частная жизнь уходит из домашнего мира и проникает в анонимные общественные места.

Таким образом, расширение личного пространства в домах привело к смене образа жизни и власти в семьях.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ПРОТИВ СЕМЕЙНОГО УКЛАДА

Традиционная власть

Право индивидов вести частную жизнь так, как они пожелают, — явление новое. До начала 1950-х годов частной жизни во Франции не удавалось выйти из-под контроля общества: преобладающая «стена» была привилегией буржуазии.

Ничто не иллюстрирует этот постулат лучше, чем отношение общества к брачной ночи. Ночь, спальня, постель, которую молодожены, как правило, делят впервые, — что может быть более интимным? В буржуазной среде место проведения первой брачной ночи хранится в тайне, за соблюдением которой тщательно следят, как и маршрут свадебного путешествия.

В народной среде, как в крестьянской, так и в рабочей, напротив, обычай велит гостям явиться под утро к молодым супругам и принести им *завтрак*: смесь из белого вина, яиц, шоколада и печенья в ночной вазе. Мы видим в этой традиции вмешательство окружающих в самый интимный момент жизни, который только можно вообразить. Однако в этих слоях общества, где семейные ценности являются главными, очень важно убедиться в том, что брак был консуммирован. Когда семья является базовой ячейкой общества, супружеский союз должен быть публичным.

Разделение власти в паре

Семья достаточно жестко контролировала каждого своего члена. Муж был главой семьи; замужняя женщина не могла без его разрешения открыть на свое имя банковский счет или управлять своим собственным имуществом. Именно муж осуществлял родительскую власть. Спустя долгое время законы от 1965 года о браке и от 1970 года об опеке юридически устранили неравенство мужа и жены. По факту же в некоторых регионах в разных слоях общества между мужчиной и женщиной было больше равенства. Этнолог Сьюзен Роджерс отмечает, что в одном лотарингском городке (но не в авейронском) реальная власть принадлежит женщинам: их слово является решающим не только в вопросе женитьбы сына или замужества дочери, но и в таком публичном деле, как выдвижение кандидатуры мужа на должность мэра. Главное — соблюдать «приличия» и при соседях, детях и родственниках оставлять мужу роль «патрона»³².

Невольно задаешься вопросом, не приводит ли разделение ролей в частной сфере на мужскую и женскую к приобретению женщинами полновесной власти дома. Как показывает Мартин Сегален, изучавшая традиционную сельскую семью³³, ситуация несколько сложнее, но с некоторыми оговорками можно сказать, что разделение власти между мужчиной и женщиной

выделяло ей власть внутри семьи, а ему — во внешней сфере: именно мужчина заключал сделки, выполнял представительские и политические функции. Вопрос, было ли это разделение справедливым, — достаточно дискуссионный; можно вслед за феминистками утверждать, что домашняя жизнь была для женщин ролью второго плана, тогда как жизнь публичная была наполнена смыслом; можно, наоборот, подчеркивать важность семейных ценностей в обществе, где индивид оценивается по своей семье и где его успех определяется только качеством семейных отношений, и поддерживать мысль о том, что женщины, контролирующие домашнюю сферу, в самом деле имели большую власть. Для истории частной жизни представляется более важным отметить, что домашнее пространство было безусловно территорией той, кого в зависимости от среды называли «патронессой» или «хозяйкой дома».

Чаще всего муж возвращался не столько к себе, сколько к жене домой: дом принадлежал ей. Мужчина не мог ничего сделать, не испачкав, не сломав и не нарушив. Следствием этого было существование чисто мужских мест вне дома, причем во всех слоях общества и во всех регионах.

В рабочей среде теснота в домах и невозможность вести там частную жизнь выгоняли мужчин в кафе. Чтобы они могли проводить расширяющийся досуг дома, понадобилось искусственно увеличить площадь квартир. Поэтому очень ценились всякие кладовки, чуланчики, балконы, где мужчина мог обустроить себе подобие мастерской, держать свои инструменты, что-то мастерить; в частном доме возможностей для этого больше; иногда мужчины превращают в настоящие мастерские свои гаражи. Таким образом, происходит разделение домашнего пространства и власти в семье.

В буржуазной среде мужчина часто располагал большим количеством свободного времени; он ходил в клуб поиграть в карты, почитать газеты. Иногда он даже позволял себе роскошь втайне от семьи иметь холостяцкую квартиру — еще

одно частное пространство. Здесь мы видим не столько реорганизацию пространства, сколько эволюцию нравов. Женщины теперь имеют то же образование, что мужчины, занимаются той же деятельностью или, по крайней мере, могут это делать; требуют для себя равного с мужчинами права на выход в публичную сферу; в брак теперь вступают не столько по договоренности родителей жениха и невесты, сколько после встречи в молодежном лагере или на студенческой скамье. Появились пары в современном смысле этого слова, а вместе с появлением этих новых пар происходит перераспределение власти в частной жизни.

Родительская власть

Теперь поговорим о самых больших изменениях, произошедших в частной жизни. Если по вопросу о разделении семейной власти между мужчиной и женщиной до 1950-х годов еще можно спорить, то власть родителей над детьми не вызывает никакого сомнения: дети не имели ни малейшего права на частную жизнь. Их свободное время им не принадлежало: оно было полностью в распоряжении родителей, дававших детям множество поручений. Они зорко следили за их отношениями вне семьи и проявляли большую подозрительность относительно даже самой безобидной дружбы. «Тото, оставь мальчика в покое», — приказывала дама, гулявшая с ребенком в городском саду, когда он делал невинную попытку пообщаться с другим мальшом³⁴. Что это, буржуазная норма? Не только: Анри Мандра³⁵ описывает те же запреты в крестьянской среде в Новисе после II Мировой войны: не надо нигде болтаться по дороге из школы. А если молодежь идет гурьбой, девочки слева, мальчишки справа, то такое вписывается в народные представления о том, как надо; подобные отношения протекают на глазах и с ведома всей деревни и контролируются общественным мнением.

Контроль за дружбой детей, конечно же, распространялся на корреспонденцию. Чтение переписки было не просто обычаем,

но родительским долгом, если они хотели правильно воспитать своих детей. Эта обязанность выполнялась и тогда, когда сын или дочь оказывались вдали от родительского дома: еще в 1930 году на конвертах, в которых отправлялись письма воспитанникам интернатов, ставилась подпись ответственных лиц, удостоверяющая, что переписка одобрена родителями.

Подобные воспитательные методы давали родителям право принимать решение о будущем своих детей, в первую очередь профессиональном. В буржуазной среде именно родители решали, куда пойдут учиться их отпрыски. В народной среде они выбирали для детей профессию и отдавали их в ученичество. В 1938 году 30% читателей одного журнала утвердительно ответили на вопрос, следует ли определять профессию для детей и вести их в этом направлении с самого детства³⁶.

Однако родительская власть простиралась гораздо дальше: она касалась и личной жизни детей. Брак был делом семейным и напрямую зависел от родителей, в особенности если на кону оказывалось большое состояние. Внизу социальной лестницы у людей было мало денег, поэтому ни о каких брачных стратегиях речь не шла; дети достаточно свободно выбирали себе спутников жизни: браки в рабочих семьях не устраивались родителями. Однако в крестьянской среде, а также среди служащих, коммерсантов и ремесленников, пусть родители больше и не подыскивали женихов и невест своим детям, как это было в первой половине века, все же до начала 1950-х годов было трудно выбрать себе супруга или супругу без одобрения семьи. В буржуазной среде браки все еще довольно часто устраивались родственниками молодых и по-прежнему устраивались «смотрины».

В принципе, во всех слоях общества вступление в брак означало освобождение детей от власти родителей. Существовала поговорка: «Брак — это собственная жизнь». Тем не менее в отдельных случаях родительский диктат не прекращался, особенно если молодые жили в доме у родителей. Это была

ненормальная и плохо переносимая ситуация, которой, правда, не всегда удавалось избежать, что лишь подтверждает мысль о том, что в пространстве дома царил суровая власть.

Чтобы власть родителей постепенно сошла на нет, частная жизнь протекала на основе взаимной привязанности, а частная жизнь семьи начала состоять из взаимодействия личных жизней каждого ее члена. Недостаточно было лишь расширения и реорганизации домашнего пространства. Нужно было еще, чтобы смягчились семейные нравы.

Социализация воспитания детей

Никто не станет спорить с тем, что развитие института школы — одна из основных черт социального развития во второй половине XX века. Попробуем дать всестороннюю оценку этому явлению.

С одной стороны, речь идет об увеличении длительности школьного образования. По закону Жюля Ферри (1882) учиться в школе полагалось до тринадцати лет, а для учеников, получающих свидетельство о начальном образовании, — до двенадцати; в 1936 году учиться в школе полагалось до четырнадцати лет; родившиеся после 1 января 1953 года по указу от 6 января 1959 года должны были учиться в школе до шестнадцати лет. На деле средняя продолжительность школьного обучения увеличилась на три года. В 1950–1951 годах лишь половина 14-летних, треть 16-летних (35,5%) и четверть 16-летних (27,2%) посещали школу. В 1982–1983 годах практически все 14-15-летние мальчики и девочки учились в школе; среди 16-летних посещали школу 85,7%, а среди 17-летних — 70,4%; сегодня* доля 17-летних школьников превышает долю 14-летних в 1950 году. И около половины 18-летних учатся в школе, то есть их доля сегодня больше (44,8%), чем в 1950 году было 14-летних...

* Первое издание настоящего тома вышло в 1986 году.

Три дополнительных года в школе в конечном счете не бог весть какая семейная революция; в этом изменении легко захотеть увидеть лишь косвенные последствия выхода процесса труда из частной сферы. Когда дети потеряли возможность учиться профессии у родителей, потому что те больше не работали дома, им потребовалось получать профессиональные навыки также вне дома. Увеличение продолжительности обучения в школе объясняется не только желанием поднять уровень подготовки рабочей силы или стремлением продвинуться, вызванным оживлением экономики, но еще и включением профессионального обучения в школьную программу. Развитие технического и профессионального образования — одна из основных черт французской образовательной системы. Два из трех семнадцати-восемнадцатилетних лицейстов получают образование такого типа.

На деле увеличение продолжительности школьного образования свидетельствует о гораздо более серьезных изменениях: мы имеем дело не столько с социализацией обучения, сколько с обучением жизни/поведению в обществе. Эти навыки раньше давались в семье, и можно было с полным правом рассматривать семью как «базовую ячейку общества». Испытывая сильный экономический гнет, она руководствовалась нормами, которые применялись во многих слоях общества, подвергавшихся такому же давлению. Этот гнет исчез вследствие выхода производительного труда из домашней сферы, но также и благодаря относительному процветанию и революционным изменениям в быту, наблюдавшимся в Западной Европе и Японии в ходе трех послевоенных десятилетий (1946–1975), которые Жан Фурастье назвал «славным тридцатилетием». Если родители отныне стали менее авторитарны, более либеральны и начали позволять детям больше, это, конечно же, следствие эволюции нравов, но еще в большей мере — исчезновения причин навязывать детям тот или иной выбор. Когда от родительской власти

перестало зависеть решение обязательных хозяйственных вопросов, она стала работать вхолостую. В прежние времена родители были авторитарны в силу обстоятельств, а не только обычаев: перед грозой у детей не спрашивали, хотят ли они пойти убрать сено; кто-то должен был ходить за водой, заготавливать дрова и т. п. Необходимость приобретала силу закона.

Либерализация семейного воспитания ведет к тому, что обучение жизни в обществе переходит от семьи к школе. Школе приходится учить детей уважать чужое пространство и время, соблюдать правила жизни в коллективе, правильно выстраивать отношения с окружающими. И эти знания даются не только подросткам: дети получают их на протяжении всех школьных лет.

Детский сад: школа общения

Распространение детских садов в этом отношении даже более показательно, чем продолжение учебы после четырнадцати лет. Столь интенсивное общественное движение имело место только во Франции. Начиная с 1959 года стала распространяться новая норма, не имевшая, впрочем, никакой законодательной основы: детей следует отдавать в детский сад. Прежде, наоборот, считалось необходимым держать детей дома как можно дольше, даже учить их дома читать; в детские сады отдавали детей бедняков, чьи матери вынуждены были работать. Если раньше детские сады рассматривались как крайняя, вынужденная мера, то теперь стало считаться, что детям лучше посещать их, чем сидеть дома с мамой. Этот процесс ширился, пример показывали наиболее образованные представители высших слоев общества, в первую очередь горожане, несмотря на то что матери в этих семьях, как правило, не работали. В 1982 году 91% трехлетних детей посещают детские сады, и в обществе наблюдается стремление определить туда же и как можно больше двухлетних, треть из которых уже

охвачена. Выбор ясен: школа лучше, чем семья, и первая постепенно заменяет последнюю.

Эволюция происходит буквально на глазах — на протяжении жизни одного поколения. Замещение семьи школой можно объяснить осознанием родителями собственного бессилия: воспитание делается в чистом виде публичным, а семья, отвоёвывавшая себе частное пространство, утратила таким образом воспитательную функцию. Родители утверждают, что не знают, чем можно занять детей.

Это подтверждает и пример детских летних лагерей. Изначально они играли оздоровительную роль: филантропы хотели, чтобы маленькие горожане, слабые здоровьем, подышали свежим воздухом. Теперь же именно родители, стремящиеся к тому, чтобы дети провели каникулы интересно, желают отправить детей в лагерь: с их точки зрения, лагерь предоставляет более широкие воспитательные возможности, чем семья.

Что же касается подростков, то они с неохотой едут в лагерь, и с начала 1960-х годов организации по воспитанию молодежи постепенно сдают позиции. Это говорит о том, что молодежь выступает за право на личную жизнь. Переход воспитательной функции от семьи к школе требовал признания семьей ценности и обоснованности права на внесемейные отношения. В связи с тем, что с точки зрения семьи традиционного типа лишь она одна была способна воспитывать своих детей как следует, отношение к их внесемейному общению было отрицательным. Внедрение детских садов в повседневную жизнь отталкивалось от прямо противоположной нормы: для детей очень полезно общаться со сверстниками из других семей. Таким образом осуществляется обучение общению.

Как только дети начинают общаться между собой, возникают группы друзей и приятелей. Переход воспитательных функций в публичную сферу, школу, формирует новые центры частной жизни, конкурирующие с семьей. Это только кажущийся парадокс. Подростки отвергают организованные

формы досуга, основанные на нормах общественной жизни. Они принимают школу, потому что чувствуют ее социальную необходимость, но школа в их представлении — часть мира труда, который является публичным. Мир досуга, мир частной жизни не вписывается в институционные рамки, навязывающие правила жизни в коллективе. В какой-то момент летним лагерям и организациям по работе с молодежью, чтобы выжить, пришлось перестать быть официальными институтами. В этом противоречии — причина их кризиса.

Перед родителями встает та же проблема: если жизнь в их семье основана на принуждениях, дети будут стараться уклоняться от выполнения родительских требований; с другой стороны, повседневная жизнь семьи невозможна без минимального набора правил, основанных на постоянных компромиссах, конфликтных переговорах, ловких увертках.

Урегулирование отношений облегчается еще одним следствием увеличения продолжительности школьного обучения: нарастающим вмешательством школы в решения, касающиеся будущего детей, и сведением к минимуму роли родителей в выборе обучения для своих детей. Семья выбирает начальную, затем среднюю школу (коллеж), которую будет посещать ребенок, но дальнейшее решение об образовательной ориентации подростка зависит от коллежа: его направляют в совершенно определенный класс совершенно определенного лицея, где за его профессиональную ориентацию возьмутся снова. Право на выбор имеют только хорошие ученики, остальные идут туда, куда их направляют.

Безусловно, ущемление родителей в правах — повод для конфликтов, потому что нередко результатом такого распределения является крах надежд на престижное будущее для ребенка. Однако родителей это возмущало и устраивало в равной мере, потому что отныне неприятные моменты решаются внешними силами. Накануне II Мировой войны родители часто выбирали профессию для своих детей. Они расстались со своими

амбициями и признали за детьми право на выбор своего будущего*, а невероятное давление, которое оказывала на детей процедура распределения, освобождало от необходимости в давлении родителей, чем разряжало обстановку в семье.

Впрочем, вмешательство общества в воспитание детей не ограничивалось школой, оно укрепилось и в других областях. Государство проявляет интерес к ребенку сразу после его зачатия, и система защиты материнства и детства обязывает мать трижды посещать врача во время беременности, если она хочет получать пособие от государства (1946). То же медицинское наблюдение осуществляется за грудным вскармливанием и первыми годами жизни ребенка. Обязательной становится вакцинация. Коротко говоря, усиливается медицинский контроль за беременностью и ранним детством, чему способствовало распространение социальных пособий по закону от 1932 года, Семейному кодексу 1939 года и закону от 1946-го.

Более того, государством контролируется весь процесс воспитания детей. В межвоенный период с целью борьбы с туберкулезом начинаются регулярные посещения семей патронажными медсестрами. Иногда, как это было, например, в парижском пригороде Сюрене, по инициативе мэра-социалиста Анри Селье деятельность медсестер была систематической и на ее основе создавалась картотека на каждый дом в коммуне. Вскоре органы социальной защиты начали совершать обходы семей, получающих пособия, чтобы убедиться в том, что выплачиваемые суммы используются по назначению. Они контролируют семейный бюджет, дают советы; в самых тяжелых случаях семье назначается куратор (1942), который вместо родителей покупает на выплачиваемое пособие все, что необходимо ребенку.

Помимо контроля за использованием пособий, разворачивается деятельность санитарных, социальных и юридических

* Тот же журнал провел в 1977 году аналогичный опрос. На тот же вопрос «нет» ответило подавляющее большинство респондентов (89%), «да» — лишь 4,4%. — *Примеч. авт.*

органов. Иногда детей забирают из семей и доверяют их воспитание опекунам (указ от 1958 года, декрет от 1959-го). Изъятие из семей детей, «находящихся в опасности», конечно, крайний случай, однако то, что представители власти могут пойти на подобный шаг и доверить воспитание детей кому-то, кроме их родителей, говорит о том, что воспитательная функция вышла из частной сферы. Мы еще не достигли уровня Швеции, где ребенок может подать жалобу в правоохранительные органы на плохое обращение, но уже можно сказать, что во Франции родители осуществляют процесс воспитания своих детей лишь частично и находятся под постоянным контролем властей. Родителей освободили от обязанности учить детей правилам жизни в обществе; им остается лишь кормить, одевать и, главное, любить их, но лишь под контролем государства, которое решает, хорошо ли родители справляются с этой задачей.

Вот таким образом семья постепенно теряет функции, которые делали из нее модель общества в миниатюре. Социализация детей в значительной мере опустошила домашнюю сферу. Семья перестает быть институтом, дом становится просто местом встречи индивидов.

Неформальная семья

Глубокие изменения в семье можно пронаблюдать на примере эволюции брака.

От брака по расчету...

В первой половине века вступить в брак означало создать дом, заложить основы совершенно определенной социальной реальности, прозрачной для общества. Еще в 1930 году для решения о вступлении в брак профессия, материальное положение и моральные качества значили гораздо больше, чем внешность или психологическая совместимость³⁷. Люди женились, чтобы

обеспечить себе помощь и поддержку на протяжении жизни, которая обещала быть очень трудной и которая была еще труднее у тех, кто жил в одиночку; чтобы завести детей, увеличить свое богатство и оставить его потомству, сделать детей успешными и через них реализовать себя. В обществе семейные ценности занимали центральное положение, о человеке судили по успешности его семьи и его вкладу в этот успех.

Этот общий проект требовал жесткой юридической структуры: даже если обходились без участия нотариуса, брак представлял собой долгосрочный договор и мог быть расторгнут исключительно по очень серьезным причинам: закон от 1884 года допускал развод лишь в случае большой провинности одного из супругов. В реальности разводы были редкостью: в начале века распадалось менее 15 000 пар в год и менее 30 000 — к началу 1940-х годов. В четырех случаях из пяти инициаторами развода выступали женщины, сильно пьющие мужья которых не только изменяли, били их и не приносили достаточный доход, но еще и становились обузой³⁸. Эмоциональное разочарование имело меньшее значение, нежели материальные трудности.

По правде говоря, роль, которую в браке играли чувства, довольно трудно оценить; можно сказать лишь, что социальная норма не считала любовь ни условием брака, ни критерием его успешности. Чтобы пожениться, мужчина и женщина должны были друг другу нравиться, чувствовать, что понимают друг друга, ценить и уважать один другого, в общем, друг друга устраивать. Это не означало ни того, что они друг друга не любили к моменту вступления в брак, ни того, что будут любить друг друга вечно: институциональные аспекты брака превалировали над чувственными. Что же касается «физической» стороны — слово «сексуальная» еще не употреблялось, — то согласно опросу по поводу условий супружеского счастья, проведенному в 1938 году, важной ее назвали 67% респондентов, а предшествовали ей супружеская верность (78%),

интеллектуальные качества (78%), участие в воспитании детей (76%) и в особенности совместное решение проблем (92%). Жениться прежде всего означало создать команду³⁹.

...к браку по любви

Положение, вероятно, начинает меняться в 1930-е годы, но точную дату назвать невозможно, потому что первоначально об этом открыто не говорилось. В католической среде появление «супружеской духовности» является реперной точкой: во время оккупации появляется множество «молодых семей»; зарождается целое движение со своими печатными органами. Первый номер газеты *Anneau d'or* вышел в свет в январе 1945 года, во втором же был напечатан самый настоящий гимн супружеской любви, подписанный достопочтенным духовным лицом. Можно было бы вспомнить об Эдит Пиаф, если бы не анахронизм*... Поспевала ли католическая среда за общей эволюцией? Представляется, что да, об этом говорят другие признаки. В знаменательной статье, написанной в 1953 году, Филипп Арьес указывает на превалирование супружеской любви и в первую очередь сексуальных отношений — он употребляет уже именно это слово — над всеми остальными аспектами брака как на свершившийся факт; он отмечает, что в 1948 году 12% студентов были женаты⁴⁰, и справедливо видит в этом знак важнейших изменений: ведь жениться до того, как займешь определенное положение в обществе, прежде было делом неслыханным, поэтому студенческие браки — это браки по любви.

Социальная норма тоже меняется. В женских журналах выступают медики и психологи, которые легитимизируют чувства и популяризируют важнейшие положения фрейдовской теории. В 1953 году в педагогических учебных заведениях Парижского региона проводятся лекции по подготовке к вступлению в брак;

* Песню «*Hymne à l'amour*» («Гимн любви») Эдит Пиаф исполнила только в 1949 году, а выпустила в 1950-м.

в частности, там говорится о браке как об одном из этапов на пути к эмоциональной зрелости, которая наступает с желанием иметь детей⁴¹. Подчеркивается мысль, что дети нуждаются не только в любви со стороны родителей, но и в том, чтобы родители любили друг друга⁴². Термин «пара» употребляется в таких выражениях, как «жизнь пары», «проблемы пары». В общем, любовь отныне занимает важнейшее положение в браке и даже является его фундаментом.

Новая норма легитимизирует секс — слово вошло в обиход к концу 1950-х годов — искренностью чувств, которые заложены в этом понятии; секс становится языком любви. Это признак «Супружеского союза» — употребим здесь название книги аббата Орезона, врача, который ввел новую норму в католическую среду, где традиционный аскетизм допускал половой акт как уступку мужской слабости и в целях продолжения рода. В журнале совсем иной тематики читаем историю «женщины из мрамора», мужу которой не удалось сделать из нее «настоящую женщину» и которая находит удовольствие в объятиях другого, прежде чем приступить к выполнению «супружеского долга»⁴³. Еще в одном издании какая-то женщина пишет: «Гораздо аморальнее жить друг с другом без любви, чем разъехаться»⁴⁴. Отныне для легитимизации секса недостаточно вступить в брак — нужна любовь.

Однако любовь и брак пока рассматриваются как единое целое, потому что секс по-прежнему связан с зачатием, и дело не в том, что контрацептивы тогда не были в ходу — их использование зависело прежде всего от мужчины, тогда как беременность и ее последствия касались в первую очередь женщины. Общественное мнение стало относиться к добрачному сексу более толерантно, лишь бы «жених и невеста» любили друг друга и хотели создать семью, однако матери-одиночки по-прежнему вызвали резкое осуждение. Поэтому девушки отказывали в ласках молодым людям, если у тех не было «серьезных намерений». Вплоть до 1972 года количество внебрачных беременностей

растет, а доля внебрачных детей остается стабильной: меняется календарь развития отношений, а не их перспективы.

Тем не менее нравы меняются. Поднимается новая волна феминизма, которую усиливают события 1968 года. Движение за контрацепцию обретает новый смысл: вместе с «*planning familial*» — планированием семьи — оно стояло на позициях контроля за рождаемостью и преодоления пагубных последствий нежелательной беременности: речь идет о положениях закона Люсьена Нойвирта (1967). Несколько лет спустя женщины стали требовать права распоряжаться собственным телом («Мое тело — мое дело»), и в 1975 году был принят закон Симоны Вейль о легализации аборт. К добровольному материнству добавилось «освобождение» женщин. Получает широкое распространение женская контрацепция, и секс отделяется от зачатия.

В связи со всем этим брак перестает быть социальным институтом и становится формальностью. С развитием образования расширилась независимость молодых людей в рамках семьи: исчезла необходимость жениться, чтобы уйти из-под родительской власти. Но жениться не требуется и для поддержания долговременных отношений с партнером противоположного пола, потому что отношения не перетекают в женитьбу до тех пор, пока пара этого не захочет.

Сожительство молодых пар

В конце 1960-х годов появилось огромное количество молодых пар, не оформивших отношения официально. Социологи стыдливо называют это явление «молодежным сожительством»⁴⁵. В 1968 и 1969 годах из 100 пар, вступавших в брак, 17 уже жили вместе; в 1977 году таких было 44 из 100. Совместное проживание молодых пар постепенно признается общественным мнением. Не желая рвать отношения с детьми, открыто выражая свое негативное отношение к подобным вещам, родители «сожителей» смиряются с новой ситуацией; в 75% случаев

их ставят в известность, а в половине случаев они оказывают молодой паре финансовую поддержку. Они видят в этом сожительстве подобие пробного брака, надеясь, что оно завершится регистрацией отношений. Зачастую так и происходило.

Тем не менее это явление не ведет к развалу института брака. В самом деле, заключение брака ничего не меняет в жизни молодых людей, которые уже живут вместе. Они не получают никакого дополнительного признания со стороны родственников и друзей, потому что фактически их брак уже существовал. В юридическом плане, для получения социальных пособий и страхования, подтвержденное совместное проживание равносильно браку. От заключения брака сожители ничего не выигрывают, даже наоборот, у многих возникает чувство потери чего-то важного: жениться — значит вписать свою жизнь в некий проект, тогда как сожительство представляет собой счастливое настоящее без раздумий о будущем. Действительно, не означает ли заключение брака потерю свободы, жертвование возможностями, ограничение себя как индивида?

При более глубоком рассмотрении вопроса можно обнаружить, что живущие вместе молодые люди опасаются, как бы брак не испортил их отношения; боятся, что чувства станут привычкой, рутинной: это означало бы постареть, обуржуазиться. Им кажется невозможным любить друг друга по договору: если любовь обещана, не становится ли она долгом, обязанностью? Они хотят быть любимыми просто так, а не из обязательства. Они стремятся сохранить спонтанность, свежесть, страсть в своем союзе, а некоторые полагают, что именно отсутствие формальных отношений, их институциональная непрочность является гарантией подлинности чувств⁴⁶.

Таким образом, автономность частной жизни каждого индивида подтачивает изнутри брачный институт. Дела пары никого не касаются. Юридическое оформление брака одновременно ослабевает и встречается все реже. По закону от 1975 года развод можно оформить по обоюдному согласию. Впрочем, количество

разводов росло и до принятия закона: в 1960 году их было 28 600, в 1970-м — 37 400, в 1975-м — 54 300 и в 1980-м — 79 700. Стабильно увеличивается количество разводов в первые годы после заключения брака: нет сомнений в том, что брак как общественный институт становится все более хрупким.

Брак к тому же встречается все реже. В 1971 году было отпраздновано 416 500 свадеб, это рекордная цифра. Десять лет спустя их было на 100 000 меньше. Количество холостяков и незамужних женщин увеличивается: в 1981 году 16% мужчин и 13% женщин в возрасте от тридцати до тридцати четырех лет в официальном браке не состояли. Тогда же 11% пар, в которых мужчине было менее тридцати пяти лет, были не зарегистрированы; шестью годами ранее таких пар было 5%. Холостяцкий образ жизни или гражданское сожительство, одновременно или попеременно, были распространены в основном в высших слоях общества: среди руководства крупных предприятий, среди представителей свободных профессий и даже среди служащих. Это стало образом жизни в элитарной среде. В Париже, согласно переписи населения 1982 года, более половины жили в одиночку.

Да и семьи как таковые претерпели изменения. Семья, состоящая из супругов и их детей, больше не является единственно возможной нормой: все чаще встречаются семьи, в которых есть лишь один из родителей. В 1981 году 10% детей воспитываются единственным родителем, в трех четвертях случаев матерью. К разведенным матерям, самостоятельно воспитывающим детей, добавляется все больше женщин, сознательно выбравших одинокое материнство. Начиная с 1970 года доля детей, родившихся вне брака, удвоилась: в 1981 году на восемь детей приходился один рожденный вне брака. Однако в отношении более половины из них мужчины признают отцовство, тогда как до 1970 года таким был лишь один из пяти: с развитием контрацепции на место соблазненных и покинутых незамужних матерей приходят те, для кого рождение ребенка вне

брака — осознанный выбор и кто сохраняет с отцами своих детей хорошие отношения. При этом они одни имеют право опеки над ребенком: отношения матери и ребенка становятся его единственной надежной и стабильной родственной связью.

Жизнь в паре — не единственная норма

Безусловно, это крайние случаи и их пока очень мало; возможно, эволюция семьи остановится или сменит направление. Как бы то ни было, изменения в домашнем пространстве, социализация труда и огромной части образовательного процесса, облегчение повседневной жизни и решительная эволюция нравов вызвали настоящую мутацию. Полвека назад семья господствовала над индивидом; теперь же все наоборот, личность первична. Индивид был связан семейными узами, его личная жизнь, если она не совпадала с жизнью семьи, была вторична, часто подпольна и маргинальна. Отношения индивида и семьи полностью изменились. Сегодня, за исключением материнства, семья — это всего лишь временное образование, объединение личностей, каждая из которых живет своей собственной личной жизнью и рассчитывает, что семья будет этому благоприятствовать. Если же человек начинает «задышаться» в семье, он ищет на стороне встреч, которые его «обогащают». Раньше частная жизнь была неразрывно связана с жизнью семейной; теперь же семья рассматривается в зависимости от вклада, который она вносит в расцвет личной жизни каждого своего члена.

ИНДИВИД-КОРОЛЬ

Реабилитация тела

Ничто так не свидетельствует в пользу примата частной жизни, как современный культ тела.

В начале века статус тела в значительной мере зависел от социальной среды. Рабочий люд ценил свое тело за крепость

и выносливость. Простые люди с уважением относились к физической силе. У буржуазии в цене была эстетическая сторона, внешняя привлекательность. Но тела своего никто не демонстрировал. Утонченная публика всегда была в шляпах и перчатках, показывалось только лицо, за исключением дам, чьи вечерние платья имели глубокие декольте. Первые скауты, надевшие шорты, произвели скандал в начале 1920-х годов.

Дело в том, что, согласно христианской традиции, во всех слоях общества к телу относились с подозрением, даже с осуждением. Евангельское противопоставление плоти и духа сменилось противопоставлением тела и души: тело рассматривалось как тюрьма души, как путы, в крайнем случае — как лохмотья, которые мешали человеку в полной мере быть самим собой. Тело уважали, за ним ухаживали, но уделять ему слишком много внимания означало подвергать себя опасности впасть в грех, прежде всего в грех телесный.

Туалет был весьма ограниченным. В крестьянской и рабочей среде вода была редкостью, и трудности ее добывания практически сводили на нет ее использование в гигиенических целях. К тому же было распространено мнение, что вода вызывает телесную слабость, тогда как грязь была признаком здоровья: Ги Тюилье и Эжен Вебер собрали в начале века многочисленные свидетельства подобного отношения⁴⁷. Поэтому мыли в основном лицо и руки, то есть то, что было видно. Историки справедливо отмечают роль начальной школы в распространении гигиены и чистоты, но сейчас тогдашние нормы чистоты и гигиены — впрочем, опережавшие народные практики — кажутся нам архаичными. Ги Тюилье отмечает, что в Ньевре до 1940-х годов помыть руки в школе очень часто было негде.

Мытье всего тела еще не вошло в повседневный обиход. В Дижоне накануне I Мировой войны в четырех лицах для мальчиков были душевые кабины, в одном не было, как и в обоих лицах для девочек, пятнадцати коллежах для мальчиков

и тринадцати коллежах для девочек. В интернатах было принято раз в неделю мыть ноги. Оборудование душевых кабин было в те времена очень прогрессивным шагом муниципальных властей. Однако табу еще не было снято. Накануне II Мировой войны одна женщина из народа с возмущением заявила директорше школы в Шартре, которая привлекла ее внимание к тому обстоятельству, что у ее дочери начались менструации: «Мне пятьдесят лет, мадам, и я никогда не мыла себе там!...»⁴⁸

В буржуазной и мелкобуржуазной среде мылись чаще. Здесь в межвоенные годы в квартирах часто бывали оборудованы ваннные комнаты; если же ванной не было, мылись в большом тазу. Туалетная комната являлась продолжением спальни; одна горничная, дневник которой цитирует Октав Мирбо, была недовольна тем, что хозяйка не разрешала ей туда заходить⁴⁹; раковина, водопровод и биде облегчают омовения. Грудных детей мыли ежедневно; в дальнейшем следили за тем, чтобы они совершали «большой туалет» еженедельно, как правило по воскресеньям. В общем, нормы чистоты в разных социальных средах сильно отличались друг от друга.

Ничто не демонстрирует эти различия лучше, чем то, как простонародье поначалу использовало ваннные комнаты. Послевоенный строительный бум позволил переселить простые семьи в квартиры «с удобствами». Буржуазия потешалась над тем, что рабочие, получившие социальное жилье, стали держать в ваннных уголь или разводить там кроликов... Новым обитателям комфортабельного жилья понадобилось время, чтобы привыкнуть к современным бытовым условиям.

Новая забота о внешности

Это отставание, впрочем не носящее систематического характера, — ввиду широкого распространения спорта, молодежных гостиниц, оплачиваемых отпусков — объясняется совершенно различным отношением к телу в обществе. Для буржуазии межвоенный период — это эпоха освобождения тела и новых

отношений между телом и одеждой. Раньше одежда скрывала тело, оно было ее узником. Изменения в мужской одежде, начавшиеся перед I Мировой войной, были еще очень скромными: ушли в прошлое крахмальные воротнички и жесткие шляпы, их заменили мягкие воротнички и фетровые шляпы. Редингот уступает место пиджаку и становится костюмом для торжественных выходов. Что же касается женской одежды, то здесь изменения были весьма значительными: на смену корсетам пришли бюстгальтеры и трусики. Платья стали короче, чулки подчеркивали красоту ног. Более мягкие ткани обрисовывали линии тела. То, как человек выглядел, в большей мере, чем раньше, зависело от состояния его тела, поэтому за ним следовало ухаживать. Женские журналы постоянно обращали на это внимание своих читательниц, в них появилась новая рубрика: ежедневная гимнастика. И женщины принимают каждое утро заниматься своей талией, развивать гибкость. Начали есть более легкую пищу, превозносили свежие овощи и жарение на гриле. Меню стали короче, и даже на званных обедах триада, состоявшая из закусок, запеченного мяса и рыбы в соусе, часто заменялась мясом и рыбой. Большой живот для мужчины теперь — признак не респектабельности, а небрежного отношения к себе; стройные теннисисты — эти новые «мушкетеры» во фланелевых брюках и открытых рубашках — представляют собой очень привлекательную для молодых людей модель мужской элегантности.

Женщины отныне желают быть соблазнительными, и это желание больше не скрывается. Новые женские журналы — в частности, *Marie Claire*, начавший выходить в 1937 году, — предписывают читательницам оставаться привлекательными, если они желают удержать мужа. Речь здесь идет о новой концепции, которая, впрочем, говорит об изложенной выше эволюции отношений внутри пары. Одна пожилая читательница косвенным образом подтверждает это, упрекая журнал *Marie Claire* в том, что советы, даваемые читательницам, требуют

от них слишком многого: в прежних брачных союзах такого не было*. Забота о красоте, макияж, губная помада перестали быть атрибутами кокеток и дам полусвета: честным женщинам теперь тоже разрешалось подчеркивать свои прелести.

Для описания распространения этих новшеств в обществе в целом потребовались бы сначала специальные исследования. Рискнем, однако, выдвинуть некоторые гипотезы. Эта модель поведения распространяется в межвоенный период среди светской парижской буржуазии, посещающей пляжи и лечебные курорты. Именно она, желающая быть современной, является законодательницей мод. Англосаксонский стиль жизни в этой среде известен и любим. Провинциальная буржуазия, в свою очередь, держится за традиции, стиль ее поведения меняется позже, ближе ко II Мировой войне; католическое движение, скаутское движение, девушки-скауты играют большую роль во внедрении в жизнь новой практики.

В других кругах изменения идут еще медленнее. Женщины-служащие опережают работниц и крестьянок, а женщины — мужчин, но буквально все поголовно втянуты в процесс становления общества потребления. Бурное развитие рекламной индустрии привело к ускорению адаптации населения к новым нормам ухода за телом, перевозосимым врачами и моралистами с начала XX века. Чтобы продавать шампунь («Доп, доп, доп, весь мир выбирает „Доп“», — доносилось из всех радиоприемников в 1950-е годы), запустить линию духов, дезодорантов, кремов, кремов для загара, такие фирмы, как L'Oréal, вели массивную рекламную кампанию. Первым успехом L'Oréal был запуск крема для загара «Ambre Solaire» в 1937 году. Производители нижнего белья, курортные бюро тоже не отставали от

* Вот что пишет издательница журнала Marie Claire Марсель Оклер о письме, пришедшем в редакцию 7 мая 1937 года: «Бабушка из Нёйи-сюр-Сен упрекает меня в том, что я подогреваю мужской эгоизм, когда советую женщинам прилагать усилия, чтобы оставаться красивыми и по-прежнему нравиться мужьям...» — *Примеч. авт.*

индустрии красоты. Иллюстрировавшие рекламу журнальные фотографии провоцировали у женщин желание стать такими же, как модели; этому же способствовало кино и в особенности телевидение. Профессиональные стилисты и массажисты создавали стандарты красоты. Вместе с этими новыми образами возникали и новые практики: чтобы продать шампунь или зубную пасту, нужно для начала навязать публике культ звездной прически и голливудской улыбки; продать же крем для загара было труднее, потому что отпускной заггар еще не стал социальным императивом. Таким образом, коммерсанты сделали для популяризации идеи нового ухода за телом больше, чем гигиенисты.

Распространение нового отношения к телу начиная с 1960-х годов шло по трем направлениям: туалет, диета, физкультура. В 1951 году анкетирование, проведенное журналом Elle, вызвало небольшой скандал: выяснилось, что 25% опрошенных женщин никогда не чистят зубы, а 39% моются раз в месяц. В 1966 и 1967 годах опросы по поводу бюджета времени горожан, проведенные в Париже и еще шести городах, показали, что в среднем женщины посвящали уходу за собственным телом один час в день, мужчины почти столько же. Восемь лет спустя этот показатель возрос на 30–40% для женщин и на 20–30% для мужчин. Наши современники тратят по восемь-девять часов в неделю на приведение себя в порядок, и если мужчины из высшего руководства посвящают этому немного меньше времени, то женщины-служащие и руководители среднего звена — девять с половиной часов. Процедуры по уходу за телом стали более тщательными и разнообразными и требуют сегодня больше времени.

Что касается диеты, то в целом пища становится более легкой, несмотря на то что работающие люди продолжают потреблять много калорий. Об этом свидетельствуют цифры: в период между 1970 и 1980 годами вес женщин снизился в среднем на килограмм, а мужчины, сохранив прежний вес,

стали в среднем на полтора сантиметра выше. В сфере, где изменения идут медленно и оцениваются раз в столетие, этот скачок за десять лет является красноречивым признаком повышенного внимания к собственному телу.

Быть спортивным

В плане физической культуры также произошли весьма заметные изменения. Гимнастика, как мы видели, перед II Мировой войной рекомендуется всеми женскими журналами. На практике, однако, не все так гладко: следовать этим советам, которые не касались мужчин, без стимула было трудно. Невозможно сказать, сколько женщин пытались выполнять упражнения: можно быть уверенными, что многие начинали и потом разочаровывались. Чтобы мужчины и женщины занялись гимнастикой, требовался мощный импульс. Этот импульс появился, когда возникли возможности для демонстрации своего тела. В середине 1960-х годов в рекламе загородных резиденций для богатой публики фигурировала молодая пара в купальниках около бассейна, на заднем плане — теннисный корт. Распространение каникулярного стиля жизни на повседневность, принятое в высших сферах, пошло «в народ», когда в 1956 году появилась третья неделя оплачиваемого отпуска. В середине 1960-х годов лишь четверо французов из десяти уезжали в отпуск, но в моду входит кемпинг, и молодежь из всех слоев общества получает доступ к пляжу. В 1956 году был 1 миллион туристов, в 1959-м — 3 миллиона, в 1962-м — около 5 миллионов и 7 257 000 в 1964-м. Менее чем за десять лет совершилась «летняя революция».

К летней заботе о теле десять лет спустя добавятся более регулярные занятия спортом. Для гимнастических и танцевальных залов наступает период расцвета, а дорогие заведения, например *Président*, со страниц серьезных ежедневных газет напоминают читателям о необходимости поддерживать стройность и гибкость тела. Различные социальные центры,

клубы для пожилых людей несут эту идею в самые широкие слои общества. Однако вскоре забота о теле перестанет нуждаться в поддержке коммерческих и некоммерческих организаций. Вошедшим в конце 1970-х годов в моду бегом трусцой, или джоггингом, занимаются самостоятельно или в компании приятелей, что способствует разрядке и дружескому общению. Развиваются индивидуальные виды спорта. В 1981 году 32% французов заявляют, что занимаются спортом самостоятельно. Количество занимающихся такими командными видами спорта, как футбол и регби, остается стабильным, а что касается тенниса, то если в 1950 году им занимались 50 000 человек, то в 1968-м — уже 133 000, а в 1981-м — 993 000; с 1966 по 1977 год количество дзюдоистов-любителей увеличивается с 200 000 до 600 000. В особенности популярными становятся индивидуальные виды спорта, воодушевляющие, дающие ощущение скорости и собственного мастерства: количество лыжников увеличивается за двадцать лет, с 1958 по 1978 год, втрое, и сегодняшние 686 000 членов лыжных клубов и секций составляют лишь часть от многомиллионной армии лыжников⁵⁰. Успехов добиваются яхтсмены, и вот уже изобретен гораздо менее затратный виндсерфинг, который за несколько лет становится одним из главных видов спорта. Наша эпоха придумала, развила и демократизировала новые виды спорта, силовые, игровые и просто приносящие телесную радость.

В результате поддержание тела в форме переходит в статус не только правомерного, но и обязательного занятия. Для тех, кто хочет идти в ногу со временем, быть спортивным теперь не личное предпочтение, а долг. Знаком наступивших перемен является спортивная одежда, еще вчера допустимая лишь в определенное время и в определенных местах — на спортплощадке и на отдыхе; теперь же она охватывает города. *Sportswear* распространяется повсеместно начиная с 1976 года; куртки-анораки вытесняют классические плащи, продажи которых

сократились на 25%⁵¹. Ничто лучше не показывает новый статус спорта: в спортивной одежде теперь можно ходить по улицам и появляться в офисе.

Расцвет тела

Реабилитация тела — один из важнейших аспектов истории частной жизни. Она изменяет отношения индивида с самим собой и с окружающими.

Краситься, делать гимнастику, бегать трусцой, играть в теннис, кататься на лыжах или заниматься виндсерфингом означает относиться к телу одновременно как к цели и как к средству. В определенных областях, например в физическом труде, тело представляет собой средство, а не цель. В других же, например в кулинарии, тело — это цель, а средством в данном случае являются блюда, которые готовит повар. Повсеместное распространение телесной деятельности, целью которой является само тело — его внешний вид, его благополучие, — стало новацией конца XX века. Идеалом становится «блаженство в собственном теле».

Это новшество хорошо иллюстрирует эволюция танца. Разумеется, танец требует наличия партнера, и чувственность в той или иной мере в нем присутствует всегда. Однако танцы начала века — вальс, кадрили — представляли собой сложный социальный ритуал: танцевать означало демонстрировать владение этим кодом. После I Мировой войны танец соединяет партнеров, и моралисты отвергают, осуждают чувственность танго. После II Мировой войны в джаз, который вместе с чарльстоном был до этой поры знаком лишь меньшинству, входят ритмы народных танцев, буги-вуги, бибоба и т. д. Танцуют по-прежнему парами, но партнеры то отходят друг от друга, то сближаются, то снова расходятся. Удовольствие от силы и гибкости собственного тела дополняется удовольствием ритмично двигающегося тела партнера: медленный танец

позволяет прижимать партнера к себе и безо всяких фигур танго. С приходом джерка и диско начинают танцевать по одиночке, без партнера. За социальным ритуалом последовал ритуал парный и потом ритуал индивидуальный. Танец познал три возраста: знание правил и обычаев, согласие с партнером, триумф тела.

Уходу за телом посвящается много времени, он занимает важное место в частной жизни человека и приносит разнообразное удовлетворение. Ванны, приведение себя в порядок, занятия физкультурой — это отчасти нарциссическое удовлетворение, созерцание собственного тела. Зеркало в XX веке не новшество, зато теперь оно есть почти у каждого и нередко используется по-новому: в зеркало на себя смотрят не только глазами постороннего, чтобы понять, все ли в порядке с одеждой; на себя теперь смотрят и так, как другим обычно не разрешается: себя видят без макияжа, без одежды, обнаженными.

Нарциссическое удовольствие от созерцания себя в ванной комнате полно надежд и воспоминаний. Своим телом занимаются, чтобы затем выставить его напоказ. Демонстрировать драгоценности и украшения уже недостаточно. Одежда отныне либо функциональная, удобная, практичная, либо же подчеркивающая и обнажающая тело, заставляющая догадываться о том, какое оно. Главное украшение теперь — загорелая, гладкая, упругая кожа, гибкость; динамизм современного руководителя подтверждается его спортивностью. Тело все больше и больше выставляют напоказ: каждый этап очередного частичного обнажения начинается со скандала, потом быстро распространяется и подхватывается молодежью, увеличивая пропасть между поколениями. Так было с мини-юбками в середине 1960-х, а десять лет спустя — с купальниками-монокини на пляже. Показывать ягодицы или бюст больше не непристойно. И летом в городах появляются мужчины в шортах, открытых рубашках или с обнаженным торсом. Тело не просто реабилитировано: оно востребовано и активно демонстрируется.

С точки зрения межвоенных норм прогрессирующее обнажение — непристойность или по крайней мере провокация. Новой же норме, наоборот, это свойственно: мы видим новую манеру жить в своем теле, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что тело демонстрируется не только в публичных местах, но и в домашней обстановке. Летом люди отрываются от своих занятий и садятся за стол прямо в купальниках. Родители расхаживают по квартире голышом, не прячась от детей. Трудно сказать, насколько широко распространено подобное явление; в первую очередь это зависит от поколений и от среды. Сама возможность этого говорит не о развращенности, а о смене норм.

Тело и самоидентичность

Тело стало средоточием самоидентичности. Стыдиться своего тела — все равно что стыдиться себя. Зоны ответственности сместились: наши современники чувствуют себя в меньшей степени, чем представители предыдущих поколений, ответственными за свои мысли, чувства, мечты и ностальгические воспоминания; они принимают их, как если бы они были навязаны извне. Зато телом они управляют в полной мере. Тела людей — это они сами. Тело — это реальный человек, куда более реальный, чем его социальная идентичность или маска, которую он носит, чем его хрупкие и подверженные манипуляциям идеи и убеждения. Таким образом, частная жизнь любого человека сопряжена с телом. Настоящая жизнь — это больше не общество, работа, бизнес, политика, религия; настоящая жизнь — это каникулы, отдых, цветущее и свободное тело. Это то, что имел в виду старшекласник, сказавший, что зверь — это свободный человек, или то, что подразумевали граффити 1968 года: «Под мостовой — пляж».

Тело под угрозой

Из вышеописанного ясно: все, что угрожает телу, вызывает особую тревогу.

Возьмем насилие. В противоположность расхожему мнению, насилие в нашем обществе отстывает. Его уровень достаточно высок в маргинальной, плохо интегрированной среде, но в целом отступление насилия — неопровержимый факт. Во-первых, это касается политического насилия: чтобы убедиться в его ослаблении, достаточно сравнить 6 февраля 1934 года* с шестнадцатью погибшими и события мая — июня 1968-го, когда во всей Франции было всего пять жертв**. Без сомнения, создание специализированных подразделений полиции для поддержания порядка частично объясняется стремлением избежать столкновений со смертельным исходом, но даже сама мысль, что политические выступления могут повлечь за собой смерть человека, стала невозможной.

Во-вторых, повседневное (бытовое) насилие. Жиль Липовецкий приводит интересные цифры⁵². В центре страны (департамент Сена), с одной стороны, и на севере, с другой, в 1875–1885 годах было осуждено за побои и телесные повреждения соответственно 63 и 110 человек на 100 000 населения; в 1975 году — 38 и 56 на 100 000. Смертность в результате убийств снизилась с 3,4 на 100 000 в 1900–1910 годах до 1,1 на 100 000.

Глядя на эти цифры, невольно задаешься вопросом: почему наши современники, напротив, убеждены в постоянном росте насилия? Расхождение между реальностью и общественным мнением ставит проблему. Частично это, должно быть, объясняется шумом, поднимаемым вокруг бытовых убийств; с другой стороны, возможно, что мелкое насилие как раз растет. Однако ясно и то, что повышается чувствительность к насилию:

* В этот день в Париже произошли уличные беспорядки, организованные ультраправыми политиками.

** Один парижанин был убит в ходе манифестации, один комиссар полиции — в Лионе, на мосту Гийотьер, студент Жиль Тотен утонул в Сене в коммуне Флин-сюр-Сен и двое рабочих погибли в Сошо. Эти строки были написаны до послуживших им подтверждением зрелищных выступлений студенческого и молодежного движения в декабре 1986 года. — *Примеч. авт.*

любая физическая агрессия воспринимается очень остро, как покушение на самое святое. Если посмотреть шире, то жестокость по отношению к животным вызывает такую острую реакцию не потому, что свидетельствует о человеческой жестокости, а потому, что страдание животного уподобляется страданиям человеческого тела. Уличенных в жестоком обращении с животными отныне наказывают по закону. В общем, можно сказать, что новая норма обязывает в приоритетной и категорической форме соблюдать телесную неприкосновенность.

Борьба со старением

Извне телу угрожает насилие, изнутри же — возраст и болезни. Наши современники не без успеха борются с непоправимым действием времени: сегодня сорокалетние мужчины и женщины ничем не напоминают своих сверстников два поколения назад. Джейн Фонда только в 1984 году признала свои первые морщины и наступление зрелости и объявила сорок лет «элегантным возрастом женщины». На бой со старением мобилизованы не только соблюдение правил гигиены, рациональное питание и занятия спортом, но и все ресурсы косметологии; даруя надежду на победу над старением, процветает торговля кремами от морщин, разными королевскими гелями, масками из глины; указания ко всем этим средствам написаны с виду научным языком. Конечно, не стоит забывать и об очаровании рекламы. Люди делают попытки остановить выпадение волос. Клиники с райскими условиями на берегу Средиземного моря, Женевского озера или даже в родном Виттеле обещают настоящее омоложение. Не помогло? Пластическая хирургия не отстает: убираются мешки под глазами, восстанавливается форма обвисшего бюста.

Конечно, подтяжка лица (лифтинг) доступна пока меньшинству: звездам экрана или политики, медийным персонам. Для тех, кто не достиг определенного финансового уровня и светской известности, подобные решения проблемы старения еще

не являются обычным делом; тем не менее пластических операций делается все больше. Все это демонстрирует, до какой степени наши современники не желают стареть. Социальная норма предписывает выглядеть молодо, и личность до такой степени отождествляется с телом, что «оставаться собой» начинает означать «оставаться молодым».

Страх заболеть

Итак, в наше время не принято мириться со старением и еще меньше — с болезнями. В начале века болезнь и смерть были фатальной реальностью, с которой приходилось считаться. Детская смертность все еще была весьма значительной: каждый пятый ребенок не доживал до пяти лет. Пневмония, дифтерия, инфекционные болезни часто становились причиной детской смертности, а туберкулез был одним из социальных бедствий. В 1945 году Флеминг получил Нобелевскую премию за открытие пенициллина; антибиотики, прогресс хирургии и консервация крови в корне изменили ситуацию: детская смертность значительно снизилась, и продолжительность жизни детей, родившихся в 1985 году, превысит продолжительность жизни тех, кто родился в начале века, на двадцать лет.

Вследствие сказанного выше преждевременная смерть вызывает скандал: умереть до наступления определенного возраста больше не кажется нормальным. Правда, смерть часто бывает внезапной: автокатастрофы уносят жизни совершенно здоровых людей, и инфаркты случаются неожиданно. Рак, поражающий детей, а также мужчин и женщин в расцвете лет чаще, чем стариков, нередко выявляется слишком поздно; его считают проклятием и прибегают к эвфемизмам. В общем, теперь, когда большинство болезней, кроме изнашивания организма, можно предотвратить, жизнь перестает быть счастливым случаем и становится правом каждого.

Теперь уделять внимание своему телу не означает только соблюдать гигиену, поддерживать себя в форме и противостоять

старости; тело следует предохранять от болезней. Наше общество пропитано страхом болезней; этот страх повышает престиж врачей и расширяет их клиентуру, увеличивает продажи лекарств в аптеках, повышает доходы микробиологических лабораторий и рентгеновских кабинетов. При малейшем недомогании люди принимают лекарства, консультируются у специалистов, проходят обследования. Прогресс науки вызывает чрезмерное доверие, а ее бессилие подчас не ведет к покорности судьбе. Желание вылечиться очень сильно, однако официальная медицина, хоть она и эффективна в наши дни как никогда, имеет предел возможностей. Вследствие этого растут доходы нетрадиционных медиков. Знахарей и целителей, вопреки ожиданиям, меньше не становится; также увеличивается количество гомеопатов и иглорефлексотерапевтов. Здоровье постоянно вызывает озабоченность, конечно, не столь явную, как в Соединенных Штатах, где оно входит в обязательные ежедневные обзоры новостей, но о нем постоянно говорят, пишут в газетах, в вокзальных киосках продают всякую околomedическую литературу; биология, далеко ушедшая от естествознания прошлых времен, преподается в школе и наравне с физикой становится главнейшей наукой.

Надо сказать, что на страхе заболеть и желании победить болезни строятся программы многих политических и общественных деятелей. Ничто не является столь частным аспектом жизни, как здоровье, и в то же время ничто с такой легкостью не становится достоянием общности. Здоровье связано как с частной сферой, так и с публичной.

Политика в сфере здравоохранения

Когда какая-то проблема становится такой важной для населения, неизбежно вмешательство государства. В первую очередь это вмешательство связано с заботой о здоровье нации: теперь, когда существуют эффективные методы лечения и, в частности, меры профилактики, недопустимо, чтобы

кто-то подвергал риску здоровье соотечественников. Множатся всякого рода указы, и в 1930 году возникает необходимость создания Министерства здравоохранения. Прививки становятся обязательными, в школах вакцинируют не охваченных прививками детей. Будущие супруги перед вступлением в брак должны пройти осмотр, чтобы предупредить риск наследственных заболеваний, а также возможные риски резус-несовместимости. Народный фронт занимается вопросами защиты материнства и детства: при условии прохождения трех осмотров в ходе беременности будущие матери получают родовое пособие; устанавливаются сроки осмотров новорожденных детей. Родителям настоятельно рекомендуют вести дневник здоровья каждого ребенка. Летние лагеря подвергаются санитарной инспекции. Создается целый комплекс правил в сфере здравоохранения.

Однако государство не довольствуется лишь наблюдениями и запретами: оно активно пытается сделать медицину доступной всему населению. Недостаточно создавать бесплатную медицину на основе диспансеров: надо добиться того, чтобы цены на медицинские услуги не служили причиной отказа больных от лечения. Несмотря на развитие дополнительного медицинского страхования, оно еще не затрагивает все слои общества. Принимаются новые решительные меры: в год создания Министерства здравоохранения вступают в силу законы о социальном страховании, принятые в 1928 и 1930 годах. И только после 1945 года эту политику координируют и развивают органы социальной защиты.

Таким образом, здоровье каждого члена общества зависит от огромного государственного организма, который обеспечивает финансирование заботы о нем. Приоритеты теперь отдаются борьбе с болезнями, что вкупе с ростом квалификации врачей и разнообразием ухода за больными повышает расходы на здравоохранение: они растут быстрее, чем доходы частных лиц и государственный бюджет. В 1950 году прямое

или косвенное обращение к медицинским услугам составило 4,5% от общего объема семейных затрат, в 1970-м — 9,4% и 12,4% — в 1982 году. Этот рост в конечном итоге остановился. Одновременно с этим меняется статус больницы. До резкого скачка в развитии медицины и хирургии в больницах содержались бедняки: это было делом органов социальной защиты. С дальнейшим усложнением обследований и лечения больница стала храмом медицины, единственным местом, где могут лечить больных на основе достижений науки, предоставляя к их услугам все ресурсы современной медицины. Больные начали перемещаться из своих домов в больницы: именно туда теперь принято обращаться за правильным лечением. Именно туда надо обращаться, когда существует риск осложнений; например, это касается родов. До 1940 года большая часть женщин рожала на дому; в настоящее время практически все роды протекают в родильных домах. Мы видим, что забота о заболевших ускользает из частной сферы: она в буквальном смысле становится делом публичным не только в финансовом плане, но и в материальном и даже в эмоциональном.

Между стремлением переживать в частном порядке разные тяжелые ситуации и публичным характером их разрешения возникает противоречие. Врачи, доходы которых возросли именно тогда, когда страховые компании сделали платежеспособной часть их клиентуры*, преодолевают это противоречие, горячо защищая либеральный характер своей профессии. Несмотря на договорные соглашения и на возросшую прозрачность доходов врачей, их частная беседа с больным является

* *Hatzfeld H. Le Grand Tournant de la médecine libérale. Paris: Éd. Ouvrière, 1963.* Здесь подчеркивается, что тариф, предусмотренный законом от 1930 года, не навязывается врачам, как это было раньше, но определяет лишь размер выплат из социальных страховых касс. Теперь некоторые врачи, не желающие причинять неудобств своим самым бедным пациентам, без колебаний обращаются в страховые кассы и требуют выплаты. — *Примеч. авт.*

для них одновременно реальностью и позицией. Таким образом они сохраняют частный характер своих отношений с больным в рамках государственной системы.

Еще более сильное противоречие можно отметить в больничной среде. Впервые в истории человечества наступило время, когда люди рождаются и умирают в больницах. Стремление к эффективности терапии вкупе с трудностями, с которыми сталкиваются родственники тяжелобольных людей, приводит к тому, что важнейшие события человеческого существования происходят вдали от более просторного домашнего очага, в безопасных и функциональных, но в то же время обезличенных стенах больницы. Одновременно с этим размещение больного в общей, многоместной палате начинает казаться совершенно недопустимым; она была хороша лишь для бездомных, подобранных из милосердия; для наших современников, привыкших к своей собственной комнате, которые к тому же пребывают не в лучшем настроении в связи с болезнью, это выглядит архаично, варварски и негуманно. В связи с этим многие старинные больницы перестраиваются, многоместные палаты заменяются отдельными или в крайнем случае рассчитанными на двух-трех пациентов.

В этих современных больницах в отдельных палатах люди тихо уходят из жизни, делая вид, что не замечают этого, чтобы не волновать своих близких. Таким образом осуществляется право каждого на свою собственную, отдельную от семьи частную жизнь...

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

История частной жизни в XX веке отмечена двумя симметричными движениями. С одной стороны, процесс труда выходит за пределы дома и совершается в обезличенном пространстве, где действует формальная система юридических правил и коллективных договоренностей. С другой стороны, индивид завоевывает в рамках семьи пространство и время для своей собственной, личной жизни. Специализация пространства и времени увеличивает контраст между частной и публичной сферами и выявляет специфические черты обеих. Однако, ограничиваясь этими двумя основными тенденциями, мы рискуем слишком радикально противопоставить друг другу публичное и частное, настолько, что перестанем понимать их единство в рамках общества. Таким образом, недостаточно лишь последовательно рассмотреть одну и другую сферы: следует также изучить их взаимодействие.

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ

Общественное пространство

Переход от частного к публичному часто бывает достаточно грубым: очень многие сталкиваются с этим каждое утро. Едва выйдя из дома, человек попадает в мир работы, принуждения, обязанностей. Он должен не опоздать на автобус, метро,

поезд, не попасть в пробку. В противоположность домашней приватности, каждый поход на работу — это прыжок в безразличное, недружественное, даже враждебное публичное пространство; мы втискиваемся в переполненный вагон, радуясь, что прибудем «вовремя». Это не переход из одной сферы в другую, а скачок.

Такая ситуация свойственна большим современным городам, однако более половины французов (50,7% в 1982 году) проживают в городских агломерациях, насчитывающих по меньшей мере 50 тысяч жителей. Это одна из новых черт конца XX века. Разделенность работы и дома в городах вызывает необходимость в ежедневных перемещениях. В этом смысле публичная трудовая жизнь начинается в общественном транспорте, и использование личного автомобиля представляет собой попытку продолжить частную жизнь и сделать переход от нее к жизни публичной более плавным. Это редко удается; автомобильные заторы свидетельствуют о неэффективности этой попытки: коллективные правила дорожного движения, навязываемые частному транспорту, оставляют каждого индивида одиноким и безликим.

Квартал: пространство, где все друг друга знают

Квартал в старом понимании этого слова или небольшой городок сами по себе являются переходными пространствами. Квартал — понятие субъективное, каждый определяет его по-своему, в зависимости от маршрутов, которые он проходит по пути от собственного дома. Именно проходит пешком, потому что квартал — это территория, по которой ходят, в отличие от агломерации, по которой ездят на транспорте. Его пространство, как и пространство маленького городка или деревни, открыто для всех, в нем действуют устоявшиеся коллективные правила, а фокусом его является пространство закрытое — дом и квартира. Это публичное пространство, находящееся *снаружи* для тех, кто *внутри*.

Здесь все друг с другом знакомы. Особенности частной жизни каждого известны некоторому количеству людей, которых никто не выбирает, но которые в то же время не являются совсем посторонними. Речь идет о соседях. Вследствие ограниченности пространства все знают друг друга хотя бы в лицо. Незнакомец воспринимается как чужак. Как не вспомнить Марсея Пруста, рассказывавшего, как тетушка подолгу обсуждала с Франсуазой какую-то собачку, «которую она совсем не знает», или что за спаржу одна из соседок несет в корзине.

На самом деле мы видим здесь нечто большее, чем просто знакомство друг с другом, а именно социальные связи. Каждый житель квартала или городка извлекает из соседства некоторую пользу, если согласен играть по правилам. Он получает от других мелкие знаки внимания: улыбки, приветствия, что дает ему уверенность в том, что он существует, его знают, узнают, ценят, уважают. Иногда соседская забота идет дальше — люди беспокоятся, если, например, какая-нибудь пожилая дама не пришла за хлебом в привычное время. Однако чтобы пользоваться этим, надо соблюдать правила квартала, делать то, что принято, и не делать того, что не принято. Тот, кто не выполняет этого неписаного устава, подвергается не самой дружеской критике и в конечном счете исключается из сообщества: если не соблюдаешь правила, оказываешься вне игры.

Вслед за антропологом Пьером Майо⁵³ можно назвать *приличиями* свод правил, которыми руководствуются соседи, общаясь между собой. Этими приличиями обозначается переходное пространство между частным и публичным. Никогда не знаешь, кого встретишь, выйдя из дома. Подобные встречи не носят частного характера: их не назначают по своему желанию, они протекают на глазах других и, как правило, бывают весьма банальны, разговоры ограничиваются «общими местами». Но этих контактов невозможно избежать, поэтому все знают, где и с кем живет тот или иной человек, кто его родители и дети. По его перемещениям понятно, идет ли он

по магазинам, за детьми в школу или возвращается с работы. Здесь все полнится слухами, в особенности о том, что касается частной жизни соседей.

Выход за дверь своего дома означает риск. Приличия требуют прежде всего правильного представления себя. Это переходное пространство отмечено, по словам Майоля, некоторой театральностью, и там так или иначе все оказываются как на сцене. Окружающим следует показывать себя в положительном свете. По одежде можно многое понять, так как всем известно, как человек одевается обычно. «Вы сегодня прекрасно выглядите», — скажет торговец покупательнице, а через несколько минут прокомментирует всему кварталу: «Мадам X сегодня разоделась в пух и прах». Нужен благовидный повод, чтобы изменить своему обычному стилю в одежде, потому что всякое отклонение замечается, комментируется, интерпретируется. Так же дело обстоит с тем, кто ходит в гости к супругам и к кому ходят они сами, и с тем, что удастся подслушать о семейной жизни соседей: скандалы не проходят незамеченными, иногда даже один из участников «спектакля» может привлечь весь квартал в свидетели и сыграть на этом в своих интересах. Покупки, совершаемые в пределах квартала, также обсуждаются, если покупается что-то необычное: купить бутылку вина в местной лавочке в воскресенье — нормально, однако, по словам Майоля, первые бутылки виски в Круа-Руссе приобретались в «Карфуре»*: анонимность супермаркета позволяет сделать что-то необычное незаметно для окружающих. В общем, можно сказать, жизнь в квартале — это тысяча и одна подробность повседневности. Квартал — сцена, на которой людям приходится представлять свою частную жизнь.

Квартальные «правила приличий» не ограничиваются только этим представлением; можно сказать, они в некоторой степени защищают частную жизнь обитателей. Кое-что

* Carrefour — французская компания розничной торговли.

запрещается, кое-что регламентируется, как, например, отношения с соседскими детьми. Правила добрососедства предписывают иногда вмешиваться, иногда, наоборот, воздерживаться от вмешательства. Кроме того, вести диалог друг с другом следует также согласно правилам. В самом деле, в пространстве квартала частная жизнь не только представляется взглядом: о ней еще и говорят, но не выходя за установленные рамки.

Где разговаривают женщины...

Так сложилось, что женщины с женщинами общаются в одних местах, а мужчины с мужчинами — в других. В прежние времена в небольших городках главным местом общения женщин были прачечные. Однако посмотрим, как ведут себя горожанки в продовольственных лавках: они очень быстро начинают ждать от продавца не просто «обслуживания», как от кассирши в супермаркете, но «общения». Коммерсант должен знать своих клиенток, знать их предпочтения и предвидеть, что именно они собираются купить. Дело не только в качестве товара: каким бы вкусным ни был хлеб в булочной, это не спасет торговое учреждение, если продавщица необщительна: ей следует знать своих покупательниц и уметь их принять, чтобы поддержать свою репутацию и обеспечить себе клиентуру⁵⁴.

Среди торговцев особое место принадлежит продавцу маленького продуктового магазина, потому что даже по ассортименту товаров, которые у него покупаются, можно судить о частной жизни клиентов: он знает их вкусы, дома ли они или в отъезде, ему известно, когда у кого праздник, кто чем болен, кто переживает не лучшие времена. Если только продавец — или продавщица — никуда не торопится и включается в игру, покупка продуктов сопровождается с виду безобидной и ни к чему не обязывающей беседой, во время которой, однако, происходит обмен некоторым количеством персональной информации. Посторонние при этом слышат лишь вызывающие ироническую улыбку банальности, однако Майоль

справедливо отмечает важность контекста, знание которого помогает собеседникам отлично понять друг друга. Сентенция «Что вы хотите, дело молодое» сообщает продавцу, что внук мадам Х по-прежнему живет со своей подружкой⁵⁵. Правила приличия позволяют сказать все, не сказав как бы ничего конкретного. И именно потому, что эти банальности под видом житейской мудрости сами по себе не несут в себе никакого смысла, при условии знания контекста из них можно многое понять.

...и мужчины

Мужчины предпочитают общаться в кафе. Не в тех, что находятся на больших улицах и куда заходит кто угодно, а в таких, где собираются завсегда. Здесь известно, как кого зовут, у кого какие привычки: за каким столиком любит сидеть тот или иной клиент и какой напиток предпочитает. Посещение кафе подчиняется еженедельному или ежедневному ритму. Есть кафе поблизости от автобусной остановки или метро, куда заходят по пути с работы пропустить стаканчик с коллегами, прежде чем расстаться. В этой традиции воплощается переход от публичности рабочего пространства к приватности домашней обстановки. Есть также кафе, куда ходят по утрам в воскресенье выпить белого вина в компании друзей, которых знают с незапамятных времен... Разновидностей кафе множество.

Здесь разговоры отличаются от тех, что ведут в магазинах покупательницы с продавцами. Частная жизнь обсуждается меньше, говорят в основном о работе, о делах, о политике. Если же разговор переходит на личные темы, то это, как правило, сопровождается шутками о женщинах вообще, и личная жизнь каждого из участников беседы для непосвященных остается тайной. Эти обмены репликами также основаны на некоем неписаном своде правил, и грубоватые шутки являются своеобразным ключом к его пониманию. Все сказанное

ни к чему не обязывает, а если кто-то вдруг обидится, то, значит, «он не понимает шуток»; тем не менее эти игривые шутки произносятся от первого лица...

В этих условиях понятна важность такого явления, как кафе: накануне I Мировой войны их насчитывалось во Франции 480 000, накануне II Мировой — 500 000. Это более одного бистро на сотню жителей. Даже в крошечных городках было множество таких заведений, особенно в промышленных районах: в Рубе, например, в конце XIX века было одно кафе на 50 жителей! Выше уже говорилось, что успех кафе частично объяснялся теснотой народного жилья, и в исследованиях народной жизни постоянно упоминаются кабаре и забегаловки в качестве мест проведения досуга рабочих⁵⁶. Во всяком случае, с середины XIX до середины XX века частная жизнь простого народа вне дома протекала в этих публичных заведениях, за которыми велось неусыпное наблюдение полиции и подвальных крыс, которых было здесь полно.

В этом смысле французы в рассматриваемый период жили в своем квартале и городке так же, как у себя дома. Это отмечает Колеет Петонне, отслеживая ежедневный маршрут одной старой дамы, которую органы социальной защиты надумали переселить: безусловно, она живет в жалкой конуре, но она у себя также и на улицах, и во всем квартале; что она будет делать в новой квартире, лишившись своего квартала?⁵⁷ Противопоставлять абсолютно частное домашнее пространство и публичное пространство за пределами дома свойственно буржуазии, тогда как для простого французского народа или неаполитанцев, описанных Сартром, это противопоставление не столь ярко выражено. Пространство квартала отличается от частного пространства, но эти отличия не столь сильны; напротив, квартал, окружая частное пространство, становится для него своеобразной защитной зоной. Обычаи квартала позволяют ему быть открытым, публичным пространством, но в то же время впускающим в себя частную жизнь каждого

обитателя, который находит в нем поддержку, отклик, иногда запреты. Квартал помогает совершить переход от частного к публичному.

Разрушение и воссоздание

Недавний процесс урбанизации разрушил это замысловатое взаимодействие публичного и частного.

Чтобы передаваться от поколения к поколению, этой «культуре бедности»* требовались относительная стабильность населения и время для ассимиляции вновь прибывающих. Франция же в период с 1954 по 1968 год стремительно урбанизовалась, и доля горожан за эти четырнадцать лет выросла с 58,6% до 71,3%⁵⁸ и в дальнейшем прибавила несколько пунктов, составив в 1982 году 73,4%.

Агрессивное наступление урбанизации сопровождалось жилищным кризисом, который государство преодолевало спорными методами. В начале XX века было построено очень мало жилья, что объясняет сохранность бедных народных кварталов с их культурой. Однако дефицит жилья был таков, что строить новое приходилось целыми кварталами, на больших площадях. Уже было сказано, что большие жилые комплексы представляли собой прыжок в современность. Нас здесь интересуют в первую очередь совершенно новые кварталы, все жители которых были в них переселены. В истории еще не было ничего подобного. У обитателей этих новых кварталов не только нет никаких традиций, но им практически невозможно их создать, поскольку население в возрастном и семейном отношении очень однородное. Здесь очень не хватает

* См.: Hoggart R. *La Culture du pauvre*. Paris: Éd. du Minuit, 1976. Автор этой книги, вышедшей в свет на английском языке в 1957 году, доказывал положение о сохранности культуры британских народных кварталов — несмотря на средства массовой информации, рекламу и общество изобилия. Редкая проницательность для того времени. — *Примеч. авт.*

пожилых людей: не бабушек, которые никогда не жили со своими детьми и внуками, но одиноких старушек, хранительниц памяти квартала, знавших, как здесь принято себя вести, и из-за занавески зорко следивших за тем, кто куда пошел... Что за жизнь может быть у квартала, когда в определенный момент все его жители уходят на работу или в школу?

Разобщенное пространство квартала

Взаимодействие частного и публичного в пространстве квартала затрудняется еще и тем, что новые городские архитектурные формы нарушают структуру этого пространства. Исчезают улочки, прокладывавшие привычные маршруты. Маленьким магазинчикам и лавочкам приходит конец: вместо них появляются торговые центры, куда часто приезжают на автомобилях. Выражение «пойти пройтись» в этом функциональном пространстве теряет смысл. Что касается кафе, они становятся слишком дорогими для завсегдатаев прежних бистро, теперь здесь не сидят подолгу; разве что пары по поводу результата на ипподроме иногда оживляет жизнь квартала.

Отношения между соседями изменились. Лифт — это не вертикальная улица; раньше можно было видеть идущих по улице людей, и было известно, у какой двери они остановятся; их идентификация облегчалась тем, что дома отличались друг от друга, в то время как лифт скрывает своих пассажиров от взглядов посторонних, доставляет их на абсолютно одинаковые лестничные площадки, и двери подъездов тоже легко перепутать. Похожесть всех этих мест порождает анонимность. Соседи не исчезают — шум легко проникает через перегородки и перекрытия, — но исчезает соседство. Опрос, проведенный в 1964 году, показал, что в новых жилых комплексах общения между их обитателями почти не было: 68% жильцов никоим образом не общались с соседями по лестничной клетке, 50% не имели никаких отношений у себя в микрорайоне и 21% не вступал ни в какие отношения ни с кем и нигде⁵⁹.

Воздержимся, однако, от ностальгии. Нечуткость градостроителей к общественным процессам не объясняет произошедшего в это время гораздо более масштабного социального сдвига. Без сомнения, архитекторы больших жилых комплексов, отвечающие за реновацию трущоб в 1950–1970-е годы, не поняли, что городское строительство выполняет социальную функцию, помимо очевидных утилитарных (жилье, торговля, работа). Их проекты не дают возможности возникнуть переходному пространству, одновременно частному и публичному. Однако и сами кварталы в прежнем смысле слова изменились. Положим, Майоль в конце 1970-х все еще может рассматривать улицы Круа-Русса* как переходное пространство, но можно с уверенностью утверждать, что даже в таких чудом сохранившихся оазисах жизнь квартала стала беднее, общение его обитателей сократилось. Изменился образ жизни. Все спешат, проводят все меньше времени в своем квартале. У правил квартала есть и отрицательная сторона. Это и постоянная слежка друг за другом, и неодобрительные пересуды за спиной. Современный индивидуализм плохо вяжется с подобной «опекой»: как жить свободно под неусыпными взглядами кумушек-соседок? Буржуазные нормы приватности (не вступать в отношения с соседями и т. п.) приживаются не только потому, что лица, ответственные за городское хозяйство, общественную гигиену или социальную поддержку, уверенные в правомерности своих действий, навязывают их простому народу, переселяя и перемещая людей для их блага и комфорта, — они приносятся новой буржуазией, «белыми воротничками», для которых освобождение от общения с соседями означает подъем по социальной лестнице.

Впрочем, складываются новые, менее строгие правила добрососедства. Например, на рынках в больших жилых комплексах часто завязываются более или менее личные отношения

* Район Лиона.

между коммерсантами и покупателями, однако другие аспекты жизни клиентов, помимо предпочтений в еде, остаются для них тайной.

Границы в коттеджных поселках

Еще интереснее и разнообразнее общение в коттеджных поселках. Здесь больше нюансов, определяющихся социальными и региональными различиями. Принято противопоставлять французов, которые обносят свои владения изгородью, и американцев, сады которых, наоборот, переходят один в другой. Когда в 1966 году Франция вышла из НАТО, коттеджи, оставленные американскими военными, были проданы французам (например, в Орлеане), и первым делом новые собственники возвели заборы: буквально за несколько месяцев городской пейзаж изменился, и сплошные зеленые газоны, на которых стояли американские дома, оказались перегорожены оградами. Однако объяснения этого явления с точки зрения индивидуализма выглядят несколько куце. При внимательном изучении можно обнаружить некоторые тонкости. Житель коттеджа решительно обозначает границы того, что ему принадлежит, но высота изгороди по отношению к участкам соседей и к улице разная: с фасада дома она ниже, чем по бокам и с тыла. Дело в том, что различные участки дома используются по-разному. Можно сказать, что пространство вокруг коттеджа как бы двускатное: один склон солнечный, другой теневой⁶⁰. Пространство за домом — в чистом виде частное, почти интимное: летними вечерами семья может там обедать. Там сушится белье, в огороде растет лук или салат. Часть участка, выходящая на улицу, наоборот, выставляется напоказ и является воплощением хозяйского тщеславия. Ухоженные газоны, цветочные клумбы, раскрашенные фигурки или вычурные кашпо — на фасаде присутствует вся гамма вкусов. Изгородь обозначает границы пространства, не позволяет войти, но ничего не скрывает от чужих глаз, и через нее ведутся разговоры с почтальоном,

с прохожими, то есть с соседями, проходящими мимо. Сама улица, видимая из окон, — освоенное пространство: если движение на ней не очень оживленное, дети здесь играют или катаются на велосипеде. Переходное пространство обустроивается, вновь устанавливаются добрососедские правила поведения.

Таким образом вокруг пространства частной жизни возникают пространства для общения. Вообще говоря, этого требуют новые тенденции в архитектуре. Благодаря культуралистскому подходу, весьма далекому от функционалистских теорий, господствовавших двадцать лет назад, современный урбанизм старается создавать комфортабельные кварталы, в которых пешеходы будут ходить по улочкам и уютным небольшим площадям. Между тем, что строится или обновляется сейчас, и новыми кварталами, возведенными лет десять назад, существует большая разница.

Однако пространства для общения формируются не только вокруг жилищ; они возникают и в укромных местах внутри публичной сферы — на работе. Несмотря на то что здесь все другое, можно провести интересные аналогии. В местах, где люди работают, складываются островки личного неформального общения. Это могут быть кафетерии на предприятиях или кафе по соседству с ними, куда приходят коллеги во время перерыва. Иногда чай или кофе пьют прямо на рабочем месте, когда рядом нет начальства или клиентов. В такие моменты трудовой процесс ненадолго прерывается и частная жизнь идет прямо в рабочее время и в рабочем пространстве.

Личное общение на работе протекает по-разному. В некоторых местах собираются только женщины, в других мужчины, в третьих — смешанные компании: в частности, в столовой на предприятии. Обсуждаются рабочие моменты и происшествия, распространяются слухи. Общение на работе часто строится вокруг профсоюзной деятельности: различные экскурсии, лыжные соревнования, конкурсы рыбалки, гимнастика, спортивные, театральные, музыкальные вечера, курсы английского

языка, групповые покупки вина или игрушек и т. п. Иногда даже проводится выездная торговля, в частности периодическими изданиями и книгами по подписке. Общение касается и более личных вещей: отпусков, вопросов воспитания детей или домашнего хозяйства. На работе, как и в прежних жилых кварталах, люди говорят со случайными собеседниками о личных делах, не особенно при этом распространяясь. Приятельские отношения на работе, несмотря на их ненадежный статус и хрупкое равновесие, создают теперь больше поводов для общения, чем прежние магазинчики рядом с домом.

Конечно, проникновение личного общения в публичную сферу работы — всего лишь одно из проявлений масштабной социальной эволюции. Частная жизнь, изгнанная из коллективной и публичной сферы работы, возвращается в нее в другой форме — ненавязчивой, сдержанной. Хотя границы между публичным и частным стали более отчетливыми, эти сферы тем не менее проникают одна в другую. Пространственно-временное размежевание двух сфер жизни не только компенсируется их сложными взаимопроникновениями, но и частично преодолевается их взаимовлияниями, в которых нам и предстоит разобраться.

ЧАСТНЫЕ НОРМЫ ПУБЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Пересмотр трудовых отношений

Выход трудового процесса за пределы частной жизни повлек за собой, как мы видели, его организацию на основе функциональных и обезличенных норм. В результате рабочие и служащие перестают чувствовать себя на службе у одного человека — патрона, и их задачи и трудовые отношения становятся более формальными. Мир работы бюрократизировался: отношения с глазу на глаз постепенно сходят на нет, и власть начальства скрывается за обезличенными правилами,

циркулярами и служебными записками, спущенными сверху. Одновременно с этим приятельские отношения, сложившиеся с коллегами, ограничиваются работой: Мишель Крозье, изучавший около 1960 года ситуацию в бюро почтовых переводов, обнаружил, что работницы этой конторы никогда не проводили досуг вместе. Личная ответственность на работе тоже строго ограничена: настоящая жизнь — это жизнь частная.

Дружеские отношения, складывающиеся в трудовых коллективах, которые мы только что описали, можно считать реакцией на этот забюрократизированный мир, попыткой воссоздать теплые человеческие отношения в рамках холодной и безличной системы. Это стремление неизбежно выходит за пределы пауз в работе и распространяется на весь комплекс организации труда.

Молодежь и работа

Названный выше феномен чрезвычайно свойствен молодежи. Их «аллергия на работу»⁶¹ вызвана не столько нежеланием прилагать какие-то усилия, сколько нежеланием встраиваться в иерархизированную и исключительно функциональную систему отношений. Опрос, проведенный в 1975 году SOFRES*, показал, что с точки зрения 73% молодых людей, важнейшее качество работы — соответствие их личным вкусам; такие свойства работы, как престижность, общественная полезность, автономия, имели меньшее значение. Стремление к комфорту на работе — причина многочисленных разочарований, которые порождают нестабильность в начале жизненного пути. Исследование трудовой занятости молодежи, проведенное в 1974 году, еще до того, как экономический кризис вплотную коснулся рынка труда, показало, что 43% опрошенных уже оставили первое место работы⁶². Конечно, часто речь шла о временной или сезонной подработке, но возникает вопрос, пошли ли молодые

* SOFRES (Société française d'enquêtes par sondages) — французский центр изучения общественного мнения, в настоящее время входит в группу Kantar TNS.

люди на эту работу за неимением других вариантов или же их изначально привлекала ее недолгосрочность.

Та же неоднозначность свойственна работе по замещению. Первые предприятия, предоставляющие временную работу, появились во Франции в 1950-х годах: *Bis* в 1954 году и *Manpower* в 1956-м. Всего было 7 предприятий такого типа. В 1962 году их было 170, на них трудилось 15 000 человек. В 1980-м их более 3500, на них занято более 200 000 работников, в основном молодых. Конечно, чаще всего это молодые люди, не имеющие никакой квалификации, бросившие школу, выходцы из новых районов с плохой репутацией. Тем не менее эти люди «без будущего» не лишены жизненных устремлений. Социолог Бернар Галамбо в 1975 году изучил их положение в Парижском регионе. Он приходит к выводу, что эти временные работники отдавали приоритет рабочей атмосфере. Оказавшись перед выбором — очень интересная работа в не самой благоприятной среде или малоинтересная работа в очень хороших условиях, — шестеро из десяти выбирают второй вариант. Благоприятности условий труда придается тем большее значение, чем моложе работник: она является основным критерием для 70% тех, кто моложе двадцати лет, для 60% сотрудников в возрасте от 20 до 25 лет и для 50% 25–30-летних⁶³. Дальнейшее исследование показывает важность искренних личных отношений. Если обстановка неблагоприятная, 61% молодых работников предпочитают сменить работу. Они ждут от коллег прежде всего открытости (46%), тогда как ум (31%) и компетентность (16%) представляются им менее важными. В общем, вырисовывается портрет рабочего, который очень отличается от того, что создал Мишель Крозье, описывая адаптацию к бюрократической системе. Образ «современного молодого рабочего» опровергает положение о том, что производственное предприятие — это организация функциональная и формальная. Для молодых работников нет «трудовых отношений», а есть просто отношения.

Подобное свойственно вообще-то не только молодежи. Тому существует много свидетельств. Например, одной из причин массовой забастовки банковских служащих в 1974 году было внедрение информационных технологий: каждому выделялся свой кусок работы, вследствие чего рушились отношения внутри группы служащих. Вероятно, тейлоризм еще имеет какие-то перспективы, но от него все больше отказываются. Новые методики организации труда направлены на автономизацию трудовых коллективов, на укрепление связей в них. Кружок качества* представляется способным придать динамизм излишне формализованной системе.

Самый яркий признак влияния частной сферы на публичную — это эволюция доминирующих концепций организации труда.

Власть на предприятии

На протяжении первой половины XX века теории организации труда превозносили иерархические системы. Тейлоризм сочетался здесь с французской традицией военного командования. Образ инженера — это образ руководителя (chef) (использование этого термина будет дискредитировано лишь после II Мировой войны, когда он начнет ассоциироваться с фашистами), и о его «социальной» роли⁶⁴ говорят, как в начале века маршал Лиотэ говорил о социальной роли офицера. Действительно, иерархия на промышленных предприятиях выражена так же ярко, как и в армии. В шахтах, например, инженерам предоставляется ванная комната, мыло и полотенца, свежая спецодежда каждый день, обслуживающий персонал. Старшие мастера имеют право на душевую кабину, им чистят обувь и выдают рабочие комбинезоны. Мастерам предоставляется

* Кружок качества (кружок контроля качества) — работники предприятия, которые на общественных началах выявляют проблемы, снижающие эффективность производства и качество продукции, и готовят предложения по устранению этих проблем.

право пользования индивидуальным душем с марсельским мылом, комбинезоны им меняют каждые две недели. Что же касается простых шахтеров, то они сами покупают себе спецовки и мыло и пользуются коллективными душевыми и раздевалками⁶⁵. В 1975 году на заводе «Рено» во Флине «одежда делает руководителя: синяя блуза — бригадира, белая — начальника цеха или старшего мастера. Далее — костюм, галстук, высоко поднятая голова и надменный вид»⁶⁶.

На протяжении 1950–1960-х годов эта концепция иерархии постепенно теряла авторитет под влиянием теорий, пришедших из Америки. По сравнению с американским менеджментом французский авторитарный стиль руководства теперь выглядит чопорным и напыщенным: ответственность не означает автоматического дистанцирования от подчиненных. Более гибкий и менее формальный стиль руководства, дающий исполнителям некоторую свободу, кажется более эффективным. Труды американских социологов читаются и переводятся на французский язык: Курта Левина перевели в 1959 году, Р. Липпита и Р. К. Уайта — в 1965-м. Понятие «демократичное лидерство» входит в лексикон компаний. Смена терминологии имеет большое значение: в то время как «руководитель» командует, «лидер» ведет активных коллег за собой.

Психологи и психосоциологи, например Роже Мукьелли или Ги Пальмад, вводят эти идеи в курс переподготовки кадров. На этой волне возникают новые ассоциации, например, в 1959 году появилась Ассоциация психосоциологических исследований и вмешательств (ARIP), и более старые ассоциации, например один из мировых лидеров непрерывного профессионального образования CEGOS, заимствуют у них методику и идеи. Вскоре открывают для себя такое явление, как недирективность; в 1966 году Роджерс проводит семинар в Дурдане* Его пришли слушать двести человек. В веселой теоретической

* Дурдан — город в 44 км от Парижа.

неразберихе, в которой некоторые университетские умы пытались навести порядок, организаторы разной степени компетентности предлагали предприятиям целую гамму профессиональной подготовки в группах, имитирующих американские Т-группы (группы тренинга); динамика этого процесса была в высшей степени привлекательна и в то же время пугала. Коротко говоря, самые разнообразные межличностные отношения на предприятиях оказались на повестке дня.

Трудно дать оценку влиянию этих новых идей на повседневные трудовые отношения. Представляется, что крупные предприятия были затронуты новыми веяниями в большей мере, чем мелкие, а сфера услуг — больше, чем производственная. Развитие непрерывного образования является признаком смены отношений внутри предприятий: еще до того, как закон от 1971 года обязал предприятия выделять 1% от фонда заработной платы на повышение квалификации персонала, такие компании, как *Électricité de France (EDF)*, *Air France*, *Saint-Gobain* и некоторые другие, тратили больше. Другие, например *Compagnie générale d'électricité (CGE)*, создали свои собственные филиалы переподготовки кадров, так что в 1968 году, когда Министерство национального образования создавало управление непрерывным образованием, возглавил его директор филиала профессиональной подготовки «Рено».

Этот процесс, безусловно, не только подорвал стереотип стиля руководства: есть свидетельства того, что началась эволюция менталитетов и практик. Например, Даниель Моте отмечает это в 1965 году на заводах «Рено». Каждое утро руководители пожимают руки рабочим. «Первое важнейшее правило — *надо быть любезными с рабочими*. Это правило было принято повсеместно — таким действенным оно оказалось. Руководители требуют от мастеров и бригадиров выполнения этого правила, и те худо-бедно привыкают к нему, разрушая старые авторитарные и деспотичные методы управления цехом. <...> Вторым законом — *людям надо дать право высказывать свое мнение*»⁶⁷.

Дискуссия с рабочими позволяет мастерам добиться лучшего выполнения заданий, чем при авторитарном стиле руководства. В общем, можно сказать, что по крайней мере в этом случае рекомендации учебников по организации труда начинают выполняться.

1968 год: недовольство иерархиями

События 1968 года спровоцировали усиление и радикализацию этой тенденции, только инициатива переходит в другие руки. Сначала она исходила от осторожного руководства предприятия, теперь же становится требованием трудящихся. Тон задали студенты, восставшие против власти преподавателей. Знаний, на которых основана эта власть, недостаточно, чтобы защитить ее: они отвергаются как нечто абстрактное, безличное, не связанное с индивидуальными интересами и коллективными потребностями. Каждый должен говорить от своего собственного имени то, что он думает, а не только то, что знает. Без зазрения совести срываются маски и уничтожаются социальные роли. В захваченной Сорбонне студенты возглавляют общие собрания и дают слово всем, кто просит; профессора и сотрудники, если они хотят выступить, должны поднять руку и ждать своей очереди; кое-кто не выносит подобного оскорбления. Иногда студенты идут на провокации, обращаясь, например, к ректору на «ты».

Вскоре то же самое начинается на бастующих заводах. В то время как «гошисты» обличали закоснение профсоюзной бюрократии, забастовочные комитеты консультировались с рядовыми ее членами — в этом значительное отличие от захватов предприятий 1936 года. Ни увеличение зарплаты, ни даже смена правительства — не единственная цель стачки. Она неявно нацелена на трансформацию иерархических отношений и большую ответственность трудящихся. Для социализма образца 1968 года недостаточно отмены частной собственности на средства производства: требуется еще и свобода

в анархистском смысле слова. В кипящем изобретательстве этих беспрецедентных недель анархистские устремления становятся даже приоритетными: когда есть желание изменить жизнь, когда запрещается запрещать, когда каждый может взять слово и искренне рассчитывает на то, что его выслушают, социализм перестает быть экономической и даже политической доктриной и становится секуляризированной формой веры.

Подобное желание строить публичные трудовые отношения по нормам частной жизни, предполагающим добровольную взаимную поддержку, проявится несколько лет спустя, в 1973 году, в забастовке на заводе «Лип». Важнейшим для забастовщиков являются их отношения, дружба. «В ходе борьбы многие люди полностью изменились, с ними стало приятно общаться и работать», — заявляет Шарль Пьяже, лидер забастовщиков. Ему вторит секретарь Французской демократической конфедерации труда (CFDT): «Эта борьба продемонстрировала девяноста пяти процентам людей, насколько важны человеческие отношения. Как расцвели благородство и дружба. Больше никто не обращается друг к другу на „вы“, только на „ты“. <...> Люди раскрылись друг другу». И простые служащие подтверждают в свою очередь: «Теперь все друг друга знают. <...> Все дружат. <...> Мы больше не будем друг другу чужие, как раньше»⁶⁸.

Самоуправление — утопия вне частной жизни

Становятся понятными сила и соблазн этих устремлений, но также и причины их провала. Личные цели борьбы могут оказаться весомее объективных данных. Желание ни на шаг не отступить от своих свобод приводит к отказу от передачи власти, к прямой демократии, к нестабильности и ослаблению организаций. Публичный мир труда и политики подчиняется собственным законам, поэтому рассчитывать на то, что он станет местом межличностного общения и индивидуального расцвета, не имеет смысла, а пытаться обустроить публичную сферу на основе норм, принятых в сфере частной, — утопия.

Это стало понятно очень быстро. Те, кто в 1968 году и чуть позже уповал на самоуправление, были в меньшинстве: его требовали Французская демократическая конфедерация труда (CFDT) и Объединенная социалистическая партия (PSU), но, за исключением некоторых представителей, не Всеобщая конфедерация труда (CGT), и если новая социалистическая партия иногда употребляла термин «самоуправление», то это было в более умеренном смысле. После экономического кризиса 1973 года и сопровождавшей его безработицы климат изменился, и самоуправление ушло из повестки дня политических и профсоюзных дебатов.

Однако тревожное отношение к институтам не исчезает, оно теперь выражается иначе. Профсоюзы консолидируются на основе законов 1968 года и законов Ору^{*}, но их цели мельчают и им все тяжелее находить сторонников. Институционализация и дезинституционализация профсоюзов происходят параллельно. С другой стороны, формализм рабочих отношений вновь ставится под вопрос, но на этот раз не столько в организационном плане, сколько в практическом. Речь идет теперь в первую очередь об изменении нравов, а не о принципах управления предприятиями или не о каких-то открыто провозглашаемых требованиях.

На пути к обществу без принуждения

Неравномерное и медленное смягчение формальностей, доминировавших в публичной жизни, вписывается в общую картину жизни, где социальные роли пересматриваются.

Старое устройство публичной жизни придавало каждому индивиду определенный статус и функции, что, в свою очередь, навязывало ему роль, которую следовало играть. Таким

* Законы Ору — комплекс из четырех законов, касающихся права на труд во Франции; разработаны социалистом Жаном Ору и приняты в начале первого президентского срока Франсуа Миттерана.

образом, действия каждого были предсказуемы, однако контакты и смена ролей сводились к минимуму и спонтанность пресекалась. Наблюдаемая эволюция нравов стирает различия в этих статусах, как если бы все были уникальны и равны и каждого человека принимали бы со всеми его особенностями. В целом, нежелание быть классифицированным, раз и навсегда помещенным в определенное место на социальной лестнице, — это стремление каждого быть частным лицом в публичной жизни, что ведет к размыванию социальных ролей.

Процесс, без сомнения, начался вне мира труда и политики, а в более благоприятных условиях отпуска и коллективных игр. Причем он не был навязан: скаутские лагеря с их подростковой иерархией, наоборот, готовили к исполнению различных социальных ролей. Появились новые организационные формы, самым показательным является «Средиземноморский клуб» (*le Club Méditerranée*)⁶⁹. Успех его основан на контрасте между стилем социальных отношений в клубе и в обычной жизни. Закрытость клубного мирка подчеркивается ритуалами вступления: то, что внутри, и то, что снаружи, противопоставляются друг другу. Внутри, как говорит реклама учреждения, человек чувствует себя иначе. Видимые знаки социальных барьеров уничтожаются, о чем свидетельствует всеобщее обращение друг к другу на «ты». Каникулярная деятельность, в частности спорт, а также игры устанавливают другую иерархию, не действующую за пределами клуба. В общем, формальности отменяются, в результате чего могут установиться «настоящие» человеческие отношения: «Средиземноморский клуб» — это «встречи, общение, возможность создать группу по интересам», расцвет частного в коллективном.

Каникулы как состояние духа

Каникулы — состояние духа, что ценно само по себе. Организаторы отдыха не делают различий между собой и клиентами клуба. Их взаимоотношения не похожи на общение персонала

отеля и его гостей. В этой индустрии общения нормой становятся улыбка и непринужденность. Отсутствие страха показаться смешным — в игре, например, — означает, что организаторы не прячутся от клиентов, что они всегда доступны, милы и участливы. Серьезность обычной социальной жизни здесь отменяется, быть серьезным — «старомодно». Перефразируя Эдгара Морена, можно сказать, что ценность каникул заключается в свободе от серьезности⁷⁰.

Конечно, каникулы — это особое время, а клуб, даже самый образцовый, — особое место. Распространение непринужденного стиля в обществе в целом многим обязано средствам массовой информации, в частности радио и телевидению. Новое здесь не сами по себе массмедиа, но то, как они используются. Звучащую анимацию изобрело, скорее всего, радио Егоре 1, начавшее вещание в 1955 году. Заменяв диктора «ведущим игры», радио стало интерактивным, слушатели начали принимать участие в передачах. В этих радиоиграх статусы и роли ведущих и слушателей перемешались: все обращаются друг к другу на «ты», по имени, царит поверхностная, но теплая непринужденность. Задается тон, который становится возможным использовать в повседневном общении.

Тот же тон мы видим в рекламе, захватившей пространство стен и телеэкранов. Ненавязчивая, легкая реклама не говорит ничего, развлекается сама с собой. Качества продукта демонстрируются в шуточной или неправдоподобной форме.

Реклама играет словами и образами, избегая того, чтобы ее воспринимали всерьез. Жиль Липовецкий отмечает в связи с этим новую важность юмора в нашем обществе⁷¹. Старым комикам, заставлявшим зрителей и слушателей, не осознавая того, смеяться над самими собой, персонажам Мольера и Чарли Чаплина он противопоставляет современного комика, смеющегося над собой, с долей абсурда, нонсенса. Наступила эпоха десакрализирующей пародии, игр, смешивающих стили; пришла пора марионеток, высмеивающих традиционные роли

из политического и социального репертуара. Злая демистификация подрывает основательность публичной жизни.

События 1968 года — важнейший этап в этой эволюции. Майские бунтовщики отказываются соответствовать представлениям о своем социальном статусе и требуют, чтобы их принимали такими, какие они есть. Старые нормы вследствие этого расшатываются; их легитимность больше не разумеется сама собой. Исполнение своих функций становится конформизмом, более того, говорит о сдаче позиций.

Успехи феминизма

Среди всех этих социальных ролей выделяется одна, подвергающаяся особенно рьяным атакам: речь идет о роли женщин в традиционном обществе. Феминизм родился не в 1968 году, однако тогдашние события на многие годы вперед дали ему несомненный импульс. Общественное мнение отмечает в первую очередь активисток, боровшихся за легализацию абортов в связи с громким процессом об аборте в Бобиньи, проходившим осенью 1972 года; этот процесс поспособствовал принятию закона о легализации добровольного прерывания беременности. В более общем плане феминистки требовали полного равенства женщин с мужчинами. Речь шла не о войне полов, но о борьбе с сексизмом, имевшей широкий резонанс не только среди молодежи, для которой очевидна несправедливость идеи, что женщине это следует делать, а это — нет, только потому, что она женщина; сама по себе принадлежность к тому или иному полу не навязывает какого-то специфического поведения. Гендерные роли следует отменить: они мешают самоутверждению и самовыражению.

О смешении статусов и ролей можно судить по эволюции костюма, в частности по постепенному отказу от юбки: в 1965 году женских брюк впервые производится больше, нежели юбок, а в 1971 году на 15 миллионов платьев произведено 14 миллионов пар брюк. Наблюдается триумфальное шествие

джинсов: их производство с 1970 по 1976 год увеличивается вчетверо. Стоит ли говорить о том, что джинсы — это одежда унисекс? Внешние различия размываются и больше не определяют принадлежности к полу: юноши носят длинные волосы, браслеты и цепочки, а девушки прячут свои формы под широкими свитерами.

Одновременно с этим дресс-код становится более гибким и мягким. Май 1968-го порвал со старым и разрешил запрещенное. В лицах для девочек, где ученицам, как правило, не разрешалось краситься, а учительницам — носить брюки, отныне разрешены самые разнообразные костюмы. В университетах расставание с галстуком символизирует свержение прежних идолов, а шейный платок или свитер с воротом говорят об окончательной либерализации. Мужчины отпускают бороды, летом ходят в спортивных костюмах и куртках. Рубашки Lacoste можно встретить не только на теннисных кортах и пляжах, но и в офисах. Политики не отстают и стремятся показать, что они не напыщенные и не старомодные: Валери Жискар д'Эстен появляется в телевизоре пока еще не в форме футболиста, но уже в пуловере.

Став главой Республики, он открыл свой семилетний президентский срок, прогулявшись по Елисейским Полям пешком в костюме-тройке. В раскрепощенном обществе президент больше не носит фраков.

На самом деле распадается сама система моды, апогей которой пришелся на начало 1960-х, когда она затронула подавляющее большинство женщин, а не привилегированное меньшинство, как это было пятьюдесятью годами раньше. Моде свойственно меняться: она объявляет отдельные предметы одежды устаревшими и заменяет их другими. Это постепенный, но непрерывный процесс. Мода делит общество на тех, кто ей следует, и тех, кто этого не делает. Более того, костюм становится кодом, и даже если этот код усложняется, его можно прочесть. Мода теперь касается конкретных ситуаций,

социальный смысл которых ясен: есть «домашние» пуловеры, в которых хорошо посидеть у камина; удобная одежда «для охоты» или для осенних прогулок; вот женский «городской» костюм, платья «на вторую половину дня», «коктейльные», «вечерние», «для встречи Рождества»⁷². Согласно канонам моды, хорошо одетый человек не только демонстрирует вкус, но и разбирается в социальных кодах, управляющих различными обстоятельствами публичной жизни.

Растворение, размывание моды объясняется именно ее успехом. Распространяясь на все население, она затрагивает и наименее обеспеченные слои общества, где люди не могут позволить себе иметь специальный наряд на каждый конкретный случай. Секретарше или служащей надо иметь возможность в одном и том же платье или юбке пойти и на работу, и вечером в кино, поэтому мода обратилась к ансамблям и аксессуарам: одну и ту же юбку в сочетании с разными блузками можно надеть в разных обстоятельствах; пояс, перчатки, обувь, шарфики, сумки, украшения дают бесконечное количество комбинаций, адаптирующих одежду к разным ситуациям. Дресс-код становится все более изощренным.

Более гибкий дресс-код

Следующий шаг: становится модным смеяться над модой и носить экзотические индейские или мексиканские костюмы, подчеркнута подходящие или, наоборот, совсем не подходящие к случаю, слишком молодежные для пожилых людей или «старческие» — для молодых. Одежда потеряла заключенный в ней смысл: с ней теперь играют, пользуются ею не так, как предполагается изначально, а чтобы выразить свою индивидуальность. «Быть модным» означает теперь не следовать моде, всем своим видом показывать, что не одурочен ею. Костюм больше не говорит о том, что человек адаптирован к публичной жизни: в рамках самой публичной жизни он выражает индивидуальность каждого.

Следует ли, принимая во внимание все сказанное выше, сделать вывод о наступлении норм частной жизни на жизнь публичную? Я так не думаю по двум причинам.

Первая заключается в природе новых норм непринужденности в обществе. О чем бы ни шла речь — об обращении друг к другу на «ты» и по имени, о новом стиле общения, об эволюции формальных организаций, о смешении статусов и ролей, о юморе или моде, — несомненно одно: стремление ввести особенности личности в социальную жизнь. Однако публичная жизнь не превращается в частную. По мере того как наше общество создавало новый стиль жизни, чтобы обеспечить свою сплоченность, социальные коды стали более тонкими и завуалированными, но они никуда не делись: начальнику или коллеге можно сказать не все, что думаешь, нельзя одеваться так, как заблагорассудится. Самовыражение в публичной сфере должно идти по неявным, но реально существующим правилам. Чрезмерная эмоциональность на рабочем месте под предлогом аутентичности не будет понята окружающими. Социальные коды сместились и стали более гибкими, но не исчезли полностью и не перестали быть социальными.

Вторая причина связана с самой эволюцией частной жизни. Движение, которое мы только что проанализировали, уравнивается симметричным движением: публичная жизнь проникает в самые тайные и интимные уголки жизни частной.

ВЛИЯНИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Средства массовой информации

Пресса, радио, телевидение

Не хотелось бы останавливаться здесь на столь широко известных вещах, как небывалое развитие средств массовой информации в нашем обществе. Следует, однако, наметить его

хронологию и проанализировать воздействие, оказанное им на частную жизнь.

В начале XX века общественное мнение проникало в частную сферу лишь через газеты. Можно было бы подчеркнуть дистанцию, существующую между информацией и ее потребителем, упомянуть об абстрактной медиации написанного текста, о задержке, с которой поступает информация. Однако мы остановимся на другом.

Прежде всего — преимущественно локальный характер прессы. В 1912 году во Франции было более 300 ежедневных газет: 62 в Париже, 242 — в провинции⁷³. Ежедневные газеты выходили в 94 провинциальных городах. К ним надо добавить 1662 провинциальных еженедельника и газеты, выходившие раз в две недели; часто их читали охотнее, чем ежедневные. Можно сказать, что пресса 1912 года в основном была местной. Конечно, она информировала о национальных и международных новостях, но базировалась в первую очередь на среде, непосредственно окружавшей читателей. Будучи окном, открытым в мир, она несколько расширяла личное пространство человека.

I Мировая война меняет положение вещей, так как локальная пресса была не в состоянии сообщать новости с фронта. В это время многие из газет закрылись и так и не смогли вернуться на рынок по окончании войны. В 1922 году в провинции насчитывалось 982 еженедельника, в 1938-м — 860.

Надо сказать, что у прессы тогда появился мощный конкурент — радио. Первый передатчик начал работать в 1920 году, а тот, что был установлен на Эйфелевой башне, — в 1922-м, но аудитория была ограничена владельцами детекторных приемников. Бурное развитие радио начинается с появления более удобных ламповых приемников, снабженных громкоговорителями. В 1930 году их насчитывалось около полумиллиона. В 1934 году прогресс в этой сфере был уже довольно заметным, однако французы узнали о событиях 6 февраля

преимущественно из газет, а не из имевшихся к тому времени 1 400 000 радиоприемников. Зато ко времени Мюнхенского сговора французы уже лихорадочно слушали 4 700 000 приемников; годом позже их было 5 200 000. В июне 1940 года очень многие услышали по радио сообщение маршала Петена о том, что он запросил перемирия, и хотя призыв 18 июня* не был услышан, вечерние передачи лондонского радио сыграли большую роль в годы оккупации.

Тяжелые, занимающие много места и потребляющие большое количество электроэнергии ламповые приемники господствовали на кухнях или в столовых, раз и навсегда установленные на тумбочках и этажерках. Прослушивание радио было делом коллективным, новости слушали всей семьей, сидя за столом. После войны все больше семей обзаводились приемниками, но манера слушать радио оставалась прежней. И так продолжалось до 1958 года.

В это время существовало около 10 миллионов радиоприемников, они были в 80% семей. Казалось, это был апогей радио, но вскоре началась транзисторная революция. Транзисторные приемники довольствовались очень слабым током, были прочными, стоили значительно дешевле, питались от батареек, занимали мало места и были переносными. В 1959 году половина производимых приемников — на транзисторах, в 1962-м — практически все. Среди первых покупателей транзисторных приемников — солдаты, служащие в Алжире: в 1961 году путчисты ощутили последствия этого факта на себе. Недорогой и мобильный, транзисторный приемник быстро становится индивидуальным радио. Пользование радио изменилось: каждый может иметь свое собственное. Чтобы слушать музыку, которая не нравится родителям, молодые люди покупают себе приемники, и музыка звучит в их

* 18 июня 1940 года генерал де Голль обратился к французам из Лондона. Эта речь положила начало движению Сопротивления.

спальнях и ванных комнатах. Звуки внешнего мира врываются в частную жизнь: эхо планеты слышно в самых скрытых уголках личного пространства.

Одновременно с этим семейное радио сменяется телевизором. Уже в 1930-е годы ученые умели передавать изображения по радиоволнам, но на небольшие расстояния и в порядке эксперимента. «Программа новостей» (Journal télévisé) стала выходить с 1949 года, несмотря на то что существовало лишь 300 телевизоров. Процесс идет очень медленно: чтобы покрыть всю территорию страны, требуется построить дорогостоящие ретрансляционные станции; в 1956 году лишь половина французов на трети территории страны может получать телесигнал⁷⁴. Французская телерадиовещательная компания (ORTF) была зарегистрирована лишь в 1959 году: в ту пору существовало около 1 400 000 телевизионных приемников, которыми владели 10% семей.

Транзисторы помогают снизить вес, размеры и цену телевизоров. Распространение телевидения идет по нарастающей: в 1964 году, когда был создан второй канал, насчитывалось 5 400 000 телевизоров, которыми владеют 40% семей. К концу 1968 года телевизоры есть уже в 62% семей, в конце 1974-го, когда второй канал становится цветным, — в 82%. Сегодня телевизорами, в зависимости от социальной среды, владеют от 88 до 96% семей, две трети телевизоров — цветные.

Вторжение радио и телевидения в домашний мир — важнейшее социальное изменение. Наши современники смотрят телевидение в среднем по шестнадцать часов в неделю: это двадцать четыре минуты на час рабочего времени! Конечно, телевизоры пока не проникают в спальни: они стоят еще слишком дорого, чтобы каждый член семьи мог иметь свой собственный. Семейный просмотр телевидения дополняется индивидуальным прослушиванием радиопередач. Вместе эти медиа способны заполнить всю частную жизнь: радио часто убаюкивает и будит наших современников...

Прочие средства массовой информации очевидно страдают от этой конкуренции. Количество ежедневных газет сокращается: в 1946 году в Париже их выходило тридцать шесть, а в 1981-м осталось лишь девятнадцать, в провинции соответственно сто восемьдесят четыре и семьдесят пять. Можно отметить и сокращение тиражей: в 1976 году на тысячу жителей приходилось 197 экземпляров газет, тогда как в 1946-м — триста семьдесят⁷⁵. Нельзя не сказать о появлении информационных и телевизионных журналов, однако в информационной среде доминируют аудиовизуальные медиа. Пресса отстывает и отныне заполняет лакуны аудиовизуальных средств массовой информации: специализированная или местная информация становится более подробной. Более быстрые, способные дойти до каждого волны доминируют над печатными средствами массовой информации.

Здесь мы видим не только изменение информационной среды: через аудиовизуальные средства в частную жизнь поступает не та же самая информация, что через печатные. Трансформируется сама функция информации.

Эмансипированный конформизм

В начале века пресса интересовалась исключительно публичной жизнью. В газетах рассказывалось о политике или, более приземленно, о сельскохозяйственных ассоциациях, ярмарках и рынках, но никогда — о частной жизни: журналисты избегали рассказывать читателям о них самих. Они давали агрономические или политические советы, но полностью уклонялись от обсуждения личных тем. Реклама занимала мало места и ограничивалась текстами объявлений или слоганами, никаких картинок тогда не было; действие ее было не столь сильным. Коротко говоря, газета не в полной мере отражала действительность, не служила зеркалом, в котором можно было узнать себя.

Конечно, перед I Мировой войной уже существовал кинематограф, предлагавший жителям городов и предместий идиллии и мелодрамы. В течение всего межвоенного периода кино было главным народным развлечением. Кое-кто сетовал, что рабочие вместе с семьями по выходным смотрят недостаточно нравоучительные фильмы⁷⁶. Однако кино — это нечто стороннее для зрителей: оно пробуждает мечты и вызывает желание идентифицировать себя с героями, но всем понятно, что эти образы имеют мало общего с реальным миром.

Печатные СМИ меняются под влиянием кинематографа, который не органичивается художественными фильмами. Каждую неделю зрителям предлагаются новостные фильмы и репортажи. С развитием техники — изобретением гелиогравюры (1912), фототелеграфа (1914), потом офсетной печати (1932) — в газетах появляются иллюстрации. Речь теперь идет не о штриховых рисунках, пусть даже раскрашенных, но о фотографиях, придающих информации достоверность.

Наступление женской прессы

Картинки, которые теперь используют в качестве материалов, подтверждающих подлинность информации, служат и другим целям, в частности публицистическим. На фоне этого стала развиваться новая пресса — женская. Уже существовали журналы мод, самым знаменитым из них был *Le Petit Écho de la mode*. Эти еженедельники давали советы только в области одежды. Накануне II Мировой войны с появлением в 1937 году журнала *Marie Claire*, а в 1938-м — *Confidences*, тиражи которых вскоре превысили миллион экземпляров, возникает новый тип периодических изданий, самым ярким примером которого можно назвать *Elle* (1945). Эти журналы не ограничиваются лишь публикациями кулинарных рецептов и выкроек для шитья и вязания. Дружеским, но уверенным тоном они рассказывают женщинам, как правильно ухаживать за телом, наносить макияж, обустроить интерьер, очаровывать мужей и воспитывать детей.

Чтобы придать всем этим рекомендациям более личный характер, женские журналы ведут диалог с читательницами: предлагают им разные опросы, рассказывают истории из жизни, которые потом обсуждаются. Рубрика «Сердечные дела» имеет большой успех. Эвелин Сюльро вспоминает в связи с этим *Confidences*, куда приходили тысячи писем, «наводящий ужас поток горя, мук, болезней, пороков, криков о помощи <...>. Шквал писем показывал, до какой степени были нужны эти анонимные исповеди»⁷⁷. Марсель Оклер, Марсель Сегаль или Мени Грегуар, отвечавшие на некоторые из писем в редакционных колонках журналов, постепенно становятся наперсницами, новыми моральными авторитетами и каждую неделю дают миллионам читательниц советы довольно интимного характера. Читательницам не нужно даже об этом просить: в обмен на анонимные исповеди советы сами приходят к ним домой.

Вторжение рекламы

Рекламщики быстро поняли, что им выгодно сотрудничать с женскими журналами. Все началось в 1932 году, когда страстицы журнала *Votre beauté* буквально захватили парфюмеры и производители косметических товаров. Цветные фотографии, помещенные в журнале, заставляют мечтать и вызывают желание стать такими же, как модели; реклама продвигает новые формы потребления, новые ценности, новые нормы. Реклама нижнего белья, косметики, летнего отдыха породила культ тела, описанный в предыдущей главе. Реклама соков и йогуртов изменила пищевое поведение. Революция в домашнем хозяйстве, обустройство кухонь новейшими холодильниками, стиральными машинами, эмалированными плитами и прочим тоже была вызвана рекламными картинками, а мебель из ДСП потеснила старинные буфеты, отправив их в лавки старьевщиков. Реклама также способствовала расцвету радио и телевидения, которые ею широко пользовались. Аудиовизуальная реклама

сначала дополняла печатную, а потом обогнала ее. Частная жизнь оказалась не только в прямом контакте со всей планетой — она насквозь пронизана рекламой, несущей новый образ жизни и, возможно, новую этику.

В самом деле, реклама во многом поспособствовала разрушению старых правил частной жизни. Она по определению должна была предлагать нечто новое, а значит, встречать сопротивление. Старые правила основывались на сентенции «Так не делают!», и рекламе приходилось быть снисходительной и как бы вступать в заговор со своими потребителями: то она играла на стремлении к чему-то новому («Так больше не делают, это устарело»), то оправдывала прихоти («Доставьте себе удовольствие...»), то воспевала независимость и отказ от социальных принуждений («Я делаю что хочу...»).

Реклама мягко и ненавязчиво моделирует жизнь наших современников. Каждый человек полагает, что он действует самостоятельно, как ему хочется, а результатом его независимых решений является предоставление товарам массового спроса все новых рынков. Вкусы и мода стандартизируются, при этом каждый считает, что он все в большей мере становится самим собой. Иллюзия независимости подпитывает конформизм.

Парадокс этого эмансипированного конформизма не органичивается образом жизни и потреблением. Он затрагивает также ценности и идеи. Медиа нашептывают на ухо каждому нравственные принципы настоящего момента. Все считают себя очень информированными и приветствуют освобождение Камбоджи, чтобы спустя несколько лет узнать об ужасах кровавого режима Пол Пота. Человек полагает, что думает самостоятельно, но повторяет мнение хроникера. Радио распространяет анонимные откровения о сексе, автор которых ждет здравых советов. Даже воображение подвергается внешнему влиянию, и в своих мечтах каждый заимствует что-то едва уловимое из общих фантазий. Какой историк определит, чем сексуальные практики обязаны кинематографу?

Речь, однако, идет не о заговоре, а о самом функционировании нашего общества. Медийные персоны и рекламщики не манипуляторы макиавеллистского толка, которые навязывают идеологию: таких намерений у них нет. Наоборот, они представляют собой некую туманность с неясными контурами, где никто не обладает настоящей властью. В рамках этой группы каждый попросту выполняет свою работу. Но медийная сеть такова, что все, не сговариваясь, интересуются одновременно одним и тем же и имеют схожее мнение. Смотрящая, слушающая, читающая публика поддерживает рекламщиков и является причиной их успеха. Журналисты полагают, что описываемые ими сюжеты интересуют общество, а общество верит им, пока они не становятся скучными и утомительными... А чтобы не начать утомлять аудиторию, надо обращаться к каждому в отдельности. В отношениях медиа и публики коммуникация заменяет информацию.

Коммуникация заменяет информацию

Информация представляла публичные вопросы как таковые, в общем виде. Коммуникация же стремится сделать факты личным делом каждого: она затрагивает общие проблемы на примере частных, драматизирует, взывает к чувствам аудитории. Она пытается заставить зрителей и слушателей пережить события, как если бы они сами были действующими лицами, и таким образом стирает границы между частным и общим.

Публичные персоны

Частная жизнь отдельных людей, интересующая публику

Посмотрим на жизнь публичных персон. Действительно, некоторые виды деятельности делают «публичными» тех, кто ею занимается. Речь идет о зрелищах и о политике. Успех актера, певца, чемпиона (в той мере, в какой спорт является зрелищем) или политика пропорционален количеству людей,

которые его знают. Но просто «знать» недостаточно: публика жаждет подробностей и хочет ворваться в частную жизнь публичных персон.

Это желание не ново. Жизнь кумиров всегда интересовала и привлекала публику. Однако существовал барьер, который эти кумиры в некоторых обстоятельствах уничтожали и становились в позицию ролевой модели хорошего вкуса и манер. Случалось, что этот барьер прорывали силой, и тогда речь шла о скандале, как в деле Кайо*. В наше время, наоборот, наблюдается тенденция к тому, чтобы стереть этот барьер. Звезды, желающие обрести популярность, чтобы расширить свою аудиторию, с удовольствием впускают публику, в первую очередь журналистов, в свои дома, рассказывают о своих предпочтениях, любовях и проблемах. Средства массовой информации культивируют этот литературный и фотографический жанр, который очень интересует читателей. Добровольные откровения часто усеяны выдумками журналистов: культ «олимпийских богов»⁷⁸ продается хорошо. Вскоре начинается настоящая травля звезд: объективы телекамер и фотоаппаратов стараются поймать их за оградами их владений. Чтобы юридически закрепить принцип уважения частной жизни и сдержать посягательства на нее, потребовался закон, принятый 17 июля 1970 года.

Как живые воплощения профессионального успеха «олимпийцы» кажутся недостижимыми, однако в частной жизни это обычные мужчины и женщины. Подобная смесь близости и дистанцированности превращает их в образцы для подражания⁷⁹. Граница между частным и публичным нарушается: выход на сцену частной жизни публичных людей — подлинной ли? — обеспечивает эффективное взаимопроникновение норм,

* Знаменитый судебный процесс 1914 года: Генриетта Кайо, жена политика, экс-премьера Франции Жозефа Кайо, застрелила редактора газеты «Фигаро» Гастона Кальметта, публиковавшего компрометирующие материалы о ее муже. Она была оправдана: адвокату удалось доказать, что убийство было совершено в состоянии аффекта. — *Примеч. ред.*

про которые уже нельзя сказать, являются ли они публичными по своему происхождению или частными по назначению.

Этот процесс особенно чувствуется в области публичной политики. Меняются не только носители информации, но и вселенная политического месседжа. Раньше речи политиков звучали в публичных местах: это были тосты на банкетах, выступления у памятников погибшим во время войны, предвыборные собрания во дворах школ. С появлением радио и телевидения они проникают в дома. Кандидату или руководителю теперь надо убеждать не собравшуюся публику, а каждого в отдельности. Раньше он должен был следить за своими жестами и интонацией, теперь же ему надо смотреть в камеру и завлекать своими речами людей, сидящих у себя дома. Меняется сам персонаж политика: вчера ему пытались придать важный вид государственного деятеля, а сегодня на плакатах он в окружении жены и детей. Телевидение доставляет нам на дом образы политических деятелей, которых засняли у них дома. Умение правильно подать свою частную жизнь обеспечивает им кредит доверия от населения.

Конечно, общественное мнение не совсем уж глупо. Общество смутно сознает, что эти речи, несмотря на свое преобразование и налет частной жизни, остаются публичными. Показ частной жизни публичных персон не ослабил любопытства публики, стремящейся узнать как можно больше. Им без конца приписывают какие-то похождения или болезни, в основном рак, слухи о которых распространяются несмотря на опровержения. Надо сказать, что в нашем обществе все еще сильна прежняя скрытность: в отличие от американских политиков, французы не делают достоянием гласности ни свои доходы, ни здоровье. Это вызывает подозрения, а иногда и скандалы: например, в связи с самоубийством министра Робера Булена*

* Министр был обвинен прессой в коррупционных сделках с недвижимостью и покончил с собой в 1979 году. — *Примеч. ред.*

Парадоксальным образом неполная искренность политических деятелей лишь усиливает необходимость искренности внешней: говорят, что президентские кампании строятся на репликах, производящих убедительное впечатление аутентичности.

Таким образом, историю частной жизни нельзя свести к одной простой формуле.

Первоначально мы выявили ширящееся расхождение между публичным и частным. В то время как труд перебрался из домашней сферы в общественные места и стал обезличенным, частная жизнь индивида утверждалась в семье, иногда ломая ее и придавая телесной идентичности новую ценность. Прежние устои, которые объединяли в рамках рабочей семьи деятельность и публичного, и частного порядка, распадаются: частная жизнь становится все более частной, публичная жизнь — все более публичной.

Это разделение слишком радикально и грубо. Оно свело бы организацию публичного пространства к противопоставлению двух полюсов: общественному пространству завода или офиса противопоставлялись бы спальни и туалеты. При этом в расчет не принимались бы переходные пространства, получастные-полупубличные, которые урбанизация уничтожила в прежних кварталах, но которые упорно возрождались в других местах. Это означало бы игнорирование множества взаимовлияний, которые создают между публичным и частным тесные связи нового характера. Формальная организация публичного пространства смягчается общественными нормами без принуждения; в свою очередь частная жизнь неявно, но весьма эффективно поддается влиянию медиа и рекламы. Наши современники отстаивают право быть личностью даже тогда, когда выполняют социальные функции, но в частной обстановке ведут себя в соответствии с ожиданиями общественного мнения. Даже в политике для достижения общественных целей используются коды частной жизни. Граница между частным и публичным как бы затушевывается.

В действительности же она не исчезает, но лишь становится менее ярко выраженной. Точнее говоря, специализация пространств позволила сблизиться социальным кодам и нормам двух миров — частного и публичного. В зависимости от контекста, конкретных условий одно и то же поведение приобретает различные значения. Теперь не коды, частные или публичные, определяют ситуации или места, а наоборот. Таким образом устанавливается новое равновесие: различия между частным и публичным мирами компенсируются смежностью норм.

Тем не менее в этой организации, где социальная система сохраняет равновесие в новом взаимодействии частного и публичного, сам по себе индивид от нас ускользает. Социальная по своей сути, история границ между двумя сферами жизни не смешивается с историей собственно частной жизни, с ее тайнами. Нам предстоит теперь коснуться именно этой истории.

ГЛАВА 2
ИСТОРИЯ ТАЙНЫ?

Жерар Венсан

ТАЙНЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ ТАЙНЫ

Мы пытаемся представить, чем могла бы быть сегодня история тайны... Скажи мне, что ты скрываешь, и я скажу тебе, кто ты. Быть может, такую историю и не напишешь... Неважно, следует попытаться. В конце концов, существует психология тайны и онтология тайны, у нее есть свой социолог (Зиммель) и свой романист (Бальзак). Почему бы ей не иметь своего историка?

Пьер Нора

ИСТОРИЯ И ИСТОРИИ

История прожитая, история-рассказ

Любая историческая книга — это прежде всего непростая история книги, которая с первых строк сталкивается с многозначностью слова, вынесенного в заглавие. Во-первых, это прожитая история, то есть прошлое человечества, путано пересказанное постфактум теми, кого называют «историками» (история-рассказ); во-вторых, представление, которое рассказчик формирует на основе этой истории (есть ли у нее «смысл», то есть направленность и значение?), сами эти рассказы, взятые из не всегда достоверных источников или даже придуманные. Здесь речь пойдет об истории-рассказе. Историка в данном случае невозможно охватить феноменальное разнообразие событийного

поля. Ход его мысли отражает (искажает?) его же фантазии и предубеждения, — короче говоря, его эпоху и, точнее, то, как он ее воспринимает, мирится с ней, прославляет ее (идея прогресса), отталкивает ее (золотой век остался в прошлом). Историк, изучающий далекое прошлое, зависим от эпохи, которую он не изучает, а именно от его собственной. По его текстам видно, что он разрывается между бытием и небытием. Если он пессимист, он выявляет во всемирной истории «конкретную реальность зла, которая охватывает все вокруг», согласно Гегелю. Если оптимист, то, как Дюркгейм, постигнет идею социодидеи. «Пессимист и оптимист противостоят друг другу в вопросе о том, чего нет», — писал Поль Валери. Они противостоят друг другу и в вопросе о том, что было.

Автор этих строк стоит перед двойной проблемой: рассказывающая историю, свидетелем которой он являлся, может ли историк пользоваться собственными воспоминаниями? В то время как история-рассказ, «научная фантастика» (Мишель де Серто), «подлинный роман» (Поль Вейн), «ретроспективный взгляд на становление человечества» (Раймон Арон) всегда во множественном числе, история частной жизни — в обязательном порядке вещь «идиотская» (в греческом смысле слова*), идиосинкразическая, особая. Со времен Фукидида и до школы «Анналов» была написана история исключений и обобщений. Можно ли написать историю отдельных *частных жизней*? Да. Но как быть с историей частной жизни вообще — не будет ли она артефактом? Ведь «человек» (объект и субъект нашего исследования) — это область некаталогизируемого, того, что исключает любую взаимозаменяемость. На каждом лице можно обнаружить прошлое (человека, семьи, класса, нации), настоящее (борьбу со временем), будущее (страх перед завтрашним днем, неуверенность в долголетию — мы все смертны). Лицо

* В Древней Греции идиот (ἰδιώτης) — обыватель, гражданин полиса, не участвующий в общественной жизни полиса.

во всех его проявлениях. Ницше утверждал, что никому из художников не удастся изобразить дерево во всем разнообразии его листьев в постоянном движении. Мы не располагаем ни одним исчерпывающим описанием жизни человека. Даже те, кто пошел дальше других в литературном обнажении своей биографии — например, Мишель Лейрис, — позволяют нам прочесть лишь избранные моменты.

Ввести в историю частной жизни означает прежде всего сказать о различных *темпах* на разных уровнях социального существования. Разве не очевидно, что история кумулятивна, аддитивна? История науки и техники. Плавно текущая история, состоящая из повторов, ложных новаций, которые на самом деле всего лишь временны, где жизнь разворачивается во внеисторическом, ахроническом ритме: страх смерти, сложные отношения со своим телом, сексуальная неудовлетворенность, одержимость деньгами, обещающими стабильность, постоянные жизненные трудности — все это лишь иногда прерывается моментами счастья, подчас эйфорическими.

Считается, что начиная с 1914 года поле частной жизни сужается, барьеры тайны рушатся, исчезает граница между сказанным и несказанным. Это иллюзия. Еще в 1920-х годах существовали три руководителя частной жизни: исповедник — в духовном плане, нотариус — в материальном (и матримониальном), врач — в телесном. Эти три человека были посвящены в личные и семейные тайны. Урбанизация усилила анонимность. В сельской местности все жили на глазах друг у друга. В мегаполисах все постыдное скрывалось.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ

В тоталитарном городе

За неимением точного определения того, что такое частная жизнь, попытаемся сказать, что она представляет собой в тоталитарном обществе и в нашем. Какой бы окраски ни был

этот тоталитаризм (нацизм, сталинизм), он уничтожает все барьеры между частной жизнью и публичной: отсутствие тайны переписки, вторжение полиции в любое время дня и ночи, поощрение доносов друг на друга, даже на членов семьи, и т. д. Во всем этом нет ничего нового. Подобные практики были очень распространены в отживших обществах, претендовавших на то, чтобы называться теократическими, — например, в Испании времен инквизиции или во Флоренции Савонаролы. Рассматривать тоталитарное общество как то, в котором нет частной жизни, означает забыть о хитростях, на которые идет человек, чтобы до самого конца хранить свой «укромный уголок», пусть даже заключающийся в выборе способа смерти. В 1984 году широко обсуждался роман Оруэлла «1984», написанный в 1949-м. Перечитав его, можно спастись от абсолютного пессимизма. Человеческое воображение весьма изобретательно и плодовито, когда речь идет о поиске путей к инакомыслию. Строгость норм всегда влечет за собой появление ереси. Можно выдвинуть парадоксальную гипотезу о том, что именно в странах с тоталитарным режимом частная жизнь, понимаемая как жизнь тайная, находит наибольшее распространение. В шизофреническом советском обществе, как нам его описывает Александр Зиновьев, каждый индивид ведет двойную жизнь: он подчиняется нормам, будучи гражданином, но умеет осторожно обходить их, чтобы обеспечить себя необходимым, поднять доходы, удовлетворить сексуальные потребности. Однако между зоркими общественными институтами и осторожным индивидом, который не переходит границ допустимого, существует негласный консенсус. Вне рамок закона он явный преступник и потенциальный обвиняемый: из этой секуляризованной формы первородного греха система извлекает пользу. Тоталитаризм порождает больше тайн и секретов, чем раскрывает. «Мы никогда не были такими свободными, как во время немецкой оккупации», — писал Сартр.

В демократических странах проблема более сложная. Государство не вмешивается в частную жизнь граждан: существование семьи и дружеских связей не подлежит его вторжению. Система средств массовой информации, сложившаяся сама собой или организованная, эффективно борется за общественное спокойствие. Медиа, ненавязчиво эксплуатируя желание подражать и необходимость в разрядке, создают *star system*, систему звезд, в основном в области спорта, что дает выход агрессии вне поля социальной борьбы. Если мы рассмотрим исследования о «дезориентированности» илотов, рабов в Спарте, проведенные Девере, мы увидим, что рабы доверяются хозяину, чтобы понять, что они видят и слышат, что имеют право говорить и думать. Можно заметить, что в «либеральных» обществах действует тот же самый механизм. Вспомним к тому же о зернах тоталитаризма, которые в этих обществах скрыто существуют: это мафия, это различные «круги», где господствует «свое» правосудие, что не исключает их сотрудничества с легитимными институтами.

Обобщая, можно сказать, что существует идеологически комфортное противопоставление между «свободным» и «несвободным» мирами. К «несвободному» относятся Филиппины, где двадцать тысяч детей из-за нищеты вовлечены в проституцию и вынуждены заниматься сексом с педофилами, которые организовано прилетают туда чартерными рейсами; Вьетнам, откуда на утлых суденышках — *boat people* — прибывают беженцы, имеющие весьма слабые шансы на выживание. Но то, что они идут на этот риск, чтобы вырваться из кошмара, в котором живут, доказывает, что они не смирились со Старшим Братом. И кто вспомнит о тридцати пяти тысячах девочек, отданных на поругание жрецам культа богини Йеламмы в двух южных штатах Индии — Карнатаке и Махараштре, а затем проданных в бордели Бомбея?

Основной вопрос заключается в следующем: каким свободным пространством может располагать человек в Городе

(как явлению), в какой бы стране он ни находился? Макс Вебер считал, что социология «может строиться только на анализе действий одного, нескольких или многих конкретных индивидов... что она обязана брать на вооружение исключительно „индивидуалистические“ методы». Раймон Будон подтверждает: «Индивид всегда действует в условиях принуждения, более или менее четко определенных, более или менее прозрачных, более или менее жестких». Элементарные действия не являются ни продуктом абсолютной свободы, ни механическим следствием социализации. Пусть так. Что же определяют эти две противоположные силы? На основании каких источников можно оценить относительную свободу выбора, лежащую в основе частной жизни?

КАКИЕ ИСТОЧНИКИ?

Какие вехи памяти?

Что такое «пространства памяти» частной жизни? Дневники, переписка, автобиографии, мемуары? Многословные, но неполные, незаменимые, но недостоверные. Вспомним некоторые знаменитые тексты: «Мемориал Святой Елены» (как говорят, это была самая читаемая книга XIX века), в котором граф де Лас Кас, по собственному утверждению, воспроизводит слова свергнутого императора, «Замогильные записки» Шатобриана, «Мемуары» генерала де Голля. Эти страстные, полные воссозданных воспоминаний тексты, отмеченные печатью добровольной избирательной амнезии, заботой о том, чтобы произвести впечатление на потомков, в большей мере рассказывают о параноидальных механизмах, чем о пережитом в действительности. А откровения литераторов — Жида, Жене, Лейриса? Отважился ли хоть кто-нибудь написать историю своей частной жизни без умолчаний и в то же время без эксгибиционизма? Не побояться ответственности за нелестные портреты современников? Нам представляется, что никто. Дело в том,

что не только социальный код предписывает хранить в тайне некоторые аспекты жизни. Фигуры умолчания возникают в равной степени и в связи с самим письмом, «приблизительным переводом», обедняющим «внутреннюю жизнь».

Закон, хранитель тайны

Если историк вдруг вздумает покопаться в частных архивах и предать гласности тексты, не предназначенные для публикации, он сталкивается с законом, стоящим на страже приватности. Закон от 3 января и декрет от 3 декабря 1979 года регламентируют деятельность архивов: тридцатилетняя отсрочка для публикации архивных материалов увеличилась до шестидесяти, ста, ста двадцати и даже ста пятидесяти лет, в зависимости от важности охраняемых секретов и тайн. Администрации архивов, чтобы «помочь исследованиям», позволяется сокращать эти сроки, но столетний срок защиты «индивидуальной информации, касающейся личной и семейной жизни индивида и фактов, относящихся к его частной биографии» остается неизменным (статья 7 закона от 3 января 1979 года). Сведения «медицинского характера» должны охраняться в течение ста пятидесяти лет. Закон от 17 июля 1970 года гласит, что «каждый имеет право на уважительное отношение к своей частной жизни». «Историки никогда не должны касаться частной жизни ныне живущих! <...> Закон следит за нашими любовями, бедами, пороками, болезнями, маниями, домами, за нашим образом — за всем, что в юриспруденции называется приватностью <...>. Он уполномочивает судью удалить из текста то, что нельзя публиковать, или изъять готовое произведение <...>. Покойный не совсем умер, если у него есть наследники <...>. Согласно статье 34 закона от 29 июля 1881 года, оскорбление памяти покойного может считаться уголовно наказуемым преступлением — диффамацией или оскорблением. 14 октября 1970 года парижский суд напомнил, что „права историка“ не могут идти вразрез с правами наследников одного из поклонников Сары Бернар, несправедливо

обвиненного в изнасиловании великой трагической актрисы <...>. А как же быть с исторической наукой? Решать конфликт между правом и историей предоставляется судьбе»¹.

Масштабные исследования текстов, проведенные Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE), Национальным институтом демографических исследований (INED), анкеты Центра исследования образовательной политики (CREP), Европейского центра кардиоваскулярных исследований (CERC), Комитета по организации прикладных исследований социально-экономического развития (CORDES) и пр., предоставляют нам многочисленные данные. Мы их использовали довольно мало, во-первых, потому, что они опубликованы и, следовательно, доступны; во-вторых, потому, что мы решительно настроены обозначить новые проблемы, а не обсуждать сказанное ранее; наконец, были и эпистемологические причины: анкеты по вопросу занятости, как видно из их названия, изучают занятость, налоговые статисты — налогоплательщиков, а нас же интересовали в первую очередь люди как личности.

«Who's Who» и фигуры умолчания

Энциклопедия «Who's Who» («Кто есть кто») — это прекрасный пример очень приблизительного — однако значимого — источника, в котором вниманию публики предлагаются факты, признанные «благопристойными», а сомнительные или постыдные скрываются. Таким образом, мы узнаем о разных позициях, занимаемых параллельно или последовательно членами так называемой «элиты», однако ничего не говорится о том, как эти позиции были заняты и за счет чего они удерживаются. Читаем, например, что господин X. был назначен техническим советником или руководителем кабинета такого-то министра, а в дальнейшем вошел в состав Государственного совета или Счетной палаты, но ничего не находим о том, за счет чего он сделал такую карьеру — за счет заслуг и жертв, принесенных на алтарь

Отечества, или же благодаря приспособленчеству. Биография какого-нибудь выпускника Национальной школы администрации (ЕНА), опубликованная в ежегодниках или в «Who's Who», не дает нам представления о том, как, благодаря кому и чему смог он получить все свои дипломы и превратить все, чего он достиг по окончании учебы, в карьеру общественного деятеля. Перед исследователем встает непреодолимая преграда частной жизни. Можно ввести в компьютер собранные данные, написать очень хорошую программу, которая будет сортировать имеющуюся информацию, но машина не сможет ее интерпретировать. Конечно, социальный успех — это в равной мере продукт неконтролируемой системы и ярко выраженной воли к успеху. Ничего нет постыдного в том, чтобы происходить из влиятельной семьи, учиться в «хорошем лицее», потом попасть в «хороший» подготовительный класс для поступления в высшую школу, однако об этом не принято говорить из боязни минимизации собственных «заслуг» в глазах других людей. Точно так же и женитьба всегда представляется как брак по любви, хотя предварительный выбор невесты вписывается в установленные системой рамки.

По сцене расхаживают те, кто преуспел в жизни. Секреты их взлета остаются за кулисами. Университетским ученым, чтобы «сделать карьеру», правильно выбрав руководителя (не слишком молодого — у того еще мало связей, и не слишком пожилого, у которого уже пенсия на горизонте), нужно быть членом редакционного совета «научного» журнала. Участвовать в обсуждении работ коллег означает побуждать их к обсуждению твоих работ. Далее, следует заниматься ведением серии. Публиковать других, чтобы публиковали тебя. Иногда даже следует поощрять посредственностей, чтобы они не оставили тебя в тени и не пытались занять твое место. Кто осмелится признаться, что посредственность может быть позитивным фактором в стратегии построения карьеры? Мы уже говорили выше: история-рассказ — это история результатов, а не их

достижения. Как же узнать, каким образом эти результаты достигались? Из исторических разоблачений? Но можно ли доверять намерениям их авторов? Очень часто это озлобленные неудачники, которые копаются в прошлом, что-то находят, вытаскивают на всеобщее обозрение и прикрываются высокой нравственностью, потому что ничего другого им не остается.

«Кто сделал тебя герцогом? Кто сделал тебя королем?» Короли и герцоги уважают закон молчания. Историк не надо негодовать. Его дело — констатировать. Макс Вебер видел в бюрократии (в его интерпретации это слово не имело отрицательной коннотации) сдерживающий механизм, который обеспечивает функционирование государства. Чиновник, взятый на госслужбу согласно универалистским принципам (конкурсы, звания и т. д.), получающий повышение по всем правилам, независимый по отношению к начальству и подчиненным, казался Веберу создателем нового типа общества, того, что мы называем гражданским обществом. Наличие во Франции такой бюрократии не отменяет прочно укоренившегося института личных связей — дружбы, лояльности, благодарности, родства, — которые существовали до возникновения современного государства и делали из кумовства — в самом широком смысле слова — механизм передачи власти и определенное средство социальной мобильности. Во Франции более, чем в какой-либо другой западной стране, личные связи существуют, выживают, сопротивляются любой выборной системе, основанной на внешне демократичной конкуренции, и при этом скрываются за завесой тайны.

ГДЕ ДЕНЬГИ?

Ответ на этот вопрос прост: они повсюду. Однако если упоминания о сексе не поддаются подсчету (и здесь прав Мишель Фуко, утверждая, что о нем либо говорят, либо пытаются всеми силами убедить, что речь не о нем), то о деньгах скорее говорится намеками, нежели напрямую. В вездесущих, всемогущих,

преодолевающих пространство и время деньгах некоторые усматривали фетишизированную форму Бога; для других же Бог являлся символом денег. Деньги, спрятанные или выставленные напоказ, присутствуют повсеместно. Мы сталкиваемся с ними на всех этапах жизни. Родился первенец? Да, наследник состояния. Первая любовь? Это обязательно молодой человек или девушка из своей среды: подспудно деньги служат основой отношений. Свадьба? Размеры состояний теперь обсуждаются с нотариусом лишь изредка, но включаются социальные механизмы, поддерживающие баланс между необходимостью и случайностью. Смерть? Наследники из приличия вытирают слезы, но с нетерпением ждут, когда же крышка гроба закроется. Телевизионные шоу? Бедным показывают богатых, чтобы настроить их на терпение, которое продлится всю жизнь. Именно на понятии денег человек строит свою идентичность: *моя машина, моя квартира, моя дача, мой вкус*. Загадка хорошего вкуса, так любимая Кантом, это и загадка банковских счетов. Деньги тех, кто извлек пользу из I Мировой войны, хвастливо выставленные напоказ; умело замаскированные деньги дельцов черного рынка; деньги, лежащие в основании уже упоминавшихся тоталитарных зон, прекрасно сочетающихся с демократическими режимами: мафия и другие «круги», прибыль, извлекаемая из проституции, торговли наркотиками, которая вкладывается в торговлю оружием, несущую новые прибыли. «Бунт» альтернативных субкультур — это отказ от денег, вызванный озлобленностью по отношению к тем, для кого шестьдесят восьмой год все еще длится и кто повторяет за Иоанном Златоустом: «*Rescupia rescupiam non parit*»*. Социализм, вознамерившийся заменить деньги добродетелью, говорил себя к смерти... или стал фикцией.

Для Тьера, Гизо, Токвиля решение социальной проблемы состояло в приобщении бедняков к собственности. История

* Деньги не порождают деньги (*лат.*).

оказалась на их стороне, а не на стороне Маркса. Половина французских семей — к какой бы социофессиональной категории они ни относились — являются собственниками своего основного жилья; более 80% имеют автомобиль, у всех — или почти у всех — есть телевизор. Эта триада современности — несмотря на существование разрыва между богатыми и бедными — сохраняет социальное спокойствие. Во Франции, где последняя структурная революция произошла два века назад, как только вспыхивают «народные волнения» (Освобождение, май 1958-го, май 1968-го), мы любим вопрошать: «Будет революция или нет?» Следует успокоиться. Согласно исследованию 1947 года, которое цитирует Зельдин, на вопрос о том, что является самым ценным в жизни, 1% мужчин и 5% женщин назвали любовь, а 47% мужчин и 38% женщин — деньги. Что надо делать, чтобы сохранить и заставить деньги «работать», «приносить плоды»? I Мировая война, спровоцировав непрерывную инфляцию, поменяла правила игры. Ошибочно думая, что возврат к довоенному положению дел возможен, француз подписался под неиндексированными кредитами, под накоплениями. Потом адаптировался и в зависимости от конъюнктуры стал выбирать недвижимость, акции, золото. Согласно опросу, проведенному в 1953 году, 72% французов считают наиболее надежными вложениями инвестиции в земельные участки и дома, драгоценности и картины, а 16% предпочитают ценные бумаги.

Часто покров тайны над финансовой ситуацией в семье срыгает чья-нибудь смерть, и тогда наследники бывают вынуждены обращаться к юристу. Представим себе такую историю. Умирает очень богатый старик, не имеющий прямых наследников, и оставляет все свое состояние кому-то неизвестному, несмотря на то что у него есть племянники и племянницы, которым не остается ничего, кроме как доказывать, что покойный составил завещание, не будучи «в здравом уме». Это выражение присутствует в Гражданском кодексе, но оно неясное. Если наследодатель был «недееспособным», тогда дележом

наследства занимаются органы попечительства. Однако проблема осложняется понятием «длительность периодов просветления». При многих психических заболеваниях (например, маниакально-депрессивном психозе) больной иногда «в своем уме», иногда нет. Было ли завещание составлено с соблюдением всех юридических норм, в «период просветления»? Все зависит от ответа на этот вопрос. Можно себе представить, насколько сложно что-то доказать; в этих обстоятельствах рвутся семейные связи, прежде казавшиеся незыблемыми: вопросы частной жизни становятся публичными.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Регламентирована ли свобода?

В юридических текстах не приводится определения понятия «частная жизнь», это словосочетание употребляется как само собой разумеющееся. Статья 9 Гражданского кодекса: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни». Статья 8 Европейской конвенции по правам человека: «Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции». Статья 12 Всеобщей декларации прав человека: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию». Слово «частное», которое словарь «Робер» наивно определяет как место, «куда нет доступа посторонним», неоднозначно. Но кое-кто имеет доступ в «частные» помещения казино, в «частные кабинеты» секс-шопов, в туалеты, прежде называвшиеся «частными»: «Частные комнаты для клиентов находятся над частными комнатами продавщиц» (объявление в магазине *Von Marché* в Париже, 1871 год). И наоборот, не являются ли визиты уважаемых господ к публичным девкам частью их частной жизни? Родители, которые водят своих детей

в те «частные школы», которые заключили контракт на сотрудничество с государством, знают, что расходы по содержанию учебного заведения и жалованье преподавателей оплачиваются налогоплательщиками (и ими самими в том числе). Люди протестуют против налогов, но не отказываются получать пособия. Токвиль набросал портрет государства, который представляется весьма современным: это государство критикуют, но к нему же обращаются за льготами.

«Если государство могущественно, оно нас расплющивает. Если государство слабо, мы погибли» (Поль Валери). «В обществе, сложность которого с неизбежностью проявляется в напряжении между его членами, государство представляется единственной силой, способной навести порядок» (Жорж Бурдо). Нарастающее вмешательство государства является следствием усложнения общественной жизни. Во времена Людовика XIV никого не волновало здоровье людей. Защита стариков, женщин и детей не интересовала государственный аппарат. Этим занималась церковь, но ее в большей мере заботило их благополучие на том свете, а не на этом. Вездесущие кюре и викарии осуществляли контроль над частной жизнью всех. Вдали от Версаля не было никакого государства. Однако и «либерализма» не существовало. Церковь следила за делами и, посредством исповеди, за намерениями людей. Это доказывает тот факт, что при слабом государстве система может быть если не тоталитарной, то тотализирующей. Применительно к Франции, где государство одновременно обвиняют и в империализме, и в излишней терпимости, стоит рассмотреть это противоречие.

Закон от 17 июля 1970 года о праве на неприкосновенность частной жизни запрещает прослушивание телефонных разговоров и фотографирование людей без их ведома. Одновременно с этим общественное мнение, все более настороженное и поэтому склонное к репрессивности, в целом настроено положительно к смертной казни и требует большего внимания к потенциальным преступникам. Как следить за ними,

не прибегая к запрещенным прослушке и фотографированию? Закон от 7 июня 1951 года о Координационном комитете статистических опросов общественных служб в статье 7 указывает, что опрашиваемые лица обязаны отвечать точно и в указанные сроки. Чувствительные души заявляют, что подобное вторжение в частную жизнь недопустимо, и они же во имя демократии требуют, чтобы «французское чиновничество» было абсолютно прозрачно. Общественное мнение обвиняет соседей в трусливом молчании и власти в бездействии, если речь идет о жестоком обращении с детьми. Статья 8 закона от 25 марта 1951 года доверяет судье по делам несовершеннолетних вести следствие. Что может подтолкнуть его к возбуждению дела? Разоблачение, слухи, учителя, заметившие на теле ребенка следы побоев. Это вызовет вторжение в семью, что будет рассматриваться как посягательство на неприкосновенность частной жизни, но в то же время, согласно статье 312 Уголовного кодекса, ограничивающей меры дисциплинарного воздействия родителей, избавит ребенка от жестокого отца и от потворствующей ему матери. «В моем детстве были сплошные оплеухи», — говорил Селин. Генерал де Голль создал Министерство культуры Франции. Далее последовали министерства (или государственные секретариаты) свободного времени, досуга, окружающей среды и т. д. Что это — сужение пространства частной жизни или ожидаемые меры? Если кто-то желает губить себя наркотиками, с какой стати мешать ему, если он не нарушает общественный порядок? Те, кто наиболее болезненно относится к посягательствам государства, требуют сурового наказания для наркоторговцев. Самоубийство, которое не является ни преступлением, ни нарушением закона, — не высшая ли это точка частной жизни? Запрет работать лицам моложе шестнадцати лет и старше шестидесяти пяти — что это: вторжение в их частную жизнь или забота о детях и стариках? Легитимизация и в дальнейшем возмещение стоимости добровольного прерывания беременности — угроза частной

жизни или, наоборот, ее защита? Чему способствует госпитализация на дому (HAD) — разрастанию государственного аппарата или заботе о здоровье больного? Ремень безопасности, мотоциклетный шлем — недопустимое вмешательство общества? Но кто оплачивает лечение пострадавших в ДТП? Фонд социального страхования, то есть население. Каждый желающий принять участие в конкурсе на должность преподавателя лица должен представить справку об отсутствии судимости и пройти медицинский осмотр. Это посягательство на частную жизнь? Конечно. Но что сказали бы родители учеников, если бы узнали, что учитель их детей был приговорен к наказанию по позорной статье или болен СПИДом? Можно понять возмущение, которое вызывают фискальные органы, вторгающиеся в частную жизнь граждан, но как еще выявить налоговые преступления, на десять процентов сокращающие доходы государства?

Многие решения и действия, нацеленные на расширение сферы частной жизни, неявным образом обращаются к праву. Автомобиль остается символом индивидуальной свободы: он помогает не зависеть от расписания поездов и самолетов, на нем можно поехать куда угодно и юридически он является пространством частной жизни. Но эта свобода требует соблюдения большого количества юридических формальностей: надо получить права, застраховать машину, ежегодно платить налог, соблюдать правила дорожного движения и т. д. Французы всегда мечтают о собственном жилье, предпочтительно о доме. Государство стало проводить систематическую политику приобщения к собственности. Кто на это жалуется? Эволюция социальной политики позволила совершить переход от семьи-племени к нуклеарной семье. Пожилые люди, которых ранее опекали дети, оказались в одиночестве. В рамках триады современности — дом, машина, телевизор — нуклеарная семья может вести свою частную жизнь, скрытую от посторонних глаз. Безопасность этих изолятов обеспечивают столь

критикуемые и хулимые налоги. Встречается ли в этих коконах дисгармония, несогласие? Допустим, пара решила развестись. Для решения этой сугубо частной проблемы приходится обращаться в суд. До принятия в 1975 году соответствующего закона развод ассоциировался с виной, поэтому процедура требовала опросов, расследований и пр. Развод по взаимному согласию ограничил дознание, однако решение суда все равно оглашается публично. Отказаться от этой процедуры — все равно что вернуться к репутации*. В связи с разводом возникают вопросы об опеке над детьми, требуется решение финансовых проблем, связанных с ликвидацией семьи. Частная жизнь может протекать лишь в безопасном климате, который может гарантировать лишь государство. Общество критикует постоянно растущий чиновничий аппарат, некомпетентный, проедающий бюджетные деньги, но требует все больше полицейских. Надо ли напоминать, что законы пишут не чиновники, а представители, выбираемые населением? Ограниченное воображение законодателей не может предвидеть огромного разнообразия судебных споров. В результате во главу закона встают суды. Судья больше не довольтвуется применением закона — он им распоряжается.

Общественное мнение неосознанно отрицает то, что находится за пределами юридического поля. Это видно на примере молодежных банд. Не случайно «антипогромный» закон и в значительной мере закон о безопасности и свободе были направлены против них. Уже давно молодежь побуждают объединяться в юридических рамках, будь то вчерашние скаутские организации или Дома культуры молодежи наших дней. Местные власти создают структуры, которые могли бы заниматься молодежью, чтобы во всех смыслах этого слова «окружить» ее вниманием. Отовсюду звучит критика планов застройки

* Репутация — зд.: развод на основании одностороннего заявления мужа, не подразумевающий обращение к судье. — *Примеч. ред.*

свободных участков, однако какой шум поднимается, когда напротив дома собственника такого участка кто-то другой решает возвести здание — оно же закроет вид из окна, и солнечный свет не сможет проникать в помещения! По закону от 22 июля 1960 года создаются национальные парки. Немедленно начинаются протесты. В то же время очень многие любят бродить в этих охраняемых местах. И от непосредственного повышения стоимости участков земли на периферии одни пострадали, а другие выиграли. Дюркгейм не ошибался, утверждая, что «свобода есть продукт регламентации».

Собака — ребенок или предмет мебели?

Обращение в суд — это результат неспособности людей разобрататься с конфликтами, возникающими в их частной жизни. Не юридический аппарат внедряется в чью-то приватность — это сами индивиды, мужчины и женщины, умоляют его войти в их дома и чуть ли не залезть в постели. Чтобы проиллюстрировать эту мысль и развлечь читателя, приведем несколько примеров. 22 января 1982 года судья по семейным вопросам высокого суда в Мо вынес постановление о непримирении сторон, согласно которому каждый из супругов сохранит за собой свои личные вещи и что собака, принадлежавшая супруге, останется с ней. Супруг попросил, чтобы «ему разрешили брать собаку к себе на первые и третьи выходные месяца, а также на различные периоды школьных каникул». Получив отказ, он подал апелляцию. 11 января 1983 года апелляционный суд Парижа повторно отклонил его иск, полагая, что статья 254 Гражданского кодекса, касающаяся вопросов детства, не может быть применима к собаке. В самом деле, если приравнять собаку к ребенку в гражданском плане, что было бы чрезмерно вольной экстраполяцией, то статья 357 Уголовного кодекса, наказывающая за непредставление несовершеннолетнего, будет отныне применима к собаке и истец подвергнется уголовному преследованию за непредставление этой самой

собаки в суде. Без ответа остается вопрос: что представляет собой собака в юридическом плане? Подразумеваемый ответ суда таков: собака представляет собой движимое имущество, потому что потеря удовольствия от общения с домашним любимцем не влечет за собой для одного из его хозяев никаких материальных потерь (*Gazette du Palais*, 26 января 1983 года).

Драгоценности

«Отношения завязываются за шампанским и заканчиваются за отваром ромашки», — говорил Талейран. Когда же на кону деньги, отношения заканчиваются в зале суда. В «Антологии гнусностей», которую уже пора написать, фамильные драгоценности заняли бы видное место. 22 февраля 1983 года гражданская палата первой инстанции кассационного суда постановила: «Апелляционный суд не может поставить себе в упрек вынесенное решение, согласно которому разведенная супруга обязана вернуть своей свекрови кольцо, полученное в день помолвки, так как, судя по расписке... она полностью осознала, что должна будет вернуть драгоценность той, от кого получила ее, входя в семью, если перестанет быть ее членом». В самом деле, будущая невестка (в то время невеста) взяла на себя письменные обязательства вернуть кольцо в случае развода. Конечно, накануне свадьбы она не допускала такого развития событий (*Gazette du Palais*, 9–10 декабря 1983 года). 23 марта 1983 года кассационный суд первой инстанции подтвердил решение апелляционного суда о том, что разведенная женщина должна вернуть кольцо семье своего мужа, поскольку речь шла о «фамильных драгоценностях». Развод состоялся тридцать лет спустя после свадьбы; суд признал нанесение ущерба обеими сторонами. В течение трех десятилетий женщина носила эти драгоценности; именно она подала кассационную жалобу, которая была отклонена. Отклонив эту жалобу, суд закрепил понятие «фамильные драгоценности», подтвердив законность дела Ларошфуко, которое после семилетней процедуры

(1954–1961) завершилось решением о том, что невестка после развода должна вернуть вышеназванные драгоценности, которые она получила «в пользование, а не в дар». Таким образом, эти два решения, от 1961 и от 1983 года, одинаковы. То, что фамильные драгоценности, как и собака, приравниваются к движимому имуществу, — очевидно, но чем они отличаются от прочих драгоценностей? Фамильная драгоценность не является ни традиционным подарком, который, согласно статье 852 Гражданского кодекса, не приносит никакого дохода, ни семейным сувениром, которому юридически присваивается статус «предмета, обладающего высокой моральной ценностью», без учета его денежной стоимости (которая может быть весьма значительной). Чтобы драгоценность признали «фамильной», она должна быть такой, чтобы ее можно было выставлять напоказ, то есть стоить достаточно дорого. «Драгоценности, которыми занимаются юристы, в первую очередь должны быть ценным движимым имуществом» (Recueil Dalloz-Sirey, 1984).

Кассационный суд надевает очки

Увольнение наемных работников по мотивам их частной жизни — благодатная почва для юриспруденции, полная нюансов, часто противоречивая. Приведем несколько примеров. Одна молодая дама работает психологом в кризисном центре для детей и подростков. После развода она сожительствует с директором центра — священнослужителем, который в конце концов отказался от сана, женился на ней и уволился с работы. Новый директор, человек невоцерковленный, увольняет молодую женщину, решив, что ее поведение «не соответствует целям учреждения, где она работает». Апелляционный суд отменяет его решение, объявляет увольнение злоупотреблением, объяснив это тем, что учреждение больше не является католическим и что вменяемое сотруднице в вину «не помешало профессиональной деятельности». Общественная палата кассационного суда отклоняет обжалование постановления,

о чем сделана запись в специальном бюллетене (*Bulletin du dictionnaire permanent social*) 22 марта 1985 года. Сотрудница, поступившая на службу в 1973 году, была уволена в 1976-м по причине ее связи с одним из руководителей. Работодатель утверждал, что действовал «не дожидаясь скандала, чтобы положить конец распушенности, царящей в коллективе, что явствует из сложившейся ситуации». Кассационный суд счел, что не было ни скандала, ни ущерба, и постановил, что «для увольнения не было никаких серьезных причин» (Кассационный суд, 30 марта 1982 года). В Энциклопедии Даллоза находим множество примеров незаконного увольнения, признанных судами злоупотреблением и наступлением на частную жизнь работников. Вот некоторые: увольнение отцом-работодателем сына за отказ расстаться с женой (Кассационный суд, 8 июля 1960 года); увольнение сотрудника, последовавшее за его разводом с племянницей генерального директора фирмы (Кассационный суд, 5 апреля 1965 года); увольнение сотрудницы за то, что она отказалась изменить прическу, макияж и очки (Пуатье, 14 ноября 1973 года); увольнение работника за неупоминание в момент приема на работу о том, что он был священником-рабочим* (Кассационный суд, 17 октября 1973 года); увольнение разведенной учительницы католической школы за повторный брак (Кассационный суд, объединенная палата, 17 октября 1975 года); увольнение управляющей магазином за попытку самоубийства, что не имело никаких последствий ни для репутации, ни для работы торгового предприятия, и т. д.

И наоборот, закон обычно считает «реальной и серьезной причиной» для увольнения несовместимость характеров работодателя и работника — это делает совместную работу

* Священники-рабочие — католические священники, проповедующие и занятые на производстве и получающие зарплату. Это движение зародилось в 1940-х годах и существовало до 1954 года, когда папа Пий XII осудил его; в 1965 году Ватикан разрешил возобновить деятельность священников-рабочих.

невозможной. В таком случае суд должен вынести решение и мотивировать его так, чтобы необходимость представлять доказательства не ложилась на работодателя (26 мая 1981 года). Остановимся на двух особенно показательных случаях. Молодая женщина сожительствует с хозяином аптеки, которому она помогает вначале добровольно, затем он оформляет ее на работу кассиром и бухгалтером. Далее следует разрыв многолетних отношений. Фармацевт увольняет свою служащую, которая требует возмещения убытков за «увольнение без веских оснований». Апелляционный суд ей отказывает, кассационный суд отклоняет обжалование, считая, что «разрыв личных отношений заинтересованных лиц имел последствия для трудовых отношений, требующих, с учетом характера выполняемой работы и специфики предприятия, взаимного доверия, которого больше не было» (Кассационный суд, 29 ноября 1984 года). Второй случай: на протяжении двух лет водитель-дальнобойщик, работавший в одном акционерном обществе, отказывался постоянно носить очки при перевозке тяжелых грузов, несмотря на то что в его медицинской справке было такое предписание. Однажды работодатель принял решение немедленно уволить его. Апелляционный суд счел увольнение правомерным, как и отсутствие предварительного уведомления об увольнении. Кассационный суд подтвердил это решение, потому что «отказ дальнобойщика носить очки больше не позволит работодателю даже на уведомительный период доверять ему перевозку грузов, для которой он и был нанят на работу» (Кассационный суд, 22 июля 1982 года). Отклонение кассационной жалобы открывает простор для воображения: почему этот шофер отказывался носить очки? В течение двух лет он водил машину без происшествий — может быть, они ему не были нужны? Если это так, то почему медкомиссия настаивала на постоянном ношении очков? Какие силы заставили его с упорством судиться с работодателем себе в убыток и дойти до кассационного суда? Такой сценарий достоин пера Хорхе Луиса Борхеса или Маргерит Дюрас.

Гомосексуала распознать труднее, чем священника

Мотивы противоборствующих сторон приводят историка в замешательство, потому что он основывается лишь на дошедших до него суждениях и мнениях. Группа гомосексуалов обвинила в диффамации епископа N. за следующие высказывания: «Я уважаю гомосексуалов как инвалидов. Однако они желают, чтобы их ущербность была признана здоровьем, и я должен сказать, что не согласен с этим». Суд высшей инстанции Страсбурга объявил «неприемлемым» возбуждение дела гражданскими истцами. Иск заявителей был отклонен, а сами они должны были выплатить епископу компенсацию морального ущерба в размере 20 000 франков (30 ноября 1982 года). Апелляционный суд Кольмара подтвердил это решение: «Гражданские истцы не представили достаточных доказательств того, что от слов епископа им лично был нанесен серьезный вред; инкриминируемые заявления носили общий характер и не могли подвергнуть риску конкретных граждан, так как распознать гомосексуала труднее, чем священника <...>; каждый человек только самостоятельно может раскрыть свою ориентацию, зная, что она рассматривается значительной частью публики как ненормальная и что он должен сознавать последствия этого и не упрекать обвиняемого в авторстве этого разоблачения» (27 июня 1983 года).

Кассационный суд, обязанный судить покойных

Суд обязан вмешиваться и в самую тайную сферу частной жизни — самоубийство. 15 июня 1978 года один шофер-дальнобойщик повесился у себя в грузовике в рабочее время. Отказавшись считать это происшествие «несчастливым случаем на производстве», судьи апелляционного суда определили, что у погибшего не было никаких проблем в профессиональном плане, что он производил впечатление психически здорового человека и что у него были проблемы в личной жизни, которыми можно было бы объяснить подобный поступок. Не игнорируя «презумпцию невиновности», право на которую имела

вдова покойного, поскольку «несчастный случай» произошел в рабочее время на рабочем месте, суд пришел к выводу, что это был «обдуманый и добровольный акт, не имеющий никакого отношения к выполняемой в тот день работе». Кассационный суд подтвердил это решение (Législation sociale 1983. 31 января. No. 5285. D 344). 4 апреля 1978 года совершил самоубийство человек, ставший жертвой несчастного случая на производстве, произошедшего 21 июля 1977 года, в результате чего он получил пятипроцентную инвалидность. Суд высокой инстанции, а затем и апелляция суд назначили вдове «пенсию по потере кормильца», признав, что самоубийство было прямым следствием несчастного случая на работе. Поскольку вдова заявила, что покойный был очень расстроен смертью многих своих родственников, касса социального страхования, полагая, что связь между несчастным случаем и самоубийством не была установлена, решила обжаловать решение суда, но кассационный суд подтвердил, что решение апелляция суда было обоснованным, указав на то, что «заинтересованное лицо перенесло страдания, вызванные имевшим место несчастным случаем, повлекшим за собой долгий перерыв в работе и ограничение физических и профессиональных возможностей; это спровоцировало тяжелую депрессию, которая привела к самоубийству, и в конечном счете несчастный случай на производстве был причиной этого отчаянного шага» (Législation sociale 1983. 31 января. No. 5285. D 344).

Смерть не останавливает противоборствующие стороны — наоборот, может спровоцировать дальнейший конфликт между ними. Мужчина «разрывается» между своей официальной семьей (женой, с которой он не развелся, детьми, с которыми он поддерживает отношения) и любовницей, с которой он живет многие годы. После смерти его хоронят в семейном склепе. Любовница требует эксгумации и перезахоронения там, где она выберет. Ее жалоба была отклонена, так как в отсутствие каких бы то ни было распоряжений покойного по поводу своих

похорон право решать этот вопрос остается за судом, который отдает предпочтение детям, чьи права закреплены юридически; «более того, из уважения к умершему не следует тревожить его останки, покоящиеся в семейном склепе более трех лет» (Экс-ан-Прованс, 9 февраля 1983 года).

С тех пор как в уголовном праве появилось понятие «смягчающие обстоятельства», стали изучаться мотивы преступления. Это повлекло за собой проникновение в сферу частной жизни. Виктор Гюго с ужасом описывал сцену, когда палач публично клеймил каленым железом юную служанку за кражу носового платка. В те времена мало кого заботила личность служанки, состояние ее души, отношения с хозяйкой и пр. Что это — вторжение в личную жизнь или гуманизация правосудия?

CIL и Старший Брат

Уничтожат ли информационные технологии границы частной жизни? Доступ к самым разным файлам больше не представляет никакой технической проблемы. Старший Брат отныне имеет информацию о наших криминальных досье, состоянии нашего здоровья, отношении к воинской повинности, поездках за границу, журналах, на которые мы подписаны, и пр. Закон от 6 января 1978 года, по которому была создана Комиссия по информационным технологиям и свободе (CIL, КИТС), обеспечивает защиту частной жизни, за одним немаловажным исключением: прослушивание телефонных переговоров разрешается «в интересах общества». «Интересы общества» — понятие настолько же размытое, как и «периоды просветления», упоминаемые в Уголовном кодексе, или понятие «здравый ум» из статьи 901 Гражданского кодекса. В начале 1985 года молодые ребята, используя Минитель*, получили доступ к файлам,

* Минитель (Minitel) — французская информационная система, получившая наибольшее распространение в 1980–1990-х годах. Прекратила работу в 2012 году.

теоретически очень секретным. Какие бы меры предосторожности ни принимала СІІ, систему безопасности и конфиденциальности всегда могут обойти технические специалисты. Системы защиты будут совершенствоваться, а хакеры будут находить все новые способы взлома. Неужели все так плохо? Нет — по двум причинам. Прежде всего подумаем о целой армии чиновников, которых надо будет набрать для обработки и архивирования хранящихся данных. Даже электронная дешифровка, основанная на ключевых словах, оставляет какое-то количество информации за бортом. Кроме того, каждый гражданин имеет право узнавать, что хранится в его до-сье, и можно предположить, что когда-нибудь любой человек, у которого есть доступ к компьютеру, сможет каждый вечер просматривать «свое» до-сье, чтобы проверить — а возможно, и оспорить — достоверность новых сведений, появившихся за текущий день.

ТАЙНА

Таким образом, частную жизнь нельзя определить как нечто неподвластное юридическим нормам, несмотря на то что свадьба, развод, самоубийство, погребение, любовь к собаке представляются делами частными, не требующими судебного разбирательства. И о какой частной жизни идет речь? О жизни корсиканца? Эльзасца? Старика? Подростка? Рабочего? Преподавателя Коллеж де Франс? Стриптизерши? Как свести все это разнообразие в понятное единое целое? Сделать монтаж из биографий? Какие из них выбрать? Написание этой книги показалось нам невозможным; единственный выход — выбрать одну ведущую линию, которая не скажет нам всего о частной жизни всех, но позволит выдвинуть гипотезы. Эта ведущая линия — тайна. Не абсолютная тайна, которая по природе своей не оставляет никаких следов, но подвижная в зависимости

от времени и места граница между тем, что говорится, и тем, что скрывается. Традиционно история частной жизни ограничивается историей семьи. Нам же хочется преодолеть эту границу и попытаться написать историю личности.

Слово «секрет»: этимология и полисемия (многозначность)

Слово «секрет» появилось во французском языке в XV веке, произошло от латинского *secretus*, причастия прошедшего времени неправильного глагола *secerno* — «разделяю, ставлю отдельно»². *Secerno* состоит из глагола *cerno* — «просеиваю, процеживаю», и префикса *se*, указывающего на разделение. От глагола *cerno* происходит слово *discerno*, вошедшее во французский язык в виде глагола *discerner* — различать, отличать (как серое от черного, так и истинное от ложного и хорошее от плохого), *excerno* — от него происходит слово *excrément* (экскремент), и *secerno*, от которого во французском языке произошли слова *secrétion* — секреция, выделение, а также «секрет». А. Леви делает вывод, что «изначально слово „секрет“ означало „просеивание зерен“, целью которого являлось отделение съедобного от несъедобного, хорошего от плохого. Сепарирующий элемент — дырочка, отверстие, функция которого заключается в том, чтобы пропускать или удерживать в зависимости от соответствия или несоответствия зерна отверстию». Таким образом, просеивание являлось как бы «метафорой функции ануса». Секрет, определяемый как знание, скрываемое от посторонних, содержит в себе, по мнению все того же Леви, три ведущих семы, то есть смысла: во-первых, знание (которое может включать в себя элементы психики — мысли, желания, чувства; элементы поведения — интриги, рецепты изготовления чего-либо; материальные предметы — выдвижные ящики, двери, лестницы и т.д.); во-вторых, утаивание этого знания (отказ от общения, недосказанность, молчание, ложь); в-третьих, отношение к другому, который прибегает к такому утаиванию (что порождает власть над

другим: секретная армия, секретное орудие, секретный агент, секретное досье и т. д.).

Для того чтобы определить понятие «хранитель секрета, тайны», не существует специального слова. Секретарь? Он (или она) посвящен в тайну лишь частично. *Secréteur* (рабочий по обработке шкур)? Здесь содержится намек на секретацию, то есть «выход» тайны, секрета «наружу». *Secret-ère* — нечто имеющее отношение ко времени (*ère* — эра), а *secret-aire* — к месту (*aire* — пространство, зона, ареал). *Secret-erre* — поиск (*errer* — блуждать, искать). Как видим из приведенного ассоциативного ряда, у слова «секрет» широкое трактование. А кто является «осквернителем» секрета? Тот, кто его выдает, или тот, кто его выпытывает? Слово «проникновение» (в тайну, в секрет) имеет сексуальную коннотацию. Посвященный в секрет является своего рода узником, заложником. «Разглашение тайны связано с понятием несдержанности, недержания в таких выражениях, как „проболтаться“, „тайна просочилась“» (А. Леви). Таким образом, секрет — это нечто такое, что должно храниться: «Как можем мы рассчитывать, что другой будет хранить нашу тайну, если мы сами не можем этого сделать?» (Ларошфуко). Понятие секрета связано с обонянием в таких выражениях, как «разнюхивать тайны», «повсюду совать свой нос» и т. д. Связано оно и со слухом: «разглашать секреты», «по секрету всему свету» — о человеке, не способном держать язык за зубами. «Секрет Полишинеля» — то, что известно всем, но «держать Полишинеля в ящике» — скрывать беременность, которую стало бы порицать общество. Быть «в секретном деле» означает добровольное или принудительное участие в заговоре. Однако человек, «хранящий секрет», находится в угрожающем положении — от него могут потребовать признания. Вот почему история тайн связана с историей пыток. Мысль о чем-то тайном невыносима для не посвященных в нее, но тайна может быть невыносимой и для посвященных: когда ее раскрывают, испытывают «облегчение». Тем не менее знание

чужих секретов дает власть: кто много знает, тот многое может, и полиция этим охотно пользуется в работе с осведомителями, на которых у нее есть компромат.

Несколько слов о «несдержанности»

Абсолютная тайна находится в сознании — даже, может быть, в подсознании индивида, и поэтому она полностью ускользает от внимания историков. Однако существуют семейные, деревенские, квартальные секреты, тайны малых групп, профессиональные и политические секреты — короче говоря, секреты, которыми «поделились». Таким образом, у слова «секрет» двойное значение, потому что оно определяет абсолютные фигуры умолчания и определенный тип общения между посвященными. Когда речь идет о коллективной тайне, историк может рассчитывать на ее постижение либо по чьей-то «болтливости», неосторожности, либо прибегнув к реконструкции на основе определенных источников. Например, по поведению индивида исследователь может сделать вывод о его принадлежности к определенной секте. «Общение» — модное слово и мечта нашего времени; не ведет ли оно к раскрытию тайны? Что есть «интимная беседа», как не обмен своими секретами, а иногда и чужими? «Я говорю тебе это по большому секрету...» Секрет, о котором сказали вслух, перестал быть таковым. Этот секрет давил на меня, хранить его было невыносимо, а может быть, раскрывая его, я желаю выставить себя в выгодном свете или же жду ответных откровений. «Все согласны, что тайны надо хранить, но никогда невозможно договориться об их природе и важности: мы все имеем собственное мнение по поводу того, о чем мы можем говорить и о чем должны молчать; мало есть секретов, которые остаются таковыми, и щепетильное отношение к ним не длится вечно» (Ларошфуко). Граница между жизнью семейной и профессиональной неуловима. Если пекарь печет хлеб, его жена сидит за кассой, а дети после уроков доставляют продукцию клиентам, наблюдается полнейшее

взаимопроникновение. Напротив, кто-то может заявить своим близким: «Мои дела вас не касаются», а на работе ничего не рассказывать о том, как живет его семья. Секреты существуют даже в нуклеарных семьях: это не только любовники или любовницы, но и идиосинкразия к жестам и поведению партнера или представление себя в объятиях кого-то другого в самые интимные моменты. В современных бетонных жилых комплексах, возникших после II Мировой войны, семейные тайны хранить трудно: звукопроницаемость и теснота вызывают ностальгию по одноэтажному миру, высмеянному Ле Корбюзье, но возродившемуся в 1970-е годы. В детских и подростковых компаниях бедных районов обсуждаются семейные истории. Секреты администрации: некоторые из них, возможно, необходимы, но хранение секрета — информации — дает власть или же ее иллюзию и структурирует, по словам Мишеля Крозье, «зоны неуверенности», в которых наивно ратворяется стремление отдельных бюрократов к власти. Тайны частной жизни звезд до такой степени возбуждают любопытство обывателей-вуайеристов, что звезды для желтой прессы вынуждены строить себе «частно-публичную жизнь», по меткому выражению Эдгара Морена. Частная жизнь политических деятелей строго охраняется: парламентский кодекс поведения исключает какие бы то ни было намеки на нечистоплотность противников, даже врагов. Трудно себе представить, до чего можно прийти, запустив спираль взаимных обвинений. Частная жизнь Х вдруг объявляется «скандальной» (Даниэль Вильсон* продавал награды, Феликс Фор, по слухам, умер от инсульта во время любовных утех с очаровательной мадам Стенель), потому что была предана гласности и завесы тайны пали, но скандал — в чем бы он ни заключался, в случившемся или в возникшей вокруг него шумихе, — сплачивает голоса возмущенных

* Французский политик, зять президента Франции Жюлья Гриви. — *Примеч. ред.*

им людей. Старая проблема, уже поднимавшаяся Дюркгеймом: он заявлял о нормальности преступления и структурирующем эффекте, которое оно производит на общество.

О ком бы ни шла речь — о членах уважаемого викторианского клуба, франкмасонах, террористах, адептах религиозных сект, бандитах или гомосексуалах — «поделиться секретом» означает избежать ада одиночества, потому что за этим актом следует награда: он создает некое сообщество, живущее в опасном, но возбуждающем ожидании «бегства» (предательство одного из посвященных, работа осведомителя и т. д.). В тайне есть что-то завораживающее. Агата Кристи, Альфред Хичкок держат нас в напряжении в ожидании развязки. Некоторых очень возбуждает мысль о вездесущей «руке» КГБ или ЦРУ. Известно, например, что в такой-то семье есть какая-то тайна: почему никогда не говорят об этом дядюшке (может, он проигрался?), об этой прабабке (не была ли она проституткой?) Тайна в таком случае лишь оболочка, поскольку неизвестно, в чем она состоит, но неизвестность вызывает у непосвященных чувство некоего родства.

Разоблачение тайны нередко происходит от неудовлетворенной потребности в общении. Люди откровенничают в самых неожиданных местах. Многие с удивлением замечают, что делятся тем, что скрывают от близких, с попутчиками в поезде или самолете, с шофером такси, полагая, что вероятность повторной встречи со случайным «доверенным лицом» ничтожна. Попутчику можно наврать с три короба, придумать себе биографию, насладиться ощущением собственного величия, на время перестав быть собой. Начиная с 1970-х годов появляется множество обществ типа «SOS Дружба», «Одиночество», «Избитые женщины», «Религия», «Гомосексуалы» и т. д. Потребность поделиться тайнами доказывает, что межличностные отношения остаются заблокированными и что «сексуальная либерализация» — возьмем только этот пример (а может быть, иллюзию?) — не повлекла за собой свободу говорить

о ней. Слушатель — добровольный — анонимен и невидим, как раньше не виден был священник во время традиционной исповеди. Слушатель заменил исповедника.

Тайна и «поддержание порядка»

Непреодолимое желание раскрывать секреты вынуждает руководителей предприятий принимать меры предосторожности. Приведем пример. Мадам К., муж которой «отдал жизнь за Францию» во время I Мировой войны, 24 декабря 1920 года поступает на работу на завод Michelin. Контракт, который она подписывает, целиком и полностью основан на секретности. Мадам К. заявляет, что никогда не работала в резинотехнической промышленности, и берет на себя обязательства «хранить в тайне все, что она увидела или узнала на заводе, не брать и не выносить за пределы предприятия никаких записей, не копировать документы, относящиеся к производственным или коммерческим операциям общества Michelin et Cie, и не разглашать информацию о них ни во время пребывания на заводе, ни после». В случае ухода с завода «либо по собственному желанию, либо будучи уволенной» она обязуется «не поступать на работу на предприятие резинотехнической промышленности в течение трех лет <...>. В случае если, работая на общество Michelin et Cie, она станет автором какого-либо изобретения или каким-то образом рационализирует производственный процесс, эта интеллектуальная собственность будет принадлежать фирме и именно фирма получит патенты». В свою очередь общество предоставляет полный социальный пакет — льготы по жилью, социальную защиту работника и его детей, пенсию и т. д. Однако все эти «льготы» приносят пользу и самой компании Michelin, готовящей для себя инженерно-технические кадры в школе под названием «Миссия» (La Mission), дипломы которой не котируются на национальном рынке труда. Рассказывают, что когда после II Мировой войны генерал де Голль выразил желание посетить заводы, он оказался один на один

с управляющим, который провел его по цехам, где станки были накрыты чехлами.

Тайна, секрет — одна из основ социальной стабильности. Если бы всем все было известно, порядка не было бы. В мире доминируют (не будем говорить: «управляют им») великие манипуляторы тайнами. Приведем хотя бы два примера из огромного множества: Хуа Гофэн руководил политической полицией, Андропов — Комитетом государственной безопасности. Генерал де Голль писал в своей книге «На острие шпаги»: «Нет власти без престижа, и нет престижа без дистанции». Возможно, секрет — условие существования межличностных отношений. Нас очень привлекают чужие секреты. Действительно ли мы хотим, как утверждаем, чтобы окружающие были для нас прозрачны? Поль Рикёр полагает, что только полисемия и многозначность позволяют вести «неуверенное» общение, единственно возможное. Изобразительное искусство отчасти базируется на тайне: загадочная улыбка Джоконды, двусмысленные персонажи «Несения креста». Слабость академической живописи заключается не в недостатке техники и не в банальности сюжета, но в отсутствии тайны. Нам показывают не обнаженных женщин, а женщин «голышом». Хотя черты лица «Венеры перед зеркалом» едва различимы, ее восхитительные ягодицы волнуют наше воображение.

РАБОТА ПАМЯТИ

«Корень прошлого находится в будущем». Это утверждение Хайдеггера подходит к коллективной истории: невозможно понять прошлое, не зная того, как люди, которые в нем жили, мыслили себя в будущем. Подходит оно и к индивидуальной истории: как понять, кем мы были, пренебрегая будущим, которое мы для себя предполагали? Граница между памятью частной и памятью социальной остается зыбкой. Оруэлл отлично

продемонстрировал, что тоталитаризм идет из речи и памяти. В обществе, которое он вообразил, история-рассказ без конца переписывается в зависимости от сиюминутных требований. Нельзя с уверенностью сказать, что французы не поддались манипуляциям с историческим дискурсом. Анализ школьных учебников показал, что материал излагается в зависимости от состояния историографии: это похоронные причитания, когда утверждалось, что история поддается воле «великих людей»; долгосрочные демографические и климатические изменения и все производимые ими эффекты; история умонастроений, разнообразие которых не поддается никакой синхронизации, и т. д. Почитав о I Мировой войне во французских и в немецких учебниках 1930-х годов, можно подумать, что речь идет о разных войнах. В феодальном обществе, где лишь представители духовенства были грамотными, удержать определенные события в коллективной памяти пытались, проводя церемонии, которые, как полагалось, забыть будет нельзя. «Любой маломальски важный общественный акт осуществлялся публично, при большом скоплении людей, которые должны были хранить это событие в памяти и затем свидетельствовать о том, что они видели и слышали <...>. На церемонии присутствовали и совсем маленькие дети, которых в самые ответственные моменты церемонии сильно били в надежде, что зрелище будет ассоциироваться у них с болью и они лучше запомнят то, что происходило на их глазах» (Жорж Дюби). В 1980-е годы, несмотря на то что все были грамотными, национальную память решили укрепить проведением «года наследия», лишний раз побуждая французов устремиться в будущее, не отводя при этом взгляда от прошлого. Что нам рассказывает этимология? Слово «наследие» (*patrimoine*) происходит от латинского *pater* — отец, от которого произошли также слова «родина» (*patrie*), хозяин (*patron*), патриарх (*patriarche*). «Работа, семья, родина» — слово «наследие» (*patrimoine*) напоминает нам о наших деревенских корнях и показывает, как сильно мы изменились. Французы

без устали вспоминают и почитают прошлое. Американцы, представители молодой нации, не перестают удивляться этой нашей тяге к прошлому.

Семейная память основана сегодня на документах, незнакомых или мало распространенных в 1920-е годы. Помимо традиционных библиотек, существовавших в буржуазных кругах с культурными традициями, теперь существуют фотоальбомы, слайды, диски, любительские фильмы и видео. Все это представляет собой впечатляющее хранилище памяти. В то же время важнейший документ прошлого — письмо — постепенно исчезает. «У нас больше нет времени на письма». Продолжительность жизни увеличивается, люди начинают работать все позже, а прекращают во все более раннем возрасте, их отпуска становятся длиннее, а рабочий день сокращается — и при этом у них нет времени на то, чтобы писать письма. Лишь пылкие влюбленные рискуют оставить этот неизгладимый след — письма. Телефон лучше приспособлен к цивилизации эфемерного, а наиболее осторожные люди таким образом оставляют себе возможность «дать задний ход», все отрицать («Я никогда этого не говорил»).

Процесс запоминания идет неодинаково. Два человека, прожившие вместе не одно десятилетие, выборочно запоминают отдельные эпизоды, и это разные эпизоды. Когда пожилые супруги вспоминают пережитое, их воспоминания оказываются не идентичными, а те, что можно назвать «общими», оцениваются по-разному. Является ли фотография — или ее ожившая версия, фильм, — безусловным подтверждением того, что «имело место»? Нельзя сказать с уверенностью. Фотография не нейтральна: при съемке вас попросили принять позу и улыбнуться, или же, если человек не знал, что его снимают, фотограф мог преследовать какие-то свои творческие цели, а не действовать в интересах модели. Есть мнение, что с появлением Polaroid условия задачи несколько изменились, позволив делать эротические и даже порнографические снимки.

потому что автоматическая проявка и печать освобождают от необходимости со стыдом отдавать пленку в лабораторию и развлекать таким образом фотолаборанта. Возможно. Но все эти фотографии, рассортированные, разложенные по порядку и подписанные, — смотрят ли их? Какие стареющие супруги, загадочным образом потерявшие интерес друг к другу, найдут удовольствие в том, чтобы пересмотреть свой эротические фантазии из прошлого? В действительности фотография также является «узлом на память», то есть чем-то абстрактным, несмотря на свою материальность, и загадочным. «Зафиксированное изображение относится к пережитому событию весьма избирательно и является лишь фрагментарным отражением того, что было. То, что изображено (несмотря на иллюзию, которую могут дать высококачественные гаджеты), представляет собой лишь тенденциозное резюме, краткий обзор того, что происходило <...>. Таким образом, фиксация изображения сама по себе является абстракцией, то есть операцией, которая, закрепляя след события, отделяет его от самого события, и большая часть того, что происходило, не принимается в расчет» (С. Леклер).

Просмотр по телевидению фильма, виденного несколько лет назад в кинотеатре, позволяет побывать на трех «этажах» памяти: то, что запомнилось по предыдущему просмотру, то, что забылось, но вспомнилось, и то, что забылось «полностью» (нам известно, что, с точки зрения Фрейда, настоящая память находится только в подсознании — вспомним открытие примитивной сцены в анализе «Человека-волка»^{*}). «То, что происходит в подсознании, не поддается переводу и не укладывается в логику сознания <...>. Подсознание — это другая система, без причинных связей и противоречий, в корне отличающаяся от тех,

^{*} «Человек-волк» — Сергей Константинович Панкеев (1886–1979), пациент Фрейда. Его заболевание описано в книге «Из истории одного детского невроза». Для поддержания анонимности Фрейд называл пациента «Человеком-волком».

что мы создаем при помощи мысли <...>, другое место, другая сцена, неподвластные ни пространству, ни времени» (С. Леклер). Фотографии, фильмы, магнитофонные записи предлагают желающим обширный материал для ностальгии: достаточно ли этого, чтобы вернуть «то, что было зафиксировано»? Поможет ли это мне — наконец! — понять собственную идентичность? Кто я? Когда история была «неподвижной», ответ на этот вопрос был относительно прост: социальные структуры — и нормы, которые их преломляли и увековечивали, — были стабильны и неизменны: люди умирали (часто в раннем возрасте) в том же мире, в котором рождались. Но что происходит в наши дни? Возьмем человека, родившегося в 1900 году. Что общего между 1900 и 1985 годами в научном, техническом, демографическом, культурном плане? Сколько бы воспоминаний и материальных свидетельств времени этот человек ни накопил, не будет ли он вынужден выдумывать автобиографию?

КАК ФУНКЦИОНИРУЕТ ВООБРАЖЕНИЕ

Как было вчера

Кафка рассказывает «историю человека, добивающегося, чтобы его пропустили к Закону. Страж у первых врат говорит ему, что за ними есть много других и там, от покоя к покою, врата охраняют стражи один могущественнее другого. Человек усаживается и ждет. Проходят дни, годы, и человек умирает. В агонии он спрашивает: „Возможно ли, что за все годы, пока я ждал, ни один человек не пожелал войти, кроме меня?“ Страж отвечает: „Никто не пожелал войти, потому что эти врата были предназначены только для тебя. Теперь я их закрою“»³

Кафка — и Борхес, который об этом рассказывает, — открывают перед нами двери воображаемого. Идет ли речь о памяти или о воображении — нечто социальное всегда здесь присутствует, как стражник у двери. Макиавелли описывал хитрости власть имущих, создававших мир иллюзий, чтобы

держат подданных в подчинении. В работе «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс пишет, что главари революций всегда выдают себя за тех, кем не являются: Лютер — за святого Павла, якобинцы — за основателей Римской республики. В книге «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер задается вопросом, как же должны были реформаты интерпретировать священные Тексты (Библию), чтобы превратить их в теоретическую основу современного капитализма, ведь подобная цель противоречила их содержанию. То, что христианская этика и иллюзии или истины (в зависимости от того, как к ним относиться), которые она сообщает, производят революцию в экономике, не казалось ему очевидным. Жорж Сорель утверждал, что идея всеобщей стачки (без сомнения, утопическая) тем не менее укрепляет воинственный дух трудящихся. Начиная с 1920-х социальное воображение среди прочего создало мифы о «последней из войн»; о «коммунистическом рае»; о «Сталине — лучшем из людей»; о «плановой экономике», демонстрирующей главенство человека над экономическими механизмами; о деколонизации и следующем из нее расцвете культурного разнообразия в рамках демократии; об уничтожении либерализмом бедности в богатых странах; а также оппозицию, вне зависимости от политической окраски, утверждающую, что завтра все станет возможно, и т. д.

В эпоху «трех парок» — чумы, голода, войны — воображаемое было краткосрочным и долгосрочным: надо было, во-первых, выжить, во-вторых, попасть в число избранных, а не проклятых. Границы между сословиями смешивались: и дворянин, и простолюдин, и богатый, и бедный, и священник, и мрянин могли переносить в своей одежде *Xenopsylla cheopis* — чумную блоху, попавшую в Европу по Великому шелковому пути. В те времена все верили в ад и рай, что до некоторой степени ограничивало садистские и сексуальные порывы. С началом эпохи Возрождения воображение дополнилось греко-римским антропоморфизмом. Иудео-христианский монотеизм

и политеизм были едины во мнении по поводу слабости человека перед непостижимой волей Бога или Судьбы. Эти традиции живут и после I Мировой войны, обогатившись, осмелимся сказать, воспоминаниями о только что пережитых ужасах. Воображение работает в основном благодаря текстам — будь то Библия, «Отверженные» или «Воспитание чувств».

Что происходит сегодня

Современный мир в большей степени, чем все предшествующие эпохи, — это мир зрительных образов. За один день ребенок видит сотни, даже тысячи картинок: рекламу в метро и на улицах, афиши, комиксы, богато иллюстрированные школьные учебники, иногда кино, каждый вечер телевизор. Его воображение теперь работает не на основе устных или письменных высказываний, но на основе потока — метафора здесь весьма уместна — картинок и образов, который обрушивают на него средства массовой информации. Не думая о конце света — если будущее для него важно, — он посвящает себя покорению природы, завоеванию Луны (про рассеянного человека больше нельзя сказать, что он «на луне»*, потому что люди добрались туда не в мечтах, а в научных целях), звездным войнам. Еще вчера можно было месяцами грезить о любви Юлии д'Этанж и Сен-Прё и подолгу размышлять о величии души — а может, о макиавеллиевском прагматизме? — де Вольмара**. Сегодня на это нет времени. Едва кончается четвертая серия сериала «Новая Элоиза», как начинается драма из жизни мафии, а вслед за ней — репортаж об очередных подвигах какого-нибудь теннисиста или футболиста. Все эти образы, которыми нас пичкают, могут создать иллюзию объективности. Однако картинка не нейтральна: все хитрости

* Выражение «être dans la lune» (досл. «быть на луне») соответствует русскому «витать в облаках».

** Юлия д'Этанж, Сен-Прё, де Вольмар — персонажи романа Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

с установкой кадра придуманы еще Дега; фотографы и кинооператоры субъективизировали образное присутствие — монтаж, то есть заданная последовательность образов, придает зрительной хронологии смысл.

Означает ли это, что мы присутствуем при революции в функционировании воображения, сопоставимой с той, что произвел Коперник? Вряд ли. Видя в инновациях лишь промежуточные стадии на исторической оси, историк не устает поражаться тому, как многое остается неизменным. У человеческого воображения есть границы. Идет ли речь о тератологии, как это было вчера, или об инопланетянах, как происходит сегодня, — во главе угла продолжает стоять антропоморфизм. Грешники Босха, как и персонажи мультсериалов «Грендайзер» или «Сатаник», похожи на нас как братья. Воображение — всего лишь демонстрация нарциссизма, и мы не в состоянии представить себе существо, которое радикальным образом отличалось бы от нас. Новые формы придумывают ученые и инженеры, а не поэты и писатели. Катамараны и тримараны пришли на смену монококу (однокорпусному судну), возбуждавшему воображение читателей «Моби Дика». Формы и силуэты искусственных спутников Земли соответствуют техническим требованиям и совсем не похожи на стратосферные снаряды из фильмов Мельеса. Принято считать, что комиксы и телепередачи для детей пугают их, но вряд ли сильнее, чем «Сказки матушки Гусыни» Шарля Перро или сто шестьдесят четыре сказки Андерсена. Чтение можно остановить, вернуться в начало, перечитать хоть десять раз понравившиеся страницы, а телевидение необратимо. Однако видеомagneтофон позволяет остановить изображение, вернуться назад, перемотать вперед. Три парки навязывали нерелигиозному воображению проекции лишь на самый короткий срок, как мы сказали, но и молодежь 1980-х годов не заглядывает далеко вперед ни в чувственном плане (любовь проходит), ни в профессиональном (кем работать через пять лет). С тех пор как

миф о непрекращающемся прогрессе рухнул, мы, как и наши предки, потеряли способность представлять себе ближайшее будущее.

Лженаука

Положили ли конец достижения науки всякого рода лженаукам — передаче мыслей на расстоянии, спиритизму, телепатии, астрологии и т. п.? Соцопрос, проведенный в мае 1982 года, в котором приняли участие 1515 человек, позволяет нам ответить на этот вопрос отрицательно и готовит сюрпризы⁴. Авторы разработали две шкалы отношений: одна из них рассматривает паранормальные явления (веру в привидения, столоверчение, наведение порчи, телепатию), другая — астрологию (гороскопы, прогнозы и свойства личности с точки зрения астрологии). Первый вывод таков: вера в паранормальное — количественно значительное явление: 42% верят в телепатию, 33% — в НЛО и пришельцев, 36% — в астрологию. Процент адептов лженауки не зависит от уровня образования. Символически интерпретируя окружающий мир, лженауки находят сторонников среди тех, кто находится в относительно маргинальной ситуации: это студенты, еще не вышедшие на рынок труда, безработные, неработающие женщины, разведенные женщины. Все они симпатизируют зеленым, нетрадиционной медицине, полагая, что «есть болезни, которые надо лечить не аптечными средствами», контрацепции, снисходительны к правонарушителям, являются сторонниками нестрогого воспитания (*éducation permissive*), любят читать фантастику. Второе, что выявил опрос: «вера в паранормальное не противоречит осознанию научно-технического прогресса». Сторонники лженауки полагают, что скоро наука объяснит и феномен наведения порчи, и тайну лозоходства. Третий вывод, наиболее удивительный: 48% тех, для кого существование Бога является безусловным или возможным, верят в астрологию, в то время как среди неверующих таких лишь 32%. Впрочем, практикующие

католики верят в лженауку меньше, чем не практикующие. Авторы пришли к следующему заключению: «То, что Леви-Стросс называл *дикой мыслью*, противопоставляя ее мысли научной, остается важнейшим инструментом постижения действительности, в том числе в нашем обществе, которое принято считать индустриальным и технически подкованным».

ГДЕ СКРЫВАЕТСЯ ТАЙНА: УНИЖЕНИЕ, СТЫД, СТРАХ

Вошедшее в 1980-е году в моду выставление напоказ своих сексуальных и криминальных подвигов не должно сбивать с толку и преуменьшать количество того, о чем не говорят. Всегда находится доброжелательная аудитория, готовая послушать о чьей-то неумеренности в сексе, о кражах в супермаркетах, о провозе контрабанды. Молчание есть признание в испытываемом стыде. Некоторые стыдятся своей любви к деньгам, другие — физических недостатков: лишь читая биографии, написанные «другими», можно узнать о том, что Х был хромым, болел сифилисом — эксцессы вроде флоберовского* встречались редко — или был импотентом. Кто-то стыдится пережитого унижения. За две тысячи лет христианства мы так и не научились «прощать обидчиков». Всем знакома татуировка на мускулистом плече водителя грузовика: «Простить — возможно; забыть — никогда». Старое унижение быстро вспоминается и запускает новый виток ненависти. Это касается как отдельных людей, так и целых народов: летом 1985 года шииты, которых еще недавно притесняли в Южном Ливане палестинцы, смогли наконец выплеснуть свою ненависть. Когда-то у палестинцев было оружие, у шиитов — нет. Теперь они поменялись ролями.

* Считается, что Флобер заразился сифилисом в 1850 году в Бейруте. — *Примеч. ред.*

Помимо постоянно действующих факторов — Парето* назвал бы их «остаточными», — присутствует неуверенность, о которой следовало бы написать. В 1920-е годы еще встречалась климатическая неуверенность — сегодня она определяет ритм голода в Африке и выживание местного населения; неуверенность, вызванная опасностью сифилиса, туберкулеза, тяжелой формы гриппа, сепсиса и пр. В наши дни «дождливая весна, холодное лето» больше не вызывают голода во Франции; туберкулез побежден, сифилис под контролем. Правда, им на смену пришли болезни, передаваемые половым путем. В то же время появляются новые поводы для беспокойства и неуверенности: непрочность брака, проблемы с занятостью. Приведем лишь один пример: сельскохозяйственные производители знают, что дети не будут продолжать их дело, что сами они через десять лет станут анахронизмом.

История частной жизни — это и история страха, страхов. Страх ядерного апокалипсиса? В 1985 году по случаю сорокалетия бомбардировки Хиросимы мы узнали из газет, что ядерный потенциал двух сверхдержав в пятьсот тысяч раз превосходит мощность бомбы, сброшенной 6 августа 1945 года. Парадоксальным образом весь ужас этой технологической революции, позволяющей много раз уничтожить планету — хотя и одного раза было бы достаточно, — не был осознан до конца. Люди продолжают «тихонечко готовить еду на своих маленьких уютных кухнях», словно человечеству ничто не угрожает. Во времена пандемий, постепенно опустошавших города и страны (во Франции в 1300 году проживало 18 миллионов человек, а сто лет спустя, в 1400-м, — менее 9 миллионов), страх, подпитывающий коллективное воображение, позволял создавать шедевры искусства. Возможность же мгновенного уничтожения всего живого не является навязчивой идеей: страх вытесняется в область развлечений, и на его основе создаются

* Вильфредо Парето (1848–1923) — итальянский социолог и экономист.

книги и фильмы, стыдливо называемые «фантастическими». Настоящий страх 1980-х — отсутствие собственной безопасности и безопасности своего имущества. В мае 1984 года под патронажем Министерства промышленности и научных исследований в Париже открылся первый Салон безопасности, организованный производителями аудиовизуальной электроники и установщиков тревожной сигнализации. «Таким образом, страхи коммерциализировались. Потребность в безопасности создала новую профессию, и профессионалы с готовностью поддерживают наши страхи. Они производят продукцию на любой вкус и кошелек. На рынке страха дела идут хорошо»⁵.

Страх играет роль в защите тайны. «Я не хочу этого знать». Почему? Потому что отрицать — как и лгать — проще. Человек неверующий нуждается в «исторических, харизматических персонажах». Их убожество, мелочность и злоба не имеют значения. Народу нужны лидеры. Скрытый, тайный героизм, анонимная щедрость, «невывставляемые» произведения искусства, короче говоря, отказ от роскоши рассматривается как оскорбление, судьей которому является общественное мнение. Судья не хочет быть судимым.

ПРЕДЫСТОРИЯ К ИСТОРИИ?

Человек, родившийся в начале века и в сознательном возрасте переживший весь описываемый в этом томе период (скажем, в 1914 году ему было четырнадцать лет), — что он видел? Убийства I Мировой войны, революцию в России, Гитлера и Освенцим, Сталина и ГУЛАГ, Хиросиму, Мао Цзэдуна и культурную революцию, Пол Пота и геноцид в Камбодже, кровавых латиноамериканских каудильо и знаменитые «исчезновения», голодающую Африку, исламскую революцию и восстановление шариата.

Однако Гитлер, Сталин, Мао и Пол Пот не смогли бы ничего сделать, если бы не возникло огромного количества их

двойников в миниатюре. Действуя искренне, цинично или же попросту чтобы выжить, действуя в доступных им масштабах, они смогли дать выход своим садистским наклонностям.

Еще более тревожное наблюдение: сегодняшние мучители — это вчерашние жертвы. Эта смена ролей — мученик, ставший палачом, — вызывает достаточно простой бытийный вопрос: что есть человек? Такой вопрос часто задают на вступительном экзамене, для подготовки к которому абитуриенты штурмуют библиотеки, чтобы обобщить все сказанное на эту тему. Мы предлагаем другой путь — индуктивный. Трагическое зрелище — Пол Пот, расставляющий перед представителями камбоджийской элиты ловушку, расставленную когда-то Спартой перед илотами. Подобные сюжеты заставляют нас задаться старым как мир вопросом истории мысли. Если предположить — а мы в этом убеждены, — что пережитую историю нельзя объяснить ни волей провидения, ни определяющей ролью какого-то харизматического лидера, ни решающей и решительной эффективностью олигархов, ни трансформирующей деятельностью общественных институтов, ни мессианской ролью пролетариата и всех угнетенных, но можно — волевым актом множества индивидов, усвоивших определенную этику (согласие между нормами и ценностями, скажем так), то именно изучение частной жизни позволяет нам надеяться на понимание сути проблемы. Именно это подталкивает нас к продолжению изысканий, к изучению предыстории истории-рассказа.

ВОЙНЫ ИЗВЕСТНЫЕ, ВОЙНЫ НЕИЗВЕСТНЫЕ И ТАЙНА ИДЕНТИЧНОСТИ

Что он почувствовал, когда в первый раз выгружал трупы из машин, когда он в первый раз открыл дверцу газенвагена?

Что он мог сделать? Он плакал...

На третий день он увидел свою жену и детей. Он опустил тело жены в могилу и попросил, чтобы его убили. Немцы сказали ему, что у него еще есть силы для работы и поэтому они его пока убивать не станут*.

Мордехай Подхлебник. Цитаты из фильма «Шоа»

ПЕРМАНЕНТНАЯ ВОЙНА

Перманентная революция — это утопия; перманентная война — реальность. 1914–1985: I Мировая война, Рифская война, война в Испании, II Мировая война, войны в Индокитае, Корее, Вьетнаме, Алжире, так называемая холодная война... Мы назвали лишь основные, главные войны. Война всегда присутствует в мыслях человека. Воспоминания героические, постыдные, восстановленные; воспоминания ненавидимые и любимые, о том, как было разрешено, приказывалось убивать. В исторических книгах говорится об ужасах, страданиях, жертвах войны. Никогда — об удовольствиях и наслаждениях.

* Пер. П. Каштанова.

Радость убивать, грабить, насиловать, унижать. Война принадлежит частной жизни... Эти паузы, во время которых непредсказуемо можно убить или быть убитым. Эти погибшие, чьи имена выбиты на примерно 38 000 памятников, установленных во Франции, — скольких людей они убили — на расстоянии, но иногда и врукопашную, — прежде чем погибнуть? Умереть за родину, убить за родину. Первое ценится, второе замалчивается. Если собственная смерть превращает человека в труп, совершённое убийство делает его иным человеком. Это страстное желание уничтожения ближнего так сильно, что возникает вопрос, не является ли мир продолжением войны другими методами. Воинственный лексикон заполняет политический дискурс (например, «предвыборные баталии»), спорт («спортсмен Х капитулировал в третьем сете, отказавшись от борьбы»), частную жизнь («схватка разведенных супругов за опеку над детьми»).

1914-1918 ГОДЫ: «ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ». ВОЙНА, О КОТОРОЙ ГОВОРИЛИ

Свидетельства

Убежденные в том, что «[народный] дух правды не выдержит», все воюющие стороны хранили тайну, подтасовывая цифры и завышая количество погибших на стороне противника. Только в 1921 году из доклада депутата от Нанси Луи Марена французы узнали о подлинных масштабах трагедии. Всего было около 10 миллионов погибших (Германия: 2 040 000, Россия: 1 800 000, Франция: 1 300 300, Австро-Венгрия: 1 100 000, Соединенное Королевство: 700 000, США — 114 000). Жан-Жак Беккер пишет, что Франция опережает все прочие страны по такому показателю, как количество погибших по отношению к воевавшим: 168 на 1000, в то время как в Германии — 154 на 1000. 3 594 000 французов были ранены, 5 000 000 болели, каждый солдат болел неоднократно. 7 935 000 человек во Франции

были мобилизованы. Для возрастных групп, представители которых больше всего участвовали в боях, потери составили 25%. В войсках погибло 22% офицеров и 15,8% личного состава. В пехоте пала треть офицеров. Был убит 41% студентов Высших нормальных школ. Дезертирство было редкостью, за исключением австро-венгерской армии. 4 мая 1916 года 6-я рота 60-го пехотного полка контратаковала Мор-Ом: к концу дня в живых осталось 11 человек из 143. Готовность погибнуть остается загадкой. «Меня возмущает чудовищная бесполезность наших потерь. Я готов принести себя в жертву, но мне все же хотелось бы, чтобы о том, как бездумно тратятся жизни и силы, стало всем известно и чтобы угроза *погибнуть от победы* была всеми прочувствована и предотвращена» (капитан Жан Вижье, принятый первым по конкурсу в Высшую нормальную школу в 1909 году и первым же выдержавший конкурс на звание преподавателя философии в 1912 году, убит под Верденом 12 ноября 1916 года; текст цитируется Ж.-Ж. Беккером). 2 марта 1916 года в битве за форт Дуомон Шарль де Голль, уже дважды раненный, получил удар штыком в рукопашном бою, потерял сознание и попал в плен. За три дня его полк, состоявший из 3000 человек, потерял 32 офицера и 1443 унтер-офицера и солдата.

Верденская мясорубка длилась с 21 февраля по 18 декабря 1916 года. 302 дня боев, 221 000 французов убиты, пропали без вести или оказались в плену, 320 000 ранены. 500 000 немцев убиты, пропали без вести или ранены. С обеих сторон погибли или ранены около миллиона человек. Во имя чего? Да просто так: французы отвоевали участок, занятый немцами в начале наступательных действий. Это обстоятельство сильно удивило французское командование. Маршал Жоффри, объявив это наступление «маловероятным», приказал убрать пушки из фортов, в частности доумонских. Ноэль де Кастельно счел удовлетворительной первую линию обороны. Специалисты сходятся во мнении, что немецкое командование превосходило французское. Немцы проложили бетонные траншеи,

которые защищали от мин и сглаживали пагубное влияние глины и грязи; французы же, упрямо продолжая верить в успех маневренной войны, лишь вырыли окопы. Немецкое наступление 21 февраля застало французское командование врасплох. Фронта больше не было, была лишь «сплошная путаница и разброд позиций, которые напрасно силились распутать и собрать» (М. Ферро). Солдаты познали все тяготы: голод, жажду (дожди шли постоянно, но в воронках от мин и снарядов плавали трупы), холод, снег, дождь, недостаток солнца, сна, «зловоние, распространяемое экскрементами и разлагающимися трупами» (Ж.-Ж. Беккер). Невероятная стойкость французов под Верденом — не результат деятельности штаба, довольно посредственного: это заслуга рядовых солдат, «пуалю*». Представления о принципах и о роли личности, на этот раз действовавшие заодно, убедили каждого солдата, что исход войны зависит от его смелости и мужества. «Отрезанная, обстреливаемая, часто собственной артиллерией, каждая часть была предоставлена сама себе. Приказ был один — „держаться“. Каждая рота была убеждена в том, что успех операции мог зависеть именно от нее. Никогда еще так много людей не испытывало одну-единственную общую уверенность. Никогда еще столько людей не брало на себя такую ответственность и не проявляло такую самоотверженность. Выдержав второй удар, они дали возможность командованию воссоздать порядок боя, выдержать все и победить» (М. Ферро). Немецкое свидетельство: «Внезапно двери и окна распахнулись, как будто сорвались с петель. Солдаты, офицеры и даже генерал бросились на улицу и окаменели. Как адское видение, от церкви через деревню мимо них прошли полки обезумевших солдат. Некоторые держали в руках чьи-то оторванные руки и ноги и размахивали ими, как дубинками, так

* Пуалю (франц. poilu, букв. «волосатый») — прозвище солдат-пехотинцев времен I Мировой войны.

что куски плоти летели в стороны. Паника свела им скулы. Генерал прокричал что-то; они начали дико смеяться. Он послал им навстречу своих солдат. „Остановите их! Ужас! Кошмар!“ Никого не удалось поймать. Они уже скатились вниз по склону и исчезли. Глаза у всех, кто это видел, расширились от ужаса, словно земля внезапно разверзлась перед ними <...>. „Откуда идут эти люди? — С поля боя, ваше превосходительство“» (Ф. фон Унру). Свидетельство француза: «В нескольких шагах от нас на дне траншеи лежало тело. Это был унтер-офицер, наполовину похороненный — видна была только голова, одно плечо и рука, кисть которой загнулась. Он лежал там со вчерашнего дня; его рука окоченела, и все, кто ходил туда-сюда по окопу, спотыкались об эту руку и падали. Надо было бы отсечь эту руку или же выкопать тело. Никто на это не отваживался» (*Cazals R., Marquié Cl., Piniès R. Années cruelles 1914–1918*). Вдали от Вердена было не лучше. Еще два свидетельства: «Однажды вечером патрульный Жак увидел, как из-под выцветших шинелей [трупов] разбежались крысы, огромные, нажравшиеся человеческого мяса. С бьющимся сердцем он подполз к одному из мертвецов. Каска с него слетела. Голова была совсем без мяса, голый череп, глаза съедены. Челюсть вывалилась на грязную рубашку, и из раскрытого рта выскочила отвратительная тварь» (Р. Нежелен). «В четыре часа пополудни немецкая стрельба прекратилась. Началась атака. В двухстах метрах от нас из траншеи вылез немецкий офицер с саблей наголо. За ним двигался полк колоннами по четыре, с ружьями на плече. Можно было подумать, что это парад в честь 14 июля. Мы были ошеломлены, и именно на это был расчет неприятеля. Но спустя несколько секунд, придя в себя, мы начали стрелять как сумасшедшие. Наши пулеметы, всегда готовые к бою, поддерживали нас. Немецкий офицер погиб метрах в пятидесяти от нас, вытянув правую руку в нашем направлении, а его люди падали штабелями за его спиной. Это было невообразимо» (капитан Дельвер, 101-й пехотный полк).

Солдат-«пуалю», готовый умереть за Родину

Перечитывая эти тексты — а подобных свидетельств много, — историк задается вопросом, как эти люди могли «держаться» больше четырех лет (восстания 1917 года быстро сошли на нет). Здесь можно выдвинуть три гипотезы, и все они будут связаны с частной жизнью. Во-первых, это отношение к смерти, которое пока свойственно Новому, а не Новейшему времени. Тогда смерть воспринималась как норма. В межвоенный период такое отношение к ней пошатнулось, а после II Мировой войны смерть стала «скандалом» (появились антибиотики, развилась кардиохирургия и т. д.). Во-вторых, война создала новую иерархию, в основе которой лежало личное мужество и цельность. Угроза смерти уничтожила всемогущество денег. Появилась новая элита, у которой в обыденное мирное время не было такой возможности. «Лишь мужество и сила духа не умирают», — говорил Стендаль. Когда начинается атака, социальное положение перестает играть какую-либо роль и становится мишурой: все люди оказываются обнаженными. Чувство солидарности преодолевает социальную рознь. Немец — это «бош», убийца «моего брата», и желание отомстить превосходит усталость и страх. Наконец, всеми солдатами движет национализм, обостренный потерей Эльзаса и Лотарингии. «Бош» — наследственный враг, хищник, захвативший две наши провинции. Справедливость и право — на французской стороне. Можно говорить о самой настоящей патриотической религии, которая вдалбливалась в головы как в светской школе (с 1880-х годов детей с начальной школы учили обращаться с оружием на деревянных моделях ружей), так и в религиозных учебных заведениях. Национализм был «ценностью», разделяемой и правыми, и левыми (левыми в меньшей степени) — это объясняет крах интернационализма в 1914 году. С этой точки зрения флаг-триколор, то есть отказ от только белого (символа монархии) и только красного (символа социализма) и их объединение с синим, выражает

консенсус христиан и неверующих. Священники были такими же хорошими офицерами, как и учителя. Сменив кропило на саблю, отказавшись от всякого экуменизма, французские священники ринулись на немцев, на «бошей», на врагов. Французы и немцы, два христианских народа, убивали друг друга на протяжении более чем четырех лет. Сегодня это патриотическое рвение может показаться несколько наивным, однако именно оно дало возможность Франции победить, а немецкой армии — избежать полного уничтожения в 1918 году. То, что французская победа была достигнута благодаря гражданским лицам в военной форме — «пуалю», признают все участники боевых действий. Скрупулезно изучая памятники погибшим, Антуан Про подчеркивает, что в церемониях открытия памятников или поминовения нет намека на культ личности⁶. Этот автор настаивает на недоверии, даже враждебности «пуалю» к профессиональным военным: лучший контакт существовал у солдат с мобилизованными офицерами, потому что они были «руководителями близкими и гуманными, очень похожими на людей, которыми командовали, такими же мобилизованными гражданскими лицами, их власть была лишь временной, и, как и солдаты, они страдали и погибали». Памятники погибшим устанавливались не по инициативе государства, его помощь была весьма скромной (закон от 25 октября 1919 года), и тем не менее большинство из 38 000 коммун воздвигают их и торжественно открывают до наступления 1922 года. По мнению Антуана Про, было четыре типа памятников: гражданский памятник, очень строгий, без излишеств (список погибших, возможно, военный крест); патриотический памятник, изображающий солдата-триумфатора (в качестве примера — статуя работы Эжена Бене, воспроизведенная в девятистах экземплярах); патриотический надгробный памятник: скульптура умирающего солдата рядом с матерью и супругой; пацифистский, антимилитаристский памятник (например, памятник в Шато-Арну изображает человека, ломающего шпагу, и подпись

гласит: «Будь проклята война»; на памятнике в Сен-Мартен-д'Эстрео можно прочитать: «Итог войны: более 12 миллионов убитых... Огромные состояния, сколоченные на людском горе. Невинные у расстрельного столба. Виновным — почести... Будь проклята война и те, кто ее развязал»). Ежегодные поминовения погибших организуются не властями, а обществами участников боевых действий. «Очень важно, что праздник 11 ноября лишен какой бы то ни было военной атрибутики. Никаких построений, никаких смотров, никаких парадов. Мы отмечаем праздник мира. Это не праздник войны» (Journal des mutilés, 14 октября 1922 года). «11 ноября — это день траурных церемоний. Минута молчания, светская форма молитвы. До нее или после — чтение списка имен всех погибших из коммуны, и после произнесения каждой фамилии кто-то из детей-школьников или ветеранов говорит: „Отдал жизнь за Францию“ или „Пал смертью храбрых“. <...> Мы не прославляем ни армию, ни даже Родину. Напротив, это Родина отдает дань памяти своим гражданам <...>. Кто говорит? Те, кого выбирают ветераны боевых действий. Никаких звезд, знаменитостей. Республика — это такая форма правления, где граждане должны научиться служить незаинтересованно и исходя из личных убеждений. Не цитируют ни Фоша, ни Жоффра, ни Петена. <...> Живые напоминают себе, что они должны быть достойными мертвых <...>. Церемонии 11 ноября — это единственный республиканский культ, который оказался успешным во Франции и который был единодушно принят народом» (А. Про). Тот же автор приходит к заключению: «Республика, которая ничему не учится и не прославляет себя, — это мертвая республика, то есть такая, за которую больше не умирают: это мы увидели в мае 1958 года и уже в 1940-м». Многие из детей, произносивших на траурных церемониях: «Отдал жизнь за Францию», были сиротами: в дни войны они появлялись вдруг в школе в новых, тщательно отглаженных черных блузах. Шокирующий пример слияния частной и публичной жизни.

«Великая война», ровесница Русской революции, открывает новую эру в истории человечества. Финансовая нестабильность, безработица — то, с чем раньше сталкивался народ, — теперь коснулись и буржуазии. После многих лет «промывания мозгов» никто ни во что не верит. В семьях детям без конца рассказывают о войне. В каждой семье были вдовы, сироты, инвалиды; самое тяжелое впечатление производили инвалиды с изуродованными лицами. За столом вспоминают Дарданеллы, Верден, «зверства бошей», прославляют героев, клянут уклонистов, отсидевшихся в тылу, тех, кто нажился на войне, «нуворишей». С теми, кто в тяжелые годы «отсиделся в тылу», переставали общаться. Ветераны-однополчане периодически устраивали встречи, вспоминали войну. Очень многие были практически раздавлены годами ужаса, не смогли адаптироваться к мирной жизни, которая через несколько лет будет сотрясена Великой депрессией. Тех, кто выжил под Верденом, было вдвое меньше тех, кого туда послали, и встречающимся ветеранам, чтобы добраться туда, хватало половины предусмотренного количества грузовиков. Это было неизгладимое воспоминание, лишавшее сна, являвшееся в ночных кошмарах. И очень быстро стало понятно, что та война — не последняя. 1923 год — мюнхенский путч; с конца 1929-го — Гитлер, его «карьера, которой могло не быть» (но на деле она была неизбежной)*. Французские семьи попали в тиски: вспоминали ужасы войны и боялись ее возможного повторения. Все это вызывало апатию. Нацизм расцветал: восстановление военной службы, ремилитаризация рейнской зоны, аншлюс, Мюнхен... Никто ничего не делал. Солдаты I Мировой в массе своей были настроены пацифистски: «Это не должно повториться». Погибшие на Великой войне были, если можно так выразиться, избранными. Это были в массе своей молодые мужчины

* Намек на антигитлеровскую пьесу Бертольта Брехта «Карьера Артуро Уи, которой могло не быть». — *Примеч. ред.*

в возрасте от восемнадцати до тридцати двух лет; если бы они выжили, то в межвоенный период заняли бы ответственные посты и могли бы дать адекватный ответ вызовам, которые «кризис» бросил экономике, спавшей до 1914 года и разрушенной войной. Нет слов, чтобы описать тоску 1930-х годов, когда весь народ, поглощенный воспоминаниями о вчерашних ужасах, погрузился в ожидание, которое закончилось Холокостом.

1939–1945 ГОДЫ: ВОЙНА, О КОТОРОЙ НЕ ГОВОРИЛИ, И ПОПЫТКА ОТРИЦАНИЯ

Это новое лицо организованной, рационализированной смерти, явленное Германией, в первую минуту ошеломляет и лишь потом возмущает. Мы удивляемся: как после этого еще можно быть немцем? Мы ищем аналогии в других эпохах, в других странах. Нет, ничего похожего. Некоторые так и не излечатся от потрясения. Одна из самых великих наций земной цивилизации, создавшая самую прекрасную в мире музыку, методично умертвила одиннадцать миллионов человеческих существ, сделав убийство образцовым государственным производством. Весь мир смотрит на чудовищную гору Смерти, которую созданыя Божии сотворили для своих ближних. Единственно возможный ответ на это преступление — признать его нашим общим преступлением. Разделить*.

Маргерит Дюрас. «Боль»

Поражение с песнями?

У I Мировой войны был и положительный результат: она способствовала появлению манихейского дискурса. Каково количество французов, отказавшихся начиная с 1940 года слушать мазохистские проповеди восьмидесятилетнего маршала, злобного антисемита? Горстка. Что же, было сорок миллионов сторонников Петена? Возможно. Историк не адвокат и не прокурор,

* Пер. М. Злобиной.

он пытается понять персональный выбор миллионов мужчин и женщин, едва выбравшихся из паники, вызванной сокрушительным поражением, и оказавшихся перед лицом полного ошеломления. Два миллиона оглушенных узников, убежденных в собственной невиновности, наивно верящих в непременное освобождение. «Быть узником — это всегда горе, а не честь» (Анри Френе). 28 июня 1940 года газета *La Stoix* опубликовала проповедь монсеньора Сальежа, архиепископа Тулузского, в которой читаем: «Просим у Тебя, Господи, прощения за то, что мы выгнали Бога из школ, из залов суда, из нации <...>. Что бы дала нам легкая победа в 1940 году?»⁷ Монсеньор Бодрийяр приветствовал нападение нацистов на СССР: «Настало время нового крестового похода. Я утверждаю, что Гроб Господень будет спасен». Поль Клодель пишет 6 июля 1940 года: «Франция освобождена после шестидесятилетнего ига радикальной антикатолической партии (преподаватели, адвокаты, евреи и франкмасоны). Правительство вспомнило Бога и отдало монастырь Гранд-Шартрез монахам. Появилась надежда на то, что будут отменены всеобщее избирательное право и парламентаризм». Интеллигенция ведет себя осторожно (Андре Жид отказался подписывать петицию против казни заложников в Шатобриане, Андре Мальро вступил в контакт с Соппротивлением лишь в 1943 году) или же решительно поддерживает вишистов: Колетт, Поль Моран, Жак де Лакретель, Мак-Орлан пишут для *Combats*, газеты вишистской полиции; Альфред Фабр-Люс публикует в 1942 году «Антологию новой Европы», где прославляет французских писателей, пионеров национал-социализма; Дерен, Вламинк и Майоль выставляются в Германии; Дриё Ла Рошель, Бразийак, Терив и Шардонн встречались с Геббельсом в Нюрнберге. Звезды экрана не отстают: Альбера Прежана, Робера Ле Вигана, Даниель Дарьё, Вивиан Романс с почетом принимают за Рейном. В фильме Марселя Паньоля «Дочь землекопа», снятом в 1940 году, героиня забеременела от летчика, позже пропавшего без вести, который потом нашелся и пришел заглаживать

вину под «речь» Петена. В 1945 году эту речь заменили «призывом» Шарля де Голля. Считается, что в том или ином качестве на нацистов работали около 3 600 000 французов. Это заключенные, добровольцы, члены вишистских трудовых отрядов (STO), работники французских заводов, полностью контролируемых оккупантами. Участники движения Сопротивления (около 250 000) столкнулись с трудным выбором: партизанская борьба, ошибки при ликвидации предполагаемых доносчиков (по данным Комитета истории II Мировой войны, было «вычищено» 12 000 человек, из которых отнюдь не все были невиновными). Что касается бежавших из концлагерей, то многим это удалось за счет гибели товарища; их неминуемо настигал «синдром выжившего» — посттравматический синдром, о котором речь пойдет ниже. Под Верденом были хорошие (мы) и плохие (они). Вот двое: участник Сопротивления, который «заговорил» под пытками или если на его глазах пытали его ребенка, и человек, который никогда не вступал в Сопротивление (он может апостериори придумать себе биографию). Кто из них хороший? Кто плохой? У кого есть право судить? И кто может знать, что произошло на самом деле? Часто жертвы выбирают молчание. Дети никогда не рассказывают о побоях.

Франция оказалась в лагере победителей. Ничтожная часть французов стала символом героизма, а подавляющее большинство избежало рисков. В основе будущего — память и забвение. Память? Каждому политическому деятелю, кто был взрослым в 1940-е годы, задавали вопрос: «А что делали вы в то постыдное время?» Жоржа Марше упрекали в том, что он был в вишистском трудовом отряде, Франсуа Миттерану ставили в вину орден «Франциск Галлик», награду вишистского правительства (которую он получил, уже когда выбрал стезю подпольщика). Забвение? Начиная с 1950-х годов политический класс пересматривает отношение к вишистам. В 1947 году Робер Шуман и Рене Коти, голосовавшие 10 июля 1940 года за передачу всей полноты власти Петену, были один — председателем Совета,

другой — министром, а семь лет спустя Коти стал президентом Республики. Антуан Пине, также сторонник Петена в 1940 году, уже в 1948 году стал министром (Ж.-П. Азема).

Шоа

Попытки все отрицать делаются постоянно. Я не хочу знать, что мой муж (жена) мне изменяет, что мой сын наркоман, что у меня рак, что ежедневно практикуются пытки. Знали ли французы о Холокосте? «Вся машина смерти основывалась на единственном принципе: люди не знали ни куда их привезли, ни что их ждет» (Рихард Глацар, цитата из фильма «Шоа»). Когда Франция пала, в ней проживало около 300 000 евреев, половина из которых были иностранцами. 3 октября 1940 года было опубликовано «Положение о евреях — гражданах Франции», 2 июня 1941 года ограничений станет еще больше. Евреи лишались права занимать любые выборные и общественные должности, в том числе в судах и в армии. *Numerus clausus* (процентная норма, квота) для евреев составляла 3% для поступления в университет, 2% — для свободных профессий. Проводилась тотальная «арианизация» всех еврейских предприятий — силовая ликвидация и назначение кураторов. Что же касается евреев-иностранцев, то декрет от 4 октября 1940 года давал право префектам интернировать их в специальные лагеря (весной 1941 года в этих лагерях было 40 000 человек, откуда их отправляли в лагеря смерти). Это были официально опубликованные тексты, с ними можно было ознакомиться. Май 1942 года: все евреи старше шести лет должны носить желтую звезду так, чтобы она была видна. Посещение евреями всех публичных мест было запрещено. Больше их там не видели. 16–17 июля 1942 года 12 884 еврея были схвачены и отправлены в Парижский регион, в Дранси и в Вель-д'Ив. 26–28 августа 1942 года: захваты людей на юге. Об этом было известно, потому что монсеньор Сальеж, тот самый, который прославлял искупительное поражение 1940 года, храбро доносил на них,

на что мгновенно отреагировал Бразийак: «Надо отделить евреев всем скопом и не прятать маленьких детей, гуманизм здесь сопряжен со здравым смыслом» («Я вездесущ», 25 сентября 1942 года, текст цитируется Ж.-П. Азема).

В «Записках о депортации из Франции» Серж Кларсфельд, опираясь на документы из немецких архивов, называет следующие цифры: 75 721 — депортированы для «окончательного решения вопроса», и 2500 — то есть 3% — выжили. Если принято считать, что в 1940 году евреев во Франции было 300 000, то что же случилось с остальными? Кому-то удалось сбежать, кто-то прятался. Французы в массе своей не были ни доносчиками, ни героями, но среди них были и те и другие. Приведем два примера. «Французское государство сыграло на бытовом антисемитизме. Один французский врач воспротивился женитьбе сына Жана на еврейке Аннете Зельман — он был до такой степени против этого брака, что предупредил Комиссариат по еврейскому вопросу, откуда информация была передана нацистским властям. Молодым людям пришлось отказаться от своих намерений. Аннета Зельман была арестована в мае 1942 года и 22 июня того же года конвоем номер три депортирована в Освенцим, откуда не вернулась» (текст цитируется Ж.-П. Азема). Одна эльзасская еврейская семья (отец, мать, двое детей) скрывалась в Центральном массиве. В начале 1943 года приютивший их крестьянин стал бояться за себя и попросил их немедленно уйти. Назвал им имя человека из соседней деревни, который «возможно, их примет». Глубокой ночью они отправились с чемоданами по указанному адресу. Постучали в дверь. Им открыли. Хозяин дома поведал им такую историю. Когда он служил в армии, был реабилитирован Дрейфус. Капитан собрал роту, зачитал подчиненным министерский циркуляр, потом сложил бумагу, убрал ее в карман и сказал: «Для меня Дрейфус предатель». Тридцать семь лет спустя пренебрежение, с которым капитан отнесся к правосудию своей страны, продолжало возмущать земледельца, и вплоть до самого освобождения он спасал

эту еврейскую семью (свидетельства получены автором). Был и некий специалист по рекламе, который завесил весь Париж плакатами в виде таблицы для проверки зрения, на котором была мерзкая фраза «Лиссак — это не Исаак»*. В Иерусалиме к Мемориалу депортации ведет аллея Праведников, усаженная деревьями в память о тех, кто помогал евреям избежать геноцида. На каменных плитах высечены имена священников, пасторов, никому не известных людей. Их имена, как и имена многих других, не попали в учебники истории. На вопрос, заданный выше, — знали ли французы о геноциде? — можно, как нам кажется, ответить так: видя, что евреев вокруг становится все меньше, они догадывались об их депортации. Но как и сами евреи, они не представляли себе, чем же в действительности было «окончательное решение вопроса». «Новые газовые камеры? Ну-ка... В них можно за пару часов уничтожить три тысячи человек» (Франц Зухомель, унтершарфюрер СС, чьи слова цитируются в фильме «Шоа»).

Это не укладывается в голове.

ЗАМОЛЧАННЫЕ ВОЙНЫ

Алжир

В официальных речах не любят называть вещи своими именами. С 1 ноября 1954 года по 19 марта 1962-го в Алжир отправилось 2 700 000 солдат. 25 000 из них погибли в боях или от неосторожного обращения с оружием. Около миллиона попали в госпитали, 250 000 были ранены или серьезно больны, 80 000 получали пенсию по инвалидности (цифры эти неполные, так как многие психические расстройства проявились лишь месяцы спустя после возвращения к мирной жизни). С юридической точки зрения этой войны не было. Речь шла об «операциях по поддержанию порядка». Придется ждать двадцать лет, чтобы

* Лиссак — коммуна на юге Франции.

инвалидность перестала считаться полученной «в мирное время». Не будет преувеличением говорить о молчании поколения. Вернувшись с войны, ветераны столкнулись с безразличием. Вот несколько свидетельств. «Война, на какой бы стадии она ни находилась, для нашего окружения закончилась в тот момент, когда мы возвращались. Было принято считать, что мы „проходили военную службу в Алжире“. Служба немного затянулась, вот и все». «Все условились говорить, что мы стали жертвами „грязной войны“. В этой роли не было ничего героического. В любом случае зачем рассказывать о том, что мы пережили, если нас никто не слушал? Да и нам самим хотелось говорить о чем-нибудь другом». «Мы, раненые, не имели права ни на какое внимание. Единственный, кто меня посетил в госпитале, был унтер-офицер — для галочки. Он спросил меня, не искалечил ли я себя нарочно... Единственные, кто мог бы что-то сказать, не могут этого сделать — они погибли» (слова сержанта инженерных войск, который потерял ногу, подорвавшись на забытой французской mine). Кто помнит, что 16 октября 1977 года неизвестный солдат из Северной Африки был перезахоронен в некрополе Нотр-Дам-де-Лорет в Па-де-Кале? Кто вообще знает о существовании этого мемориала? Это была неоднозначная война. Были не только репрессии, убийства, пытки (сколько жертв среди алжирцев? По разным оценкам, от пятисот тысяч до миллиона). Были также SAS (специальные административные отделы), боровшиеся с неграмотностью местного населения, наивно, но искренне полагавшие, что следует продолжать «благое» дело колонизации. Вот свидетельство: «Быть учителем и солдатом иногда просто невозможно. Случалось, что после уроков ночью меня посылали на операцию, и в стане противника я замечал своих учеников». Для многих это было знакомство с третьим миром. «Узнать, что страна, в которую мы прибыли в 1830 году, до такой степени неразвита, для меня было шоком». В противоположность войне в Индокитае, которую вели наемники (часто выходцы из

Северной Африки), на войне в Алжире воевали призывники, часто жертвы, иногда палачи; они были брошены в бой, который не одобряли ни США, ни СССР. «Это был очень положительный персональный опыт. Война без конца» (Ж. Ширак). «Опыт», воспоминания о котором надо держать в секрете.

Вьетнам

Американская война во Вьетнаме тоже относится к категории замалчиваемых. После утверждения о том, что судьба «свободного мира» решается в Юго-Восточной Азии согласно «принципу домино», Соединенные Штаты сняли с себя обязательства, все мы помним, как именно. Отзвуки Вьетнама сопровождали всю политику США в десятилетие, последовавшее за бесславным уходом американцев оттуда. Именно вьетнамская война объясняет вторжение на Гренаду в октябре 1983 года (цель была выбрана не случайно) и недомолвки в Сенате по поводу возможной интервенции в Никарагуа. В ноябре 1982 года, через семь лет после окончания войны, 15 000 участников боев устроили шествие в Вашингтоне по случаю открытия памятника в честь ветеранов. На длинной стене из черного мрамора, наполовину в земле, высечены имена 57 939 американцев, погибших или пропавших без вести во Вьетнаме в 1959–1975 годах. Ветераны бедствовали. Им не давали никаких университетских стипендий, какие получали участники II Мировой войны или те, кто воевал в Корее. Трудности возвращения в мирную жизнь не всегда удавалось преодолеть: в 1983 году 630 000 участников войны во Вьетнаме не имеют работы, 600 000 нуждаются в психологической или психиатрической помощи. Уровень разводов, алкоголизма, наркомании, преступности среди них значительно превышал норму. «Понадобилась триумфальная встреча 55 тегеранских заложников в январе 1981 года, чтобы Америка поняла, как холодно она встретила 3 780 000 солдат, видевших пожары в Юго-Восточной Азии» (Д. Грамон). «Левые ненавидели нас за то, что мы убивали, а правые — за то, что

убивали недостаточно». Молчание властей, которым за многое следует просить прощения, — тотальное незнание южно-азиатского мира, несостоятельность теории «принципа домино», потому что после ухода американских солдат разразилась третья война в Индокитае, и т. д. — так вот, это молчание шло вразрез с шумом, поднятым в СМИ. Война во Вьетнаме возбуждала воображение американцев: за десять лет о ней написаны двести романов, сняты десятки телевизионных документальных и множество художественных фильмов, в том числе «Апокалипсис сегодня» и «Охотник на оленей». Герои этих произведений, уцелевшие на войне солдаты, в лучшем случае просто остались в живых, в худшем — сошли с ума. Однако американская система разворачивает в свою сторону все, даже стыд и угрызания совести. В мае 1985 года на экраны выходит фильм «Первая кровь» и за первый месяц проката приносит 85 миллионов долларов (при бюджете в 27 миллионов). Герой фильма Рэмбо — мститель, исправляющий несправедливость по отношению к воевавшим во Вьетнаме, уничтожающий орды советских и вьетнамских коммунистов, утверждая, что война была проиграна из-за «удара в спину», нанесенного политиками, — вызвал энтузиазм президента Рейгана.

МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Анус мунди

Из рассказа Кафки «В исправительной колонии», вышедшего в свет в 1919 году, мы возьмем лишь два момента. Один заключенный должен быть первым казнен при помощи сложной машины, изобретенной бывшим комендантом острова. Заключенный не предстал перед судом, и ему даже не сообщили приговора. Машина должна была процарапать на груди приговоренного слова «Чти начальника своего». В «Дневнике доктора Кремера из Освенцима» читаем запись, сделанную 5 сентября 1942 года: «Сегодня во второй половине дня я присутствовал

на специальной операции с заключенными в женском лагере. Доктор Тило был прав сегодня утром, сказав, что мы находимся в *анус мунди*». Как только мы начинаем вспоминать концлагеря, первым делом приходит на ум слово «бесчеловечный». Тем не менее их придумали и воплотили в жизнь люди. Другие люди — ничтожное меньшинство узников — выжили и свидетельствовали о том, что там было. Несмотря на то что нацисты избегали точных формулировок, довольствуясь неясным термином «окончательное решение», несмотря на то что в основе системы концлагерей лежала тайна и все делалось для уничтожения любых следов, тайну им сохранить не удалось. О том, что ад находится на земле, известно было давно. Подменив собой Бога, Великий инквизитор, предвосхищая Страшный суд, проклинал еретиков и отправлял их на костер. Освенцим, ГУЛАГ, «исчезновения» людей в Латинской Америке — это последние воплощения зла на его трагическом пути. Однако власть тоталитарной идеологии, выражаясь словами историка Мартина Малиа, как представляется, привносит нечто новое в историю дегуманизации: она имеет своей целью лишить человека важнейшего — его идентичности, сущности.

Ханна Арендт, ученица Хайдеггера и Ясперса, автор диссертации «Понятие любви у Августина», абстрагируясь от хайдеггеровской нормы («мыслитель должен жить вне обычного повседневного порядка»), поставила перед собой задачу «изучить бремя, навязанное нам событиями... [Она] убеждена в том, что мысль сама по себе рождается из событий пережитого опыта и должна быть с ними связана как с единственным, что может ее направлять». Уверенная в том, что тоталитарная реальность более информативна, чем та идеология, которой она руководствуется, Ханна Арендт, пытаясь раскрыть тайну опыта концлагерей, пишет в «Истоках тоталитаризма»: «Такой эксперимент... возможен только в концентрационных лагерях... Всякий говорящий или пишущий о концентрационных лагерях все еще вызывает подозрение, и, если говорящий

окончательно вернулся в мир живых, его самого зачастую охватывают сомнения относительно собственной правдивости»^{*} Таким образом, задача состоит в том, чтобы понять, «все ли возможно» в обстановке тотального подавления и абсолютной деградации человека, или, как полагал Гегель, само его отчуждение является условием нового развития. Цель лагерей двояка: с одной стороны, разрушить идентичность тех, кто внутри; с другой — пресечь любые попытки тех, кто снаружи, обвинить лагерное начальство в отступлении от нормы, потому что все делалось для того, чтобы общество не знало *точно*, что происходит в лагерях, а имело об этом смутное, но путающее представление, способствующее поддержанию порядка.

Слово «ГУЛАГ» появилось в 1934 году. Это аббревиатура русского названия «Главное управление лагерей и мест заключения». Александр Солженицын сделал его известным во всем мире. «Но рифма, содержащаяся в русском названии „Архипелаг ГУЛАГ“, пропадает при переводе. Кроме того, в семантическом плане название книги намекает на два момента: рождение новой, тоталитарной цивилизации, с отсылкой к рождению на греческих островах цивилизации европейской, и повсеместное распространение новой рабовладельческой системы: мы двигаемся между островами ГУЛАГа» (Ж. Нива). Что касается уничтожения евреев нацистами, оно в значительной мере было результатом импровизации и стечением обстоятельств. Чтобы защитить мнимую чистоту «арийской расы», от евреев надо избавиться. Лучше всего — вынудить их эмигрировать. Лагерь Дахау открылся в марте 1933 года, но евреи не были его специфическим контингентом. Погромы устраивали штурмовые отряды (SA), которые перестали существовать в 1934-м. Полицейский аппарат попал под контроль СС (организация была создана в 1925 году). Члены СС сетовали на переполненность

^{*} «Истоки тоталитаризма» здесь и далее цит. в пер. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Ю. Мишкенене, Л. Седова.

лагерей. Количество интернированных стало сокращаться: в июне 1933 года их было 27 000, в 1937-м — 7500⁸. Однако у нацистов нашлось много сторонников: мелкие и средние чиновники, желавшие занять высокие места в бюрократической иерархии, ранее занятые евреями (учителя — как, например, Гиммлер — в массовом порядке вступали в партию); мелкая буржуазия (кустарные производители, торговцы), которая рада была освободиться от еврейской конкуренции; видные представители свободных профессий, имевшие ту же мотивацию; воротилы крупного бизнеса, скупавшие по сходной цене предприятия, принадлежавшие евреям, срочно эмигрировавшим. Чтобы «ни один еврей не мог вклиниться в цепочку воспроизводства населения и нанести непоправимый урон немецкой крови», Эйхман проводит эффективную эмиграционную политику: из приблизительно 500 000 немецких евреев 270 000 покинули страну. В 1938 году проходят массовые аресты евреев, но многие из них после реквизиции богатства получают визу на выезд. Бедные евреи, напротив, не могли рассчитывать на свободу. Именно война, спровоцировав «перегруженность» лагерей, послужила поводом для «окончательного решения еврейского вопроса» в виде геноцида: в Польше насчитывалось несколько миллионов евреев, и враждебное отношение к ним сделало эмиграцию невозможной. Следовательно, их стали уничтожать, потому что для Гитлера, как он напишет в своем завещании Борману (которое принято считать подлинным), сохранение чистоты немецкой расы было важнее победы в войне.

Как выжить?

Как выжить в концентрационном лагере? Идентичность человека уничтожалась моментально: несчастных брили наголо, передевали в лагерную одежду, отбирали все личные вещи, в частности обручальные кольца. От индивида как представителя общества не оставалось и следа. Люди начинали по-новому относиться ко времени: будущее не рассматривалось в масштабах

месяцев или недель, но исчислялось днями, иногда часами. Каждый день мог стать последним. Адаптироваться следовало немедленно. «Когда окружение стремительно меняется, человеку не хватает времени для приобретения новых привычек, которые позволили бы приспособиться к новой жизни, оставшись верным собственной личности. Это дезориентирует человека и лишает уверенности в себе. Чем сильнее его смятение, тем более он склонен наблюдать за реакциями окружающих и пытаться имитировать их поведение. Но эта имитация, идущая вразрез с его собственной личностью, влечет за собой ее ослабление и распад, и человек быстро теряет способность реагировать самостоятельно на новые изменения» (Б. Беттельгейм). Уголовник, прибывший в лагерь, отлично сопротивляется, испытывая удовлетворение от того, что стал ровней политической элите, которая тоже держит удар. Не выдерживают заключенные по неполитическим мотивам: они не могут поверить в то, что с ними произошло, и пытаются убедить охранников в своей «невиновности». Слабая надежда на выживание зависит от их способности понять, как функционирует это «невообразимое» общество, которое (и это самое ужасное) структурно не отличается от того общества, что принято называть гражданским.

То, как выживали неполитические, рассмотрим на примере Маргареты Глас-Ларссон⁹. Маргарета была женой судетского еврея, который ассимилировался до такой степени, что стал антисемитом (муж заставлял ее краситься в блондинку, чтобы соответствовать «арийскому типу»). Их с мужем арестовали 18 октября 1941 года. Будучи абсолютно аполитичной, она ментально поняла природу того места, куда попала. Это было *иерархизированное* общество. В Освенциме по вытатуированному номеру можно установить дату поступления в лагерь. Узники с небольшими номерами пользовались большим авторитетом; «миллионеров» (номера которых содержали больше шести цифр) презирали. Социальная стратификация в лагере похожа на внелагерную: «аристократия» (1–2% заключенных) — старожилы

лагеря, старожилы блоков, узники-врачи; средний слой (10%), выполняющий управленческие функции; все остальные, которых называют «мусульманами» — вероятно, за безропотность и фатализм. Чтобы выжить («преуспеть», сказали бы на свободе), непременно нужно завязать отношения с верхушкой главенствующего слоя. Это возможно благодаря «организации», как ее называют заключенные: следует выработать стратегию социального лифта. Стратегия Маргареты базировалась на трех умениях: зная азы косметологии, она становится визажисткой лагерных иерархов, включая эсэсовок; владея немецким языком, понимает то, что говорится не ей; умея гадать на картах, она успокаивает эсэсовок, озабоченных своим будущим. В лагерях царит *коррупция*. Маргарета имеет доступ к «Канаде» (так назывался склад, где хранились вещи заключенных, драгоценности; там она находила сырье для своей «косметики»). В этом мире дистрофиков, которых сложно внешне отличить друг от друга, надо сохранить хотя бы видимость своей идентичности: *не позволить себе опуститься*: «Я заметила, что узницы, позволившие себе опуститься, переставшие следить за собой, становились отталкивающими, отвратительными, и это было ужасно». Наконец, следовало потерять чувствительность к окружающей действительности и своему положению, на которые никак нельзя было повлиять. Если не сможешь приспособиться к этому — умрешь. Такова была судьба Альмы Розе, племянницы Густава Малера, которую Маргарета вспоминает так: «Я без конца говорила ей: Альма, ты должна приспособиться, иначе погибнешь... Альма Розе не умела бороться, а может быть, не хотела. Для нее это был настоящий ад. Это и в самом деле был ад, и я думаю, что она не хотела больше жить». Она умерла. Перестать бороться означало выбрать смерть. Но выбрать жизнь означало уничтожить слабейших. Отсюда — чувство вины, сопровождающее «синдром выжившего». Отказаться от борьбы, опуститься, поддаться пульсации смерти означало оправдать ожидания СС. «С точки зрения психоанализа большинство узников лагерей

смерти совершали самоубийство, отказываясь от борьбы... Используя террор, эсэсовцы с успехом заставляли своих противников делать то, чего от них ждали. Миллионы людей приняли смерть, потому что методы, применяемые СС, заставили их видеть в смерти не выход, но единственный способ положить конец жизни в нечеловеческих условиях» (Б. Беттельгейм).

В книге «И возвращается ветер» Владимир Буковский рассказывает, как выжить в ГУЛАГе: «Нужно научиться ничего не видеть вокруг, не думать о доме, не ждать свободы. И так приспособиться к этой жизни, чтобы она проходила мимо, как бы не касаясь тебя». Евгения Гинзбург уходит в мистицизм. В книге «Крутой маршрут» она рассказывает о жизни в женской тюрьме, где убивают и насилуют, и среди прочего пишет так: «Надо мной стояло огромное черное небо с яркими крупными звездами. Я не плакала. Я молилась. Страстно, отчаянно и все об одном. Пневмонию! Господи, пошли пневмонию! Крупозную... Чтобы жар, чтобы беспмятство, чтобы забвение и смерть...». Солженицын полагает, что концлагерь, это «сократовское убежище», раскрывает наконец индивиду его истинную идентичность, а Варлам Шаламов утверждает, что лагерь неизбежно развращает. В «Архипелаге ГУЛАГ» читаем: «До какого „душевного лишения“ можно довести лагерников сознательным науськиванием друг на друга!»* Бруно Беттельгейм, сам бывший узник Дахау и Бухенвальда, утверждал, что там нельзя было выжить и при этом остаться ни в чем не виноватым. «Когда заключенному удавалось занять положение, дававшее ему некоторую власть, — писал он в книге «Просвещенное сердце», — он должен был защищать и убивать, почти никогда только одно из двух, потому что, если он не убивал своих врагов, он не мог сохранить власть. Это делало позицию и политику, проводимую узниками из правящей группы, в высшей степени двусмысленными». Злейшим врагом узника

* Во французском оригинале ошибочно названы «Колымские рассказы». — *Примеч. ред.*

был его товарищ по заключению. Представитель лагерной верхушки может удержать свое положение только благодаря смерти другого заключенного; отсюда — непроходящее чувство вины, если ему удастся вырваться на свободу, побуждающее к молчанию. Это чувство вины отсутствует, возможно, лишь у некоторых уголовников. В лагерях, в значительной степени самоуправляемых, высокопоставленные заключенные вынуждены были играть новую для себя роль палачей, выполняя приказы СС; единственным оправданием перед самими собой служил «всегдашний аргумент представителей правящего класса о том, что они более полезны обществу благодаря своей власти, образованию и рафинированной культуре» (Б. Беттельгейм). Но и безропотный «мусульманин» мог заразиться (хотя, быть может, это просто общечеловеческое свойство) чувством вины. В романе «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана бывший чекист, узник Лубянки, говорит следующее: «А мы, чекисты, выдвинули высший тезис — нет в мире невиновных, нет неподсудных. Вина тот, на кого выписан ордер, а выписать ордер можно на каждого. Каждый человек имеет право на ордер. Даже тот, кто всю жизнь выписывал эти ордера на других».

Чиновники, уничтожавшие людей

Были ли те, кто отвечал за истребление узников, монстрами, каких показывают в фильмах ужасов? Ответ отрицательный, и этим он потрясает: это были дисциплинированные служащие, которые в первую очередь заботились о соблюдении порядка и результатах своей деятельности. Однако речь шла о специфических результатах: о максимально незаметном уничтожении как можно большего количества людей в кратчайшие сроки, что требовало тщательной организации. Остановимся всего лишь на двух документах. В течение недель, предшествовавших его казни, комендант Освенцима Рудольф Хёсс*

* Не путать с Рудольфом Гессом, заместителем фюрера в НСДАП.

писал мемуары¹⁰. Предоставим ему слово. «Согласно обету моего отца, я должен был стать священником, и тем самым моя профессия и судьба считались предрешенными. <...> Я хорошо помню, как мой отец — будучи фанатичным католиком, он решительно не соглашался с правительством и его политикой, — постоянно говорил своим друзьям, что, несмотря на такую враждебность, следует неукоснительно выполнять законы и распоряжения государства <...>. Добрый взгляд, доброжелательный кивок, доброе слово часто действуют чудесным образом, особенно на чуткие души <...>. Меня, одинокого волка, привыкшего таить свои переживания в глубине души, всегда тянуло к братству, в котором один непременно поддерживал другого в беде и в опасности <...>. Айке говорил: „Эсэсовец должен убить даже близкого родственника, если тот пойдет против государства или идей Адольфа Гитлера“ <...>. Моя семья, особенно жена, очень страдали из-за этого — я бывал невыносим <...>. С момента моего ареста мне постоянно говорят, что я мог уклониться от исполнения этого приказа, что я мог бы пристрелить Гимmlера. Не думаю, что хотя бы одному из тысяч офицеров СС могла прийти в голову такая мысль. <...>. Его личность в должности рейхсфюрера СС была неприкосновенной <...>. От необычной обстановки маленькие дети при раздевании часто плакали, но матери или кто-нибудь из зондеркоманды успокаивали их, и дети, играя, с игрушками в руках и поддразнивая друг друга, шли в камеру <...>. С начала массовых ликвидаций в Освенциме я не бывал счастлив. Я был недоволен самим собой. А тут еще главное задание, бесконечная работа, и сотрудники, на которых нельзя было положиться. Да еще начальство, которое не понимало меня и не желало меня выслушивать. Воистину безрадостное и тягостное положение. И при этом все в Освенциме считали, что у коменданта прекрасная жизнь <...>. Никогда я не обращался жестоко ни с одним заключенным, тем более ни одного из них не убил <...>. Бессознательно я стал колесом в огромной

машине уничтожения Третьего рейха. Машина разбита, мотор сломался, я должен отправиться туда же. Этого требует мир»*. В книге «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла» Ханна Арендт пишет, что ей кажется абсолютно новым явлением «нормальность» Эйхмана. Он не был ни извращенцем, ни садистом, считал себя верным принципам Капта. Безусловно, он был карьеристом, но «конечно же, не убил бы своего начальника, чтобы занять его пост <...>. Он не отдавал себе отчета в том, что делал <...>. В этом и заключается банальность зла», более ужасающая, чем садизм. Неосознание того, что происходит, может надеть больше зла, чем все разрушительные инстинкты вместе взятые, оно может проявиться у кого угодно, «что, безусловно, не оправдывает преступника, но и не подтверждает тезис о коллективной вине».

Маргарета вспоминает, что эсэсовцы желали знать точное число тех, кого отправляли на уничтожение. Чтобы избежать попадания в число несчастных, те, кто обладал хоть какой-то властью, ставили на свое место кого-то другого. Отсюда — навязчивый вопрос, свойственный синдрому выжившего: «Почему кто-то другой, а не я?» «Лагерный мир настигает даже тех, кому удалось вырваться оттуда». Маргарета рассказывает, что однажды она оказалась в обществе эсэсовского доктора Менгеле, который положил револьвер на стол. Она подумала было убить его, но сдержала свой порыв, понимая, что никакой бунт невозможен и одного врача-преступника моментально заменят другим. «Непрекращающееся унижение, чувство полнейшего бессилия, трусости в ситуации, где лишь выживание имеет значение, — все это уничтожает всякую гордость, всякое самоуважение» (Г. Ботц, М. Поллак). Выживший задается вопросом, какова же степень дегуманизации, которая позволила ему существовать в тех условиях. В «Колымских рассказах» Шаламов спрашивает себя, где кончается дегуманизация

* Пер. Ю. Чижова.

человекообразных существ и начинается смерть личности. «Сотни тысяч людей, побывавших в заключении, растлены воровской идеологией и перестали быть людьми. Нечто бластное навсегда поселилось в их душах, воры, их мораль навсегда оставили в душе любого неизгладимый след». Выживший в немецком лагере польский писатель Тадеуш Боровский, автор рассказа «Пожалуйста в газовую камеру», не в силах переносить то, что он выжил, и не желая более быть лояльным новому режиму, 1 июля 1951 года покончил с собой, открыв газовый кран. Лагерный мир — вчерашний, сегодняшний — не только институционализация «ускоренной» смерти: это организация забвения. «Западный мир до сих пор, даже в самые мрачные времена, оставлял своему поверженному врагу право остаться в памяти, — пишет Ханна Арендт. — <...> Только поэтому даже Ахилл проявил заботу о похоронах Гектора... только поэтому Церковь позволяла еретикам оставаться в памяти людей. Все это не погибло и никогда не погибнет. Концентрационные лагеря, делая смерть анонимной... отняли у смерти ее значение конца прожитой жизни». Подобная смерть, которая лишь «ставит печать на том факте, что... [человек] никогда в действительности не существовал», является смертью смерти: организацией забвения, амнезии. Тоталитарный режим стремится создать общество, лишённое памяти, и в отрицании ужаса, которое предпочитают памяти современники и потомки, он находит неожиданного союзника. «Анна Франк умерла потому, что ее родители не захотели поверить в Освенцим. И если ее история получила такое признание, то это потому, что она имплицитно отрицает всякую реальность Освенцима» (Б. Беттельгейм). Тем не менее этот заговор молчания провалился. Конечно, после Освенцима, этого «затмения Бога», по выражению Мартина Бубера, пришлось пересмотреть теологию. После Колымы — пересмотреть социализм, идею прогресса, телеологию. В тех, кто отрицает ужасы, недостатка нет. Этьен Фажон писал 26 января 1949 года в газете

Les Lettres française по поводу процесса Кравченко следующее: «Декадентствующая крупная французская буржуазия... принимает отвратительную марионетку Вашингтона с той же покорностью, как приняла бы партию жевательной резинки или говяжьей тушенки». Недавно профессор Фориссон назвал истребление людей мифом. Но выжившие в концлагерях говорят, и их голос звучит все громче, потому что приближается срок их «естественной» смерти, и они пишут и публикуют мемуары не только для того, чтобы оставить след на земле, но и чтобы предотвратить возможное повторение этого ада, потому что зачатки его всегда существуют. «Когда они отъехали от Дахау, Робер Л. заговорил <...>, он стал говорить, чтобы высказаться перед смертью. Робер Л. никого не обвинял, ни одну расу, ни один народ, он обвинял человека. Выйдя из ада, умирающий, в бреду, Робер Л. сохранил способность никого не обвинять, никого, кроме правительств, которые уйдут, не оставив следа в истории народов»* (Маргерит Дюрас. «Боль»).

ВСЕМИРНАЯ ГАНГРЕНА

Что, собственно, возмущает в страдании, так это не само страдание, но бессмысленность страдания <...>. Дабы сокровенное, необнаруженное, незасвидетельствованное страдание могло быть устранимо из мира и честно оспорено, были почти вынуждены тогда изобрести богов.

*Ницше. «К генеалогии морали»***

В XVI веке в комментариях к инструкции по пыткам «Руководство инквизитора» Николаса Эймерика испанский теолог Франсиско Пенья писал: «Закон не говорит о том, какой тип пыток надо применять в каждом конкретном случае: выбор

* Пер. М. Злобиной.

** Пер. К. Свасьяна.

остаётся за судьей <...>. В судьях не было недостатка, и пытки они придумывали самые разнообразные <...>. Если же вас интересует мое мнение, то оно таково: мне кажется, что эти знания больше подходят палачам, нежели юристам и теологам, которыми мы являемся». Гоббс, позже Монтескье и Вольтер резко выступали против пыток, тогда это было легальное средство судопроизводства. Сегодня ни одна конституция ни одной страны не разрешает пыток, и в то же время хватает пальцев двух рук, чтобы подсчитать страны, в которых они не применяются. Тексты законов маскируют ежедневно практикуемые пытки. Слово «гангрена» родилось в ходе операций по «поддержанию порядка» в Алжире, проводимых демократическим государством. Чтобы писать о пытках, историку приходится собирать свидетельства тех, кто ещё может говорить, тех, кто остался относительно невредимым и у кого есть силы вспоминать пережитое; он собирает и сдержанные свидетельства палачей. Это удалось Клоду Ланцману в фильме «Шоа». Остаётся найти в себе силы прочитать эти свидетельства и написать свое исследование так, чтобы не стать инквизитором инквизиторов. История пыток — тайная история, тайная вдвойне: пытаются, чтобы узнать некую тайну, но сам факт пытки в свою очередь становится тайной.

Пытка — одно из средств управления государством: при помощи пыток в меньшей степени добиваются признания в чём-либо, нежели получают информацию, которая обеспечивает сохранность Власти. Эта Власть доверяет проведение экзекуций палачам и рассчитывает таким образом сохранить свою респектабельность; слухами, которые при этом распространяются, она отбивает охоту предпринимать какие-то действия у потенциальных несогласных с Режимом. Пособницей такой политики является пресса, которая вторит настроениям своих читателей. Редакторы газет внимательно следят за *тенденцией* статей, потребляемых массами, как сыр или радиоприемники. Каким бы могущественным ни был газетный магнат, он

должен удовлетворять ожидания читателей: если их интересы сходны с его собственными, тем лучше для него и хуже для тех, кто имеет иное представление о том, какой должна быть информация. Во времена колониальных войн (захват и деколонизация) газеты мало писали о пытках по двум основным причинам: во-первых, из-за сговора государственного аппарата и газетного лобби, во-вторых, из-за взаимодействия производства и потребления газетных материалов. Пьер Видаль-Наке, изучая феномен живучести пыток после Французской революции, писал, что всегда существовала многочисленная маргинальная часть населения, по отношению к которой допущалось и ежедневно практиковалось абсолютно все при полном равнодушии общества: речь идет о сезонных рабочих, бездомных, выходцах из колоний, иммигрантах, даже о рабочих-французах. Права человека, постоянная тема политического дискурса, никогда не были правами всех людей.

Изоляция и пытки

Пытки ставят перед всеми два вопроса, один очевидный, другой — в меньшей степени. Очевидный вопрос таков: не выдам ли я тайну под пытками? Менее очевидный: стану ли я сам палачом, если буду движим необходимостью *узнать*? Террорист хранит тайну о готовящемся теракте, который унесет сотни жизней: разве я не должен любыми средствами заставить его говорить? А если мои противники пытали моих боевых товарищей — смогу ли я удержаться от желания отомстить? А родители до смерти замученного ребенка — смогут ли они устоять перед соблазном пытать мучителя? И если я сам стану палачом, буду ли я получать удовольствие, пытая кого-то? Или, что, возможно, еще хуже, это удовольствие войдет в привычку? А тот, кто выжил после пыток, — как он будет отныне смотреть на людей? Мой самый близкий, самый любимый и любящий человек: заговорил ли бы он (она), если бы его (ее) пытали, чтобы выведать, где я прячусь? Феномен

пытки не дает нам ответа на сущностный вопрос: кто такой я? Кто такой другой? Кто такие мы? Как и смертную казнь, пытку принимают или осуждают как данность, не вдаваясь в детали. Надо ли было помиловать Хёсса и Эйхмана?

Желание *узнать*, которое мотивирует мучителя, сближает его с вивисектором, проводящим «опыты» над животными, которому нужна некоторая компетентность, чтобы удержать жертву «на грани: на грани жизни, на грани потери чувствительности, на грани потери сознания, на грани безумия» (П. Паше). В январе 1985 года французское отделение Amnesty International проводило в Париже семинар на тему «Изоляция и пытки». Судебный медик доктор Николь Леви утверждает, что цель пытки — не только заставить пытаемого говорить, но и — в особенности — заставить его молчать, лишить его собственной идентичности и, следовательно, слова. Многие из тех, кто переживает пытки и вырывается на свободу, оказываются не способны говорить об этом и, не вынося собственного молчания, кончают с собой. Врачам хорошо известны и другие последствия пыток: фобии, хронические депрессии, потеря памяти, бессонница, кошмары, импотенция, трудности возвращения к нормальной жизни. Многие жертвы не могут переносить детских криков или ласк любимых людей. И еще они боятся сойти с ума. Доктор Инге Кемп-Генефке, директор Международного центра по реабилитации и помощи жертвам пыток в Копенгагене, сообщает: «Эти люди всегда говорят нам: „Мой мозг пострадал, я не узнаю себя“». «Каждое утро начинается с поисков у себя признаков безумия. Я во Франции уже восемь лет. Повторение моих свидетельств становится пыткой <...>. Мои свидетельства связаны со страхом сойти с ума, который ко мне возвращается» (Н. Горбаневская, содержавшаяся в СССР в психиатрической клинике в течение года). Как выжить в условиях пыток? Возможно, избегая настоящего. «Ему следовало вспоминать о том, что когда-то жизнь была полна любви и смысла. Только сохраняя это прошлое, он сможет жить в будущем... если оно будет.

Не дать настоящему уничтожить себя, настоящему без любви и полному ненависти, как если бы это была единственно возможная жизнь» (автор свидетельства неизвестен).

Наступило ли худшее, можно ли называть Оруэлла новым Моисеем? В 1970-е годы в Латинской Америке воцарился террор, но 1980-е были отмечены восстановлением правового государства в Аргентине, Уругвае и Бразилии. Колонизация, которая принесла не только больницы и хорошие дороги, совсем не взволновала чувствительные души. II Мировая война, нацистские лагеря, ГУЛАГ, исчезновения людей, войны в Алжире и во Вьетнаме вызвали у миллионов индивидов чувство коллективной вины. «Мы не делаем, что хотим, но мы несем ответственность за то, что сделали», — писал Сартр. Приведем в качестве примера хотя бы активистов Amnesty International. Они чувствуют ответственность за происходящее. Единение святых становится единением людей. Человек полетел на Луну, изобрел искусственное сердце, благодаря человеческой деятельности на много лет увеличилась продолжительность жизни — и в то же время он изобретает все новые пытки, разрушает психику, «дезориентирует» своих ближних все более изощренными, эффективными и часто не оставляющими следов методами. В этом его амбивалентность.

ЗАГАДКА ИДЕНТИЧНОСТИ.

«ДЕЗОРИЕНТИРОВАННЫЙ» ЧЕЛОВЕК

За три десятилетия, прошедшие после окончания II Мировой войны, уровень жизни французских семей вырос в четыре раза (социальное неравенство осталось прежним). Такое происходило впервые в истории. Это было настолько удивительно, что стали говорить о «чуде»; впрочем, в других странах западного мира происходило примерно то же самое. Высокомерно вспомнили старый миф о Прометее. Экономисты и технократы

высокомерно утверждали, что способны постоянно повышать уровень жизни; символом урбанистического высокомерия был Ле Корбюзье, объявивший себя высшим гармонизатором Города Будущего; медики высокомерно заявляли, что могут сделать продолжительность человеческой жизни неограниченной. Не только стихийные бедствия (пандемии, климатические катастрофы и пр.) были обузданы, но и, казалось, лица, принимающие решения, смогли остановить рост социальных проблем. Однако 1980-е годы поубавили спесь. Чрезмерное производство на фоне растущей безработицы столкнулось с неплатежеспособным спросом; города-солнца деградировали, наполнились шумом и стали небезопасны; увеличилось количество психических заболеваний, нейролептики успокаивали больных, но не лечили их. Возник вопрос, не вошли ли индустриальные общества в фазу энтропии, поставив перед загадкой идентичности как бедных, так и богатых.

В прежние времена человек всю жизнь занимался одним и тем же делом, иногда продолжал дело отца. «Перманентная революция» в производственном процессе (роботы, бюрократия, обучение при помощи компьютеров) принуждает работника к постоянному переобучению. Безработица угрожает всем социoproфессиональным категориям: сезонных рабочих вытесняют роботы, сельскохозяйственные производители вынуждены продавать полученные от предков участки земли, слишком маленькие, чтобы быть рентабельными, владельцы мелкого и среднего бизнеса разоряются, не выдерживая конкуренции с предприятиями Юго-Восточной Азии, и т. д. Занятость сокращается, люди не могут найти работу, и в этом мы видим драматические изменения в идентичности. Этот «кризис» (употребим это слово, хотя оно неадекватно отражает ситуацию) вызывает ослабление связей. В молодежной среде теперь «каждый сам за себя». Когда ищут работу, информацией не делятся. В социалистических странах повседневная жизнь настолько тяжела, что там тоже «каждый сам за себя». Выживание обеспечивает

не столько дружба, сколько сообщничество, помогающее избежать политических проблем. Социалистическое общество, по замыслу его создателей, должно было постепенно стать бесклассовым, но оказалось пронизано осторожным эгоизмом. Как и капитализм. Это значит, что «деривации», выражаясь языком Парето, оказывали слабое влияние и что человек остался прежним (в большей мере таким, как его описал Гоббс, нежели Руссо), какой бы ни была политическая система и идеология, на которой она основана. Травмы, наносимые безработицей, тем тяжелее, что с ней сталкиваются люди, находящиеся на социальном подъеме, по крайней мере на пути к повышению уровня жизни. Они рискнули взять кредиты, чтобы получить желанную триаду — квартира–машина–телевизор, — и теперь могут остаться без этих вожделенных благ. Работа по найму, хоть она и менее драматична, чем безработица, также ставит перед индивидом проблему самоидентичности. В секторе кустарного производства (ремесленничество) и распространения (мелкая торговля) семья и производство были слиты воедино. Наемный труд разрушает это единство, изменяет традиционные роли, вводит дихотомию внутреннее — внешнее. Пужадизм* и его вариации могут быть интерпретированы как восстание против этой культурной революции.

Неназываемое

В начале XIX века некоторым казалось, что миру грозит хаос из-за обесценивания религии, и Парето (католик), Дюркгейм (иудей) и Вебер (протестант) поставили перед обществом сущностный вопрос. Начиная с I Мировой войны мир столкнулся с тем, что невозможно было вообразить: Верден, концлагеря, «всемирная гангрена». И только II Мировая война дала человеку «объективные» поводы для отчаяния. До тех пор «шум и ярость» можно было вменить в вину дефициту. Технический

* Пужадизм — названное в честь ультраправого французского политика Пьера Пужада движение в защиту «простого человека» от элит.

прогресс победил его. У каждого человека появилась еда, одежда, жилье. Но этот процесс не был повсеместным: третий и четвертый миры до сих пор умирают от голода, тогда как развитые страны выбрасывают излишки в море. Но, возражат нам, есть основания для надежды: начиная с 1950-х годов человек имел техническую возможность уничтожить мир, но не сделал этого. Да, это так. Страх спас человечество от апокалипсиса. Агрессивность сдерживается страхом репрессий. Это верно как для отдельных людей, так и для целых наций. Таким образом, земля подчиняется эгоизму и страху. Отныне мы изо дня в день живем в этом «невообразимом», «в том, чему нет названия», без телеологии и эсхатологии, и на немного наивный вопрос Гогена: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» наука отвечает так: «Вы произошли от обезьяны, вы полиморфные извращенцы, и вы идете к смерти». Однако она не направляет этот маршрут. Общество стагнирует? Нет, оно меняется как никогда быстро. Возможно, следовало бы говорить о стагнирующей или, скорее, отсутствующей философии. Ни атомная бомба, ни Холокост не смогли заставить человека перейти к новому пониманию мира и себя в этом мире. Как раз наоборот, философия выведена из школьной программы, маргинализована в программе высшей школы и не интересует больше никого — или почти никого. Быть может, это происходит из-за того, что онтология изучается через метафизику; мы отказываемся видеть то, что происходит на наших глазах: брошенные на произвол судьбы беженцы, загнанное в гетто, даже уничтожаемое коренное население Южной Африки, истребляющие друг друга ливанцы, «исчезающие» латиноамериканцы, голодающие жители Сахели*, ГУЛАГ, бесконечно перевоплощающийся «мертвый дом». В 1985 году «Европа отметила сороковую годовщину победы над одной из форм варварства. Но остаются другие» (Б. Фраппа). И вот в этом дезориентированном

* Сахель — тропическая саванна в Африке между Сахарой и экватором.

(в этимологическом смысле слова: не знаящем, где встает солнце) мире человек, каким бы ни были его статус, роль и функция, оказался один перед выбором. II Мировая война в самом деле подточила авторитет организаций и иерархий. Оправдания «Я просто выполнял приказ» теперь недостаточно, чтобы оставаться «невиновным». Надо ли было в 1940 году слушаться «человека 18 июня» или «победителя под Верденом»? В той Франции, одновременно католической, монархической и якобинской, всегда был медиатор, посредник, который говорил, что следовало делать. Был неписанный закон, одновременно констатирующий и обязывающий, который можно выразить такими словами: «Каждый *имеет* свое место; каждый *находится* на своем месте». Сложность ситуации упразднила посредника или сделала из него предателя. Но когда именно он стал предателем?

Мир «псевдо»?

Менее драматично проблема идентичности проявляется в связи с новым соотношением городского/сельского, вызванного тем, что мы для простоты назовем приспособлением Франции к современности. Образ жизни французов начала XX века можно сопоставить с жизнью иммигрантов. Выйдя (скажем аккуратно) из окопов I Мировой войны, солдаты-ополченцы вернулись в мирную жизнь другими — их речь, манера одеваться, пищевые привычки изменились. Массовый наплыв в города и бесцеремонное вторжение средств массовой информации в сельские дома принесли результат: местные наречия и диалекты исчезают, теряется региональная идентичность, население «ассимилирует» привычки и образ жизни буржуазных и городских кругов, в особенности парижские. Реакцией на это стремление к единообразию в 1970-е годы становится культурный регионализм. В 1920-е и в особенности в следующее кризисное десятилетие самым главным было выжить: люди изо всех сил старались не потерять работу, поддерживать достигнутый уровень жизни. Именно с его повышением обнажается культурная

чувствительность, хранившаяся в коллективной памяти, проявляющаяся в ностальгии по языку, которым владеют теперь лишь старики. Возвращение к истокам становится потребностью и одновременно входит в моду. Этому способствует туризм, иногда несколько своеобразно. В своих загородных домах горожане желают найти современные удобства и вчерашние обычаи и традиции. Местные жители (не рискнем называть их аборигенами) отвечают их ожиданиям. Рождается мир «псевдо», который гениально продвигал и популяризировал Жильбер Тригано* В альпийских шале инструкторы по горным лыжам открывают бары и рестораны, где можно насладиться савойским фондю. Кровельная дранка, которую сегодня производит машина, лишена прежнего очарования хенд-мейда, но так ли это важно?

Персональные данные

В поисках своей идентичности индивид должен стремиться сохранить от любопытных глаз посторонних то, что он знает о себе. Все живут в условиях жесткой конкуренции и социального неравенства, и современная социология нередко вторгается в частную сферу. Устное собеседование при приеме на работу, по мнению проводящих его, представляется, так сказать, менее релевантным, сообщает больше об умении говорить, чем о знаниях. Пусть так. Но в частном секторе всегда озабочены «высокой нравственностью» кандидата. Каждый соискатель должен пройти огромное количество тестов в рамках «изучения личности». Графологический анализ считается надежным, «достоверным» методом изучения личности, и поэтому он широко применяется. Фотографировать кого-то без его ведома запрещено. А использование почерка для получения сведений о человеке — не является ли оно вторжением в частную жизнь? В Соединенных Штатах, на родине либерализма, сбор личных данных нарушает границы приватности.

* Жильбер Тригано (1920–2001) — предприниматель, один из основателей туристической компании Club Méditerranée.

Генеалогия и биография

Тревога, вызванная поиском идентичности, вызывает множество последствий. Посмотрим на некоторые из них с точки зрения культуры. В первую очередь надо сказать о возникшем в 1950-е годы страстном увлечении генеалогией. Генеалогические общества насчитывают множество членов. Француз, оторванный от своих корней вследствие урбанизации и географической мобильности, пускается на поиски своих предков. «Эволюция науки и нравов тревожит: за неимением возможности понять, куда мы идем, хорошо бы узнать, откуда пришли. Испытывая потребность быть к чему-то привязанным, человек ищет свои корни. Не имея возможности „жить на земле своих предков“, он нуждается в почве и истории, пусть даже из ностальгических соображений» (А. де Пенанстер). Были ли его предки привязаны к земле? Тогда потомку приятно осознать свой социальный рост. А вдруг он имеет «благородное» происхождение, пусть даже и сомнительное? Многих очень волнует, есть ли в них хоть несколько капель «голубой крови». Сколько поколений семьи уже живут во Франции? Древность «французскости» греет самолюбие. Обнаруживаются ли среди предков какие-нибудь поляки или румыны? Возможно, они принадлежали к какой-то родовитой семье, преследуемой властями той страны?

Издатели заметили, что читателей утомляет структуралистский подход к общественной истории; на биографии приходится 2% от всего объема выпускаемых книг. Это не новость: в период между двумя войнами в этом жанре блистал Андре Моруа. Решительное возвращение биографических текстов начинается в 1970-х годах; они предлагают взамен «философских течений, заявляющих о смерти субъекта или исчезновении человека, непреходящую веру во вразумительность страстей и интенций <...>. Возврат к пылкости конкретного, к обнадеживающей и близкой смутности непосредственно пережитого. Это, можно сказать, инстинктивная реакция на угрозу массивификации

и анонимизации, заключенную в социальных структурах» (Д. Мадлена). Норман Мейлер, автор биографического романа «Песнь палача» о преступнике Гэри Гилморе, основоположник жанра «документального романа», утверждает, что «додуманная правда может быть более реалистичной, чем правда недосказанная, усеченная». Видные члены школы «Анналов», воспевающей историю, основанную на длительном развитии экономики, на климатических циклах, на изучении медленных мутаций коллективной ментальности, коротко говоря, на анализе многовековых тенденций, тоже обращаются к биографиям. Начало этому было положено Полом Мюрреем Кендаллом, никому не известным преподавателем Канзасского университета, который в 1974 году опубликовал в издательстве Fayard книгу о Людовике XI. Книга разошлась тиражом 150 000 экземпляров. Жискар д'Эстен, Миттеран и Ширак утверждали, что это их настольная книга. Кендалл повторяет извечную мысль о том, что историю делают «великие люди»: «Сегодня, — пишет он, — нам кажется, что история определяется народными движениями и силой мысли, социальными или экономическими требованиями <...>. Но в XV веке безумный, жестокий или слабый король мог стать причиной международной катастрофы». И тогда появляются книги о Людовике Святом (Жака Ле Гоффа), о Франциске Ассизском (Жоржа Дюби), о Петене (Марка Ферро).

В 1960-е годы самый высоколобый слой интеллигенции (Лакан, Фуко, Деррида, Соллерс и группа «Тель кель») относится к автобиографиям с убийственным презрением, считает их чем-то наивным, архаичным, даже нечестным, чем пристало заниматься разве что старикам-писакам, которые почему-то отказываются уйти на покой, несмотря на свою бесплодность. Тем не менее в 1975 году Барт издает книгу «Ролан Барт о Ролане Барте», в которой можно прочитать вот такие загадочные слова: «Эта книга состоит из того, чего я сам не знаю: из бессознательного и идеологии, о которых можно говорить только голосом других. Я не могу представить на сцене (в тексте) как таковое все

то символическое и идеологию, которые проходят сквозь меня, потому что сам образую их слепую точку (мне безраздельно принадлежат *мое* воображаемое, *моя* фантазматика — отсюда эта книга)*. В том же году появляется «Автобиографический пакт» Филиппа Лежёна. Изучая Руссо, Жида, Сартра (его мемуары «Слова»), Лейрису, он реабилитирует автобиографию, определяя ее так: «Прозаическое произведение, в котором реально существующий персонаж рассказывает о событиях своей собственной, индивидуальной жизни, делая акцент на истории своей личности». Чтобы «пакт» был соблюден, автор должен быть рассказчиком и центральным персонажем. Отныне без колебаний пишут биографии других людей: в 1982 году Доминик Фернандес получает Гонкуровскую премию за книгу «В руке ангела» — так сказать, альтернативный фикшн, потому что в нем создается «такой правдивый образ Пазолини, какого нет ни в одной биографии». В книге «Эра пустоты» Жиль Липовецкий описывает самообожание человека, очарованного собственным образом. Что же касается тех, кто мечтает написать автобиографию, но не умеет писать, то они могут воспользоваться услугами социологов, которые будут записывать на диктофон их ответы на вопросы, и редакторов, которые в дальнейшем будут работать с этой записью. Цена вопроса — 15 000 франков за тридцать экземпляров. Целью этой работы является «сохранение и популяризация культурного наследия семьи».

Терзания «романтического героя»

Франция 1920-х годов не была одержима загадкой идентичности. Страна-победительница, первая военная держава мира, хозяйка огромной колониальной империи с населением «в сто миллионов человек», образцовая Франция занимает «золотую середину» между американским гигантизмом, чью варварскую современность высмеивает Жорж Дюамель, и отсталыми странами,

* Пер. С. Зенкина.

над которыми она господствует с цивилизаторской благосклонностью. Романисты, издающиеся большими тиражами (Жорж Дюамель, Жюль Ромен, Анри Бордо), не спорят о муках бытия. Они не задаются вопросом, должна ли в романе рассказываться история или он должен быть историей рассказа. Они без колебаний пишут, что «графиня вышла из дома в пять часов» и сообщают нам, о чем она при этом думала. Они полностью разделяют мнение словаря «Робер», в котором сказано: «Роман — это вымышленное повествование в прозе, достаточно длинное, которое показывает жизнь персонажей как реальную, знакомит нас с их психологией, судьбой, приключениями». Франсуа Мориак полагает, что «роман — это первейшее из искусств. Он является таковым, потому что его предмет — человек». Продолжая традиции Бальзака, романисты «составляют конкуренцию актам гражданского состояния», продолжая традиции Золя — дают слово представителям разных социальных классов. В 1933 году молодой писатель Андре Мальро получил Гонкуровскую премию за роман, в котором самое потрясающее — название: «Удел человеческий». «Улисс», написанный в 1922 году и переведенный на французский язык в 1929-м, объявлен «нечитабельным», потому что читатель не находит в нем психологически типичного «персонажа». В этой толстой книге действуют персонажи, зацикленные на себе, все их действия бесцельны, что видно из заключительного монолога Молли. У героя романа «Процесс» нет фамилии, лишь буква К, и он лишен психологии. После войны Сэмюэл Беккет, Натали Саррот, Ален Роб-Грийе отказывают писателю в праве наделять персонажа «психологией» и доверять ему некий «месседж». «Герой романа» определяется прежде всего функцией в тексте. Андре Жид уже подал пример в «Топях», антиромане, истории одной идеи, проекта книги, показав, что «история произведения и его зарождение могут оказаться интереснее, чем само произведение».

Шли годы... Встревоженный неуверенностью в своей идентичности, человек 1980-х годов требует, чтобы персонажи

книг были представлены в мельчайших деталях. В 1984 году Маргерит Дюрас получила Гонкуровскую премию за отчасти автобиографического «Любовника», где если не прямо, то по крайней мере намеками дается вся информация о неврозах героини и ее матери.

Секрет в психоанализе

В трактате «Недовольство культурой» (1929) Фрейд писал: «Культура в значительной мере базируется на принципе отказа от инстинктивных импульсов <...>, что обуславливает неудовлетворение (подавленность, сдержанность, какой-то иной механизм) мощных инстинктов. Этот „культурный аскетизм“ управляет обширной областью отношений между людьми <...>. Нелегко понять, каким образом можно отказаться от удовлетворения инстинкта <...>. В условиях цивилизации этого можно достичь лишь единственным способом: постоянно укрепляя чувство вины <...>. Мы вправе выдвинуть идею, что общество тоже создает „сверх-Я“, влияние которого определяет культурное развитие»*.

* Перевод с французского наш. В переводе А. М. Руткевича с немецкого оригинала соответствующее место читается так: «Теперь мы видим, в каком отношении находится отказ от удовлетворения первичных позывов к сознанию вины. Правда, первоначально этот отказ был следствием страха перед внешним авторитетом; человек отказывался от удовлетворения, чтобы не потерять его любовь. Как только человек совершает акт отказа, он с этим авторитетом как бы расквитывается, и у него не должно остаться никакого чувства вины. Иначе обстоит дело в случае страха перед „сверх-Я“. Тут отказ от удовлетворения первичных позывов недостаточен, желание ведь остается, и это от „сверх-Я“ скрыть нельзя. Поэтому, несмотря на отказ, чувство вины остается, и в этом состоит большой психоэкономический недостаток создания „сверх-Я“ или, иначе говоря, формирования совести. Отказ от удовлетворения первичных позывов больше не оказывает полного освобождающего действия; добродетельное поведение не вознаграждается больше гарантией любви: угроза внешнего несчастья — утери любви и наказания со стороны внешнего авторитета — сменилась длительным внутренним несчастьем, напряженным состоянием сознания вины».

Цель психоанализа — не столько вылечить, сколько извлечь из глубин подсознания секрет, о котором и сам индивид не догадывается. Речь идет не о том, чтобы раскрыть его тщательно скрываемую тайну, но о том, чтобы раскрыть эту тайну ему самому. Нужно быть очень самонадеянным, чтобы решиться в двух словах рассказать о психоанализе. Еще до того, как психоанализ вызвал контрнаступление сексологов, о котором речь пойдет ниже, он возмущал, вдохновлял, захватывал все средства выражения (и это было нормально, потому что в основе психоанализа — слово, произнесенное и услышанное). Рискнем признать, что мы видим в психоанализе мягкую медицину, которая не может лечить психозы, но способна помочь невротикам, страданий которых не облегчают медикаменты.

Оставим, однако, наши чувства, которые никому не интересны. В проблематике секрета, которую мы описываем, важно внезапное появление воспоминания, существующего, но скрытого. Рассмотрим всего один пример, пример «Человека-волка», о котором Фрейд рассказывает в «Пяти лекциях по психоанализу». Сергей Панкеев прожил девяносто два года, с 1886 по 1979-й. Лечение у Фрейда он начал в двадцать шесть лет. Начиная с четырех лет ему снился один и тот же сон — шесть или семь толстозадых белых волков пристально на него смотрели, сидя на ветках орешника. Ребенок в ужасе просыпался. Фрейд вынес вердикт; речь шла о реконструированной версии другого «пугающего» воспоминания, затерявшегося в подсознании: в возрасте полутора лет мальчик, спавший в комнате родителей, проснулся и увидел, в общем, обыденную сцену: лежавший на спине отец проникал в сидящую на нем мать. Тайна была раскрыта, но выздоровления это не принесло. Панкеев, русский аристократ, разоренный революцией, начинает посещать психоаналитическое общество. «Без психоанализа, — писал он, — я бы не смог пережить того, что было мне уготовано жизнью». Это верно во всех смыслах слова, даже в денежном. Он жил, занятый только собой, не замечая окружающих, в том

числе свою жену-еврейку, которая, не в силах пережить надвигающегося ужаса нацизма, в 1938 году покончила жизнь самоубийством. У Панкеева было много рецидивов, приведших его и к другим психоаналитикам, однако он не прерывал контактов с Анной Фрейд, признававшейся, что этот старинный венский пациент был частью отцовского наследства. История «Человека-волка» многократно комментировалась и толковалась, по ней даже была написана опера. После того как тайна была раскрыта, Панкееву жилось не легче, чем до того. Разоблачение его секрета позволило другим писать книги и ставить спектакли. Сексологи возражали: если он действительно был свидетелем той «примитивной» сцены, неужели она оказала столь травмирующее влияние на ребенка, для которого «нормальны» аутоэротические влечения?

Бывает и так, что психоаналитик никак не может разобраться в секрете пациента. Об этом рассказывает нам Ш. Давид¹¹. Сорокапятилетний мужчина, эlegantный, рафинированный, сдержанный, «с прекрасной речью», обращается к нему за помощью после нескольких неудач в сексе с женщиной, которая ему очень нравится. За тринадцать встреч пациент расскажет психоаналитику всю свою жизнь: «Передо мной раскручивалась лента из слов, как будто создававших между нами экран, на который проецировался фильм. Я мог лишь смотреть этот фильм <...>. Пациент не давал мне возможности вмешаться. В тринадцатый раз он пришел как обычно, лег на кушетку и продолжил рассказ. На сороковой минуте он вдруг поднялся по собственной инициативе, расплатился со мной и своим обычным вежливым и обходительным тоном сообщил, что желает на этом закончить. Ему был очень интересен и полезен этот опыт, его проблемы отступили, и будущее представлялось ему в розовом свете. Во время сеансов он ничего не говорил мне про эти улучшения <...>. Это бегство непосредственно перед анализом погрузило меня в глубокую задумчивость». В дальнейших комментариях Ш. Давид пишет, что у пациента

был какой-то секрет, который он не раскрыл, если только сам он, психоаналитик, не пропустил момент, когда пациент говорил об этом секрете. «Как пациент может не заметить того, что сказал что-то важное, так и психоаналитик может пропустить момент признания <...>. В некоторых случаях постижение тайны пациента эквивалентно установлению с ним нездоровой связи. Секрет, скрываемый или раскрытый, может нам колоть глаза. Если бы Эдип не разгадал загадку Сфинкса, он бы умер; когда же он разгадал ее, чудовищное стечение обстоятельств, как говорил Генри Джеймс, привело к тому, что он ослепил сам себя. Этот ясновидец попал в ловушку, уготованную ему судьбой, и не смог простить себя».

Больше всего загадка идентичности волнует женщин, которым до недавнего времени предписывалось менять фамилию при вступлении в брак; именно они способны разгадать ее. Девочки, которые нередко своим появлением на свет приносили разочарование родителям, ждавшим мальчика, иудео-христианское общество делает виноватыми с самого рождения, потому что в пучину трагедии, бессилия и иллюзии ввергла нас Ева. Менее, чем мужчины, они полны (ложной) уверенности и весьма предрасположены к тому, чтобы обличать «социальное», замаскированное под так называемое естественное. Неудивительно, что именно женщины открыто осудили психоанализ. Дадим слово прокурору. «Девочки завидуют не столько наличию пениса, сколько социальным притязаниям, на которые пенис дает право <...>. В продажном обществе психоанализ смог не только дискредитировать (феминистскую) революцию и заставить ее дать задний ход, но и создать рабочие места, обогатить кое-кого, продать себя и способствовать процветанию общества потребления» (Кейт Миллет).

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

БЫТЬ РЕБЕНКУ ИЛИ НЕ БЫТЬ? ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КОНТРАЦЕПЦИИ

Отцом ребенка, зачатого в браке, считается муж. Однако муж может дезавуировать отцовство в судебном порядке, если приведет доказательства того, что он не может быть отцом этого ребенка.

Гражданский кодекс, статья 312

Чтобы понять, как в ходе истории в обществе решался столь важный вопрос, как аборт, достаточно напомнить о примате общества над индивидом. Не только мать, но все общество в целом носит ребенка в своем чреве. Именно оно решает, родиться ли ему, должен ли он жить или умереть, каковы его роль и предназначение. Оно же диктует женщине, как ей рожать, какую долю страданий она должна пережить.

Доктор Пьер Симон. «О жизни прежде всего»

Народные средства и современные технологии

Контрацепция существовала всегда — это доказывают бесконечные наказания за ее применение. В западном обществе, которое папство желало видеть теократическим, любое действие по предупреждению беременности объявлялось смертным грехом и наказывалось суровее, чем соблазнение девицы, похищение ее, инцест или даже святотатство. Целью полового акта считалось зачатие, а не получение удовольствия, и все, что мешало «женскому сосуду» принять оплодотворяющее

семя, было запрещено. Даже без использования элементарных противозачаточных приемов — *coitus interruptus* (прерванный половой акт), оральные и анальные секс — уровень фертильности оставался значительно ниже естественного максимума. В прежние времена у супружеских пар не было больше пяти-шести детей в связи с поздним вступлением в брак, из-за высокой смертности (в частности, материнской), из-за долгого кормления грудью. Из этих шести детей лишь двое достигали взрослого возраста, что близко к сегодняшнему уровню фертильности (1,7). В конце XVIII века рост производства сельскохозяйственной продукции и более редкие, чем в предыдущие века, пандемии позволили двум из трех родившихся выживать и вырастать. С тех пор регулирование рождаемости стало делом индивидуальным, а не коллективным: каждая пара сама решала, сколько детей иметь. В отсутствие таблеток, спиралей и несмотря на строгость закона от 1920 года, который запрещал не только аборт, но и пропаганду контрацепции, суммарный коэффициент рождаемости в межвоенный период не превышал 2; это подтверждает, что «народная» контрацепция опережала «современные технологии». В 1880-е годы мальтузианство имеет политические цели: «забастовка животов» лишает капиталистов избыточной, а следовательно, дешевой рабочей силы, а буржуазное государство — пушечного мяса. В 1896 году Поль Робен основал первую Неомальтузианскую ассоциацию, но женщины ответили слабо: вступивших в ассоциацию было мало. Прерывание акта, а в случае неудачи — аборт остаются обычными методами. I Мировая война и вызванная ею демографическая катастрофа разбивают этот анархо-мальтузианский порыв.

В 1978 году Национальный институт демографических исследований (INED) и Национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE) провели опрос среди 3000 женщин, которым на 1 января 1978 года было от двадцати до сорока четырех лет. Оказалось, что 28% опрошенных

принимали противозачаточные таблетки, а 68% применяли другие противозачаточные средства, «старинные» или современные. Из 32% тех, кто не использовал ни того, ни другого, одни сделали добровольную стерилизацию, а многие заявили, что хотят ребенка. В возрасте двадцати — двадцати четырех лет предохранялись 97,8%. Женщины в возрасте двадцати пяти — двадцати девяти лет чаще всего использовали таблетки. Начиная с тридцати пяти лет на смену таблеткам приходит прерванный половой акт, что в качестве противозачаточной меры занимает второе место после таблеток во всех возрастных группах. Опрос, проведенный в 1982 году, говорит о том, что таблетки и спирали используют 38% женщин в возрасте от пятнадцати до сорока девяти лет. С 1978 по 1982 год использование таблеток слегка сокращается, а популярность внутриматочных спиралей возрастает вдвое, что уже наблюдалось в Соединенных Штатах, где начиная с 1974 года таблетки принимают все реже. В старших возрастных группах используются традиционные методы (прерванный половой акт, мужские презервативы, периодическое воздержание). Отдельные социально-экономические выборки дают следующую информацию: в 1982 году 44% женщин в возрасте от двадцати до сорока четырех лет используют таблетки или спирали, 56% из них — после того как получают степень бакалавра или выше; 48% — представители высшего руководства или свободных профессий; 55% живут в Парижском регионе; 52% не религиозны; 64% не замужем. Обращение к методам контрацепции говорит не об отказе иметь детей, а о желании планировать рождение. Бездетных пар становится все меньше.

Контрацепция и демография

В краткосрочном плане последствия снижения рождаемости благоприятны: сокращается количество отпусков по беременности и родам и расходы на лечение новорожденных;

требуется меньше пособий на третьего ребенка, самых дорогостоящих для государства. В долгосрочном же плане несомненны два следствия. Первое: сокращение численности населения, что не является катастрофой (Франция с 45-миллионным населением не будет более несчастной, чем с 55-миллионным); второе: сокращение доли молодежи и увеличение доли пожилых людей, что влечет за собой следующее: «трудоспособное население должно быть завтра готово к тому, что не будет получать прибыль от роста производительности труда, так как эти деньги пойдут на содержание ставших многочисленными пенсионеров»¹². Вчера принималось волевое решение не иметь детей, а сегодня возникает «позитивное желание» иметь их. Снижение рождаемости во Франции (наименьшее, впрочем, по сравнению с другими странами Западной и Восточной Европы) происходит по двум причинам: во-первых, это эффективность противозачаточных средств, что сводит к минимуму возможность появления третьего ребенка в семье. Социолог Альфред Сови говорил о таких детях, что их не желают, но и не отказываются от них; во-вторых, пересмотр семейной стратегии в сторону ограничения количества детей: у пары теперь двое детей, старший сын и младшая дочь (определение пола будущего ребенка — дело завтрашнего дня, оно еще больше сократит количество третьих детей в семьях). Тем не менее демография остается труднопредсказуемой областью — доказательством этому служит бэби-бум, начавшийся в 1943 году и завершившийся в 1965-м. Француженки поздно пришли к контрацепции, но, попробовав, быстро продвинулись по этому пути, выбрав «шведскую модель». Действительно, согласно опросу, проведенному в Швеции в 1960-е годы среди мужчин и женщин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, 77% лиц моложе тридцати используют «современные» противозачаточные средства; 57% мужчин и 44% женщин получили первый сексуальный опыт до восемнадцати лет; 98% пар имели сексуальные отношения до брака; 33% женщин

в момент вступления в брак были беременны; всего 1% шведов полагает, что внебрачный ребенок не должен иметь те же права, что и законнорожденный.

Поворот к иудео-христианской «эротике»?

Исторически недавнее начало массового использования «современных» контрацептивов — и их легитимизация — произвели переворот в частной жизни, объем этих изменений пока не оценен; это особенно важно, потому что в иудео-христианской цивилизации, в отличие от других культур, «нет никакой эротике» (доктор П. Симон). Теперь же можно не только планировать рождение ребенка: не боясь нежеланной беременности, женщина может отделить свою сексуальность от функции воспроизводства и искать и даже требовать секса исключительно ради удовольствия, не пренебрегая при этом правилами приличия. То, что мужчина (самец) «естественным образом» полигамен, было известно давно, и общество относилось к этому терпимо. Полиандрия, до недавнего времени считавшаяся придуманной мужчинами и ярко проявившаяся в последние десятилетия, ставит под вопрос, причем во всех планах, так называемое превосходство мужчин. Понятно, что право на контрацепцию, то есть обуздание «естественного» механизма медицинскими знаниями, могло быть завоевано только в борьбе с табу и предрассудками, и мы бы хотели кратко остановиться на эпизодах этой борьбы¹³.

Первоначальная идея Грегори Пинкуса состояла в том, чтобы эндокринологически воспроизвести явления беременности, «наполняя» организм двумя гормонами, прогестероном и эстрогеном, которые ингибируют овуляцию (около 1958 года). В 1953 году в Женеве появилась группа Litré, в которую вошли франкоговорящие медики, в основном акушеры, потрясенные ежедневным зрелищем, которое доктор П. Симон описывает так: «В больницах? Это убийство <...>. В больнице Питье, которая сейчас как никогда заслуживает

свое название*^{*}, я вспоминаю жуткое зрелище, которое являли порой палаты для пациентов с гнойными ранами. Там иногда производились выскабливания без анестезии. Считалось, что женщин следует наказывать тем путем, которым они грешили». Конечной целью группы Littré было окончательное разрешение аборт, однако, сознавая консервативность общественного мнения, медики видели в контрацепции первый этап этого процесса: это было единственное покушение на закон от 1920 года, которое бы могло быть принято общественным мнением, точнее его выборными представителями. В 1954 году радикально-социалистическая группа, которая в тот момент вовсе набирает обороты, выносит на обсуждение в Национальной ассамблее предложение, требующее отмены закона от 1920 года. В 1956 году по инициативе доктора Лагруа Вейль-Алле было создано движение «Счастливые материнство». Наконец, в 1959 году было создано MFPE, Французское движение за планирование семьи, нашедшее поддержку в университетской среде, в прессе (доктор Эскофье-Ламбьот в газете «Монд»), в протестантских кругах (пастор Андре Дюма, профессор факультета протестантской теологии в Париже) и даже среди некоторых католиков (аббат Марк Орезон). В 1961 году в Гренобле открылся первый региональный центр планирования семьи под руководством доктора Анри Фабра, который должен был предстать перед городской Ассоциацией врачей за то, что сделал перевязку труб (стерилизацию) некоей психически больной женщине. В 1963 году доктор Пьер Симон представил в Париже внутриматочную спираль, нью-йоркское изобретение. В ходе своей президентской кампании 1965 года кандидат Франсуа Миттеран выступал за контрацепцию. Проект был поддержан голлистами, и в декабре 1967 года состоялось голосование по закону Нойвирта... который будет ждать утверждения пять лет.

* Pitié — (франц.), зд, жалость, презрение.

БЫТЬ РЕБЕНКУ ИЛИ НЕ БЫТЬ? ЛЕГАЛИЗАЦИЯ АБОРТОВ

То, что легализация контрацепции была этапом на пути к легализации аборт, стало ясно 5 апреля 1971 года, когда в газете *Le Nouvel Observateur* был опубликован «Манифест трехсот сорока трех»; подписавшие его женщины, сплошь персоны известные, заявили — если не сказать декларировали, — что делали аборт. Аборт выходил из сферы тайного, о нем стало можно говорить. Манифест и тексты, которые за ним последовали, рассматривали проблему аборт с абсолютно новой точки зрения. Произошел этический переворот, и теперь абсолютно аморальным считалось вынашивать нежеланного ребенка. Тело — это не машина, и принудительное материнство является неуважением по отношению к акту рождения новой жизни. Требуется относиться с уважением к матери и к ребенку, который должен родиться. Материнская любовь может проявиться в полной мере только в том случае, если ребенок будет желанным. Вообще, речь шла не о выборе между тем, делать или не делать аборт, а о том, делать его подпольно или в медицинском учреждении. Хотя нам не хватает достоверных статистических данных, тем не менее можно утверждать, что в 1970-е годы делалось по 600 000 подпольных аборт в год: 500 женщин от этого умирали и около 20 000 навсегда оставались бесплодными. Гинекологам хорошо известно, что 20% их бесплодных пациенток — это те, кому сделали неудачный аборт. Царит тотальное лицемерие: полиция остерегается преследовать женщин, сделавших аборт, а правосудие — осудить их в соответствии с законом от 1920 года. По мнению историка Теодора Зельдина, в период между 1920 и 1939 годами только 350 дел дошло до суда, и присяжные часто отказывались выносить обвинительные вердикты. Начиная с 1945 года в Париже функционировали «подпольные роддома», в которых проводилось искусственное прерывание беременности. Исследование

1947 года показало, что 73% женщин, делавших аборт, были замужем и действовали с согласия мужей. «Манифест трехсот сорока трех», несмотря на свою провокационность, поднимал вопросы, заботившие правительство. Премьер-министр Жак Шабан-Дельмас намеревался создать «новое общество», и Робер Булен, министр здравоохранения и социальной защиты в его правительстве, создал комиссию, призванную изучить проблему абортов; доктор Пьер Симон возглавил группу своих собратьев с различными политическими взглядами — профессоров Мильеса, Мате, Минковски — и посоветовался с католическими и протестантскими теологами. Казалось, законопроект вот-вот будет представлен, но 5 июля 1972 года Жак Шабан-Дельмас уходит в отставку (правильнее было бы сказать — его увольняют). Проект будет подхвачен правительством Ширака, и министр здравоохранения Симона Вейль доведет его до успешного принятия. Наконец, появляются последние подзаконные акты к закону Нойвирта, и «закон Вейль» успокаивает общественное мнение: опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения (IFOP) в мае 1975 года, показывает, что 93% женщин в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет хотят планировать рождение детей; 74% хотели бы, чтобы их дети получали информацию о контрацепции.

Несмотря на проклятия профессора Лежёна, вдохновителя группы «Дайте им жить!», обвинявшего доктора Симона в том, что у него «руки в крови маленьких французов», «закон Вейль», конечно же, разрешает проведение абортов, но таит в себе положения, призванные отговорить от процедуры. Пациентку принимает врач, который подтверждает беременность, узнает о причинах желания прервать ее и передает пациентку консультантке «Путеводителя по искусственному прерыванию беременности». Эта консультантка настаивает на том, чтобы пациентка ознакомилась с возможностями, которые предоставляются женщине, если она решится сохранить ребенка (в первых версиях этого справочника не было даже

списка лечебных учреждений, где производились аборт). Количество аборт известно точно, потому что каждый врач, проводящий такую операцию, обязан был заполнить сертификат. Цифры таковы:

- 1976: 134 173, или 18,7% от количества родов;
- 1980: 171 218, или 21,4% от количества родов;
- 1983: 181 735, или 21,4% от количества родов.

Эти цифры, относительно низкие по сравнению с оценками, предшествовавшими закону от 1975 года, наводят на мысль, что подпольные аборт все же проводились. Что же касается количества осложнений, которые вызывает искусственное прерывание беременности, даже проведенное безупречно, то сведений о них нет, но можно предполагать, что желание прервать беременность, каковы бы ни были мотивы этого решения, часто вызывает чувство вины.

РОДЫ БЕЗ БОЛИ

Человечество несет на себе печать первородного греха: испытывая родовые муки, женщина искупает грех Евы; ребенок, рождаясь, испытывает боль и платит этим за грехопадение Адама. Схватки в большей мере являются фактом социального принуждения, чем законом природы, и, следовательно, идут не столько от физиологии, сколько от психологии; это открытие было сделано лишь в 1950-е годы. Иван Петрович Павлов, один из пионеров этологии (напомним, что в 1904 году он получил Нобелевскую премию), помимо врожденных рефлексов, открыл широчайшее поле условных, приобретенных рефлексов. В институте Павлова в Ленинграде* доктор Николаи,

* Судя по всему, имеется в виду Первый Ленинградский медицинский институт («Первый мед»). Современное его название — Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова. — *Примеч. ред.*

руководитель клиники акушерства и гинекологии, стал практиковать роды без боли. Доктор Ламаз привез его методику во Францию, а именно в клинику Блюэ, принадлежавшую Всеобщей конфедерации труда. Это была революция. Речь шла о том, чтобы превратить женщину в автора своих родов. Роды должны протекать в присутствии отца ребенка, который должен помочь ему появиться на свет. Как это возможно? Не будучи в достаточной степени компетентными, предоставим слово специалисту. «Если деятельность коры головного мозга материальна, то это означает, что ее можно модифицировать: влиять на поведение людей и трансформировать его <...>. Распознавание схваток включает рефлекс, соответствующий правильному процессу родов, например дыхание. Произвольный ритм дыхания развивает на уровне коры головного мозга зону торможения, где будут гаситься приступы боли. Коротко говоря, таким образом был прерван тысячелетний социофизиологический замкнутый круг, в котором женщина, пассивная в соответствии со Священным Писанием, рожала в страшных муках» (доктор П. Симон). Если отныне — дело происходило в 1953 году — женщины будут рожать с улыбкой и радостью, как на это отреагирует церковь? Вердикт папы Пия XII был оглашен 8 января 1956 года. Он был оправдательным: «Помощь роженице, чтобы она действовала в соответствии с природой, сохраняла спокойствие и самообладание, сознавала величие материнства в целом и, в частности, с того момента, как ребенок появляется на свет, все это прекрасно и заслуживает одобрения. Эти благодеяния для роженицы <...> целиком и полностью соответствуют воле Создателя <...>. Эта методика, таким образом увиденная и понятая, является естественной аскезой, которая хранит мать от легкомыслия; она положительно влияет на ее личность, чтобы в важнейший момент появления ребенка на свет она проявила твердость духа и характера». В дальнейшем метод был усовершенствован эпидуральной анестезией таза (инъекция

в спинномозговой канал в области поясницы). Это лекарственное усовершенствование, освобождающее женщину от выполнения упражнений, которые она должна была делать в ходе беременности, частично лишает процесс своей «естественности», но поддерживает и делает все более распространенным присутствие отца на родах.

ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ РЕБЕНКА И БОРЬБА С БЕСПЛОДИЕМ. ПРЕОДОЛЕНИЕ БИОЛОГИИ

Медикализация репродукции

Несмотря на Холокост, ГУЛАГ, голод в Африке, атомную бомбу, человечество не желает прекращать свое существование. Оно все еще охвачено страхом исчезновения. Несмотря на первородный грех и «муки рождения», верующий человек чувствует себя обязанным произвести на свет потомство, которое будет поклоняться Создателю. «Контрацепция, проводимая с умом, поможет избежать бесплодия; это одна и та же медицинская дисциплина, обратная сторона контрацепции» (доктор П. Симон). В самом деле, пользуясь контрацептивами, нельзя забывать о фобии бесплодия. Согласно вышеупомянутому опросу INED — INSEE, проведенному в 1978 году, 5% пар не могут иметь детей, 18,4% имели трудности с зачатием в тот или иной момент, для 10,8% трудности возникли после первой беременности, но в трех случаях из четырех они были преодолены и ребенок родился. Бесплодные или считающие себя таковыми пары все чаще прибегают к медицинской помощи. Процесс воспроизводства в большой степени медикализировался: тесты на беременность продаются в аптеках, получила развитие пренатальная диагностика (амниоцентез — исследование околоплодных вод, эхография), искусственная инсеминация донорской спермой, выбор пола ребенка и т. д. Бесплодие — это такая драма, что пары готовы пойти на все, чтобы преодолеть его, даже нарушить традиционные границы тайны.

Проблема не нова: в античные времена, если мужчина оказывался бесплодным, он прибегал к помощи раба; это малоизученный феномен в отношениях между хозяевами и рабами. То же и в случае женского бесплодия: Авраам, супруга которого Сара никак не беременела, воспользовался помощью рабыни. Причина бесплодия лишь недавно стала известна. Социальные табу и запреты обвиняли в нем женщину. Мужчина (самец), путая вирильность и плодовитость, счел бы унижительным, если бы его сперму стали рассматривать под микроскопом. Теперь нам известно, что в одной трети случаев причина бесплодия заключается в женщине, в другой трети — в мужчине, а еще одна треть случаев бесплодия связана с «неудачной комбинацией» супругов: это доказывает история Алиеноры Аквитанской, «бесплодной» супруги Людовика VII, которая после развода родила двоих сыновей от Генриха Плантагенета, а Людовик VII, женившись во второй раз, также имел детей. Эта несовместимость, возможно, связана с чересчур горячим желанием иметь детей: у многих бесплодных пар, усыновивших ребенка, вскоре после этого появляются собственные дети. В 1980-е годы реклама суррогатного материнства внесла большую смуту в этот вопрос, и некоторые аспекты проблемы нам следует рассмотреть.

Искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение и суррогатное материнство

Первый вариант: мужчина бесплоден, женщина нет. В такой ситуации прибегают к практикуемому во Франции с 1975 года искусственному осеменению. Ежегодно более 1000 детей рождаются таким образом (в 1983 году на 749 000 рождений 1400 — в результате искусственной инсеминации). Техника очень проста: сперма собирается, замораживается и в свое время вводится женщине в шейку матки. Процедура проводится врачами по программе СЕСОС (Центра изучения и консервации спермы). Донорство анонимно и не оплачивается. Законная мать будущего ребенка — биологическая, а законный отец — не биологический.

Второй вариант: мужчина не бесплоден, женщина бесплодна вследствие аномалии маточных труб, при этом ее яичники функционируют нормально, а матка способна выносить беременность. От бесплодия этого типа страдает 3% женщин. Хирургическое вмешательство на трубах возможно, но операция очень деликатная и оканчивается успехом лишь в одном случае из четырех. Тогда прибегают к экстракорпоральному оплодотворению. У женщины берут яйцеклетку либо путем хирургического вмешательства под наркозом, либо при помощи лапароскопии или же делают трансвагинальную пункцию под контролем УЗИ. Далее эта яйцеклетка оплодотворяется *in vitro* спермой, предварительно взятой у партнера женщины, и затем полученный эмбрион вводится женщине в матку. Это тот самый «ребенок из пробирки», что так возбуждает средства массовой информации. В этом случае и отец, и мать являются биологическими и законными. Больница в Кламаре, носящая имя Антуана Беклера, специализируется на подобного рода вмешательствах; в 1985 году ежемесячно там проводилось по восемьдесят таких операций. Очередь расписана на два года вперед. Лишь двадцать попыток из ста оканчиваются беременностью, и в четверти случаев из этих двадцати происходят выкидыши. Это дорогостоящая и тяжеловесная методика с высоким риском внематочной беременности. С февраля 1982 года по май 1985-го во Франции по этой методике родилось сто детей, а во всем мире — около полутора тысяч¹⁴.

Третий вариант: женщина не может забеременеть, но может выносить ребенка. Ей имплантируют донорскую яйцеклетку, оплодотворенную *in vitro* и замороженную. Насколько нам известно, такие операции не проводились; родители таких детей были бы законными, но не биологическими.

Четвертый вариант: у женщины, которая не может выносить ребенка, берут яйцеклетку и оплодотворяют ее *in vitro* спермой мужа, а затем вводят «здоровой» женщине, которая вынашивает и рождает ребенка и отдает его этой паре.

Подобные опыты проводились только на животных, в частности на мышах, и никогда на людях, но только в этом случае термин «суррогатная мать» был бы справедлив*. По недоразумению «суррогатной матерью» или «матерью-заместительницей» называют совершенно другое явление, нежели описанное выше. Оно не имеет ничего общего с технологическим прогрессом в области ЭКО или криоконсервации.

В пятом варианте «суррогатная мать» соглашается на искусственную инсеминацию спермой мужчины, жена которого бесплодна. Эту «суррогатную мать» следовало бы называть «матерью-донором», потому что она предоставляет свой биологический и генетический материал. В этом кейсе отец будущего ребенка биологический, а мать нет. Законность отцовства и материнства в такой паре под вопросом, и вопрос этот пока не разрешен.

ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ РЕБЕНКА И БОРЬБА С БЕСПЛОДИЕМ. НЕПРАВОВАЯ СФЕРА

Как мы уже сказали, в случае бесплодия процесс воспроизводства переходит в сферу медицины, а также юриспруденции. Врач (и речь уже не идет о семейном докторе из прошлого) и юрист становятся действующими лицами чужой частной жизни. Они и раньше ими были, но в меньшей степени. Раньше считалось, что семейное право уходит корнями в природу, что оно таит в себе непреодолимые человеческие обычаи и привычки, что оно выходит за пределы позитивного права. Прогресс в области генетики и биологии достиг сегодня таких высот, что, покоряя природу, он вводит новое право, позитивное и не всегда определенное. Неожиданно возникают требования естественного права, с которыми должно считаться позитивное законодательство.

* Первый ребенок от «полноценного» суррогатного материнства родился в 1986 году, вскоре после подготовки этого тома. — *Примеч. ред.*

Появились новые биологические данные, а законы отсутствуют; мы попадаем в изменчивую, ненадежную, неправовую сферу. Когда существующий закон противоречит эволюции менталитета, что может сделать судья, кроме как применить или извратить его, пойдя на уловки, подсказываемые ему знанием законов или собственным воображением? Единственный пример: начиная с 1975 года искусственное оплодотворение не только не противоречит закону, но и практикуется в больницах. Муж соглашается, чтобы жена прошла эту процедуру. Некоторое время спустя по причинам, о которых история умалчивает, он отказывается от признания отцовства. Суд высокой инстанции Ниццы 30 июня 1976 года удовлетворяет его требования, ссылаясь на статью 311-9 Гражданского кодекса, гласящую, что «действия, относящиеся к филиации, не могут быть предметом отказа». В случае с искусственным оплодотворением спермой донора очевидно и доказуемо, что муж не является генетическим отцом. Ребенок, рожденный в таких условиях, должен быть признан законнорожденным, внебрачным или *произошедшим от прелюбодеяния*? На основании закона от 1972 года внебрачный ребенок имеет тот же статус, что и рожденный в браке, но вопрос о наследстве остается дискуссионным и пока решается в пользу следующего ребенка в семье. В случае, если пара прибегает к услугам «суррогатной матери», следует ли полагать, что суррогатная мать и эта пара связаны контрактом в том смысле, который заложен в статье 1134 Гражданского кодекса («Договор является законом для тех, кто его заключил. Его условия могут быть пересмотрены только по взаимному согласию сторон или по другим законным основаниям. Они должны выполняться по доброй воле»)? В настоящее время ответ отрицательный. Этот договор не был составлен «на законных основаниях» (именно в этих словах заключен смысл), речь не идет ни о контракте, ни об акте дарения, потому что даритель обязан выполнять условия дарственной. Однако суррогатная мать всегда может пересмотреть свое решение, сделать аборт или отказаться отдавать

ребенка. В свою очередь будущие родители не обязаны брать ребенка, если он, к несчастью, окажется с отклонениями. Может ли суррогатная мать рассчитывать на вознаграждение? Для этого контракт с парой заявителей в обязательном порядке должен быть заключен при посреднике, которым может быть и печатное издание. Но в этом отношении закон категоричен. По мнению Национального консультативного комитета по этике в вопросах жизни и здравоохранения, высказанному 23 октября 1984 года, посредник несет ответственность по статье 353-1 Уголовного кодекса, наказывающей «всякого, кто из корыстных побуждений будет предпринимать какие-либо действия для усыновления ребенка». Согласно статье 345 того же кодекса, «похищение или укрывательство ребенка, подмена одного ребенка другим или приписывание ребенка женщине, которая не рожала, карается тюремным заключением сроком от пяти до десяти лет». Однако, за исключением некоторых случаев семейной солидарности (такие известны), можно ли найти суррогатную мать, которая согласилась бы выносить чужого ребенка бесплатно? Конечно нет, особенно учитывая вездесущность денег*. 18–19 января 1985 года по инициативе Робера Бадинтера, министра юстиции, Юбера Кюрьена, министра научных исследований и технологий, и Эдмона Эрве, государственного секретаря по вопросам здравоохранения, проводился семинар на тему «Генетика, рождение и право». Присутствовали врачи (профессора Жан Бернар и Жан Доссе), юристы, социологи, психоаналитики (Франсуаза Дольто), философы (Мишель Серр) и журналисты. Профессор Эмиль Паперник-Берльхауэр предложил рассматривать беременность как «работу». Государство платит пособие каждой беременной женщине. Услуга оказывается суррогатной матерью в течение девяти месяцев, за это время ее жизнь значительно меняется:

* В настоящее время бескорыстное суррогатное материнство практикуется; в некоторых странах это единственная легальная форма суррогатного материнства. — *Примеч. ред.*

она обязана соблюдать определенный режим и подвергается риску (смерть в родах до сих пор случается, хотя и исключительно редко). Национальный комитет по этике постановил 11 октября 1984 года, что здоровый доброволец, соглашаясь на клиническое исследование, имеет право на *денежную компенсацию* за причиненные неудобства, но не на *вознаграждение*. Небольшое различие в терминах позволяет оплатить услуги суррогатной матери, не нарушая закона.

Те примеры, которые мы привели, отнюдь не исчерпывают все разнообразие возникших проблем. Еще в 1979 году доктор Пьер Симон задал ключевой вопрос: «Как быть со вдовами, решившимися на искусственное оплодотворение законсервированной спермой покойных мужей? Сколько возбудят судебных дел по поводу злоупотреблений с наследством, если этот вопрос не будет решен законодательно!» В 1984 году Коринн Парпалекс обратилась в суд города Кретей за разрешением провести искусственное оплодотворение спермой мужа, скончавшегося три года назад от рака яичек (сперма была заморожена в SECOS — Центре по изучению и консервации спермы и яйцеклеток). Статья 315 Гражданского кодекса категорична: «Признание отцовства невозможно ни для ребенка, родившегося более чем через 300 дней после расторжения брака, ни для ребенка, родившегося более чем через 300 дней после исчезновения отца». В отличие от суда Ниццы, вынесшего решение о строгом соблюдении положений статьи 311, суд города Кретей постановил проигнорировать статью 315, потому что по приговору от 1 августа 1984 года он разрешил это искусственное оплодотворение, поскольку «ни условия консервации и хранения спермы покойного супруга, ни оплодотворение его жены не нарушает естественного права, а одной из целей брака является продолжение рода». Таким образом, отцовство было имплицитно признано. Это показывает, в какой мере судья берет на себя функции законодателя и «решает спор», потому что в данном случае его решение с юридической точки зрения

может быть оспорено: ребенок не может быть признан законнорожденным, потому что брак, автоматически расторгнутый в связи со смертью одного из супругов, недействителен. Приподнявшись над буквой закона, судьи из Кретея постановили, что покойный мог дать жизнь сироте. В Австралии хранятся замороженные эмбрионы, «родители» которых, очень богатые люди, погибли в авиакатастрофе. Если эти эмбрионы будут пересажены в матку здоровых женщин и «реактивированы», смогут ли они в дальнейшем стать детьми, воспитанными приемными родителями, и в то же время законными наследниками своих покойных биологических родителей?

На открытии ранее упомянутого семинара «Генетика, рождение и право», проводившегося в январе 1985 года, было зачитано послание президента Республики, в котором подчеркивалось отсутствие законодательства в этом вопросе: «На какие принципы можно опереться сегодня, когда границы жизни понижаются шире и встает вопрос прав еще не родившихся людей? <...> Теперь, когда продолжение рода и наследственность находятся под контролем <...>, наступила эпоха, когда человечество может играть по своим правилам». Следует ли принимать законы? Или, как того желает старшина Карбонье, «из двух возможных решений выбирать всегда то, которое требует меньше всего от права и отдает основное на откуп нравам и морали»? Робер Бадинтер, видный юрист, минимизирует юридическую сложность проблемы суррогатных матерей: с его точки зрения, «одалживание» матки есть не что иное, как досрочное усыновление, и интересы ребенка находятся под угрозой не более и не менее, чем в случае усыновления. Министр социальной защиты и национальной солидарности Жоржина Дюфуа более сдержанна. Вот что она заявляет в интервью каналу «Европа-1» 24 апреля 1985 года: «Я не могу позволить открыть прокат маток <...>. Точки зрения подчас разнятся, и даже в правительстве наблюдается раскол <...>. Никто не может сказать, что его решение самое верное, потому что проблема слишком нова». «Парадокс

заключается в том, — говорит доктор Кутан, — что в своем непреодолимом желании иметь ребенка бездетные пары ставят под угрозу социальные структуры, к которым они стремились примкнуть». История Коринн Парпалекс наделала много шума (ее иск удовлетворили, но ребенка зачать не удалось). Суррогатные матери, чаще всего американки, дают интервью. Бесплодные матери молчат: им хочется сохранить свое бесплодие в тайне.

Сейчас, когда пишутся эти строки (сентябрь 1985 года), правовых вопросов больше, чем ответов. «Право каждого человека на жизнь защищено законом» (статья 2 Европейской конвенции по правам человека). «Каждый имеет право на жизнь» (статья 252 Конституции ФРГ). Но когда «начинается» человек? Является ли эмбрион человеческим существом, личностью и, следовательно, субъектом права? Если бы ответ был положительным, аборт не практиковались бы. В настоящее время статус яйцеклетки, оплодотворенной или нет, так же как спермы и крови, не определен. Для одних она становится человеческим существом с момента зачатия; с точки зрения других, надо ждать имплантации оплодотворенной яйцеклетки, то есть пять — семь дней; третьи видят в плоде человеческую личность, когда он уже напоминает человека, то есть на шестой неделе беременности; четвертые — когда плод начинает шевелиться; пятым для признания в плоде человеческой личности надо, чтобы его существование стало заметным, то есть на двадцатой неделе; наконец, кому-то для этого необходимо, чтобы ребенок родился. Если женщина имеет возможность сделать аборт, почему ей отказывают в праве на выбор способа продолжения рода, который подходит именно ей? Если незамужним женщинам разрешено усыновлять детей, почему им нельзя производить потомство по своему выбору? После того как появились новые техники реанимации, способные бороться со смертью, медицина и биология по-новому определяют жизнь: кто ее дает? Как происходит ее зачатие? Кто принимает решение, быть ей или нет? И кто облечен полномочиями, чтобы ответить на эти вопросы?

ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ РЕБЕНКА И БОРЬБА С БЕСПЛОДИЕМ. ЭТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Этих вопросов так много и они так новы, что можно составить лишь неполный их перечень. Искусственное оплодотворение не требует изощренной техники, но ставит сложные проблемы. Как быть с запретом на инцест? Мы же не можем отбросить вероятность — на самом деле почти фантастическую, — что жена бесплодного мужчины может быть оплодотворена спермой своего отца, деда, брата? Следует ли сохранять анонимность донора? Насколько тщательно собирать о нем информацию — в частности, с целью выявления наследственных заболеваний? Можно ли одновременно требовать, чтобы донор сдавал сперму бесплатно, и в то же время посягать на частную жизнь и его, и его семьи? Должны ли доноры получать деньги? Запасы спермы на исходе, и с учетом количества желающих есть риск появления черного рынка, что нарушит статью 345 Уголовного кодекса и лишит возможности контролировать рынок генетического материала. Следует ли удовлетворять заявки одиноких женщин и лесбийских пар? Если законный отец перестает быть донором спермы, секс больше не связан с деторождением, а деторождение — с отцовством, не угрожает ли все это самому понятию семьи? Каковы критерии очереди на экстракорпоральное оплодотворение? Множество оплодотворенных яйцеклеток хранится в замороженном виде. Если имплантация прошла успешно, что делать с остальными яйцеклетками? Что делать, если оплодотворенная яйцеклетка окажется с хромосомными аномалиями? Как быть, если родители гибнут до реимплантации (вспомним австралийский случай)? А как быть с этими эмбрионами, если пара вдруг передумает иметь детей или разведется? Нужно ли популяризировать и поощрять суррогатное материнство по соображениям повышения рождаемости? Коротко говоря, должны ли эти

новые технологии использоваться только для бесплодных пар с терапевтической целью или могут применяться просто по желанию? Национальный комитет по этике склонен выступить за лечебную опцию; Робер Бадинтер и суд Кретея — за применение их по желанию; Элизабет Бадинтер, супруга министра юстиции, автор книги «Больше, чем любовь» (истории материнской любви с XVII века до наших дней), высказывается в пользу «разделенного материнства». Она подчеркивает, что няни, кормилицы, воспитательницы детских садов часто заменяют матерей. Если наука позволяет женщинам иметь лишь желанных детей или не иметь их вообще, «почему же возмущает тот факт, что та же самая наука позволит им иметь ребенка, если они того захотят?» Что касается представителей церкви, они ведут себя очень сдержанно, отрицая право государства принимать законы, регулирующие эту сферу. Не высказываясь открыто, они ассоциируют искусственное оплодотворение с мужской мастурбацией.

Не менее многочисленны и психологические вопросы. Не идет ли вразрез с культурной эволюцией женщин, которым сегодня (в 1985 году) около тридцати лет, «услуга», предоставляемая суррогатной матерью? Начиная с 1960-х анализ феминистского — или просто женского — дискурса показывает, что целью борьбы за контрацепцию, аборт и прочее является сделать женщин хозяйками собственного тела и прекратить «разделять» его на функции: сексуальный «объект», репродуктивный инструмент, социальное существо. Рассматривать матку как часть тела, которую можно сдать напрокат и получить за это вознаграждение, — значит отрицать единство личности и вернуть практику найма кормилиц, только в утрированной форме. Чем можно объяснить молчание, которое хранят желающие воспользоваться услугами суррогатной матери? Стыдом за свое бесплодие? Пара живет в обстановке тотальной зависимости, боясь, что суррогатная мать передумает. Возможно, они презирают эту женщину, которая способна отказаться

от *своего* ребенка (повторим, суррогатная мать передает ребенку свой генетический код) за деньги? А если предположить, что условия контракта будут соблюдены, то не будет ли приемная мать, ставшая законной, жить в постоянном ужасе от существования этой всемогущей биологической матери? Беременность суррогатной матери будет служить подтверждением бесплодия приемной матери и плодовитости ее мужа. Внесет ли ребенок раскол в отношения между супругами? Если в случае усыновления ребенка оба родителя находятся в равном положении по отношению к нему, то в случае помощи суррогатной матери не испытает ли отец, одновременно биологический и законный, чувство превосходства над супругой? Этот риск не умозритель: известно множество случаев, когда бесплодие мужа или жены побудило супругов отказаться от искусственного оплодотворения и суррогатного материнства и предпочесть усыновление ребенка, чтобы соблюсти «равенство» родителей. Согласно полученным нами сведениям, и американские, и английские, и французские ассоциации (ANIAS, Национальная ассоциация по искусственному оплодотворению, была создана во Франции в 1983 году) зорко следят за суррогатными матерями (проводят психологические и медицинские осмотры) и всего лишь один раз встречаются с будущей приемной матерью. Пока, к 1985 году, в этих трех странах не принято никаких законов по этому поводу, и ассоциации ничего не сообщают о меркантильных интересах (тем не менее известно, что американская ассоциация запрашивает 30 000 долларов, из которых лишь половина идет суррогатной матери).

Признавая «право на ребенка», не следует забывать о «правах ребенка». Суды и юристы заявляют, что действуют в интересах будущего ребенка, но затрудняются в определении того, в чем они заключаются. Строго говоря, не следует ли запретить иметь детей парам алкоголиков, сифилитиков, шизофреников и т. п.? Такого вмешательства в частную жизнь не

допускает ни один закон. На сегодняшний момент ничего не известно об отношениях эмбриона и матери во время беременности, о психологических и физических последствиях разрыва с биологической матерью для дальнейшего развития ребенка, поэтому научное сообщество осторожно обходит проблемы, существующие в действительности или мнимые, связанные с беременностью. Тем не менее есть основания для беспокойства о последствиях грубого разрыва между ребенком и женщиной, которая его выносила. Сейчас принято говорить приемным детям правду об их рождении, и ребенок должен будет смириться с мыслью о том, что биологическая мать родила его лишь ради денег. У кого-то из таких детей будет по два отца (в случае искусственного оплодотворения), у других — по две матери (суррогатная и законная). «Желание иметь ребенка и борьба с бесплодием не могут оправдать применения всех техник оплодотворения, — пишет доктор Кутан. — Право на деторождение, таким образом, не безгранично. Ребенок должен родиться в оптимальных условиях, чтобы влиться в общество». На это морализаторство можно возразить, что множество детей родилось от законных родителей и при этом социализируются с трудом.

ДЕТИ РАСТУТ. ОТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Семьи и домохозяйства

Мы не будем останавливаться здесь на тезисе, который Антуан Про изложил в четвертом томе «Общей истории образования и воспитания во Франции» и который упомянут в нашей книге, а именно на том, что вследствие социальных и ментальных мутаций, произошедших за последние десятилетия, родителям ценой «уступок», иногда весьма болезненных, удалось наладить контакт с собственными детьми. Чтобы сразу внести ясность, следует напомнить о разнице между «домохозяйством» («группой лиц, разделяющих

жилье. Оно может состоять из одного человека») и «семьей», состоящей как минимум из двух человек: супружеской пары с детьми или без; или одного из родителей, чаще всего матери, с одним ребенком или более. В 1982 году во Франции насчитывалось 19 590 000 домохозяйств и 14 120 000 семей; по сравнению с 1962 годом тех и других стало больше соответственно на 34% и 25%, тогда как население в целом увеличилось лишь на 17%. Все семьи являются домохозяйствами, но не все домохозяйства — семьями.

Лишь в XX веке ребенка начали рассматривать как человека, принципиально отличающегося от взрослого, которым он станет. Монсеньор Дупанлу, бывший внебрачным ребенком, личность сложная, написал шеститомный трактат «Воспитание», а его книга «Дитя» (1869) рассматривается многими как настоящая хартия детства. Габриэль Компайре оспаривает сделанные им выводы и в работе «Интеллектуальная и моральная эволюция ребенка» (1983) ополчается на понятие первородного греха и представляет ребенка более невинным, чем его описывает прелат. В межвоенный период появляется множество книг, посвященных детям: доктор Робен в двенадцати томах (в то время люди читали!) высказывается за большую свободу для детей. Начиная с 1926 года Монтерлан начинает видеть в «подростковости» соперника феминизма. В исследовании, проведенном в 1950-е годы, предпочтение отдается пятой заповеди («Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»); 70% опрошенных считают дисциплину важнейшим фактором воспитания и 52% возражают против сексуального просвещения в школах. Согласно опросу, проведенному в 1983 году Аленом Жираром и Жаном Штетцелем, образ семьи весьма позитивен; 72% говорят о доверительных отношениях с отцом, 80% — с матерью; 75% утверждают, что к родителям всегда нужно относиться с уважением и любовью, какими бы ни были их недостатки; 50% оправдывают развод и аборт, но

85% заявляют: «Чтобы ребенок рос счастливым, ему необходимы мама и папа», что не мешает 61% из них спокойно относиться к женщине, желающей иметь ребенка и оставаться незамужней. Экономический кризис усиливает зависимость детей: в 1978 году с родителями живут 85% 18–19-летних, 72% 20–21-летних, 63% 22–23-летних и 53% 24-летних. 75% высших кадров помогают материально своим 18–24-летним детям (данные INED, Национального института демографических исследований).

Экономический рост и снижение рождаемости

Согласно исследованиям, проведенным в 1980-е годы, супруги-французы заявляли, что идеальное число детей в семье — 2,7, однако в реальности их всего 1,81. У рабочих детей немного больше, чем у руководства и представителей свободных профессий, и существенно больше, чем у руководителей среднего звена, ремесленников и мелких коммерсантов. Определение пола — дело уже завтрашнего дня; «если наши пациентки следуют даваемым им инструкциям, мы в 75% случаев добиваемся успеха в этом вопросе», — утверждал доктор Пьер Симон еще в 1979 году. Вопреки распространенному мнению, многодетные семьи всегда были исключением. В XVIII веке рожали много, но смертность была такова, что из пяти рожденных детей через пять лет в среднем оставалось в живых лишь 2,5. Многодетная семья была преходящим явлением в демографической истории: оно имело место в период, когда рождаемость была высокой, религиозные настроения — сильными, а уровень смертности — относительно низким. Революция в менталитете, связанная с дехристианизацией, в большей мере, чем контрацепция (периодическое воздержание практиковалось всегда), искусственное прерывание беременности (подпольные аборты также делались всегда), теснота жилья (французам всегда не хватало квадратных метров на человека), женский труд (в Нидерландах одновременно самый

низкий уровень занятости женщин в ЕЭС* и один из самых низких уровней рождаемости) или недостаток ясель (в ФРГ их тысячи, а уровень рождаемости всего 1,4), побудила пары предоставлять своим детям если не райские условия, то по крайней мере комфорт и, главное, безопасность, а обеспечить это можно, лишь сократив рождаемость. Ребенка, на которого возлагаются большие надежды, следует хорошо содержать, он должен долго учиться, получить хорошее образование. Еще вчера он начинал зарабатывать совсем юным. Сегодня он требует больших расходов до двадцати лет, а то и дольше. Он заключает в себе надежду родителей на то, что следующие поколения семьи займут более высокое положение в обществе. Этот расчет на будущее методом от противного объясняет высокую рождаемость в самых бедных слоях населения, в частности живущих в «транзитных» кварталах**. Там, как раньше в беднейших кругах местного населения, представителей которых нищета делала опасными, людям нечего терять. Надежды на социальное продвижение нет. Детей рожают, и те выживают за счет социальных пособий и минимума, гарантированного одиноким матерям, а также благодаря прогрессу медицины. Как пишут Р. Эрель и К. Леге, там можно встретить «кровосмесительные семьи, замкнутые на себе самих; семья для них — бастион, противопоставляющий себя окружающему обществу». Вот что читаем в материалах уголовного дела, возбужденного против одного отца, обвинявшегося в инцесте с несовершеннолетней дочерью: «Я боялся, что моя дочь может стать жертвой какого-нибудь марокканца или других ребят, и хотел, чтобы она знала, что может

* В 1993 году ЕЭС (Европейское экономическое сообщество) было переименовано в Европейское сообщество и стало одной из трех опор Евросоюза (ЕС). — *Примеч. ред.*

** Районы, в которые переселяли иммигрантов; предполагалось, что это перемещение будет стимулировать их к улучшению своего положения и социальному росту. — *Примеч. ред.*

произойти. Жена в моем присутствии объяснила ей, в чем заключаются отношения мужчины и женщины, но я видел, что она не понимает...

Дети, которых били, хранят молчание

Борьба с бесплодием ведется упорно, но нельзя забывать о ежедневной драме, скрытой завесой тайны: речь о жестоком обращении с детьми. 26 июня 1985 года П. Жиро от имени Законодательной комиссии выступает на бюро Сената с докладом о проекте закона, подготовленного Эдуардом Бонфу и касающегося защиты детей от жестокого обращения. Согласно этому докладу, ежегодно 50 000 детей становятся жертвами психологического, физического или сексуального насилия. 400 из них гибнут. В то же время жалоб подается мало: в 1982 году их было 1611. Суды присяжных приговорили 15 человек к заключению с обязательными работами; 8 — к содержанию под стражей; 572 человека были приговорены исправительными трибуналами к различным срокам тюремного заключения и штрафам. Несмотря на строгость Уголовного кодекса, автор доклада объясняет слабость репрессий «настоящим заговором молчания». Таким образом, мы попали в зону тайны, в которой начинает действовать семейная солидарность, подпитываемая страхом, стыдом, возможно угрызениями совести. Врачи и социальные работники по закону от 15 июня 1971 года в случае, если им становится известно о насилии над детьми моложе 15 лет, должны сообщать об этом в соответствующие органы (статья 378 Уголовного кодекса). Они же молчат об этом или говорят мало, убежденные в том, что ребенку все же лучше оставаться в семье. Страдания детей — это следствие алкоголизма, проживания в трущобах, коротко говоря, «социальной и эмоциональной недоразвитости виновных». Родители-палачи, как правило, сами в детстве страдали от жестокого обращения, а дети-жертвы обыкновенно бывают нежеланными или от предыдущего брака. Законом

карается не только жестокое обращение с ребенком, но и недонесение о происходящем: пункт 2 статьи 62 Уголовного кодекса (на основании закона от 15 июня 1971 года) предусматривает наказание за это в виде лишения свободы сроком от двух месяцев до четырех лет. Бонфу предлагает ужесточить наказание для тех, кто избивает детей, и для тех, кто скрывает эти факты. Усиление репрессивных мер не даст результата. Рабочая группа, созданная при Детском фонде Анны-Эймоны Жискар д'Эстен, сделала вывод, что нужно «считать родителей, жестоко обращающихся с детьми, не виновными и подлежащими примерному наказанию, но скорее уязвимыми, нуждающимися в помощи и реабилитации, безусловно не упуская из виду приоритет интересов ребенка». Поле для деятельности весьма широко.

«Дети существуют, чтобы слушаться»

Отношения родителей и детей очень изменились по сравнению с 1920-ми годами. Даже в богатых — во всяком случае, в обеспеченных — семьях остерегались «портить» детей (обратим внимание на полисемию слова). Игрушки были редкостью и дарились в определенные дни. Дисциплина была железной. Следовало «дрессировать», «формировать характер». Жаловаться запрещалось. Слезы осуждались. «Мы приходим на землю не для того, чтобы веселиться; очень многие гораздо несчастнее тебя; во время войны твой отец и не такое видал» и т. д. Чувство вины внушалось с самого раннего возраста. Делать пи-пи в кровать очень плохо. А уж что касается большего, то это вообще смертный грех. Необходимость работать не обсуждалась как для мальчиков, так и для девочек. Вспомним лишь один пример, рассказ маленькой крестьяночки, который читаем у И. Вердые¹⁵. Девочки должны всегда что-то делать, их руки не должны быть свободными: «Когда бабушка видела, что мы ничего не делаем, тут же раздавалось: „Ну-ка, девочка, подшей-ка эту тряпку“». Маленькие пастушки все время вяжут

на ходу и стоя, следя за коровами. Начиная с двенадцати лет они вышивают крестиком по канве красной нитью свою фамилию, это будущие метки для приданого. Девочки начинают вышивать эти метки, когда у них начинаются первые менструации. Эти метки означают начало переходного возраста, которое, таким образом, не относится к сфере секретного. С этих пор девочки, уже почти женщины, принимаются за другую работу: «Я доила коров, кормила кур, кроликов, а по утрам немного работала по дому. У нас было около дюжины коров, нам с мамой надо было за ними ухаживать. Я выдаивала четыре за час, мама, может быть, пять. Летом я всегда вставала до рассвета; между полуднем и двумя часами мы шли в поле полоть морковь и свеклу. Я все это делала, когда мне было двенадцать лет». Таков был распорядок дня у девочек в 1920-е годы. Что касается сохранения девственности, за этим строго следили. «Я вас уверяю, мальчики не могли ко мне приблизиться. Во-первых, этого им не позволял мой отец. Когда примерно в 1925 году я ходила на танцы, отец всегда был рядом, а когда он меня звал, я должна была моментально подойти. Если я при этом танцевала, приходилось бросать парня и бежать домой, потому что отец уже ушел».

Дети должны быть «успешными»

Социальная мобильность интересует нас только в том плане, в каком она касается частной жизни. Напомним, что мнения большинства специалистов совпадают по следующим моментам: малая мобильность на вершине и у подножия социальной пирамиды; сравнительно большая подвижность в средних классах; продвижение по социальной лестнице небольшое в масштабах биографии, но значительное, если сравнивать статусы детей и родителей, и подчас потрясающее, если рассматриваются три поколения. Говоря о «социальном воспроизводстве», без конца обсуждаемом школой Бурдьё, надо остановиться на трех моментах.

Во-первых, воспроизводство — не только количественное, но и качественное. Мы имеем в виду, что показательный «случай Помпиду» (дед — крестьянин, родители — учителя, а сам он, последовательно, — преподаватель, государственный советник, банкир, премьер-министр, президент Республики) благодаря растиражированности в СМИ оказывает весьма большое воздействие на общество в целом. Иначе говоря, хоть это и исключение из правил, пример Помпиду способен убедить обездоленных в том, что еще не все потеряно, что судьбу можно изменить, что воля преуспеть в жизни может сломать стереотипы системы; короче говоря, что человек обладает некоторым резервом свободы. Второе. Исследования социального взлета с учетом генеалогического древа привели нас к следующему выводу: успех детей напрямую связан с их количеством. Чем меньше детей в семье, тем больше их шансы на успех. Самый благоприятный вариант — если ребенок единственный и если это мальчик. Так, например, президент — генеральный директор одного из крупнейших французских банков — это единственный ребенок квалифицированного рабочего и его неработающей жены, которая была двенадцатым ребенком в семье с четырнадцатью детьми (это реальный случай, а не воображаемый). Другой пример: знаменитый врач, единственный ребенок в семье таможенника и почтовой служащей. Стратегия социального роста ребенка закладывается в родительской постели и, следовательно, относится к частной жизни. Наконец — и это наше третье наблюдение — социальная мобильность идет и в обратном направлении. Согласно опросу, проведенному в 1970 году организацией, изучающей профессиональную квалификацию (FQP), пятьдесят два сына ста представителей высшего руководства или преуспевающих представителей свободных профессий столь же успешны, как их отцы (эти данные подтверждаются полученными в более поздних опросах, в частности в 1977 году). Это значит, что сорок восемь сыновей

из этих ста успеха не добились и здесь наблюдается регресс (за исключением ставших хозяевами производственных или торговых предприятий). Этот социальный регресс держится в тайне и часто ускользает от внимания исследователя. Благодаря деньгам, связям, успешному манипулированию словами, а также женитьбе сына-неудачника на невесте из хорошей семьи его отцу часто удается поддерживать иллюзию успеха. Конечно, количество детей рабочих среди учеников высших школ не превышает 1%. Однако то, что Аньес Питру называет «эффектом стопора» (то есть сопротивления социальному регрессу), происходит не вследствие образовательного статуса. Чем хуже молодой человек учится в школе или университете, тем значительнее, хотя это происходит не в открытую, поддержка семьи, потому что сын-неудачник ставит под удар культурные традиции «приличной семьи».

ОТКЛОНЕНИЯ

Семантика

Слово «девиация», происходящее от латинского *devia* — отклонение от главной дороги, от нормы, — относится к человеку, который сбился с пути. Но о каком пути идет речь? В каждом обществе существуют свои нормы и идентичность индивида оценивается в зависимости от меры свободы, которую он себе позволяет. Правила нарушают все и до такой степени, что демонстрация бунта может проявляться как раз в буквальном их исполнении. Иначе говоря, если бы все поголовно соблюдали правила, через которые выражаются нормы, социальная жизнь была бы невозможна. Тот, кто не соблюдает нормы, мешает, вызывает подозрение, потому что он презирает общепризнанные ценности: здоровье, работу, карьеру, опрятность и т. д. Наркоман, «человек со шприцем в зубах», подозрителен целой армии отцов своим стремлением к наслаждению, которое этим отцам совершенно не знакомо. Смерть от передозировки наркотиков

будет тщательно скрываться от родственников и знакомых. Гибель в автокатастрофе на скорости двести километров в час на пути к какой-то достопримечательности, которую необходимо посетить каждому культурному человеку, — честная гибель, следовательно, допустимая. Индустриальные общества, динамичные, органически сплоченные, возможно нарушающие законы, являются пространством для бесконечного вызова, бросаемого отдельными группами (интеллектуалами или обездоленными), вызова, первоначально рассматриваемого как нечто неуместное, правонарушительное или преступное (в зависимости от тяжести), а позже интегрируемого в общественную жизнь. Либеральному обществу, апологетом которого был Роберт Мертон, свойственна открытость всему маргинальному, которая играет ему на руку. Либо девианты обретают политическую или религиозную идентичность (например, Франциск Ассизский, фигуру и месседж которого, по словам Жоржа Дюби, церкви удалось в конечном счете и не без труда преобразовать и приручить), либо, не идя ни на какие уступки обществу, они оказываются полностью из него исключенными. Система, которая меняется сама по себе, интегрируя элементы бунта, в конечном счете стабильна. Это заметил Дюркгейм: «Оригинальности надо дать возможность проявиться. Чтобы на идеалиста, опережающего свой век, обратили внимание, требуется наличие преступника, отстающего от жизни. Одно невозможно без другого».

Касаясь проблемы токсикомании в двух ее самых распространенных формах — курении табака и алкоголизме, мы сразу же замечаем три элемента, которые ее составляют. Это трудности бытия, зависимость и, на заднем плане, значительные финансовые интересы, идет ли речь о налогах, получаемых Обществом промышленного производства табака и спичек Seita, прибылях производителей алкоголя или наркоторговцах, которые держатся за счет бандитизма и часто сами становятся его жертвами.

Алкоголизм

Алкоголизм (под этим термином следует понимать регулярное употребление алкоголя, а не всегда существовавшую традицию выпивать по праздникам) — явление недавнее: в 1848 году потребление составляло 51 литр на человека, в 1872-м — 77 литров, в 1904-м — 103 литра, в 1926-м — 136 литров. Начиная с 1960-х годов потребление вина падает (в заведениях фаст-фуда пьют воду, кока-колу или фруктовые соки, а 60% посетителей — это молодежь от шестнадцати до двадцати лет), но растет потребление крепкого алкоголя, в частности виски, считающегося «изысканным» напитком.

Однако оценки 1985 года таковы: семь стаканов алкогольных напитков в день (или около 70 граммов чистого спирта) для 1 740 000 человек, 1 690 000 из которых составляют мужчины. Существует алкоголизм, идущий от нищеты, и светский алкоголизм, но не следует забывать и о его скрытой форме, когда жадно, ненасытно пьют в одиночестве (пьют вино, ликеры, спирт, одеколон и т. д.), что заставляет окружающих прятать под замок любую жидкость из вышеназванных; такого больного приходится вновь и вновь лечить от алкогольных отравлений. В нашем обществе все так или иначе имеют контакт с алкоголем, но почему-то одни попадают в зависимость от него, а другие — нет. Возникает вопрос, пока остающийся без ответа, — об этиологии токсикомании.

Этиология токсикомании: попадание в среду

Курение и алкоголизм (при условии отсутствия таких последствий, как белая горячка, цирроз печени или чрезмерные проявления пьянства) не скрываются от окружающих, а наркомания, эта родительская фобия, относится к сфере секретного. «Малыш, который колется», делает это тайком, и родители, обнаружив это, хранят свою беду в тайне.

Выступая в декабре 1972 года на конференции ЮНЕСКО по вопросам наркотиков, доктор Оливенштайн сформулировал

главный вопрос: «Очевидно, что мотивация индейцев или индусов, употребляющих так называемые токсические вещества, отличается от мотивации молодого представителя западных стран <...>. В малоразвитых странах молодежь употребляет наркотики, чтобы унять чувство голода. Какой же голод испытывают наркоманы в развитых странах? Возможно, в поиске новых ощущений содержится некий посыл». Очень часто токсикоманы испытывают трудности в общении. Новое разрушительное явление, начавшееся в 1970-х годах, — массовая наркомания среди молодежи. Не рассматривая в данном контексте психически больных и лиц с неустойчивой психикой, специалисты сходятся во мнении, что не существует врожденной токсикомании, что в нее вовлекает окружение, социокультурная среда. По мнению доктора Оливенштайна, «почва», способствующая встрече с наркотиками, характеризуется двумя моментами. Во-первых, неприятие отца, в руках которого сосредоточены семейная власть и деньги: сын стремится получить удовольствие, которого не знал его отец, «обойти», «опередить» его в этом вопросе. Во-вторых, у наркомана-токсикомана специфические отношения с собственным телом: он не «обменивается» им ни с кем, как в гетеро- или гомосексуальном сексе. Все его тело, а не только область гениталий, становится эrogenной зоной, от чего он получает удовольствие. Согласно тому же автору, наркоман переживает две фазы. Первая — «медовый месяц» с наркотиками: удовольствие чередуется с их отсутствием. Когда он употребляет какое-то вещество, он боится, когда нет — он сам себя наказывает, но выдерживает паузу, потому что знает, что может начать снова. В этом большая разница между наркоманом и самоубийцей — у второго возврата нет. Однако наркомания — это всегда поражение. «Медовый месяц» длится недолго. Возбужденное состояние, *вспышка*, вызванная веществом, исчезает, и наркоман вынужден принимать наркотик не для удовольствия, но чтобы успокоить ломку. Фундаментальный вопрос заключается, таким образом,

в следующем: почему молодежь соглашается на кошмар ломки, часто вынуждена заниматься проституцией, чтобы раздобыть денег на очередную дозу, отказывается от карьеры и терпит свое отторжение обществом? Ответ доктора Оливенштайна таков: «Удовольствие, даваемое наркотиком, — это атомный взрыв. Вся дальнейшая жизнь будет проходить в поисках этого удовольствия или в сожалении о нем. Вылечившийся наркоман всегда будет испытывать ностальгию по наркотикам, в отличие от алкоголика». Внутривенный укол, вызывающий *вспышку*, изменяет чувственность наркомана, перестраивает его личность. Если тот, кто пережил подобное, отказывается заниматься сексом, это не признак импотенции, но безразличие к удовольствию, которое теперь для него ничего не значит. Находящийся на этапе «медового месяца» наркоман не желает никакой помощи. Если его в этот период приводят в Мармоттан*, будь то полиция или родители, он отказывается от курса детоксикации и сбегает. И просит о помощи лишь тогда, когда *вспышки* больше нет, когда остаются лишь страдания и зависимость.

Чем можно помочь?

Проблемы дальнейшего лечения и возвращения в нормальную жизнь гораздо сложнее, чем детоксикация. Доктор Орсель полагает, что личность наркомана одновременно недостаточно и слишком зрелая. Он с необыкновенной изобретательностью пользуется существующими общественными институтами. Пройдя лечение, наркоманы чувствуют себя «ветеранами» и почти все ведут себя как новообращенные. Вместе с тем у них наблюдаются явления регресса, например энурез, свойственный наркоманам старше тридцати лет. Многие из тех, кто в прошлом «сидел» на героине, становятся алкоголиками. Напомним о некоммуникабельности как

* Мармоттан — парижская наркологическая клиника.

одном из важнейших факторов наркомании. Если после лечения наркоман попадает в ту же социокультурную среду, которая привела его к употреблению наркотических веществ, вероятность срыва очень велика. Приведем два примера. Те, кто употреблял кокаин в годы I Мировой войны и амфетамины — в годы II Мировой, были взрослыми людьми, имевшими какие-то социальные связи, которые они возобновили после демобилизации и в большинстве случаев вернулись к нормальной жизни. Известно, что в 1970-е годы марсельские наркоторговцы продавали свой товар по демпинговым ценам учащимся школ и колледжей, чтобы вызвать привыкание. Когда полиция положила этому конец, юные «героинщики» из приличных семей и стабильной социальной среды также смогли вновь вписаться в нормальную жизнь. Доктор Орсель полагает, что несмотря на агрессивность речей юных маргиналов, которых приютил руководимый им Центр при аббатстве, в них сквозит острое чувство вины и желание «вернуться к порядку». Это объясняет гипнотическое воздействие, которое оказывают на юных наркоманов «менты»: с одной стороны, их ненавидят, а с другой — видят в них спасительный образ отца. Если индивидуальная причина токсикомании — это некоммуникабельность, то социальный корень этого зла — желание наживы. И бедные крестьяне, выращивающие мак, чтобы как-то свести концы с концами, и наркобароны, сами не притрагивающиеся к товару, который их обогащает, распространяют по всему миру паутину фатальной зависимости. Действия полицейских периодически приводят к арестам мелких дилеров, которые сами являются потребителями зелья; иногда это бывают зрелищные «спецоперации», освещаемые в СМИ, но до «очень важных персон», находящихся на вершине этой пирамиды горя, часто проникающих в государственный аппарат и располагающих деньгами, которые способны заткнуть рот кому угодно, дело, как правило, не доходит.

СОЖИТЕЛЬСТВО МОЛОДЫХ ПАР

Пара распадается?

Слово concubine (сожительница) происходит от латинского concubina — «та, с которой спят». В разговорной речи слово «сожительство» имеет пренебрежительную окраску. Исследователи INED, не желая никого обижать, для обозначения живущих вместе молодых людей выработали понятие «ювенильного сожительства», впрочем не уточняя, когда кончается молодость. Незарегистрированные пары — не новость, как и дети, рождающиеся у таких пар. В середине XIX века внебрачные дети составляли 30% родившихся в Лионе, 32% — в Париже, 35% — в Бордо, к началу Прекрасной эпохи соответственно 21%, 24% и 26%. Начиная с 1975 года внебрачное сожительство набирает обороты: 445 680 пар (3,6% от общего количества) в 1975 году, 809 080 — в 1982-м (6,1%). Рождение «незаконных» детей возросло с 7% в 1970 году до 14% в 1982-м. В том же году отцы признали 50% внебрачных детей против 20% в 1970-м. Внебрачное сожительство наблюдается в основном в городах: в 1982 году в Парижском регионе вне брака живут 22,7% пар, а в сельской местности — 4,8%. Менее известные факты: распространение внебрачного сожительства не компенсировало снижение рождаемости и увеличение числа разводов, потому что в период с 1975 по 1982 год сокращается доля сожителей младше тридцати. Таким образом, падение рождаемости нельзя вменить в вину лишь конкуренции со стороны ювенильного сожительства. Начинается эпоха если не одиночек, то по крайней мере семьи с одним родителем, и следует упомянуть другие причины, главная среди которых — осознание того, как сложно долгосрочно поддерживать единство пары, с тех пор как западное общество смешало два плохо сочетаемых понятия: эфемерную любовь-страсть и родительские заботы. Как бы там ни было, в течение десяти лет зрела убежденность в том, что ювенильное

сожительство является хорошей подготовкой к такому испытанию, как брак: в 1968 году 17% молодоженов жили вместе до свадьбы, в 1977 году — 44%.

Хорошая подготовка к браку?

«Все так быстро меняется», — говорят в народе. Беглый взгляд на три опроса позволит нам соотнести недавнюю историю ювенильного сожительства и новое значение этого термина. С октября 1975 года по июнь 1976-го по инициативе Луи Русселя проводился опрос среди 2765 человек в возрасте от восемнадцати до двадцати девяти лет. 38% опрошенных одобряли сожительство, а среди молодых, живущих вместе на момент проведения опроса, таких 86%*. 70% оценивают брак как «прямое давление общества». Для них отношения в паре — дело частное, а не общественное. 15% родителей не в курсе того, что их сын или дочь с кем-то живет, но 70% регулярно принимают молодую пару у себя. Четверти молодых пар родители помогают финансово, в то же время 80% мужчин и 60% женщин работают. Половина опрошенных имеет общие доходы. 60% утверждают, что хотят вести жизнь, которая «скорее отличалась бы» от жизни родителей или «отличалась бы очень сильно»; 22% не испытывают никакой враждебности к родителям; 40% считают разногласия «реально существующими, но незначительными»; и лишь 25% настроены к родителям «очень враждебно». Половина опрошенных холостяков, живущих с родителями, «часто» или «очень часто» обсуждают с родителями «важные проблемы», мысли тех и других «обычно похожи», контроль со стороны родителей «слабый или отсутствует» для 75% из них. 30% опрошенных отрицают «совместное проживание», 45% говорят, что это их «не интересует». Данные опроса позволили Л. Русселю утверждать, что пара остается

* Вероятно, оставшиеся 14%, проживая совместно, стыдились этого. — *Примеч. ред.*

фундаментальной ценностью, потому что такая жизнь спасает от одиночества. Таким образом, внебрачное сожителство молодежи только с виду является нарушением табу, потому что оно сохраняет важнейшие ценности жизни в паре: взаимное уважение, доверие и привязанность, секс же стоит на втором плане: лишь один из пяти заявил, что определяющим элементом любви является сексуальная гармония. Из-за того, что парень или девушка сосредоточиваются на одном-единственном партнере, пресловутая сексуальная свобода парадоксальным образом сокращает период, который Руссель стыдливо называет «сексом без стабильности». «Как только этот немного смутный период юности проходит, все возвращается к традиционному порядку, — пишет он. — Да, молодежь ведет себя до свадьбы как никогда более „свободно“, но в конечном счете все заканчивается свадьбой <...>. Брак не ушел в небытие». Избегая стремительной женитьбы, молодежь предпочитает «пробный брак», на который в начале века возлагал большие надежды Леон Блюм.

Анкетирование, проведенное в мае — июне 1978 года по инициативе Катрин Гокальп среди 2730 человек в возрасте от 18 до 24 лет включительно, подтверждает выводы Русселя: 28% опрошенных живут с кем-то или жили раньше. Их больше среди детей высшего руководства или представителей свободных профессий (36%), меньше всего — среди детей сельскохозяйственных производителей (15%). Париж, как всегда, «впереди»: здесь сожительствуют 50% молодых людей против 14% в сельской местности. «Таким образом, речь идет не о некоем маргинальном феномене, но о стиле жизни, охватывающем все слои населения». Среди «сожительствующих» в два раза больше тех, кто полагает, что «общество следует изменить», чем конформистов (среди практикующих католиков состоят с кем-то во внебрачных отношениях всего 10%). В меньшей степени, чем социальный протест, сожителство выражает стремление молодых людей создать в дальнейшем

счастливую семью, давая себе время для размышления: скорее оно является «репетицией» брака, чем отказом от него. В восьми случаях из десяти сожитительство с будущим супругом было единственным опытом внебрачной совместной жизни. Процент сожитительства коррелирует с семейной моделью родителей: если родительский опыт был неудачным и мама с папой расстались, их дети чаще «репетируют» брак (предостерегая себя таким образом от неудачи), чем дети благополучных супругов (44% против 26%).

«Победить на всех фронтах»...

В этот сравнительно недавний период (1980), когда ювенильное сожитительство рассматривалось как подготовка к супружеству, то есть не шла речь о смене порядка вещей, основанном на любви, некоторые исследователи задумались об успехе этого нового ритуала. Для А. Бежена¹⁶ молодежное сожитительство — это попытка синтеза традиционного супружества, целями которого являются длительность, продолжение рода и передача наследства, и внесупружеской любви, в которой проявляется страсть, практикуется разнообразие и принимаются противозачаточные меры. Таким образом, здесь речь идет о «современном стремлении победить на всех фронтах, не упускать ни одну из возможностей». Сравнивая молодежное сожитительство с узаконенным ритуалом брака и с терпимо воспринимаемыми «проказами» мужей (но не жен) тот же автор отмечает несколько специфических элементов новой формы отношений: 1) сожитительство молодых людей — более длительное, чем вчерашние «связи», однако оно не рассматривается как нечто определенное; 2) оно частично признается обществом; 3) как и вчерашний брак, оно защищает от одиночества и скуки, однако сексуальная гармония, факультативная в браке, в данном случае обязательна, в противном случае, выражаясь вульгарно, можно уйти «на сторону»; 4) старинные «роли» жены и мужа отброшены во имя принципа равенства: либо оба должны хранить

верность друг другу, либо «физические измены» допустимы для обоих, при условии что дело не доходит до любви и что эти измены не хранятся в тайне; речь, таким образом, идет о размывании границ тайны. Говорить следует абсолютно обо всем, не только об изменах, но и об эротических фантазиях, пусть они и не заходят дальше мастурбации. «Тяжелая задача, — отмечает А. Бежен, — быть для человека, с которым идешь по жизни, одновременно любовником, супругом, другом, отцом или матерью, братом или сестрой, доверенным лицом и исповедником». Возможно ли вынести полное отсутствие тайны? Традиционный брак предполагал как само собой разумеющееся наличие тем, на которые не говорят. В прежние времена супруг отправлялся в клуб. Жена не задавала ему вопросов, а возможно, вообще не брала это в голову. Не является ли утопией прозрачность межличностных отношений? Не является ли в конечном счете тайна непременным условием того, чтобы уберечь каждого из супругов от банального, ожидаемого, но трагического открытия, что партнер — это другой человек? Короче говоря, не являются ли все эти искушения и соблазны монистической ностальгией по гермафродитизму? «Все происходит так, — пишет А. Бежен, — как если бы эти подростки, стремящиеся к „равным“ отношениям со своим партнером противоположного пола, хотели одновременно и найти другого, и найти себя в нем. Равные, они находят свое отражение в альтер эго и видят в этом отражении возможность создать андрогина — совершенную, самодостаточную, стабильную фигуру, свободную от необходимости продолжать род».

...или отказаться от брака?

Тщательное изучение результатов переписи населения 1982 года и социологических опросов, проводившихся одновременно с ней или позже, свидетельствует против тезиса о том, что ювенильное сожителство — не что иное, как отложенный брак. В 1982 году 800 000 пар живут в незарегистрированном браке,

их доля примерно равна во всех социопрофессиональных группах, за исключением сельских жителей. 456 000 пар, в которых мужчине меньше тридцати пяти лет, — это свободные союзы в 1982 году, в 1975-м таких пар было 165 000. За период, прошедший между двумя переписями населения, количество пар, живущих без регистрации отношений, в которых мужчина не достиг тридцати пяти лет, увеличилось вчетверо. Эти молодые сожители в основном горожане: в Парижском регионе одна из пяти пар живет в незарегистрированном браке. В самом Париже более половины молодых пар без детей не женаты. Во многих случаях сожителство следует за расторгнутым браком: после неудачного опыта люди не спешат регистрировать новые отношения. В 1982 году в 280 000 незарегистрированных пар хотя бы один из партнеров уже когда-то состоял в браке. Ежегодное количество заключаемых браков уменьшается: в 1965 году — 346 308, 416 532 — в 1972-м (это был год с самой высокой рождаемостью), 387 379 — в 1975-м, 334 377 — в 1980-м, 285 000 — в 1984 году. Новое явление: многие пары теперь заводят детей, не зарегистрировав брак. В 1982 году 133 400 детей рождаются у незамужних матерей. Более половины этих детей, признанные своими отцами, родились по желанию родителей, а не в результате неосторожности. Появление ребенка теперь не влечет за собой заключение брака. Ювенильное сожителство переходит в свободный союз. В 1982 году 56% находят сожителство «нормальным» явлением, тогда как в 1976-м так полагали 37%, а 70% незарегистрированных пар говорят, что никогда не испытывали трудностей и проблем в связи со своим статусом.

Стоит ли полагать, что закат брака в такой стране, как наша, — это лишь мода и за эфемерными увлечениями люди скрывают свой консерватизм? Мы так не думаем, потому что это результат структурных изменений в производстве. В прежнем обществе — и это верно как для принца, так и для крестьянина, ремесленника или мелкого коммерсанта, — брак держался на эксплуатации семейного достояния, большого

или маленького, потому что именно оно предоставляло занятость. Все меняется в связи с приходом наемного труда мужчин и в особенности женщин; с развитием социальной защиты, которая боится от рисков непреодолимой силы, что раньше в той или иной мере покрывалось семьей; с «распространением современных методов контрацепции, которые дают женщинам возможность держать под контролем рождаемость, тогда как великая мальтузианская революция, произошедшая во Франции в XIX веке, базировалась на инициативе мужчин»¹⁷. Несмотря на то что свободный союз приобретает небывалый размах, который кажется нам необратимым, он постепенно сближается с браком. Государство и церковь больше не вмешиваются в наши сердечные дела, но сожители, мотивируемые приватистскими импульсами, не хотят лишаться социальной защиты, поэтому они взывают к государству. Эта тенденция к *приватизации* жизни приводит не к революции нравов, но к редактированию законодательства, которое в очередной раз призвано ратифицировать уже произошедшие изменения в ментальности. В области права статусы сожителей и супругов, внебрачных детей и рожденных в браке сближаются. Отметим сходства и различия. Сожители имеют право на социальную защиту; их дети имеют те же права, что и рожденные в браке (закон от 2 января 1972 года); они не несут ответственности за долги друг друга; мать-одиночка имеет родительскую власть, даже если отец признал ребенка; в некоторых яслях внебрачный ребенок имеет приоритет. Однако если союз прекращает существование (в связи со смертью одного из партнеров или разделением пары) нет ни компенсаций, ни пособий; не предполагается раздел имущества, нажитого при совместной жизни; в случае смерти одного из партнеров второй не имеет права на пенсию вдове или вдовцу; также он не имеет права на наследование имущества покойного. Чрезмерные с точки зрения одних, недостаточные по мнению других — угрожают ли права сожителей институту брака?

СПОРЫ ВОКРУГ БРАКА
И ДИФИРАМБЫ СОЖИТЕЛЬСТВУ

В докладе, претендующем на сенсационность, Социальный и экономический совет разоблачает противоречивое законодательство, призванное заботиться о супругах, но поддерживающее живущих вне брака¹⁸. Констатируя спад числа браков, рост разводов, снижение количества повторных браков, повышение доли внебрачных детей, авторы доклада утверждают, что «комплекс текстов и мер, принятых в ходе последних лет, привел к тому, что институт брака не очень-то защищен. Такое положение связано с тем, что отдельные лица одновременно могут пользоваться налоговыми льготами, установленными для холостяков и разведенных, а сожительствующие вне брака — социальными льготами, предусмотренными для женатых людей». С точки зрения докладчика, Эвелин Сьюльо, парадокс заключается в том, что законодатели устанавливают правила для людей, которые своим отказом от брака намерены уклониться от выполнения этих правил. Она напоминает слова Бонапарта: «Раз сожители обходятся без закона, закон теряет интерес к ним». Если в 1950-е годы «матери-одиночки» работали прислугой, подсобными рабочими или трудились в сельском хозяйстве, то сегодняшние «матери-холостячки» имеют уровень образования выше среднего, живут в больших городах и принадлежат к «авангарду», «модель образа жизни» которого распространяется сверху вниз. Докладчицу возмущает, что новые законы, появившиеся в период с 1965 по 1982 год, «забыли о святости брака, уважении к патриархальной иерархии, к институту семьи, о силе закона в сфере преемственности и наследования имущества, а также о священной личной ответственности». Действительно, теперь человек после смерти сожителя может продолжать жить в съёмном жилье, если он проживал там не менее шести месяцев; купля-продажа между сожителями является законной, в то время как

между супругами — нет; сожитель может получать страховку по болезни, семейные и материнские пособия, пособия, выплачиваемые семье погибшего военнослужащего, — для этого достаточно лишь оформить сертификат о совместном проживании. Известен даже такой случай: в Рьоме в 1978 году суд делил страховку после смерти одного мужчины от несчастного случая между его законной женой и сожительницей. В докладе обличается парадоксальность законности развода по взаимному согласию (закон 1975 года) и закрепления права опеки и законного представительства ребенка лишь за одним из супругов, в 90% за женой. По закону 1970 года родительские права на ребенка, рожденного вне брака, принадлежали тому из родителей, кто его признал, а в случае двойного признания — тому, кто это сделал первым; по новому закону, вне зависимости от порядка признания ребенка родителями, приоритет принадлежит матери — таким образом, ребенок перестает быть «собственностью отца» и становится «собственностью матери»; это происходит на фоне разговоров о равенстве полов и побуждении отца, который может воспользоваться правом на декретный отпуск, заняться воспитанием ребенка и домашним хозяйством. Считая скандальным тот факт, что два малообеспеченных супруга платят подоходный налог, а два столь же малообеспеченных сожителя не платят, докладчица задается вопросом: о какой семье можно говорить, если мы имеем дело то с парой сожителей, имеющих нотариально заверенный документ о совместном проживании, то с разведенными супругами с детьми или без, то с разведенными сожителями, то с разными вариантами молодежных пар: теми, кто делит жилье и живет вместе лишь пару дней в неделю, или теми, кто прекрасно чувствует себя в доме у родителей одного или другого партнера? Помимо всего прочего, было бы заблуждением полагать, что сожителям расстаться проще, чем супругам, — алчные хищники вездесущи. Это прекрасно известно нотариусам, которых осаждают те, кто требует

свою долю квартиры, мебели, автомобиля. Все, что нотариус может предложить, это составить контракт с перечислением имущества, приобретенного каждым на собственные средства. Во имя справедливости и добродетели докладчица с волнением и тревогой задается вопросом, не перенимает ли Франция «шведскую модель», где 40% браков заканчиваются разводами и где 40% детей рождаются вне брака.

В то же время есть и слабое утешение. По мнению Луи Русселя, развод может повлечь за собой увеличение рождаемости: заведя двоих детей в своей законной семье, человек может захотеть завести третьего с новым партнером. Имущество женатых пар, даже если их союз непрочен, как никогда общее: 70% супругов имеют общий банковский счет, и 80% французов намереваются написать завещание в пользу супруга.

ВЫБОР ПАРТНЕРА

Мы не будем повторять здесь тезисы Алена Жирара и Луи Русселя, которые справедливо доказывают, что выбор супруга эндогамен: люди женятся на представителях своего круга. Это же относится и к внебрачному сожителю, как молодежному, так и нет. Почитаем брачные объявления в ежемесячном журнале *Le Chasseur français*, созданном в 1885 году. В 1939 году его тираж составлял 400 000 экземпляров, в 1970-м — 850 000, после чего начался спад. Его аудитория первоначально состояла из крестьян и мелкой провинциальной буржуазии, но начиная с 1950-х годов его стали читать и средние слои населения крупных городов. В 1903 году в этом журнале, предназначенном для семейного чтения, в разделе частных объявлений появилась рубрика «Брачные объявления». В среднем в 1903 году ежемесячно подавалось 10 таких объявлений, в 1922-м — 67, в 1930-м — 444, в 1977 году — 1000. Брачные объявления быстро опередили по популярности все остальные. М. Мартен сравнил

объявления 1930 и 1977 годов, обращая внимание только на то, «как автор представлялся и описывал себя». В 1930 году мужчины, подававшие объявления, были в основном колониальными чиновниками и военными, женщины — почтовыми служащими и учительницами. Речь шла об экономическом союзе, потому что и мужчины, и женщины уточняли, какую сумму денег они могли бы или желали бы вложить в будущую семью. Они говорят о том, что имеют сами и на что «рассчитывают». «Пятнадцать лет инфляции и кризиса франка, — пишет М. Мартен, — не поколебали склонности мелкого или среднего буржуа к сбережениям. Девальвация еще не вошла людям в головы». В 1977 году имущество почти не упоминается: об экономическом положении говорит теперь профессия. Женщины часто являются представительницами свободных профессий, секретарями, медсестрами; мужчины — руководящими работниками, инженерами, техниками. В 1930 году развод вызывал сильнейшее недоверие, поэтому разведенные женщины указывали, что развод был «в их пользу», то есть состоялся по вине бывшего супруга, и они, таким образом, «ни в чем не виноваты». В 1977 году женщины просто указывают, что они разведены, «не вдаваясь в подробности и не стесняясь». О «традициях», «почтенности», принадлежности к католической церкви больше не говорится. Упоминаются детали внешности: теперь не только женщины, но и мужчины указывают цвет глаз, вес, особенности телосложения; и те и другие заявляют о любви к спорту. Женщина, подававшая объявление в 1930 году, была «сердечной, сентиментальной, серьезной домоседкой». В 1977 году она «нежна, мила, умеет принимать гостей»; она больше не поет, но «музицирует», интересуется «литературой и искусством». «За пятьдесят лет примером женственности перестала быть Золушка (вероятно, из-за распространения бытовой техники), женщина становится музой или топ-моделью» (М. Мартен). Неизменным остается следующее: принадлежность к другой национальности и тем более расе

является негативной информацией, вплоть до того, что некоторые объявления заканчиваются так: «желательно не иностранец (иностранка)».

Использование брачных объявлений способствует географической мобильности, слабой во Франции, что отдаляет индивида от «привычной среды», где он мог бы найти себе спутника жизни. В 1980-х годах благодаря автомобилизации населения снова появились браки с дальними родственниками. В поисках своих корней человек завязывает отношения с боковыми ветвями генеалогического древа, представителей которых предыдущие поколения потеряли из виду. Практикуются, как говорили в прежние времена, «перекрестные браки». Они могут стать реальностью нашего времени. Горожанин, попавший в крестьянскую семью в результате женитьбы, может с удивлением обнаружить, что обряд «шаривари» в некоторых местностях продолжает существовать: когда праздник заканчивается, гости преследуют молодых, вплоть до того, что могут ворваться к ним в спальню на заре и испортить таким образом таинство первой (?) брачной ночи.

ЛЮБОВЬ В БРАКЕ

Любовь в браке — новый концепт

В мае 1985 года в Раджастане, одном из индийских штатов, широко отпраздновали сорок тысяч браков, заключенных между детьми. Там полагают, что любовь — явление слишком ненадежное, чтобы быть основой брака. Развод в сельских регионах не поощряют, так что предполагается, что эти браки просуществуют всю жизнь супругов. Сегодня во Франции браки — это союзы, основанные на любви. Лишь в западном обществе идут на такой риск. Брак на основе любви, таким образом, оказывается ограниченным географически. В историческом плане это новая идея. Филипп Арьес продемонстрировал, что брак, в котором мужчина может развестись с женой и жениться

повторно, — это самая распространенная модель в пространстве и во времени. Моногамный нерасторжимый брак, в его глазах, — «важнейший факт истории сексуальности на Западе». До X века у знати брак, договор между двумя семьями, был частным светским актом, в который церковь не вмешивалась. Если женщина не беременела, ее объявляли бесплодной и отправляли к родне или в монастырь, «пристройку к замку, в которой глава семьи держал девушек и вдов». Церковь относилась к браку двояко: с одной стороны, апеллировала к святому Иерониму и рассматривала брак как нечто вульгарное, почти животное, чем ей не следует заниматься, с другой стороны, по заветам апостола Павла, склонялась к мысли, что «лучше жениться, чем гореть»¹⁹. Лишь в XIII веке посредством закона о запрете инцеста церковь начинает контролировать брак и навязывает идею *стабильности* (лат. *stabilitas*), которую знать не одобряла. Сельские же общины, согласно Полю Вейну, с конца галлороманской эпохи приняли ее. После Тридентского собора брак, ставший таинством, празднуется у дверей церкви, позже, в XVII веке, — перед алтарем. Переход полномочий в этом вопросе от церкви к светскому государству во времена Французской революции поддерживает принцип нерасторжимости брака, несмотря на то что на короткий срок впервые стал разрешен развод. Безусловно, в контракте, согласно которому соединяются два больших состояния или, наоборот, две нищеты, речь о любви не идет. Если же любовь вдруг возникает, это счастливое совпадение, но эротические фантазии пары не должны приводить к практике прерванного полового акта, который осуждается религиозной этикой и приравнивается к детоубийству. Герцог Сен-Симон, например, женившийся по расчету, «без колебаний говорит о своей любви к жене и даже просит в завещании сковать железной цепью их гробы, чтобы супруги были едины и в смерти» (Ф. Арьес). В ту эпоху супружескую любовь следовало хранить в тайне, до такой степени она противоречила правилам приличия. Супружеская любовь

была одной из секретных сфер старого общества. И так продолжалось до начала XX века. Подписав брачный контракт в присутствии нотариуса, который часто выступал инициатором брака, считалось непристойным и даже смешным выказывать друг к другу слишком пылкие чувства. В работе «О браке», написанной в 1907 году, Леон Блюм шокирует читателей, побуждая будущих супругов набираться любовного опыта с представителями своего круга. Лирически настроенный автор пишет: «На скрипке не играют, не научившись как следует <...>. Нельзя получить удовольствия от женщины, не научившись этого делать!» И добавляет: «Когда обеим сторонам будет разрешено приобретать соответствующий опыт, когда оба будущих супруга поймут причины своего выбора, лишь тогда они в полной мере осознают прелесть совместной жизни». Леон Блюм за три четверти века до появления сожительства молодежи высказался в его пользу. Аббат Гримо в своей книге «Будущие супруги», написанной в 1920 году и получившей премию Французской академии, более соответствует духу своего времени и советует мужчинам избегать как интеллектуалок и работающих женщин, так и проституток.

Супружеские секреты

Если раньше держали в тайне возможную супружескую страсть, то не скрывают ли сегодня супруги, прожившие вместе много лет в связи с увеличением продолжительности жизни, ее угасания и даже охлаждения друг к другу? Если существуют тайны, которые супруги-заговорщики бережно хранят сообща, что же известно о том, что они скрывают друг от друга? Конечно, речь не идет ни о чем таком, что бы противоречило современной тенденции к полнейшей прозрачности межличностных отношений. В прежние времена умели приспособливаться к сущностной загадке другого, при условии что он выполняет свои социально-семейные функции. Вот невыдуманная история: один пожилой господин накануне золотой свадьбы спрашивает у невестки

(«дополнительного члена семьи»): «Что бы мне подарить вашей свекрови? Я совершенно не знаю ее вкусов». Что объединяет супругов, один из которых живет прошлым, а другой смотрит в будущее? Что происходит в супружеской постели, когда детей уже больше не рожают? Приходит ли на смену страсти и фантазиям привычка, дружба, тишина? Когда люди начинают спать в разных кроватях, в отдельных комнатах? Как с возрастом функционирует механизм памяти о жизни вместе? То, что у одного из супругов осталось в памяти как важнейший момент жизни, другой совершенно забыл. Даже письма, фотографии, фильмы, являющиеся, как считается, «объективными свидетельствами», вызывают разные воспоминания. Супруги, прожившие вместе не одно десятилетие, не делают каких-то замечаний и не задают определенных вопросов, осторожно откладывая их «на потом». Причем речь здесь идет не о таких вещах, как признание в измене (физической или эмоциональной), но о гораздо более приземленных — например, раздражении, вызываемом храпом партнера, его жестикуляцией или одной и той же без конца рассказываемой — и, следовательно, не раз выслушанной — историей. Прошлое — но прошлое забытое — присутствует в любой момент жизни, однако каждый из старых супругов описал бы их совместную жизнь по-своему, и это были бы разные описания. Поэтому механизм возникновения или исчезновения желания остается скрытым завесой тайны.

Примат «я» над «мы»

Приспосабливаются ли пары к этой приблизительной «прозрачности»? Проведенные опросы дают нам об этом некоторую информацию, к которой следует относиться с осторожностью, потому что, когда начинают копаться в семейных тайнах, ответы не всегда соответствуют правде. Из результатов опроса, проведенного в 1969 году (следовательно, после «событий*»),

* Имются в виду события 1968 года во Франции.

мы узнаем, что 41% женщин желают иметь «хорошего мужа», 20% хотят «гармонии в семье» и лишь 22% говорят, что ждут супружеской любви, хотя за «большую любовь» высказываются 44%. Где они найдут эту большую любовь? Выводы А. Жира-ра и Ж. Штетцеля²⁰ более жизнеутверждающи. Поддерживая контрацепцию, французы тем не менее полагают, что, чтобы женщина расцвела, ей нужны дети. Успех брака, по мнению опрошенных, заключается в сексуальной гармонии (70% ответов), взаимной верности (73%), уважении друг к другу (86%), взаимопонимании (73%). «Подводя итоги, — заключают эти авторы, — скажем, что семья — это место расслабления, досуга и счастья. Здесь люди испытывают чувство безопасности (66%), расслабления (61%), счастья (57%). Степень удовлетворенности от жизни у себя дома составляет 7,66 по 10-балльной шкале. Семья представляется убежищем от агрессивности современного внешнего мира».

Позволим себе не быть столь оптимистичными. «Машина желания» не отвечает анкетерам. Во «вчерашнем» браке для удовлетворения жажды перемен мужчина шел к проституткам. Сегодня же, хотя проституция процветает — очень даже процветает, — «приключения» в своем собственном кругу могут преобразоваться в «связи», причем эти «связи» могут завязывать как мужчины, так и женщины. Как только брак перестал основываться на общности двух капиталов и на общей профессиональной деятельности (булочник у печи, булочница за кассой), в его основе оказались чувства. Можно в течение всей своей жизни заниматься коммерцией, но нельзя гарантировать постоянство желания. Страх одиночества, убежденность в том, что после периода влюбленности наступят те же монотонные будни, цементируют супружескую неудовлетворенность, которая, как кажется, совершенно не интересует исследователей. В действительности правила, на которых люди строят свою супружескую жизнь, чрезвычайно разнообразны. Ф. де Сенгли очень точно отмечает, что к семье можно применить следующее

определение социализации: «Форма, реализующаяся в самых разных видах, в которой индивиды составляют единство на основе общих интересов или идеалов, постоянно существующих или преходящих, осознанных или неосознанных, в лоне которой эти интересы реализуются» (Г. Зиммель). Современные исследования (1985), безусловно проводившиеся в социально благополучной среде, показывают, что индивид все больше и больше заботится о собственном расцвете и свободе в ущерб «принуждениям, ограничениям, проблемам и жертвам, которые являются условием долгосрочных многофункциональных отношений» (Ф. де Сенгли). Этот примат «я» над «мы», обещающий супружескую верность и продолжительность отношений и возвеличивающий реализацию собственного потенциала, по-новому позиционирует супружество. Речь теперь идет не о том, чтобы «устроить» свою жизнь, но о том, чтобы прожить ее, зная, что супруг — свободный человек, который в любой момент может потребовать уважения к своей инаковости. Супружество, таким образом, становится зоной неуверенности, нестабильности, как война в представлении Клаузевица. Может быть, начинается новая, «многоуровневая» эра брака? Первая фаза — физическая любовь, верность, продолжение рода; за ней следует фаза обоюдной свободы с периодическим возвратом к сексу, переходящая в дружбу и взаимопонимание с полуслова — в это время супруги стареют вместе и делятся друг с другом воспоминаниями. Если только вездесущее иудео-христианское коллективное бессознательное не будет способствовать поддержанию старого порядка.

РАЗВОД — ДЕЛО ВЕСЕЛОЕ?

При Старом режиме разводов не было, каноническое право допускало лишь аннулирование брака, что, впрочем, случилось довольно часто. Закон от 20 сентября 1792 года щедро

даровал право на развод: разрешалось разводиться не только по взаимному согласию, но и по заявлению одного из супругов о несовместимости характеров. Гражданский кодекс отменяет эти две причины развода, а закон от 8 мая 1816 года вновь запрещает развод. Слово «революция», таким образом, следует понимать и в его астрономическом значении! Закон от 27 июля 1884 года (так называемый закон Наке) вновь разрешил развод, но с большими ограничениями, потому что в основе его лежал принцип «развода-санкции», согласно которому он допускается только в случае доказанной вины одного из супругов. Доказанная измена или осуждение одного из супругов по тяжелой или бесчестящей статье — это поводы для безоговорочного развода. Невоздержанность, грубое обращение, оскорбления оставляются на усмотрение судьи. Закон от 11 июня 1975 года подтверждает развод в случае вины одного из супругов и разрешает развод по взаимному согласию (либо по взаимному заявлению супругов, либо по заявлению одного из них с согласия другого) и развод для прекращения совместной жизни (при фактическом раздельном проживании в течение минимум шести лет или помутнении рассудка одного из супругов в течение того же срока). Учреждается должность судьи по разводам, который получает эксклюзивное право «объявлять развод по взаимному согласию» (статья 247 Гражданского кодекса) и назначать сумму компенсации (она заменяет собой алименты) в целях установления финансового равновесия в зависимости от предполагаемых изменений имущественного положения каждого из супругов. Нелегкая задача для судьи!

Развод становится повседневным явлением...

В 1960 году было 30 000 разводов, в 1984-м — более 100 000. Меньше чем за двадцать пять лет их количество утроилось, брак становится все короче. Развод стал обычным делом и является теперь нормой супружеской жизни. Уровень разводов для

тех, кто родился в 1975 году, оценивают в 21%. В сегодняшней Швеции 40% браков оканчиваются разводами, и нередко можно услышать такую фразу: «Мой последний брак был удачный, он продлился семь лет». Можно сказать, что закон от 1975 года не играет никакой роли в росте числа разводов. В очередной раз законодатель просто констатирует изменения в обществе: закон ратифицировал эволюцию, а не предупредил ее. Когда пропадает желание и любовь затухает, развод разоблачает тайну этой двойной утраты иллюзий. Еще вчера супруги оставались вместе «для вида», «ради детей». Сегодня, когда в супружеской постели разворачиваются события третьего акта, бой, последовавший за счастливыми временами проказ и споров, они выбирают развод. Две трети бракоразводных процессов инициируются женщинами, как правило, моложе тридцати лет. В равной мере они представляют такие группы населения, как обслуживающий персонал, служащие и работающие женщины из благополучной социальной среды.

...но не поддается контролю

Можно ли взять бракоразводный процесс под контроль и избежать «гражданской войны» между супругами? Уверенности в этом нет. Проще всего процедура развода «по взаимному согласию» работает, если разводится пара без детей, состоящая в браке два-три года, не успевшая обзавестись значительным общим имуществом. Если же есть дети и имущество, чтобы процесс развода не затянулся, обе стороны должны прийти к соглашению об опеке над детьми и разделе имущества. Приняв решение развестись, супруги приходят к адвокату, и тут разгорается конфликт по поводу детей (сфера чувств) и раздела имущества (деньги). Женщины требуют себе таких же прав, как мужчины? Мужчины соглашаются, при условии что и обязанности и привилегии будут равными, в частности опека над детьми. Что касается денежных компенсаций, многие женщины соглашаются на традиционные алименты. Но будут

ли они выплачиваться? По сведениям Министерства прав женщины, в 40% случаев алименты выплачиваются нерегулярно или вообще не выплачиваются. Начинаются сложные процедуры (удержания из заработной платы, взимание публичных налогов). Эти меры, согласно докладу Сьюльо, малоэффективны в связи с «организованной неплатежеспособностью». Несмотря на то что развод больше не окрашен в цвета стыда, тем не менее он продолжает восприниматься как неудача. Это старое иудео-христианское наследие, от которого сумели освободиться скандинавы.

Если развод остается «испытанием», то не является ли испытанием, только более долгим, и брак? По некоторым признакам кажется, что так оно и есть, потому что разведенные супруги все реже вступают в повторный брак, что является новшеством. В докладе Сьюльо с горечью отмечается «разочарование в браке». Согласно этому докладу, доля женщин всех возрастов, вступивших в повторный брак, в 1970 году составляла 57,1%, а в 1978 году — 49,7% и «значительно снизилась за последние четыре года, для которых еще нет точных статистических данных». В 1960–1970-х годах в повторный брак вступали более 80% разведенных моложе тридцати лет, как правило, менее чем через два с половиной года после развода. Жизнь в разводе для молодежи «является, таким образом, лишь промежуточным и быстро проходящим этапом между двумя браками, а статус разведенного — редкостью» (там же). Это наводит на мысль, что некое третье лицо, существование которого держалось в тайне, уже фигурировало в жизни одного из супругов, и именно это третье лицо было причиной развода. Фривольная литература, в которой блистал, например, Жорж Фейдо, долгое время базировалась на этом сюжете. Сегодня разводов больше, а повторных браков меньше. В 1982 году насчитывалось 847 000 семей с одним родителем, из которых 123 000 были отцами-одиночками и 724 000 — ма-терями-одиночками. Среди этих последних растет количество

разведенных женщин и уменьшается доля вдов. Надо полагать, вдовы редко радуются своему положению, но гипотезу о том, что значительная доля разведенных женщин счастлива, исключать не стоит.

ЖЕНЩИНА В ПАРЕ: ЗАКАТ ГЛАВЕНСТВА МУЖЧИН?

Мы позаимствовали этот вопрос у доктора Пьера Симона. Стало больше женщин, играющих роли, которые принято считать мужскими: теперь среди женщин много инженеров (конечно, их больше в научно-исследовательских институтах, чем на стройках или во главе производственных цехов), они занимаются естественными и точными науками в «высших» школах, а также, что особенно горько и труднопереносимо для мужчин, начинают играть ведущую роль в сексе, — все это несомненные факты. Более того, девушки — или, лучше сказать, молодые незамужние женщины — те, что в юности не вышли замуж за свою первую «настоящую любовь», отказываются от брака или откладывают его, сознавая, что любовь со временем проходит (многие из их подруг, вышедшие замуж в юности, уже развелись), а также что материнство может повредить карьере.

Будет ли муж по-прежнему эксплуатировать труд супруги?

Количественные исследования домашнего труда во Франции, проведенные в 1981 году, оценивают его следующим образом: 53 миллиарда часов посвящаются *бесплатной* домашней работе, тогда как 39,5 миллиарда отдаются «производительному» труду, то есть оплачиваемому. Между тем всем известно, что бесплатным домашним трудом занимаются в основном женщины: в рабочей среде мужчины ежедневно уделяют ему 96 минут, в то время как их неработающие жены — 483 минуты. Домашний труд не слишком вдохновляет — это видно из результатов переписи населения 1982 года, когда впервые число

пар, где работают двое, превышает количество тех, где работает лишь муж. Добавим к этому, что старение населения и снижение пенсионного возраста увеличивают количество пар, где оба супруга не работают, и что — вследствие того, что жены, как правило, моложе мужей, — появляются пары, состоящие из мужа-пенсионера и работающей жены.

Это желание женщин быть «активными», тогда как ожидаемая должность отнюдь не всегда приносит удовлетворение, встречается во всех социoproфессиональных категориях. Речь, таким образом, идет о месте женщины в социальных структурах — в частности, в производственной сфере, что можно несколько старомодно назвать «культурной революцией». Понять ситуацию поможет беглый пространственно-временной обзор. По данным Amnesty International, в некоторых средиземноморских странах братья убивают своих беременных незамужних сестер, чтобы «спасти честь семьи», — и это происходит в 1980-е годы! «Кодекс чести» не зависит от религиозной принадлежности: подобная практика встречается и среди мусульман, и среди иудеев, и среди христиан, что наводит на мысль о зарождении этого кодекса до появления монотеизма и что он продолжает жить именно благодаря консервативно настроенным женщинам, даже если сами они являются его жертвами.

«Брак — это способ домашнего производства, при котором целая категория населения — замужние женщины — принуждается работать бесплатно. Брачный контракт — это особая форма трудового соглашения, в котором муж в скрытой форме имеет право на эксплуатацию труда своей жены»²¹.

Социализация девочек

Актуальны ли эти утверждения для французского общества 1980-х годов? Не будем повторять, что в первые недели после зачатия все эмбрионы имеют женский пол. Посмотрим, что происходит позже. Совпадающие выводы исследований французских и американских ученых собраны в обличительной

книге Елены Джанини Белотти, основные положения которой мы здесь напомним²². Все матери без колебаний дают грудь мальчикам, но ведут себя гораздо сдержаннее, когда речь идет о кормлении грудью девочек. Девочек отнимают от груди в три месяца, мальчиков — в пять. Мальчиков дольше кормят грудью, а девочек раньше начинают приучать к опрятности. Мать снисходительно относится к наготы сына и побуждает девочку быть стыдливой. То, что в поведении девочки считается «капризом», у мальчика полагается проявлением мужественности, агрессивность считается обнадеживающим признаком: значит, когда вырастет, он сможет не только защищаться, но и нападать. Девочка должна «хорошо вести себя», не кричать, употреблять «хорошие слова», быть послушной, отвлекаться от игры и приносить то, что ее просят, вести себя «как мама» по отношению к слабым и маленьким, иначе ее будут считать «плохой». Даже в индустриальных обществах, так называемых развитых, большинство хочет, чтобы родился мальчик, продолжатель рода: если первый ребенок в семье девочка, второй должен быть обязательно мальчиком. Елена Джанини Белотти заканчивает свои обличения в боевом духе: «Бесперывное сравнение с мальчиками, пользующимися привилегиями, в которых девочкам отказано, лишает их самоуважения, которое, однако, необходимо, чтобы они могли самореализоваться и вести собственную борьбу». Напомним, что задолго до Белотти Юнг, расходясь в этом вопросе с Фрейдом, подчеркивал, что репрессии противопоставляют мужчин и женщин. Констатируя, что идеал мужчины — это мужественность (физическая сила, энергичность, самообладание и пр.) и что общество не допускает для мужчин «женских» чувств, он делает вывод, что по контрасту с этим идеальным образом каждый мужчина имеет женскую душу, которая держится в тайне. Женщины же, подавляющие в себе мужские черты своего существа, имеют мужское подсознание. Если это последнее — *анимус*, но не *анима* — преодолет социальную

цензуру, это будет проявляться в мужских чертах личности женщины: логическом мышлении, стремлении оставлять за собой последнее слово, и т. д. Такую женщину будут охотно называть «мужеподобной» или «мегерой» — определениями, у которых нет мужского рода.

Игрушки в массе своей способствуют разделению полов. Женщина, проводившая опрос, отправилась по магазинам игрушек, где всякий раз просила игрушку для ребенка трех лет. «Для мальчика или для девочки?» — сразу же уточняли продавцы. Беспокоясь, что мальчик слишком интересуется куклами сестры, родители стараются переключить его внимание на более агрессивные, состязательные игрушки. Анализ 144 книг, предназначенных для детей младшего школьного возраста, проведенный американскими учеными, показал, что во всех текстах, где речь идет о мамах, они всегда работают (если работают) машинистками, медсестрами, школьными учительницами, то есть у них традиционно женские профессии. Французское исследование детских книг обнаружило, что в группах детей «главный» — всегда мальчик. В дошкольных детских учреждениях воспитание всегда «материнское», а не «отцовское»²³. Воспитатели там почти всегда женщины, утверждающие, что выбрали профессию «по призванию» или даже «из духа жертвенности». Белотти отмечает в вышеназванной работе: «Дух жертвенности — вещь подозрительная. Непонятно, почему психически здоровый человек вдруг должен приносить себя в жертву, вместо того чтобы наслаждаться жизнью». Воспитательницы детских садов имеют тенденцию подчеркивать разницу полов детей: они поощряют «примерное поведение» девочек, поручая им наводить порядок в группе и освобождая от этих занятий мальчиков. Похоже, женщины, в которых превращаются те девочки, спокойно относятся к детсадовской половой сегрегации, потому что недавно проведенные опросы показывают, что замужние женщины имеют очень доверительные отношения со своими матерями (к несчастью, о том, что

за секреты они друг другу доверяют, нам ничего не известно) и что супружеская пара чаще встречается с родителями жены, чем с родителями мужа.

Медленное социальное продвижение женщины...

Желание ликвидировать неравенство возможностей мужчины и женщины существовало давно, но искренность тех, кто его высказывает, остается под вопросом, причем это касается как мужчин, так и женщин. Кажется, слово «феминизм» придумал Фурье, а в 1832 году сенсимонисты создали первый женский журнал *La Femme libre*. Но если в Соединенных Штатах эмансипация женщин была связана с освобождением рабов, то во французских народных кругах и мужчины, и женщины, все бывшие резервом Капитала, оспаривали друг у друга рабочие места, которых на протяжении десятилетий было меньше, чем желающих работать.

Этим объясняется достаточно медленное движение женщин к *статусному* положению, отмеченному печатью социальной респектабельности (возможностью принимать решения и культурным багажом). Вот несколько цифр и дат, которые продемонстрируют медленность процесса: в 1920 году женщины получили право объединяться в профсоюзы без согласия мужей, их заработная плата составляла в то время менее 31% от заработков мужчин; в 1921 году насчитывалось 300 женщин-врачей, в 1929-м — 519; в 1914 году было 12 женщин-адвокатов, в 1928-м — 96; в 1930 году было всего 7 женщин — преподавателей в университетах; в 1936 году заработная плата женщин зафиксирована на уровне 85% от зарплаты мужчин, однако начиная с 1927 года в начальной и средней школе зарплаты при одинаковом стаже и виде выполняемой работы сравнивались. И лишь после II Мировой войны женщины смогли занимать должности и социальные позиции, ранее монополизированные мужчинами. И до сих пор отношение к ним отмечено сексизмом, о чем свидетельствует снисходительность,

с которой журналисты описывают их внешность. В трех газетах разной политической направленности рассказ о трех женщинах-политиках начинается с описания их внешних данных и семейной жизни. Флоранс д'Аркур — «высокая стройная блондинка и прежде всего мать семейства» (Jour de France, декабрь 1973 года). Анна-Мария Дюпюи, директор (не директриса) кабинета генерального секретариата президентской администрации Французской Республики, которая только что вошла в состав Государственного совета, «любит морские прогулки и лыжи. Это улыбчивая кареглазая шатенка с нежным цветом лица, со строгой прической, всегда одетая в классические костюмы или платья неярких цветов» (France-Soir, 11 января 1974 года). Мари-Франс Гаро «буквально пышет дружелюбием <...>. Однако стоит обратить внимание на ее шею. Именно она, мощная и подвижная, выдает воинственную Валькирию, рвущуюся в бой. Кто эта элегантная дама? Попросту говоря, амбициозная провинциалка, умная и искушенная. У нее двое детей, муж-адвокат в кассационном суде; как у всех адептов Помпиду, у нее сильнейшая воля к власти» (Le Nouvel Observateur, 24 декабря 1973 года).

...ставит под вопрос супружеские отношения?

Женщины поднимаются до вершины социальной лестницы, и это не может не поставить под вопрос супружеские отношения. Мало того что продолжительность жизни у мужчин ниже, чем у женщин, что у многих из них есть проблемы в сексе, — ко всему этому добавляются еще и неудачи в карьере. Исследования Андре Мишель показывают, что самые успешные в карьерном плане женщины меньше других удовлетворены своим браком и что их самостоятельность и независимость от мужей требуют нового определения супружеской жизни, нового разделения функций и ролей, и не только в рамках семьи, но и за их пределами. И во всех социальных группах безработица принуждает супругов выработать новые стратегии

и приспособиться к новым условиям. Если муж безработный при работающей жене, это ставит «экономический союз» с ног на голову. Несколько десятилетий назад не было редкостью, если женщина, получившая высшее образование, отказывалась от карьеры, когда выходила замуж. Она пользовалась своим культурным багажом, чтобы помогать мужу в его карьере и воспитывать детей. Анкетирование, проведенное среди студентов-медиков в Марсельском регионе, показало, что студентка, вышедшая замуж за студента, получившего аналогичное образование, часто оставляла учебу. Или же она ограничивалась получением диплома и не проходила конкурсных отборов, не проходила специализацию и в случае необходимости довольствовалась малопрестижной в те времена должностью врача, получающего зарплату (наемного врача). Сегодня все изменилось: в паре могут возникнуть проблемы, если не окончательный разрыв отношений, когда жена добивается больших успехов в учебе, чем муж, если ей удастся, например, поступить в Национальную школу управления (ENA), а ему нет. На этой почве возникает новый вид ревности, потому что на фоне сохраняющихся у мужа стереотипов мышления профессиональные успехи жены могут оказаться для него невыносимыми. Еще не изученное соперничество в карьерном плане — говорить об этом еще рано — заставляет по-новому строить и отношения с детьми: как они будут воспринимать «роли» родителей, если мать — инспектор Министерства финансов, а отец — какой-то мелкий администратор? Что же касается соперничества между женщинами, то, как известно, в его основе традиционно лежало выяснение вопроса, кто самая красивая, а кто лучшая хозяйка. Теперь же они начинают соперничать и в карьере.

ТЕЛО И ЗАГАДКА СЕКСА

ТЕЛО НАРЦИССА

Тиресий сказал: «Ребенок жил бы лучше, если бы он себя не видел». Не зная о своей красоте, Нарцисс не замечал соблазненных его внешностью женщин и нимф. Одна из них, Эхо, от безответной любви перестала есть: ее тело иссохло до такой степени, что остался только голос. Отвергнутые девушки обратились за помощью к Немезиде, которой боги поручили преследовать и наказывать неумеренность, угрожающую порядку вещей и сложившейся иерархии. Нарцисс увидел свое отражение в реке, влюбился в себя до такой степени, что умер, не в силах оторваться от прекрасного зрелища. Даже пересекая Стикс, он в последний раз любовался своим отражением. В беотийской версии мифа Нарцисс, которому докучал своей любовью Аминий, дал влюбленному юноше меч, которым тот убил себя, призывая Немезиду. Богиня мщения подтолкнула самовлюбленного Нарцисса к самоубийству. Согласно Павсанию, Нарцисс был влюблен в свою сестру, очень похожую на него. Когда девушка внезапно умерла, Нарцисс стал ходить к источнику и смотреть на свое отражение, воображая, что видит любимую. Так он попал в ловушку. Нарциссизм, гомосексуальность, инцест — миф объединил по крайней мере три эти темы. Такое богатство смысла не могло не соблазнить Фрейда, написавшего в 1910 году: «Гомосексуалы воспринимают себя

как сексуальный объект; они отталкиваются от нарциссизма в поисках похожих на них молодых людей, которых могут любить, как мать любила их самих».

Историческая стадия зеркала

От невнимательного наблюдателя может ускользнуть один факт: французы становятся все более красивыми. Это можно подтвердить цифрами. В 1980 году рост двадцатипятилетних мужчин составлял в среднем 1,74 метра против 1,72 метра в 1970 году и 1,60 метра — в 1914-м. Ни один человек «среднего роста» не влезет сегодня в доспехи Дюгеклена или мундир Наполеона. В 1930-е годы на улицах можно было встретить людей с зобом, косолапых, карликов, беззубых. Тот факт, что внешность людей становится все лучше, очевиден, однако в том, как люди выглядят, проявляется социальное неравенство: в 1980 году средний рост врача или адвоката был 1,75 метра, а рост сельскохозяйственного рабочего — 1,68 метра.

Изменения тела к лучшему можно наблюдать в зеркале. Оно появилось во Франции лишь в XVI веке — этот предмет роскоши был завезен из Венеции. Оно было редкостью и стоило дорого; в межвоенный период в доме рабочего было лишь одно небольшое зеркало, висевшее над раковиной, чтобы глава семейства мог бриться перед ним. Большие зеркала, в которых можно было увидеть себя с головы до ног, были лишь в богатых домах. Перефразируя Фрейда, можно говорить об «исторической» стадии зеркала, вошедшего в обиход всего населения недавно. Теперь люди не воспринимают свою внешность через других, а могут видеть себя целиком в большом зеркале в ванной комнате.

Зеркала в ванных комнатах буржуазных домов появляются в 1880-е годы. Ванная — самое укромное место в доме. Здесь люди видят себя без прикрас — без корсетов, париков, зубных протезов и пр. Видят не так, как они предстают в обществе, а в полнейшей своей наготе. Иногда это печальное зрелище,

с которым сталкиваются представители всех социальных слоев: по данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE), ванной комнатой или душем оборудованы 80% квартир и домов. Возможно, зайдя в ванную, люди больше рассматривают себя в зеркале, нежели моются, потому что один француз тратит в год всего два небольших куска мыла и существует всего одна зубная щетка на троих.

Распространение зеркал ничего не говорит о том, что находится внутри тела. Об этом вчера нам рассказывали рентгеновские снимки, сегодня — УЗИ, сканирование, МРТ. С одной стороны, все это — эффективные средства ранней диагностики, с другой — новые источники для беспокойства. Теперь люди не довольствуются симптоматикой, а стремятся узнать первопричину малейшего сбоя в функционировании. Исследование организма не устраняет тревогу, а перемещает ее. Где в моем теле, которое так хорошо выглядит, скрывается микроб, вирус, разрушающий его? Как сдержать этот процесс? Все это порождает большие проблемы, деонтологические для врачей, финансовые — для страховых компаний.

Женское тело

Церковь с недоверием относится к одержимости чистотой тела. Обнаружение собственного тела может вызвать нежелательные прикосновения к нему или желание познать тело другого человека. Даже в обеспеченных семьях в 1930-е годы нормой была еженедельная ванна, и дети меняли белье лишь по этому случаю. Это был пахнущий мир. Любимого человека опознавали по запаху ног, как в наши дни — по дезодоранту. В сельской местности о том, что у женщины началась менструация, не говорилось, но все знали. «Мать никогда не говорила мне о месячных, но я замечал, что папа ходил за солью. При месячных нельзя за ней ходить, можно перевернуть ящик с солью, и пиши пропало»²⁴. При месячных женщине не удастся приготовить майонез, разве что перед наступлением

климакса. Считается, что подобное женское недомогание очень возбуждает мужчин, и Георг Гроддек утверждал, что «три изнасилования из четырех происходят именно в этот период»²⁵. Сегодня, как представляется, эта тема находится на границе того, о чем можно говорить. Женщины говорят об этом между собой, но всегда вполголоса. Теперь противозачаточные таблетки позволяют изменять время наступления менструации и женщины могут заниматься сексом, не информируя партнера о происходящем.

Представления о красоте женского тела менялись. Например (хотя этим дело не ограничивается), в прежние времена идеалом считалась полнота, теперь — стройность и худоба²⁶. Конечно, восхищение тучностью свойственно всем обществам, где преобладают недоедающие, и Андре Бюргьер отмечает, что в средневековых итальянских городах аристократы и правящие круги назывались *popolo grasso*, а простонародье, бедный люд, — *popolo magro**. Елена Фурман, вторая жена Рубенса, демонстрирует нам округлости своего тела: целлюлитные ягодицы и крепкую грудь. Толстым женщинам Рубенса и Йорданса противопоставляются соблазнительные стройные женщины Кранаха. Демоны похоти, приобретающие женский образ, — суккубы — часто изображаются очень худыми. У Габриель д'Эстре и супруги маршала де Виллара изящные головы, высокая грудь, плоский живот. Вероник Наум показала, что прямая и стройная женская фигура «сначала была признаком элитарности <...>. Чтобы заметили, следует держаться вертикально, прямо. Детям из высшего общества надо было работать над своим телом»²⁷.

Среди простого народа, тех, кто до XIX века жил на селе, не было никаких эстетических тренировок. «Полевые работы, если учесть отсутствие машин, делали фигуру согнутой», — пишет

* По-итальянски *popolo grasso* — толстые люди, *popolo magro* — худые люди.

тот же автор. Модель стройности, таким образом, спускается сверху вниз. Пьер Бурдьё видит в этом скрытое проявление классовой борьбы. «Тело становится ставкой в борьбе, целью которой является согласие на условия того, кто занимает господствующее положение (того, кто выставляет свое тело под взгляды других), и интеграция в общество. Эта борьба за распространение норм восприятия господствующей части общества отождествляется с классовой борьбой в том, что касается навязывания характеристик группы после того, как они будут узаконены, и заставляет принять их за образец»²⁸. Обществу изобилия, считающему жир «плохим», а тучность — «вульгарностью», эстетика стройности навязывается средствами массовой информации, побуждающими женщин соблюдать диету и заниматься постоянно появляющимися новыми гимнастическими: аэробикой, бодибилдингом, стретчингом, турбоаэробикой и т. д. Известно происхождение некоторых видов гимнастики: Америка, точнее — Калифорния. Культ собственного тела требует жертв, прежде всего материальных (в пропорциональном отношении люди начинают тратить меньше денег на одежду и больше на «поддержание внешности»). Далее идут жертвы этического порядка — СМИ постоянно твердят, что «мы имеем такое тело, какого заслуживаем», а это вызывает новое чувство ответственности. Тело, которое в результате всего этого получится и будет выставляться на всеобщее обозрение на пляже, должно соответствовать современным модным канонам.

Тела спортсменов

Приблизить нас к идеалу надлежит спорту. Олимпийские игры, возникшие около 800 года до н. э. и отмененные императором Феодосием в 394 году, представляли собой спортивные практики, отмеченные печатью жестокости. Современное слово «спорт» пришло к нам из Англии. Томас Арнольд ввел занятия спортом в частных школах (public schools) Англии, чтобы как-то ограничить — или социализировать — насилие. С точки

зрения Пьера де Кубертена, по инициативе которого в 1896 году прошли первые современные Олимпийские игры, спорт должен способствовать формированию личности, умению преодолеть себя. В 1920-х годах «благородство» спорта связывается с «материальной незаинтересованностью»: деньги запятнали бы его чистоту; спорт становится любительским. «Мушкетеры» занимались спортом профессионально. После 1920-х годов дух состязания и вмешательство финансовых интересов повлекли за собой неминуемую профессионализацию. Спорт отныне подчиняется следующему: деньгам, медицине и средствам массовой информации. У спортсмена-профессионала практически нет частной жизни: за его телом постоянно следят врачи — диетолог, кинезитерапевт, кардиолог и т. д. Их работу направляет тренер, прилагающий все усилия, чтобы сделать из своего подопечного медийную фигуру. Во Флориде курорт Colony Beach and Tennis Resort принимает детей с десяти лет и навязывает им флотскую дисциплину. Ее основатель Ник Боллетьеры в прошлом был моряком. Только проведя детство и отрочество в спартанских условиях, можно выйти на международный уровень, где спортсмен, со всех сторон охваченный медициной и спонсорами, не будет ни курить, ни пить, ни «кутить» и за короткий срок принесет максимум денег. Век чемпион короток. Теннисиста Бьорна Борга чествовали за то, что он был настолько мудр, что ушел из большого спорта в двадцать шесть лет. Роль спорта в поддержании социального порядка достаточно велика. Аудитория телетрансляции футбольного матча команд второго дивизиона превосходит аудиторию самых популярных политиков. Заходит ли речь о теннисе, боксе или футболе, СМИ хватаются за эту тему и наводят на мысль, что благодаря спорту можно достичь высокого общественного положения. При этом об успехе говорится как об исключительном случае. Стадион по-прежнему остается местом, где проявляется самый крайний национализм. На кортах «Ролан Гаррос» грубой ошибке иностранца аплодируют так же, как эйсу француза.

Крайне правые хотят выдворить из страны всех иммигрантов, «кроме Платини», иронизирует сатирический еженедельник *Le Canard enchaîné*. Как реакция на развлекательную сторону спорта возникает более гедонистский взгляд. Далекие от какого бы то ни было состязательного духа в силу своего возраста, профессии или менталитета, многие французы мирно бегают трусцой, катаются на велосипеде и на лыжах, что, впрочем, не исключает яростного «боления» перед телевизором.

ЗЕМНАЯ ПИЩА

Земная пища — вопрос культуры

В некоторых африканских племенах женщинам запрещено есть птицу, потому что «употребление птиц в пищу ведет к непостоянству». Арестованный по «состряпанному» ловким полицейским делу «садится за стол» и выдает свой секрет. После того как «поешь как следует», «тащишь девчонку в постель». Таким образом, то, что касается еды, выходит за рамки собственно еды и относится к другим социальным кодам. Вдохновленная структуралистским подходом к кулинарии в творчестве Клода Леви-Стросса, Мэри Дуглас отмечает: «Мозаика старинных правил приема пищи вписывается в комплекс правил, на которых основан культ ритуальной чистоты, а также сексуальное и супружеское поведение. Пищевые правила и привычки осмысленны лишь как элемент общей концепции мира, согласно которой богоизбранный народ должен был отличаться от всех прочих, так как у него особая судьба»²⁹. Для древних евреев материальный мир состоял из трех элементов — земли, воды и воздуха, и живые существа, не вписывающиеся в эту таксономию, не допускались до стола. По этой же причине еврей не мог жениться на иностранке, исповедовавшей другую религию. Быть «избранным» значило и значит находиться в стороне, отдельно. Пищевое поведение, таким образом, включается в мозаику законов: «Они имеют смысл, — пишет Мэри Дуглас, — для тех,

кто понимает, что этот смысл касается всего прожитого; если же рассматривать их в отрыве от всего остального, они могут показаться бессмыслицей». Так же дело обстоит и с другими народами. Тот же автор сообщает нам, что в племени леле (Заир), как и у евреев, запрещено употреблять в пищу земноводных и, шире, всех, кто не вписывается в классификацию. Французы, сами того не замечая, строго соблюдают пищевые коды: мы не едим мясо хищников. Охотники едят мясо кабанов и косуль, но не лис, что является деликатесом в некоторых районах СССР, как собака в Китае. Мэри Дуглас делает вывод: «Принципы отбора, которыми руководствуется человеческое существо в своем пищевом поведении, имеют не физиологическую природу, а культурную <...>. Именно культура создает между людьми систему коммуникации, касающуюся того, что съедобно, что ядовито, что насыщает». Эти же социальные коды определяют того (ту), кто раздает еду. В интервью, данном Вердье одной женщиной из Мило, она вспоминает, как в начале века некоторые молодые пары вынуждены были жить у родителей мужа: «Когда жили все вместе, невестка не решалась отрезать себе хлеба. Готовила еду и накрывала на стол свекровь, сам себе никто ничего не накладывал, как сегодня <...>. Когда кто-то кому-то дает совсем маленький кусочек хлеба, в ответ можно услышать: „Ну ты прямо как свекровь!“ Имеется в виду, что свекровь зорко следила за тем, сколько ела невестка <...>. Кусок, данный свекровью, — это ничто. Огонь, зажженный свекровью, не греет. Свекровь всегда расчетлива»³⁰. Переход от природы к культуре в традиционных обществах совершается в момент отъема от груди, что часто бывает фатальным для младенцев; материнскому молоку ищут символическую замену в продуктах белого цвета: в некоторых племенах Экваториальной Африки это мякоть баобаба, разболтанная в воде, на Антильских островах — кокосовое молоко. Женщины кормят мужчин, которые монополизировали право быть гастрономическими критиками и шеф-поварами в престижных ресторанах. По мнению мужчин,

существуют «кухонные счастливицы». Это неработающие женщины, которые больше других зависят от мужей. Им доставляет удовольствие и радость угостить мужа каким-то необычным блюдом, приготовленным собственными руками. Иногда жена использует рецепты свекрови, готовит блюда, которые муж ел в детстве и которые пробуждают в нем почти внутриутробные воспоминания. Как бы там ни было, если готовят еду женщины, то потребляют ее все. Вчера мед и сласти оставляли женщинам, этим «вечным детям», тогда как мужчинам полагалось есть красное мясо и пить крепкий алкоголь. Сегодня образы мужественности и женственности смазаны и сильный пол выглядит не так, как принято в традиционной культуре, а женщины курят, пьют и не едят сладкого — от него толстеют.

Ежедневный обвинитель: напольные весы

Сахар стал всеобщим врагом. Ему инкриминируют тучность, диабет, гипертонию, сердечно-сосудистые заболевания, кариес и пр. Мы уже презираем хлеб, пищу бедняков (150 г в день на человека, тогда как век назад — 600 г), бобовые, картошку. Теперь нельзя съедать по 36 кг сахара в год. Это вопрос выживания. Мясо на гриле, молочные продукты, свежие фрукты и овощи, наоборот, настоятельно рекомендуются*. Наше питание больше не регулируется природными циклами, «мы ежедневно воплощаем в жизнь мечты охотников и собирателей, совершенно не заботясь об этом: едим мясо в каждый прием пищи, фрукты и овощи вдоволь круглый год, разнообразные сласти и пр. Мы упразднили чередование постных и скоромных дней: жирная пища стала нашей повседневностью»³¹. Свежие овощи и фрукты приходят к нам со всего мира, как когда-то раньше специи. Справедливости ради надо сказать, что рентабельность порождает монотонность: «внутривидовое» разнообразие фруктов и овощей сокращается. В XIX веке во Франции было 88 сортов дыни,

* В настоящее время диетологи рекомендуют сокращать потребление красного мяса. — *Примеч. ред.*

теперь — лишь пять; было 28 разновидностей инжира, а в настоящее время — три. СМИ побуждают нас одновременно есть и худеть, непрерывно дают все новые рецепты для похудения. Они прославляют хорошую еду, кулинарное искусство и диету. Как быть хорошим гастрономом и сохранить фигуру? С тех пор как Франция освободилась от угрозы голода при оккупации, в моду вошел плоский живот. Полнота — это враг; ожирение — кошмар. Людоед поддерживал свою форму, поедая детей, а пузатые капиталисты в цилиндрах и с сигарой во рту — эксплуатируя трудящихся. От этих мифов кое-что осталось. Дородность, чтимая буржуазией Прекрасной эпохи, потому что являлась символом *статуса*, терпимая плебсом, становится чем-то неприличным в «продвинутом» обществе. В мае 1955 года журнал *Marie Claire* объявляет врагами номер один полноту и целлюлит. Диетические продукты пользуются небывалым успехом. Все едят сыры и йогурты с нулевой жирностью, каких не ели даже во время войны. Каждое утро люди испытывают несколько секунд дрожи, становясь на напольные весы. На смену страху недоедания пришла фобия излишеств. Свидетельствует ли это о том, что социальное неравенство пало в борьбе с пищей?

Еда и социальные классы

В пропорциональном отношении рабочий тратит на еду больше, чем адвокат. Типы кухни варьируются в зависимости от социальной среды. «Новая французская кухня», затеянная традиционной буржуазией для себя самой, пытается быть легкой: теперь вошло в моду готовить на пару, органичивать количество сливок, чтобы сохранить «естественный вкус». Те, кто попроще, продолжают придерживаться кухни вчерашнего дня, с большим количеством соусов. «Парообразность» высших классов противопоставляется «тяжести» (в пищеварительном смысле) народных масс: пространственная метафора (пар вверху, тяжесть внизу) значима и в гастрономическом смысле, и в социологическом. Виски — буржуазный напиток,

пастис* — народный. Шампанское в ходу во всех классах, но в качестве аперитива его пьет только буржуазия. Различается стиль застолий: свадебная трапеза в низших слоях общества длится часами (иногда без перерыва между обедом и ужином), тогда как на вершине социальной лестницы предлагается легкий завтрак для членов семьи и близких друзей, за которым следует обед, более напоминающий дружескую встречу. Конечно, существуют региональные нюансы, провинциальная буржуазия сохраняет связь с традициями. Вторичный анализ данных опроса, проведенного на основе ответов 12 300 семей и 43 000 человек в 1975 году журналом *Cinquante Millions de consommateurs*, позволяет создать «социальную иерархию продуктов питания»³². Авторы вычислили индекс 100, соответствующий для одного определенного продукта среднему за восемь лет, с 1965 по 1972 год, общему потреблению французами в стоимостном отношении. Например, для баранины индекс в социoproфессиональной категории «рабочие» составляет 72, а для категории «промышленники, крупные коммерсанты, руководящие кадры, представители свободных профессий» — 228, что говорит о том, что рабочий ест этого мяса в 3,15 раза меньше, чем адвокат или выпускник Национальной школы администрации (ЕНА). «Буржуазной» пище (некоторые виды мяса, рыба, сыр, свежие фрукты и овощи) можно противопоставить «народную» (свинина, картофель, макароны, хлеб, маргарин), «что разрушает ставший общим местом миф о нивелировании потребления продуктов питания». Фактологический анализ показывает, что те, кто ест бараний окорок, салатный цикорий и груши, ходят в театры и на концерты, посещают музеи, читают газету «Монд», играют в теннис, посещают аукционы, имеют загородный дом (и даже свою лодку), ездят на БМВ, «мерседесах» или «альфа-ромео». Что же касается тех, кто ест картошку с маргарином, то они никогда не летали на самолетах,

* Французская анисовая настойка.

ездят на малолитражках, выплачивают кредит, не имеют спутниковых антенн и предпочитают астрологию «серьезной» науке. На эти немного грубые выводы могут повлиять, но не оспорить их другие переменные факторы: возраст, пол, количество детей, занятость или незанятость жены, семейные или региональные традиции... В то же время соотношение статусов не ставится под сомнение. Французское общество по-прежнему очень иерархизировано, и пусть *едоки картофеля* теперь выглядят не так, как их изобразил Ван Гог, они все равно остаются у самого подножия социальной лестницы, подняться по которой у них или их детей шансов очень мало.

Порошок и холод

Вчера пищевые ритуалы (завтрак, обед, ужин) отмеряли ритм жизни. Сегодня приемы пищи все больше подчиняются работе. В связи с непрерывностью рабочего дня возникло то, что Клод Фишлер называет «алиментарным тейлоризмом». Около тысячи заведений фастфуда ежедневно обслуживают огромное количество посетителей. Общепит — современный, промышленный, диетический, дешевый — компрометирует идею сотрапезничества: в середине рабочего дня в заводской столовой или где-то в другом месте «по талонам»* люди едят второпях, окруженные коллегами, но не *совместно* с ними. Ни у кого нет времени, в обеденный перерыв надо еще успеть пройтись по магазинам. Еда быстро съедается и быстро готовится. Консервы, заморозка, пастеризация, сушка... Раньше все готовилось на кухнях, теперь же — из полуфабрикатов. Нужно быть в цейтноте, перегруженным работой — только так можно добиться уважения окружающих. Как примирить эту спешку с долгим и тщательным приготовлением еды, которое предполагает традиционная кухня? Решение найдено: порошок. Растворимый кофе, сухое

* Часть зарплаты во Франции выдается талонами на продовольствие, которые можно отоварить в супермаркетах, столовых и других местах. — *Примеч. ред.*

молоко, бульонные кубики, сушеные овощные супы. Это решение было дополнено и подхвачено производителями быстрозамороженных продуктов. В 1961 году журнал *Elle* объявляет: «Специалисты предсказывают огромную волну холода в этом году <...>. Мы все еще испытываем радость, доставленную нам холодильником, но вот уже охлажденные продукты побеждены быстрозамороженными». Франция Вателя не без колебаний вошла в безвкусную эру замороженных продуктов. «Предстоит преодолеть еще множество предрассудков», — читаем в той же статье. Предрассудки, конечно же, были побеждены.

Пищевые извращения

Почему мы едим? Напитать организм — это всего лишь одна из задач еды, пусть и самая очевидная. Во всех обществах употребляют в пищу возбуждающие и дурманящие продукты (растения, вызывающие слюноотделение, алкоголь и пр.). Во Франции нельзя представить себе званого обеда, на котором не подали бы аперитив — увертюру к гастрономической симфонии. Слово «аперитив» происходит от латинского *aperitivus*, производного от глагола *aperire* — открывать. В медицинской терминологии аперитив — то, что открывает протоки для жидкостей в пищевом, выделительном аппаратах и т. п. Новый смысл — возбуждения, стимуляции аппетита — возникает в XIX веке. Прилагательное *apéritif* субстантивируется, то есть становится существительным, обозначающим напитки, употребляемые перед едой. Аперитив, почти всегда содержащий алкоголь, создает легкую эйфорию, которая освобождает робкого человека от внутренних запретов; он является не только увертюрой к еде, но и приглашением к разговору. Слово «дигестив» (от позднелатинского *digestus*, от глагола *digerere* — переваривать пищу) тоже пришло из медицинской терминологии. Во Франции алкоголь — неотъемлемая часть гастрономического дискурса от начала и до конца. Он не насыщает, он вызывает эйфорию. Эта эйфория — одна из причин появления наших пищевых извращений. Мы едим слишком

много, гораздо больше, чем требуется. Мы чувствуем голод, но не замечаем насыщения. «Нарастание количества внешних сигналов, без конца стимулирующих наш аппетит, таково, что мы перестаем слышать внутренние сигналы о том, что мы сыты <...>. Культура изменяет правила или извращает природу; безумие культуры обманывает мудрость тела» (К. Фишлер). Треть французов страдает от избыточного веса. Голод мобилизует нас, чрезмерная энергия, поступившая с пищей, — нет. Пусть нам послужит слабым утешением, что люди не единственные живые существа, допускающие пищевые излишества: бараны иногда умирают от несварения, вызванного перееданием клевера, а дрозды впадают в алкогольную кому, наклевавшись дикой малины или перезрелого винограда. СМИ предостерегают нас от переедания. Что это, конец «большой жратвы»? Не перейдем ли мы американскую модель, не присоединимся ли к *vagabond feeding* («бродячему питанию»)? Городские семьи из среднего класса имеют двадцать *food-contacts* (приемов пищи) в день (перекусы и дегустации становятся двумя главными источниками питания) и три нормальные трапезы в неделю.

Эта незнакомая еда

Что мы едим? Это все сплошной обман, и в очередной раз мы сталкиваемся с тайной. Эти прекрасные фрукты? Они напичканы пестицидами, обмазаны силиконом, лишены всякого вкуса. Вина? Они все разбавлены, в них добавлены сахар, сера. Курица? Да чтобы донести до рта это дряблое мясо, нужна ложка! Давайте прочитаем состав того, что мы собираемся есть. Здесь царит полнейшая галиматья: «консерванты», «красители», «наполнители», «усилители вкуса»... Продукты больше не завораживают, их «калибруют», чтобы они соответствовали упаковке. Потребитель не знает секретов производства. Опыты показали, что ребенок всегда выбирает наиболее сладкий продукт, даже если в него была добавлена горечь, чтобы не чувствовалось, что на самом деле он сладкий. Пищевая промышленность

предлагает нам горькие, соленые, перченые продукты... которые все как один содержат сахар: беарнский соус, майонез, даже колбаса! «Современный едок не знает, что он ест <...>. История продуктов теперь неизвестна» (К. Фишлер). Эта неизвестность порождает страх. Медики бьют тревогу в связи с новыми методами кормления птицы и скота. Журналисты обнаруживают документы, провоцирующие панику, что вызывает сокращение продаж. В 1970-е годы оно коснулось крупного рогатого скота, в особенности телячьей печени. «Мясо еще можно есть, но на свой страх и риск. Особенно при плохой переносимости антибиотиков, энзимов, транквилизаторов, гормонов и пр.», — пишет один журналист в статье под названием «Опасные коктейли»³³. Мясо еще едят, но со страхом. Табак вызывает рак? Можно бросить курить. Но если курица, цесарка, телятина, говядина, фрукты и салат тоже вызывают рак, что остается? О званых обедах вспоминают все реже, все чаще думают об их последствиях. Измеряют уровень холестерина. Едва встав из-за стола, бегут в лабораторию проверять метаболизм. Если врач — человек стройный, его приговор неумолим: «Вы слишком много едите». Систематически листая журнал Elle, находим огромное количество статей и рекламы, напоминающих о стройности: «Надо быть стройной»; «Надо худеть»; «Как сохранить стройность». И тот же самый еженедельник с успехом распространяет красивые кулинарные рецепты, которые можно вырезать и сохранить. Таким образом, во Франции по-прежнему много едят, но теперь с опаской и стыдом.

ТЕЛО ПОД УГРОЗОЙ.

ПАЦИЕНТ СТАНОВИТСЯ КЛИЕНТОМ

Болезни вчерашнего дня

Французы не только хорошеют, но и становятся все более здоровыми. Зельдин утверждает, что в межвоенный период каждый десятый — то есть примерно 4 миллиона человек — болел

сифилисом и каждый год 140 000 от него умирали. По этой причине рождалось по 40 000 мертвых младенцев в год. Гонорея наступала, и созданная в 1924 году Национальная лига против опасности венерических заболеваний не смогла сдержать ее натиска из-за отсутствия эффективного лечения. Туберкулез достиг такого размаха, что государство, вмешиваясь в частную жизнь, потребовало сообщать о выявленных случаях заболевания, умножило количество диспансеров, сформировало отряды санинструкторов и открыло школы патронажных медсестер. Социальный контроль больных облегчался урбанизацией. Десятки тысяч людей ежегодно умирали от того, что называли не совсем понятными терминами «инфекционные болезни» или «тяжелый грипп». Действия властей были бесполезными: после 1929 года не было больше заболеваний тифом; эпидемия кори 1930–1931 годов была локализована; множество вновь открытых санаториев в значительной степени сократили количество заболевших туберкулезом, однако полностью искоренен он не был. Чем большее распространение имели болезни, тем более они скрывались: сифилис и гонорея держались в секрете, а о том, что у соседа туберкулез, часто узнавали по тому, что он уезжал в санаторий. Физическая боль считалась делом житейским, к ней не относились как к провалу медицины. В те годы принимали гораздо меньше обезболивающих таблеток, чем в наши дни, и как-то приспособивались к бессоннице, не прибегая к снотворному. I Мировая война была бы другой, если бы не привычка солдат к боли.

От семейного доктора к врачу общей практики

В начале века во Франции было около 18 000 врачей, а к началу II Мировой войны их количество удвоилось. Наравне с душеприказчиком, горничной и нотариусом — и иногда ревниво конкурируя с ними, — семейный доктор был посвящен «в тайну». Воспоминания и мемуары врачей, натуралистические романы, претендующие на то, что были написаны

«с натуры», дают нам понять со всей очевидностью, что в начале века «врач, лечащий тело, являлся также и врачом душ, соединяющим нити семейной истории в неделимое социальное и эмоциональное целое»³⁴. В XIX веке врачи обслуживали не столько больного, сколько всю семью. Редко принимая у себя в кабинете (только в самых бедных кварталах больные приходят «на консультацию»), они ходят к пациенту на дом, в точности как парикмахер, педикюрша, портниха. «Врачи знали дома и жизнь своих пациентов изнутри, знали их тайны, проблемы, чувства», — пишет Франсин Мюель-Дрейфюс. И далее: «Врач видит все сразу, он восприимчив к происходящему, потому что знает все: место семьи в обществе, ее невзгоды и амбиции, ее „ситуацию“, как говорится, а также ее интимные проблемы, разочарования, заботы, любовь, художественный вкус и отвращение к жизни. Шепоты и крики... Участие изнутри в жизни семьи, знание тел членов семьи (именно он принимает роды, делает мелкие операции, лечит заболевших на дому и присутствует у смертного одра), отслеживание жизни семьи от поколения к поколению — все это составляет основную тему мемуаров врачей XIX века». Больной тогда назывался пациентом (от латинского *patior* — страждущий), а не клиентом, который платит за услуги. Раз в год семейный доктор получал «гонорар» — у этого слова положительная коннотация, в нем звучит «отрицание финансового, коммерческого аспекта деятельности врача». В отдельных регионах, по-видимому, обычай требовал, чтобы врач не получал того, что ему причитается, до смерти пациента, как будто это была его доля наследства. Когда же появляются врачи-специалисты, они считаются коммерсантами, потому что требуют немедленной оплаты. В своих воспоминаниях доктор Ш.-Ф. Перрон возмущается подобной торговой практикой. «Врач, — пишет он, — принадлежит семье <...>. Специалист не видит ничего вокруг. Он как знаменитый торговец антиквариатом, которого пригласили оценить золотой или серебряный

семейный реликварий и которому нет дела до пепла, который в нем хранится, или до воспоминаний, с ним связанных» («О профессиональной честности»). Семейный доктор исчез, его заменил врач общей практики, который признает, что часто сталкивается с функциональными психосоматическими расстройствами, лечение которых требует знания, в какой среде живет больной. Если больной вызывает ночью неотложку, дежурный врач, который, возможно, будет всю ночь разъезжать по вызовам, либо назначает лечение, если исход кажется ему благоприятным, либо же звонит собрату-специалисту или вызывает сантранспорт и отправляет его в больницу. «Это платная консультация. Врач имеет дело с индивидуом, а не с семьей <...>. Лечение при этом начинается с нуля, с рассказа больного о симптомах» (Ф. Мюель-Дрейфюс).

Врач-специалист

Эра врачей-специалистов начинается в 1920-е годы, которые до этого времени «представляли собой лишь оттенки на палитре общей медицины»³⁵. Стали появляться новые разновидности медицинской практики: быстрый рост количества специалистов; технизация методов диагностики и контроля, что вызывает необходимость обращаться в лабораторию или госпитализировать больного, вести исследования и развивать фармацевтическую промышленность, проводить больничные реформы, вводить новые виды охраны здоровья и т. п. По последним данным, в 1980 году был 201 врач на 100 000 населения против 128 в 1970-м; за эти десять лет ежегодный рост количества специалистов составил 5,7%; 20,8% из них — психиатры, 11,1% — анестезиологи-реаниматологи, 9,1% — акушеры-гинекологи, 9% — дерматовенерологи, 8,2% — кардиологи. В то же десятилетие (1970–1980) в больницах общего профиля продолжительность пребывания увеличивалась на 12,3% в год. Разве не рискованно ставить диагноз только на основании симптомов и не принимать во внимание условия жизни больного,

которые могут дать немаловажную информацию? Доктор Норбер Бенсаид утверждает, что некоторые специалисты отказываются выслушивать пациента, «поскольку больной не является специалистом в медицине, и поэтому его слова не имеют значения». И о чем думает врач — специалист или терапевт, врач общего профиля, подсчитывая по вечерам количество проведенных «процедур» и полученных за них денег? Пациент стал клиентом. Не рискует ли врач превратиться в коммерсанта, которого больше волнуют собственные доходы, чем то, что стесняется рассказать о себе больной?

РАЗУМ ПОД УГРОЗОЙ. ДУШЕВНЫЕ БОЛЕЗНИ

Онтологическая или социогенетическая этиология

Мы не будем здесь рассматривать историю описания психических заболеваний. Ограничимся напоминанием, что она знакомит не только с фрагментом истории науки, но и с ее подоплекой³⁶. В этиологии душевных болезней с начала XIX века нарастает доля социальных причин (в убыток онтологическим); дело доходит до антипсихиатрии, которая в 1960-е годы становится «доминирующей идеологией», сегодня оспариваемой. О болезнях начинают говорить тогда, когда для них появляется лечение: о туберкулезе — с 1940-х годов, с момента открытия ауреомицина, о раке — в настоящее время. Возможно потому, что в психотерапии не наблюдается почти никаких изменений, душевные болезни всегда скрываются. С тех пор как христианство придало «смысл истории» — направление и значение, по словам блаженного Августина, — объявление второго пришествия означает, что жизнь прожита не впустую. К этой драматической концепции истории (что-то происходит, в то время как, согласно Фукидиду, Пелопоннесская война будет длиться вечно) современный человек приспосабливается очень легко. Какой бы ни была система мышления, антропоморфной или иной, главенство цикличности невыносимо для современников

технического прогресса, усвоивших кумулятивный взгляд на историю. В нынешних условиях медицина не в состоянии лечить психические болезни, и это напоминает человеку о его неспособности контролировать свой дух. Кроме того, лечение соматических заболеваний базируется на доказательствах: рентген, эхография, сканирование, МРТ позволяют обнаружить злокачественную опухоль, *увидеть* ее, оценить перспективы ее развития. Психотерапия основана на сомнительных свидетельствах — словах больного. Как известно, Антуан Бейль нашел «свое» доказательство, установив в 1822 году, что общий паралич возникает из-за патологических изменений в коре головного мозга и подкорке, вызванных сифилисом. Но что произошло с тех пор? Эмиль Крепелин посвятил свою жизнь поиску анатомических причин раннего слабоумия, психоза, на эндогенной природе которого он не переставал настаивать. Он ничего не нашел... но настаивать продолжал.

Сомнения психиатра

В отсутствие клинических доказательств психиатр балансирует между наследственностью и средой, вечными антагонистами. Имеют ли самоубийства, происходящие в каждом поколении в семьях из группы риска, генетическую природу или же миметическую, подражательную? Учет всех возможных причин невроза требует того, чтобы знания психиатра выходили далеко за пределы его «специализации». Кто может этим похвастаться? Следует ли давать больному полную картину его шизофрении, показывать ему будущее, ритм которого будет отмеряться периодическими госпитализациями? Или назвать его болезнь всего лишь «депрессией» — словом, не имеющим точного клинического смысла, однако социально приемлемым, допустимым? Сравнивая варианты лечения, касающиеся не только больного, но и его семьи, врач может соблазниться наиболее простым выбором лечения — медикаментозным, что позволит держать больного дома. Но это ставит вопросы этического характера,

сравнимые с теми, что поднимает эвтаназия. Каковы риски заражения, особенно если в семье есть еще кто-то «уязвимый»? Это предстоит оценить именно психиатру. Однако сможет ли семья смириться с этим, не распадется ли она, не будет ли для нее непосильным грузом присутствие человека в депрессии или страдающего какой-либо манией? А если будет выбрана госпитализация, не будут ли близкие испытывать чувство вины, думать, что на самом деле за желанием помочь страждущему скрывается стремление к собственному спокойствию? Упрямый в психушку или нет, именно душевнобольной нарушает правила и в конечном счете оказывается в гиперрегламентированном мире тюремного типа. Мы начинаем беспокоиться за собственную идентичность: не оказывается ли душевнобольной человек «иногда» прав и что является порогом нормальности? Не способный к общению, он демонстрирует нам нашу собственную неспособность к общению, потому что мы не можем ни понять его, ни ответить. Его продолжающийся психоз доказывает несостоятельность науки, если только ученые не решают заняться более «раскрученными» в средствах массовой информации направлениями — например, проблемой СПИДа. И надо же — какая наглость! — сумасшедший не умирает от своего безумия. Его отношения с нормой вписываются в метафору поэта Жюлья Сюпервьеля: «Человек в море тянет руку вверх и кричит: „На помощь!“ И эхо отвечает: „Что вы имеете в виду?“» Однако сумасшедший не тонет, и нимфа Эхо, как мы знаем, может лишь повторять.

СТАРЕНИЕ

В каком возрасте человек становится стариком? Упомянув о женитьбе Людовика XIV на мадам де Ментенон, мадам де Севинье назвала его стариком. Ему было сорок семь лет. Значит, старость — социальный конструкт. Современное

общество столкнулось с двумя совершенно новыми явлениями: подростковым возрастом, который вклинивается между детством и взрослостью, и двумя-тремя десятилетиями, которые разделяют окончание профессиональной деятельности и тот момент, когда физические и умственные проблемы делают самостоятельность человека невозможной и он становится «стариком». Прежде вследствие небольшой продолжительности жизни период между окончанием работы и смертью был очень коротким. Часто даже смерть опережала окончание профессиональной деятельности. Теперь же миллионы пенсионеров «зрелые», но не дряхлые. Что им делать? И что делать с ними?

Биологические данные таковы. Стареть мы начинаем очень рано, наш организм очень быстро достигает пика своего развития. Раны рубцуются медленнее начиная с пятнадцати лет, а с двадцати пяти мы теряем по триста тысяч нервных клеток в день (правда, у нас их миллиарды). Можно назвать следующие признаки физического старения: ношение очков, легкая тугоухость, одышка, проблемы с давлением и т. д. А проявление умственной дегенерации — провалы в памяти. Сначала мы не можем вспомнить имена собственные, потом недавнее прошлое — оно настолько завлакивается дымкой, что остаются лишь старинные воспоминания: вновь переживая все более отдаленные события, старик перестает быть современником своей собственной истории, и этот *laudator temporis acti** начинает очень дразнить, раззадоривать окружающих, и без того раздраженных его забывчивостью. С возрастом приходят или проявляются более интенсивно любовь к комфорту, желание прославиться, стремление к почестям. Состарившийся человек очень раздражает тем, что называется неумеренным самодовольством. Разговорное выражение «впасть в детство» как нельзя лучше подходит к ситуации: твердая пища постепенно

* *Laudator temporis acti* (лат.) — хвалитель былых времен (Гораций, «Наука поэзии», 169–174).

заменяется жидкими кашками, все интересы сводятся к еде и пищеварению, исчезает стыдливость, врач становится отцом, медсестра — матерью. При этом ребенок постепенно начинает самостоятельную жизнь, старика же зависимость от окружающих приводит к смерти. Один геронтолог сделал такой вывод: «Старик — это карикатура на ребенка, это ребенок, у которого нет будущего; старость — это пустое, абсурдное детство. Пустота перед собой и внутри себя». Озабоченный своим выживанием, старик частично теряет чувствительность: смерть других трогает его очень мало, а смерть ровесников он воспринимает с глубоким удовлетворением.

Увеличение количества стариков

Приведем несколько цифр, показывающих, что доля стариков в возрастной структуре нашей цивилизации бросает нам совершенно новый вызов: «Ни одна система ценностей, основанная на уважении к пожилым людям, не принимает во внимание того факта, что их становится все больше и больше». Из 10 000 человек сегодня доживают до 80 лет 3194 мужчины и 5979 женщин (против 1333 и 2399 в 1936 году). Нынешние 80-летние мужчины проживут еще шесть лет, а женщины — семь с половиной. По оценкам ученых, между 1950 и 2025 годами количество 80-летних увеличится в шесть раз. Согласно переписи 1982 года, 7 500 000 французов перешагнули 65-летний рубеж, они составляют 13,8% населения. 2 900 000 из них мужчины, 4 600 000 — женщины. Из 100 мужчин, достигших 65 лет или более пожилых, 74 женаты; из 100 женщин того же возраста 52 — вдовы. По мнению Поля Пайя, доли мужчин и женщин в структуре пожилого населения неравны. До 75 лет и более дожили 1 058 000 мужчин и 2 106 000 женщин. Как ни неприятно писать или произносить это слово, но старшее поколение представлено в основном «старухами». Уровень смертности тех, кто никогда не состоял в браке или овдовел, значительно превышает уровень

смертности среди женатых и замужних. Можно также уточнить, что холостяки в возрасте от 65 до 79 лет более «хрупкие», чем вдовцы, однако этого не наблюдается среди женщин. Наконец, отметим, что три четверти самоубийств совершают пожилые люди, самоубийства встречаются чаще среди мужчин, чем среди женщин. Среди мужчин в возрасте от 60 до 69 лет самоубийства вдовцов встречаются в три раза чаще, чем среди тех, чьи жены живы. Частота самоубийств воспроизводит социальную иерархию: чаще всего кончают с собой сельскохозяйственные и подсобные рабочие, среди руководящих работников их количество меньше, если они состояли на государственной службе.

Люди живут все дольше, однако выходят на пенсию все раньше. В 1906 году 66,2% 65-летних мужчин работали, в 1954 году их было 36,2% и в 1975-м — 10,6%. Руководящие работники в 1950 году выходили на пенсию в 68 лет и 5 месяцев, в 1972-м — в 65 лет и 11 месяцев, а скоро этот порог опустится до 60. По данным опроса, проведенного Национальным институтом здоровья и медицинских исследований (INSERM), 83% мужчин и 50% женщин в возрасте от 65 до 69 лет трудоспособны, в возрасте от 70 до 74 — соответственно 65% и 39%. «Мужчины и женщины в наши дни пользуются дополнительными двадцатью годами жизни (продолжительность жизни увеличилась с 60 до 80 лет), что сопоставимо с детством и отрочеством» (П. Пайя). Понятно, что 60-летние люди не желают играть выходные роли в обществе, в котором им предстоит прожить еще около двадцати лет.

Пенсия

Разрыв между возрастом выхода на пенсию и моментом, когда начинаются биологические проявления старости, — это факт. Вспомним, что слово *retraite* — «отставка» — позаимствовано из военного лексикона. Если следовать этой логике, не оказывается ли «отставка» поражением? Альфред Сови считает,

что «для того чтобы завуалировать подлость, которой является исключение человека из профессиональной и социальной жизни, когда он еще хочет и может работать, требуется настоящее ораторское искусство». Смена ритма, переход от активной социальной жизни к совсем иному темпу — проблема для всех, а для тех, кто не желал этого, — настоящая травма. Женщины переживают это легче, чем мужчины, так как в их расписании всегда много времени отводилось домашним делам. Проведенное анкетирование позволяет сделать следующие выводы. Неквалифицированные рабочие и рабочие средней квалификации (продолжительность жизни которых, как мы помним, является самой короткой среди всех социoproфессиональных категорий) в основном удовлетворены уходом на пенсию в 60 лет, несмотря на скромность своих ресурсов. Незначительность будущей пенсии и возможность постепенно работать меньше побуждают независимых работников оставлять работу как можно позже. После того как были установлены пожизненные выплаты по случаю ухода с работы, сельскохозяйственные производители стали раньше уходить на пенсию. Дольше всех не уходят с работы представители двух социoproфессиональных категорий, занимающих крайние положения в иерархии доходов. «С одной стороны, это мало-квалифицированный обслуживающий персонал с низкими заработками, спрос на который превышает предложение. Сюда входят должности, занимаемые бедными пожилыми людьми (домработницы, к примеру). С другой стороны, это высшие руководящие кадры. Их продолжительная профессиональная деятельность объясняется интересом к работе и высокими заработками»³⁷.

Протест «молодых» пенсионеров опирается на торговое общество по понятным причинам, сформулированным на страницах журнала *Notre temps*, созданного в 1968 году и выходящего тиражом более миллиона экземпляров: «Они ориентированы на качественное существование, на что теперь

у них есть средства». В 60 лет люди, как правило, уже получили наследство, дети «выросли», и если родители и «помогают» им, то стараются при этом не разориться. Можно заниматься спортом, путешествовать, водить автомобиль. Со всей остротой встает вопрос правильного старения. «Наше время, журнал для пенсионеров» (тираж 960 000 экземпляров) удалил из своего лексикона такие унижительные выражения, как «третий возраст», «пожилые люди». Появилось новое словосочетание — «обладатели свободного времени»: «третья целевая аудитория» рекламодателей. Им в подробностях рассказывают об антивозрастной стратегии: краска или специальные лосьоны для седых волос, лифтинг, эстетическая хирургия, кремы против морщин или для груди, ревитализирующая косметика. Диетологи настаивают на соблюдении норм правильного питания, сексологи напоминают о том, что любви все возрасты покорны. Клубы для пенсионеров ориентированы в основном на средний класс: они появились в начале 1970-х годов, к 1980-м их тысячи и они собирают около миллиона человек. Примерно тридцать «университетов третьего возраста» (первый из них возник в 1973 году) привлекают тех, кто все еще хочет узнать что-то новое (в 1980-м таких около 10 000). В выводах опросов, проведенных Национальным фондом геронтологии, подчеркивается важность семейной жизни для пенсионеров. 65% из них видят по крайней мере одного из своих детей раз в неделю. Когда они достигают «настоящей старости», семья может насчитывать четыре поколения, и они знают своих правнуков. Означает ли это, что выход на пенсию дает доступ к жизни, описанной в специальных журналах, абсолютно всем?

Выход на пенсию усиливает социальное неравенство. Состояние здоровья и ума, в котором люди подходят к пенсионному порогу, зависит от предыдущей деятельности, и «на выходе» человека ждет еще множество препятствий. «У людей без образования всегда подорванное здоровье, у них была

долгая трудовая жизнь и тяжелая малооплачиваемая работа, почти не было свободного времени; они не знают, чем занять себя, оказавшись на пенсии, и т. д.»³⁸. Именно таких людей можно обнаружить в домах престарелых и хосписах, когда они теряют способность жить самостоятельно в связи с физической или умственной немощью. Их много — от четырехсот тысяч до полумиллиона. Старики, которые всю свою жизнь были бедными, оказываются в государственных социальных учреждениях, где, по словам Бернара Анниоие, живут так, как если бы они уже умерли. Поддерживать стариков на дому проще в городах, чем в сельской местности, благодаря распространности пансионатов и специализированных служб. Но кто же будет заниматься стариками в пустеющих деревнях? Традиционная жизнь сельской семьи ушла в прошлое вследствие конкуренции, которая требует создания крупных сельскохозяйственных комплексов.

В прежние времена старики обладали мудростью и знаниями. В так называемых примитивных обществах старость — скорее награда, чем поражение. В тех обществах, где нет письменности, старики являются носителями коллективной памяти. Когда продолжительность жизни невелика, сам факт того, что человеку удалось выжить, вызывает восхищение и уважение. В динамичных индустриальных обществах изменения происходят так стремительно, что «утилизация отходов» берет верх над опытом. Стариков так много, что они перестают интересовать кого бы то ни было: ценность имеет лишь что-то редкое, исключительное. Тем не менее существует одна сфера, где опыт играет большую роль и где старики не сдают позиции: это политика. Политики прилагают все усилия, чтобы оградить себя от преждевременного выхода в отставку. Удовлетворение, которое приносит власть, компенсирует страдания, доставляемые дряхлостью тела. Маршал Петен стал руководителем государства в 84 года; генерал де Голль вернулся к власти в 67; аятолла Хомейни сверг шаха

в 78 лет; Франсуа Миттеран, борющийся за снижение пенсионного возраста до 60 лет, стал президентом Республики в 65. Симона де Бовуар писала: «Все средства и методы, принимаемые для облегчения страданий стариков, ничтожны: никто не может противостоять разрушению, которое происходит с людьми на протяжении всей их жизни». Конечно, это так, но все же иногда стоит бороться.

КТО УМИРАЕТ? ОТ ЧЕГО? И КОГДА?

Всем собственную смерть, Господь Наш, дай.
Чтоб ей — из жизни встать во тьме потуг,
где есть любовь и мука, смысл и край.

*Райнер Мария Рильке**

Это область, статистических данных в которой больше чем достаточно. Постараемся не перегружать читателя цифрами. Тем не менее некоторые цифры необходимы, чтобы подтвердить наши рассуждения. Для 55–64-летних мужчин в период с 1975 по 1980 год причины смерти таковы (в порядке убывания): рак, сердечно-сосудистые заболевания, цирроз печени, несчастные случаи, самоубийство, алкоголизм, инфекционные заболевания; остальные причины смерти Национальный институт статистики и экономических исследований собирает в несколько нечеткие группы под названием «неопределенные причины» и «другие причины». Выборка по возрасту показывает большие различия. Так, 35–55-летние гибнут от несчастных случаев с той же частотой, что и от рака. Мы видим, что благодаря антибиотикам от инфекционных болезней больше не умирают. Злокачественные опухоли являются главной причиной смерти, и мысль Филиппа Арьеса: «Рак

* Пер. А. Прокопьева.

сегодня является символом смерти в большей мере, чем скелеты и мумии в макабрах XIV–XV веков, больше, чем проказа» — не теряет актуальности. Продолжительность жизни в 1900 году составляла 48 лет, в 1935-м — 61 год, 70 лет и 5 месяцев для мужчин и 78 лет 6 месяцев для женщин — в 1981 году³⁹. Детская смертность, составлявшая в 1940 году 91 на 1000, в 1978-м — лишь 12 на 1000. Вероятность того, что кто-то из молодежи умрет в течение года, ничтожно мала (0,03% за 10 лет), исключение составляет возрастная группа от 18 до 22 лет вследствие «аномальной» опасности, которую представляет увлечение мотоциклами. В XVIII веке из ста новорожденных пятеро рождались при жизни бабушек и дедушек (в 1973 году — сорок восемь), и у 91% 30-летних все четверо бабушек и дедушек умерли, а у 28% — и оба родителя (в 1973 году соответственно 53% и 4%). Вот свидетельство одного демографа: «В XVIII веке последующее поколение сменяло предыдущее без наложения одного на другое, что наблюдается в современной Франции». Неравенство перед лицом смерти статистически проверяемо. Долше всех живут университетские преподаватели и школьные учителя, инженеры, административные работники и представители свободных профессий. Хуже всего положение у подсобных рабочих (2,5% из них умирают в возрасте от 35 до 60 лет, то есть в три раза чаще, чем преподаватели и инженеры), обслуживающего персонала, рабочих. Вероятность смерти в 35 лет в среднем составляет 0,23%, но для руководящих работников, представителей свободных профессий, учителей — 0,1%, для подсобных рабочих — 0,6% и для занятых в сельском хозяйстве — 0,4%. Из занимающих одну и ту же должность долше живут дипломированные специалисты; это относится как к рабочим, так и к руководящим кадрам. Занятость — это защита от смерти: безработные умирают более молодыми, чем работающие представители той же социoproфессиональной категории. Пенсионеры

и те, кто вышел на пенсию досрочно, умирают чаще, чем их работающие сверстники; в самом благоприятном положении находятся занятые в сфере госуслуг. Другой защитой от смерти служит семейная жизнь: смертность среди холостяков, разведенных или вдовцов в возрасте от 35 до 60 лет вдвое превышает таковую у женатых мужчин. У женщин эти различия не столь велики: незамужние женщины, вдовы и разведенные умирают не намного чаще, чем замужние, чему можно найти два объяснения: или чувства женщин не столь сильны, как они показывают, или же супружеская жизнь доставляет им много трудностей и стресса. Как бы там ни было, женщины переживают смерть супруга легче, чем мужчины, что опровергает расхожую поговорку: «Есть безутешные вдовы, нет безутешных вдовцов». Урбанизация усиливает неравенство перед лицом смерти: в сельской местности уровень смертности сельскохозяйственных рабочих в два с половиной раза выше, чем учителей, а в крупных городах смертность среди подсобных рабочих в четыре раза превышает таковую среди учителей (в Парижском регионе — пятикратно).

Смерть, которая в 80% случаев происходит в настоящее время в больнице, полностью медикализована. До того как факт смерти будет зарегистрирован государственными органами, ее должен констатировать врач. Момент смерти ставит проблему: раньше это была остановка дыхания, что фиксировалось по отсутствию запотевания зеркальца, которое размещали перед ртом умирающего; сегодня доказательством смерти является отсутствие зубцов на электрокардиограмме. Смерть в наши дни — не мгновенный переход из одного состояния в другое: это целая серия этапов, которые могут растянуться на многие часы и даже дни. «Смерть стала техническим феноменом, которого достигают остановкой аппаратов поддержания жизни, то есть решением медиков» (Ф. Арьес).

КАК УМИРАТЬ?

Смерть и умирание

Смерть — модная тема. Филипп Арьес называет «публичную церемонию, организованную самим умирающим, который возглавляет ее и знает порядок ее проведения», «прирученной смертью»⁴⁰. Эту мизансцену можно увидеть на знаменитой картине Грёза «Отцовское проклятие» (около 1765 года, Лувр). В двух латинских трактатах XV века «Искусство умирать» (*Ars moriendi*) говорится о том, что друг умирающего превращается в «посла смерти» (*nuntius mortis*), когда больной еще питает какие-то иллюзии о возможности благоприятного исхода. Описание смерти Людовика XIV, сделанное Сен-Симоном, подошло бы и простолюдину. Умирают так же, как и родились: в комнате, где полно людей; врачи в прежние времена были убеждены в «благотворности воздуха», поэтому они приказывали всем уйти, открывали окна и тушили свечи. Умирать не в своей постели, а в больнице начали в США в 1930-е годы. Возникает социология смерти, теоретические положения которой будут изложены в статье Джеффри Горера «Порнография смерти», опубликованной в 1955 году. Автор коснулся тех же тем и в работе «Смерть, горе и траур». С тех пор, по мнению Филиппа Арьеса, «приличия запрещают всякое упоминание о смерти. Это мрачная тема, смерти как будто не существует. Есть только люди, которые исчезли и о которых больше не говорят, — и о которых, возможно, будут говорить когда-нибудь потом, когда забудут, что они умерли <...>. Раньше детей находили в капусте, а теперь умершие исчезают в цветах», и можно задаться вопросом, «не является ли источником существенной части сегодняшних социальных проблем удаление темы смерти из повседневной жизни, запрет траура и оплакивания своих покойников». От неизлечимо больного скрывают тяжесть его состояния и радуются, «что он не подозревает о своей смерти». На смену

драме вчерашней смерти приходит мрачная комедия смерти сегодняшней: умирающий изображает того, кто не собирается умирать, а окружающие ему подыгрывают. Умирающий лишен смерти, а его близкие — траура. Плачут теперь только за закрытой дверью, пишет Горер, «как если бы слезы были сродни мастурбации».

Позволим себе не быть столь категоричными. Чтобы смерть могла стать «публичной церемонией, организованной самим умирающим, который возглавляет ее и знает порядок ее проведения», необходимо, чтобы он оставался в сознании и чтобы боль не была невыносимой — иначе он не сможет играть свою роль. «В те времена, когда не очень серьезные заболевания оказывались смертельными, о смерти всегда сообщалось заранее», — пишет Филипп Арьес. В этом можно усомниться. Сердечные приступы существовали всегда, и в связи с отсутствием лечения эффект от инфекционных болезней был ужасным, что уж говорить о чуме. Тем не менее «Роланд чувствует, что смерть забирает его», а Тристан «почувствовал, что жизнь покидает его и что он вот-вот умрет». Но здесь речь идет о литературных текстах, об «иллюзии реальности», а не о свидетельствах очевидцев. «Крестьяне у Толстого умирают как Тристан или как хлебопашец у Лафонтена, они так же безыскусны и смиренны», — утверждает Филипп Арьес. На это можно было бы возразить словами одного онколога, специализирующегося на терминальной фазе лейкоза: «Я никогда не слышал, чтобы умирающие произносили какие-то исторические фразы; из полутора тысяч больных лейкозом, среди которых было много врачей, лишь один осмелился не бояться смерти». «Прекрасная смерть», так очаровавшая Филиппа Арьеса, смерть при ясном уме, осознании неминуемости конца и владении собой на этом пути, конечно, существовала — и порой встречается в наши дни тоже, — однако отношение к ней как к универсальной модели вызвано не точностью эпистемологического анализа, а скорее ностальгией по ушедшим временам. «Прирученная

смерть <...> не является моделью на историческом поле, это мифический идеал. Дискурс о смерти стал использоваться для выражения ностальгии и социальной утопии»⁴¹. В то же время Филипп Арьес весьма кстати заимствует из английского языка слово «dying» — «умирание», «процесс смерти» (не следует путать со словом «death» — смерть). Многие американские ученые проводили исследование «умирания». Несмотря на различия в подходах, можно выделить определенное сходство взглядов на постепенную адаптацию умирающего — после острой фазы тревоги и протеста — к осознанию неминуемости собственной кончины. Читая эти размышления о «работе смерти», поражаешься ее сходству с «работой жизни», которая так же отмечена чередованием протеста и тревоги со спокойствием: убежденность в том, что следует накапливать опыт, предшествует мыслям о том, что все бесполезно, потому что смерть не позволит им воспользоваться. Сартр весьма удачно описал этот важнейший этап частной жизни: «в тот момент, когда человек теряет ощущение своего бессмертия, смерть становится лишь вопросом времени». С этой точки зрения «работа жизни» — лишь репетиция «работы смерти», «умирания».

Где люди умирают?

Сегодня «умирание» происходит в больничной атмосфере, при этом умирающий и ухаживающий за ним персонал вступают в сложный заговор. Немногочисленные французские исследования того, что Пьер Суде называет «переходным экзаменом», подтверждают выводы американцев. Врачи, медсестры и сиделки ведут себя так, как если бы больному суждено было выздороветь, а продолжение медицинских процедур имеет своей целью замаскировать неминуемость смерти. Все французские врачи, опрошенные в 1968 году, в отличие от своих американских собратьев, категорически отказывались сообщать в больнице о скорой смерти. Речь шла о том, чтобы защитить персонал и всю больничную среду и обеспечить безмятежность больного.

Два американца — врач Р. С. Дафф и социолог А. Б. Холлингсхед, изучившие сорок смертей в больнице, подчеркивают молчаливое согласие, царящее между больными и теми, кто за ними ухаживает. Как сказал некий врач, «воспитанный человек все понимает без слов». Это «общая симуляция»⁴². Д. Крейн утверждает, что медсестры абсолютно небезосознанно медленнее отзываются на вызовы умирающих, чем прочих больных (The Dying Patient. N. Y., 1970). Молчаливый пациент невыносим для тех, кто за ним ухаживает, и они отвечают на это собственным молчанием. Американское исследование показало, что если в больницу поступают два человека в одном и том же физическом состоянии, один из них может считаться безнадежным, а другой излечимым — это зависит от возраста (для старика прогноз безусловной смерти может быть сделан еще до прихода врача) и от социального положения. Алкоголик, наркоман, проститутка, бездомный (клошар) получают диагноз «смерть при поступлении в больницу», «вероятность для кого-то считаться умирающим или умершим в какой-то мере зависит от его места в социальной структуре», — утверждает Клодин Херцлих. Если человек стар, беден, одинок, короче говоря, если он представляет собой целый набор проблем, у него нет шансов стать «медицинским кейсом», каким бы стал человек именитый, лечению каких-то врачей любят посвящать научные публикации. Если ситуация с медицинской и социальной точки зрения банальна, смерть больного впишется в серийное производство, которое предстоит рационализировать. Изощенный и неумолимый механизм социального неравенства присутствует в жизни человека до самой последней его минуты. Смерть «человека без свойств», «включенная в организационные цепи и исключенная в качестве индивидуального, личного опыта, отмеренного особым ритмом, — ее время, место и значение зависят от рациональности бюрократической организации. Она теперь — лишь подпорка в работе, проводимой в связи с ней» (К. Херцлих). Представляется, что благодаря

этому бюрократическому растворению смерти происходит ее вытеснение из сознания. В то же время не стоит обвинять во всем врачей. «Не врачи индифферентны, а общество в целом не любит смерть; но в этот скорбный час врач оказывается представителем общества, и все претензии, жалобы и нарекания поступают именно в его адрес»⁴³.

Эвтаназия

Вселенная умирающего привязана к трем мирам: медицинскому, считающемуся компетентным; миру семьи и друзей; наконец, социальному со всеми его требованиями и запретами. Именно здесь возникает проблема эвтаназии и ее тайны. Этимологическая ирония: слово «эвтаназия» происходит от греческого *thanatos* — смерть, и префикса *eu* — хорошо. Таким образом, эвтаназия в переводе — «хорошая смерть». Возможна ли она? И кто вправе организовать ее? В 1968 году профессор Жан Амбурже заявляет: «Задача врача заключается не в поддержании жизни любой ценой и не в том, чтобы помешать естественной смерти; она состоит в том, чтобы предупредить и избежать патологической преждевременной смерти». Но кто определяет, что смерть «преждевременная»? В ноябре 1976 года преподобный отец Рике на Страсбургских встречах констатировал: «Необходимо организовать наше общество таким образом, чтобы, с одной стороны, устранить у умирающего желание совершить самоубийство, окружив его лаской, заботой и пониманием и облегчив его страдания, а с другой стороны, прекратить терапевтические фокусы, направленные на продолжение безнадежной и бессмысленной агонии». Но кто знает, где начинаются эти «фокусы»⁴⁴? В 1967 году Л. Куртнер, адвокат из Чикаго, предлагает составлять «прижизненное завещание», в котором потенциальный больной может потребовать «активной» эвтаназии в случае, если сам он будет не в состоянии выразить свою волю. Член Палаты представителей штата Мичиган Дэвид Холлистер предложил законопроект,

по которому больной может предоставить право контроля медицинского ухода «официально назначенному лицу, имеющему все полномочия принимать решение о лечении, если сам больной не в состоянии этого делать вследствие болезни или несчастного случая». В Соединенных Штатах до сих пор Институт Луиса Харриса задает представителям протестантов, католиков и иудеев следующий вопрос: «Считаете ли вы, что смертельно больному должно быть предоставлено право попросить врача дать ему спокойно умереть, а не поддерживать его жизнь, когда надежды на излечение нет?» Положительный ответ дали 76% протестантов, 70% католиков и 75% иудеев. Во Франции 6 апреля 1978 года сенатор Анри Кайаве предложил закон о «праве на смерть». 13 октября того же года совместно с сенатором Жаном Мезаром, доктором медицины, он внес новое предложение, дополняющее второй параграф статьи 63 Уголовного кодекса. Неоказание помощи человеку, находящемуся в опасности, больше не является преступлением для врача, «который по просьбе больного, находящегося в сознании, или по собственной инициативе, если больной без сознания, не предпринимает или прекращает лечение или реанимацию, если они приведут лишь к искусственному поддержанию жизни при неизлечимой болезни или несовместимых с жизнью травмах, полученных при несчастном случае». Эти два предложения незамедлительно вызвали оживленную полемику. Журнал *Le Panorama des médecins* узнал мнение 701 медика, 666 из которых высказались против предложения Кайаве, но другое исследование, проведенное среди 300 врачей-практиков, показало, что те, кто не достиг 35-летнего возраста, положительно относятся «к пассивной эвтаназии больного или раненого, находящегося в длительной коме при абсолютной невозможности излечения». Внимание следует обратить на прилагательное, выделенное курсивом.

Каково же мнение судьи? Закон требует, чтобы он дал следующий ответ: активная эвтаназия — это убийство, которое

подлежит рассмотрению в суде присяжных; пассивная эвтаназия — это преступление, заключающееся в неоказании помощи человеку, оказавшемуся в опасности. Однако, как мы видели при рассмотрении вопроса о борьбе с бесплодием, судья или присяжные нередко отходят от Уголовного кодекса. Приведем несколько примеров. Мирей Гуро, убившая своего неизлечимо больного сына, была оправдана судом присяжных Шамбери в ноябре 1966 года. В марте 1972 года в Метце был оправдан муж, убивший жену, чтобы положить конец ее страданиям. Фернандо Карильо семь месяцев спустя после смерти отца убивает свою смертельно больную мать; в октябре 1977 года он был оправдан в Экс-ан-Провансе. В мае 1978 года суд присяжных Версаля приговорил к трем годам условно Жилия Мийотта за убийство своей дочери с инвалидностью. Луиджи Файта, убивший смертельно больного брата, оправдан в январе 1982 года судом присяжных в Кольмаре. В Англии Дерек Хамфри, журналист газеты *The Sunday Times*, убил с ее согласия свою жену, страдавшую от неизлечимого рака, и был оправдан. За последние двадцать пять лет в Великобритании не было вынесено ни одного приговора с реальным сроком заключения по поводу эвтаназии. В Стокгольме, что удивительно, принимая во внимание имеющиеся представления о Швеции, 15 сентября 1978 года доктор Тосс был приговорен к восьми месяцам тюрьмы за убийство пациента, подписавшего в присутствии свидетеля в 1974 году завещание, в котором просил не проводить никаких реанимационных мероприятий в его отношении.

А что же должен делать врач? «Когда речь идет о новорожденных, — пишет доктор Пьер Симон, — вопрос более сложный. Неписаное правило гласит, что если ребенок не начал дышать через пять минут после рождения, следует отказаться от продолжения реанимации. За это время в нервной системе происходят необратимые изменения». Однако тот же автор описывает и исключения: некоторые новорожденные, которые были реанимированы после критических пяти минут, выросли

здоровыми людьми. А что отвечать на просьбу матери не спасать ее нездорового ребенка? Весьма вероятно, что пассивная и активная эвтаназия практикуется гораздо чаще, чем принято считать. Эта тема относится к сфере тайны, и тайна эта тем бережнее хранится, что сформулировать ясный ответ на возникающие вопросы практически невозможно. Два случая, имевшие место в реальности, должны вызвать беспокойство любителей давать советы. Случай первый. Успешный, динамичный, спортивный бизнесмен болен неизлечимым раком. Под массированным действием кортикоидов у него выпали все волосы, лицо раздулось. Внешность его изменилась до неузнаваемости. До последнего дня к нему ежедневно приходила молодая, красивая жена. Как только она появлялась, лицо обреченного озарялось радостью. Его врач утверждал, что ему хотелось как можно дольше поддерживать жизнь этого человека, потому что, видя его, он испытывал счастье, которое невозможно оценить. Второй случай. 60-летняя женщина с диагнозами «шизофрения» и «вялотекущий рак» сломала шейку бедра. После операции она много дней была в коме. Каждый день младшая сестра приходила к ней. По взгляду можно было понять, что больная узнает сестру, но речи были бессвязными. Кто осмелится возразить на то, что жизнь в этой умирающей теплилась лишь для того, чтобы на завтра она могла увидеть любимое лицо сестры? Пусть же эвтаназия остается в неправовой сфере. Право принимать решение должно оставаться за участниками этой пляски смерти: врачом, больным, родными, друзьями*.

Самоубийство

Самоубийство — крайнее проявление непокорности. Своим отказом продолжать существование, которое он считает не приносящим удовлетворения или невыносимым, самоубийца

* В настоящее время во Франции законна пассивная эвтаназия, дебаты о легализации активной эвтаназии продолжаются.— *Примеч. ред.*

бросает вызов всем живым. Это вызов и покойным, присоединиться к которым он непонятным образом спешит. Вызов Богу, потому что самоубийца отрицает Божий промысел; вот почему с точки зрения католицизма повешение Иуды Искариота — грех, которому нет прощения. Самоубийство вызывает как презрение («Какая трусость — отказываться от борьбы за жизнь!»), так и восхищение («Какое мужество нужно было для этого поступка!»). Несмотря на провокацию — и даже долю хвастовства, которая в нем содержится, — этот акт остается скрытым завесой тайны. Каким образом страдающий маниакально-депрессивным психозом, опустившийся много лет назад человек, прекративший мыться и обращать хоть какое-то внимание на свой внешний вид, находит в себе силы повеситься в больничном парке или же перешагнуть через перила балкона? Как этот шизофреник, явно «оторвавшийся от реальности», сумел скопить столько пилюль, чтобы совершить то, что называют «удавшимся самоубийством»? Что происходило в голове этого преуспевающего руководителя, когда он в погожий день направил свой автомобиль прямоком в дерево? Тайна, окружающая самоубийство, так глубока, что мы даже не знаем точного количества самоубийств в год. Конечно, какая-то статистика существует, но, регистрируя лишь «удавшиеся» самоубийства, она недооценивает их реальное количество. 12 000 в 1983 году, около 150 000 попыток, 10% смертей молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет происходят в результате самоубийств. Из специального номера журнала *Laennec* (апрель 1985 года) узнаем, что самоубийства совершаются в основном по понедельникам, почти никогда — в выходные дни, преимущественно в мае и июне, редко — зимой; горожане сводят счеты с жизнью, как правило, в августе; с сельскими жителями это происходит в два раза чаще, чем с парижанами. В исследовании, опубликованном ассоциацией *Rhénix*, подчеркивается влияние изоляции (одинокий образ жизни, развод, вдовство). Книга Клода Гийона

и Ива Ле Боньека «Как совершить самоубийство», опубликованная Аленом Моро, вызывает скандал: один из авторов обвиняется в неоказании помощи человеку в опасности по жалобе семьи одного самоубийцы, который уже совершил множество попыток убить себя. Ответственность всегда ложится на плечи кого-то другого. Самоубийца — это покойник, который приговаривает своих близких к вечному чувству вины.

ЗНАЧЕНИЕ СМЕРТИ. ЧТО ДЕЛАТЬ С ПОКОЙНЫМ?

От «модификации» к подлинной смерти

В античные времена существовал культ предков и Бессмертных. Для людей, живших в эпоху раннего Средневековья, смерть была лишь «модификацией» в ожидании коллективного воскрешения. Начиная с XIII века смерть индивидуализируется, и умирающий в ужасе думает о том, что его ждет на Страшном суде. В исламе наблюдаем то же самое: «Каждая душа вкусит смерть, но только в День воскресения вы получите вашу плату сполна. <...> ...земная жизнь — всего лишь наслаждение обольщением» (Коран, III, 185). Проповедь милости в Реформации и молитвы, оплакивающие умерших в Контрреформации, выражают эту индивидуализацию. В христианской эсхатологии все, что происходит в этом мире, одновременно второстепенно (жизнь — всего лишь переход) и обречено (смертный грех влечет за собой вечные муки в аду). Понятно, что на закате дней люди стали принимать меры предосторожности. Вольнодумец Лафонтен, получившийся в юности в духовной семинарии, два последних года жизни вымаливал прощение за грехи молодости. В ту эпоху умирающие в большей степени боялись ада, чем самой смерти. В XIX веке «переходный экзамен» секуляризировался: эсхатологию заменила телеология. По справедливому

замечанию пастора Андре Дюма, «И Гегель, и Маркс (первый апеллирует к знаниям, второй — к социальным изменениям) прославляют индивидуальную смерть с тем, чтобы воцарилось объединенное человечество. Заметим, как все перевернулось. Нет больше необходимости ни на религиозном, ни на мифическом уровне находить себе предков, но необходимо на светском и историческом уровне стать акушерами будущего человечества.». Но что бы ни имелось в виду — Град Божий или коммунистическое эльдорадо, — в обоих случаях речь идет о «достижении недостижимого благодаря осознанию важности перехода к лучшему состоянию». Фрейд задается вопросом, не является ли Эрос лишь остановкой на пути Танатоса. «Оба первичных позыва, — пишет он в книге «Я и Оно», имея в виду сексуальное стремление и стремление к смерти, — проявляют себя в строжайшем смысле консервативно, стремясь к восстановлению состояния, нарушенного возникновением жизни»*.

Для агностика — или скептика, — не верящего ни в Город Праведников, ни в бесклассовое общество, смерть стала *настоящей*, всеобъемлющей, исчезновением в одном из четырех элементов космоса: земле (погребение), огне (кремация), воде (утопление), воздухе (развеивание). С тех пор как пережитая история стала кумулятивной, с тех пор как развитие науки и техники привело к тому, что человек стал одерживать верх над природой, научился удваивать свое богатство и увеличивать продолжительность жизни, его неспособность отменить смерть выглядит провалом, неудачей его знаний и власти: смерть становится непристойностью. «Смерть драматична вдвойне: она ни к чему не приводит, все лишает смысла, в особенности — понятие „Я“. Ужас от этого осознания представляется специфической особенностью западного мира» (Л. В. Тома).

* Пер. Л. Голлербах.

Что нам делать с нашими покойниками?

Сжигать? Хоронить?

Филипп Арьес обличает как гиперсоциализацию смерти (умирают в больнице в окружении не близких людей, а команды специалистов по «умиранию»), так и десоциализацию траура (похороны проходят «исключительно в узком кругу», а собравшиеся больше не одеваются в черное). Подростающие дети, которых не пускают к умирающему и которых не берут на похороны, теперь не знают, что такое смерть. Разумеется. Однако вчерашние пышные похороны ничего не говорили о глубине — и подлинности — страданий тех, кто потерял близкого человека. Густая вуаль вдовы — для чего она служит? Чтобы скрыть слезы или же безразличие? Л. В. Тома полагает, что быстрые похороны и подавление траура влекут за собой проблемы со здоровьем. По мнению психоаналитиков, мы больше не знаем, как «убивать наших покойников», и вследствие отсутствия надлежащей церемонии людей, потерявших близкого человека, постоянно преследует чувство вины по отношению к покойному. Все это требует доказательств.

Арьес считает, что британская интеллигенция, авангард «революции смерти», выбрала кремацию, «самое радикальное средство избавления от покойных». Во Франции в 1980-е годы шла «рекламная кампания» кремации, которая служила решению проблемы перегруженных кладбищ. В февральском (1977 года) номере «Официального муниципального бюллетеня» города Таланса (Жиронда) Ф. Канделу, муниципальный советник, занимающийся вопросами кладбищ, писал о преимуществах кремации: невысокая стоимость, уважительное отношение к религиозным чувствам покойного («духовная музыка, если покойный был христианином, классическая — если не являлся таковым»), «чистота, чего нет в случае погребения, со всеми этими грязными склепами, эксгумациями, ужасными изменениями, происходящими с телом: экология от этого выиграла бы». Чиновник предлагал называть колумбарии

«садами воспоминаний». Погребение остается наиболее распространенной практикой во Франции. Возможно, по мнению Л. В. Тома, «потому что нет ничего хуже отсутствующего трупа <...>. Что такое труп? Его наличие является доказательством того, что человека больше нет». Аргентинские палачи, возвращавшие родственникам тела «исчезнувших», это знали. Тот же автор напоминает, что «время траура — это время разложения трупа». (Для минерализации захороненного тела требуется год, и именно в течение года полагалось соблюдать траур по покойному.) В нашем христианизированном обществе «склеп стал настоящим семейным домом» (Ф. Арьес). Возвышающийся крест — это символ воскрешения, а могильный камень заменяет покойного. Что находится под этим вечным мрамором, который протирают тряпочкой и украшают цветами? Вот что отвечает Л. В. Тома на этот вопрос: «Там труп, и с ним происходят не слишком приятные метаморфозы, о которых не стоит думать. Произошел, таким образом, метонимический перенос, и содержащее стало играть роль содержимого». Что следует делать, чтобы сохранить память о покойном, который теперь представляет собой лишь минерализующиеся кости? «Смотреть фотографии, фильмы, слушать аудиозапись голоса, — советует Л. В. Тома. — Использовать все современные приемы сохранения информации. Создать мнемотеку по образцу библиотеки, где люди на досуге могли бы обнаруживать следы своих ушедших близких, как это делают, например, мормоны. Таким образом мы сохраним нечто такое, без чего невозможно жить: память и прошлое».

ДЕНЬГИ ПОКОЙНОГО

Испытывая ностальгию по «социализации траура», не следует забывать, что смерть — это и передача наследства. Конечно, все чаще дети входят во владение долей семейного состояния

еще при жизни родителей. Одновременное существование трех поколений сегодня представляет собой норму; семья, состоящая из четырех поколений, тоже не является исключительным случаем. Таким образом, в права наследства люди вступают все позже, и увеличивается количество тех, у кого на руках пожилые родители, не говоря уже о тех, кто находится в предпенсионном возрасте. Можно выделить два варианта: 60-летний наследник очень большого состояния, который еще ничего не унаследовал (в случае передачи в дар части наследства), при этом его родители или один из родителей живы и пока не оформили дарственную в его пользу; второй вариант — 60-летний бедный человек, отправленный на пенсию, у которого на попечении одновременно очень пожилые родители и один или несколько детей, еще не нашедшие работу. Мы разделяем мнение Жан-Клода Шамборедона, что «социология смерти, которая не основывается на формах передачи наследства, рискует быть идеалистичной и абстрактной». Сознывая, что дети унаследуют семейные ценности в пенсионном возрасте, многие родители оформляют дарственные: в 1970 году таких было 100 000, в 1983-м — 185 000. Одаряемый в среднем на десять лет моложе того, кто вступает в права наследства. Что касается прижизненного дарения наследуемого имущества детям, то количество таких актов возросло с 28 000 в 1964 году до 54 000 в 1977-м и продолжает расти, не в последнюю очередь потому, что налог на большие состояния рассчитывается исходя из общей суммы. В прежние времена люди получали наследство, вступая в активную жизнь, сегодня же наследниками становятся в пенсионном возрасте. Прижизненное дарение смягчает эти демографические новации.

Нам кажется неоспоримым, что за вчерашними столами и плачем по покойному на могиле часто скрывалось жадное ожидание наследства, что исчезновение этого ритуала не меняет смысла смерти — и страха, который она вызывает. Но смерть —

это не только что-то «непристойное» и «скандальное», она не сводится и к разделу имущества: через нее выражается дальнейшее существование семьи, ее социальное положение. Видеть в семейном достоянии лишь накопленное имущество означает недооценивать его значение. Можно было бы определить семейное достояние как набор благ, выражающих теплые чувства в семье и ее историю. Отец, который экономит и копит деньги, чтобы оставить детям больше, чем получил от родителей, руководствуется не только жадной наживы. Деньги становятся инструментом для продолжения рода. Выражение «семейное достояние» (*франц. le patrimoine*, от *лат. pater* — отец) вызывает образ родителей. Вот почему законодатели — даже социалисты — всегда ограничивают налог на наследство.

В ПОГОНЕ ЗА ОРГАЗМОМ

Поиски сексуальной гармонии

Согласно П. Гиро⁴⁵, существует 1300 слов и выражений для определения полового акта, 550 — для пениса и столько же — для женских половых органов. Согласно словарю «Робер», оргазм (от *греч. orgasma*, производное от глагола *orgân*, кипеть) — это «наивысшая степень сексуального возбуждения». Слово применимо как к наслаждению, испытываемому мужчинами, так и к удовольствию, получаемому женщинами, однако считается, что женский оргазм вызвать труднее. Вот почему мужчина старается прочитать в глазах партнерши, что «предприятие» было успешным. Все это описывается жаргонными выражениями «упасть в обморок», «закатить глаза», «глаза остекленели» и т. п. Это лексическое разнообразие, часто метафорическое и изгнанное из благопристойного лексикона, контрастирует со сдержанностью общепринятых словарей. В словаре «Малый Ларусс» (издание 1978 года) секс определяется как «комплекс внешних или внутренних проявлений, свойственных индивиду в зависимости от его пола».

Абстрактность дискурса не дает лицеистам пищи для грез. Однако Мишель Фуко предлагает нам задуматься о красноречии молчания. Абсолютно не нужный для продолжения рода, женский оргазм игнорировался и осуждался церковью, но притягивал всеобщее внимание, а некоторые отваживались о нем говорить. В XVII веке доктор Никола Веретт пишет о женщинах как о «созданиях более похотливых, чем мужчины», а «Малая Библия молодых супругов», вышедшая в свет в 1885 году, побуждает к экспериментам для достижения одновременно оргазма. Еще вчера женщина, получавшая удовольствие без любви, считалась нимфоманкой, тогда как женатый мужчина, завсегдатай публичных домов, — «нормальным». Мужчина — в смысле «самец» — это достаточно простое существо, путающее эякуляцию с акме. В историческом плане является новым женский дискурс о сексе; женщины предъявляют жалобы. Американские сексологи Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон сообщают нам, что в 1950-е годы их пациентами были мужчины, удрученные своими сексуальными неудачами: импотенцией, преждевременной эякуляцией и пр. Начиная с 1960-х годов к ним приходило все больше женщин, жаловавшихся на редкость оргазма или невозможность его достичь. Начиная с 1970-х годов, по словам тех же авторов, появляется новая фобия, которую они определяли как «отсутствие эффективной физиологической возможности», что говорит о том, что когда физические проблемы решены, появляются проблемы сексуальных способностей, которые у разных индивидов очень разные. Отныне пара должна выстраивать свои отношения вокруг сексуальной гармонии. «Речь не идет о супружеском долге или преданности друг другу и не о ребенке как главной реперной точке структуры. Дело здесь в смещении ценностей в пользу индивидуального и/или супружеского нарциссизма. Сексуальная гармония превозносится и транслируется медиасистемами, выслушивающими, дающими советы, информирующими»⁴⁶.

Груз прошлого

Возможно, главным событием в частной жизни западного общества в последние десятилетия стало появление эротики, абсолютно чуждой иудео-христианской культурной системе. Символом грязи и непристойности может служить «Автопортрет» Эгона Шиле, где художник изобразил себя мастурбирующим (музей «Альбертина», Вена). Чтобы понять значение этого явления, вспомним описанные в предыдущих томах «Истории частной жизни» сексуальные табу христианского общества⁴⁷. Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Нужно совокупляться для продолжения рода, а не жить ради совокупления. В первом послании к коринфянам святой Павел выдвигает тезис о супружеском долге. «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» (1 Кор. 7: 4). Целомудрие предпочтительнее супружества, но не все на это способны, поэтому, «во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (1 Кор. 7: 2). Также необходимо познавать свою жену со сдержанностью. «Проявлять слишком горячую любовь к своей жене означает супружескую неверность... <...> Мужчина должен уметь обуздать вожделение и не отдаваться своей страсти слишком стремительно. Нет большего срама, чем любить жену как любовницу», — писал святой Иероним. Богословы никогда не упоминали женский оргазм, полагая, что он бесполезен для передачи «женского семени», соединение которого с мужским влечет за собой зачатие и продолжение рода. Любые противозачаточные средства запрещались. Секс запрещался в постные и праздничные дни, во время менструации, в течение сорока дней после родов, во время беременности и кормления грудью. Монтень советовал «получать от своей жены лишь сдержанное удовольствие, серьезное и не лишённое некоторой строгости, потому что наши жены всегда очень легко отзываются на наши нужды». Брантом советовал мужьям не прививать женам вкуса к любовным утехам,

потому что «к искре, полыхающей в их телах, добавятся еще сотни». Но и Монтень и Брантом находят нормальным, что у мужчины есть любовные связи на стороне и что он практикует там «эти чудовищные позы, описанные Аретино». Начиная с XIV века некоторых богословов заботили трудности пар, обремененных детьми. Пьер де ла Палю предлагает использовать «сдержанные объятия» (сношение без эякуляции). В конце XVI века Томас Санчес утверждал, что «соитие супругов» без намерения зачать ребенка не является грехом (разумеется, использование при этом каких-либо противозачаточных средств недопустимо). Большинство историков склонно полагать, что эти предписания неукоснительным образом соблюдались. Жан-Луи Фландрен придерживается другого мнения. Согласно ему, из покаяний мы узнаем многое о противозачаточных практиках при внебрачном сексе и о мастурбации. Он отмечает, что «перерывы на пост» никоим образом не сказываются на рождаемости, и даже ставит под сомнение глубину христианской веры, в частности, в деревнях. «Каждый был христианином на свой лад, что никогда не совпадало ни с точкой зрения богословов, ни с нашей».

Оргазмология и оргазмотерапия

Сексология появилась во второй половине XIX века. В своем «Трактате об импотенции и мужском и женском бесплодии» (Baillière, 1855) доктор Ф. Рубо так описывает оргазм: «Во время оргазма кровообращение усиливается <...>. Глаза наливаются кровью, взгляд становится диким <...>. Одни дышат прерывисто, другие задерживают дыхание <...>. Возбужденные нервные центры реагируют только на очень смутные проявления воли <...>. Руки и ноги судорожно сгибаются и разгибаются, двигаются во всех направлениях или же напрягаются и становятся твердыми, как железные балки; челюсти стиснуты, зубы скрежещут, а некоторые в эротическом бреду, охваченные вожделением, кусают до крови плечо партнера, которое

он неосторожно подставил. Это исступление обычно длится недолго, однако достаточно для того, чтобы силы покинули организм». Одной из общепризнанных отраслей наук о человеке сексология становится после I Мировой войны (Вильгельм Райх, «Функция оргазма», 1927) и особенно после Второй (А. Кинси, «Сексуальное поведение человека», 1948). В 1950 году Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон, «проявив большую отвагу», впервые наблюдали, что происходит с женскими и мужскими половыми органами во время полового акта. После многих лет наблюдений в 1966 году они опубликовали работу «Сексуальные реакции человека», в которой описали человеческий оргазм. Женский оргазм предстает результатом трех факторов: физиологического, психологического и социологического. Миф о клиторе, аналоге мужского пениса, был развеян. Различие между клиторальным и вагинальным оргазмами — это иллюзия, потому что «реакция вагинального канала во время взрывного оргазма ограничена „оргазмической платформой“» (находящейся во внешней трети влагалища). Таким образом, качество женского оргазма не зависит от размера пениса, в противоположность расхожему мнению (по мнению доктора Симона, средний размер эрегированного пениса составляет 155 миллиметров; мужчины же оценивают его в 172 миллиметра, а женщины — в 162 миллиметра). В работе «Сексуальная дисгармония» (1971) приводится описание сексуальных дисфункций, которое лежит в основе оргазмологии и оргазмотерапии. В противоположность психоаналитику, сексолог претендует на успешное лечение и ссылается на имеющиеся экспериментальные научные данные. Если Фрейд за два года до смерти пишет статью, название которой можно интерпретировать как констатацию провала — «Анализ конечный и бесконечный»⁴⁸, то оргазмотерапевт ограничивает лечение во времени. Живем ли мы в эпоху «заката психоаналитиков и рассвета сексологов», по словам А. Бежена⁴⁹? Сексология опирается на *behaviour therapy* — поведенческую

терапию, согласно которой невротическое поведение является благоприобретенным. Сексологу приходится отучать пациента от такого поведения. «Таким образом, речь идет о том, чтобы ликвидировать *теперешние* симптомы (а не то, что было раньше), подавляя в организме пациента имеющиеся условные рефлексы и формируя новые. Здесь возможны два подхода: либо устранить тревогу, связанную с поведением, которому предстоит обучиться, либо сделать так, чтобы поведение, от которого пациенту следует отучиться, стало вызывать тревогу» (А. Бежен). Не вдаваясь в детали, скажем, что лечение длится две недели, что оно проводится совместно врачом и психологом, мужчиной и женщиной, что в случае успеха за пациентом в течение пяти лет ведется наблюдение (чаще всего по телефону), что статистика успехов и провалов постоянно обновляется и публикуется. Принимая во внимание тот факт, что в лечении существенная роль отводится мастурбации, мы присутствуем при «депатологизации» онанизма, что является настоящим прорывом в нашей культуре. Известно, откуда идет запрет на получение удовольствия в одиночку. «И взял Иуда жену Иру, первенцу своему; имя ей Фамарь. Ир, первенец Иудин, был негоден пред очами Господа, и умертвил его Господь. И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал семя на землю, чтобы не дать семени брату своему. Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его» (Быт. 38: 6–10). За мастурбацию приговаривают к смерти — таков вердикт, который дошел до нас из глубины веков. После тысячелетий осуждения мастурбация выходит из сферы тайного, чтобы стать, как говорят сексологи, лучшей подготовкой к успешной встрече с партнером. «Мы сможем доставлять удовольствие другому человеку только в том случае, если сможем мастурбировать до достижения оргазма <...>. Мы пойдем к другому, когда будем готовы», — пишет Дэвид Купер

в книге «Смерть семьи». С точки зрения Жильбера Торджмана, «все дети, и мальчики, и девочки, мастурбируют с самого раннего возраста». Крайне важно, чтобы по окончании латентного периода подростки снова принялись за «дурные привычки», ставшие хорошими, потому что «подростки, которые не прошли на пути к зрелости через этап мастурбации, гораздо чаще других испытывают трудности во взрослой жизни». Современный срок этой эволюции обозначен журналом *Vital*: «Биологи стремятся раскрыть законы сексуального удовольствия <...>. Вызывается ли оно стимуляцией эрогенных зон или же морфином, вырабатываемым мозгом, ясно одно: сексуальное наслаждение — это не грех цивилизации, но биологическая реальность, свойство тела».

От исповедника к сексологу

В традиционном обществе, где брак заключался не по любви, но, повторим, был всего лишь сделкой между двумя богатыми — или нищими — семьями, наличие правил для жизни в паре было необходимо. Существовал «супружеский долг», который следовало соблюдать во всех отношениях, «и прежде всего в постели» (Ж.-Л. Фландрен). Если один из супругов отказывался от секса, прибегали к помощи исповедника, который читал нотацию и мог отказать в отпущении грехов и причастии. Семейным секретом, таким образом, делились. Сегодня женщина, «которой оказывают должное внимание», но неудовлетворенная, а значит, фригидная, также нарушает границы семейной тайны и отправляется на консультацию к сексологу. То же делает мужчина в случае, если у него слабая эрекция или преждевременная эякуляция. Теперь сексолог, как раньше духовник, посвящается в тайну. «В этическом плане он ставит и определяет простую норму: цель соития — получение оргазма обоими партнерами, наслаждение открывает эру сексуальной демократии. В техническом плане он обучает пациентов самодисциплине оргазма» (А. Бежен).

И в противоположность психоаналитику, который прибегает к разным уловкам, чтобы попросить денег за свои услуги («Бесплатное лечение, — пишет Фрейд, — провоцирует сильное сопротивление пациента»), он выставляет счет и получает законный гонорар за оказанную услугу.

Могло ли общество мириться с тем, что партия теперь играет на троих: женщина, мужчина и *third person*, третье лицо (исповедник, психоаналитик, сексолог)? Был ли этот процесс настолько второстепенным, что государство не считало нужным в него вмешиваться? Разумеется, нет. В 1976 году под эгидой Министерства здравоохранения был создан CIRM — Информационный центр планирования семьи, материнства и сексуальной жизни. Туда обращаются «по телефону, что позволяет установить с позвонившим доверительные отношения, но вместе с тем сохранить анонимность» (из рекламного буклета CIRM). Это как исповедь, только исповедник незнакомый. Количество обращений превзошло все ожидания. «Доктор, проконсультируйте, пожалуйста, по поводу орально-генитальных ласк или эротической стимуляции»⁵⁰. В 1980 году CIRM прекратил подобную деятельность. В 1983 году в телепрограмме появилась передача «Psyshow», в которой приглашенная пара рассказывала двум журналистам и психоаналитику о своих проблемах в сексе. Последовала возмущенная реакция журнала *Elle* — передачу называли «стриптизом на телевидении», а журнал *Confidences* описывал ее словами «скандальная, вульгарная, постыдная». Вот что возразила Паскаль Бреньо, продюсер: «Именно потому, что мы находимся в студии, все получается. Пара использует наше присутствие, чтобы почувствовать себя свободными по отношению друг к другу. Они чувствуют себя в безопасности». «Страдание в прямом эфире, истерика по поводу публичного обнажения, достижение прозрачности любой ценой очень напоминают публичную исповедь, признание», — заключает К. Декли.

Сексуальное возбуждение и его тайны

Почему мы испытываем сексуальное возбуждение? Наивный ответ был бы простым: достаточно продолжительное отсутствие сексуальных контактов, созерцание желанного человека, прямая стимуляция эрогенных зон, мощный выброс мужских гормонов и т. д. Психолог же скажет нам, что механизм куда сложнее. Роберт Столлер утверждает, что сексуальное возбуждение происходит в основном из желания навредить партнеру и что оно способно достичь высшей точки, потому что скрывает тайну. «Фантазии, осознанные или неосознанные, функционируют тем лучше потому, что они тайные, невысказанные, подавленные, потому, что они возникают скорее из-за чувства вины, стыда и ненависти, чем от веселой похоти»⁵¹. Р. Столлер перечисляет психологические факторы, способствующие сексуальному возбуждению: «Враждебность, тайна, риск, иллюзия, месть, желание вытеснить из сознания детские травмы и фрустрации, фетишизация. Все эти факторы связаны с тайной». Иными словами, благодаря фантазиям взрослый человек, бывший ребенок-жертва, находит в эротической победе возможность мести. Тот же автор приводит такой пример: «Одна пациентка, которая с самого детства боялась унижения, сопровождавшего любое ее действие, рассказывала, что лучшим моментом во время полового акта для нее был не оргазм, а тот, когда она понимала, что ее партнер не может больше сдерживаться». На первом месте среди возбуждающих фантазий стоит изнасилование. То, что оно занимает большое место в мужском воображении, известно давно: об этом свидетельствуют многочисленные «академические» картины. Среди прочих назовем картины Ж.-Л. Жерома (того самого, который инициировал отказ от наследства Кайботта), «Арабский рынок наложниц» и «Заклинатель змей» (Институт искусств Стерлинга и Франсин Кларк, Уильямстаун), которые скорее подошли бы для удовлетворения гомосексуалов. В высокомерном мужском дискурсе о насилии звучит

мысль, что «женщины обожают это». «Это так», — соглашается Р. Столлер — правда, лишь при условии, что насилие имеет место только в воображении женщины. Воображаемое изнасилование убеждает женщину в собственной неотразимости и дает ей чувство превосходства над насильником. При помощи мастурбации она может достичь оргазма, не испытывая чувства вины (поскольку она не была «в действительности» неверна). Н. Фрайди приводит массу примеров, созвучных тезисам Р. Столлера⁵². Остановимся на двух. «Моя первая эротическая фантазия случилась сразу после полового созревания. Лежа ночью в постели, я воображала, что иду по лесу. За мной шел незнакомый мужчина <...>. Он схватил меня и заставил делать разные вещи против моей воли <...>. Позже фантазия модифицировалась: я воображала, что меня похищают и продают в рабство. В этой истории было множество вариантов, потому что меня многократно покупали и перепродавали, я все время попадала к разным мужчинам». Другой пример, в котором речь идет не о насилии, а об обезличивании партнера, которого женщина сводит до уровня фетиша: «Я представляю себе кучу всякого, когда занимаюсь мастурбацией. Иногда воображаю мужчину, который появляется в дверях и хочет продать мне что-то. Я приглашаю его войти. Пока он расставляет свой товар, я начинаю ласкать себя. Он смотрит на меня. Его это явно возбуждает. Видно, что ему все труднее рекламировать свое барахло. Тогда я раздеваюсь и начинаю мастурбировать, не прекращая наблюдать за тем, как он пытается держать себя в руках. Он еле сдерживается, я же, понятное дело, выгляжу невозмутимой, но тут и я уже начинаю возбуждаться <...>. Не в силах устоять перед моими чарами, мужчина набрасывается на меня прямо посреди гостиной». Что представляют собой эти игры воображения? Извращение? Нет, утверждает Р. Столлер, делящийся с нами «тайной общества». Вот она: «Мы стараемся из всех странных людей сделать козлов отпущения, но все те, кто собирает эротические

фантазии — психоаналитики и разные другие, — знают, что многие граждане, с виду гетеросексуальные и нормальные, а не только любители прижиматься в транспорте, или те, кого возбуждает рвота, или зоофилы, копрофилы, любители говорить непристойности по телефону — также полны ненависти и желания (если не готовых планов) навредить другим: *у всех есть дурные пристрастия*. Автор делает безапелляционный вывод: «Моя теория сексуального возбуждения — еще одна иллюстрация того, что человеческие существа как вид проявляют не очень много любви и что это заметнее всего, когда они занимаются любовью. Жаль!» Срывание покрывала тайны, смазанность тайны, исчезновение ритуала раздевания — уничтожает ли все это эротические фантазии? Так полагает Жан Бодрийяр, приводящий такой анекдот: «В разгар оргии мужчина шепчет на ухо женщине: „What are you doing after the orgy?“»⁵³ («Что вы делаете после оргии?»). Коды хорошего поведения любопытным образом встали с ног на голову. Вчера мужчина, пришедший с дамой на художественную выставку, спрашивал у нее: «Что вы делаете после выставки?» Приглашая ее на обед, он интересовался: «Какие планы на вечер?» и т. д. А что же сегодня? Из постели — в «Бобур»*?

Инцест

Инцест относится к сфере тайны, поэтому нам мало что известно об этом явлении, и статистика INED (Национального института демографических исследований) и INSEE (Национального института статистики и экономических исследований) неполна. Разумеется, инцест связан с «объективными» условиями жизни, и в беднейших слоях инцест отца и дочери — наверняка более распространенный, чем можно подумать, — не обязательно вызывает чувство вины. Вот

* Имеется в виду Национальный центр искусства и культуры Жоржа Помпиду в Париже. — *Примеч. ред.*

невыведенная история 40-летнего мужчины, живущего со своей 14-летней дочерью. В результате доноса отец оказался в тюрьме, дочь попала в приют, оба были совершенно потеряны. Освободившись по амнистии в честь 14 июля, отец вернулся домой, обнаружил свою несовершеннолетнюю дочь, «познал» ее и 17 июля снова попал в тюрьму. В кругах с более благоприятной обстановкой инцест также встречается, но его труднее уловить. Возможно, он существует в завуалированной форме: «девушка» — любовница мужчины, который годится ей в отцы; мать, решившая «инициировать» своего сына при помощи одной из подруг, но «не желающая знать об этом». Ветхий Завет не запрещает инцест. Это вопрос уместности. Переживший гибель Содома и Гоморры, потерявший жену, которая превратилась в соляной столб, старик Лот оказался без потомков-мужчин. Две его дочери, сознавая свою ответственность, по очереди зачали от него, и на свет появились Моав, отец моавитян, и Бен-Амми, отец аммонитян. В обоих этих случаях отец «не знал, когда она легла и когда встала» (Быт. 19: 30–38); это доказывает, что старик еще кое-что мог, но был слегка рассеян.

Садомазохизм

«Желание приносить страдания сексуальному объекту или, наоборот, желание страдать самому — самая важная и самая распространенная форма перверсий», — пишет Фрейд. Кто может утверждать, что полностью свободен от этого? Не являются ли взрослые, как и дети, полиморфными извращенцами? Великие садисты (как, например, сподвижник Жанны д'Арк Жиль де Рэ), как правило, запутываются в своих делах и попадают. Мелкие и средние садисты-извращенцы (небезызвестный маркиз) так или иначе в состоянии держать себя в руках. Наиболее распространен третий тип садистов: это мелкие начальники, терроризирующие мастерские и офисы, отдельные преподаватели, отцы семейств, оправдывающие борьбой

за нравственность свою крайнюю суровость, автомобилисты, которые из жажды наказания провоцируют несчастные случаи, и т. д. Напряженность момента (война, революция) и неумолимая строгость структуры (все формы тоталитаризма) пробуждают — или просто будят? — в «обычных» людях скрытые садистские импульсы, так что становится возможным говорить о заразности садизма. Что же касается мазохизма, интересовавшего сексологическую литературу XIX века, он по-прежнему остается загадкой: какая вина побуждает мазохиста требовать себе наказания? Почему это наказание является условием для оргазма? Должны ли мы вслед за Фрейдом полагать, что садист и мазохист формируют пару (активный — пассивный), отсылая к гипотезе о том, что все люди бисексуальны? Или же, как Жиль Делёз, считать, что меняться этими двумя ролями нельзя? Как бы там ни было, но любой семейный скандал — это иллюстрация потенциального садомазохизма его участников. После кризиса люди начинают объясняться: «Я никогда не видел тебя такой. — Я сказала больше, чем думала». Возможно ли это? Ссора обнажила тайну.

СЛЕДУЕТ ЛИ ПОТАКАТЬ ЕСТЕСТВЕННОЙ СКЛОННОСТИ К ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМУ ОТНОШЕНИЮ?

Страсти по оргазму, ставшему «доказательством» цветущей сексуальности, подогреваются средствами массовой информации. Взглянем лишь мельком на журналы, выходящие огромными тиражами. До 1960-х годов о сексе практически не говорилось. Марсель Оклер, ведущую рубрики «Дела сердечные» в журнале *Marie Claire*, обожают — или, наоборот, критикуют — за статью под названием «Любовь, которую не надо бояться называть физической». В прессе 1980-х бесконечно пересекаются две темы: рецепты — почти технические — достижения

акме и прославление нежности, «вечной любви». При рассмотрении второй темы «подлинной» сексуальной удачей считается обогащение чувств. Хороший пример подобной тематической комбинации, нацеленной на удовлетворение сексуальных требований и сердечных ожиданий, дает нам журнал *Cosmopolitan* (№ 118, сентябрь 1983 года). В статье под брѳским названием «Любовник в настоящем времени» женщинам щедро раздаются смелые советы, как «удержать одноразового любовника»; подобное приключение не считается ненормальным, тональность статьи не имеет ни малейшей морализаторской окраски, стиль — подчеркнуто непринужденный, лишенный каких бы то ни было предрассудков. Даются рекомендации такого типа: «Избегайте поцелуев всасос и надоедливых разговоров». Тем не менее раскрывается традиционная тема (амур-тужур, любовь-морковь), содержащаяся в таком выводе: «Разновидность игры, позволяющей сломать роли. Быть тем, кем хочешь. Превзойти себя. Играть в любовников и любовниц, даже когда биологически ты верен партнеру как сенбернар. Мечтать. И в конце концов создать настоящую страсть. Потому что партнер уже не сможет обходиться без таких моментов. Не сможет обходиться без тебя <...>. Это долгосрочная инвестиция». В том же номере — статья для мужчин. Здесь речь идет не о том, чтобы «удержать», но о том, чтобы «завоевать» (лексикон военный). Название статьи — «Ухаживания в человеческом обществе». Первая фраза: «Мы здесь ни при чем. В конце концов, не наша вина, если наш примитивный мозг велит нам расправлять плечи, выкатывать грудь колесом и строить глазки, как только мы замечаем кого-то, кто проникает в наше подсознание». Совет: не торопитесь. Говорить женщине *ex abrupto** «Давай займемся любовью» неэффективно, потому что «не всегда дело доходит до логического завершения, есть люди, которые выходят из игры, даже не достигнув стадии „прикосновение“». Какова же

* С ходу, внезапно (лат.).

стратегия? Она состоит из следующих этапов: 1) внимание; 2) узнавание; 3) разговоры; 4) прикосновения; 5) совокупление. Последняя фраза: «Процесс соблазнения — близость, нежность, ласки, взгляды, телесный контакт — иногда приводит к непредвиденным результатам. И сигналы соблазнения, которыми люди обмениваются, могут создать любовную связь, которую не так-то легко разорвать». Кто же автор этого набора трюизмов? Некий Дэвид Гивенс, утверждающий, что он ученый. Третья статья из того же номера называется так: «Когда можешь, тогда и хочешь». Говорят, фраза взята из «Дневника» Жюль Ренара. Апология воли, статья побуждает читательницу выбрать себе «мишень» в зависимости от собственных качеств: физических, интеллектуальных, социального положения. Не каждая женщина может получить Гонкуровскую или Нобелевскую премию, стать кинозвездой. Нужно согласовывать спрос и предложение — таков закон рынка. Разумеется, трудно фантазировать о «толстом лысом коротышке». Но мечтать только о «молодом, красивом и богатом» опасно и опрометчиво. Рассуждая в таком духе, автор статьи «приходит к выводу», что любой, кто умеет рисовать, «мечтает стать Пикассо», но напоминает, что «рисунок может быть афишей, театральным костюмом, макетом газеты, моделью одежды или дизайном мебели». Последняя часть статьи имеет весьма прозаический подзаголовок: «Средства оправдывают цель». Посыл ясен: каждый человек должен оставаться на своем месте, в своей касте, в своем классе.

Union, один из самых «толерантных» журналов, получал более восьмисот писем в год. Вопросы касались фантазий, мастурбации, свингерства, семьи, гомосексуальности, инцеста, супружеской измены и т. д. Ответы, публиковавшиеся в рубрике «Переписка с читателями», были в высшей степени осторожными и обескураживающими, особенно в том, что касается инцеста и педофилии. «Я очень вам советую прекратить все сексуальные отношения с сестрой, потому что это может повлечь за собой весьма серьезную психологическую травму.

<...> Инцест — это табу для нашей цивилизации, которое не следует нарушать». «Надо сказать дочери решительное „нет“, если она будет продолжать провоцировать вас». «Настоятельно рекомендую вам прекратить оральные ласки, мастурбацию и прочие сексуальные действия в отношении двенадцатилетней девочки. Это категорически запрещено законом и поэтому опасно (вы рискуете попасть в тюрьму, на допрос в полицию и пр.)»⁵⁴. Свингерство рекомендуется — это, по мнению журнала, «обогащает», а адюльтеру хоть и не выносится приговор, но он представляется как «ситуация, в которой паре трудно жить и с которой сложно смириться». Следует «народный рецепт»: «Превратите жену в любовницу, найдите в ней женщину из вашей молодости». Легко сказать. «Именно в этом журнале, — пишет К. Декли, — четко и категорически формулируются фундаментальные сексуальные запреты общества. Терпимость и гуманное отношение журнала Union к вопросам секса компенсируется призывом к порядку». По мнению того же автора, в 1980-е годы происходит социально-сексуальная революция. Можно сделать следующее резюме: женщины начинают занимать все более высокое положение в обществе, что изменяет их отношения с мужчинами. Вчера женщина ждала от партнера внимания, деликатности, надеялась, что он будет действовать в ритме ее сексуальности. Сегодняшняя женщина находит унижительным, если с ней «церемонятся». Она предпочитает «мачо», который сразу переходит к делу, что является доказательством его мужественности. Женщина использует сексуальность мужчины в свое удовольствие, для получения максимально возможного удовлетворения, не требуя от него подчиняться ее ритму. Мужчина, который уделяет слишком большое внимание тому, чтобы женщина достигла оргазма, согласно мнению нашего автора, не соответствует ожиданиям женщины, привыкшей действовать. Ей нужен мужчина со всей его брутальностью, со всеми отличиями от нее самой, не «церемонящийся» с ней; мужчин с лесбийскими повадками она

презирает. Получение во время секса власти над грубым мужчиной доставляет куда большее наслаждение. К. Декли подкрепляет свои слова некоторыми текстами из женских журналов. F. Magazine откровенно превозносит «возвращение мачо». «Сегодняшние мужчины, — читаем в этом журнале, — не в состоянии поддерживать соотношение сил. Они нерешительны, не-сексуальны, они почти андрогины. Они либо импотенты, либо женоненавистники. Вот почему настал момент вернуться к старым добрым временам, когда мужчины были мужественны». Идеальный мужчина — каков он? Вот его портрет: «Мужчина, который всегда на высоте; нам нужны не любители, а профессионалы. Мы больше не можем терять время в постели с мужчинами, которые не умеют заниматься сексом». (В лексиконе порнографического кино «быть на высоте» — сохранять эрекцию в течение всего периода съемок.) «Наслушавшись разговоров о нашей сексуальности, некоторые из них стали вести себя как настоящие лесбиянки. Я называю их „сексуальными попугаями“» (F. Magazine). Журнал Amour прославляет «требовательную любовницу, способную на взрывной оргазм». Всякий стыд отбрасывается. Поддаться мужским фантазиям больше не означает подчиниться, но заключить контракт. Неважно, какую роль ты играешь, главное — испытать оргазм. Зачем отказываться от черных чулок и корсетов, если подобная атрибутика возбуждает? «Оргазм происходит в голове, даже если не всегда легко принять, что ты любима немного странным образом» (Marie Claire). В новых условиях обмена сексуальными услугами женщина должна удовлетворять «безумства» партнера, и наоборот. Одна из читательниц журнала Marie Claire, профессиональная секс-работница, советует замужним женщинам удовлетворять капризы мужей, чтобы «они не искали удовольствий на стороне». Участницы этой социально-сексуальной революции остаются в меньшинстве (но революции всегда совершаются меньшинством, могут они возразить). В прессе и опросах появляется «возврат к чувствам» (или к их

постоянству), потому что «общение» в паре всегда ценится выше, чем сексуальная гармония. Чувственная жизнь со своими тайнами и секретами представляется более богатой, чем полное обнажение, лишаящее воображения. Сексуальным сообществам выносится суровый приговор. В центре внимания по-прежнему остается геронтофилия. Кого больше любит танцовщица, героиня фильма Чаплина «Огни рампы», — молодого человека или старика, тоскующего по былой славе? Почему некоторые девушки и молодые женщины без ума от этих лиц, на которых жизнь оставила множество следов? Что это — деньги, карьеризм? Иногда. Любовь к мужчине-отцу, отцовский образ, освобождающий инцест от чувства вины? Может быть. Но также и пересечение Эроса и Танатоса, встреча двух людей, у одного из которых все впереди, а другой уже подводит итоги. А может быть, наконец, попытка раскрыть тайны женственности? У мужчины с лесбийскими наклонностями седые волосы.

ОТ ИЗВРАЩЕННОСТИ К ОБРАЗЦОВОСТИ: ГОМОСЕКСУАЛЫ СРЕДИ НАС

О, залупа, возноси же
Выше, выше
Свой ласкающий атлас,
Что в руке моей фонтаном,
Как султаном,
Украшается тотчас.

*Верлен**

Исторический экскурс

Сначала гомосексуальность рассматривалась как перверсия, затем как болезнь, теперь же некоторые исследователи видят в гомосексуальной паре гетеросексуальную пару завтрашнего

* Из стихотворения «Balanide II». Пер. И. Булатовского.

дня. Прошли времена, когда доктор Тардьё мог писать: «Да не замараю я своего пера грязью педерастов!» Поль Вейн сообщает, что Древний Рим был бисексуален, а Филипп Арьес отмечает, что духовенство по отношению к содомии занимало позицию безжалостную, но двойственную. В самом деле, согласно классификации Данте, содомиты находятся в девятом круге ада, вместе с Каином, Иудой, предателями, убийцами и т. п., совсем рядом с Сатаной. Однако в этом же девятом круге Данте находит своего старого любимого учителя Брунетто Латини, который, вспоминая содомитов, заявляет: «То люди церкви, лучшая их знать, / Ученые, известные всем странам; / Единая пятнает их печать»*, что наводит на мысль, что гомосексуальность была распространена в кругах, которые мы сегодня назвали бы интеллигенцией. Латини не без коварства добавляет, что существенная часть ответственности за этот ужасный грех лежит на женах и что его сварливая жена виновата в этом больше, чем кто-либо другой. Комментарий Арьеса: «Теолог обвиняет, а человек дает индульгенцию. Этим грешило духовенство, учителя, возможно, молодежь». В XV–XVII веках за пирушками в колледжах строго и часто с осуждением наблюдали представители церкви. Это была настоящая инициация, на пирах присутствовали проститутки (у Монтеня читаем, что сифилис в четырнадцать лет отнюдь не редкость), но все наводит на размышления, что в этих оргиях присутствовали и гомосексуальные связи. Бисексуальность — по крайней мере среди подростков — существовала на протяжении веков, с конца Римской империи. Филипп Арьес находит в «Дневнике» Барбье такую запись от 6 июля 1750 года: «Сегодня в пять часов на Гревской площади публично сожгли двух рабочих, девятнадцатилетнего подмастерья столяра и двадцатипятилетнего мясника, застигнутых за содомией. Судьи были слишком строги. Вероятно, парни просто перепили». Арьес считает, что это была показательная

* Пер. М. Лозинского.

казнь и что гомосексуальность, по всей видимости, была распространённым явлением. В начале XIX века в обсуждении гомосексуальности выдвигаются две гипотезы: для традиционалистов это извращение, для тех же, кто придерживается современных взглядов, — болезнь. Первые взывают к этике, вторые полагают, что причина кроется во врожденной склонности. В первом случае требуют осуждения, во втором — понимания и лечения. Гомосексуальность остается табу вплоть до середины XX века. По мнению Доминика Фернандеса, гомосексуальные тексты должны быть «притягательными обманками», «ловушками», в которых блистают такие писатели, как Пруст и Жид. Таким образом рождается некая литературная форма, которая намекает на существование тайны, но никогда не называет ее прямо. В «Отчетах Кинси» спокойно говорится о том, что «согласно действующему законодательству, 95% американцев должны были бы сидеть в тюрьме за преступления на сексуальной почве». Среди прочего нам сообщается, что у одного мужчины из четырех имеется продолжительный гомосексуальный опыт и что две трети замужних женщин испытывали оргазм до свадьбы. Скандал! Однако скандал жизнеутверждающий: зная, что их так много, виновные не испытывают чувства вины.

Итак, гомосексуалы могут наконец выйти из подполья и заявить о своей специфической нормальности. Поскольку половой акт больше не имеет целью зачатие и неважно, в чьих объятиях достигается оргазм, гомосексуальная практика сближается с гетеросексуальной. На помощь приходит сексолог. В работе «Сексуальные перспективы», опубликованной в 1980 году, Мастерс и Джонсон предлагают гомосексуалам два типа «услуг»: «восстановление нормальной сексуальной функции в рамках гомосексуальности для тех, кто не стремится сменить ориентацию, и попытки поворота к гетеросексуальности для тех, кто неудовлетворен или испытывает чувство вины в связи со своей ориентацией». Теперь, когда гомосексуалы принимаются обществом, они больше не соглашаются

соответствовать карикатурному образу и перестают вести себя громко и жеманно, как того требует гетеросексуал, надеющийся таким образом потешить собственное самолюбие и возвыситься над геем. Мужественный, спортивный, затянутый в кожу, как байкер, оседлавший свой тяжелый мотоцикл, гомосексуал как брат похож на «мачо», столь желанного для дам, желающих «брутальной любви». «Короткие волосы, усы или борода, мускулистое тело... Самые популярные образы в гомосексуальной прессе или специализированных порнографических журналах — ковбой, водитель грузовика, спортсмен»⁵⁵ В Штатах они проживают особняком, в Вест-Вилледже на Манхэттене, в Кастро-Дистрикт в Сан-Франциско, в Саут-Энд в Бостоне и т. п. Гомосексуалы контролируют бары, рынок недвижимости и рынок труда и представляют собой электоральную силу, которую не стоит недооценивать.

Гомосексуальная биография

Благодаря двум большим социологическим исследованиям о гомосексуальности, немецкому⁵⁶ и американскому⁵⁷, мы можем попытаться понять, как живут гомосексуалы. Решительный — решающий? — момент их существования, по-видимому, каминг-аут или же первый сексуальный акт. Из американской анкеты узнаем, что 36% белых гомосексуалов скрывали свою ориентацию 24 года или больше, то есть каминг-аут — это завершение пути, длившегося многие годы. Наконец, настает момент примирить внутреннюю социализацию (например, женившись) и гомосексуальную ориентацию. Это очень сложное дело, Майкл Поллак называет его «шизофреническим управлением собственной жизнью». Шок тем более силен, что каминг-аут происходит достаточно поздно, а попытки самоубийства совершаются в два раза чаще, чем в среднем в данной возрастной категории, а 35% опрошенных немцев сообщили, что хотели в этот переломный момент, чтобы их «излечили». Напротив, среди тех, кто «вышел из тени», самоубийства случаются крайне редко.

Интенсивность половой жизни «среднего гомосексуала» гораздо выше «средней» и может привести гетеросексуала в замешательство. На вопрос о количестве партнеров за последние двенадцать месяцев 28% белых и 32% чернокожих отвечали, что таковых было больше пятидесяти. По данным немецкой анкеты, лишь 17% занимались подсчетами. Места «съема» указывались точно: бары, сауны, специализированные кинотеатры и рестораны, парки и т. п. «Беспорядочные, очень частые связи, специализация практик», — делает вывод М. Поллак. По мнению этого автора, гомосексуалы пользуются внешними признаками для указания на актуальные половые предпочтения. «Если ключи висят на заднем левом кармане, это говорит о том, что данный персонаж предпочитает активную роль, если на правом — то пассивную. <...> Если из заднего кармана торчит голубой носовой платок, это значит, что его владельца интересует оральный секс, если синий — анальный, а красный говорит о пристрастии к фистингу». Что же происходит после каминг-аута? Испытывает ли человек по-прежнему тревогу и чувство вины?* Многовековой запрет заставлял гомосексуалов разделять секс и чувства, принуждал «минимизировать риски и так организовывать свою половую жизнь, чтобы она была наиболее эффективна, то есть чтобы оргазм достигался всегда». Отсюда их тоска по жизни в паре: от сексологов узнаём, что гомосексуалы, приходящие к ним на консультации, просят научить их, как можно долго жить с кем-то вдвоем и при этом сохранять сексуальную свободу. По данным американского опроса, о стабильных отношениях, длящихся пять лет и более, заявили 31% белых и 8% чернокожих. В Германии пятилетнюю или более длительную связь имели

* Термин «каминг-аут» несколько двусмыслен. М. Поллак переводит его как «переход к действию». С нашей точки зрения, он означает признание кому-то в собственной гомосексуальности, которая отныне не скрывается. Совпадение во времени этого признания с первым гомосексуальным актом не кажется нам очевидным. — *Примеч. авт.*

23% опрошенных. Дружеские связи между экс-любовниками, которые длятся годами и исключают возможность возобновления сексуальных отношений, представляются разновидностью «расширенной гомосексуальной семьи», которая как бы играет роль недоступной жизни в паре.

Можно ли обнаружить корреляцию между гомосексуальностью и *статусом*? INSEE и INED ничего не говорят по поводу этого невероятного исследования. Если гомосексуал действительно приговорен к «шизофреническому управлению жизнью», если в зависимости от того, с кем он разговаривает в данный момент, ему приходится менять «роль», то именно в сфере публичных отношений он может наилучшим образом использовать свой «приобретенный дар», так как он всегда готов к потенциальной дискриминации. Вот почему — надо признать, это лишь гипотеза — гомосексуалы преобладают в сфере услуг (их много среди парикмахеров, в ресторанном бизнесе) и там, где требуется постоянно перемещаться. В высших сферах господствующего класса гомосексуальность является компрометирующим обстоятельством, поэтому гомосексуалам — выходцам из этих кругов приходится выбирать научную или артистическую карьеру, где к нетрадиционной ориентации отношение терпимое и она даже может оказаться полезной для карьерной стратегии, нацеленной на эксплуатацию социального капитала, который составляют представители этой субкультуры. И наоборот, гомосексуал — рабочий или крестьянин рискует стать объектом насмешек, ставящих под вопрос его идентичность и приговаривающих к полному исключению из общественной жизни.

Гомосексуал как «образец»

Для отдельных американских сексологов (в частности, Мастерса и Джонсона; вспомним их ранее цитируемую книгу «Сексуальные перспективы») гомосексуалы являются «моделью», позволяющей преодолеть противоречие между сексуальностью

инстинктивной (разнообразие) и сексуальностью социализированной (верность), чего до сих пор сделать не удавалось. Указывают ли гомосексуальные пары путь «новым» гетеросексуальным парам, ведущим совместную жизнь, обеспечивающую безопасность, с мимолетными увлечениями, позволяющими избежать «измены в мыслях», которую теологи отождествляют с изменой *in vivo*? Звучит сомнительно. Конечно, 26 июня 1983 года (однако дело было в Нью-Йорке, который, по большому счету, не Америка) состоялся парад офицеров полиции в окружении оркестра, состоящего из геев, и колонны писателей, размахивавших портретами Ролана Барта, Жана Кокто и Андре Жида. Целью этой демонстрации была мобилизация общественного мнения в борьбе со СПИДом. Реакция последовала незамедлительно: не были ли виноваты в распространении новой чумы те самые грешники-«педики»? Патрик Дж. Бьюкенен, экс-редактор речей президента Никсона, выступил с обвинительной речью: «Гомосексуалы объявили войну природе. Природа мстит <...>. Сексуальная революция начинает пожирать своих детей». Гомосексуалы добились некоторых прав, очень ограниченных в структуре общества. Эти права весьма уязвимы.

ОТ ХРОМОСОМНОГО ПОЛА К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ: ТРАНСГЕНДЕРНОСТЬ И СЕКСУАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

*Summa divisio**

«*Summa divisio* осуществляется провидением и предлагается людям». Так в 1965 году выразилась сторона обвинения в ходе судебного процесса, к которому мы еще вернемся. Составителям Гражданского кодекса не пришлось в голову дать определение полу, однако в наше время *summa divisio* больше не

* Основное разделение (лат.).

является очевидной данностью. 14 мая 1901 года апелляционный суд Дуэ признал брак недействительным по причине того, что «у мадам Ж., по заключению врачей, нет ни вагины, ни яичников, ни матки, она лишена этих органов, являющихся внутренними женскими половыми признаками; при этом у нее есть грудь и клитор — внешние половые признаки женщины; таким образом, она является не совсем женщиной». По кассации, поданной прокуратурой, гражданская палата 6 апреля 1903 года отменяет приговор: «Ввиду того, что пол мадам Ж. неопределим и в то же время не идентичен полу ее супруга, а также того, что она не имеет внутренних половых органов, суд признает, что внешне она женщина». Шестьдесят лет спустя — точнее, в 1965 году — суд в департаменте Сена рассматривал заявление по поводу исправления пола в документах, поданное человеком, утверждавшим, что он сменил пол и из мужчины стал женщиной. Было представлено медицинское свидетельство того, что «наличествуют все вторичные половые признаки женщины, а также внешние половые органы, морфологическое строение которых позволяет совершать половой акт в качестве женщины». В положительном решении вопроса было отказано. С точки зрения суда департамента Сена, сослаться на ошибку в регистрации пола можно по трем причинам: грубая или очевидная ошибка, на которую указывают заявитель или регистратор актов гражданского состояния, гипотеза о неопределенном поле, гипотеза о транссексуальности. В двух первых случаях «исправление» произошло бы без проблем, но признание третьего варианта отрицательно сказалось бы на соблюдении «принципа непреложности гражданского состояния», потому что, как заявляет уже упоминавшаяся прокуратура, «различение полов, фундаментальная основа жизни и, следовательно, любой организации человеческих сообществ, создано природой». 16 декабря 1975 года кассационная жалоба была удовлетворена и транссексуалу было отказано в просьбе изменить его гражданский

пол в связи все с той же «непреложностью», несмотря на то что заявителю была сделана соответствующая хирургическая операция.

Принцип непреложности гражданского состояния

Как долго законодательство может отказываться признавать все более углубленные научные исследования, касающиеся половых различий? Как долго оно будет, принимая во внимание эволюцию взглядов, игнорировать тот факт, что транссексуальность — это исключительная форма экзистенциальной трагедии? Не является ли не только согласие индивида, мужчины или женщины, на хирургическое вмешательство, но и требование его доказательством того, что у индивида есть на то железные основания? Что фундамент идентичности — это в первую очередь убежденность в своей принадлежности к тому или иному полу? Эволюция юридических взглядов прослеживается в деле *Надин С.*⁵⁸, которая подала заявление в суд в Нанси и утверждает, что она является мужчиной, в связи с чем просит разрешить ей сменить имя *Надин* на *Мишель*. Получив отказ, она подала апелляцию. Суд высшей инстанции признал, что пример *Надин С.* — «почти идеальная иллюстрация транссексуальности, в чем она была абсолютно убеждена, несмотря на свою анатомию», однако «постановил, что тяжелое психологическое состояние не является основанием для изменений в гражданском состоянии». *Надин С.* обжаловала и это решение. 30 ноября 1983 года первая гражданская палата апелляционного суда отклонила ее жалобу, потому что, несмотря на операции, которым она подверглась, «заявительница не является мужчиной». Тем не менее отклонение жалобы при всей своей категоричности было составлено так запутанно, что *Б. Эдельман*, комментируя документ, квалифицировал его как «выжидательную интерпретацию» и сделал вывод, что апелляционный суд оказался между «фактом и правом» и что поэтому нельзя ожидать, что вопрос будет

достаточно тщательно изучен, чтобы была возможность оценить его с правовой точки зрения.

Пока суд цеплялся за традиционалистские позиции, другие сферы социальной жизни — наука, самопознание — шли вперед. Гуманитарные науки и фрейдизм по-новому ставили проблему сексуальной идентичности, рассматривая ее как результат действия множества факторов — хромосомного, анатомического, морфологического, психологического. Последний параметр, понимаемый как чувство принадлежности к тому или иному полу, теснит, если не переворачивает, принцип непреложности состояния личности: чувствуя свою принадлежность к другому полу, транссексуал требует не его смены, а коррекции, лишь констатации факта. Принятие концепции сексуальной идентичности объясняет ахронию юридических решений (в лучшей из гипотез пол — это равновесие, гармония между различными элементами, которые его составляют и в которых наличествуют психологический и социологический компоненты). За четыре года до описанного случая, точнее 11 июля 1979 года, суд в Сент-Этьене постановил, что «транссексуальность не является капризом и что это было доказано серьезными научными исследованиями». 24 ноября 1981 года, за два года до «указа» гражданской палаты кассационного суда, прокурор Республики выразился еще более определенно: «Закон не дает определения понятию пола; принято считать, что это сложный комплекс из разных составляющих — генетических, анатомических, гормональных, психологических, которые в подавляющем большинстве случаев согласуются друг с другом». Однако существует и меньшая часть случаев, и этот фактор побуждает парижский суд присоединиться к точке зрения прокуратуры и постановить, что «заявление транссексуала — это не желание сменить пол, но попытка констатировать, что существует непримиримый разлад между анатомическим и социально-психологическим факторами; что наличие у транссексуала этого необратимого дисбаланса между специфическими

элементами пола не дает возможности запретить юридически это вмешательство; что психологическая составляющая в данном случае важнее физической».

Признание синдрома транссексуальности

2 февраля 1983 года, за десять месяцев до «указа», апелляционный суд Ажана признал правоту Анни С., регулярно подававшей апелляцию по поводу решения ажанского суда от 27 августа 1980 года, отклонившего ее заявление о принадлежности к мужскому полу и просьбе внести исправления в ее документы и изменить имя Анни на Ален. Достаточно лишь беглого взгляда на дело Анни С., чтобы оценить всю драму жизни этого человека. 19 февраля 1965 года доктор Боном, которого смущал низкий голос и мужская внешность ребенка, назначил лечение гормонами, чтобы «восстановить баланс». В 1971 году психиатр, профессор Горсе, констатирует «мужское строение», объявляет «тревожным» состояние пациентки и предлагает провести хирургические и социальные «исправления». Анни С. последовательно делают двустороннюю мастэктомию и анатомическую коррекцию половых органов. Хирург подтвердил наличие риска самоубийства. Из анкетирования, проведенного судом высшей инстанции, следовало, что истинный пол Анни С. ее окружению неизвестен, в документах органов социальной защиты она числится мужчиной; она многие годы живет супружеской жизнью с женщиной, матерью двоих детей. Новая медицинская экспертиза констатирует наличие мужского хабитуса (борода, низкий голос), имплантацию искусственного полового органа, гипертрофированного клитора, очень маленькой вагины. Эксперты установили, что речь идет о транссексуальности, проявившейся в самом раннем возрасте, и что никакое лечение не поможет изменить представление этого человека о себе как о мужчине. Профессор Клотц подвел черту в этом деле: «Анни С. — мужчина по своему мозгу, несмотря на женскую морфологию и кариотип XX».

Эксперт напоминает историю этого человека: убежденность в собственной точке зрения, отсутствие явлений бреда, стабильная социальная роль мужчины на протяжении десяти лет, признание гетеросексуальной женщиной его мужественности, социальный консенсус.

21 апреля 1983 года суд в Нантере разрешил изменить пол Терезе А., приняв во внимание, что «согласно новым веяниям в юриспруденции принцип непреложности состояния не является помехой для смены пола». По словам мадам Скоттон, зампредела парижского суда, с 1 января 1980 года по ноябрь 1983-го из четырнадцати дел по вопросу смены пола одиннадцать были решены в пользу заявителя, в трех случаях решение было отрицательным, из которых только одно — в связи с непреложностью состояния. По мнению этой чиновницы, эволюция юриспруденции является следствием того, что медицинское начальство убедилось в существовании синдрома транссексуальности, а гуманитарные науки ввели в понятие пола психологические составляющие⁵⁹. Таким образом, в 1983 году гражданская палата кассационного суда выносила отрицательные решения по вопросам о смене пола, а суды высшей инстанции — положительные. Мы видим, что многоуровневая юридическая машина во Франции очень медлительна и неповоротлива*.

ПОРНОГРАФИЯ, ИЛИ ЗАКАТ ЗАПРЕТНОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

Слово «порнография» придумал в 1769 году Ретиф де ла Бретонн. Оно обозначает не столько сексуальный акт, сколько акт описываемый и изображаемый, как указывает его этимология (состоит из двух греческих корней: *pornê* — проститутка,

* В настоящее время во Франции юридическая смена пола — легальная и рутинная процедура. В 2009 году Франция стала первой страной, исключившей транссексуальность из списка заболеваний. — *Примеч. ред.*

graphé — писать). Подобные свидетельства, конечно же, существовали и раньше, до того как для них появилось специальное слово, потому что даже в пещере Ласко были обнаружены порнографические изображения. Практическая сторона человеческой сексуальности «представлена» чрезвычайно разнообразно, и это выделяет человека из животного мира. Граница между эротикой (допустимым) и порнографией (осуждаемым) очень зыбка: «Что для одних порнография, для других — эротика», — писал Ален Роб-Грийе. Часто эротика оказывается вчерашней порнографией. Благонамеренная публика возмущается волной порнографии, пришедшей к нам с Севера, в частности из этой непонятной французам Швеции, по незнанию принимаемой ими за родину всяких эротических фантазий. Историки настроены скептически. В пуританской Республике Соединенных Провинций Нидерландов Вермеер и Питер де Хох в XVII веке — назовем лишь этих двух художников — любят изображать на своих картинах бордели и сводню. Конечно, они изображают лишь прелюдию — попойку, но на заднем плане содержательница борделя уже расстилает постель. В XVIII веке в Париже в театре показывают пьесу Бакюлара д'Арно «Молофья, или Париж сношающийся» и «Сироп в заднице» Шарля Соле. В начале XIX века в Лондоне на Холивелл-стрит открывается множество специальных магазинов, торгующих непристойной литературой. Ассоциация по борьбе с пороком объявляет крестовый поход против этого квартала с дурной репутацией. Власти реагируют вяло. В 1960-е годы подвергся преследованию издатель Жан-Жак Повер, публиковавший порнографическую литературу, среди прочего — сочинения «божественного маркиза». В 1975 году порнографические фильмы и фильмы, пропагандирующие насилие, собираются в одну категорию. Их можно показывать лишь в определенных кинотеатрах, облагаемых исключительным налогом. Между тем из осторожности или из-за проблем с терминологией определения порнографического фильма законодатели не дают, в связи

с чем в очередной раз разбираться приходится юристам. Созданная по решению суда Комиссия по нравственности (которую злые языки тут же прозвали Комиссией по цензуре) должна решать, что допустимо, что нет, что можно показывать, что нельзя. Фильмы, «демонстрирующие половой акт без какой-либо иной цели, кроме как показать половой акт», отныне попадают в категорию «X». Отдельные фильмы Контрольная комиссия может полностью запретить, решив, что они «чрезчур порнографические или призывающие к насилию», но она никоим образом не выступает против секс-шопов, где все или почти все можно увидеть и купить, потому что вход в эти магазины несовершеннолетним запрещен. В области книгоиздания запрет выражается ссылкой на некое «качество», определения которому нигде не дается. Таким образом Жан-Жак Повер, Эрик Лосфельд, Режи́н Дефорж почти без проблем издавали свои книги, считавшиеся эротическими, а не порнографическими (а кто же судьи?).

По поводу так называемой «волны порно» надо сделать два замечания. Первое. Секс-шопы и специализированные кинозалы процветают. Однако у их дверей нет очередей и столпотворения. Клиенты входят и выходят быстро, стараясь не привлекать внимания. Мало кто отваживается хвастаться посещением подобных мест. За обедом не принято рассказывать о просмотрах «жесткого порно» в отдельных кабинках, явно созданных для мастурбации. Нет статистических данных о клиентах подобных заведений, они хранят свою тайну. Второе соображение. С тех пор как порнография существует в рамках закона, вновь и вновь без устали появляясь на страницах книг или в кадрах фильмов, показывая все без намеков и умолчаний, что же остается воображению? И не уничтожают ли легализация и банализация запретного плода его сладость? «Эффективность эротических произведений, их заслуги и глубина, удовольствие, получаемое читателями, являются следствием бесконечного вызова, который они бросают различного рода табу, существующим

вокруг секса и его свободных проявлений <...>. Практически во всех эротических произведениях события разворачиваются в атмосфере греха, в атмосфере запретного. В этом смысле эротическая литература эпохи классицизма и модерна остается религиозной, моральной, метафизической» (Жиль Лапуж).

ПРОСТИТУЦИЯ

«Лучше лишить невинности уличную девку, чем получить объедки с королевского стола», — писал Брантом, который, не обращая внимания на противоречия, говорил и следующее: «Чем дороже товар Венеры, тем больше он нравится». Слово «проститутка», произошедшее от латинского глагола *prostituere* — выставлять на публику, обозначает женщину, которая, перестав быть «частным имуществом», предлагается тому, кто платит. Это понятие покрывает широкое лексическое пространство, потому что для обозначения торгующей собой женщины существует более шестисот слов и выражений, иногда это грубые метафоры типа «трубочистка» и «трехстволка». «Древнейшая профессия» хранит свою тайну: если нам известно многое о проститутке, то о сутенере мы знаем меньше, а о клиенте, движущей силе профессии, — почти ничего. После изобретения надувной куклы с вагиной публичная женщина была полностью овеществлена. Если проституция не преступление, то приставание к прохожим, наоборот, является таковым; в первом своем значении французский глагол *gasoler* — приставать к прохожим — имел значение «снова обнимать», что не является действием, осуждаемым моралью. Ремесло шлюхи требует если не тайны, то по крайней мере скрытности: Булонский лес становится местом работы проституток по ночам.

Согласно переписи 1565 года, в Венеции на 165 000 жителей приходилось 10 000 куртизанок; они были занесены в ежегодные справочники с указанием расценок и специализации. Вот

что говорит одна из героинь Пьетро Аретино: «Я перепробовала столько разных трав, сколько их есть в двух полях, столько слов, сколькими обмениваются на двух рынках, но так и не смогла расшевелить это грубое сердце, хозяина которого я не могу назвать. И лишь когда я покрутила перед ним задом, он настолько потерял голову от меня, что это изумило все бордели, хотя там трудно кого-либо хоть чем-то удивить». Та же девица выдвигала следующее соображение: если «миссионерская поза», наилучшим образом приспособленная для оплодотворения, предписывалась супругам церковью, то «профессионалки» практиковали любую экзотику. «Один любит вареное, другой жареное; существуют самые разнообразные позы — сзади, с ногами на шее, по-птичьи, по-черепашьи, во весь опор, а-ля церковный колокол, как насыщаяся овца и много других, покруче, чем поза игрока в кости. Мне стыдно говорить об этом». О чем бы речь ни шла, будь то Венеция времен Тициана или Франция 1985 года, сосуществовали и продолжают идти параллельно традиционная семейная жизнь и *civiltà putanesca*, субкультура со своими специфическими кодами, единственная цель которой — делать деньги на технологиях секса.

В XIX веке социальная функция проституции коренным образом изменилась, о чем пишет Ален Корбен, тезисы которого можно резюмировать следующим образом⁶⁰. В первой половине XIX века в Париже и других крупных городах наблюдается диспропорция в половом составе населения. «Иммигранты» тех времен (например, приезжавшие из деревни на заработки на тот или иной срок каменщики) могли перевозить семьи лишь после того, как обживутся в городе. Во избежание изнасилований и прочих преступлений такого рода существовали бордели, за которыми зорко следила полиция. С конца Второй империи растет уровень жизни «трудящихся», они перестают быть опасными: к мужчинам перебираются их родные, появляются рабочие семьи. Об этом писала Мишель Перро. В результате рабочие становятся высоконравственными, что

всячески поддерживается патронатом; одновременно это повышает их сплоченность. Отныне олицетворением порока становится «буржуа» (он напивается, объедается, требует от своих работниц или служащих права первой ночи и т. п.). У проституток появляется новая клиентура: молодые люди из буржуазной среды, где принято жениться поздно, а невинность девушек тщательно охраняется; малооплачиваемые служащие, у которых не хватает средств на создание «буржуазной» семьи, но которые при этом не желают жениться на девушках из простонародья; студенты; солдаты-резервисты, проходящие «сборы», и т. д. У этой клиентуры другие запросы: более длительные «связи». Девицу, переставшую быть уличной, содержат несколько любовников. Спрос рождает предложение. Наступает эра «белошвеек», девушек из рабочей среды, работающих в сфере моды. Благодаря работе они узнают буржуазных дам, которые их эксплуатируют, выводят из себя и завораживают. В 1890 году Габриель Тард написал «Законы подражания», а Жан Жене продолжил тему в «Служанках». Эти молодые женщины, совершенно не задумывающиеся о том, что их ждет в старости, о семейной жизни (семейную жизнь высоко ценит рабочий класс, к которому они больше не хотят иметь отношения), предпочитают приключения, последовательные или параллельные.

Боязнь сифилиса и тревога по поводу «вырождения»

Эта «революция проституции» имела свою цену: сифилис и сифилофобию. Женатые буржуа, не получающие достаточного удовольствия от секса с женами, ходят к проституткам, которые часто заражают их. Они, в свою очередь, заражают жен. Полиция может следить за борделями, но не за этой новой напастью. Вот что пишет доктор А. Фурнье по поводу «невинных жертв сифилиса»: «Новорожденный сифилитик заражает принявшую роды повитуху и кормилицу, пациент заражается через плохо стерилизованные инструменты или

при татуаже, порядочных женщин заражают мужья». Основываясь на данных 842 исследований, проведенных среди его частных клиенток, Фурнье делает вывод, что как минимум 20% женщин, больных сифилисом, — это честные матери семейств (А. Корбен). Тот же автор оценивает количество сифилитиков в одном лишь Париже в 125 000. Э. Дюкло, директор института Пастера, утверждал, что во Франции в 1902 году было около миллиона сифилитиков и два миллиона больных гонореей. Начинаются апокалиптические разговоры о заражении сифилисом всего рода человеческого, если мораль не восторжествует над инстинктами. В 1899 году в Брюсселе проходит конференция, на которой создается Международное общество по санитарной и моральной профилактике. Сифилис распространяется во французских колониях, и еженедельник *Le Père Peinard*, цитируемый Аленом Корбеном, играет словами «сифилизация» и «цивилизация». Американец Саймон Флекснер писал в 1913 году: «Страна, которой удастся обуздать венерические болезни, во многом опередит своих противников». Гитлер (вероятно, страдавший сифилисом) инициирует закон от 18 октября 1935 года, предписывающий обязательную консультацию врача перед вступлением в брак, запрещающий носителям венерических заболеваний жениться и обязывающий стерилизовать их посредством кастрации. Если ко всему сказанному добавить, что проститутки нередко страдали алкоголизмом, очень часто — туберкулезом, то станет понятно, до какой степени в обществе была сильна «тревога по поводу вырождения» и что возвращение к моральным устоям было необходимо для защиты «вида». Сифилофобия пойдет на спад лишь после II Мировой войны, когда будут открыты антибиотики. Трепонемы и гонококки адаптировались к своим новым противникам, но контрнаступление не вызвало новой волны боязни сифилиса. По-прежнему остаются два вопроса: кто торгует собой? Кто является клиентом?

Кто торгует собой?

Онтогенетическая этиология проституции обнадеживала. В конце XIX века «специалистки» еще поддерживали тезис о врожденной склонности к проституции. Гипотеза о социальном ее генезисе отметалась в связи с тем, что нищих женщин много, однако не все нищие продают свое тело. В 1911 году доктор О. Симоно, служивший врачом в полиции нравов, провел осмотр двух тысяч «продажных женщин» и сделал вывод, что «к проституции существует патологическая органическая склонность», которую он назвал «наследственным безумием», потому что, по мнению этого врача, проституция имеет наследственное происхождение, является результатом «химических, биологических, плазменных изменений». Это опровергло скандальные по тем временам утверждения Габриеля Тарда, который был профессором Коллеж де Франс, а до того — директором Службы статистики при Министерстве юстиции. Он осмелился поднять проблему спроса на продажную любовь, задав простой вопрос: «Клиент проститутки — кто он?» С чрезвычайной смелостью для той поры (Тард умер в 1904 году) он напоминает о том, что в христианском обществе, в котором нет эротики и которое не предполагает получения удовольствия от супружеского секса, фрустрированный муж, часто никогда не видевший свою жену полностью обнаженной, прибегает к услугам проститутки. Более того, он утверждает, что все движется к новой этике, которая будет признавать «утилитарную или эстетическую ценность чувственного удовольствия и его роль в жизни индивида и всего общества. Результатом этого будет новая концепция брака и семьи»⁶¹. Служанки, продавщицы, официантки, портнихи-надомницы, гувернантки, учительницы музыки, частные учительницы и прочие, не будучи профессионалками, доставляют «хозяину» — и часто в его собственном доме — эротические удовольствия, о которых ничего не знает добродетельная супруга. Упомянем также об эпизодической проституции дам из мелкой и средней

буржуазии, возбужденных и очарованных всем тем, что они видят в универсальных магазинах, — «первых ласточках» общества потребления. Бедность, ранее пережитое насилие, даже просто невозможность что-то купить себе являются вполне достаточными объяснениями для этой проституции «на полставки», и разговоры о «врожденной аномалии» или «истерической натуре» здесь излишни.

Клиент проститутки — кто он?

Так кто же все-таки клиент? Для одинокого иммигранта идти искать расслабления в борделе нормально, его мотивация очевидна. Но сорокалетний преуспевающий руководитель, за рулем своего «БМВ» снимающий проститутку на авеню Фош в обеденный перерыв? Из «Доклада Симона» узнаем, что проститутки — и их сутенеры — живут за счет «случайных» клиентов. Но кто эти клиенты? Мы этого не знаем. Мужчины, жаждущие некоей экзотики, от которой отказываются жены или любовницы? Стыдливые извращенцы, которые таким образом реализуют свои вуайеристские, фетишистские и садомазохистские потребности? Робкие и стеснительные мужчины, которым доступна лишь проститутка, получающая за свои услуги деньги? Психопаты, помешанные на тайне, которые в анонимности таких отношений находят гарантию того, что тайна будет сохранена? Скрытые гомосексуалы, которым нравится смотреть, как другие клиенты занимаются сексом? Католики-грешники, разделяющие любовь и секс и не желающие, чтобы их жена привыкала к обязательному оргазму? Закомплексованный тип, стремящийся, чтобы его ни с кем не сравнивали, как это могла бы сделать бесплатная партнерша? Богатый человек, который еще раз решил доказать себе, что за деньги можно получить все что угодно? А если не все, то, по крайней мере, практически идеальные подобию? Паиньки, желающие время от времени наслаждаться нарушением установленного порядка? Это всего лишь гипотезы. Остаются уверенность и умиротворение.

Уверенность? Результатом пресловутой «сексуальной революции» явилось лишь увеличение количества порнографических журналов и фильмов, а клиентов у проституток меньше не стало. В этом смысле секс — в отличие от голода — остается сферой неудовлетворенности. Умиротворение? Сексологи Мастерс и Джонсон говорят о «благоприятном терапевтическом влиянии проституток» и выступают за «научную реабилитацию» проституции, которая при должном медицинском контроле могла бы содействовать предупреждению или лечению сексуальных расстройств у отдельных индивидов.

СЕКС И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Секс в нуклеарной семье, где существует любовь между супругами и их детьми, является «практикой» — в том смысле, который в это слово вкладывает Мишель Фуко. Таким образом, он является продуктом состояния общества, и когда в обществе происходят изменения, это состояние мутирует. Практика эта, конечно, идеальная, потому что любовь и дружба иногда умирают. Осознание — или признание — эфемерности является одним из важнейших новшеств частной жизни начиная с 1920-х годов. Прежде строгость социальных кодов и навязываемых ими табу запрещала даже думать на эту тему всем, кроме некоторых «оригиналов», каким был, например, Шарль Фурье. Конечно, к некоторым отклонениям относились терпимо, если они касались супруга, искавшего удовольствий в объятиях любовницы или проститутки, при условии выполнения им супружеского долга. «Сексуальная свобода» на фоне увеличения продолжительности жизни, а следовательно, и совместного существования показала, что акме не может повторяться до бесконечности, что в смене партнеров находит выражение сексуальный инстинкт, что такая система отношений, как моногамия, существовала не всегда и что она

не была распространена повсеместно, короче говоря, что она была обусловлена исторически.

Тип пары, где безупречная жена была верна мужу, а ветреный супруг изменял ей, осталась в прошлом. Западное общество вновь открыло сексуальный потенциал женщин, о котором говорил Овидий и которому есть масса примеров в античной мифологии. Многие культурные системы укрощали его различными способами, к которым можно отнести насилиственный брак и изоляцию женщин, женское обрезание, инфибуляцию и пр. Сохранять девственность во французских буржуазных кругах было необходимо для того, чтобы женщина не имела возможности сравнивать. Брачная ночь часто переживалась женщиной как изнасилование, дальнейшие сексуальные отношения — как «долг», если не как «ярмо». Может ли сексуально «эмансипированная» женщина на протяжении пятидесяти лет довольствоваться одним и тем же мужчиной? Не пойдет ли неудовлетворенная, утомленная или испытывающая отвращение женщина искать «утешения на стороне»? Сексологи берут на себя труд успокоить мужчин и снять вину с женщин: по их мнению, лучше всего примирила бы требования социального уклада и зов природы «гибкая моногамия» (одна или несколько продолжительных связей в течение жизни плюс кратковременные отношения, «приключения»), потому что социальный контроль заменяет «супружеский долг» «правом на оргазм», которое превращается в «долг оргазма».

НА ПУТИ К УНИСЕКСУ?

По мнению Филиппа Арьеса, важнейшей особенностью современности является возникновение общества унисекс. «Как выполняя родительские обязанности, — пишет он, — так и в отношении с сексуальными партнерами люди часто меняются ролями. Любопытно, что модель унисекс — мужская. Силуэт

молодой женщины близок к мальчишескому. Женщина потеряла свои формы, столь любимые художниками XVI–XIX веков». Утверждение безапелляционное. Так ли это? Или только кажется? Разумеется, в прежние времена пространства вне дома были разграничены: в викторианские пабы и клубы не допускались женщины, во французских бистро, где собирались мужчины, встретить женщин можно было очень редко, и это были женщины, «ведущие дурную жизнь»; мужчинам же был заказан вход в прачечные, хотя их очень беспокоили разного рода признания, которые могли там делаться. Сегодня все это коренным образом изменилось. Постепенно женщинам стали доступны высшие школы и профессии, традиционно считавшиеся мужскими, и наоборот, мужчины проникли в женские сферы: врач-гинеколог заменил повитуху, мужья стали присутствовать при родах, пеленать младенцев, готовить, мыть посуду и т. п. Мужчины и женщины носят джинсы, женский силуэт фирмы *Dir* подгоняется под мужской (опять демонстрация вечного мужского доминирования?). Ранний секс стирает границы: когда девушки должны были хранить девственность до свадьбы, они делились друг с другом своими эротическими фантазиями. Мальчишки же выставляли напоказ свою сексуальность, ходили компаниями в бордель, давали друг другу советы по поводу лечения венерических болезней. Сегодня же молодые пары вместе обращаются в больницу по поводу лечения гонореи. Уже упоминавшаяся анкета Жирара — Штетцеля «Французы и их нынешние ценности» обнаруживает «очень высокий уровень согласия между представителями двух полов». Если женщины более религиозны и консервативны, чем мужчины, то в этом, по мнению авторов, следует винить возраст осознания себя женщиной: восьмидесятилетние мужчины (впрочем, их мало) столь же «правые», как и женщины их поколения. Также можно заметить, что девушки и молодые женщины охотно используют лексикон своих друзей, любовников или мужей — употребляя жаргон, грубую

и даже нецензурную лексику; что в соблазнении, или, как теперь принято говорить, «съеме», инициатива принадлежит им; что реклама теперь делает мужчин сексуальным объектом не в меньшей степени, чем женщин, и т. д. Так что же, движение на пути к унисексу необратимо?

На страницах «Содома и Гоморры» Пруст говорит, что будущее человечества покоится на полнейшем разделении полов, что мужчины и женщины должны идти абсолютно разными путями. При ближайшем рассмотрении можно заключить, что деление ролей на мужские и женские по-прежнему продиктовано традиционными нормами. Сколько женщин занимает ключевые посты в политике и экономике? Да, Эдит Крессон была премьер-министром в 1991–1992 годах, однако во Франции не было ни одной женщины на посту министра обороны, внутренних или иностранных дел. И не всегда ли в подростковых «бандах» роль «главаря», за редким исключением, играют мальчики? Листая журналы *Lui*, *Penthouse* и прочие эротические и порнографические издания, можно заметить, что андрогинная модель совершенно не соответствует мужским фантазиям, потому что фигуры (и, в частности, грудь) девушек со страниц журналов больше напоминают рубенсовских женщин, чем женщин Кранаха или рекламу белья фирмы *Dim*. Хитрость мужчин — впрочем, не очень хорошо скрытая — всегда заключалась в том, чтобы обвинять «природу» в том, что принесено «культурой». В попытке восстановить причинно-следственную связь женское и феминистское движение еще — пока еще? — не одержало решительной победы. Конечно, внешние проявления (одежда) и даже статистика (доступ женщин к традиционно мужской социопрофессиональной сфере) свидетельствуют в пользу победоносного шествия женщин и роста их аппетитов при разделе благ (материальных, социальных, культурных и пр.), но не следует путать маски и лица, видимость и реальность.

А что в последние десятилетия произошло с дружбой? Не исчезли ли — или по крайней мере не трансформировались ли — дружеские чувства, о природе которых мы так мало знаем и которые так трудно поддерживать? Не убил ли дружбу культ «пары», стремящийся уничтожить ее по многим причинам, не последняя из которых заключается в том, что друг является свидетелем прошлого? «Сегодня, — пишет Филипп Арьес, — сфера чувств блокируется семьей. Раньше у семьи не было на это монопольного права, поэтому дружба играла важную роль. Чувство, которое связывало людей, выходило за рамки дружбы даже в широком смысле слова. Люди „по дружбе“ оказывали друг другу услуги, теперь это заменено контрактом, договорными отношениями. Жизнь в обществе строилась на основе личных связей, зависимости, патронажа, взаимопомощи. Оказание друг другу услуг и трудовые связи находились в центре человеческих отношений и могли, таким образом, переходить от дружбы и доверия к эксплуатации и ненависти».

Любовь же, как мы видели, стала условием счастливого брака. Влюбленные супруги чувствуют себя обязанными «общаться». Когда страсть утихает, возникает что-то вроде дружбы. Варианта развития событий два: супруги договариваются о свободных отношениях... или разводятся. Между тем отношения в семье становятся все более близкими даже между поколениями. Данные всех социологических исследований показывают, что родители и дети никогда не были так близки между собой, что мать — это любимая наперсница.

Во вчерашнем обществе различие в статусах, в выполняемых функциях и ролях было значительным не только между представителями разных полов, но и между родителями и детьми. Относительная однородность общества, в котором мы живем сейчас, делает границы более проницаемыми. Те, кому сейчас сорок лет, намерены «оставаться молодыми», то есть продолжать заниматься теми же видами спорта, что и их дети, быть своим детям лучшими «друзьями». Французское слово

сорайп (друг, приятель) дословно переводится как «тот, с кем разделяют хлеб». Так его слышали в 1960-х годах. Сегодня вашим лучшим другом может быть та, которая кормила вас грудью. Родители становятся друзьями своих детей наравне со сверстниками.

А что происходит в отношениях между женщинами? Дополняется ли соперничество в карьере тем, что существует в плане соблазнения мужчин? Мужчины уверяют, что это так, наверняка чтобы успокоить себя и воспользоваться женскими раздорами в своих целях. Однако не исключено, что между женщинами завязываются отношения, которые завтра позволят им перестать служить услугой для усталого воина и сделаться хозяйками положения.

ГЛАВА 3
КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Жерар Венсан
Перрин Симон-Наум
Реми Лего
Доминик Шнаппер

КАТОЛИКИ: ВООБРАЖЕНИЕ И ГРЕХ

Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. <...> Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. <...>. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Нагорная проповедь

НЕСКОЛЬКО ЦИФР, КОТОРЫЕ НЕ РАСКРЫВАЮТ ТАЙНЫ

Религиозная социология — это весьма уважаемая дисциплина, которая дает нам массу информации. Эта информация напрямую не затрагивает проблематику тайны, о которой мы говорим. Тем не менее следует упорядочить отдельные мысли, которые мы собираемся высказать по поводу частной жизни католиков (ограничившись их представлениями и чувством вины); приведем некоторые цифры, которые помогут читателю уловить если не историю веры, то хотя бы историю некоторых практик.

В 1913 году во Франции было 59 000 священников, в 1965-м — 41 000, в 1985-м — 28 000, и большая часть из них старше сорока лет. Предполагается, что к 2000 году их останется 16 000*. Исследование, проведенное Институтом Луиса Харриса в 1985 году, позволяет определить место католического духовенства во французском обществе¹. Работало 19 000 анкетеров, было получено 1700 ответов, опрошены 609 священников. Несмотря на бедность (в среднем их месячный доход составлял 3600 франков**), 82% священников говорят, что им достаточно денег («Это дает нам право говорить о бедности»). 63% считают нормальным, что священник осуществляет свою деятельность профессионально. Половина из них живет одиноко («Банка сардин, съеденная в рождественский полдень без сотрапезников, имеет горький привкус одиночества»). Очевиден их политический плюрализм (планы на голосование в 1986 году следующие: правоцентристский Союз за французскую демократию*** — 36%, Социалистическая партия — 18%, Объединение в поддержку республики**** — 10%, Коммунистическая партия — 2%, Национальный фронт — 1%). Вот что говорил священник левых взглядов: «От безусловного уважения существующего порядка я перешел к безусловному презрению к нему». Консерваторы разоблачают «отклонения, упадок, разложение современного общества». В 1980 году обвенчались 215 700 пар, тогда как гражданским браком сочетались 334 300 пар (то есть 64,5%; в 1954 году было 79%). Из семи таинств наиболее впечатляющий обвал претерпела исповедь: в 1952 году 37% французов, называющих себя католиками, никогда не ходили на исповедь, в 1974 году таких уже 54%.

На основании большой анкеты под названием «Ценности времени», если выделить опрошенных в период между 16 марта

* В 2000 году во Франции было около 19 000 католических священников, в 2016-м — чуть меньше 12 000. — *Примеч. ред.*

** Около 550 евро в пересчете на современные деньги.

*** Существовал до 2007 года. — *Примеч. ред.*

**** Распущено в 2002 году. — *Примеч. ред.*

и 30 апреля 1981 года 1199 французов, можно сделать следующие выводы²: 26% заявляют, что не принадлежат ни к какой религии; 10% католиков еженедельно ходят на мессу; 62% французов верят в Бога, 46% — в существование души, 42% сомневаются в реальности греха, 35% верят в загробную жизнь (из тех, кто называет себя католиками, таких 50%), 22% — в реинкарнацию, 27% — в рай, 15% — в ад (среди католиков — 77%), 17% — в дьявола. Роль религии в жизни в будущем сократится для 40%, останется на том же уровне для 35%. 37% утверждают, что религия дает им «силу и поддержку», лишь 10% назвали себя «убежденными атеистами». Авторы анкеты настаивают на секуляризации религиозной этики: 11% французов полагают, что детям нужно преподавать закон божий, а 76% — что детей надо учить быть честными. Для 21% различия между добром и злом «не всегда очевидны», а 43% «часто или иногда испытывают угрызения совести». Что же касается нарушения правил, то 28% хотят, чтобы «виновный платил», однако 39% отдают предпочтение предупреждению и перевоспитанию. 27% считают, что «любой человек должен иметь право на сексуальную жизнь без ограничений», для 29% «брак — это изживший себя институт», но 42% считают, что «идеальное количество детей для семьи — трое». Практикующие католические семьи подтверждают свои ответы фактами: разводы в них — исключительный случай, а женщины работают реже, чем в среднем. Выводы А. Жирара и Ж. Штетцеля можно резюмировать так: материализм не является доминирующим в сознании французов; все мировые религии считаются способными таить в себе «истины и фундаментальные значения»; французы не считают свою цивилизацию «носителем вселенского месседжа», они толерантны и ко многому относятся с пониманием.

Беглый социологический обзор протестантизма показывает его сходство с католицизмом³. 4,2% французов объявляют свои взгляды «близкими к протестантизму», то есть общее их количество приблизительно равняется 1 800 000 человек:

800 000 считают себя «верующими», из них около 400 000 принадлежат к кальвинистской Реформатской церкви Франции*, 280 000 — к лютеранской церкви Аугсбургского исповедания (Эльзас и регион Монбельяр), остальные — к различным евангелическим церквям (баптисты, пятидесятники и пр.). Количество «верующих» не увеличилось на протяжении века, что заставило пастора Андре Дюма написать следующее: «С точки зрения социологии отсутствие прироста сродни износу, вызванному тем, что крестьянский резерв протестантизма иссяк, что различные молодежные движения и объединения взрослых, которых было так много после II Мировой войны, распались и что вера больше не передается, как раньше, в семьях от родителей к детям и не становится традицией, призванием». Среди верующих преобладают женщины (их 57%, мужчин 43%), это в основном пожилые люди (39% из них старше пятидесяти лет и лишь 13% — молодежь в возрасте от тринадцати до двадцати четырех лет). В заключение своего доклада Р. Мель сообщает, что в среднем «количество практикующих верующих составляет 15%, что среди протестантов немного больше, чем среди католиков, тех, кто еженедельно посещает мессу». К этому в целом утешительному выводу можно добавить такую неоднозначную ремарку пастора Андре Дюма: «Исторический протестантизм во Франции показывает себя всегда готовым породить заметные характеры, однако эти самые характеры не всегда готовы создать единый ярко выраженный народ». Чтобы покончить с цифрами, напомним, что дехристианизация (или по крайней мере внешние показатели, выраженные в числах) не является специфически французским явлением. В Соединенных Штатах за период с 1865 по 1975 год количество семинаристов сократилось с 49 000 до 17 000, число монахинь сократилось на 25%; на 30% снизилось количество практикующих священников, одновременно

* В 2013 году объединилась с лютеранами. — *Примеч. ред.*

с этим 45 000 монахинь и 10 000 священников оставляли служение, а часто и церковь.

Статистика регистрирует сильное сокращение религиозной практики, однако ничего не говорит о «частной» жизни верующего. Современный «практикующий» и вчерашний — это разные люди. Еженедельное присутствие на мессе, некогда социальный акт, сегодня является актом веры. Духовенство, которого стало гораздо меньше, также очень изменилось. При Старом режиме священниками или монахинями становились младшие дети в некоторых семьях, их судьба была предрешена. Теперь же это личный выбор каждого, выбор образа жизни, свидетельствующий о твердости характера. Невозможно измерить всех верующих и состоящих в каких бы то ни было отношениях с церковью одним лишь количеством практикующих. Перед лицом этих статистических данных, полных цифр и лишённых смысла, можно рассматривать все гипотезы, даже такую: всплеск интереса к религии может сопровождаться игнорированием практики.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХРИСТИАН

Все, что мы делаем в этой жизни, является второстепенным (что наша земная жизнь по сравнению с ожидающей нас вечностью?) и определяющим (от того, какую жизнь мы ведем здесь, зависит наше спасение или же проклятие). Какой католик в наши дни одержим этой пугающей дилеммой? Кто до сих пор верит, что каждое мгновение его жизни — каждая минута, каждая секунда — может вызвать наказание или вознаграждение на том свете, причем вечное? На наш взгляд, христианские представления в ходе последних десятилетий постепенно освободились от этих слишком антропоморфных конструкций ада, чистилища и рая, изображение которых — тема бесчисленных тщательно выписанных картин и любимый аргумент проповедников.

Невообразимая вечность

Что такое вечность? Кто согласится сегодня отказаться от работы, отдыха или телевизора ради того, чтобы попытаться ее себе представить? Тем не менее еще не так давно (во времена Прекрасной эпохи) проповедники со своих кафедр пытались оградить неокрепшие души от соблазна сиюминутных, эфемерных удовольствий, чтобы объяснить им, что такое вечность. Так говорит отец иезуит, которого в ужасе слушал юный Стивен, он же Джеймс Джойс: «Попробуйте только представить себе страшный смысл этого слова. Вы, конечно, не раз видели песок на морском берегу. Видели, из каких крошечных песчинок состоит он. И какое огромное количество этих крошечных песчинок в одной горсточке песка, схваченной играющим ребенком! Теперь *представьте* себе гору песка в миллионы миль высотой, вздымающуюся от земли до небес, простирающуюся на миллионы миль в ширь необъятного пространства и в миллионы миль толщиной; *представьте* себе эту громадную массу многочисленных песчинок, умноженную во столько раз, сколько листьев в лесу, капель воды в беспредельном океане, перьев у птиц, чешуек у рыб, шерстинок у зверя, атомов в воздушном пространстве, и представьте себе, что раз в миллион лет маленькая птичка прилетает на эту гору и уносит в клюве одну крошечную песчинку. Сколько миллионов, миллионов веков пройдет, прежде чем эта птичка унесет хотя бы один квадратный фут этой громады? Сколько столетий истечет, прежде чем она унесет все? Но по прошествии этого необъятного периода времени не пройдет и одного мгновения вечности. К концу всех этих биллионов и триллионов лет вечность едва начнется. И если эта гора возникнет, снова и снова будет прилетать птичка и уносить ее, песчинку за песчинкой, и если эта гора будет возникать и исчезать столько раз, сколько звезд в небе, атомов во вселенной, капель воды в море, листьев на деревьях, перьев у птиц, чешуек у рыб, шерстинок у зверя, то даже после того, как это произойдет бесчисленное

количество раз, не минует и одного мгновения вечности, даже тогда, по истечении этого необъятного периода времени, столь необъятного, что от самой мысли о нем у нас кружится голова, вечность едва начнется»*.

А ад? То, как нам его представляют Босх и Синьорелли, — это почтовые открытки по сравнению с садистскими разговорами ирландского иезуита. Средоточие физического страдания: «В аду чудовищный огонь терзает тела осужденных не только извне! Каждая обреченная душа превращается в свой собственный ад, и необъятное пламя бушует в ее недрах. О, как ужасен удел этих погибших созданий!» К адским мукам невозможно привыкнуть, потому что «среди всех этих мучений плоти бессмертная душа в самом естестве своем подвергается вечному мучению неисчислимыми языками пламени, зажженного в пропасти разгневанным величием Всемогущего Бога и раздуваемого гневом Его дыхания в вечно разъяренное, в вечно усиливающееся пламя». И эти физические страдания ничто по сравнению с угрызениями совести: «Зачем ты грешил? Зачем внимал соблазну друзей? Зачем уклонялся от благочестивой жизни и добрых дел? Зачем не сторонился греха? Зачем не избегал дурного знакомства? Зачем не боролся со своим распутством, со своей развращенностью? Зачем не слушал советов духовного отца? Зачем, согрешив в первый, во второй, в третий, в четвертый и в сотый раз, ты не раскаялся в своих дурных поступках и не обратился к Богу, который только и ждал раскаяния, чтобы отпустить тебе грехи? Но теперь время раскаяния прошло. Время есть, время было, но больше времени не будет. Было время грешить тайком, предаваться гордыне и лени, наслаждаться беззаконием, уступать прихотям своей изменной природы, жить, подобно зверям полевым, нет, хуже их! Потому что у тех, по крайней мере, нет разума, который направлял бы их. Было время, но больше времени не будет.

* Цитируется «Портрет художника в юности» (пер. М. Богословской-Бобровой).

Бог говорил с тобой бесчисленными голосами, но ты не хотел слушать. Ты не одолел гордыни и злобы в сердце своем, не возвратил добро, в беззаконии нажитое, не повиновался заветам святой церкви, пренебрегал обрядами, не расстался с бесчестными сообщниками, не избегал соблазнов». Тем не менее с начала XIX века из Ватикана приходили указания исповедникам воздерживаться от проповеди страха наказания. В 1828 году им предписывалось избегать «слов, которые могут закрыть сердца кающихся» и воздерживаться от «ригоризма, свойственного молодости, неопытности и, возможно, нашим традициям». Всякое «преувеличение в описании ужасных истин» опасно, тогда как «доброе отношение, возможно, вернет заблудшие души». Начиная с середины XIX века у людей появилась возможность самостоятельно выбирать себе духовника, и постепенно стал ослабевать страх ада, ужасы которого казались трудносовместимыми с добротой Бога и Его милосердием, которое священники называли «бесконечным». Ныне грамотная паства замечает статистические противоречия. «Когда я слышал слова священника, мне казалось, что я не смогу оказаться в числе избранных, и это меня беспокоило. Что бы я ни сделал, мне это не удастся. Видя в журналах статистику о католиках в мире, я говорил себе: „Что же получается: если некатоликов почти наверняка ждет наказание и если среди самих католиков мало избранных, значит, в ад попадет большое количество грешников?“ Мне хотелось спросить об этом, но я не решался». И если Бог создал нас по своему образу и подобию, не является ли он частично ответственным за наши грехи? Вот как говорят некоторые крестьяне: «Мы такие, какими Он создал нас». «Это Он Создатель, в конце концов». «Если я попаду в ад, там будут и другие». «Боженька не может быть таким уж жестоким». «Мы не коммунисты»⁴.

Но если ада нет (или он предназначен лишь для немногих уж совсем чудовищных преступников), зачем тогда браться за скучные задачи и лишать себя приятных занятий? Если

циничное утверждение Наполеона о том, что «общество не может существовать без имущественного неравенства», а терпеть имущественное неравенство можно только в том случае, если церковь скажет, что когда-нибудь «там, в вечности, будет иначе», противоречит «истинной» религии, то почему бы не стяжать почести и богатство *hic et nunc*, здесь и сейчас? Старики протестуют — они так трудились, чтобы их земные заслуги зачлись им в лучшем из миров. «Мы истово молились — чтобы не попасть в ад», — признается некая крестьянка. Ей вторит другая: «Или ничего нет, или все отдано неизвестно кому, и в таком случае это ничего не стоит, потому что без труда ничего не получишь»⁵. Но если больше нет ни грехопадения, ни смертного греха, ни ада, ни чистилища, ни искуателя, ни божественного наказания, то «под сомнение ставятся традиционные основы христианства, в частности оправдание страданий и спасение через искупление грехов»⁶.

Рай на земле?

До относительно недавнего времени (скажем, до Второй империи) постоянная забота о геенне огненной отходила на второй план в связи с тем, что ад был на земле. В четвертом томе «Истории частной жизни» рассказывается о том, что представляла собой частная жизнь (если она вообще была) неимущих классов: нищета, недоедание, теснота, инцест, проституция жен и дочерей, детский труд, алкоголизм и т. д. История опровергла предсказанную Марксом тотальную пауперизацию: по определенным причинам, которые мы не будем здесь рассматривать, капиталистическая система нуждалась в том, чтобы «ее» пролетарии были также и платежеспособными клиентами. Экономический рост, продолжавшийся в течение тридцати лет после окончания II Мировой войны, в той или иной мере обогатил все категории общества. Новая триада — «приличное» жилье, автомобиль (пусть «скромный»), телевизор — вкупе с социальным страхованием и эффективными обезболивающими сделала

жизнь на земле если не «райской», то по крайней мере сносной. В недавней Франции для неимущих классов между повседневным существованием, которое им навязывалось, и адом, который они могли вообразить, разница была только в степени интенсивности, а не в природе. Когда люди умирали в том же мире, в каком и родились, когда не приходило даже в голову помышлять о каком-то социальном росте для себя или своих детей, начинали надеяться на загробную жизнь. Сегодня одержимость «новой триадой» (хотя те, кто находится в неблагоприятных условиях, и вынуждены довольствоваться самым скромным ее вариантом) позволяет людям проектировать мечты на более или менее обозримое будущее. Общество потребления вырвало с корнем эсхатологию, при этом не придав своей жизни «смысла».

Что же теперь проповедовать?

Итак, что можно теперь проповедовать? «Правда, никто не обязан раздавать то, что требуется для удовлетворения его необходимых нужд и нужд его семьи; никто не обязан отдавать другим и то, чего может потребовать общественное положение» (Лев XIII, «*Regum novarum*»)*. «Религия дает утешение несчастным, внушая им надежду на вечное блаженство, особенно ценное, если за него приходится страдать» (Лев XIII, «*Auspicato concessum*»). «Христианская демократия на основании лишь того, что она христианская, должна руководствоваться принципами божественной веры. Она должна защищать интересы слабых <...>. Для нее не должно быть ничего более святого, чем справедливость; ей следует охранять от каких бы то ни было посягательств право собственности и владения, поддерживать классовое различие, что свойственно правильно устроенному государству» (Лев XIII, «*Graves de communire*»). «По доброй воле оказывать хозяевам уважение, которого они заслуживают, и выполнять порученную ими работу; не пренебрегать

* Пер. В. Рабиновича.

домашней жизнью, в которой столько прелести; прежде всего — верить в Бога и искать в религии помощи во всех трудных жизненных ситуациях» (там же). Лев XIII выдвинул эти идеи менее века назад — кто бы мог произнести такое с кафедры сегодня? Комментируя воскресные проповеди, некий крестьянин сказал Иву Ламберу: «Они должны были держать себя в руках — а то от них бы все разбежались». В протестантской среде более половины верующих видят в пасторе духовного наставника и менее 40% считают проповедь главным признаком служения. Да и сама проповедь должна подчиняться медийным законам: отвечать ожиданиям. И если ад, чистилище и рай больше не «проходят», то это потому, что они больше не подпитывают воображение, отныне не связанное с антропоморфизмом. Тайные области веры находятся где-то в другом месте.

ИСПОВЕДЬ, ПОКАЯНИЕ, ОБРАЩЕНИЕ В ВЕРУ

Таинства вышли из употребления?

Исповедь была и остается возможностью поделиться тайной, которая будет сохранена. Сохранить тайну, уважая чужую совесть и соблюдая священные традиции, — дело чести духовенства. Даже антиклерикальная литература 1900-х годов воздерживалась от обвинения исповедников в нескромности. Некоторые священники некогда шли на пытки за отказ от раскрытия чужих тайн. Все они — от светских прелатов до самых бедных викариев — хранили секреты. «Исповедь принадлежит сфере устной культуры, в ней важен человеческий контакт, слово, произнесенное под взглядом одного лишь Бога в данное время и в данном месте: исповедальня — это место религиозного таинства»⁷. Таким образом, история исповеди не может быть написана, потому что нет архивов. Самый знаменитый исповедник XIX века — Жан-Мари Вианне, кюре из Арса, канонизированный в 1925 году, унес с собой в могилу тайны тысяч частных жизней. Из двух сотен писем, написанных им

монсеньору Деви, когда требовался совет в трудных случаях, не осталось практически ничего. В начале XX века духовенство настоятельно рекомендует исповедоваться регулярно: «Слабительное тоже неприятно принимать, однако когда вам надо позаботиться о своем теле, вы его пьете. Что же вы боитесь, когда речь заходит о вашем духовном благополучии?» (Приходской бюллетень, 1913). Верующие исповедуются с тем большей охотой, что боятся внезапной смерти: «Воспримет ли Бог всерьез тех, кто начнет соблюдать правила в последний момент?» Быть готовым предстать перед Создателем — такова популярная тема проповедей: «В 1922 году в день поминовения усопших, имена которых были предусмотрительно записаны, дети, количество которых соответствовало количеству покойных, были одеты по-разному: одни — во все черное, другие — во все белое, третьи — в черное и белое. Это было иллюстрацией к проповеди: первые шли в ад, вторые — в рай, третьи — в чистилище. Таким образом, грех не был понятием абстрактным, он овеществлялся, в него вкладывался эмоциональный смысл»⁸. В Лимерзеле, маленьком бретонском приходе, в 1920-е годы на пасхальную исповедь ходили все; половина жителей (больше женщин, чем мужчин) исповедовалась в первую пятницу месяца, школьники ходили на исповедь целыми классами. Верили ли все эти люди в существование ада? Возможно, но, скорее всего, в существование ада для других. Исповедь в данном случае должна смягчать эксцессы педагогики с точки зрения виновности. «Выпью стаканчик красненького, — говорит кающийся грешник содрожателю кабака, — потом почищу зубы, нормально будет». Постепенно строгие правила исповеди смягчаются: расписание становится не таким жестким (в Кемпере в 1710–1851 годах нельзя было исповедоваться «ни до рассвета, ни после заката, если это не была рождественская ночь»); право проводить исповедь получают многие (в 1830 году на это имели право лишь приходские священники; к 1895 году это право распространилось на преподавателей, а к 1940-м годам — на полковых

капелланов). Практически полная уверенность в том, что прощения от Бога можно добиться, вымолив отпущение грехов если не на первой исповеди, то по крайней мере на второй, уменьшает страх наказания и порождает анекдоты, которые передаются из уст в уста. Человек, воровавший дрова, на вопрос священника о количестве украденных поленьев ответил: «Десять, но вы запишите двадцать, потому что на обратном пути я еще возьму». А на вопрос о длине украденной веревки вор воскликнул: «Ах нет! Она не была длинной... но к ней была привязана корова». Паства плохо относилась к избирательности сурового наказания: в Бретани за танцы можно было получить отказ в отпущении грехов, тогда как к пьянству относились весьма снисходительно. Кающихся грешников это возмущало, и иногда дело кончалось шантажом. «Если вы не отпустите мне грехи, я больше не приду», — угрожал некий коммерсант, вина которого заключалась в том, что он танцевал под джаз на свадьбе в 1933 году. Сговорчивый священник ответил: «Ладно, идите подумайте и возвращайтесь через несколько минут»⁹. А ведь к этому священнику в коммуне относились с самым большим страхом и уважением.

После II Мировой войны практика исповеди сошла на нет. В 1952 году 15% католиков заявляли о том, что исповедуются раз в месяц, а 3% — что никогда (исследование IFOP, Французского института общественного мнения); в 1974 году, по данным SOFRES, Французского социологического общества, соответственно 1% и 54%. Время, которое священники отводят исповеди, постоянно сокращается. В епархии Кемпера «исповедальных дней» в 1934 году было 34, в 1954-м — 24, в 1960-м — 13, в 1974-м — 7. Молодые священники, которых становилось все меньше и которых нагружали самыми разными поручениями, не горели желанием заниматься делом, которое многим казалось трудным и «неудобным». Устная исповедь, «индивидуализированный инструмент пристрастного изучения совести», по выражению Марселя Мосса, была одной из основ — возможно,

самой главной — церковной власти. Власти символической, потому что она предполагала сохранность тайны и не применяла физического наказания, но грозной и опасной, потому что обладающий ею имел право судить и отпускать или не отпускать грехи, а обжаловать или подать апелляцию было нельзя — разве что на том свете. Ограничение власти клерикалов означало бы запуск процесса освобождения этики от религии и утверждение светского начала в недрах самих церковных структур, а также, по утверждению фундаменталистов, подрыв традиционных основ экономики спасения души.

Теология принимает во внимание понятие состояния

Таинство исповеди потеряло былую популярность и значимость, и его историю, связанную, как нам представляется, с постепенным ослаблением представления о греховности человеческой природы, еще предстоит написать. В нашем распоряжении находятся около пяти сотен писем и записок, адресованных кюре из Арса, который исповедовал по семнадцать часов в день летом и по тринадцать часов зимой (в первую очередь, однако, люди просили совета, а не хотели исповедаться). С этого времени (Жан-Мари Вианне жил с 1786 по 1859 год) теология начинает принимать во внимание понятие *состояния*. В работе Тома Гуссе «Моральная теология», вышедшей в свет в 1845 году, читаем: «Наказание, налагаемое исповедником на грешника, должно быть пропорционально тяжести его вины; следует принимать во внимание его *состояние* и настроение». Одна из глав второго тома озаглавлена так: «Обязанности исповедника по отношению к тем, кто недостаточно сведущ в вопросах религиозных истин, или к тем, кто пребывает в неведении относительно своего состояния»¹⁰. Речь идет о том, что следует принимать во внимание то, что мы сегодня назвали бы социальным положением грешника, роль общества в его греховном поведении. Напрашивается сравнение с историей одного психического заболевания. Ранее мы видели, что

этиология душевных болезней, основанная прежде всего на онтогенезе, бытии больных, эволюционировала в сторону их социального происхождения (одним из «отцов» этого направления был Фрейд) и к 1960-м годам неминуемо пришла к парадоксам и эксцессам антипсихиатрии¹¹. Что бы ни становилось объектом изучения — грех, невроз, правонарушение или преступление, — развитие дискурса начиная со второй половины XIX века во всех этих случаях сопоставимо: при определении меры «ответственности» грешника, сумасшедшего или преступника следует принимать во внимание его *статус*. Иными словами, понятие интердискурсивности, разработанное Мишелем Фуко, оказалось плодотворным.

На понятие *состояния* проливает свет история сестры Мари-Зоэ в том виде, в каком она излагает ее в письме к кюре из Арса (впрочем, оставшемся без ответа). Родители, слишком бедные, чтобы содержать дочь, отдали ее на воспитание дяде, который лишил девочку невинности, когда ей было четырнадцать лет. После двух лет в пансионе она возвращается к дяде, и сексуальные отношения с ним продолжают. Она стала послушницей, не имея к тому призвания, и ее соблазнил священник. «Наши сердца были связаны какой-то опасной дружбой, — пишет девушка, — когда мы виделись, мы обнимались, целовались и делали прочие такие вещи. Это длилось три года». Когда эти отношения закончились, Мари-Зоэ сохранила свои «пагубные привычки» и в возрасте двадцати девяти лет написала письмо знаменитому исповеднику, в котором говорила, что боится, что попадет в ад. Отвращение к монастырскому уставу вызывало у нее чувство вины, а не протест. «Она судит себя, — пишет Филипп Бутри, — с позиций учебников по моральной теологии: те же приемы изложения, тот же лексикон». Согласно этой науке, существуют три категории грешников: окказиональные грешники — те, кто совершает грех случайно, грешники-рецидивисты — те, кто грешит повторно, и привычные грешники — грешащие регулярно. Мари-Зоэ сначала была

оказиональной грешницей. Слово «случай» дважды встречается в ее письме. «Родители забрали меня к себе, там, по крайней мере, мне не подворачивался *случай*». И дальше: «Когда я была в монастырь, там меня опять ждал *случай*: священник проникся ко мне; страсти переполняли меня, поэтому я снова уступила». Повторное попадание в дом к дяде и монастырь сделали ее *рецидивисткой*, а мастурбация превратила девушку в привычную грешницу. «Я думаю, что гублю себя, пребывая в монастыре без призвания». Единственное, о чем она просит, это смена ее *состояния*. «Огонь сладострастия» мог быть потушен лишь супружеской жизнью. Исповедь не приносила ей успокоения, потому что, за исключением «двух внеплановых исповедей», она ни разу не признавалась в своих дурных привычках. Возвращение к мирской жизни, в особенности по такому поводу, в те времена было невообразимо, поэтому, по всей видимости, судьбой Мари-Зои была жизнь в постоянном страхе перед вечными муками.

Может ли секс сегодня вызывать подобный ужас? Чувство вины сместилось, и иерархия грехов сегодня не та, что была раньше. Согласно исследованию, проведенному SOFRES для журнала *Clair Foyer* в декабре 1983 года, 12% французов и француженок старше восемнадцати лет полагают, что «напоминать о моральных требованиях, касающихся секса и жизни в паре, — это дело церкви»; 33% — что «церковь должна ограничиваться лишь советами» и 51% — «что вмешиваться в вопросы секса и жизни в паре — не дело церкви». На вопрос «Лично вы принимаете во внимание рекомендации церкви относительно секса и жизни в паре?» 19% ответили: «Да, по мере возможности», 69% ответили отрицательно и 12% не имеют определенного мнения. Из данных другого опроса узнаем, что даже среди регулярно посещающих церковь верующих женщин лишь 25% осуждают контрацепцию для замужних женщин. Что касается мнения духовенства, о нем можно узнать из данных ранее упоминавшегося анкетирования, проведенного журналом *La Vie*

осенью 1985 года: если то, как папа Иоанн Павел II защищает права человека, одобряют 98% священников, то с его заявлениями относительно сексуальной и семейной морали с ним согласны лишь 56%.

Таким образом, множество священников и мирян принижают значение полученных из Рима указаний по поводу сексуальной морали. В глубине души они осознают рекомендации церкви, но не подчиняются им. Эта непокорность — признак моральной автономии — больше не сопровождается чувством вины, пусть и доставляет кое-кому дискомфорт.

Что касается протестантов, то за либерализацию контрацепции выступают 63%. В других странах секс также постепенно оправдывается. В США, согласно исследованию священника Эндрю Грили, 50% отрицают папскую доктрину о разводе (согласны с ней 15%), а 68% католичек практикуют «незаконные» формы контроля за рождаемостью. По мнению Мишеля де Серто, папская энциклика «*Humanae vitae*» вызвала в Америке невиданный упадок католицизма. В Польше, несмотря на существующий там культ Иоанна Павла II, уровень рождаемости один из самых низких в Европе. Одному французскому священнику, выразившему удивление в связи с этим, множество пар ответило так: «Какие проблемы, мы после этого исповедуемся». При этом сотни тысяч молодых людей устраивают овации папе на стадионе «Парк де Пренс» во время проповеди о вреде «вседозволенности». Нельзя исключить гипотезу или, лучше сказать, вероятность того, что среди этих молодых почитателей папы многие живут вместе, не заводя детей.

Новая концепция духовенства?

Новый взгляд на секс поднимает проблему celibата священников. Церковь придает большое значение целомудрию и настаивает на духовном богатстве и душевной открытости, которые оно порождает. Из уже упоминавшегося опроса журнала

La Vie узнаем, что 29% опрошенных (напомним, речь идет о духовенстве) выступают за брак для священников, 86% — за рукоположение женатых мужчин, 36% хотели бы, чтобы женщины имели право становиться священниками, и 92% выступают за то, «чтобы христиане, не являющиеся священниками, могли служить панихиду». Многие заявили, что они «выбрали» духовную стезю, однако целибат был им «навязан». Кризис «призвания свыше», в качестве примера которого можно назвать пасторов и раввинов, и особенно уход из духовенства привели к необходимости проводить новые опросы, не только среди священнослужителей, но и среди прихожан. Об этом свидетельствуют такие мысли, собранные Ивом Ламбером: «И эти люди до последнего момента проводили исповеди!» «Аббат Х. сбежал с монахиней! Почему мы должны каяться в совершенных глупостях людям, которые делают большие глупости?» «Они запрещают нам разводиться, а сами отбывают в неизвестном направлении, никому ничего не сказав».

Ввиду того, что женщины все больше получают доступ к традиционно мужским *статусам*, не является ли запрет для них занимать должности в церковной иерархии попыткой зацепиться за традиционное принижение женщин церковью? «Женщина вернула себе свое тело, оно больше не находится во власти мужского знания или желания, во власти мужской теологии», — пишет Мишель де Серто. Сестра Мари-Зоз может отрицать свою полную ответственность, поскольку дважды имела место *случайность* (сначала злоупотребление со стороны дяди, затем соблазнение священником), связанная с роковой мужской властью. Откуда взялась юридическая монополия мужчин, по какому праву? Тогда как гражданское общество привыкло к тому, что женщины бывают министрами и судьями и скоро, возможно, женщина станет президентом Республики, церковь ведет арьергардные бои, сохраняя за мужчинами право на тайны грешниц. Сохранение полового диморфизма в обществе кажется тем более проблематичным, что в связи

с кризисом «призвания свыше» миряне все чаще выполняют функции, прежде отводившиеся духовенству. Более того, многие священники говорят, что нередко в минуты сомнений находят помощь и поддержку в домах христиан, и признают, что им очень помогает помощь тех, кого они должны были бы направлять. «Раньше мы были пастырями для христиан, теперь же мы в гораздо большей степени *с ними*», — говорит некий кюре. В опросе журнала *La Vie* свидетельство одного шестидесятилетнего священника резюмирует десятки других: «Рукоположение, состоявшееся в 1948 году, поставило меня „над“, дало мне определенные „полномочия“, доверило мне некоторое „знание“ <...>. Потом я оказался „внутри“. Стало меньше уверенности и авторитаризма. Вокруг люди, которые знают больше меня. Я должен был пересмотреть все мои „знания“ <...>. Я осознал, что вера есть в той же степени верность нашему миру и современному человеку, как и верность Христу». А вот слова еще одного священника: «Мы постепенно становимся христианами».

Обновленный ритуал исповеди

Второй Ватиканский собор реформировал процедуру исповеди. Первым предлагается заговорить священнику, он должен тепло встретить пришедшего на исповедь, напомнить ему о Божьей любви и милосердии. Перед отпущением грехов он может прочитать ему фрагмент из Евангелия и заключить встречу благодарственной молитвой. В некоторых приходах исповедальни были заменены «комнатами примирения», где священник и исповедующийся могут уединиться. Находят все большее распространение коллективные исповеди, позволяющие христианам помириться с Богом и своим будущим в лоне литургического сообщества. И тем не менее таинство исповеди, принятое в XI веке, постепенно перестает соблюдаться: в 1952 году раз в месяц исповедовались 23% французских католиков, в 1983-м таких всего 1%, а 68% заявляют, что никогда не ходят на исповедь. В этом вопросе, как и во многих других, Иоанн Павел II

призывает вернуться к традиционной практике и хочет «убедить верующих в необходимости получать прощение в индивидуальном порядке, искренне и регулярно» (речь в Лурде 15 августа 1983 года). По нашему представлению, исповедь, ставшая редкостью, вновь обрела свою сущность: она представляет собой — как ей и подобает — раскаяние и обращение верующих. Отдельные прихожане отказываются от регулярной исповеди во имя этики. «Это слишком просто: приходишь на исповедь, и — хоп! — счетчик обнуляется». Исповедаться означает посвятить Бога в свою тайну, о которой ему и так все известно. Исповедник, как и церковь, которую он воплощает в момент признания, — это лишь посредник, не имеющий юридической или карающей власти. Его задача — получить признание, а Бог рассудит. Став таинством примирения, исповедь становится частью «положительной» интерпретации Евангелия, которую рекомендует нынешнее духовенство, тогда как на протяжении многих веков церковь навязывала «отрицательную» интерпретацию священных текстов, главной идеей которой были запреты. По-новому прочитав эти тексты, можно заметить, что Христос запрещает очень мало, он благосклонно принимает людей, прощает их, относится к ним с уважением.

НОВОЕ ЧУВСТВО ВИНЫ.

РАСШИРЕНИЕ ПОЛЯ СОЗНАНИЯ*

О некоторых энцикликах

«Христианство — это часть истории, но история — это часть христианства», — говорил отец Даниелу. А вот что говорил кардинал Сьюр: «Церковь должна одновременно *быть и становиться*. *Быть* неизменной в невидимой реальности и *век за веком становиться* в реальности видимой». В начале XX века все

* Сознание рассматривается здесь как тайное место, в котором совершается наш выбор. — *Примеч. авт.*

то, что должно составлять частную жизнь католика, было тщательно прописано духовенством, недоверчиво относившимся ко всему, что мы назвали бы сегодня «основами». Так, 8 сентября 1907 года энциклика «Pascendi» осудила модернистскую доктрину и обязала теологов дать антимодернистскую клятву. В письме от 25 августа 1910 года Пий X, канонизированный в 1954 году Пием XII, осуждает движение Le Sillon, целью которого было сблизить католицизм с Республикой, представив альтернативу левому «материализму», и его основатель Марк Санье подчинился. Тот же папа Пий X побуждает регулярно причащаться, поклоняться Святому Сердцу, святым и Деве Марии. Однако разного рода потрясения XX века — научные, технические, политические, социальные, культурные — изменят отношения между верхушкой церковной иерархии и рядовыми католиками, вынужденными без конца отвечать на непредвиденные вызовы. Это не ново в истории церкви: бунт святого Франциска Ассизского против отца и меркантильного ассизского общества, как известно, был направлен папой Иннокентием III по безопасному пути, и в результате папа Гонорий III смог основать в 1223 году орден францисканцев. Новое здесь — скорость, с которой происходят изменения (взять хотя бы демографию: в 1900 году население Земли составляло 1,7 миллиарда человек, в 1970-м — 3,6 миллиарда, а к 2000 году ожидается 6,2 миллиарда; в развивающихся странах население удваивается каждые двадцать пять лет) и к которой старейшей бюрократии мира приходится адаптироваться, чтобы становиться, не прекращая *быть*. Будучи возвращенным в лоне этой бюрократии и прекрасно зная ее, папа Иоанн XXIII понял, что, чтобы поколебать ее основы, следует опираться на весь потенциал периферии. 15 июля 1961 года, еще до первой сессии Второго Ватиканского собора, он предал гласности энциклику «Mater et magistra» (но датирована она была 15 мая, днем семидесятой годовщины энциклики «Regum novarum» и тридцатой годовщины «Quadragesimo anno», точное название

которой — «Энциклика о современной эволюции общественной жизни в свете христианских принципов»). Коснемся лишь двух тем этого текста. Чтобы обеспечить *становление* (присутствие церкви в мире), в энциклике вводится нечто новое: в ней можно прочесть, что «важнейшей проблемой нашего времени остаются отношения между развитыми и развивающимися странами; мы все вместе ответственны за голодающих, поэтому следует формировать сознание таким образом, чтобы те, кто находится в самых благоприятных условиях, поняли, что это прежде всего их ответственность». Для сохранения *бытия* (трансцендентности церкви) в тексте напоминает об осуждении любой сексуальной активности, целью которой не является продолжение рода: «Являясь актом обдуманном и сознательным, продолжение рода подчиняется священным и незыблемым законам Бога». Энциклика «*Rasem in terris*» от 11 апреля 1963 года в виде исключения адресована всем людям на земле, а не только христианам. Мы узнаём из нее, что, порывая с традиционной мизогинией (женоненавистничеством), папа решительно высказывается за вступление женщины в публичную жизнь: «Все более сознавая свое человеческое достоинство, женщина больше не хочет считаться инструментом: она требует, чтобы к ней относились как к человеку и в частной, и в общественной жизни».

*От Второго Ватиканского собора
к символу декабря 1985 года*

Иоанн XXIII, избранный папой 28 октября 1958 года, 18 июня 1959 года адресовал всем епископам, нунциям и иерархам церкви большую анкету, на которую ответили более двух тысяч человек. 2 февраля 1962 года он объявил об открытии церковного собора 11 октября того же года. Не будем здесь рассматривать историю четырех сессий собора (11 октября — 8 декабря 1962 года, 21 сентября — 4 декабря 1963-го, 14 сентября — 21 ноября 1964-го, 14 ноября — 8 декабря

1965 года), сложную, полную напряжения, конфликтов и компромиссов. Принятые решения перевернули отдельные католические практики: обязательную воскресную мессу теперь можно посещать не только в воскресенье, но и в течение всех выходных дней; на смену латыни приходят национальные языки; месса, стандартизированная в 1570 году папой Пием V, заменяется новым ритуалом; причастие, которое могут давать миряне, при определенных обстоятельствах может проводиться вином и хлебом; папа выступал за периодическое проведение епископального синода, чтобы примирить разнообразие местных церквей и единство всемирной церкви. Отныне национальные епископаты будут действовать по двум направлениям: «Мобилизация духовенства с целью выработки в каждом языке религиозного языка и для осознания христианскими общинами необходимости социальной справедливости» (М. де Серто). Два человека сыграли определяющую роль в осознании епископами нарастающей нищеты стран третьего мира: это монсеньор Эддер Камара, в то время — помощник епископа Рио-де-Жанейро и генеральный секретарь бразильского епископата, и монсеньор Ларраин, епископ Талькский (Чили). Эти два прелата стремились положить конец альянсу церкви с консервативными силами. Как священнику трактовать Нагорную проповедь перед жителями бразильских фавел и чилийских трущоб? «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... <...> Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?»¹² Как избежать ангажированности? Как забыть, что «богатство делает глупым, а нищета — идиотом», по меткому выражению аббата Пьера, сформулированному в 1954 году, в тот самый момент, когда папство осуждало священников-рабочих? Коротче говоря, как через двадцать лет после Холокоста, не вызвавшего никакой реакции из Рима, в мире, где богатство дразнит бедность, где миллионы детей страдают от голода,

тогда как другие объедаются на рождественских праздниках, — как в таком мире говорить о Божьей доброте? Теодицея и требования солидарности беспокоят совесть священников и верующих, тогда как телевидение показывает высокомерие фарисеев и обездоленность большого количества людей. И как противостоят «атеистическому марксизму», если мы не умеем жить настоящим? Второй Ватиканский собор хотел напомнить, что церковь — это народ Божий, а не иерархическое общество, на вершине которого сидит на троне папа, тогда как Иисус родился в хлеву. Церковный собор положил конец проявлению чрезвычайно большого интереса церкви к себе самой, к своим внутренним проблемам, к своему состоянию души, если можно так сказать. Предполагалось, что Рим (как католический центр) больше не в Риме, а «на улицах, без определенного места жительства. За верстаками, вне закона, в ямах, у столбов, вне стен» (Жан Кардоннель). Именно на этот «прыжок в самый низ, на самое дно человечества» (там же) ориентируется CELAM (Епископальный совет Латинской Америки), организовавший в 1968 году конференцию в Мельбурне, на которой выступил Павел VI; за этой конференцией последовали еще две — в Кампале (Африка) и в Маниле (Азия). Как это признается в пастырской конституции Второго Ватиканского собора «*Gaudium et spes*» (Радость и надежда), церкви предстоит многое узнать о «других» — о тех, кто исповедует другую веру или лишен ее вообще. Благодаря этому поиску «другого», открытию для себя материальных и моральных бедствий стран третьего и четвертого миров постепенно чувство индивидуальной вины (грех, боязнь попасть в ад) заменяется чувством вины социальной, неизбежно приводя к осознанию собственной ответственности и солидарности. Где бы ни происходило наступление на права человека — на Западе (в Чили), на Востоке (в СССР, в Польше), на Юге (в Южной Африке), — оно побуждает католиков вмешаться в большие политические дебаты своего времени, как

это делали Лютер, Кальвин, Цвингли или Буцер. С этой точки зрения синод, собранный Иоанном Павлом II в ноябре — декабре 1985 года, показывает возврат к занятиям, отражающим религиозную специфику. И этот возврат не является ответом на мучающий христианское сознание вопрос, который Мишель де Серто формулирует так: «Не переходит ли саркальное в иные сферы?» И утверждает: «Священную ценность приобретает социальная и политическая ангажированность <...>. Все эти опыты проявления солидарности и коммуникации с религиозной точки зрения создают гигантскую католическую лабораторию <...>, где встречаются еще семь обрядовых вариантов недавнего прошлого». Иначе говоря, папство горячо желает поддерживать *принципы*, какой бы ни была *практика*, навязывать римскую этику, в то время как миллионы христиан в Латинской Америке и в других странах ждут совершенно иного; папство отказывается видеть «решающее значение практик в выработке „теории“, которая эти практики объединяет и которую они подтверждают или фальсифицируют» (М. де Серто). Поскольку «церковь принадлежит истории», истинный вопрос таков: «С кем она солидаризируется в обществе в тот или иной момент своего становления?» Для множества католиков, которые отказываются признавать за духовенством и церковными иерархами монопольное право на высказывание христианских истин, ответ очевиден: «С бедными». Таков был выбор пастырей в Латинской Америке. В голодных деревнях бразильского северо-востока и трущобах мегаполисов слово Божье не нуждалось в посреднике, чтобы быть услышанным. Так в 1970-е годы возникли базовые христианские общины. Конференция в Медельине, торжественно открытая папой Павлом VI, опубликовала документ, озаглавленный так: «Церковь в меняющейся Латинской Америке в свете церковного собора». Это была программа папского обновления континента, а тогда — в 1968 году — еще не было ни базовых христианских общин, ни повсеместного

чтения Библии в народной среде. Таким образом, налицо была согласованность между церковной иерархией и ожиданиями простых католиков и были основания полагать, что «выбор в пользу бедняков» будет ратифицирован Епископальным советом Латинской Америки и папством.

Реакция

Начиная с 1972 года консервативное руководство латиноамериканской церкви стало контролировать деятельность Епископального совета Латинской Америки. Монсеньор Лопес Трухильо, его председатель, направляет деятельность совета в сторону осторожно прогрессистского неоконсерватизма и начинает первые атаки против либеральной теологии. В 1979 году Иоанн Павел II выступает на конференции в Пуэбле, на которой сопротивление прелатов помогает поддержать то, что было достигнуто в Медельине. В 1985 году он снова приехал в Латинскую Америку. Сорок пять речей, которые он произносит, весьма умеренно научны, и всем понятно, что адресат этих речей — католический мир в целом. Папа отвергает «невыносимую» социальную несправедливость, выступает за «церковь прав человека, верного своему выбору в пользу бедных», но не прекращает предостерегать от «марксистской заразы», утверждает, что именно иерархи должны «дать правильное направление той энергии, силе, активности», что приводит в движение бедный люд; короче говоря, папа пытается наметить линию, соединяющую евангельский месседж, социальное действие и главенство Рима.

«Индейцы умирают до срока»

Средства массовой информации, не только радио и телевидение, но и католическая и протестантская пресса, вновь столкнули христианское сознание с двумя образами церкви: инквизицией и либерализацией. Убийство монсеньора Ромеро во время мессы — событие, коснувшееся не только

сальвадорцев*. Французский католик — наедине со своей верой — тоже должен выбирать между иерархией (церковной или светской) и маргиналами: бедными («новыми» или нет), иммигрантами, безработными и пр., или, точнее говоря, он осознает противостояние между двумя тенденциями: консервативной и другой, открытой миру и поиску справедливости. Синод 1971 года, хотя он и состоял исключительно из епископов, признал, что «битва за справедливость» является составной частью Евангелия. Беспokoясь о спасении своей души, которому он придает расширенный смысл, французский католик читает — или перечитывает — эти страшные слова из послания святого апостола Иакова: «А вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания. Вы осудили, убили праведника; он не противился вам» (Иак. 5: 1–6). Сегодняшние богачи несправедливо разбогатели, возможно, по собственной вине, но главным образом потому, что являются составной частью системы, которая ставит их в наиболее выгодное положение и которую как раз нужно обвинять. Когда прогрессивные теологи заявляют, что «без единения с бедными нет истинно христианской жизни», они лишь напоминают о послании святого Иакова. В 1542 году в «Кратком сообщении об уничтожении индейцев» доминиканец Бартоломе де Лас Касас просто и с тревогой написал: «Индейцы умирают до срока». Разоблачив

* Архиепископ Сан-Сальвадора Оскар Ромеро был убит в 1980 году, предположительно по приказу ультраправого политика Роберто д'Обусона. — *Примеч. ред.*

зверства испанцев в отношении коренного населения Америки, он, как известно, был отозван обратно в Испанию. Мы видим, что в истории церкви есть некое постоянство.

Теология освобождения

Прогрессивная теология выходит за рамки латиноамериканского мира, хотя происходит именно оттуда. Это «размышления о Боге, поиск языка, на котором можно говорить о Божьей любви с обездоленными христианами этого континента. Понятие „освобождение“ — комплексное, оно касается социального порядка, политического уклада, человеческих отношений; речь идет о полном освобождении личности, а не только о смене структур. Освобождении от греха, если угодно употреблять библейские термины, потому что грех есть не что иное, как разрыв любви с Богом, с будущим», — декларирует перуанский священник Густаво Гутьеррес¹³. Вспоминая о том, что самые обездоленные, «неличности», подчиняются идее теодицеи, он добавляет: «Мы должны задать себе вопрос: как дать понять тому, кто чувствует себя ничтожеством, кто страдает, что Бог есть любовь? Как воспевать Мессию, когда эта песнь застревает в горле, ее душит боль народа?»

7 сентября 1984 года на Конгрегации в защиту доктрины веры в Риме выступил францисканец Леонардо Бофф, профессор теологии из университета Персеполиса (Бразилия), автор книги «Церковь, харизма и власть», в которой он писал: «Теолог-католик ездит в Рим, как чехи и словаки — в Москву, на консультации с советским Политбюро». Он утверждал, что «священная власть была предметом процесса экспроприации средств религиозного производства со стороны духовенства в ущерб простым христианам» и что «догма действительна лишь в определенный период и при определенных обстоятельствах». С большими оговорками Конгрегация провозгласила возможность «аутентичной теологии освобождения», в случае если речь идет «об освобождении от греха,

а не о социально-политическом освобождении». Подчеркивалось, что в работах отца Леонардо Боффа содержится «большое количество опасностей для веры, возможностей ее извращения», и приводились следующие его слова: «Церковь говорит, что надо бороться за права бедняков, но не говорит, что она на их стороне. Это позиция соучастия, а не освобождения»¹⁴. По его мнению, церковь защищает не столько божественную власть, сколько историческую форму, в которой она существует. В июне 1985 года Конгрегация запретила отцу Боффу выступать с проповедями, за чем моментально последовало письмо, подписанное десятью бразильскими священниками, где говорилось: «Мы должны публично выразить свое несогласие с наказанием, наложенным на отца Леонардо Боффа. Сами по себе мера и способ наказания представляются нам немилосердными, мы видим в них наступление на права человека и на свободу исследований теологов, что противоречит христианскому человеколюбию, препятствует развитию нашей церкви и вредит общей ответственности нашей епископской конференции».

Когда писались эти строки (декабрь 1985 года), кардинал Ратцингер* за четыре дня до обсуждения и вынесения решения по поводу Леонардо Боффа выразил официальную позицию церкви. Работа называлась «О некоторых аспектах теологии освобождения», в ней говорилось: «Некоторые испытывают искушение в первую очередь заботиться о хлебе насущном, а сообщение пастве слова Божия взять в скобки и отложить на потом. Разделять и даже противопоставлять одно другому — смертельная ошибка <...>. В основе новой интерпретации — не рассмотренные критически заимствования из марксистской идеологии и обращение к тезисам рационалистической библейской герменевтики. Это искажает все аутентичное, что было в первоначальном стремлении действовать в пользу бедных. Евангелие не должно сводиться только к земным делам». Он же отмечает, что «весь

* В 2005 году стал папой римским Бенедиктом XVI.

народ Божий должен участвовать в пророческом деле Христа, но уважая при этом иерархию церкви», которой надлежит решать, насколько это участие искренно. Отсюда — вопрос, возникший у доминиканца Жана Кардоннеля: «Когда дети умирали от истощения и усталости на мануфактурах, в Риме ничего не видели и не слышали. Зато церковь осудила газету *L'Avenir*, движение *Le Sillon*, затем священников-рабочих. Когда евреи горели в огне Холокоста, в Риме мало что видели и слышали. Пий XI объявил возмутительным то обстоятельство, что церковь будто бы потеряла рабочий класс. Теперь она теряет женщин, вставших на путь эмансипации. Потеряет ли она и третий мир?»

Интегризм

Уолтер Бэджет* утверждал в XIX веке, что «никакая боль не сравнится с той, что вызвана новой идеей». Понятно, что решения Второго Ватиканского собора (если не полный разрыв с богачами, то по крайней мере оказание предпочтения беднякам), а затем и теология освобождения вызвали сопротивление традиционалистов, опиравшихся в основном на французских католиков, которые привыкли предаваться воспоминаниям детства, слушая не очень понятную литургию на забытой латыни. Интегристские проявления — по крайней мере вначале — устранивали часть церковной иерархии, неохотно уступавшей инновациям, которые небольшое количество духовенства при поддержке мирян и христиан других конфессий в конечном счете навязало большинству, не желавшему менять привычный уклад. Символом сопротивления нововведениям в 1975–1980 годах был монсеньор Лефевр. Пронырливые СМИ сделали из него звезду. Но вскоре он оказался в парадоксальной ситуации, которую Мишель де Серто резюмирует следующим образом: «Неправильно посвящая в сан священников, чтобы защитить традицию, он восставал против папы; чтобы поддержать плюрализм, папа

* Уолтер Бэджет (1826–1877) — британский философ и экономист.

пользовался архаичными авторитарными методами». Павел VI, личность сложная, раздираемая противоречиями между наследием Иоанна XXIII и требованиями Конгрегации в защиту доктрины веры, мягко осудил ностальгирующих. С приходом Иоанна Павла II, фаворита «звездной системы», чей автомобиль из бронированного стекла может быть символом иерархии, выставляющей себя напоказ и в то же время защищенной, возмущение консерваторов частично сходит на нет.

На пути к экуменизму?

Сокращение числа священников, возрастающая роль мирян в культурной практике, свобода в отношении сексуального поведения, поддерживаемого папством, брак священников, не разрешенный, но рассматриваемый, как и посвящение в сан женщин, убеждение в собственной ответственности за всякого рода несправедливости и беззакония, где бы они ни происходили — в странах третьего мира или в ближайших пригородах французских городов, чтение Библии на «народном» языке, — таковы тенденции, очевидно необратимые, которые можно наблюдать в сегодняшнем католицизме. Ведут ли они к экуменизму, точнее говоря, к сближению с протестантизмом?

Уже упоминавшаяся анкета Р. Меля обнаруживает сильное экуменическое течение внутри протестантизма. На вопрос «Хотели бы вы, чтобы различные протестантские церкви объединились?» 74% ответили положительно. Более того, та же анкета показала затухание антикатолицизма: 69% опрошенных желали бы «более тесных отношений» с католиками, а 23% даже полагали, что при Иоанне Павле II наблюдается сближение с ними, при этом 12% говорили об отдалении и 44% — об отсутствии изменений. Весьма распространены смешанные браки: лишь у 20% опрошенных супруги являются протестантами, тогда как у 50% супруги католики. Что касается браков детей, то 23% относятся благосклонно к смешанным бракам, 45% «ни за, ни против» и лишь 2% «скорее против». Впрочем, Меля это безразличие

беспокоит, потому что «для небольшой протестантской общины учащение смешанных браков означает неминуемую гибель». Означает ли это, что мы на пороге объединения церквей? Мы так не думаем. В протестантских кругах в ходу поговорка: «Для католиков церковь — мать; для православных — супруга; для протестантов — старый холостяк, говорящий „нет“». В этом вся проблема. Конечно, протестанты рады тому, что Иоанн Павел II несет человечеству Благою Весть, но напоминают, что «силу папскому слову придает Евангелие, а не наоборот», — по выражению пастора Андре Дюма, который полагает, что «церковь никогда не должна быть владением или ширмой, но вестником и служением». Экуменическое движение вряд ли может скрыть доктринальное препятствие, о котором не говорят: для протестанта в основе церкви лежит Евангелие (служение, таинства и т. д.), а не наоборот. «Реформация рассматривает церковь как вестницу милости, — пишет пастор Андре Дюма, — и поэтому ей отказано в непогрешимости, она сама грешна, она сама кается и получает прощение: *Ecclesia semper reformata et reformanda**». Протестантскую практику можно было бы определить как союз серьезности и свободы. Это объясняет, почему 18% считающих себя протестантами отказываются давать своим детям религиозное образование. «Что больше всего привлекает в протестантизме, — комментирует Р. Мель, — это свобода духа и ума, которую он дает». Однако добавляет, что, возможно, существует «категория верующих, которые слишком заботятся о недирективности, уважении к свободе ребенка, что вызвано боязнью „манипулировать“ им, пока он еще не может сделать осознанного выбора». Подобная щепетильность абсолютно чужда католической иерархии, и в то же время многие родители-католики втайне думают об этом. Поскольку «в основе церкви — Евангелие», фундаментом протестантской практики по-прежнему

* *Ecclesia semper reformata et reformanda* (лат.) — «Церковь вечно реформируется и реформирует», один из основополагающих принципов протестантизма.

остаётся чтение священных текстов. По данным той же анкеты, во всех рассмотренных категориях регулярное чтение Библии превалирует над соблюдением культа. Приведем лишь пример рабочих: среди них регулярно посещают храм 8,7%, но 28% регулярно читают Библию. Среди тех, кто *никогда* не ходит в храм, таких 41%. В результате понятие «дехристианизация» в религиозной социологии заменяется понятием «эксхристианизация», предполагающим, что некоторые верующие, сохраняя свою веру, прекращают христианскую практику (католическую или протестантскую) в связи с отдельными поступками духовенства или несогласием с христианским движением.

Что значит быть христианином сегодня

Измельчала ли французская церковь? Конечно, по сравнению с тем, чем она была раньше, в количественном отношении она сократилась, но те из ее «сыновей», кто остался в ней, остались не случайно или не из соображений выгоды. Любовь к Христу — это любовь к ближнему, к «другому», а консюмеристское общество предлагает нам гедонистическое самопотребление. Нам предписывается все время хорошеть, сохранять молодость, вкладывать средства в поддержание как можно дольше своей внешности на уровне прекрасного тела Нарцисса. Придают ли накопление вещей и сексуальная свобода смысл жизни? Нет, отвечает христианин, дехристианизация не есть освобождение. Свобода связана с идеей справедливости и всеобщего братства. После воскресения Христа смерть больше не приводит в небытие, она таинственным образом входит в жизнь. Так может говорить тот, кто верит в Бога. Что же касается того, кто не верит... ему случается бороться за освобождение человека с тем же пылом и рвением, что и верующему.

Жерар Венсан

КАКОВО ЭТО — БЫТЬ КОММУНИСТОМ?

Мы — функционеры человечества.

Гуссерль

«Чем, говоря по совести, является социализм, если не обожествленным государственным управлением, облеченным высшим знанием и неограниченной властью, распространяющим свое „благотворное“ влияние на самые интимные акты *частной жизни*, которое любой ценой — уравниванием всех в бедности или в призвании или промыванием мозгов — намерено сделать всех людей мудрыми и счастливыми».

*А. Прево-Парадоль, Journal des débats,
21 декабря 1860 года*

КАК ВСТУПИТЬ В ПАРТИЮ

Иудео-христианское наследие

На регулярные обвинения в фанатизме коммунисты возражают, что антикоммунизм — это тоже страсть. Рассказывая о частной жизни коммунистов, напомним предостережение Токвиля: «Я пишу об истории, а не рассказываю ее». Вступление в Партию (именно так, с прописной буквы, потому что в глазах неофита только эта партия имеет значение) невозможно понять без учета иудео-христианского наследия. Переход от эсхатологии к телеологии объясняется ностальгией по мизму, желанием все разнообразие явлений объяснять чем-то

одним. Человечеству свойственно подчиняться воле отдельных личностей, принимающих решение, действующих, сознавая причины и следствия своих акций; так на протяжении столетий мы привыкли и предпочитаем думать. Прометей однажды решил попробовать свои силы и поплатился за бесстрашие. Церковь с тщанием возвела и пронесла через века иерархию функций, выразившуюся в цветах: черный цвет символизировал низшее духовенство, фиолетовый — епископов, красный — кардиналов, белый — папу. На протяжении многих лет на стене в редакции газеты L'Humanité была начертана фраза Габриеля Пери: «Я относился к своей профессии как к религии: написание и редактирование статей было для меня священнодействием». Индокитайский коммунист Нгуен Тат Тхань, взявший псевдоним Хо Ши Мин, что в переводе означает «Тот, кто дает свет», проповедовал аскетичный образ жизни и говорил, что его восхищение Лениным было вызвано «не только его гением, но и презрением к роскоши, любовью к труду, чистотой его *частной жизни*». В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс пишет: «Религия <...> претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью. <...> Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков». Согласно Марксу, религия, являясь символическим выражением социальной и личностной драмы, — это фантазматическая попытка попасть в «другой мир». Новый подход предлагает заменить эти иллюзорные устремления на реальные межличностные отношения в земном мире. О чем бы ни шла речь: о «Вечном жиде» в том виде, в каком его собирался написать Гёте, о Великом инквизиторе Достоевского, о Самюэле Эжена Сю, об «Агасфере» Эдгара Кинэ — тема одна и та же: церковь грешна, она предала учение Христа, и христианский народ постоянно готов распинать его снова и снова, как Питер Брейгель Старший изображает это на картине

«Путь на Голгофу» («Несение креста»). Если можно так сказать, нужно было искать какую-то замену, что объясняет тот факт, что многие коммунисты вышли из христианства; отдельные адепты коммунизма видели в пролетариате вектор искупления. «Марксистская мысль занимает ангажированную позицию. Коммунизм — это сознание пролетариата <...>. Самая тесная связь между мыслью и действием — у коммуниста», — пишет Жан Лакруа в работе «Дух» (декабрь 1944 года). Мичуринская теория рассматривалась как научно обоснованная, потому что, утверждая, что гибридизацией можно добиться наследования признаков, он «доказывал», что человек может преобразовать природу, как неосуществленный поворот сибирских рек должен был превратить огромные сибирские территории в плодородную Андалусию.

Иудео-христианская традиция обрекала материалистический атеизм на культ личности. Церковь, не переставая быть тем, что следует из ее названия (французское слово *église*, «церковь», происходит от греческого *ekklésia* — собрание, ассамблея), восхваляла, в прямом и переносном смысле, наследника святого Петра, которого она усадила на трон. Из истории-рассказа, которая фиксирует не законы, а совпадения, известно, что любая революция ведет к бонапартизму (условный Бонапарт может называться Цезарем, Кромвелем, Наполеоном, Сталиным, Мао Цзэдуном или Фиделем Кастро), словно расшатывание структуры побуждает людей искать свою идентичность в Сталине, «родном и любимом», или в Мао Цзэдуне, которому прочат сотворение «нового человека» из жителей сельских коммун, как Бог создал женщину из ребра Адама. У ФКП, Французской коммунистической партии, был свой идол — Морис Торез, которого немного «причесанная» биография представляла подлинным шахтером. У человечества еще не было этого всемирного опыта коммунизма, сделавшего во время гражданской войны в Испании из Пальмиро Тольятти, университетского интеллектуала, сначала несправимого

сталиниста, затем сторонника полицентризма и, наконец, критика упрощенного объяснения «эксцессов» сталинизма психологизмом, приписываемым организатору собственного культа, Морису Торезу не хватало того, что писательница Доминик Десанти кокетливо называла «печальным опытом», которого Тольятти набрался в высших сферах Коминтерна.

Престиж СССР в 1944 году

Всплеск вступления в ФКП в момент освобождения объясняется невероятным уважением, которым пользовалась в то время Красная армия. Французы понимали, что если высадка союзников состоялась 31 месяц спустя после вступления Соединенных Штатов в войну, то это только потому, что нацистские войска частично сгнули на российских просторах. Три первые пятилетки оказались эффективными: они позволили Советскому Союзу создать армию, которая, против всех ожиданий, после поражений лета и осени 1941 года перейдя в контрнаступление в ноябре под Ростовом, а 7 декабря — под Москвой, смогла переломить ситуацию и начать освобождение оккупированных территорий. Большой террор 1937–1938 годов, в ходе которого была ликвидирована половина высшего военного руководства, ставился под сомнение. Если он и впрямь был, полагали многие, то чем же можно было объяснить быстрое восстановление, удивившее в первую очередь Гитлера, который только что перекинул четыреста тысяч солдат с Восточного фронта на Западный, чтобы отбить атаки англичан? Не было ли это «буржуазной пропагандой»? В то же самое время Сталин взялся за переписывание истории, делая ее доступной для всех. Перечитывая сегодня его тексты (если предположить при этом, что он действительно являлся их автором) — о чем бы речь ни шла: о проблемах национальностей, марксизма-ленинизма, о вопросах языкознания, экономике или о людях, самом ценном капитале, — не устаешь поражаться его таланту популяризатора. Сложнейшие тексты

первоисточников он излагал понятным языком, соответствующим ожиданиям как малограмотных народных масс, так и интеллектуалов, желавших освободиться от малопонятных комментариев и длинных рассуждений и решительно заняться переустройством мира.

ФКП в годы Сопrotивления

Из своей деятельности в годы Сопrotивления ФКП извлекла выгоду. Конечно, было очень заманчиво называть себя «партией расстрелянных», количество которых было завышено, обходя молчанием период неуверенности, длившийся от заключения пакта Молотова — Риббентропа и до нападения Германии на СССР. Однако минимизировать ее роль вряд ли удастся: привыкнув к подпольной деятельности, компартия оказалась весьма эффективной, как только прекратила рассматривать войну как «борьбу между хищниками-империалистами» и стала воспринимать ее как крестовый поход против фашизма. С другой стороны, избегая участия во всевозможных интригах между жиродистами* и голлистами, коммунисты разыграли голлистскую карту, и Фернан Гренье был первым, кто привел к генералу де Голлю целую партию.

Соринка в чужом глазу и бревно в своем

Следует сказать, что коммунистический блок не удерживал монополию на беззаконие и жестокость. 1947 год был отмечен массовыми убийствами на Мадагаскаре, а в Индокитае шла бесконечная война, сделавшая в 1950-е годы из Анри Мартена мученика деколонизации. Этот 24-летний моряк был приговорен к пятилетнему заключению за распространение листовок следующего содержания: «Наша кровь не товар, а вы ради сохранения своих миллионов приносите в жертву нас, двадцатилетних <...>. Больше ни одного су, ни одной человеческой

* Жиродисты — сторонники генерала Анри Жиро.

жизни для этой грязной войны <...>. Моряки Тулона, мы не обязаны умирать в Индокитае ради барышей французских банкиров». В США закон Тафта — Хартли, принятый в 1947 году, обязывал всех руководителей профсоюзов под присягой заявить о непринадлежности к коммунистической партии; в 1949–1950 годах были распущены двенадцать профсоюзов, руководство которых подозревалося в симпатиях к коммунистам. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, организованная сенатором Маккарти, допрашивает, обвиняет, арестовывает «коммунистов, бывших коммунистов или предполагаемых коммунистов, которые оказались лишены возможности работать и права покинуть страну, так как их паспорта были аннулированы»¹⁵.

Причины вступить в Партию

Пролетарий вступает в Партию коммунистов по экономическим причинам — в связи с тем, что его эксплуатируют. Напомним, что Бисмарк осмелился одновременно вести политику, укрепляющую государственный аппарат, основанный на традиционных структурах (администрация, армия, юридический корпус, динамичные капиталистические предприятия), и проводить социальные реформы, весьма смелые для той поры. В 1920-х годах французская социальная политика значительно отличалась от немецкой. Гитлер, опиравшийся на крупную промышленность, никогда бы не добился вступления в ряды его партии очень большой части рабочего класса, если бы не его система «социальной защиты», до которой Матиньонским соглашениям было очень далеко*. Добавим к сказанному, что французское общество было очень заторможенным как в 1920-х годах, так и в 1950-х и что решительные действия, которые Партия намерена была совершить, позволяли надеяться

* Соглашения, заключенные в 1936 году Всеобщей конфедерацией французских работодателей с профсоюзами, входившими в прокоммунистическую Всеобщую конфедерацию труда. — *Примеч. ред.*

на уверенное движение по социальной лестнице, тогда как действующая власть, за редким исключением, санкционировала лишь «воспроизводство». «Коммунист — это еще не значит прекрасный человек. Я, разумеется, знаю коммунистов-болванов. Что тут поделать. Но в отличие от других болванов, эти болваны — коммунисты... Даже со всей своей дурью они преобразуют общество»¹⁶. Так говорил некий слесарь-фрезеровщик.

После раскола, произошедшего на XVIII конгрессе Французской секции рабочего интернационала (SFIO) (1920), ФКП стала проявлять внимание к привлечению в свои ряды интеллектуалов, принадлежность которых к «буржуазной интеллигенции» (иначе говоря, «объективные» условия их жизни) не располагала к вступлению в Партию. В 1920-е годы превозносятся Жан Жорес, Ромен Роллан, Анатоль Франс. Анри Барбюс вступает в Партию в 1923 году. Он мало знаком с теорией Маркса, основывает движение Clarté («Свет») и одноименную газету. К этому движению присоединяются Жорж Дюамель и Жюль Ромен. В 1928 году Барбюс учреждает журнал *Monde*, главным редактором которого станет Жан Геенно. В 1928 году в Партию вступают пять сюрреалистов, среди которых назовем Бретона, Арагона и Элюара. Их принимают, правда, с некоторыми оговорками. Далее наступает очередь Политцера, Лефевра, Низана, Леже, Пикассо, Жолио-Кюри и др. После II Мировой войны в Партию массово вступали молодые интеллектуалы из буржуазной среды, разрывая при этом отношения со своими семьями. Они были очарованы примером рабочих, не претендуя на то, чтобы сменить их, но желая исследовать революционный путь и идти по нему. Тогдашний энтузиазм видим в написанном в 1948 году тексте Сартра: «Всецело обусловленный своим классом, своей зарплатой, природой своего труда, вплоть до своих чувств и мыслей, именно он [рабочий] решает, каковы будут условия его собственной жизни и жизни его товарищей, это он дает пролетариату совершенно беспросветное унижительное будущее — или же победу. Все зависит от того, что он

выберет — подчинение или революцию». За исключением Арагона, все эти интеллектуалы играли второстепенные роли. Художникам, артистам, писателям хотелось, чтобы им не диктовали, как следует играть, писать, рисовать. Это стало заметно в марте 1953 года, когда на первой странице издания *Les Lettres françaises* появился портрет Сталина (умершего 5 марта) работы Пикассо. Это произведение очень возмутило партийных функционеров, назвавших художника «тщеславным и мелкобуржуазным» и противопоставивших его работу портрету Марселя Кашена* кисти Андре Фужерона, потому что на нем можно было узнать героя, выглядевшего вполне «революционно», и к тому же у художника явно не было никаких «формальных» проблем.

АКТИВИСТЫ

Коммунистическая субкультура и возможности карьерного роста

«Человек не может быть только хорошим или только плохим», — писал Макиавелли, а Жорж Лефевр утверждал, что именно убежденность в том, что служишь одновременно своим собственным интересам и интересам всеобщим, делает класс революционным. Чтобы понять, почему в послевоенное время наблюдалось массовое вступление «буржуазных» интеллектуалов в ФКП, следует вспомнить, что эта партия предоставляла очень молодым людям посты, которые в геронтократическом французском обществе обычно были доступны лишь пожилым людям. Например, молодой человек двадцати пяти лет возглавил колонны УЕС (Союза студентов-коммунистов) во время большой демонстрации 28 мая 1952 года против американского генерала Мэтью Риджуэя, «Риджуэя-чумы», сменившего Дуайта Эйзенхауэра на посту командующего войсками НАТО в Европе. Также достаточно почетно для юного студента было

* Марсель Кашен (1869–1958) — французский политик-коммунист.

стать репортером вечерней газеты *Ce soir* с тиражом 600 000 экземпляров и объехать в этом качестве страны социалистического лагеря. Жан-Туссен Десанти вспоминал послевоенное время: «Все, что ты говорил, моментально находило широкий отклик, это было очень лестно <...>. Ты становился рупором целой группы, ты больше не был интеллектуалом-одиночкой». Что же касается передачи Партией реальной власти этим перебежчикам, он говорит: «без колебаний: симулякр власти»¹⁷.

У активистов ФКП были свои мифы и установки. В 1950-е годы наименее наивные или же лучше информированные (те, кто читал Виктора Сержа и Бориса Суварина) поняли всю безжалостность сталинских репрессий. Однако эти «перегибы» нисколько не смущали «коммунистическую семью», приводившую три следующих аргумента: 1) капиталистическому миру не пристало давать уроки гуманизма, поскольку сам он без большого успеха пытается удержать обломки колониальных империй, и всем известно, какими методами; 2) поддержка принудительной системы в СССР объясняется особыми и «объективными» историческими условиями: в 1914 году Россия была слаборазвитой страной; в 1918-м она оказалась опустошенной I Мировой войной, в 1918–1921 годах — Гражданской, а в 1941–1945 годах — II Мировой войной, в то время как на территории США после Войны за независимость была лишь война, вызванная сухим законом; 3) наконец, создание «нового человека»: деятельность христианства, занимавшегося этим на протяжении двух тысячелетий, привела лишь к Освенциму, поэтому ему (христианству) следовало бы оставить свои анафемы для внутреннего использования (папа отлучил коммунистов от церкви); к тому же немцы, католики и протестанты, тоже принадлежали к церкви. Являются ли Мичурин и Лысенко шарлатанами, как утверждает «буржуазная» пресса? Но ведь гелиоцентризм был осужден папой Павлом V через 73 года после смерти Коперника, а Галилей был приговорен святой инквизицией до конца своих дней находиться под домашним арестом за утверждение «она вертится».

Шахтер — «человек, которым мы восхищаемся»

Если Сталин, как уже говорилось, это «самый любимый человек», то шахтер — это «человек, которым мы восхищаемся». В 1950-х годах профессия шахтера передается от отца к сыну, четырнадцатилетние подростки на правах гордых наследников спускаются в шахту. Появляются три «художественных» произведения: в 1949 году — сборник рассказов Андре Стиля «Слово „шахтер“, товарищи» (другой перевод «Горняки») и фильм «Рассвет» (сценарий Луи Дакена), а в 1951-м — выставка картин Андре Фужерона «Страна шахт». В то время 80% энергии вырабатывалось за счет угля, в шахтах трудилось свыше 300 000 человек, горняки, осмелившиеся с 27 мая по 9 июня 1941 года провести забастовку, стали символом борьбы рабочих с нацизмом. Морис Торез участвует в этой мифологии, представляется потомственным шахтером (что является неправдой) и заявляет: «Есть такое величие в этой борьбе с природой, с материей, когда человек, как солдат, добывает уголь, находясь под землей, внутри сжимающей его скалы, сидя на корточках, иногда лежа» (Action, 22 марта 1946 года). Смелый, героический, мужественный, дисциплинированный, ответственный и непобедимый, шахтер не поддается судьбе, а преобразует ее, делает будущее светлым. Это новый, коммунистический человек, которого Арагон определяет так: «Шахтер — это тот, кто ставит человека выше себя самого <...>, кто не просит ничего для себя, но хочет всего для человека»¹⁸. Более того, он воплощает «новый тип интеллектуала», о чем с благоговением пишет политик-коммунист Лоран Казанова: «Каждое действие шахтера вызывает мыслительное усилие, новаторский метод мышления, выработанный миллионами пролетариев <...>. Рабочий действует на мыслительном уровне, значительно превышающем все существующие буржуазные идеологии»¹⁹. Каждый шахтер, даже если он не подозревает об этом, является коммунистом. Это идеальный тип пролетария, и его образцовость у мелкобуржуазных интеллектуалов может вызвать лишь чувство

вины. Шахтер становится главным героем новой иконографии, которую пытается пропагандировать Партия. Определение культурной политики дал Лоран Казанова на XI съезде (1947). В живописи аллегория и символ осуждаются как проявления декаданса. Приветствуются портрет, индустриальный пейзаж, исторические фрески, прославляющие классовую борьбу. Безоговорочно заявляется, что художник должен стоять «на политических и идеологических позициях рабочего класса». «Формализм», в котором форма превалирует над содержанием, отрицается. Важнее всего сюжет, полное соответствие означаемого и означающего. Приводится безапелляционное заявление Жданова: «Все подлинно гениальное доступно, и оно тем гениальнее, чем доступнее для широких масс». Согласно методу социалистического реализма, действительность должна представляться в своем революционном развитии. Должен быть показан не только смысл борьбы, но и «неизбежность победы». Этим канонам идеальным образом соответствует картина Андре Фужерона «Парижанки на рынке», выставленная на Осеннем салоне 1948 года. В 1951 году «новый реализм» достиг вершины — в галерее Бернхайма состоялась выставка цикла картин Фужерона «Страна шахт». Жесткая критика, обрушившаяся со страниц газеты *Le Monde*, укрепила уверенность Партии в правильности своего «пути», возмущавшего «буржуазную» прессу. А на Осеннем художественном салоне того же года был настоящий апофеоз: полиция сняла семь картин, обвиненных в «оскорблении национальных чувств». Отныне Фужерон стал воплощением французской коммунистической живописи; в рубрике, которую он вел в коммунистическом журнале «Новая критика», он говорил, что буржуазные художники находят убежище в абстракции, потому что не могут вынести реальность. Как в любой субкультуре, в Партии царит восхищение друг другом, при условии что соблюдается *докса*, то есть ее члены придерживаются общепринятого мнения. Историк Жан Фревилль так прокомментировал две картины

из серии «Страна шахт»: «Вот „Сортировщица“: это девушка из шахтерского поселения с лицом флорентийской мадонны. Она в рабочей одежде, головной убор защищает от угольной пыли, она мужественна и спокойна, во взгляде грусть мешается с мечтами о счастье... Она похожа на ту, которую избивали полицейские из CRS (Республиканских отрядов безопасности*), а она кричала при этом: „Вы можете проломить мне голову, но не измените мои мысли!“» А вот что он писал о картине «Пенсионер», на которой Фужерон изобразил худого старика в интерьере бедного шахтерского дома: «Он отдал свой труд и здоровье, свои легкие и кровь, чтобы обогатить хозяев шахт. В конце жизни, проведенной под землей, у него нет ни сил, чтобы наконец наслаждаться солнцем, ни пенсии, достаточной для нормальной жизни. Он болен, изъеден силикозом, он постарел до срока, он весит меньше пятидесяти килограммов, на его изможденном лице следы прошлых и нынешних бед, он ждет смерти, примостившись на корточках у затухающего очага, но его глаза, глаза старого борца, продолжают гореть». Мы видим, что ни сортировщица, ни пенсионер не сдались. Несмотря на аскетичный стиль, это живопись, которая подчиняется законам, провозглашенным Морисом Торезом: «Нам нужно оптимистическое искусство, устремленное в будущее <...>. Интеллектуалам, потерявшимся в лабиринте вопросов, мы несем уверенность, возможность безграничного развития. Мы призываем их оставить ложные проблемы индивидуализма, пессимизма, эстетики декаданса, сделать свою жизнь осмысленной, связав ее с жизнью других».

Не впервые «власть» указывала на то, какой должна быть живопись, — описательной, дидактической и, в конечном счете, прозелитской, то есть обращающей в свою «веру». Подобным же нормам пришлось подчиниться искусству Контрреформации, но по многим причинам («потусторонний мир»

* Аналог российского ОМОНа.

давал импульс воображению художников, они использовали мифологические сюжеты и пр.) искусство, развивавшееся во времена, последовавшие за Тридентским собором, познало невиданный размах. У церкви был Рубенс, а у Партии — Фужерон. После смерти Сталина ФКП отошла от соцреализма. На XIII партсъезде ждановская культурная политика подверглась пересмотру, и чуткий Арагон моментально начал критиковать искусство Фужерона.

Сущность партийного активиста — сложная комбинация двух сил: с одной стороны, отрицание всего, что ставит под вопрос марксистскую телеологию; другая сила, если можно так сказать, — желание разрушить существующий порядок вещей, которое наживает ему врагов. Этот «способ существования» происходит из «откровения», которое, по словам Жана-Туссена Десанти, он получил из уст Лорана Казановы: «Да, Партия требует жертв, но и дает много власти, и не только над ее членами, но и над обществом в целом, потому что подвергаться критике и быть гонимым — разве это не подтверждение власти, которой ты обладаешь?» Перед нами очередной загадочный «крепкий орешек» частной жизни: тайна активизма. Ограничимся рассмотрением периода холодной войны.

Отрицание «реальности»

Шла ли речь о ликвидации кулачества, о предвоенных процессах и чистках, об антисемитизме в СССР — в 1950-е годы сторонники коммунизма знали об этом или могли знать. Борис Суварин, «коммунист в течение восьми лет и антикоммунист — в течение шестидесяти», по выражению Алена Безансона, с момента исключения из ФКП в 1925 году не прекращал критиковать механизмы тоталитарного сталинского режима. Его биография Сталина, вышедшая в свет в 1935 году с подзаголовком «Исторический очерк большевизма», осталась практически незамеченной (ее считали несдержанным памфлетом). Историк Эмманюэль Ле Руа Ладюри увидит в ней «одну

из величайших книг века», но эта оценка будет дана лишь в 1977 году, при переиздании. Труды Виктора Сержа, многочисленные свидетельства о разгроме ПОУМ — испанской «Рабочей партии марксистского движения» и троцкистов во время войны в Испании — были настольными книгами каждого партийного активиста. В январском номере за 1950 год журнала *Les Temps modernes* вышла статья за подписью Сартра и Мерло-Понти, в которой можно было прочитать: «Установлено, что советские граждане в ходе следствия могут быть депортированы без суда и на неопределенный срок <...>. Кроме того, установлено, что репрессивный аппарат стремится установить в СССР свою собственную власть <...>. Принимая во внимание размах строительства Беломорско-Балтийского канала и канала имени Москвы между Москвой и Волгой, можно предположить, что общее количество заключенных исчисляется миллионами, одни называют цифру в десять миллионов, другие — в пятнадцать». С момента образования в 1948 году Революционного демократического собрания (RDR) на советские лагеря проливается свет. Давид Руссе, вместе с Сартром и Камю основавший RDR, публикует об СССР удручающие материалы. Коммунистическая пресса обвиняет его во лжи. Дело не только в зарывании головы в песок, что не было новым явлением (немало было тех, кто уверял, что узнали о зверствах нацистов лишь в 1945 году), но и в том, что парадоксальным образом громкие послевоенные процессы (Райка, Сланского*) делали французских коммунистов все большими сталинистами.

* Ласло Райк (1909–1949) — министр внутренних дел Венгрии, в 1949-м был обвинен в шпионаже в пользу США и Югославии, арестован и казнен; в 1955-м был реабилитирован. Рудольф Сланский (1901–1952) — генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии, в 1951 году стал центральной фигурой крупного процесса, фигурантов которого обвинили в сближении с титовской Югославией и «троцкистско-сионистско-титовском заговоре» (11 человек, в том числе Сланский, были казнены, трое приговорены к пожизненному заключению, но в 1955-м освобождены). — *Примеч. ред.*

Вот что пишет Доминик Десанти: «Согласно сталинской логике, не могло существовать никакого „логического возражения мудрости, концентрическими кругами исходившей от московского центра“, как говорил Савариус. Могу сказать, что именно благодаря судебным процессам и публичным объяснениям, которые я им давала, я окончательно и бесповоротно стала сталинисткой»²⁰. Она уверяет, что написала эссе «Сталинисты», «чтобы показать, как и почему, когда приходит необходимость верить, можно отрицать любую информацию, способную разрушить или поколебать веру»²¹. Она задает себе вопрос: «Если бы „Архипелаг ГУЛАГ“ появился тогда, — убедил ли бы он меня?» — и отвечает на него: «Нет, я бы не поверила, потому что ничто не может лишить надежды в условиях неумолимой необходимости. СССР для нас оставался спасителем, мифом, в то время как с нацистами мы столкнулись лично»²².

В 1954 году начался экономический подъем, а Морис Торез в 1955 году опубликовал работу «Экономическое положение во Франции, мифы и реальность», в которой вопреки очевидности обличал «полнейшее обнищание» рабочего класса. В этом популистском тексте мы видим то же желание все отрицать. К этой теме будут постоянно возвращаться в следующее десятилетие. «Закон абсолютного и относительного обнищания проверен и подтвержден опытом». «В современной Франции покупательная способность почасовой заработной платы снизилась вдвое по сравнению с довоенным уровнем». «Кепки, которые в недавнем прошлом носили рабочие, теперь не по карману, и вместо них перешли на простые береты». «Парижский рабочий ест меньше мяса, чем в годы Второй империи». Генеральному секретарю вторят экономисты Партии: в январском номере издания *Économie et Politique* за 1965 год Ж. Кан «доказывает», что в период с 1957 по 1962 год покупательная способность снизилась на 6–9%. Национальный институт статистики и экономических исследований, не являющийся филиалом ЦРУ, приводит следующие цифры, касающиеся благосостояния

рабочих семей в 1954 и 1969 годах соответственно: машинами владели 8% и 61,9%, телевизором — 0,9% (в среднем по стране 1%) и 71,3%, холодильником — 3,3% и 80,5%, стиральной машиной — 8,5% и 65,5%. Бедная Франция села за руль автомобиля, стала собственником жилья. Рабочие начали брать кредиты, что очень взволновало ФКП: ежемесячные выплаты грозили снизить их боевитость, а начиная с 1960-х годов телевидение спровоцировало абсентеизм — рядовые коммунисты перестали ходить на собрания и митинги. Отрицание реальности свойственно не только коммунистическим деятелям: люди часто отказываются замечать неверность супруга или супруги, о чем известно всей округе, смеющейся над обманутыми мужьями и женами; не желают знать о том, что ребенок принимает наркотики, и т. п. В политическом же плане (приведем лишь один пример, касающийся «свободного мира») потребовалось все упорство «матерей площади Мая»*, чтобы западное общество поняло, что в основе «порядка», царящего в Буэнос-Айресе, лежат пытки и исчезновения людей, то есть террор. Очевидное отрицается не столько для того, чтобы убедить другого, сколько для того, чтобы успокоить себя. Почему Райк и Сланский признали вину? Для коммуниста ответ ясен: потому что они были виноваты. Почему колдунья созналась, что имела контакт с Вельзевулом? «Потому что это правда», — отвечал вчера инквизитор, продолжая разводить костры, чтобы оправдать предыдущие сожжения. «Как только появляется Другой, Соперник, аргументы которого сильны и задевают за живое, люди становятся фанатичными и жестокими. Вот почему в период холодной войны фанатизм был наиболее опасным», — признает Жан-Туссен Десанти. Но этого было бы недостаточно, если бы коммунистические активисты не сплотились под знаменем ненависти, которую они вызывали и которая являлась для них доказательством «признания».

* Ассоциация матерей, чьи дети «исчезли» в годы военной диктатуры в Аргентине (1976–1983).

Коммунист, неприменный «внутренний враг»

Заграничные наймиты, ответственные за потерю Империи, облованивающие французов промывкой мозгов или методом кнута, лишенные какой бы то ни было политической морали (поскольку «цель оправдывает средства»), саботажники реформ, которые могли бы демобилизовать рабочий класс, создав ему сносные условия жизни, — французские коммунисты, нацеленные на уничтожение христианского гуманизма и слянизировавшую советизацию всей планеты, играющие на наивности социалистов, представляются абсолютным злом. В результате они добились того, что за правду стало приниматься противоположное тому, что они утверждали, потому что это была партия лжи. Если они заявляют, что из-за плана Маршалла Франция оказалась в сфере влияния американцев, то их противники отрицают это просто потому, что коммунисты на этом настаивают. Поскольку ФКП была «партией за границы», все остальные считали себя «исключительно французскими». ФКП, как и другие партии, изрекала истинное и ложное. Отрицая существование ГУЛАГа, коммунисты в то же время утверждали, что война в Индокитае не дело рук нескольких китайских фанатиков, оплаченных Москвой. Изобличая «абсолютное обнищание», коммунисты были единственной партией, серьезно изучавшей корни антиколониализма. Однако компартия была неизменным «врагом» единства французского народа, стремящегося, по словам Герберта Маркузе, с которым мы в этом вопросе согласны, создать оборонительное сообщество. «Свободные институты соперничают с авторитарными, чтобы сделать из врага смертельную силу *внутри* системы <...>. Присутствие врага постоянно <...>. Он — часть нормального состояния вещей. Он одинаково опасен как в мирное время, так и в военное (и, возможно, в мирное время опасен сильнее)»²³.

Высказываниями, наполненными структурообразующей ненавистью, можно испещрить целый том. Ограничимся

лишь несколькими цитатами. В начале 1954 года Жорж Дюамель пишет: «Марокко, Тунис, Алжир... Все здесь работает против Франции: силы ислама, силы коммунизма» (*Le Figaro*, 5 февраля 1954 года). Кому следует вменить в вину восстание в Оресских горах в День всех святых 1954 года? Ответ: «Националистической агитации — в духе коммунизма» (*Le Figaro*, 12 ноября 1954 года). «Политбюро — это тупик, из которого можно выбраться только при помощи бюро ритуальных услуг», — писал Уолтер Беделл Смит, тогдашний глава ЦРУ, в газете *Le Figaro* 9 ноября 1952 года. «Народу показали кнут, и он сам себя бичует во имя свободы», — писал журналист *Le Figaro* по возвращении из СССР 6 января 1947 года. «Оккупация монгольскими и татарскими ордами будет пострашнее гитлеровской: преступления, насилие, пожары, грабежи. Депортацию в лагеря приветствовали Дюкло и Лекёр, достойные преемники Лавалья и Анрио. Коммунистический электорат, будь логичен. Собирай чемодан для переезда в Сибирь» (*Le Populaire*, 16 апреля 1951 года). Газета *Le Figaro* 12 января 1951 года приводит следующее свидетельство молодой француженки, жившей в Бухаресте: «Человек здесь лишен Бога, святых, ангелов. Рая нет, зато вместо звезд на небе Партия ставит на крыши домов красные звезды, которые даже капли дождя превращают в капли крови, падающие с неба на этот ад». «Русские победители, князя мира сего, используют воздействие марксизма на умы, чтобы распространить свое влияние на тела и все материальное <...>. Нам следует изо всех сил бороться с этой идеологией, потому что она служит панславизму <...>. Америка же не нападает на нашу религию, мировоззрение и взгляды на человека» (Франсуа Мориак, *Le Figaro*, 23 января 1948 года). А вот высказывание в пользу перевооружения Германии: «Нам следует извлечь урок из ужасных воспоминаний, сохранившихся у немцев в связи с русским нашествием 1945 года, и из их отворачивания к коммунизму» (*Le Figaro*, 11 ноября 1949 года) и т. д.

Коммунисты контролируют частную жизнь

Коммунистическая ячейка позиционирует себя как «большую семью». Она основана на семье. Граница между публичной жизнью активиста и его частной жизнью расплывчата. Браки между активистами партии — распространенное явление. Аскетичная коммунистическая мораль является продолжением иудео-христианской морали. Брак можно не заключать, но жить в паре желательно долго. Адюльтер осуждается, развод допускается только в том случае, если один из супругов не является коммунистом. В этом случае коммунистическое окружение соглашается с тем, что в таких условиях супружеская жизнь невозможна. К донжуанству относятся с презрением как к чему-то мелкобуржуазному, подменяющему главную цель Партии — революцию — чувственностью, которая всегда должна оставаться на втором плане. Партийные инстанции, как Савонарола во Флоренции, следят за моралью. «Я тогда не знала, будучи мало знакомой с „кадрами“ партаппарата, инквизиторами частной жизни, что романы прекращались по приказу, ответственных сотрудников „снимали“ с должности за опасные связи... или просто потому, что супруга пожаловалась на недостойное поведение мужа-коммуниста»²⁴. Семейная жизнь полностью подчинялась требованиям партийной деятельности: партийная работа отнимала все время, и супругу-некоммунисту было невозможно жить рядом с постоянно занятым человеком. «Все думают, что Партия — это большое дело... На самом деле это всякие мелочи... Привести сто тысяч человек во Дворец спорта, чтобы провести Общую программу, в одиночку не получится. Мы все это делали!»²⁵ Вот почему было очень много пар, которым ставилось в пример супружеское пуританство «Мориса и Жанетты». Супруга Тореза Жанетта Вермерш, дочь шахтера-алкоголика и прачки, работавшей «у богатых», любила говорить: «Когда твое детство похоже на книги Золя, я тебя уверяю, ты этого не забудешь. Для меня „Жерминаль“ — это не роман». Образцовая

спутница жизни «Мориса», она с энтузиазмом выступала за роды без боли, как в СССР, но яростно отвергала контрацепцию, ведущую к мелкобуржуазным беспорядочным связям, недостойным коммуниста. Жанетта и Партия — за высокую рождаемость: коммунистические пары должны производить на свет маленьких коммунистов. В этом вопросе она солидарна с энцикликой папы Павла VI «*Humanae vitae*».

Мы подошли к главному противоречию коммунистического сообщества: его изоморфизму, сходству с обществом в целом, то есть отсутствию противоречий с ним. По многочисленным свидетельствам старых коммунистов, партийный активист должен быть отличным профессионалом, хорошим мужем и отцом, короче говоря, «нормальным» человеком, соответствующим идеальному типу иудео-христианства, конформистом. Речь идет о том, чтобы «изменить устоявшийся порядок, заставив партактивистов соответствовать определенным правилам коммунистического общества. Всякие „оригиналы“, столь многочисленные в анархистских структурах: внебрачные дети, горбуны, педерасты, коллекционеры бабочек, наркоманы, фетишисты, всякие одержимые своими личными проблемами, всякие культурные, сексуальные, философские меньшинства, чересчур чем-то увлеченные, будь то музыка, кино или турпоходы, не приветствуются в коммунистических организациях»²⁶. Именно этот конформизм вкупе с большим партийным стажем позволяет стать «освобожденным работником», и чтобы им оставаться, следует строго соблюдать установленные правила, в противном случае «освобожденный работник» будет «снят» и ему придется вернуться к своей старой профессиональной деятельности, которой он не занимался на протяжении многих лет, потому что штаб, руководящий состав ФКП — в этом его оригинальность — не состоит из осторожных выпускников Национальной школы администрации (ENA), которых всегда защищает их привычная среда. Как правило, партийные начальники и освобожденные работники — это бывшие рабочие:

перспектива снова оказаться на заводе не вызывает большого энтузиазма, отсюда эта «безразличная стойкость», позволяющая пережить и ошибки политического бюро, и впечатляющие смены курса, о чем говорит Анни Кригель. Филипп Робире, бывший партийный активист, автор критической биографии Мориса Тореза, отмечает характерную черту ФКП: «монархический и религиозный культ личности руководителя, стоявшего выше всех остальных членов Партии»²⁷. Этот же «монархический культ» находим и в голлистских формированиях, появлявшихся после освобождения одно за другим. Идол другой, литургия та же самая.

Несмотря на сходство с обществом в целом, коммунистическое сообщество не интегрировалось в него. В этом плане его история опровергает тезис Жоржа Сореля: «Опыт подтверждает, что анархисты были правы: вступая в буржуазные институты, революционеры изменяются, вбирая в себя дух этих институтов: все депутаты говорят, что никто так не похож на представителя буржуазии, как представитель пролетариата»²⁸. ФКП не ждала судьба немецкой социал-демократии, и никто из ее лидеров не заявил вслед за Эбертом: «Я ненавижу революцию так же сильно, как и грех». Коммунистическая партия не растворилась в «буржуазном» обществе, но сообщество, которое она образовала, дало освобожденным секретарям и активистам столько преференций, что они полностью отошли от своих целей, от «последнего боя». Иначе говоря, ФКП очень французская партия, хоть ее и обвиняют в том, что она является «вассалом Москвы»: синдром отрицания, собственное толкование текстов основоположников, привязка к иерархическим структурам, непогрешимость Того, кто на вершине пирамиды, — черты не только коммунизма, но и католицизма.

Если мы хотим подробнее проанализировать и попытаться понять ядро частной жизни, создающее историю мысли, то можно поддержать тезис — и это как раз наш случай, — что изоморфизм ФКП со всей очевидностью проявляется в уничтожении

диалектики (как раз этим занимается и вульгарный сталинизм). У французов аллергия на диалектику, и несмотря на то, что они постоянно спрашивают себя, не наступила ли «революционная ситуация», они не принимают тезиса о переходе «низов в верхи» в связи с грубыми и хаотическими противоречиями — короче говоря, в связи с революционным процессом. Задолго до того, как Мартин Малиа поддержал тезис о «всемирной идеократической бюрократии»²⁹, Анри Лефевр писал: «В 1917–1920 годах русские марксисты, собирая обломки социальной реальности в обстановке неопишуемого хаоса, в стране, подавляющее большинство населения которой было крестьянским, пользовались марксистской идеологией в ее новом смысле, непредвиденном, но, впрочем, достаточно плодотворном. Доктрина, которая якобы обвиняла и отрицала существующий порядок, стала оправдывать по-настоящему новые явления — но все равно это было не то, чего ожидали от радикальной критики прежних порядков»³⁰. Если согласиться со Сталиным в том, что за годы первых пятилеток было построено социалистическое общество, то надо принять и то обстоятельство, что это общество было беременно более совершенной общественной моделью — коммунистической — и что роды (в соответствии с марксистской доктриной) должны были проходить очень травматично и болезненно. Как всякий диктатор, Сталин был очень методичным человеком, поэтому в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», которую можно рассматривать как его политическое завещание, писал о том, что при социализме не будет конфликта между производительными силами и производственными отношениями, потому что общество сможет обеспечить соответствие между ними. Таким образом, закон полного соответствия производительных сил производственным отношениям при социализме является тенденциозным. Речь идет о норме, а не об описании явления или его критике, как было у Маркса. Придание такой чрезвычайной важности надстройке (якобы политическое решение может изменить производственные отношения, как это

«доказывает» «бесконфликтная» коллективизация, что говорит о том, что Сталин был не лишен мрачного чувства юмора и знал такую фигуру речи, как литота) приводит к выводу, что развитие СССР при социализме — непрекращающийся прогресс: это «прогресс» по энциклопедистам, социалистам-утопистам, это французский прогресс! Смерть диалектики заявлена во фразе из «Учебника политической экономии», опубликованного в Советском Союзе в 1954 году: «Экономическим законом развития общества является закон *обязательного соответствия* производственных отношений характеру производительных сил»³¹. Марксизм-эмпиризм, организационный и «прогрессистский», удовлетворял французских интеллектуалов. Однако он был так близок консервативной мысли (в английском смысле слова: «Я консерватор для сохранения всего хорошего и радикал для изменений всего плохого», — говорил Дизраэли), что это облегчало отдаление.

ДИСТАНЦИРОВАНИЕ

Критика большевистского элитизма

Большевизация революционной партии — в том виде, в каком ее теоретически обосновал Ленин в работе «Что делать?» и в каком она была навязана ФКП через три года после раскола на XVIII конгрессе Французской секции рабочего интернационала, состоявшегося в Туре в декабре 1920 года, — абсолютно чужда французской социалистической традиции, заложенной Бланки и Жоресом, то есть стихийности и случайности согласия с некоторыми «буржуазными» партиями по вопросам улучшения условий жизни рабочих. Считая себя «антиавторитарным коллективистом», Варлен* отвергал модель «централизованного авторитарного государства, которое назначало бы директоров заводов, фабрик, систем распределения; те, в свою очередь,

* Эжен Варлен (1839–1871) — французский коммунист, участник Парижской коммуны.

назначали бы своих заместителей, прорабов, мастеров, что привело бы к созданию такой вертикали власти на производстве, что рабочий человек будет в ней лишь винтиком, которому будет заказана всякая свобода и инициатива». Мы не будем здесь приводить полемику Маркса с Бакуниным на I Интернационале и вспоминать продолжившие ее острые дебаты Ленина и Розы Люксембург, которая не переставала утверждать, будто тезисы статьи «Что делать?» предвещали приход тоталитарного бюрократического царства. В работе «Русская революция», которую она пишет, сидя в берлинской тюрьме в 1918 году, можно прочитать следующие пророческие фразы: «Свобода — это всегда свобода для того, кто думает иначе <...>. Диктатура пролетариата должна быть делом всего класса, а не горстки людей, действующих от имени класса <...>. Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы прессы, собраний и дискуссий <...> всем управляют и руководят несколько дюжин руководителей Партии <...>. Власть в действительности находится в руках дюжины людей, а элита рабочего класса время от времени призывается, чтобы аплодировать речам руководителей и единогласно голосовать за решения, которые им предлагаются». Отмечая синхронность ликвидации фашистами в Италии и большевиками в Советском Союзе последних следов свободы, Грамши, для которого марксизм был философией деятельности, а деятельность — единством теории и практики, осмеливается написать руководителям ВКП(б) и умолять их не разрушать «излишними мерами» внутрипартийную демократическую диалектику.

Класс против класса, антифашистское воссоединение?

После раскола на конгрессе в Туре большинство активистов-социалистов предпочитают Французской секции рабочего интернационала компартию. Это был социал-демократический период во Франции, и сторонники левых сил увидели в «большевистской прививке» возможность противостоять интеграции в «буржуазное» общество, что произошло

с немецкой социал-демократией. Однако в этом сообществе, где практически не существует границы между частной жизнью и жизнью партийной, француз-социалист чувствует себя неуютно. Он дистанцируется. И сообщество становится микросообществом, сектой, личный состав которой сокращается со 120 000 человек в 1920 году до 28 000 в 1934-м. ФКП отмежевывается от других левых партий, и активисты должны защищать стратегию классовой борьбы, тогда как воцарение фашизма в Италии и подъем нацизма доказывают неэффективность ультрабольшевистской практики и целесообразность сплочения антифашистских сил. С августа 1932 года Барбюс и Роллан собирают в Амстердаме первый всемирный конгресс против империалистической войны, а в июне 1933 года в концертном зале «Плейель» проходит первый Европейский антифашистский конгресс. Самоизолировавшаяся ФКП муссирует один и тот же вопрос: «Когда мы возьмем власть?» Морис Торез, генеральный секретарь (с 1930 года) потерявшей независимость ФКП, в феврале 1934-го нашел возможность заменить «унитарную» антикапиталистическую платформу (которая никого ни с кем не объединяла) антифашистской платформой, «защищающей республиканские свободы»: эта платформа, как ожидалось, должна была вдохновить и морально поддержать людей. Пришлось ждать еще пятнадцать месяцев (до августа 1935 года), чтобы VII конгресс III Интернационала утвердил смену курса, отказавшись от стратегии классовой борьбы и объединившись с социал-демократами и мелкобуржуазными партиями в борьбе с фашизмом. На выборах 1936 года ФКП пожинает плоды корректировки курса: за нее было отдано 1 468 000 голосов, и было избрано 72 человека (для сравнения: в 1932 году было 783 000 голосов и 10 избранных); в ноябре 1936 года количество партийных активистов доходит до 300 000, однако партия еще не отрелась от того, что Анни Кригель назвала «радикальной странностью».

Когда ситуация становится «революционной»?

Коммунистическая партия — это «странная» партия, члены которой не похожи на членов других партий. Во-первых, коммунист действует на предприятии, где постоянно рискует быть уволенным. Во-вторых, его политическая активность протекает во внерабочее время: собрания партийчейки, расклеивание плакатов, обходы домов и квартир и т. д. Наконец, он агитирует и у себя в семье, что не всегда проходит без конфликтов и разрывов. В особенности изматывающее занятие — «объяснять» директивы, данные сверху, которые ему диктуются без какой-либо предварительной информации. Ему запрещен какой бы то ни было социальный рост в этом «буржуазном» обществе, могильщиком которого он себя считает. Ему ставят в упрек попытки обратить других в тоталитаризм, а его повседневная жизнь — это тотальная политическая ангажированность. Кто может долго выдержать такую аскезу? Новый человек? Но может ли он взрасти на «капиталистическом навозе», который постепенно предлагает пролетариату довольно значительную часть радостей общества потребления? Понятно, что история ФКП характеризуется текучестью кадров. Каждый год, особенно при «кризисах», одни уходят в отставку, другие вступают в партию. Несмотря на наличие постоянных работников, не следует забывать, что помимо них и небольшого ядра партийных активистов, сегодняшние рядовые коммунисты отличаются от вчерашних, и завтрашние не будут похожи на сегодняшних. Выйти из рядов партии — это разрыв (при этом человек теряет друзей, но сможет ли он найти новых?) и риск (силены антикоммунизма всегда готовы принять отступников в обмен на рассказ о страданиях). Конечно, коммунистический активист чувствует себя выше прочих, потому что его горизонт не ограничивается футболом, велогонкой «Тур де Франс» и обжорством: он участвует в спасении человечества. Но когда же случится это секулярное второе пришествие?

Когда наступит «революционная» ситуация? Она быстро сошла на нет после I Мировой войны, подавления революции в Германии и провала больших забастовок в Северной Италии. В 1936 году? Ее не случилось; с одной стороны, запрет из СССР, с другой — угроза путча франкистского типа принуждали к умеренности. Освобождение от нацистов? Присутствие союзнических войск и директивы из Москвы требовали установления трехпартийной системы. Отправка в отставку министров-коммунистов в 1947 году? Американцы всегда рядом, со всеми своими войсками, со своей помощью и грядущим планом Маршалла. В 1958 году? Политические партии рады переложить на плечи генерала де Голля решение «алжирской проблемы», а ФКП не в состоянии никого убедить отождествлением голлизма с фашизмом. В 1968-м? Это были игры избалованных детей из буржуазных семей, не имеющие ничего общего с классовой борьбой. На протяжении шестидесяти пяти лет существования ФКП ситуация никогда не была «революционной». В результате активисты устают ждать и больше не могут выносить шуточек «реалистов», желающих получать от жизни все здесь и сейчас.

Секулярное второе пришествие и «реальный социализм»

Как же оправдать то, что происходит на родине «реального социализма», и руководящие указания, которые оттуда исходят? Предвоенные большие чистки? Обвиняемые были виновны — они же признавали свою вину. Пакт Молотова — Риббентропа? Это, так сказать, издержки. Деятельность ФКП в Соппротивлении была эффективной, и это ее реабилитирует. В 1946 году был апогей: партия набрала 28,8% на ноябрьских выборах и получила 166 мест. ФКП заняла первое место по голосам и количеству депутатов. Несколько лет спустя из СССР приходит очередная новация: государственный монополистический капитализм; капитализм загнивает, потому что так решили на XIX съезде КПСС. Периодизация этого

неотвратимого кризиса следующая: 1917 — первый этап, рождение социалистического государства. 1945–1949 — второй этап, расширение социалистического лагеря от Одера и Нейсе на западе до Китайского моря на востоке. С 1950 года — третий этап: с началом освободительного движения угнетенных народов в колониях социализм приобретает планетарный масштаб. Капитализм вступил в фазу необратимого саморазрушения: закат науки и техники, сокращение производства, падение нормы прибыли в связи с ростом накоплений и т. д. 1956: польский октябрь и венгерский ноябрь. В газете *L'Humanité* статья о подавлении венгерского восстания озаглавлена «Улыбка Будапешта». «Это не может быть правдой, потому что если бы это было так, то моя жизнь, наши жизни потеряли бы всякий смысл. Это невозможно», — делится своими мыслями и чувствами Ж. Мюри с Ж.-Т. Десанти. Но это было правдой, и это было возможно. «Все рухнуло, — сообщает Жан-Туссен Десанти, — это был не пожар, а землетрясение». И все больше членов партии отрекалось от нее благодаря анализу, начатому Коммунистической партией после возвращения генерала де Голля к власти. В июньском номере за 1958 год журнала *Cahiers du communisme* Роже Гароди напоминает, что «РПФ* была партией фашистского толка», а в августовском номере того же года Морис Торез утверждает, что «с 1 июня Франция живет в условиях военной диктатуры, установленной силой и угрозами <...>. „Да“, сказанное 5 октября, будет в пользу фашизма». ФКП объявляет мобилизацию всех своих сторонников, просит их отказаться от отпусков и посвятить месяцы, оставшиеся до референдума, «борьбе против диктатуры <...>, потому что речь идет о будущем нашего народа, нашей страны». Французы спокойно уезжают в отпуск, и 5 октября принимается новая конституция, за которую отдаются

* RPF, Rassemblement du peuple français (Объединение французского народа) — правая консервативная партия, созданная Шарлем де Голлем в 1947 году. Принятая аббревиатура — РПФ.

79,25% голосов. На ноябрьских выборах в парламент ФКП набирает всего лишь 20,5% голосов, и новый закон о выборах, предложенный прагматиками-голлистами (униномиальное мажоритарное голосование в два тура), сводит количество представителей ФКП к 10, тогда как независимые кандидаты с 15,4% голосов получают 130 мест. Двумя годами позже резкий отзыв советских специалистов из Китая похоронил экуменическую мечту, знаменовавшую второй этап государственного монополистического капитализма.

В мае 1968 года ФКП разоблачает вероятный союз левых, ЦРУ и технократов. В сентябрьском номере журнала *La Nouvelle Critique* за 1968 год Пьер Жюкен пишет: «Крупная буржуазия умеет манипулировать левыми силами. Почитайте газету *Le Monde*. Послушайте радио „Европа-1“. Начинает проникать кое-какая информация о роли Министерства внутренних дел и ЦРУ в майских событиях <...>. Технократы очень часто действуют заодно с левыми: например, Объединенная социалистическая партия (PSU) и руководимый Аленом Гейсмаром и Бернаром Герцбергом профсоюз работников высшего образования. Демагоги-левые — злейшие враги народа». В своем выступлении по радио 30 мая в 16 часов 30 минут генерал де Голль объявляет о роспуске Национального собрания, а спустя полчаса Робер Балланже, глава фракции коммунистов, сообщил о том, что в выборах будет участвовать ФКП, о которой старый генерал только что сказал, что «в обстановке отчаяния эта партия повернет в сторону тоталитарного коммунизма». В августе 1968 года войска стран Варшавского договора вторглись в Чехословакию — таково было летнее завершение Пражской весны. Подведем итог: о чем бы речь ни шла — о подписании Совместной программы* (26 июня 1972 года), об отказе от нее (23 сентября 1977 года), о вторжении в Афганистан (1979),

* Совместная программа Коммунистической и Социалистической партий и Движения левых радикалов.

об обвинениях, выдвинутых кандидатом Марше против своего противника-социалиста в первом туре президентских выборов 1981 года, об их объединении во втором туре, об участии министров-коммунистов в правительстве Моруа, об их отказе войти в правительство Фабиуса — все эти события вынуждают рядового коммуниста приспособливаться... или же выйти из рядов Партии.

ОТРЕЧЕНИЕ?

Были те, кто «верил», и те, кто, потеряв веру, незаметно выходил из рядов Партии. Возможно, Сталин, Мао, Кастро были для них примерами для подражания и на протяжении многих лет подтверждали их надежду на то, что в мире не будет больше трагедий, бессилия и иллюзий. Были и те, кто, пережив подростковый возраст, вступали в Партию, оставаясь в ней, пока забота о карьере не вынуждала их отказаться от утопии; и те, кто в какой-то момент находил в Партии семью, которой не хватало; были и те, кто, создав свою идентичность на иудео-христианской основе, не могли обходиться без опоры на что-то великое; некоторые же вступили в Партию после войны, чтобы нанести обиду отцу — стороннику маршала Петена. Главным образом были — и остаются — рабочие и дети рабочих, очень хорошо знающие, что они слабы, что для них и их детей нет шансов выбраться из «условий жизни», в которых им выпало родиться.

Однако были также и те, кто сумел просчитать выгоду, которую можно извлечь из пребывания в партийных рядах. Неудивительно, что коммунизм советского типа очаровал французскую интеллигенцию. Тысячелетия иудео-христианства заставляли ее ждать второго пришествия. Удивительно, что заблуждения превратили их в обладателей истины. Будучи коммунистами, они готовы были бросить в лагеря тех, кто

сомневался в том, что на смену временным ужасам придет светлое будущее. В 1968 году их антикоммунистические настроения слились с антиамериканскими и переросли в стихийность, миссией которой было рождение нового справедливого общества. Остепенившись, они поняли чувства отцов, и журналистская помпа, с которой принимают блудных сыновей, помогла им направлять сверстников на путь «традиционных ценностей». Говоря о членах этой секты и о той любви, с которой их принимают, писатель Клод Мориак, которого нельзя заподозрить ни в тайном сочувствии коммунистам, ни в подлости, задает себе вопрос об их долге молчания, «как если бы долгое ослепление, долгое молчание давало им, наконец освободившимся от пут и кляпов, право единолично выбирать правильный путь»³². Когда более или менее известный коммунист собирается ретироваться и из обвинителя превращается в кающегося, на ум приходят эти слова Джойса: «Разве Пирр не пал в Аргосе от руки старой ведьмы, а Юлия Цезаря не закололи кинжалом? Их уже не изгнать из памяти. Время поставило на них свою мету и заключило, сковав, в пространстве, что занимали уничтоженные ими бесчисленные возможности. Но были ль они возможны, если их так и не было? Или то лишь было возможным, что состоялось? Тките, ветра ткачи»*.

Жерар Венсан

* Из «Улисса». Пер. С. Хоружего и В. Хинкиса.

БЫТЬ ЕВРЕЕМ ВО ФРАНЦИИ — КАКОВО ЭТО?

Если еврей изучает по два отрывка из Талмуда утром и по два отрывка вечером ежедневно, а в течение дня усердно работает, то такое поведение засчитывается ему как соблюдение заповедей Торы во всей их полноте.

Танхума, Бешалах, 20

ПРОБЛЕМАТИКА

Частная жизнь или частные жизни?

Существует гипотеза, что еврейский народ сохранился, несмотря на тысячелетия рассеяния и гонений, вплоть до геноцида во время II Мировой войны, благодаря следующему. Чтобы еврейские сообщества могли существовать, необходимо было приспособливаться к окружению, и лишь в узком пространстве частной жизни (которое находилось под неусыпным контролем со стороны вечно враждебной «доминирующей» культуры, но в то же время было пространством свободы, потому что этот контроль сталкивался с непреодолимостью тайны) скрывался «крепкий орешек», проносащий иудаизм сквозь века и страны: то, что раньше называли «еврейскими штучками». «Возмущение», вызванное этим «укреплением», лежит в основе антисемитизма. Таким образом, изучение французских евреев относится к специфической проблематике; враждебные чувства или, наоборот, симпатия, которую они вызывают, несопоставимы. С нашей точки зрения, философ Владимир Янкелевич имел все основания утверждать,

что если ксенофобия — это боязнь другого и даже ненависть к этому другому, то антисемитизм — это отвращение, которое вызывает в нас часть нас самих.

Существуют ли какие-то особые места для частной жизни иудеев? Ответ на этот вопрос положительный, потому что частная сфера, за которой неустанно следит взгляд инквизитора, должна быть скрыта покровом тайны. К пространственным и культурным границам, традиционно разделяющим частное и публичное, добавляется третья — политика, в широком смысле слова — жизнь в городе. «Еврей дома, гражданин за его пределами», — говорили в XIX веке во Франции, где еврейские особенности проявлялись меньше, чем где бы то ни было, и до эмансипации евреев еврейский дом был местом, где сохранялась их идентичность, находящаяся под угрозой ассимиляции или исключения.

Мы сталкиваемся с первым вопросом, ответ на который не очевиден: кто такой еврей? Сколько их, французских евреев или евреев-французов? По последним оценкам, от 535 000 до 700 000. Подсчеты в этой общности (а существует ли она?) обескураживают статистиков. Трудно что-либо сказать об их количестве, к тому же существует множество определений (с точки зрения религии, социологии, антисемитизма). Нужно выбирать, а следовательно, упрощать. Мы в нашем исследовании будем говорить о тех, кто считается или сам себя считает таковыми. Множество определений «еврея» значимо и информативно характеризует действительность, а именно разнообразие форм принадлежности к иудаизму. При изучении этого разнообразия сталкиваемся с препятствием: отсутствием источников информации для межвоенного периода, когда давно живущие во Франции евреи и вновь прибывшие хотели «офранцузиться» и не желали выставлять напоказ свои «отличия», отчего прятали свое «еврейство» за стенами домов, стараясь не оставлять никаких следов. После войны в повседневной жизни они стали более заметны, осуждение геноцида

(временно) заткнуло рты антисемитам. Таким образом, сложная история еврейского меньшинства (или любого другого) неотделима от истории общества в целом, которое терпит это меньшинство, не признает, отталкивает, закрывает глаза на его физическое уничтожение; общества, переживающего внешние и внутренние конфликты.

Говоря о себе, еврей придерживается спонтанного «социологического» дискурса — это показывают анкеты. Антисемит же — маскирующийся, не осознающий своего антисемитизма или же явный, — говоря о евреях, подчеркивает «различия». Когда существовали гетто, частная и публичная жизнь сливались воедино, а когда наступила эмансипация, определять французских евреев в основном стала роль иудаизма в их частной жизни — таким образом, ее постижение связано с преодолением препятствий и упрощениями. Мы предупреждаем читателя, что ниже он найдет скорее гипотезы, чем факты.

Частная жизнь под знаком священного?

Есть искушение написать, что в современном иудаизме частное по сути своей — религиозное. В первом приближении взаимодействие священного (неприкосновенная область религиозных чувств) и профанного (того, что «вне Храма» и, следовательно, чуждо религии) может рассматриваться как основополагающий момент еврейской специфики. Однако такой подход выглядит противоречивым, потому что непонятно, какое влияние могут оказывать друг на друга внутреннее (духовная жизнь) и внешнее (повседневная жизнь), когда речь идет о еврее-агностике или атеисте. Этот последний (мы не говорим здесь о «тайных» евреях, которые не входят в сферу нашего исследования) как бы не стыдится своей принадлежности к иудаизму и напоминает самому себе и окружающим, что является частью «общности» (например, празднует Рош ха-Шана и Йом-Киппур, не ест свинину дома, даже если позволяет себе

это где-то в других местах). Иначе говоря, периодические проявления его религиозности носят светский характер, но то, что не выставляется напоказ, говорит о непреходящей (а значит, трансцендентной, не зависящей от пространства и времени) принадлежности к богоизбранному народу. Обряды помогают практически ассимилированному еврею «не забываться»; не сознавая своей религиозности, в случае новой опасности для Израиля или какой-то части Диаспоры он ее моментально осознает, потому что новая ипостась погрома сопричислит его к религиозным и практикующим иудеям, которых ему надо будет называть своими единоверцами. Человеческая идентичность еврейского народа основана на морали. Поскольку писанный закон (Тора) и неписанный (Талмуд) регулируют всю повседневную жизнь (еду, секс, воспитание, праздники, общественную жизнь и т. д.), мы можем говорить о «сакрализации» частной жизни.

*Педагогика абстрактного
и диалектика традиций/современности*

Так или иначе, эта приверженность обрядам благодаря строгим правилам, которые она диктует, принимает вид, который кому-то может показаться картинным, искусственным. Она представляет собой, по словам Жоржа Анселя, «педагогику абстрактного». В самом деле, отличительные черты того, что предписано и запрещено Торой, исходят из упрощающей педагогики, где фигурируют лишь обязанности, выраженные в абстрактных терминах.

Закон вводит правила и ограничения, но в нем не говорится о полном подавлении. Он очень сбалансирован, в нем речь не идет ни об аскетизме, ни об умерщвлении плоти. Чувство меры и свобода воли — основа этики ответственности, постоянно присутствующей в иудаизме, которому неведома идея «льгот». Понятие долга смешивается с идеей избранности. Концепция «богоизбранности» на деле отсылает

к долгу, нежели к правам. Иудаизм есть религия действия, здесь каждый несет ответственность за свои поступки перед обществом. Отношения с Богом выражаются через отношения с ближним, это основная идея философии Эммануэля Левинаса.

Этот примат религиозного происходит из диалектических противоречий традиции и современности, занимающей в библейских текстах центральное место. Существование устного Закона позволяет адаптировать письменные предписания к обновленным условиям последующих времен, не давая тем самым Торе уйти в забвение. В центре этой диалектики — «практика» дискуссии. Поскольку она комментируется, даже если здесь речь идет о формальном определении, которому надлежит замаскировать процесс воссоздания норм, то дискуссия становится дедукцией и новые законы приобретают столь же священный характер, как и Закон, данный в откровении, из которого они исходят. Именно обращение к библейским текстам отмечает религиозностью любые проявления принадлежности к сообществу. Агностик или атеист, еврей, примкнувший к общине, участвует в ритуале, либо выражающем веру, либо просто празднующем жизнеспособность в очередной раз собравшейся группы. Конечно, иудейским религиозным практикам не удастся избежать отступничества своих адептов, что случается со всеми монотеистическими религиями, за исключением ислама. Однако основное «отличие» заключается в следующем: еврей, «потерявший веру», остается евреем для других и для себя самого.

Какова типология?

В связи с тем, что начиная с 1872 года в переписях населения во Франции больше нет вопроса о религиозной принадлежности, невозможно с точностью указать, сколько человек считают себя верующими. В опросе, проводившемся в 1970-е годы, менее 20% отметили, что соблюдают ритуалы

в связи с религиозными убеждениями, и приблизительно столько же заявили, что не придерживаются никаких религиозных практик. Для остальных соблюдение ритуалов носит скорее социальный характер, нежели религиозный. Иудаизм здесь наиболее многогранен. В 1919 году религия уже не представляет собой важнейшее свойство французских евреев. Частная жизнь евреев-ортодоксов, хоть они и составляют меньшинство, — самая показательная и специфическая ее модель. Что же до остальных форм участия в иудаизме, они весьма разнообразны, и здесь нам их не перечислить. Ограничимся тем, что напомним типологию, которую предложила Доминик Шнаппер. Она выделяет *практикующих* метафизический и религиозный иудаизм и *сторонников*, политически ангажированных существованием государства Израиль. В третью группу входят те, чья принадлежность к иудаизму имеет менее явные формы. Мы будем называть их «израэлитами», евреями по происхождению, чтобы избежать исторической двусмысленности. Их можно назвать традиционалистами только в связи с уважением к обрядам посвящения. Что же касается тех, кого принято называть «стыдящимися евреями», мы воздержимся от такого наименования: во-первых, неизвестно, идет ли речь о том, что им стыдно быть евреями, или о том, что стыдно скрывать свое еврейство; во-вторых, многих из них в детстве разлучили с родителями, чтобы спасти от геноцида, и они воспитывались в традициях католицизма и оказались оторванными от своих еврейских корней; в-третьих, у некоторых из них бабушка по материнской линии — бургундка или бретонка и они не знают ее девичью фамилию. Они неуловимы, их невозможно исследовать, но может произойти некое событие, например генеалогические изыскания или Шестидневная война, и они столкнутся с загадкой своей идентичности. Не забывая о существовании обычаев и ритуалов, специфических для каждой общины или микрообщины, мы, чтобы облегчить задачу

и остаться в рамках нашего исследования, сосредоточим внимание на израэлитях и евреях-иммигрантах, приехавших в страну в межвоенный период, а также на французских евреях после II Мировой войны.

Частная жизнь по образцу коллективной

Будучи символическим пространством и условием выживания группы, частная жизнь в то же время является объектом контроля, вплоть до вмешательства в нее. Пространство частной жизни не является интимным. «Богоизбранный» народ, евреи несут коллективную ответственность за свою судьбу. Согласно Закону, еврей обладает полной свободой воли, но группа следит за ним. Гармония свободы и контроля начинается в семье, основе социальной жизни.

«Еврейская мама» царит в семье. Символ чрезмерной привязанности, обвиняющей самоотверженности, она — героиня еврейской семьи. Она осуществляет одну из важнейших целей иудаизма — передачу символических ценностей. В ее «кухне-гинекее» (по выражению Жоэль Балуль), где царит такая же чистота, как в святилище, она воссоздает священный миропорядок. Помимо своей функциональности, кухня — это социальное пространство, фундамент коллективного порядка. Укрывшись от любопытных мужских глаз, женщины обмениваются здесь секретами... и рецептами, увековечивающими семейную вкусовую память. Это отсутствие посредника в обучении иудаизму, часть которого возложена на женщину, — одна из его сильных сторон. Люди привержены традициям не в связи с их религиозным значением, а скорее в связи с личным. Через вкусы и запахи воссоздается мир детства, и индивидуальная память встречается с ритуалом.

За столом еврей узнает о своей «инаковости» и постигает историю своего народа. Правила ритуальных жертвоприношений отсылают к запрету отнимать жизнь, поэтому, чтобы

мясо считалось съедобным, из него должна быть полностью удалена кровь — жизненное начало. Тот же принцип уважения к жизни предписывает не смешивать мясное с молочным — отсылка к запрету инцеста. Существуют и иные нормы, выходящие за рамки пищевого поведения. Все они выражают идею космогонии, учения о происхождении вселенной.

Каждое блюдо, каждый вкус — это элемент памяти. Памяти о священном, о прошлом. За столом передаются религиозные знания. Праздники напоминают о важнейших событиях еврейской истории, и подаваемые на праздники блюда имеют символическое значение. Так, в Рош ха-Шана, еврейский Новый год, после благословения вина и хлеба едят яблоки в меду, символизирующие желание, чтобы наступающий год был сладким. Финики символизируют доброту Бога, расстраивающего планы врагов Израиля. Гранаты и рыба — знаки процветания. Наконец, барашек напоминает о жертвоприношении Исаака. Цвета и вкус блюд, подаваемых на седер Песах, пасхальную трапезу, напоминают о горечи египетского рабства и поспешном бегстве.

Молитва, изучение традиции, действие и время

Каждый еврей, достигший религиозного совершеннолетия, подтвержденного бар-мицвой, должен молиться за благополучие общины. Женщине — жрице домашнего очага — соответствует фигура служителя культа, впрочем не обладающего официальным статусом. В религиозной практике соединяются молитва и изучение традиции, священное и профанное. Группа занимает главенствующее положение. Молитва требует присутствия миньяна — кворума, состоящего из десяти взрослых мужчин. Как и культ, изучение Торы также коллективное действо, а роль праведников играют ученые. Духовная и моральная ценность изучения Закона и шестисот тринадцати заповедей (248 положительных, 365 отрицательных), которые регулируют повседневную жизнь, не меньше, чем практическая

ее ценность. Единство молитвы и изучения традиции отсылает к другой паре: изучению и действию. В этой религии действенного искупления, в которой человек наделяется миссией изменения мира, действие не менее ценно, чем изучение Закона, потому что оно побуждает к обсуждению, призывает обогащать постоянно обновляющийся список вопросов, нуждается во вмешательстве многих голосов. Запрета на мысли не существует: «Еврей — это человек, отвечающий вопросом на вопрос» (Эдмон Жабес). Единство закона не требует единой интерпретации. Собственная интерпретация есть не парафраз Книги, но ее воссоздание с точки зрения традиции и современности.

Время, отпущенное еврею (то есть вся его жизнь), должно быть использовано для достижения двойной цели — изменения и освящения мира, то есть его следует посвятить изучению традиции и действию; каждый должен делать то, что соответствует его природе. В более глубоком смысле — ни в коем случае нельзя «терять время». Существует профанное время, вписанное в историчность, священное время, выходящее за пределы рационального познания истории, и, возможно, промежуточное время, отмеряемое угрозами и преследованиями. Это время истории богоизбранного народа. И именно в этом «третьем времени» приобретает профанное знание, от которого может зависеть выживание отдельного человека и общины в целом. Еврей знает, что «другой» — это постоянная угроза, потенциальный доносчик (оккупация это подтверждает). Поэтому он должен обладать чем-то таким, что никто у него не заберет, разве что вместе с жизнью. Это может быть знание, может быть скрипка — коротко говоря, что-то, что можно взять с собой и унести. На границе публичного и частного существует культ разного рода дипломов, секуляризированной формы знания в традиции, специфика «народа Книги». Угрозы, нависающие над общиной, для предупреждения возможной и вероятной агрессии требуют от каждого ее члена, чтобы он

думал о мире и о себе. Для этого необходима, с одной стороны, вовлеченность (чтобы чувствовать), а с другой — отстраненность (чтобы оценивать). Нет никакого специфического «еврейского ума», но есть удивительное внимание ко всему, что происходит и что может произойти. Это внимание создано культурой, и антисемит называет его любопытством. Именно оно, это внимание, объясняет место, занимаемое евреями в разработке разного рода понятий; этот феномен еще предстоит описать. Каждое новое понятие на какое-то время вносит беспорядок в мыслительный процесс. В этом заключается одна из редко упоминаемых причин антисемитизма: никто не задумывается о роли привычки в общественной жизни и о беспокоействе, вызываемом появлением новых идей.

Групповая молитва, совместное изучение Закона — все это религиозные выражения единства в рамках каждой общины и между всеми общинами Диаспоры. Это позволило выжить народу, который на протяжении тысячелетий подвергался гонениям и агрессии, потому что еще до нацистских репрессий были такие, кто находился в более благоприятных условиях и кто помогал своим единоверцам, которым угрожала опасность. Эта солидарность в крайнем своем проявлении может привести к полному исчезновению частной жизни. Подобное наблюдается в хасидских общинах, где обычные границы частной сферы (закрытое жилье, семейный круг и т. п.) практически полностью отсутствуют. Здесь можно говорить о коллективном измерении частной жизни.

В этом плане во Франции XX века наиболее заметным представляется запрет на экзогамию. Экзогамный брак — угроза для сплоченности любого меньшинства. Его запрет, безусловно, имеет под собой религиозную подоплеку, но выражает также и озабоченность членов общины своей идентичностью. Заключение брака в синагоге означает публично засвидетельствовать свою принадлежность к общине. Согласно анкетированию, проведенному в 1973 году Альбером Мемми,

82% опрошенных евреев заключали религиозный брак. Несмотря на то что количество смешанных браков растет, смешанных браков у евреев все же меньше, чем у представителей других меньшинств. Несомненный рост этого показателя говорит о желании интегрироваться в национальное общество. Об этом свидетельствует казус такой структурированной общины, как страсбургская, где в 1960-е годы 60% браков были смешанными. Кстати, эти браки не влекли за собой принятие иудаизма. В отличие от либеральной синагоги, консисторские раввины во Франции не признают перехода экзогамного супруга в иудаизм. В среднем в настоящее время насчитывается десять таких переходов в год, тогда как в христианство ежегодно принимают около четырех тысяч человек. Эта косность раввината может вызывать лишь сожаление, поскольку, согласно данным опросов, проведенных Дорис Бенсимон и Франсуазой Лотман в 1972 году, пары, в которых один из супругов принял иудаизм, являются более практикующими, чем «полностью» еврейские пары.

Таким образом, брак и переход в иудаизм — два абсолютно частных акта — находятся под контролем группы, что не исключает гипотезы о тайной жизни, ускользающей от взглядов общества и частной еврейской сферы; эта тайная жизнь может быть местом, где нарушаются запреты. В основе непрекращающейся игры с нормой — необходимость жить настоящим моментом и выживать в нем. Это относится и к разрешенному израильским раввинатом участию женщины-космонавта в космическом полете в августе 1984 года (шаббат в звездном времени не соблюдается), и к самым что ни на есть повседневным событиям. Кашрут часто не соблюдается, потому что этот свод правил делает практически невозможными дружеские и профессиональные отношения и совместные трапезы. У этих игр с нарушением правил есть и своя положительная сторона, потому что во все времена существовали члены общины — «маргиналы», чья профессиональная деятельность

позволяла содержать евреев-ортодоксов. Здесь обнаруживается «двойное время», диалектика традиции/современности, и к ней надо приспособиться. Но религиозные практики на то и существуют, чтобы напоминать, что духовное время главенствует над профанным: шаббат отмеряет еженедельные циклы, праздники — ежегодные циклы, сукка — шалаш, который строят у себя дома для праздника Суккот, — напоминает еврею, что он гоним даже в своем собственном доме.

Эта диалектика традиции и современности, из которой вытекает «двойное время», в некотором роде является причиной шизофренического поведения еврея. Происходит столкновение времени, отданного общине, с временем, традиционно принадлежащим частной жизни. У этого явления есть своя маленькая история.

Что такое еврейский юмор, если не рассказ самому себе о приключениях маленького народа из гетто в огромном мире?

Пространство частной жизни в современной истории французских евреев менялось в зависимости от их включенности в национальное сообщество. Для жертв нарастающего антисемитизма в межвоенный период (тогда в частную жизнь включались социальные и социопрофессиональные отношения) оно было достаточно протяженным и сузилось, когда стала расти интеграция в общество. В 1945 году это пространство отличается от того, каким оно было в 1920-х годах; для давно живущих во Франции евреев и для иммигрантов оно разное. Историю этого пространства с постоянно меняющимися границами мы и попытаемся написать.

ЕВРЕИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Евреи, давно живущие во Франции, в 1920–1939 годах

Безмятежную жизнь французских евреев нарушило прибытие их преследуемых единоверцев. Иудаизм расцвел в лоне Республики, благодаря которой иудеи получили право гражданства

и которую они рьяно защищали. И если эхо дела Дрейфуса еще было слышно, реабилитация капитана в 1906 году была в глазах евреев символом победы универсальных революционных ценностей над произволом государства, пусть даже оно было республиканским. Об этих «счастливых» предвоенных евреях Доминик Шнаппер пишет так: «Благодаря какому-то историческому чуду, за которое они благодарили Небеса и Францию, евреи смогли сохранить воспоминание об иудаизме, которому они с достоинством хранили верность, укоренившись при этом во Франции; в этом укоренении уживались особенности их патриотизма и универсальные революционные ценности. Франция, в которой провозглашались Права человека и эмансипация их предков, решала проблему их идентичности, еврейской по воспоминаниям и французской по страстному духу, их верности прошлому и настоящему»³³.

1919–1939 годы: двадцатилетие глубоких изменений. К французской еврейской общине присоединяются, но не отождествляются с ней и в ней не растворяются группы евреев из Центральной и Восточной Европы. Вне официальных контактов традиционная община и члены новой Диаспоры относились друг к другу индифферентно и даже враждебно, их жизни не пересекались. Две эти группы, где различалось все — демография, экономическое положение, культурные традиции — существовали независимо, каждая по своим законам. В результате кризису 1930-х годов противостояло еврейство, раздираемое глубокими внутренними противоречиями.

Ни в одном из языков нет слова «израэлит», придуманного в ту пору евреями и выражающего оригинальность французской реальности, иудаизм, успешно вписавшийся во французскую нацию, за исключением вновь прибывших иммигрантов. Французские евреи стремятся быть не похожими на иммигрантов в глазах общества и в то же время послужить им примером для подражания для успешной интеграции. Это новое определение французского иудаизма напоминает одновременно

о местном колорите и национальной истории. Переписывая историю своих семей и исследуя истоки французского иудаизма, израэлиты стараются оставить в тени свое иностранное происхождение и подчеркнуть наличие французских предков. Среди прочих можно назвать два символа симбиоза Франции и еврейства: Дюркгейм, преподающий в Сорбонне, и Бергсон, избранный в 1914 году во Французскую академию. В рамках общины существует негласная иерархия, признающая более высокое положение старых еврейских семей из Бордо, Конта-Венессена и Меца.

К ним присоединяются последовательно прибывавшие после 1870 года и участвовавшие в I Мировой войне. В августе 1914 года 10 000 прибывших из-за границы евреев пошли в армию добровольцами, 4000 из них вступили в Иностраный легион, прежде чем получили разрешение присоединиться к частям французской армии. Понеся тяжелые потери в боях, французское еврейство разделяет всеобщую эйфорию после победы: даже Баррес отдал должное их патриотизму. Державшиеся до войны врозь, давно живущие во Франции евреи и те, кто осел здесь позднее, теперь воссоединились и стали называть себя израэлитами.

Традиции иудаизма не участвуют в публичной жизни, но лежат в основе семейных и социальных отношений. Стиль отношений в обществе израэлитов имеет больше сходства с жизнью предыдущего поколения, нежели со стилем жизни католической буржуазии рассматриваемого периода. Хотя внешне они вроде бы входят во все круги общества, предпочтение отдается отношениям внутри общины. Французский иудаизм в межвоенный период носит «приходской» характер, он основан в большей мере на социальных отношениях, чем на религии, и синагога в первую очередь место встреч, а потом уже — место молитвы. Как и у католической буржуазии, еженедельный визит в синагогу или участие в делах благотворительности — главная черта общественной жизни. Сокращается

количество бар-мицв и религиозных браков. Консистерские раввины (которых насчитывалось 30 в 1905 году и 17 в 1930-м) проводили в среднем 800 похорон и 400 браков по религиозному обряду. В то же время по-прежнему практикуется эндогамия, даже у нерелигиозных людей, что объясняется, с одной стороны, традицией, а с другой — узостью среды. Тех, кто, как философ Жюльен Бенда, среди знакомых своих родителей встречал неевреев, мало. Однако границы между социальными слоями в среде еврейской буржуазии более проницаемые, чем в среде католической буржуазии; престиж обладания дипломом компенсирует незначительность капитала. Будучи выходцем из семьи со «скромным» достатком (его отец был музыкантом польского происхождения), Бергсон женился на дочери управляющего банком Ротшильда; Люсьен Леви-Брюль, сын мелкого коммерсанта, стал зятем богатого ювелира, и т. д. Весьма распространены браки по договоренности, в особенности двойные браки, когда двое братьев женятся на двух сестрах. Если в Париже израэлитов много и найти себе удачную партию внутри сообщества достаточно легко, то в провинции дело обстоит иначе. Провинциальные евреи проводят встречи, на которые приходят целыми семьями; это возможность познакомиться с кем-то и завязать отношения.

Периодизация истории частной жизни евреев не совпадает с периодизацией национальной истории. Если I Мировая война ускорила интеграцию, на какой-то момент оказавшуюся под вопросом из-за дела Дрейфуса, то в начале Третьей республики под влиянием урбанизации (сельские общины постепенно исчезали) начался закат конфессионального иудаизма. Тем не менее горячие республиканские убеждения не повлекли за собой отказа от религиозных традиций. Они сохранились в семьях, однако при их отправлении избегали какой бы то ни было публичности. Уместно будет напомнить о роли католиков — во всяком случае, подавляющего их большинства — в антисемитизме, который был одновременно причиной и следствием «Дела».

Среди 106 000 подписчиков антисемитской газеты *La Libre Parole*, издававшейся Дрюмоном, было 30 000 священников. С точки зрения буржуа-еврея, республиканца и светского человека, было некое противоречие в том, чтобы оставаться сторонником Республики-освободительницы и при этом афишировать свою религиозность. Скрытый на публике, иудаизм продолжал существовать в частной сфере, где царила еврейская мама, более чем когда-либо озабоченная тем, чтобы передать детям традиции. Отсюда это признание историка Жюль Изака: «Если я еврей, то только благодаря матери». С этой точки зрения поколение, ставшее взрослым в межвоенный период, продолжает традицию скрытности своих старших братьев.

У израэлитов живы остатки традиционной религиозной практики, сохраненные ими с детства. Шаббат отличается от других дней недели: блюда во время семейного обеда в пятницу вечером кошерные не в полном смысле этого слова, но все же отличаются от повседневной еды. В них заключается момент праздника, сопоставимого с «тайным языком предков», о котором писал Марсель Пруст: некий порок в глазах посторонних, в лоне семейного клана он имеет большую эмоциональную ценность. Празднуют Йом-Киппур, Рош ха-Шана, Песах, но без соблюдения ортодоксального ритуала. Во время седера — пасхальной трапезы — глава семьи ограничивается чтением нескольких молитв и разговорами об истории еврейского народа.

Уходу иудаизма в частную сферу способствовал дефицит религиозного образования, пущенного на самотек французскими раввинами, не являющимися больше носителями толкования священных текстов. В школах по изучению Талмуда и Торы давалось весьма посредственное образование: «Два-три раза в неделю мы приходили к раввину и мало что узнавали там. Я с трудом выучил бераху*».

* Бераха — еврейская благодарственная молитва.

Речь шла, таким образом, о переходе традиционных ценностей иудаизма на принципы республиканской морали, что можно назвать «ассимиляцией». Обучение детей строилось на изложении библейских принципов: уважения к знаниям, рвения в труде, моральной чистоты. Израэлиты сохраняют характерную черту набожных семей: религию культуры. «В моей среде ценности культуры были главными. Это было свято <...>. Я вырос в книжной семье» (К. Леви-Стросс). Это совпадение традиционных добродетелей и республиканских ценностей привело к относительному провалу сионистского движения во Франции. В период с 1919 по 1926 год среди 94 131 иммигранта в Палестину насчитывалось всего 105 французов. Сохранялся ли иудаизм в семьях? Или за несколько поколений он мог полностью исчезнуть, до такой степени, что можно было говорить об «ассимиляции» в полном смысле слова? То, что произошло во время II Мировой войны, сделало ответ на этот вопрос невозможным.

Из концепции приватности иудаизма проистекает невозможность для французских евреев решить проблему, возникшую в связи с притоком иммигрантов, а также реагировать на распространение антисемитизма. Развитие коллективной деятельности на политической/публичной сцене поставило бы под вопрос идеологию ассимиляции, наследие Французской революции. Израэлиты неправильно интерпретировали феномен антисемитизма — но кто мог представить себе, до какой степени неправильно? — и скорость развития событий не оставляла никакой возможности для *аджорнаменто**. Опыт иудаизма, полученный в интимности частной жизни, в условиях положительного ответа на вопрос об эмансипации, начиная с 1930-х годов стал иллюзией убежища от антисемитизма. Отсюда — язвительность израэлитов в отношении вновь прибывших евреев, слишком «открытых», чье присутствие, по их

* Направление в католической церкви на обновление, приспособливание к новым условиям.

мнению, подогривало антисемитские выпады. Эту язвительность поколебало лишь прибытие во Францию после 1933 года 60 000 евреев из Германии и Австрии, эмансипация которых, проведенная по французской модели, предвещала ее же провал.

На это уже не надеялись молодые поколения, те, кто родился после 1910 года. Они отказывались от идеологии ассимиляции, в которой были воспитаны, именно на нее возлагая ответственность за отсутствие решения того, что отныне стало называться «еврейским вопросом». Они выбирали другой путь; важнейшее из молодежных движений, основанное в 1923 году, объединяло «французских скаутов-израэлитов». Стремительность дальнейших событий не дала развиваться этой новой форме идентичности.

Евреи-иммигранты в 1920–1939 годах

В 1920-е годы Франция для еврейской иммиграции является страной приема, а не транзитной. С 1920 по 1939 год прибывает около 80 000 евреев из Центральной Европы и 15 000 — из Леванта. Цифра незначительная по сравнению с общей иммиграцией (2%), но столь значительная для французской еврейской общины, что вызвала отторжение. Некоторое количество сефардов, прибывших из Северной Африки, проблемы не представляли: очень давно отказавшись от обычаев испанских евреев и говоря на французском языке, которому научились в республиканских школах или во Всемирном еврейском союзе, они были гораздо ближе к французам, чем их единоверцы из Центральной Европы, и не являлись «средой» в полном смысле этого слова. Начиная с 1907 года 37% левантинских евреев, осевших в Париже, жили в кварталах с небольшой плотностью еврейского населения. Их учреждения были привязаны к Консистории. Мы будем говорить об ашкеназах. Проблемы идентичности, возникшие в связи с их интеграцией, осложнялись «национальными» свойствами их иудаизма, каковы бы ни были причины маргинализации, вынудившие их покинуть

свои страны. Прибытие во Францию означало для них разрыв с местечковостью: не только установление новых границ между частным и публичным, но и сохранение в обстановке враждебности, в которую они попали, традиционных форм единства между индивидом и группой. Были ли причины их переезда экономическими, политическими или теми и другими одновременно, эмиграция даже неосознанно оказывалась отрывом от традиционной системы, и будущее группы представлялось смутным. В этом смысле решение эмигрировать разрешало отступление от норм, несмотря на то что травматичный отрыв от корней в первое время вызывал желание вернуться к своим традициям, не потерять их. Еще до отъезда они перестали считать обязательным подчинение местечковым нормам, и образ родины быстро стал негативным, когда, оказавшись во Франции, они приняли миф о «либеральности и прогрессивности» Французской революции, что сделало их индифферентными к идеям сионизма; отныне они связывали свое будущее с Францией.

Поскольку речь идет о семейной иммиграции (польские и итальянские католики приезжали работать во Францию «на разведку» и перевозили семьи, лишь когда находили стабильную работу и обустроивались), то разрыв с местечковостью, который для некоторых из них дойдет до полного забвения религиозной практики, начинается именно в семье, хранительнице еврейских ценностей. Среди 769 евреев, принявших католицизм в период между 1915 и 1934 годами, 43% родились за границей. Оказавшись в гетто, оторванная от множества религиозных обязанностей, женщина становилась современным «элементом» пары. Приехав во Францию, она продолжала быть инициатором осовременивания. Если концепция ее роли в паре не меняется, то для себя самой, в своих собственных глазах она меняется, в основном в отношении к собственному телу. Отныне она отказывается от соблюдения кашрута, от традиционной одежды (тяжелого пальто, отороченного мехом, и каракулевой шапочки) и религиозных оков. Она открывает

для себя радости кокетства и даже соблазнения. Если она продолжает носить парик, то переделывает его укладку и красит в соответствии с модой. Мужчины, в свою очередь, отказываются от одежды с бахромой и от пейсов и жертвуют изучением традиции ради профессиональной жизни. Что касается детей, они посещают теперь светскую школу, а не хедер — религиозную школу, где преподавались традиционные ценности. Таким образом исчезает главный вектор передачи норм. В 1939 году в Париже лишь 753 ребенка посещали один из шестнадцати хедеров, а 760 человек были записаны в одну из пятнадцати школ идиша. «Офранцузивание» вызывает у родителей противоречивые чувства: с одной стороны, они гордятся успехами детей в новой стране, с другой — страдают, видя, что те отдаляются от своей культуры. Идиш, ушедший из повседневной жизни, часто плохо понимаемый, становится внутрисемейным языком, для рассказов о событиях в семье. Под западным влиянием меняется даже структура семьи: нуклеарная семья вытесняет традиционную; падает рождаемость (выходцы из семей, в которых было по десять детей, заводят лишь по двое); появляется экзогамия, почти исключительно с мужской стороны.

Будучи вдвойне меньшинством — как иностранцы и как евреи, — ашкеназы преодолевали «трудности бытия» в католической Франции благодаря вхождению в мелкие общины, аналог традиционных гетто. В самом деле, вновь прибывшему было легче постичь французскую культуру, чем проникнуть в еврейский мир Франции. «Я вошел в элиту общества, но когда я сталкивался с еврейским миром, я, как и мои друзья, чувствовал, что его представители считали меня иностранцем, как еврея, родившегося где-нибудь в Польше, Турции, Румынии» (И. Чернов). В отличие от своих предшественников, послевоенные иммигранты прибывают не на голое место, во Франции уже существуют хотя бы в общих чертах структурированные общины, евреи оказывают друг другу помощь, существуют

благотворительные организации. 44% иммигрантов, прибывших в межвоенный период, устраиваются у родственников. Каждая группа иммигрантов поселяется компактно. Внутреннее единство достигается прежде всего наличием общего языка. На улице Седен в Париже говорят только на сефардском языке, или ладино (языке испанских евреев), которого не понимают в соседнем квартале. В кафе «Босфор» подают фрикадельки с рисом (*köftikas kon arroz*) и фасоль (*avikas*) — эти блюда напоминают тому, кто их заказал, о Турции. Иммигранты собираются, «чтобы поиграть в карты, послушать восточную музыку, поесть *borrekas* — пирожков с мясом или сыром, приготовленных кем-то из женщин общины»³⁴. Улица Бафруа, в которую переходит улица Попенкур, — это румынский квартал. Еврейская жизнь здесь менее приметная, тем не менее раз в год, на Йом-Киппур, раввин приносит в жертву куриц. Жизнь квартала Ла-Рокетт мистическим образом присутствует «в Стамбуле, в памяти тех людей, которые вскоре сами окажутся мигрантами» (А. Бенвенисте). По авеню Ледрю-Роллен проходила граница между сефардским кварталом и миром ашкеназов. Плетцль, квартал вокруг площади Сен-Поль, вотчина евреев из Эльзаса и Лотарингии, после I Мировой войны был кварталом, где говорили на идише.

Все эти мини-сообщества помогали вновь прибывающим найти работу. Евреи, в отличие от других иммигрантов, активно сопротивлялись пролетаризации и, следовательно, атомизации, распаду сообществ. Им удается избежать общественных работ, работы в шахтах, прислугой, куда устремляется поток поляков и итальянцев. Они занимаются коммерцией или ремесленничеством. В 1920-е годы 40% готовой одежды в Париже производится евреями, что частично можно объяснить условиями труда: издержки производства были невысокими, работали всеми семьями там же, где и жили. Обосновавшись в центре квартала, где проживала вся община, еврей-коммерсант имел постоянную клиентуру. Конечно, эта пространственная

и профессиональная концентрация, разоблачавшаяся антисемитами, сводила на нет контакты с внешним миром. Трудовые отношения, таким образом, не являлись, как в среде других иммигрантов, мощным фактором ассимиляции.

Во французских синагогах евреи из Центральной Европы чувствовали себя не в своей тарелке; поведение верующих, одетых в церемониальные одежды и разговаривавших о делах во время службы, приводило их в замешательство. Столкнувшись с отсутствием религиозного рвения, горящие мистическим огнем иммигранты группировались вокруг своих собственных синагог и молельных домов. Отделение церкви от государства, положившее в 1906 году конец главенству Консistorии, позволило вновь прибывавшим организовывать свои собственные культовые места и содержать раввинов, фактически устанавливая религиозный плюрализм, которого ранее во французском иудаизме не было. Ритуал был менее торжественным, нежели консисторский. Синагога снова стала местом встреч и центром общения квартала, но заодно и точкой противостояния между французским иудаизмом и иностранным.

Пережив преследования, иммигранты из Центральной Европы были более внимательны к проявлениям антисемитизма. Соблазненные «западным миром», столкнувшись с ксенофобией и антисемитизмом, которые в условиях тяжелого экономического кризиса добавлялись к проявлениям дискриминации, такие иммигранты стали держаться в стороне от этого мира. Оказавшись перед лицом агрессии — или угрозы, — живучая община давала этой агрессии быстрый отпор, носивший политический характер, свойственный местечковым традициям. Политика, секуляризованная форма общественной жизни, как в старых гетто, находилась на границе частного и публичного. «Политический отпор», мобилирующий структуры и традиционные ценности группы, напоминает об особом образе жизни центральноевропейских евреев, в котором индивидуальное и коллективное сближаются.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЕВРЕИ ПОСЛЕ 1940 ГОДА

Каждый день менять имя, утром не знать, где проведешь следующую ночь, жить в условиях вялости общества и жестокости системы — вот что учит сомневаться в принципах и возможностях <...>. Как может быть неприкосновенен закон и священно государство для того, кто, как я, оказался поставленным этим государством вне закона? Я очень быстро понял разницу между жесткими правилами и бурлящей жизнью.

Доктор Пьер Симон. О жизни прежде всего

Война. Геноцид

Нацистские преследования стоили жизни трети французских евреев. По официальным данным и оценкам еврейских организаций, по расовому принципу было депортировано 75 000 человек. Последний эшелон в сторону лагерей смерти покинул Францию 17 августа 1944 года. Считая себя защищенными французским гражданством, израэлиты разделили судьбу тех, кого до войны обвиняли в усилении антисемитизма. О какой частной жизни можно говорить в эти четыре года, когда страдания объединили французов (французских евреев) и иммигрантов? Какой смысл заключается в понятии «частная жизнь», когда повседневность состоит из преследования, бегства и уничтожения? Главное в таких условиях — выживание. В тесноте лагерной жизни частного пространства нет.

Тесноте, уничтожающей пространство частной жизни, депортированные противопоставляли сдержанность разговоров. О сексе не упоминают. От того, как человек выглядит, зависит не только его моральное выживание (самоуважение), но и физическое (способность к работе). Атмосфера ужаса и нечеловеческой жестокости порождает гипериндивидуализацию каждого отдельного человека, но в то же время проявляются и человеческие

качества. «За две недели в Дранси* человека узнаешь лучше, чем за полтора года в нормальной жизни» (Жорж Веллерс).

Уничтожалось все частное, вплоть до идентичности, что делало недоступным спасительное бегство. Смена фамилии, усыновление чужой семьей или попадание в незнакомое детское учреждение были очень травмирующими факторами для детей.

Правоверные израэлиты, разделившие судьбу еврейского народа, тоже узнали, что такое облавы, доносы, аресты. Обнародование «Статуса евреев», еще до физического уничтожения, для израэлитов, мечтавших офранцузиться, стало концом мифа об ассимиляции. Развод с Францией давал иудаизму новое определение, расширял частную сферу, которая тоже была из области мифологии: миф о возрождении еврейского народа, единого, как это было при гонениях. «Для нас, евреев, годы с 1940-го по 1944-й были не такими, как для всех остальных, даже для самых порядочных, дружелюбных, близких», — скажет потом Пьер Дрейфус, типичный представитель буржуазии, которого можно было бы назвать ассимилированным. Молодые поколения сефардов, родившихся после войны, глубоко усвоили этот основополагающий момент как часть своей истории. Геноцид 1940-х годов принадлежит истории всех французских евреев — ашкеназов и сефардов.

Эхом геноцида было волнение, вызванное во французской еврейской общине Шестидневной войной. Страх нового истребления, теперь в масштабах Израиля, мобилизовал весь еврейский мир — как сионистов, так и несионистов. Остроту реакции тех, кто никогда не выражал никакой особенной солидарности с Израилем, можно понять лишь в контексте самых драматичных эпизодов истории французских евреев. Эти несколько дней 1967 года община жила по израильскому времени. Всех волновали новости из Иерусалима, его

* Дранси — транзитный концентрационный лагерь в окрестностях Парижа, откуда евреев отправляли в лагерь смерти, в частности в Освенцим и в Собибор.

объединение воодушевило даже нерелигиозных. Шестидневная война опровергала все общие места, о которых твердили антисемиты. Народ торговцев и «баранов», безропотно ведомых на бойню, вдруг предстал народом-воином вполне в традициях Французской революции. «Уверенный в себе народ-победитель». Эта короткая фраза генерала де Голля может считаться похвалой. Отныне французские евреи имеют о себе новое представление, потому что нееврей по-новому оценил евреев.

Не стоит думать об отношениях французских евреев с Израилем в плане двойной лояльности (как евреев и как французов); их основу следует искать в более далеком опыте частной жизни. Двойное гражданство признано международным правом. Обращение к Израилю и важность принадлежности к одному и тому же народу говорят, по мнению Владимира Янкелевича, о приверженности некоей высшей норме. Именно потому, что сефарды являются частью этого народа, французские евреи приняли их в 1960-е годы и избавили от остракизма, которому подвергались в межвоенный период центрально-европейские евреи.

Обращение к Израилю привносит нечто *политическое*, что ломает границы публичного и частного. Снова собираются *общины*, появляются *активисты*, принадлежность которых к иудаизму выражается в политической форме и может сопровождаться традиционными практиками. Сионизм как политическое/общественное движение собирает во Франции 1975 года около 45 000 сторонников, из которых принимают участие в регулярных действиях менее 40%. Конечно, геноцид развеял иллюзию о тотальной ассимиляции. Однако редкие переезды в Израиль и продолжительный латентный период, который им предшествует, свидетельствуют о прочной связи французских евреев с Францией. Изучая алию* в Страсбурге,

* Алия — репатриация евреев в Израиль.

Люсьен Лазар отметил, что причины этих отъездов часто заключаются в воспоминаниях о гонениях: те, кто уезжает, не являются «официальными» сионистами, это видные представители общины. В большинстве случаев решение о переезде принималось на протяжении двух десятков лет. В 1968–1970 годах Еврейское агентство зарегистрировало 13 300 отъездов. Но сколько из переехавших вернулось обратно? В 1977 году в Израиль переехал 1171 еврей. Согласно данным исследований, в 1980-е годы вопрос о переезде в Израиль «рассматривают» 30–50% опрошенных. Переход к действиям наблюдается гораздо реже. Французская Диаспора начиная с 1945 года, как гласит старая поговорка, «счастлива во Франции, как Бог». В географическом и профессиональном плане евреи никогда не были так близки к национальной модели.

Прибытие сефардов и «возврат» к иудаизму

Прибытие евреев из Африки положило конец социально-экономическому партикуляризму. Многие из них стали чиновниками и руководителями среднего звена, чаще всего преподавателями первой и второй ступеней; их прибытие совпало с переходом еврейского населения на работу по найму, что говорит о горизонтальной социальной мобильности.

В то же время иудаизм никогда так не стремился обособиться. То обстоятельство, что еврейский мир устоял несмотря ни на что, вызывает у его представителей чувство гордости, которое они без ложного стыда признают. Об этом свидетельствует изменение в употреблении термина «израэлит», который теперь используется не для навешивания ярлыков на осторожных евреев, но чтобы отметить разницу между израильтянами и евреями Диаспоры. Категорическое запрещение любого публичного проявления антисемитизма вплоть до войны в Ливане — наследие памяти о геноциде — вдохновляло частный иудаизм. Но это не являлось решающим фактором. Претензии иудаизма возникают из воспоминаний об истреблении

и в связи с прибытием сефардов. Эти два феномена соединяются и придают выражению частного иудаизма большее значение.

Некоторое время назад историки отметили появление в публичной сфере вопроса о геноциде. Речь идет о его вступлении в права. Говорить стоит в первую очередь о «деприватизации», а не о возрождении этого вопроса. Воспоминания об истреблении долгое время были спрятаны в дальних уголках памяти тех, кто остался в живых. В первые послевоенные годы некоторые до такой степени не желали вспоминать о своем еврействе, что избегали любых публичных его проявлений, например традиционных свадеб в синагоге. Из 2500 случаев смены фамилии, имевшей место в течение полутора столетий, 2150 приходятся на 1946–1958 годы (в одном лишь 1950 году — 280). Однако большинство выживших не смогло ни о чем забыть, им необходимо было свидетельствовать о случившемся, и это привело их в еврейскую общину, хотя до войны они от нее отдалялись. Для интернированных и депортированных воспоминания были столь мучительны и вездесущи, что они не могли о них говорить. В этом заключался трагический парадокс: свидетельствовать было необходимо, но в то же время невозможно. С течением времени обвиняющий факт существования лагерей смерти, возможного вследствие отсутствия коллективной памяти, вызвал новую «работу» памяти. Потрясенные в своей болезненной интимности, свидетельства геноцида понемногу вышли в публичную сферу.

Надо сказать, что прибытие евреев из Северной Африки обновило оторванный от корней иудаизм. Сефардская эмиграция, ставшая следствием движения за независимость, повлекла за собой удвоение еврейского населения Франции (в 1956 году насчитывалось 300 000 евреев, в 1967-м — 660 000). Несмотря на то что марокканские евреи учились во французских школах, им приходилось адаптироваться в новом для себя обществе. Покидая общину с ее атрибутами (синагогой, миквой, кошерным мясом), марокканские евреи в то же время освобождались

от контроля, исходящего из семейных и соседских отношений. Иудаизм больше не вписывался естественным образом в пространство, терялась еврейская идентичность. Чтобы продолжать существовать во Франции, эта еврейская идентичность должна была быть востребована. Анализ условий интеграции во французское общество показывает, что переселение не затронуло содержания еврейства. Конечно, внешняя форма изменилась. Следствием эмиграции был слом большой семейной структуры, принятой на родине их предков, в странах Магриба, потому что во Франции каждый третий взрослый жил теперь отдельно от родителей, а то и в другой местности. Тем не менее семейные связи остаются крепкими. Недавние исследования аккультурации — приспособления к чужой культуре — показали, что положение эмигранта придает большую ценность семейной жизни, одновременно как фундамент идентичности и как смысл адаптации. По словам Дорис Бенсимон, один из четырех молодых людей регулярно проводит шаббат и праздники в семье. Если обычай вступать в брак с кем-то из своего города и практика «устроенных» браков, противоречащие французским нормам, исчезли одновременно с родственными отношениями, североафриканские евреи в массе своей сохранили верность традициям. Эндогамия все еще остается нормой. Стремление поддерживать еврейский образ жизни привело к тому, что сефарды стали создавать общины. Клод Тапия отметил последовательные этапы становления новой общины: воссоздание форм традиционного общения (встречи женщин в магазинах, мужчин в синагогах), совместное проведение праздников. 47% семей, проживающих в Сарселе, где находится одна из крупнейших общин Парижского региона, решили поселиться там именно по религиозным мотивам и семейным обстоятельствам. Те же соображения заставили четыре сотни семей из Харет-эль-Яхуба, пригорода Каира, осесть в Вильеле-Бель. Только этот тип общины позволяет сефардам совместить традиционный еврейский образ жизни с образом жизни

марокканских евреев. Шаббат и праздники проходят в семейном кругу, в общине. Коммерсанты, в заведениях которых женщины снова могут собираться, обеспечивают общину необходимыми продуктами питания; также это место общения почти исключительно еврейской клиентуры. В пекарне женщина может выбрать себе хлеб, выпеченный по магрибским рецептам, взвесив его и внимательно рассмотрев каждую буханку.

Марокканские евреи дают возможность французским единоверцам возродить традиции. Конечно, «возвращение» к иудаизму израэлитов наблюдалось до 1960-х годов, но оно оформилось именно в сефардской школе иудаизма. Более религиозные и в большей мере приверженные традициям, сефарды чаще посещают синагогу, более строго соблюдают шаббат, чаще едят кошерную пищу, постятся в Йом-Киппур. Более 80% из них делают сыновьям обрезание и 70% вступают в брак по религиозным обрядам. Их религиозность заражает и привлекает ашкеназов.

Что будет с иудаизмом завтра?

Распространение изучения древнееврейской истории, рост посещаемости еврейских школ, появление литературного рынка, посвященного иудаизму, — все это признаки его обновления. Утверждение сефардского иудаизма, развитие «горизонтальных» структур (дополняющих традиционную «вертикальную» структуру, по выражению Анны Кригель, — связывающую общину с истеблишментом), основанных на общинных центрах и молодежных движениях, — все это распространяет новую форму идентичности. Если, парадоксальным образом, религиозная практика при этом сокращается, то роль Израиля остается центральной. Чрезвычайно пристальное внимание к событиям на Ближнем Востоке объясняет сложные, конфликтные, иногда полностью отсутствующие отношения молодых евреев с мусульманами, живущими по соседству и сталкивающимися со схожими проблемами интеграции в общество.

Понять историю новейших поколений евреев можно, приняв во внимание геноцид. Больше, чем о *возвращении* (*techouvah*) к традиции, следует говорить об обновлении. Это обновление рождается в семейной истории — истории жертв нацизма — и вызывает конфликты со старшим поколением. Из стремления к ясности и трезвой оценке происходящего вытекает порой чрезмерная реакция в СМИ на антисемитские выпады или на атаки на Израиль. Ближневосточный конфликт ежедневно подтверждает волю подчеркивать отличия.

Будет ли частным или же, наоборот, политически окрашенным иудаизм молодых евреев по духу и темпераменту, которых философ Ален Финкелькраут назвал «мнимыми»? От места, которое займет это новое движение, ставшее отныне частью французского культурного ландшафта, будут зависеть его частные и публичные проявления.

Перрин Симон-Наум

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ИММИГРАНТОМ ВО ФРАНЦИИ

Каждое общество определяет сферу частной жизни своих членов. Частной жизни самой по себе не существует. В современной Франции частная сфера противопоставляется двойной публичной — профессиональной и политической, и это противопоставление тесно связано с сутью либеральной демократии, которая при определенных условиях (в частности, при уважении к общественному порядку) с уважением относится к частной жизни. Оно также связано с сутью индустриального общества, в котором растущая самостоятельность сферы экономики приводит к тому, что люди живут дома, а работают на производстве или в офисе; таким образом, экономическая деятельность и частная жизнь разделяются. В реальности же в отдельных сельскохозяйственных, ремесленных предприятиях, в небольших торговых точках, в семейном бизнесе тотального разделения нет, однако это не противоречит установкам индустриального общества.

Надо сказать, что само разделение публичного и частного может представлять собой один из источников конфликтов между культурой (в антропологическом смысле слова) страны пребывания и культурой страны происхождения, что хорошо известно многим иммигрантам. Особенно это касается выходцев из стран Северной Африки.

Понятие частной жизни предполагает право индивидов иметь свою собственную личную жизнь, не касающуюся семьи

и сообщества, к которому они принадлежат. В исламской среде человек в крайнем случае может иметь какую-то самостоятельность, но сам принцип автономии частной жизни признается с трудом. Различия между частной и публичной сферами, которые существуют в нашем обществе, ставит под вопрос одну из основ культуры стран происхождения. Как только сообщество признает, что один из основополагающих принципов ислама, относящийся как к индивиду, так и к группе, предписывает защищать хорошее и бороться с плохим, жизнь каждого становится известна всем окружающим и в нее могут вмешиваться на законных основаниях. Поведение каждого отдельного человека должно соответствовать мнению коллектива. Нарушения правил регулируются судом чести, место каждого индивида и каждой семьи закреплено в сообществе, которое контролирует поведение всех. Тем не менее не все нарушения правил отслеживаются одинаково бдительно, осуждается лишь публичное их игнорирование. Тот, кто пьет вино или тайком нарушает пост во время Рамадана, не будет преследоваться коллективом, пока эти нарушения не станут достоянием гласности. Следовательно, исламская культура допускает некие уловки, благодаря которым человек, помимо семейной и общественной, может вести и частную жизнь. Несмотря на это, право на частную жизнь в исламском обществе отличается от того же самого права в стране пребывания. Таким образом, важно изучить эволюцию, произошедшую в жизни нескольких поколений мусульман, переехавших во Францию.

Частная жизнь не эквивалентна семейной. В рамках семейной группы индивид продолжает иметь свой собственный мир. Тем не менее в связи с отсутствием соответствующих исторических и социологических исследований мы будем рассматривать здесь в качестве частной жизни жизнь семейную³⁵.

Если семейная жизнь следует некоторым моделям поведения, которые социологи и историки стараются описать и формализовать, для самих членов этой семьи и общества в целом

жизнь сама по себе непосредственно и очевидно отражается в семье. Не вписан ли в самые укоренившиеся привычки, приобретенные в процессе социализации, нормальный, а следовательно, естественный и правильный способ есть, продолжать род, умирать, наводить порядок в доме, обращаться друг к другу, уважать отца и мать, воспитывать сыновей и дочерей, регулировать отношения между мужчинами и женщинами? Эмиграция грубо прерывает, ставит под сомнение неписанные правила, весь естественный ход, *континуум* повседневной жизни в семье, отношения с соседями и с обществом в целом.

Иммигранты, откуда бы они ни приехали, не могут ни отказать от привычек и обычаев, лежащих в основе их идентичности, ни продолжать вести в новой стране жизнь, которую они вели у себя на родине. Их частная жизнь подвергается трансформации и аккультурации. Формы этой аккультурации зависят от многих факторов: времени и страны, откуда прибывает очередная волна мигрантов, истории отношений между принимающей страной и страной происхождения, разнообразия культурных норм, стадии развития принимающего общества и, в частности, его желания и возможности ассимилировать иммигрантов. Именно эти факторы — не говоря уж об отсутствии источников — не позволяют создать комплексный образ частной жизни иммигрантов во Франции*.

* С XIX века Франция продолжает оставаться страной иммиграции. В эпоху бурного экономического развития наблюдается низкая рождаемость, богатеет крестьянство; в этих условиях возникает нехватка рабочей силы. В довоенном 1930 году иммиграция достигла своего пика, во Франции оказалось не менее 3 миллионов иностранцев: это составило 7% общего населения и 15% представителей рабочего класса, без учета натурализованных граждан и нелегальной иммиграции, которая, по мнению Жоржа Моко, составляла треть от легальной. К так называемым «экономическим» мигрантам присоединяются «политические» — в разные периоды бегущие от авторитарных режимов в центральноевропейских странах, из революционной России, спасающиеся из стран с нацистским или фашистским режимом, а после II Мировой войны — из стран коммунистического блока. — *Примеч. авт.*

Нечеткое представление об иммигрантах

Не следует забывать, что термин «иммигранты», подчеркивающий одинаковый статус всех приехавших в новую для себя страну, весьма неточен. Во Франции одним и тем же словом называют поляков, итальянцев, украинцев и выходцев из стран Магриба. У всех этих «иммигрантов» разная религия, разные привычки жизни в семье и в обществе, они имеют различный политический опыт. Их переезд во Францию был оформлен по-разному: в конце XIX века в итальянских городках и деревнях вербовались рабочие для металлургических предприятий Лотарингии, в первой половине 1920-х годов было организовано переселение поляков в шахтерские поселки для работы в угольных шахтах, в течение всего периода сюда бежали от нищеты, часто нелегально, эмигранты из Леванта, из Южной Италии и Северной Африки, в 1960-е годы воссоединялись семьи алжирцев — в общем, различий было много. Форма миграции тесно связана со смыслом, который в нее вкладывается, и от отношения мигрантов к французскому обществу. Многие беженцы из Центральной Европы, попавшие во Францию в 1930-е годы, мечтали слиться с французским населением. В то же время иммигранты из стран Магриба, начиная с 1950-х годов переезжающие во Францию семьями, какой бы ни была их национальность*, не желают отказываться от связей с родиной и хотели бы иметь право вернуться или же остаться — даже если на пути к натурализации возникает множество препятствий и она рассматривается как обращение в другую веру или предательство**. Аккультурация разных народов и стиль их частной жизни показывает отношение иммигрантов к французскому обществу.

* Нам в нашем исследовании гражданство не важно. Мы будем рассматривать в целом группу мусульман, живущих во Франции, не принимая во внимание их национальность. — *Примеч. авт.*

** Арабские слова *goimî* и *ntourmî* означают соответственно «христианин» и «рenegат», «отступник». — *Примеч. авт.*

Также следует отметить, что различные группы иммигрантов оказываются во Франции на разных стадиях адаптации к жизни в городах и работе в промышленности: некоторые у себя на родине жили в городах (как, например, итальянцы после II Мировой войны); другие же имели традиционное сельское происхождение (например, первая волна иммиграции из стран Магриба до начала 1950-х годов). В одной и той же национальной группе оказываются люди, которые сами предприняли переезд, чьи дети родились до переезда (одни устроились на работу по приезду во Францию, другие ходили во французские школы), и, наконец, дети, родившиеся во Франции или приехавшие в раннем детстве и учившиеся в начальной французской школе. Их отношение к Франции и поддержке специфической частной жизни не одинаковы.

Частную жизнь иммигрантов нельзя рассматривать независимо от воссоздания «колонии», как писали в 1930-е годы, или землячества; на каком-то ограниченном пространстве концентрировались выходцы из одной страны, что обеспечивало социальный контроль за поведением членов этого землячества, способствовало сохранению норм, принятых на родине, и «создавало видимость национальной жизни, подобие атмосферы и среды, которых они были полностью лишены»³⁶. Мы увидим, что неодинаковая организация польских и итальянских землячеств частично объясняет то, что их частная жизнь протекала по-разному.

Частную жизнь по определению трудно постичь, потому что от нее почти не остается документов, которые историки могли бы как-то интерпретировать. До недавнего времени частная жизнь не считалась достойной внимания историков, внятных свидетельств прошлого мало. Поль Лейо называл ее невидимой повседневностью, действующие лица которой незаметны. Социологи и антропологи имеют лишь информацию, полученную недавно. Изучить частную жизнь иммигрантов труднее, чем жизнь остальных групп населения.

Во всяком случае, во Франции до недавнего времени ее специфика признавалась властями, патронами предприятий, населением в целом весьма неохотно. Сами иммигранты ее часто скрывают, в особенности же их дети, воспитанные французской школой и стыдящиеся того, что не являются «нормальными» французами. Есть опасность, что она будет скрываться и дальше, больше, чем частная жизнь других групп населения. Недавние исследования изучили эволюцию иммигрантов за десять последних лет, но понять, что представляла собой частная жизнь тех, кто приезжал во Францию в период между двумя мировыми войнами, — рискованная затея.

Тем не менее само существование частной жизни позволяет выделить два типа иммигрантов: для иммигрантов первой волны, итальянцев и выходцев из Северной Африки, которые приезжали без семей исключительно для того, чтобы работать, и жили в бараках, гостиницах или трущобах, не существовало никакой частной жизни. Другие же приезжали семьями и вели свой привычный образ жизни. В общем, все говорит о том, что само положение иммигранта придает частной жизни новый смысл. Окружающий их мир не только незнаком, но и враждебен, и частная жизнь становится убежищем и защитой и обеспечивает иммигрантам стабильность. Отрицание частной жизни — источник всех «социальных проблем», которые вызывает присутствие иммигрантов.

Гостеприимство и ксенофобия

Несмотря на расхожую мысль о том, что во Франции сохраняется уходящая в глубь времени традиция гостеприимства, все свидетельствует о том, что население в массе своей было и остается настроенным ксенофобски. Мы могли бы процитировать истерические высказывания крайне правых в 1930-е годы; высокий уровень безработицы в те годы единодушно связывался с количеством иммигрантов. Однако для

того чтобы продемонстрировать, что французы в целом принимали только «ассимилировавшихся» иммигрантов, то есть переставших быть иностранцами и ставших французами, стоит напомнить тексты, опубликованные в 1932 году обозревателем, благосклонно настроенным к иммиграции и сознающим ее вклад в рост национального благосостояния: «Следует все же отметить, что прежде вклад иностранцев в экономику вносился достаточно медленно, чтобы можно было говорить о Франции как о плавильном котле. Массовый приток новых элементов, их высокая плотность во французском населении и националистический дух мигрантов усложняют проблему в послевоенное время. Мы видим, что присутствие во Франции трех миллионов иностранцев повлияло на общественную жизнь и моральный климат в стране. Здравомыслящая рабочая аристократия, удовлетворенная материально и поэтому настроенная консервативно, сталкивается с толпой иностранных рабочих, не имеющих никаких привязок к стране пребывания; эта невежественная сила тормозит социальную эволюцию, но в период волнений может ее ускорить. Толпы мигрантов, неадаптированных, вырванных из привычной среды, на треть повышают уровень преступности во Франции и тем самым, бесспорно, оказывают деморализующее и вносящее беспорядок влияние на жизнь в стране. Не менее опасен и низкий моральный уровень отдельных выходцев с Ближнего Востока, армян, греков, евреев и других „метеков“, барыг и спекулянтов»³⁷. «Хорошие» иммигранты — иммигранты не в первом поколении, ассимилированные французской нацией. Таким образом, ксенофобия, по крайней мере для недавно прибывших, является причиной сохранять свою специфическую частную жизнь, мощное средство защиты.

Принимая во внимание разнообразие иммиграции и форм интеграции мигрантов во французское общество, мы ограничимся здесь общим обзором, проиллюстрировав его примерами поляков и итальянцев в 1920–1939 годах и выходцев из

стран Магриба после 1945 года. Очень важно различать кризисный довоенный период и тогдашнее стремление Франции ассимилировать приезжих и «Славное тридцатилетие», изменившее экономическое положение французских рабочих и иммигрантов; способность и желание ассимилировать их в эти годы исчезли: после II Мировой войны ни школа, ни церковь, ни армия не обеспечивают социализацию французских детей — как выходцев из семей мигрантов, так и всех остальных — с тем же рвением, с каким это делалось до войны.

ПРЕДВОЕННОЕ ВРЕМЯ. ИТАЛЬЯНЦЫ И ПОЛЯКИ

Вести привычный, а значит, свой характерный образ жизни можно лишь при наличии какой-то хотя бы минимальной зарплаты и иммиграции всей семьей.

Трущобы на окраинах Парижа — говоря о 1930-х годах, чаще всего упоминают улицу Жюль Валлеса в Сент-Уэне, где на 300-350 человек приходится всего один колодец, или итальянские кварталы в городах на Средиземноморском побережье, — похожи на все трущобы мира. «Улицы узкие, грязные, дома старые, высокие. На окнах на ремнях сушится белье, или же веревки перекинута через улицу, от окна к окну. Смуглая, немытая, босоногая ребятня резвится со средиземноморской веселостью. Убогие интерьеры, куда свет и воздух проникают с трудом, заставлены какими-то кушетками и лежанками. В одной и той же комнате спят по пять-шесть человек, иногда больше. Дети спят вповалку по трое-четверо на одном тюфяке, иногда лежащем на земляном полу»³⁸. Бедность уничтожает различия и уравнивает всех.

В течение всего межвоенного периода одинокие рабочие, приехавшие без оставшихся на родине семей, признанные «недисциплинированными» и «бродягами», жили примерно

в таких же условиях. При том существовании, которое они вели, ни о какой частной жизни речь не шла. Кровати в «гостиницах», в которых они жили, использовались без перерыва — ночью на них спали рабочие, занятые в дневную смену, днем ложились вернувшиеся с ночной. В таких условиях само понятие «частная жизнь» теряет всякий смысл. Вновь прибывающим, помимо таких «отелей», достаются наскоро сколоченные из досок и слепленные из глины хижины, естественно, лишенные каких бы то ни было удобств, заброшенные деревенские дома, превратившиеся в настоящие трущобы. В таком жилище забываются все нормы частной жизни и наступает одичание.

Начало магрибской иммиграции

Отдельные сильно структурированные группы мигрантов в сотрудничестве с французским обществом сопротивлялись процессу одичания и декультурации. Лучший пример этого — первая волна иммиграции из Алжира³⁹. До 1950 года из стран Магриба ехали только холостяки. Деревенское сообщество отправляло их на несколько лет работать за границу, чтобы другие члены группы могли остаться на родине и поддерживать статус семьи. В первую очередь речь шла о бедных горных районах, где жили берберы, вроде Кабилии и Суса. Эта эмиграция не нарушала жизнь ни в тех местах, ни в принимавшей стране. Рабочие держались вместе, как на родине, — так проще было экономить и быстрее освоиться в чужом мире. Они выбирали наиболее тяжелую и хорошо оплачиваемую работу вроде работы в шахтах, работали сверхурочно — это повышало заработки на четверть, а то и на треть. Как можно больше денег старались отправить на родину, оставляя себе лишь на еду. Их частная жизнь на чужбине сводилась к общению с соотечественниками, выходцами из той же или из соседней деревни. Так было безопаснее, к тому же от вновь прибывших можно было узнать новости — письма

мигранты почти не писали, потому что грамотные среди них встречались редко. Экономия и аскетичная жизнь, которую они вели на чужбине, помогали семье сохранить за собой земли, отремонтировать дом, содержать домашних животных и иметь возможность подобающим образом женить и выдавать замуж сыновей и дочерей, оставшихся дома. Вернувшись на родину — в отпуск на Рамадан или окончательно, проведя за границей четыре-пять лет, эти рабочие обретали прежний статус. Работа в шахте или служба в колониальной армии, что считалось идеальным вариантом, позволяла купить землю, удачно жениться, завоевать или по крайней мере сохранить занимаемое прежде положение в сообществе. Оказавшись в привычной среде, приехав в отпуск или вернувшись окончательно, они обретали право на частную жизнь по своим обычаям, и самое главное — ее не надо было скрывать. Ее публичный характер был призван поддерживать или преумножать — в глазах общественности — семейный или персональный капитал чести. На чужбине они мечтали о том, как вернуться домой, как будут ходить в гости к родственникам, получать приглашения на свадьбы, участвовать в местных праздниках и паломничествах, и эти мечты помогали им переносить тяготы повседневности. Можно предположить, что частная жизнь на чужбине и ограничивалась мечтами, которые позволяли хотя бы на время забыть об изнурительном труде, суровых материальных условиях, несмотря на совместное проживание с соотечественниками.

Итальянцы и поляки

В 1930-е годы отдельные группы итальянских и польских мигрантов, постепенно перебивавшихся в рабочие поселки при шахтах и металлургических предприятиях, были, можно сказать, рабочей аристократией. Благодаря присутствию своих нуклеарных семей они могли себе позволить вести частную жизнь. В этих случаях наблюдается контраст между адаптацией

мужчин к рабочему ритму и профессиональным обязанностям и сохранением частной жизни, отличной от частной жизни французов. Дела мигрантов-итальянцев складывались весьма удачно как в металлургической промышленности Лотарингии, так и в сельском хозяйстве на юго-западе Франции. «Я имел дело с итальянскими рабочими, и они лучше французских», — говорил один бригадир из Жёфа или Мутье⁴⁰. Массовое прибытие итальянцев на горные работы привело к тому, что рабочие-французы, не выдерживавшие такого ритма и темпа труда, вынуждены были уезжать. «Это были крепкие ребята из горных деревень, они говорили, что могут загрузить как минимум двадцать вагонов. При этом тот, кто может загрузить четырнадцать, уж никак не лодырь, поверьте мне на слово! Но эти мужики грузили по двадцать вагонов, а один из них работал как-то раз шестнадцать часов и загрузил около сорока. Это понизило расценки и спровоцировало отъезд французов»⁴¹. Успехи итальянских сельскохозяйственных рабочих в юго-западных районах Франции наглядно демонстрируют цифры: очень многие из них благодаря упорному труду и экономии сменили статус — из разряда сезонных рабочих перешли в арендаторы и фермеры, наконец, стали мелкими собственниками. Жорж Моко пишет: «Сельскохозяйственные рабочие-итальянцы высоко ценятся. Они все трудолюбивы, сговорчивы, преданы и почтительны. Многие работодатели предпочитают итальянцев капризным и требовательным французам».

Итальянские рабочие приспособились к условиям труда, что не помешало, а может быть, и обусловило тот факт, что их частная жизнь была особенной, она сохранила свою специфику. Вероятно, именно в семейном кругу, в отношениях, сложившихся в паре, а также между супругами и детьми, заключается то, что можно назвать культурным ядром, то, что сопротивляется аккультурации⁴². Они сохранили свои привычки в ведении хозяйства, украшении домов, питании,

в некотором роде — в одежде и праздниках; женщины продолжали вести женский образ жизни. Работа мужчин не мешала выходцам из Италии жить так, как это принято на их родине. Семейная жизнь в рабочих поселках металлургов подчинялась рабочему ритму: сирена, звучащая трижды в день, означала окончание рабочей смены и начало новой. Но в остальном итальянцы и поляки — мы говорим только о них, как о самых многочисленных представителях мигрантов, — были самими собой.

Иммигрант — не *tabula rasa*, он прибывает во Францию, будучи социализированным культурой своей собственной страны. Он может лишь перенять и интерпретировать требования и нормы общества, в котором оказался. Итальянцы, поляки или алжирцы не становятся французами, они ведут специфическую частную жизнь, в которой переплетаются черты их родных стран — Италии, Польши или Алжира, возможно слегка измененные нахождением за границей, с тем, что предписывается рабочему-иммигранту требованиями принимающей стороны.

Польские и итальянские общины

Две наиболее многочисленные группы иммигрантов в межвоенный период — поляки и итальянцы. И те и другие — европейцы, католики. Они в той или иной мере сохранили специфические черты частной жизни своих стран. Польские рабочие селились во Франции компактно, создавали общины, в каждой общине были свои религиозные лидеры и особые организации, способствовавшие сохранению образа жизни, принятого на родине, и замедлению процесса ассимиляции. У итальянцев этот процесс шел быстрее, так как, несмотря на то что их было очень много в Лотарингии, их сообщества имели не такую четкую организацию, а контроль со стороны религиозных организаций был менее строгим. Поэтому специфика частной жизни итальянцев проявлялась все слабее.

В этом плане очень показательным является быстрое сворачивание религиозной практики. Например, в Обуэ в 1909–1914 годах крестили 55% итальянских детей, тогда как для населения в целом эта цифра составила 80%. Количество похорон, проведенных по религиозному обряду, и участие в пасхальных торжествах ниже, чем у французов, к тому же все больше пар сожительствовали, не вступая в брак⁴³. Есть и другие свидетельства сокращения религиозной практики, в том числе доклад Итальянской католической миссии. Поляки же, жившие в рабочих поселках, построенных специально для них, гораздо дольше сохраняли свою национальную и религиозную специфику. В этих поселках, построенных в 1920-е годы в окрестностях угольных шахт на севере страны, были церкви и священнослужители, иногда содержавшиеся хозяевами компании, на которую работали иммигранты. Чтобы разобраться со своими небольшими проблемами повседневной жизни, люди обращались к священнику; именно он был посредником в их отношениях с администрацией предприятия или патроном, именно он следил за моральным обликом иммигрантов. Вплоть до войны священникам целовали руки, а девочки при встрече с ними должны были делать книксен, тем самым признавая его роль духовного наставника, несущего «политическую» ответственность за членов общины. Из всех иммигрантов лишь у поляков учителями в начальной школе были поляки. В 1932 году во Франции насчитывалось 150 учителей-поляков, из них 65 — на севере и в Па-де-Кале, около 30 — в центральных и восточных департаментах, около 20 — на юге и западе. Их услугами пользовались около 20 000 детей. В общественных делах им помогали монахини. Все это давало возможность полякам, в отличие от итальянцев, поддерживать специфически польскую частную жизнь вплоть до II Мировой войны.

В городках, населенных поляками, наблюдалась интенсивная религиозная жизнь: еженощное посещение мессы

утверждало их идентичность, как религиозную, так и национальную: «Мужчины одеты в униформу, в разноцветных шапках, с лентами на груди, девушки в белых платьях с черными бархатными корсажами, дети одеты в белые рубашки с красной вышивкой, на женщинах пестрые шали... Все они входят в церковь и поднимаются на хоры. Вокруг алтаря — знамена и хоругви. Церковь утопает в цветах: в течение недели дети собирают в лесах и полях цветы и зелень, а женщины делают из них украшения для интерьера. Церковь, иногда очень небольшая, порой не вмещает всех желающих <...>. Все участвуют в церемонии и поют на своем языке старинные гимны»⁴⁴.

Помимо этого описания, следует упомянуть также повторяемые действия: «воскресную одежду» бережно хранили, стирали, крахмалили, гладили, по субботам детей мыли в большой лохани — повседневный ритуал поддерживался, несмотря на эмиграцию. Некая романистка описывала итальянку, «очарованную тем, что польки крахмалили все, включая постельное белье. А как они стирают! Умудряются отстирать едкий пот своих мужей. Накрахмаленные ткани меньше пачкаются. Крахмал они делают сами, разводят муку в небольшом количестве воды, а потом выливают в большой чан с кипящей водой и интенсивно перемешивают верхушкой рождественской ели, бережно хранимой годами для этих целей. Если нет лишней муки, используют картофельный сок. Полученную тем или иным способом смесь фильтруют через сито и добавляют к ней немного синьки, от чего белью потом сверкает»⁴⁵. Эти действия, передаваемые от матери к дочери, женщины повторяли изо дня в день, потому что через повторение ритуала утверждалась роль женщины и идентичность группы.

Религиозное рвение — одновременно каждого члена сообщества и всех вместе — было тесно связано с традиционными нормами, в частности с традиционными гендерными ролями.

Отношения с неполяками оканчивались сразу после рабочего дня, и это не было случайностью. Дружеские и семейные отношения строились внутри группы. Этим объясняются и редкие случаи женитьбы поляков на француженках, хотя количество таких браков увеличилось с 5% в 1914 году до 9% в 1924-м.

За стенами польских домов

Также сообщается, что «в домах чистота, они отлично содержатся, несмотря на большое количество детей»⁴⁶: женщины прекрасно справлялись со своей традиционной ролью. В польских интерьерах и в самом деле была «особая оригинальность, которую не уничтожили ни серийные постройки, ни дешевые строительные материалы, купленные во Франции. На стенах висели раскрашенные гравюры, как правило на религиозные сюжеты, или портрет какого-нибудь знаменитого поляка. На длинных лентах, висевших на стенах или спинках кресел, были вышиты разные девизы, добрые пожелания, цитаты из Евангелия. На кроватях — огромные перины, иногда заменявшие простыни. Повсюду фотографии, в основном запечатлевшие общество, к которому относятся члены семьи»⁴⁷.

Чистота жилища заслуживает тем больше похвал, что иммигранты, как и все народы, перешедшие к городскому образу жизни, часто жили в грязи. Бельгийское, голландское, швейцарское и итальянское правительства отмечают ужасающее состояние жилья рабочих-мигрантов, что, впрочем, было свойственно и домам французских крестьян. Даже в рабочие поселки электричество было проведено с опозданием. Городок Мансьель был первым в регионе Брие, куда провели электричество при строительстве, в 1912–1913 годах, и он долгое время считался образцовой моделью. В Обуэ в дома рабочих электричество будет проведено в 1928–1931 годах, водопровод появится лишь в 1945-м, газ — в 1955-м⁴⁸. Один досрочно вышедший на пенсию бригадир рассказывал: «Когда мы приехали из Италии, я был совсем маленьким. Помещения освещались

крошечными масляными лампами. Помню, что мама по вечерам ставила на стол одну, две, три такие лампы. Еще я помню, что мы спали впятером в одной кровати, мальчики в изголовье, девочки в ногах»⁴⁹. Жилье, вода, гигиена — эти проблемы будут решены для иммигрантов лишь после II Мировой войны.

Если, несмотря на тяжелые условия, мигранты старались сохранить в интерьерах своих домов воспоминания о родине, то уж в еде их идентичность проявлялась наиболее ярко. Неоднократно отмечалось, что кулинарные привычки наиболее трудно поддаются аккультурации. В рабочих поселках Лотарингии, населенных представителями самых разных национальностей, по вечерам «по улицам распространялись кухонные запахи, которые могли сказать о хозяевах домов больше, чем удостоверения личности»⁵⁰. Польские женщины каждую осень квасили капусту в больших бочках, заливая ее специальным рассолом. Судя по процветанию колбасных лавок, расположенных вокруг польских «колоний» на севере Франции, уровень потребления колбасных изделий и картофеля был весьма высок. Все очевидцы без исключения отмечают, что поляки пили много спиртного.

Итальянки же готовили гораздо более легкую пищу. Стараясь экономить по всем статьям расходов, итальянские рабочие часто недоедали и получали мало энергии по сравнению с тем, сколько ее тратили. Очень часто, как пишет Жорж Моко, по возвращении с работы их ждал лишь овощной суп, рис, макароны и *полента* из кукурузы и каштанов. Однако в праздничные дни ритуальным образом готовилась *паста* по рецептам родной деревни, а по самым большим праздникам на столах появлялось мясо. Именно мясо после II Мировой войны станет основным мерилем благополучия и, следовательно, успешности эмиграции.

Одевались поляки и итальянцы по-разному. До II Мировой войны поляки, более организованные и помнящие свою национальность, старались одеваться по-своему не только

на воскресную мессу, но и ежедневно. Мальчики в то время стали носить черные фартуки, ранцы и беретки маленьких французов на бритых головах, а девочки, идя в школу, поверх черных фартучков надевали польские переднички, расшитые пестрыми цветами, и шали с бахромой, а в светлые косы вплетали красные ленты. Маленькие итальянцы, если семейный бюджет позволял, не отличались от своих сверстников-французов. Что же касается итальянцев-мужчин, то в будние дни они одевались очень скромно и небрежно, зато по праздникам наряжались с шиком, принятым в их родных местах. Камзи сдержанно пишет: «По воскресеньям и праздничным дням большинство итальянцев просто не узнать, на фоне их элегантности более обеспеченные служащие выглядят бледно. Они надевают костюмы из тонкой светлой шерсти, парусиновые туфли с лакированными носами, повязывают сногшибательные галстуки и иногда дополняют свой туалет тростью и перчатками»⁵¹.

Общественная жизнь и идентичность

Выбиравшиеся по национальному признаку занятия в театральные, музыкальные кружках и особенно спортом в нерабочее время укрепляли внутренние связи «колонистов», усиливали чувство принадлежности к особой группе. Повсюду, где было много поляков, как пишут Стефан Влоцевский и Жорж Моко, чудесным образом возникали всевозможные общества и объединения. В Союзе польских рабочих во Франции насчитывалось 182 филиала и 16 000 пайщиков. Росло количество польских газет (в 1932 году Ж. Моко называл около пятнадцати); в эпоху, когда телевидения еще не было, именно газеты поддерживали общественную жизнь иммигрантов и одновременно знакомили их с Францией. Помимо регулярных развлечений на национальной основе, идентичность иммигрантов утверждалась в праздничные дни. До войны поляки, связывавшие свою национальную идентичность с религией, горячо поддерживали традиции родной страны. Романистка

оставила нам свидетельство о том, как пышно праздновалось Рождество в польской колонии в Лотарингии. На Рождество каждая семья получала от родни, оставшейся в Польше, большие гостии — лепешки из пресного теста, использовавшиеся во время причащения и напоминающие о Тайной вечере. Эти гостии бережно хранились до Сочельника, когда все соблюдали строгий пост, пили лишь черный чай и ели селедку. В течение дня готовились к праздничному ужину. Елку украшали разноцветными свечками, длинными бусами — неотъемлемой частью фольклорных костюмов, маленьким песочным печеньем, завернутым в фольгу, и искусственными цветами. В семь часов вечера вся нарядно одетая семья стояла вокруг накрытого стола. Отец зажигал свечи на елке и читал молитву. Затем брал свою часть гостии, поворачивался к супруге и произносил три пожелания, каждый раз отламывая по кусочку от гостии и съедая его. Его жена делала то же самое, и так по кругу вся семья делилась пожеланиями и передавала друг другу кусочки гостии. На Рождество на столе было двенадцать блюд: перловая каша, свекла, морковь, гречневая каша, белая фасоль, квашеная капуста, чернослив, макароны, грибы, селедка, сдобные булочки с маком, шарлотка. В ожидании полуночи взрослые и дети пели псалмы и молились. После полуночной мессы приглашали соседей и пили кофе с пирожными, ели фрукты. На следующий день, если поблизости была польская школа, под руководством учителя разыгрывали сценки на польском языке, пели песни. В итальянских семьях также сохранилась традиция ставить на стол двенадцать различных блюд и, конечно же, ходить на мессу⁵².

Перед Пасхой, в Чистый четверг, итальянки и польки, как и француженки, тщательно убирали дома. В рабочих поселках хозяйки соревновались: чья бельевая веревка нагружена сильнее, кто энергичнее выбивает ковры и перины, у кого стекла в окнах блестят ярче. В Святую субботу некоторые итальянцы отмечали Глорию — омывались святой водой и ели хлеб

или сдобную булочку с глотком белого вина. Поляки носили в церковь для освящения двенадцать блюд, приготовленных для пасхального стола: яйца, соль, хлеб, колбасу, сыр, хрен, гусятинный паштет, масло, кофе, молоко, сахар, сдобу. После того как вся семья стоя пропойет Алилуйю, мать — именно ей доставалась эта честь — благословляла дом, членов семьи и, при помощи самшитовой палочки, разделенной на двенадцать частей, все двенадцать блюд на столе.

День всех святых — день поминовения усопших, широко отмечаемый в Италии, прижился и в Лотарингии, тем более что, как отмечает Жерар Нуарьель, несчастные случаи со смертельным исходом в шахтах не были редкостью. «На кладбище по вечерам в этот день на каждой могиле горели свечи или масляные лампы <...>. Я не знаю, означало ли это, что мертвые оживали, но я это запомнил. Еще я помню, что на День всех святых было принято ставить на маленький столик, покрытый вышитой скатертью, фотографии покойных, зажженные свечи и букеты хризантем. Нам полагалось сидеть рядом с этим столиком и думать о покойных»⁵³.

Дети мигрантов

Если взрослые мигранты старались вести ту же частную жизнь, что и на родине, то с их детьми дело обстояло иначе. Существует масса свидетельств того, что мигранты оставались в той или иной степени иностранцами в новой для себя стране, но их дети стали французами не только по гражданству, но и по культуре, даже если кто-то и продолжал ощущать эмоциональную связь с родиной родителей.

В 1932 году Жорж Моко отмечает, что в особенности девочки очень быстро адаптируются к нормам общества, где им предоставляется большая свобода. Быстрой и эффективной ассимиляции детей мигрантов способствовала начальная школа, где царили часто травмирующие авторитарные порядки и властвовали учителя-ксенофобы, о чем вспоминают Анна-Мария Блан

и Жерар Нуарьель. «Все опросы, проводившиеся среди учителей, показывали, что маленькие итальянцы ассимилировались быстро и без проблем»⁵⁴. То же самое касалось и польских детей — это подтверждается тем, что, повзрослев, многие из них стали священниками и учителями. Множество детей иммигрантов получило образование во французской системе образования, эффективность которого оказалась, таким образом, весьма высока. Жан Вильмен де Мутье писал: «Надо признать, что люди ассимилируются просто прекрасно. Оглядываясь назад, я не могу понять, как это происходит; сюда приезжали итальянцы, ни слова не понимавшие по-французски, но их дети ходили в школу, воевали и очень часто попадали в плен. Они французы в большей мере, чем я. Они не были обязаны это делать, но делали. Поразительно видеть это»⁵⁵. Ф. Маттене писал в 1931 году: «Итальянцы ассимилируются лучше всех — без сомнения, благодаря тому, что у нас с ними общие латинские корни; их дети ходят в наши школы, говорят исключительно на нашем языке, часто имеют аттестат об окончании школы и ничем не отличаются от своих товарищей, родившихся во французских семьях: у них наши вкусы, наши нравы, а в двадцать лет они записываются в новобранцы».

По прошествии времени становится понятно, что ассимиляция детей итальянских и, в меньшей степени, польских мигрантов, несомненно, обогатила французскую нацию. При этом не стоит забывать враждебность и презрение, с какими долгое время относились к «макаронникам» и «пшекам».

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ. МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН МАГРИБА

После войны наступил новый этап иммиграции. На смену полякам и итальянцам пришли испанцы, португальцы, югославы, турки, выходцы из Северной Африки. Последние составляют

в настоящее время наиболее многочисленную группу. Изменилась сама природа миграции: доля тех, кого на чужбину гонит голод и нищета на родине, сократилась в пользу миграции, ставшей для многих формой социальной мобильности. Если нелегальная иммиграция, вызванная нищетой, не исчезла полностью — трущобы на парижских окраинах, населенные в основном мигрантами, но не только ими, существовали вплоть до конца 1960-х годов, — то в «золотой век» французской экономики, с 1950 по 1975 год, коренным образом изменились материальные условия жизни французских рабочих, в том числе мигрантов: современное жилье, несравнимое с довоенным, бытовая техника — все это способствовало уравниванию материальных форм повседневной жизни, в то же время не вызывая единообразия в жизни частной. Для мигрантов, живущих семьями, частная жизнь остается, как и в предыдущий период, специфической, тем более что контроль со стороны «землячества» силен, и такие области частной жизни, как еда, стиль отношений в семье и с другими членами сообщества, а также отношения между мужчинами и женщинами, изолированы от общественной жизни в целом, в частности от жизни профессиональной.

*Давление социальной группы
и индивидуалистские тенденции в поведении*

Эту трансформацию лучше всего иллюстрирует пример иммигрантов из стран Магриба. За первой фазой иммиграции, в ходе которой приехавший на работу человек оставляет себе сумму, необходимую на питание, а большую часть заработанных денег отправляет на родину, следует вторая. Теперь все меняется, и большая часть денег оставляется себе, а родным отправляется в лучшем случае сумма, достаточная для пропитания. Мигранта обвиняют в неблагодарности, используют все средства, чтобы укрепить его связи с семьей и оправдать требования денег. Если человек женат, его жена и дети

остаются в качестве заложников под присмотром свекра или братьев мужа, и это становится самой популярной мерой для обеспечения денежных поступлений. Иммигранты постепенно ассимилируются во французском обществе. Те, кто уехал в детстве и юности, более образованны, чем мигранты первой волны. Начальная школа научила их языку и привила ценности французского общества. Они подвергáются соблазну узнать о нем больше, выйти из сегрегации, навязанной предшественниками самим себе, и столкнуться с той, что теперь предлагает им общество. Индивидуалистское поведение создает напряжение в отношениях с привычными родителями устоями или даже разрыв с ними, но при этом не делается попыток интеграции. Некоторые переходят от жесткой экономии к потреблению. По примеру рабочих-французов они покупают себе выходную одежду, постепенно начинают выходить в город, в кафе, в кино, по субботам — на танцы. Однако здесь они порой сталкиваются с жестокими проявлениями расизма, что заставляет их вернуться к своим.

Высшее проявление интеграции — женитьба на француженке — удел немногих. Она означает двойную изоляцию: рвутся отношения с семьей и одновременно с этим с друзьями и родственниками, живущими во Франции. Вхождение в семью и дружеский круг жены, которая часто бывает коллегой по работе или соратницей по профсоюзной или политической деятельности, может быть достигнуто лишь ценой расставания с семьей. Это означает практически полное прекращение денежных переводов на родину, разрыв привязанностей, невозможность по возвращении домой занять видное место в социальной системе родной деревни благодаря выгодной женитьбе. Этот разрыв распространится и на потомство смешанной семьи, и позор, вызванный мезальянсом, покрывает всю семью, по крайней мере на какое-то время.

В этой фазе иммиграции, затрагивающей пока в основном мужчин, приехавших без семей и проживших во Франции

довольно долго, появляется расизм, вызванный контактами с французским обществом и частичным отказом от этого человека его родной среды. Вернувшись на родину, он продолжает носить европейскую одежду, у него есть деньги, иногда — автомобиль, он пьет вино или пиво — все это делает его в глазах родни иностранцем. Вернуться в деревенское сообщество ему трудно. Пребывая на родине, он держится в стороне от повседневных проблем своих родных и их образа жизни. Он как бы родственник, приехавший в отпуск, настоящая жизнь которого находится где-то в другом месте. Держась вне группы, он становится предметом для подражания в глазах образованной местной молодежи, мечтающей покинуть родину. Ребята перенимают его манеру вести себя, стараются одеваться как он, начинают курить иностранные сигареты. В семье разгораются конфликты и на почве денег. Первоначально уехавший на заработки во Францию отдавал все деньги отцу или старшему брату. Взамен на это он имел право на часть семейной собственности, приросту которой способствовал его труд. Не выходя из доли совместной собственности, мигрант 1950-х годов в первую очередь желал построить собственный дом. Если он посылал семье деньги именно с этой целью, то отваживался заговорить об этом. Иногда приходилось предусматривать в новом доме несколько комнат для братьев и их семей, однако традиционный порядок распределения помещений вскоре перестал соблюдаться. Мигрант претендует, таким образом, на роль главы семьи вместо отца и старших братьев, каким бы по счету сыном в семье он ни был.

Его пищевые привычки распространяются на семью. Вместо того чтобы довольствоваться скромной деревенской пищей, он покупает мясо и овощи в городе, с подозрением относясь к качеству и свежести продуктов с соседнего рынка. Макароны, рис и жареная картошка вытесняют из рациона кускус. Мясо теперь не только по праздникам. Газированные напитки и кофе конкурируют с мятным чаем.

Иммиграция во Францию семьями

Третья фаза иммиграции — иммиграция из стран Магриба целых семей, что наблюдается в наши дни. Процесс начался в 1960-е годы, после обретения Алжиром независимости. Он стимулировался многими факторами: во-первых, улучшением жилищных условий — иммигранты получили доступ к HLM, жилью по доступным ценам, во-вторых, стремлением дать детям лучшее, чем в Северной Африке, образование, желанием получать достойное медицинское обслуживание, а также психологическим и социальным разрывом с деревенской средой.

С прибытием во Францию женщин и детей понятие «частная жизнь» для выходцев из Северной Африки становится осмысленной. Жизнь пары сильно отличается от той, что она вела на родине. Несмотря на слабые связи с французами, модель жизни семьи заимствуется у них. В особенности трудно адаптируются к новой жизни женщины. Одиночество в не всегда пригодных для жилья квартирах, незнание языка, непривычный климат — настоящее испытание для них. Нередко можно услышать, что женщина плакала в течение двух лет, прежде чем привыкла жить во Франции. Если поблизости нет соседок-арабок, к которым можно было бы ходить в гости, одиночество женщин-эмигранток может быть полнейшим. Язык изучается скорее через мужа или при помощи соседок, нежели в учебных заведениях. Проникновению французского языка и французской культурной модели в дома мигрантов способствовало радио и в особенности телевидение. Оно дало возможность наблюдать за жизнью французского общества и при этом не находиться под наблюдением со стороны французов, не подвергаться опасности столкновений с проявлениями расизма и недоброжелательности. Иногда недостаточно и года, чтобы женщина привыкла отводить детей в школу, ходить по магазинам или посещать официальные учреждения.

Покупки часто совершались под контролем мужа. Отоваривались либо у коммерсантов-соотечественников в своем квартале, либо в супермаркетах. Мужчины и дети одевались по-европейски, а женщины продолжали носить длинные платья, хоть и отказались от паранджи. Иногда в повседневной жизни носили джеллабу*, а платья оставляли на выход. В целом европейская одежда признавалась всеми, даже если и были попытки ограничить «злоупотребление» ею женщинами и девочками. Некоторые мужчины по выходным дням носили джеллабу и тюрбан. В то же время одежда перестала быть отражением религиозной или национальной идентичности.

В конце 1980-х годов девушки стали появляться в парандже в общественных местах (на улицах, в школах, в университетах, в больницах), что вызвало конфликты с французским обществом. Это была немногочисленная группа женщин, часто современных и весьма образованных, которые хотели соединить интеграцию и утверждение национальной идентичности. Подобное поведение сродни отдельным «выходкам» феминисток, оно позволяло женщинам-мусульманкам требовать права на получение образования и в то же время не отрываться от своих традиционных ценностей. Стремление к самостоятельности в сочетании с утверждением религиозной идентичности не принимается французским обществом, оно символизирует, с одной стороны, подчиненность женщины исламскому порядку, а с другой — попытки обратить окружающих в свою веру в публичном пространстве. Даже когда этот факт принимается, он является нарушением привычных схем. Ношение традиционной одежды свойственно меньшинству женщин; встречается оно и среди мужчин, и отношение общества к этому более спокойное.

В среде иммигрантов поддерживается национальная кухня. Приготовление магрибских блюд требует времени и продуктов, которые не так легко найти. Специфику блюдам придают

* Традиционная одежда стран Магриба. Джеллабу носят и мужчины, и женщины.

пряности. В блюда кладется значительно больше риса, картофеля или макарон, чем на родине. Некоторые продукты, например кисломолочные, стали производиться молочной промышленностью — среди мигрантов спрос на них был высок. Мясо — это целая проблема (в связи с ритуальными убийствами животных). Экономическая целесообразность требовала отступления от этих традиций, за исключением праздничных дней. Доступность морозильных камер смогла сочетать религиозные предписания и попытки снижения цены на мясо: несколько семей покупают животное, ритуально его забивают и делят мясо между собой.

На протяжении нескольких лет общественные службы совместно с мусульманскими организациями предпринимают усилия, направленные на примирение растущего спроса на ритуальный убой скота, в частности на праздник жертвоприношения Курбан-байрам, правил гигиены и принципов защиты животных.

В целом можно сказать, что расширение сети магрибской торговли в мелких магазинах и на рынках, а также присутствие женщин в доме вернули вкус к традиционной арабской пище, которую мигранты-одиночки ели, лишь возвращаясь на родину или в небольших ресторанах, где собирались земляки. Чай с мятой остался символом дружеского общения. Но с ним конкурирует алкоголь, когда мужчины общаются между собой или же со своими французскими товарищами. Он также помогает отвлечься от жизненных неурядиц, тяжелой повседневной работы и страха потерять свою идентичность. Магрибские кафе появились в первые годы иммиграции, их существование облегчало общение. Фронт национального освобождения Алжира установил в них телевизионные антенны. Тем не менее, возвращаясь на родину, временно или навсегда, большинство мигрантов прекращали употреблять алкоголь. В семейной жизни алкоголь в основном запрещен дома, но к выпивке мужей вне дома отношение терпимое,

по крайней мере пока они продолжают должным образом содержать семью.

Интерьер домов мигрантов — это пример компромисса двух культур. Из французской культуры перенимаются такие вещи, как столы, стулья и особенно бытовая техника, которой накапливается очень много, если семья живет в достатке. Набор техники дополняется цветным телевизором, иногда подержанным видеоманитофоном, радиоприемником с кассетным магнитофоном. Черты родины обнаруживаются в арабской вязи, картинках с изображением Мекки или родных мест, бархатных драпировках, медных блюдах, развешанных на стенах. Иногда восточную нотку интерьеру, схожему с интерьером французов, придает диван-банкетка, на который можно уложить спать приехавшего погостить друга или родственника.

Обновление религиозного сознания

Семейная жизнь благоприятствует обновлению религиозного сознания. Обрезание мальчикам делается теперь во Франции, а на первом этапе иммиграции предпочитали дождаться для этого возвращения на родину. Родители-иммигранты ищут неустойчивое равновесие между исламским воспитанием, которое они стараются дать детям, и ценностями, приживаемыми французским обществом и школой. Детский сад и начальная школа в целом благосклонно принимаются родителями, потому что такая система предполагает, что детей берут на несколько лет, но существует опасение полного их погружения во французскую среду, потому что школа для юных арабов — это место, где они встречаются с французскими сверстниками и поначалу ассоциируют себя с ними. Лучше говоря по-французски, чем родители, мальчики начинают восставать против власти отца, образ которого связан для них с тяжелым физическим трудом, которого они не хотят для себя. Понимая арабский язык, они отказываются говорить

на нем, переименовывают в компании свои имена на французский лад. Однако вскоре они понимают, что их мечта влиться во французское общество неосуществима, и им приходится возвращаться к своей магрибской идентичности, содержание которой им не совсем понятно. Родители же рассматривают французскую школу как средство для детей поправить в будущем свое социальное положение, но в то же время ставят ей в упрек, что она не прививает арабским детям уважения к их исконным ценностям.

Религиозное образование, даваемое в семье или в общине, представляется иммигрантам лучшим способом победить эти тенденции и переехать во Францию навсегда, не изменяя при этом собственным убеждениям. Очень часто усилия, затрачиваемые на изучение арабского языка и Корана, не так эффективны и престижны, как обучение в школе, особенно для девочек. Потребности в религиозном образовании удовлетворяют курсы при мечетях, функционирующие по средам и воскресеньям. Посольства стараются включить изучение религии в свою сферу влияния, чтобы сохранить благодаря этому контакт с бывшими соотечественниками. Семьи тоже принимают участие в этом процессе, иногда используя для этих целей видеокассеты с записью уроков по изучению Корана, которые они берут в исламских библиотеках, а иногда даже для стимулирования интереса учащихся им показывают фильмы, например «Мухаммед — посланник Бога», в котором Энтони Куинн сыграл роль компаньона Пророка, или даже мультсериал «Грендайзер» на арабском языке, дублированный в Ливане.

Религиозная специфика создает больше проблем, чем национальность, по поводу которой все готовы идти на компромисс, правда без особого энтузиазма. Религиозное обновление проявляется, в частности, в соблюдении поста в Рамадан. Поведение, как представляется, связано с чувством, что пребывание во Франции — это навсегда. На предыдущих этапах иммиграции люди с большей легкостью относились к тому,

чтобы подчиниться ритмам жизни принимающей стороны и обычаям французского общества, разве что не ели свинину и не пили алкогольных напитков. Возвращаясь на родину на Рамадан, они попадали в дружескую обстановку ночных посиделок. Во Франции это вызвало бы конфликты с соседями. Регулярные посещения родины помогали «искупить» нарушения правил, вызванные жизнью в эмиграции. За последние десять лет тенденция демонстрировать свою религиозную идентичность усилилась. Мусульманская семья сознает свою специфичность, свои собственные моральные правила. Некоторые мигранты, кто не строго следовал всем религиозным установкам, пользуются Рамаданом как поводом бросить курить или пить спиртное. Обновилось и отношение к закяту — обязательной милостыне-налогу, которую платят в конце Рамадана. Мусульманские общины и мечети во Франции собирают все больше денег.

Настоящие праздники — это мусульманские праздники, и главный — Курбан-байрам, почитающий жертву Ибрахима. По возможности его стараются проводить на родине, потому что во Франции его проведение затруднено: трудно достать живого барана, трудно держать его у себя и потом в нужный момент принести в жертву — это сопряжено с конфликтами с соседями*. Невозможность получить отпуск на время религиозных праздников воспринимается мусульманами как несправедливость. Если прочие французские праздники рассматриваются просто как выходные дни, то Рождество и Новый год с елками и подарками для детей постепенно приходят в мусульманские семьи.

* Мусульманам непонятно отвращение, которое вызывает присутствие барана в квартире и приношение его в жертву. Они, в свою очередь, крайне редко держат у себя домашних животных, и содержание огромного числа собак в домах французов вызывает у них шок. Для них собака имеет вдвойне негативную коннотацию — во-первых, в связи с исламской традицией и, во-вторых, по причине часто враждебного отношения к ним со стороны владельцев собак. — *Примеч. авт.*

Развлечения

Французское общество влияет и на развлечения мусульман. Помимо телевидения, значительную роль в этом играют улица и магазины. В супермаркеты приходят не только за покупками. Коллективные походы по супермаркетам в выходные дни — наиболее яркие моменты семейной жизни. Здесь можно наблюдать за жизнью французского общества, общества потребления. Разнообразие товаров привлекает и создает впечатление доступного богатства. Азартные игры, пари, лотереи более подходят французскому жизненному укладу, нежели мусульманскому, но они заняли в повседневной жизни арабов существенное место. Постепенно увлечение этим дошло и до Северной Африки. Мухызу в основном по-прежнему слушают арабскую. Как правило, она записана на кассеты, но сегодня существуют частные радиостанции, по пятницам передающие молитвы из Мекки.

Телевидение и школа становятся инструментами ассимиляции. Они тем более эффективны, что одобряются родителями. Однако мигранты осознают опасность полной ассимиляции. Это тревожащее чувство часто вызвано обвинениями со стороны главы семьи. Пугающий образ брака с французами-немусульманами рассматривается как следующий этап потери коллективной идентичности. Тревогу вызывает в основном поведение девочек, склонных к индивидуальной самостоятельности и в целом более восприимчивых к моделям поведения, которые они видят в школе.

Брачные стратегии

Стратегии создания семьи все еще ориентированы на модель, принятую на родине, однако постепенно и в этой сфере появляется разнообразие. Идеальным для мужчины считается брак с девушкой из родной деревни, которую ему выбирают в жены родители, иногда речь может идти о двоюродной или троюродной сестре. Однако отнюдь не все подчиняются семейному диктату, некоторые молодые люди женятся на француженках

или иммигрантках из других стран — например, из Португалии или Югославии. Разрыв с семьей драматичен, но наблюдается все чаще — в основном это касается девушек, отказывающихся выходить замуж и возвращаться в родную деревню. Они предпочитают порвать с семьей, а не подчиниться ее требованиям. Девочки больше мальчиков думают о том, чтобы хорошо учиться в школе, им импонирует французская модель жизни в паре, в которой категорически отрицается традиционная роль женщины, настойчиво предлагаемая отцом или братьями. Они борются за свою независимость, рискуя разорвать отношения с семьей, и ни в коем случае не желают возвращаться на родину — возвращение означало бы потерю свободы. Рождаемость в семьях мигрантов сокращается, тем не менее у мусульман детей больше, чем у французов. У первого поколения приезжих уже не девять-десять детей, как это принято на родине, а пятеро-шестеро, а у следующих поколений — трое-четверо.

Где умирать мигрантам?

Ритуал смерти, как и свадьба, возвращают контакт с родиной. В идеале старость должна проходить на родине, в большом доме, среди своих, и лишь земля ислама дает возможность правоверному безмятежно ждать смерти. Однако сегодня возвращение на родину в старости означает отрыв от детей и внуков. Многие предпочтут остаться во Франции, распорядившись похоронить себя на родине. Для других же земля страны пребывания с ее мусульманскими общинами, мечетями и молельными домами становится достаточно священной, чтобы быть в ней похороненными. Эта эволюция означает новый этап в отношениях с французским обществом. Арабы из стран Магриба, переехавшие во Францию, уже не иммигранты, еще не граждане страны в полном смысле слова, но члены сообщества, стремящегося к тому, чтобы его существование было признано.

После 1990 года ужесточение визовой процедуры для иммигрантов, вернувшихся на родину, почти полное отсутствие возможности для родственников, оставшихся на родине, приехать к своим во Францию, как и гражданская война в Алжире, делают разрыв между близкими людьми необратимым. Косвенным образом это усиливает стремление иммигрантов получить французское гражданство.

Как мы уже сказали, невозможно проанализировать частную жизнь всех иммигрантов, уроженцев разных стран и представителей разных культур, прибывших во Францию в разное время и при различных обстоятельствах. Рассмотренные нами примеры показывают разнообразие этапов иммиграции и форм участия приезжих в жизни Франции. Дети поляков и итальянцев, приехавших во Францию в 1920–1930-е годы, ассимилировались и в полной мере участвуют в жизни общества, но многие из них сохранили символические и эмоциональные связи с родиной отцов и дедов. Для французов — детей польских эмигрантов очень важны были новости о движении «Солидарность». Дети эмигрантов из Пьемонта, поступая в университет, часто изучают итальянскую культуру и историю итальянской эмиграции. Надо сказать, что национальное единство не исключает верности родине предков, и парижане бретонского происхождения испытывают интерес к земле своих отцов, пусть их чувства и несколько отличаются от чувств потомков иммигрантов.

Поведение иммигрантов-мусульман и верующих евреев от поведения французов отличается сильнее, так как образ их традиционной частной жизни абсолютно не совпадает с моделью частной жизни общества страны пребывания. Следствием трагизма истории еврейского народа является особая форма интеграции во французское общество и участия в его жизни, со ссылками на собственную культуру и историю. Что же касается мусульман, в данный момент существуют разные формы их адаптации: от желания полностью раствориться

во французском обществе, отказаться от арабского языка и религии, до религиозных притязаний и солидарности с арабами из других стран, которые могут проявляться в неприязни ими евреев. Частная жизнь показывает неоднозначность участия новой иммиграции в жизни страны; в общем плане она демонстрирует разнообразные формы, которые принимают различные по происхождению группы населения, составляя то, что называется французским обществом.

Реми Лего и Доминик Шнаппер

ГЛАВА 4
ИНОСТРАННЫЕ МОДЕЛИ?

Софи Боди-Жандро

Кристина Орфали

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦУЗОВ

В наших силах начать все заново.
Томас Пейн*

СЛОЖНОСТЬ МОДЕЛИ И УНИКАЛЬНОСТЬ МИФА

Можно ли говорить о влиянии американской модели частной жизни на французскую? Частная жизнь, понимаемая как повседневное существование (или ее внешние проявления), подталкивает к положительному ответу на этот вопрос. Идет ли речь о джинсах, о толстовках с символикой якобы американских университетов, о фастфуде, о музыке, которую слушают в зале или на ходу в плеере, о *franglais* (франглэ) — смеси французского языка с английским, об американском паломничестве, которое должен совершить каждый студент и каждый преподаватель, желающий добиться дополнительного подтверждения своего статуса, о кино, сериалах, детективах *made in USA*, — экономическое влияние дублируется культурным. На уровне повседневности можно говорить об американизации Франции.

Однако в плане личной жизни, в особенности жизни тайной, которая является предметом нашего исследования, ответ

* Томас Пейн (1737–1809) — американский философ, писатель, политик, один из «отцов-основателей» США. — *Примеч. ред.*

не столь очевиден. Пространственно-временные отношения, накопленный опыт, представления — оценить все это поможет лишь межкультурный подход. Соединенные Штаты, население которых в основном составляют потомки переселенцев из Европы, создали *American way of life*, американский стиль, который, несмотря на различия, а может быть, благодаря им, имеет специфический и в то же время унифицирующий характер. Словно обратной подачей, Америка возвращает нам сложную культурную систему, нормы и коды которой интерпретируются европейцами в зависимости от своего собственного происхождения. Это возвратно-поступательное движение оставляет видимые следы на частной жизни французов, но для большинства наших соотечественников важен скорее американский миф, подпитывающий воображение, нежели американская действительность.

Как писал Клод Леви-Стросс в «Структурной антропологии», «цель мифа — дать логическую модель для разрешения некоего противоречия»*. Американский миф, усвоенный французами, или, вернее, американская действительность, ставшая упрощенным мифом, результат одновременно месседжей американских СМИ и ожиданий французской публики, — является ли его целью преодоление противоречий (даже противостояния) между двумя системами (или комплексами систем), расхождения между которыми тем более «существенны», что они скрыты?

Доминирующая страна всегда навязывает свои культурные коды — или некоторые из них. Если во вчерашней Европе повсюду появлялись имитации Версаля, то сегодня — многочисленные уменьшенные копии Всемирного торгового центра. Раньше французский язык был средством международного общения в Европе; теперь же английский — прежде всего его американский вариант — язык международного общения

* Пер. Вяч. Вс. Иванова.

во всем мире. Вчера в Европе царствовала французская кухня; сегодня весь мир ест гамбургеры и пьет кока-колу. Что же будет дальше? Или, точнее, в чем суть?

Дворец Сан-Суси не уничтожил немецкую архитектуру, а французские повара, кормившие Фридриха II, — квашеную капусту со свиной. Французские художники, приглашенные Петром I, устраивавшие бесчисленные «версальские праздники», которые очаровывали русскую аристократию, не помешали появлению к началу 1860-х годов Товарищества передвижников — специфически русских художников.

Мы уже вспоминали мысль Хайдеггера о том, что «корень прошлого кроется в будущем». Действительно, понимание прожитой истории заключается в том, как люди рассматриваемой эпохи представляли себе свое будущее. Однако корень прошлого — и в прошлом изучаемого периода. Историю коллективной памяти еще предстоит написать. Пока же напомним, что каждый индивид является продуктом трех историй — истории страны, семьи и своей собственной, и поэтому американец и француз не братья-близнецы.

Комплекс Афин?

Всем, кто теряет силу — будь то один человек или группа, — свойственно разрабатывать стратегии компенсации (как правило, только на словах), беспомощная аргументация которых основана на роскоши прошлого и отрицании того, что в настоящий момент что-то не так. За неимением возможности оспорить техническое и материальное превосходство американцев, отказываясь признавать свою неспособность создать общественную модель, которую можно было бы распространить на весь мир, француз довольствуется тем, что критикует искусство жить по-американски. Макс Лернер отмечает, что европейцы страдают «комплексом Афин» — отождествляют себя с древними греками, а американцев — с римлянами; этот комплекс основан на утверждении, что «побежденный

превосходит победителя, который подпитывается от ума побежденного». Американцы берут количеством, однако мы обладаем качеством; у них мощь, у нас изящество; они богаты, а мы культурны; у них есть будущее, но нет прошлого. Вот темы, без конца муссируемые яростными националистами.

Необходимость межкультурного подхода

Чтобы избежать упрощения, необходим межкультурный подход. Изучающего вопрос историка или социолога поражает разрыв между этими двумя «культурами» в этнологическом смысле слова, так объясненным Клодом Леви-Строссом: «Любая культура может рассматриваться как комплекс символических систем, в первом ряду которых находятся язык, матримониальные правила, экономические отношения, искусство, наука, религия. Все эти системы нацелены на выражение того или иного аспекта материальной и социальной действительности, а также отношений между этими двумя типами реальности»¹.

Имеет ли американское культурное доминирование непризнаваемую силу принуждения, приписываемую Пьером Бурдьё символической власти, «невидимой власти, которая может осуществляться лишь совместно теми, кто не хочет знать, что они от нее зависят или осуществляют ее <...>; это власть подчиненная, измененная, а значит, непризнанная, преобразенная и узаконенная форма других форм власти»?² Мы так не думаем. Конечно, сын служащего метро переименовывается в Эдди Митчела, а Жан-Филипп Смет — в Джонни Холидея. Все европейские дети играли в ковбоев, а Джеймс Дин был универсальным героем, символом «бунта без причины» — право быть символом дала и его образцовая смерть (он получал по семь тысяч любовных писем в день и погиб в возрасте двадцати четырех лет). Американские культурные месседжи, задуманные, сделанные и распространяемые отличными профессионалами, знающими, что их продукция может

экспортироваться только в том случае, если связи со страной производства не слишком прочные, встречаются тем более благосклонный прием, что их размытое содержание (победа добра над злом, патриотизм, отдых воина, одиночество положительного героя перед лицом гнусной «среды») вписывалось в европейский культурный код.

Американский пример или путь к современности?

Теряют ли французы свою идентичность, перенимая американскую модель частной жизни? С чем связаны ощутимые потрясения в приватной сфере жизни наших соотечественников — с общим для всех промышленно развитых, так называемых передовых, стран движением по пути к современности или с примером США? Здесь нас подстерегает ловушка ложных обвинений и коротких, а следовательно, обнадеживающих причинно-следственных связей. Во Франции наблюдается все больше разводов — что это? Французы подражают американцам? Или же этот феномен, свойственный всем западным обществам, объясняется значимыми структурными изменениями, с которыми эти общества смирились? Может ли страна, одержимая духом состязательности, что является условием поддержания статуса сверхдержавы, продолжать промышленный рывок, начатый в XIX веке, не вставая на «американский путь» и сохраняя свои культурные традиции? Для нас очевиден положительный ответ, и пример Японии подтверждает наше мнение. Японские автомобили, на которых ездят американцы, созданы инженерами и рабочими, которые, уходя по окончании рабочего дня из конструкторских бюро и заводских цехов, возвращаются к своей частной жизни, не имеющей ничего общего с американскими кодами приватности*. Завоевание рынка требует знания ожиданий потенциальных

* К сказанному добавим, что специфическая психология «активного» (работающего) японца постепенно перенимается американцами. — *Примеч. авт.*

клиентов, воспитанных в системах иных культур. Однако это тщательное изучение, в котором блистают японцы, не означает имитацию. Так появляются общества — возможно, шизоидные? — история которых проживается в двух темпах: в темпе дополнительной, накопительной истории, «научно-технического прогресса», и более медленном, даже однообразном темпе частной жизни, которая несмотря на инновации, проникающие в нее извне (телевидение), обступающие ее со всех сторон («шум и ярость», необходимость разного рода платежей), осаждающие ее (необходимость давать отпор вызову, приходящему извне), бережет традиции, в основе сохранения которых лежит язык. Если обнаружить признаки американизации можно с легкостью, то постижение степени ее проникновения в сознание французов представляет собой чрезвычайно сложную эпистемологическую проблему. Дело в том, что нам мало что известно о том, как интерпретируют эту модель, престижную и в то же время отталкивающую, те, кто может ее постичь и при этом не «впитать» (в пассивном смысле этого слова: впитать нечто, о чем не просили, или же в активном: впитать то, к чему стремились).

Предположим, что это активное стремление существует. Какая модель является его целью? Калифорнийская? Техасская? Нью-йоркская? А в этом последнем случае что именно? Гринвич-Виллидж? Линкольн-центр? Дома на Пятой авеню с видом на Центральный парк? Или же облезлые фасады Южного Бронкса? В Америке нет американской модели. Соединенные Штаты — огромная, разнообразная, живая страна, в которой постоянно происходят изменения. Для нас, французов, это страна экзотическая. Вскоре после покушения Рейган повторил слоган Национальной стрелковой ассоциации, насчитывающей 1 800 000 членов: «Убивает не оружие, убивает рука». Ничего подобного нельзя было услышать из уст французского президента, уцелевшего после покушения.

ВЕКТОРЫ АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Принудительный соблазн СМИ

Две мировые войны разорили Европу и укрепили доминирующее положение Соединенных Штатов. Промышленность, свободная от принуждений законов рынка, достигла небывалого размаха (иначе говоря, ее развитие стало угрожать промышленности стран-союзниц/конкурентов), людские потери были минимальны (114 000 погибших в годы I Мировой войны, 284 000 — в ходе II Мировой войны, тогда как потери Советского Союза составили 18 миллионов), территория, недоступная для противников, не пострадала. По окончании обеих войн США могли экспортировать в Европу — в частности, во Францию — «культурную продукцию», которая не отвечала в точности ожиданиям, но была принята. Что это, американский «культурный империализм»? Возможно. Но пришлось ли бы ко двору американские детективы (например, романы Чандлера), мюзиклы («Поющие под дождем»), кинофильмы-эпопеи («Унесенные ветром»), телесериалы («Неприкасаемые», «Даллас») и прочее, если бы Европа — израненная, разгромленная, разделенная — смогла освободиться от своего прошлого, забыть обиды и сама создать «универсальные» месседжи, пусть даже «универсальность» была бы при этом маркетинговой и всем бы рулили коммерсанты, а не интеллектуалы? Социология общения учит нас, что принуждать следует через соблазн, о чем бы речь ни шла — о фильмах, джинсах или гамбургерах (Рене-Жан Раво). Именно это позволяет месседжу, культурному или политическому, дойти до адресата. Телевидение, самый современный посредник, не является абсолютным оружием, в противном случае о Лехе Валенсе никто ничего бы не узнал и французские левые не пришли бы к власти в 1981 году. В «принуждении-соблазнении» строго дозируется то и другое, именно

поэтому оно эффективно. Поэтому воздержимся от упрощенного взгляда на американскую медийную систему и не будем видеть в ней лишь «тоталитарную идеократию», замаскированную под либерализм. Распространение «модели» вписывается в чрезвычайно сложный межкультурный контекст. «Обращение целевой аудитории в свою веру» никогда не бывает стопроцентным, удача предприятия зависит скорее от сходных черт «передатчика» и «приемника», нежели от «научного» макиавеллизма первого.

Литература

Успех в Европе книг Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, которого Гертруда Стайн называла «шутком потерянного поколения», — лучший пример этого сходства. Его новеллы, вошедшие в сборники «Эмансипированные и глубокомысленные» (1920), «Рассказы о веке джаза» (1922) и «Все эти печальные молодые люди» (1926) с практически документальной точностью рассказывают о потерянном поколении *roaring twenties* — «ревущих двадцатых», которое могло жить в те «безумные годы» лишь в Европе, где не было сухого закона, или в излишествах американского общества, где «богатые предоставляли другим подметать полы». Взлет и падение «Великого Гэтсби» (1925) принадлежат обществу 1920-х годов — как американскому, так и европейскому, закат которого описывает Фицджеральд. Американский роман не только рассказывает французскому читателю о реалиях частной жизни американцев, но и критикует — порой безжалостно — эти реалии. В этом смысле он отвечает ожиданиям французской интеллигенции, лишенной роли «культурного маяка» и не желающей с этим мириться. Роман Жоржа Дюамеля «Сцены будущей жизни», опубликованный в 1930 году, — милая сказка по сравнению с романом Эптона Синклера «Джунгли», в котором разоблачаются безобразия на чикагской скотобойне, предлагающей потребителю «вместе с говяжьей тушенкой

куски тела рабочего, упавшего в мясорубку в консервном цеху» (в результате того, что история была предана гласности, было проведено следствие, повлекшее за собой некоторые реформы). Имя героя романа Синклера Льюиса «Бэббит» (1920) моментально стало нарицательным, означающим «обычного янки с тейлористскими предрассудками», по определению Поля Морана, написавшего предисловие к французскому изданию, вышедшему в 1930 году. В злополучном агенте недвижимости Фрэнсисе Ф. Бэббите пессимистически настроенный, лишенный Великой войной всех иллюзий пронизательный французский интеллигент, способный к абстрактному мышлению, с удовольствием видит своего антипода: блаженного материалиста, который любит технические новинки, автомобили и почести, и упорно верит, что «все обойдется». В романе «Гроздь гнева» Джон Стейнбек вкладывает в уста Тома Джоуда такие слова: «Я везде буду — куда ни глянешь. Поднимутся голодные на борьбу за кусок хлеба, я буду с ними. Где полисмен замахнется дубинкой, там буду и я. <...> И когда наш народ будет есть хлеб, который сам же посеял, будет жить в домах, которые сам выстроил, — там буду и я»*. Роман вышел в свет в 1939 году, в 1940-м был экранизирован Джоном Фордом, Генри Фонда сыграл главную роль. На французский язык роман будет переведен лишь в 1947 году, одновременно с выходом фильма на наши экраны. Тогда, в начале холодной войны, «Гроздь гнева» подпитывали антиамериканизм французов и очаровывали коммунистов и их соратников, неожиданно унаследовавших идеологию Дюамеля, который видел в американской жизни лишь «вульгарный комфорт, вкус к новому, к серийному производству, к непостоянству, к дрянным товарам, к скорости, к музыке, несущейся из каждого водопроводного крана, к ослепляющей рекламе, к получению удовольствия до потери сознания, к мелким радостям

* Пер. Н. Волжиной.

без будущего». Автор романов о Салавене и «Хроники семьи Паскье» не переставал противопоставлять «народы-созидатели» тем, у кого были лишь «прикладные умения». Если можно так сказать, Жан Кокто метафорически подхватил эту мысль: «У безразличной Франции были полные карманы семян, и она небрежно роняла их. Другие собирали эти семена, увозили в свои страны, где сажали в химизованную почву. Из семян вырастали огромные цветы без аромата». Сдержанная зависть по отношению к Америке ярче всего проявляется в знаменитой реплике Ле Корбюзье, впервые прибывшего в Нью-Йорк. Его спросили, что он думает о небоскребах, и он ответил: «Они слишком маленькие». Принято с удовольствием вспоминать, что Владимир Татлин, хоть и русский, но все же благодаря дружбе с Пикассо немного француз, в 1919 году задумал строительство «башни Татлина», или «Памятника III Интернационала», сооружения головокругительной высоты, которое, к сожалению, не было построено. Пресса была тут как тут. Журналисты чувствовали себя обязанными удовлетворять любопытство публики, очарованной блеском США, но вели себя достаточно сдержанно. Приведем лишь один пример: в 1937 году Жан Пруво начал выпускать журнал *Marie Claire*, в котором одновременно осуждалась «искусственная» жизнь, причем осуждение было отмечено печатью «безжалостной» *struggle for life*, борьбы за жизнь, и печатались статьи, вдохновленные американским образом жизни, восхваляющие строгие диеты, прием витаминов, чистоту тела и благотворный эффект физических упражнений.

Американские фильмы

В межвоенный период путешествия были редкостью, поездки в Америку были делом бизнесменов и богатых туристов. Незнакомый американский мир приходил к нам через кино. В те времена в субботние и воскресные вечера кинематографические «мессы» собирали целые семьи, и вестерны, мюзиклы

и детективы стали частью частной жизни зрителей. Кинематограф давал людям именно то, чего они от него ждали: американский миф, а не американскую действительность, которая была не нужна французам, убежденным, что лишь их образ жизни, складывавшийся тысячелетиями, является правильным. Им нужен был Аль Капоне или гангстеры, лишь бы они оставались в Чикаго, а в Монтаржи жизнь продолжала быть безопасной. Они с интересом смотрели на скорое на расправу правосудие Дикого Запада и коррумпированность шерифов и чиновничества. Они тем более любили смотреть про то, как героические пионеры ехали в своих повозках все дальше и дальше к Тихому океану, что эти фильмы помогали собрать на воскресный обед детей и внуков. Кинематограф показывал контрмодель, то, что люди хотели для других, но не для себя; а может быть, где-то в глубине души они и хотели бы немного познать свободу и мечту. Кино скорее снимало комплексы, а не побуждало к подражанию, расслабляло, а не мобилизовало. Заокеанские триллеры не превращали порядочных молодых людей в гангстеров: благодаря им можно было «выпустить криминальный пар» и не переходить к преступным действиям. Надо учитывать, что американская кинопродукция потреблялась «широкой публикой», не разделявшей сдержанности элиты: фильм «Певец джаза» продержался на экранах сорок восемь недель, в 1929 году его посмотрели 500 000 человек; первые фильмы про Микки-Мауса в «Парамаунте» показывались с 9 утра до 2 часов ночи. В 1917 году Эптон Синклер утверждал, что «благодаря кино мир унифицируется, то есть американизируется». Неужели?

Киножурналы

Для французской интеллигенции и тех, кто считал себя выходцами из «хороших семей», американский народ представлял собой разнородное сборище эмигрантов, многие из которых были «парвеню» и не могли претендовать на «изысканность»,

потому что приезжали за ней в Париж, столицу хорошего вкуса, распространявшую по всему миру платья, духи и кухню. Здесь, само собой разумеется, «все говорят по-французски». Конечно, США помогли победить Германию, но, прибыв к шапочному разбору, потеряли слишком мало людей, чтобы претендовать на военные заслуги, и если они и предприняли наступление на Сен-Миель, то лишь потому, что «пуалю», французские солдаты, подготовили им плацдарм. Именно из выпусков новостей французы узнавали о масштабах и ужасах кризиса в США. Сами французы находились в относительной безопасности, которую приписывали французскому здравому смыслу и «чувству меры», не понимая, что глубинная причина благополучия кроется в технической и экономической отсталости, которая неизбежным образом превращала Францию в страну-музей. А в Америке в 1932 году насчитывалось 13 миллионов безработных, что вместе с семьями означало 30 миллионов человек, брошенных в бездну нищеты, оставленных на милость благотворительных обществ и скупых местных властей — на федеральном уровне не существовало никакой системы страхования от безработицы. На экране мелькали «гувервилли»*, трущобы множились не только по окраинам больших городов, но и в самом сердце Нью-Йорка — между Центральным парком и Гудзоном, где без газа, электричества и тепла ютились семьи безработных, выселенных из квартир, платить за которые они больше не могли. Среди этих безработных были инженеры, учителя, потерпевшие крах предприниматели и разорившиеся рантье — люди если не утонченные, то по меньшей мере почтенные и уважаемые, которых общество, претендующее на «цивилизованность», должно было бы предохранить от подобного унижения. Здесь, в этих киножурналах, было нечему подражать. Принималась лишь заокеанская музыка, презираемая американским мейнстримом, — джаз.

* Разговорное название палаточных поселений, в которых жили потерявшие работу американцы во время Великой депрессии. — *Примеч. ред.*

Джаз

Музыкальное искусство джаза родилось в самом начале XX века в Новом Орлеане, а именно в квартале красных фонарей Сторивилль. Слово «джаз» появилось лишь примерно в 1915 году, и его происхождение неизвестно (возможно, это жаргонный термин, означающий половой акт). В 1917 году пуритане закрыли злачный квартал Сторивилль. Стиль «Новый Орлеан» парадоксальным образом расцвел в Чикаго времен сухого закона. Складывается «джазовая диаспора», которая под разными названиями («старый стиль», «мидл-джаз» и т. д.) утверждается в Европе. Мы не будем проследивать историю одного из крупнейших эстетических течений современности, новоорлеанское — и негритянское — происхождение которого не предвещало его распространения по миру. Напомним лишь, что если французы отдались свингу (слово означает «покачивание», одновременно плавное и резкое), нельзя сказать, что это как-то повлияло на их частную жизнь. В 1918 году по французским городам и весям гастролировали американские военные оркестры, они играли блюз, а удивленная и очарованная толпа танцевала под него. «I have the blues», — говорит чернокожий музыкант, что можно перевести как «на меня накатила тоска». Блюз, родившийся из повседневной жизни угнетенных чернокожих, не революционная песня: он выражает трагическую горечь. Вне культурного контекста блюз, который слушают и под который танцуют, становится фоновой музыкой, и можно предположить, что французы его воспринимали не так, как рабы с хлопковых плантаций Юга Соединенных Штатов. Тем не менее американская песня распространяется по Франции, и микрофон позволяет *крунерам* (Бингу Кросби, Фрэнку Синатре и др.) установить некие интимные отношения со слушателями. Слушатели же, как правило не понимая смысла текста, слышат в этих песнях свое, то, что нужно именно им и чего они ждут, происходит «адаптация» музыки французской культурной практикой. «Американская модель» не навязывается, а подстраивается под местные условия.

ВЕКТОРЫ АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

«Освободители»

Представление французов об американцах изменилось благодаря тому, что за тридцать месяцев — с 7 декабря 1941 года (Пёрл-Харбор) до 6 июня 1944-го (высадка союзников в Нормандии) США практически с нуля создали непобедимую армию. По забыты увертки Рузвельта, когда в июне 1940 года премьер-министр Поль Рейно молил о помощи, и жертвы американских бомбардировок. Освободителей, ослеплявших своим богатством, шумно приветствовали. Со своих чудных автомобилей — джипов — американцы раздавали сигареты и жевательную резинку. Они выглядели беззаботными и уверенными в себе, как бы гражданскими в военной форме, без какого-либо высокомерия победителей. Державшиеся сдержанно левые (в первую очередь коммунисты, которым тогда отдавал голос каждый четвертый) подчеркивали, что вся работа была сделана русским мужиком и что если *GI*, американский солдат II Мировой войны, современная ипостась *doughboy* — солдата I Мировой, столкнулся с обескровленной немецкой армией, это потому, что вермахт понес невосполнимые потери на просторах России. Конечно. Однако факты неумолимы. Париж освободила американская армия, а не русские. Симона де Бовуар ездит по всему Тихоокеанскому побережью, и *Les Temps modernes* публикуют серию ее статей «Америка день за днем», рассказывающих недоверчивым левым об «американском чуде». В те времена невозможно было пересечь Атлантический океан за шесть часов. Тогда самолет еще не лишил человечество чудесных — и долгих — океанских путешествий, когда благодаря встречам на палубах и в каютах пассажиры знакомились со страной, в которую направлялись. У того, кто сегодня вылетает из аэропорта имени Шарля де Голля и приземляется в аэропорту имени Кеннеди, нет ощущения, что он попал в другой мир.

Все международные аэропорты похожи друг на друга. Не так обстояло дело с теми, кто ездил в США за знаниями с «продуктивной миссией». Путешествуя на корабле или на самолете (с промежуточными посадками в Ирландии, на Гренландии или на канадском острове Ньюфаундленд), они собирались открыть будущее для отставшей от освободителей старушки Франции, землю которой четыре года попирали оккупанты.

«Американский шок»

Лучше всего сложную реакцию на потрясение, произведенное американцами, описал Борис Виан. В момент освобождения этому инженеру, трубачу, музыкальному критику, актеру, поэту, романисту, большому любителю поиграть словами, патафизиком, лауреату Нобелевской премии по дерзости (если бы такая присуждалась), пародисту, порнографу — двадцать четыре года. Он утверждает: «Есть только две вещи: любовь к девушкам во всех ее проявлениях и музыка Нового Орлеана или Дюка Эллингтона». В 1946 году он заставил всех поверить в существование американского писателя Вернона Салливана, романуар которого «Я приду плюнуть на ваши могилы» он якобы перевел, а в следующем году издал под своим именем роман «Пена дней», который Раймон Кено назвал самым душераздирающим романом о любви. О той эпохе, когда люди стремились освободиться не только от немцев, но и от всех табу (одно из модных джазовых кабаре так и называлось — «Табу»), рассказывают фильмы Жака Беккера («Свидание в июле», 1949). Любопытство, вызываемое «американской моделью», становится все более острым. На французский язык переводят Сарояна, Дос Пассоса, Миллера (который вызывает скандал), Фолкнера (который сбивает с толку), Колдуэлла, Стейнбека. Соглашение Блюма — Бирнса* «снимают всякие ограничения на импорт американских фильмов». 22 июня 1946 года попавший

* Соглашение, подписанное Францией и США для реализации во Франции плана Маршалла.

в затруднительное положение Леон Блюм признает, что он вынужден был подписать эти соглашения «в порядке благодарности Соединенным Штатам». В результате началось вторжение на наши экраны старых американских фильмов, уже окупивших затраты на производство показами в США и потому поставляемых на французский рынок по низким ценам. В первой половине 1947 года в кинотеатрах показывают 338 американских фильмов и только 54 французских. Режиссер Луи Жуве возглавляет протестное движение, его поддерживают левые. В следующем году «соглашение» будет пересмотрено.

В прессе полно статей об американском образе жизни. Когда в 1954 году возобновился выпуск журнала *Marie Claire*, в нем стали публиковаться письма от француженок, которые несколькими годами ранее отбыли в Штаты в качестве жен солдат-победителей. В этих письмах рассказывалось о комфорте индивидуальных домов, о доступности автомобилей, о том, как люди общаются между собой. Несмотря на отдельные оговорки по поводу «американского материализма» и вседозволенности в воспитании, читательницы были склонны поверить, что за океаном уже наступил земной рай. Исследование, проведенное Французским институтом общественного мнения в 1953 году, показывает, что реальность в очередной раз скрывается за мифом: завышается число рабочих, имеющих автомобиль или телевизор (чего во Франции в те годы почти не было), годовой доход на душу населения, недооценивается количество семей, живущих за чертой бедности, и уровень безработицы и т. д. Производители рекламы перенимают американский опыт: на стенах и на экранах (сначала на больших, а с 1950-х годов — и на маленьких, телевизионных) мелькают загорелые персонажи, обладающие почти неприлично отменным здоровьем и ослепительными белозубыми улыбками, пребывающие на бесконечном отдыхе (при этом в США оплачиваемый отпуск длится две недели, в некоторых случаях, в конце карьеры, — три), свободные, безмятежные; короче говоря, пышное (если речь

идет о женщинах) или мускулистое (если о мужчинах) воплощение успеха, если не уже достигнутого, то вполне возможного. В американских сериалах действуют такие же персонажи, и из того, что кое-кто из родителей называет детей Сью, Эллен или Памела, можно сделать вывод, что сериал «Даллас» берedit воображение французов и возбуждает их желания. Однако на вопрос «Что вы думаете о „Далласе“?» одна небогатая женщина ответила: «Все как у нас», что красноречиво свидетельствует об идиосинкразии к месседжу... или о его способности манипулировать общими понятиями.

В конце 1960-х годов появляются чартерные рейсы. Набившись в «Боинг-747» как селедки в бочку и перелетев океан, туристы наконец могут на месте, без посредников оценить американскую мечту. Чудесные путешествия, но такие опасные (США можно проехать за несколько дней); их краткость и категорический императив посещения достопримечательностей — *sight-seeing*, заставляющий туристов *in situ* — на месте — убеждаться в том, что их предположения были верными, как иностранец, попадающий в Лувр, «узнает» в «Джоконде» шедевр, о котором читал и слышал. Роль школьных учебников в развитии американского мифа достаточно двусмысленна. В послевоенное время авторы учебников географии, очарованные «сталинскими планами преобразования природы», ударялись в американофобию, тогда как критика историков, более внимательных к политическому и юридическому «полям», была менее резкой. Здравый смысл помешал изменить советскую «природу», какой бы она ни была — европейской или азиатской, чего бы ни касалась — человека или ландшафта, в соответствии с заветами отца народов, и авторы учебников учитывали это. Авторы учебников иностранных языков первоначально настаивали на том, что английский язык — главный: тексты на английском языке должны быть взяты из литературных произведений, а не из газет, а преподаватели-французы во всех государственных учебных заведениях, за исключением нескольких «носителей»,

противопоставляли «изысканный» английский акцент «вульгарному» американскому. В 1970-е годы все изменилось: стало невозможно говорить детям о совершенстве британского английского и тривиальности языка янки. Дети смотрели в кино или по телевидению американские фильмы в «оригинальной версии», прочие медиа также погружали юных зрителей в «американосферу». В очередной раз прав оказывался Бёрнард Шоу: «Великобритания и Соединенные Штаты Америки — это одна и та же страна, разделенная двумя разными языками».

Лингвистический империализм?

Яростные националисты и упрямые традиционалисты озабочены не только сокращением употребления французского языка, но и его порчей английскими словами. Если вслед за Полем Валери думать, что «мысль есть дитя, а не мать речи», то, конечно, есть о чем беспокоиться. Однако не следует путать причину и следствие. «Чистоту» языка, когда-то — да, то время прошло — бывшего языком международного общения господствующих классов в Европе XVII–XVIII веков, не портят англосаксонские слова: могущество Соединенных Штатов побуждает население стран, входящих в сферу влияния Америки, пристойно владеть языком доминирующей страны. Проблема не нова — каждый галл, желавший сделать карьеру, изучал латынь. И она не ограничивается рамками «свободного мира» — в советской сфере влияния залогом социального успеха является владение русским языком. Какими бы причинами ни вызывалось неиспользование шести десятков национальных языков или диалектов, признанных постсоветской Конституцией, конституцией федеративного с юридической точки зрения государства, — официальными, официозными или же скрытыми, — все эти языки, носители культурных кодов, исчезли*.

* В Конституции РФ нет перечисления языков и диалектов. Статья 68 гарантирует республикам в составе РФ право устанавливать государственные языки. — *Примеч. ред.*

Вот что может успокоить французов. В Нидерландах использование английского языка столь масштабно, что американские телесериалы идут без перевода и без субтитров. Тем не менее нельзя утверждать, что эта страна потеряла национальную самобытность, — не более, чем Норвегия, Швеция или Дания, где английский изучается с первого класса. Знание английского — или американского — стало необходимым. Истории было угодно, чтобы американская *империя* наследовала британской. Английский, язык морских и воздушных путешествий, космических полетов, одержал победу там, где эсперанто потерпел крах. Однако когда он используется в своем обедненном виде, только чтобы объясниться, он не несет в себе культуры. В этом смысле он инструментален и не оказывает влияния на частную жизнь французов (за исключением изредка встречающихся билингвов), в которой продолжает использоваться французский язык. Французская лексика обогащается новыми словами, что свидетельствует о жизнеспособности языка и его способности противостоять американизации. В Грузии продолжают говорить по-грузински, а в западных Пиренеях — по-баскски. «Франглэ», или «франгламерикен», не касается частной жизни французов в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие. Дело обстоит бы по-другому, если бы американское влияние вышло за пределы лексического состава языка и затронуло бы синтаксис, то есть язык в сосюрловском понимании*. Коротко говоря, речь идет о словах, а не о языке. Можно не беспокоиться.

Социологические опросы

Надо сказать, что именно из Соединенных Штатов во Францию пришло особое культурное явление — опросы общественного мнения. Благодаря этим опросам, разработчики которых утверждают, что узнают мнение молчаливых, смещается граница

* Фердинанд де Соссюр (1857–1913) — великий швейцарский лингвист, основоположник семиологии и структурной лингвистики.

между эксплицитным и имплицитным, явным и скрытым. С этой точки зрения опросы общественного мнения имеют отношение к частной жизни, поскольку демаркационная линия между существованием индивида и существованием его окружения очень расплывчата. В конце 1936 года Рузвельт противостоял кандидату от республиканцев Альфреду Лэндону, которого поддерживали деловые круги, а также контролируемые ими крупные газеты и радио. Одна американская газета, опросившая миллионы читателей, предвещала триумфальную победу Лэндона. Джордж Гэллап, журналист и статистик, основатель института исследований общественного мнения, опросил менее 2000 человек и предрек победу Рузвельту, который и одержал ее, получив 24 миллиона голосов против 16 миллионов. Французский институт общественного мнения появился накануне войны. Отныне социологические исследования становятся частью политической жизни, причем они как описывают ее, так и оказывают на нее влияние.

Возникнув на политическом поле, опросы проникают в приватную сферу: «репрезентативные выборки» дадут нам предположительно достоверную информацию о количестве «счастливых» французов; о тех, кто получил свой первый «полный» сексуальный опыт в семнадцать лет; мы узнаем, был ли этот опыт «успешным» или нет, был ли партнер другого пола (что правильно) или того же самого (что хуже) и т. д. Эта социальная эхография зародилась в США и стала неотъемлемой частью жизни стран, вставших на путь модернизации.

ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Американский взгляд на Францию

Французская идентичность, существование которой, как мы полагаем, находится под угрозой, — для американцев вещь несомненная. Отнюдь не считая Францию «американизированной», юный студент, приезжающий на год во Францию, даже

если в момент прибытия в страну он владеет языком, абсолютно сбит с толку и находит нашу жизнь полнейшей экзотикой. Его все поражает: нелюбовь французов к переездам, продолжение существования «расширенной» семьи и встречи родственников по воскресеньям, жизнь молодых людей в родительском доме в том возрасте, когда любой молодой американец уже покидает его, поведение французской матери, обязанность лицеиста выбирать профессию в тот момент, когда он еще не знает, чего хочет, разнообразие пейзажей и типов жилья, значение, придаваемое кухне, отсутствие самодисциплины, отказ от персональной ответственности и бесконечные обращения к властям, беспорядок, отсутствие планирования времени, гетто, в которых складываются разные социальные группы, вес прошлого; короче говоря, различие кодов и знаний о том, где как себя вести и что говорить. Во всем этом бедный американец теряется. И ведь мы говорим только о подготовленных ко встрече с Францией студентах. Что же говорить о вероятной реакции «простых туристов», которым в голову пришла занятная идея посетить эту Францию, о которой ничего не пишут в местных американских газетах, а федеральная пресса упоминает редко, и почти никогда — на первых полосах. Об официальном визите в США президента Французской Республики, будь то Шарль де Голль, Валери Жискар д'Эстен или Франсуа Миттеран, напишут на первых полосах всех французских газет, но придется долго листать толстую *The New York Times*, чтобы найти упоминание об этом событии. Менее десяти процентов американцев в состоянии назвать фамилию французского президента, и каждый третий не сможет найти Францию на карте мира.

Если вдруг американец решит взглянуть на Францию, он скорее заметит различия, нежели сходства, и прежде всего — закрытость частной жизни. В США предполагается (но не значит, что так и есть), что она открыта взглядам соседей и друзей (или же контролируется ими?). Дверь должна быть открытой, причем речь не только в буквальном смысле, но

и в символическом — профессиональная и частная жизнь не должны разделяться. Супруга «президента» (будь то президент США или хозяин небольшого предприятия) должна «быть на виду», занимаясь частными делами: ее семейная жизнь должна быть прозрачна, все должны знать, каким видом спорта она занимается и как проводит свободное время, ходит ли в церковь по воскресеньям и т. п. Конечно, существование этих норм не исключает их нарушения (а может быть, сами нормы и толкают к их нарушению?). «Открытая дверь» не мешает жизни частной-частной прятаться за жизнью частной-публичной, а закрытая дверь не обескуражит любопытных. Здесь речь идет о кодах, а не о том, что за ними скрывается.

Взгляд француза на США

Француз, прибывающий в Америку, удивлен меньше. Он потребляет столько разнообразной американской культурной продукции, что уже обо всем проинформирован, хоть его жизнь и не меняется под ее воздействием. Что его поражает сильнее всего? «Неинтеллектуальная» эффективность системы воспитания (в семье и в школе), которая делает индивида ответственным вплоть до убежденности неудачников в собственной вине; одержимость деньгами и оценивание человека по количеству долларов, которые он зарабатывает; постоянное цитирование Библии в политических дискуссиях, что не исключает использования всем известных методов для поддержания американской «империи»: финансирование свержения Сальвадора Альенде и установления террора в Чили, а в то же время — отставка Никсона и проблемы Клинтона в связи с ложью под присягой и «нескромным поведением», короче говоря, с моральными проблемами, которые совершенно не заботят французских политиков; реабилитация маргиналов, что укрепляет систему, которая в сегодняшних эксцессах способна разглядеть завтрашнюю норму; полное неведение о том, что происходит в других странах, даже если эти «другие страны» входят

в сферу американского влияния; дисциплинированное поведение на дорогах, где в результате ДТП погибших в три раза меньше, чем во Франции, и в то же время жестокость. Одержимый безопасностью француз открывает для себя в США реальность жестокости. Статья в разделе происшествий в газете *International Herald Tribune* от 14 февраля 1985 года рассказывает о таком случае: 22 декабря 1984 года некоему Бернарду Гетцу угрожали — или ему так показалось — четверо чернокожих парней, попросивших у него 5 долларов. Он вытащил пистолет 38-го калибра, выстрелил в каждого из них и скрылся. За несколько часов он стал суперменом. Из Нью-Йорка, Чикаго, Майами, Монреаля, даже с Гавайев звонили радиослушатели и телезрители и в 90% случаев высказывались об этом поступке одобрительно. Кое-кто предлагал заплатить за него залог в размере 50 000 долларов, другие организовали сбор денег, третьи хотели сделать его следующим мэром Нью-Йорка. Даже мать одного из раненых высказала симпатию к герою. Еще до его ареста на Манхэттене продавались футболки с надписью «Гетц против негодяев: четверо на одного». За шесть часов до ареста вышла в свет миллионным тиражом брошюра «Б. Гетц: преступник или жертва?», которая распространялась во всех крупных городах. Американскую жестокость и ужасные убийства французу трудно себе представить. Серийный убийца Генри Ли Лукас хвастается тем, что убил триста человек, в основном женщин и детей. В 1990 году каждые двадцать две минуты совершалось убийство, каждые пять минут — изнасилование, каждые сорок девять секунд — грабеж, каждые тридцать секунд — вооруженные нападения. Таким образом, ежегодно совершается по 1,7 миллиона насильственных преступлений. Вооруженных нападений в США на душу населения в сто семьдесят пять раз больше, чем в Великобритании. В Нью-Йорке убивают в одиннадцать раз чаще, чем в Лондоне, и до сих пор количество убитых афроамериканцев вдвое превышает число американских солдат, погибших во время II Мировой войны.

Огромная страна кишит непойманными убийцами, и нет понятия удостоверения личности. Все попытки ввести подобный документ с возмущением отвергались и воспринимались как практика, недостойная демократической страны. В некоторых штатах на водительских правах нет фотографии. Вторая поправка к Конституции дает каждому право иметь и носить с собой оружие, а в некоторых местах владение оружием даже является обязательным. Желтая пресса утверждает, что оружие продается каждые тринадцать секунд. ФБР встречает сопротивление местной полиции, защищающей свою территорию. В Нэшвилле арестовали некоего Дж. Хинкли, готовившегося сесть в самолет с тремя револьверами и боеприпасами. Он был задержан в 3 часа 13 минут, а в 3 часа 47 минут, после уплаты штрафа, освобожден. Несколькими месяцами позже он совершил покушение на президента Рейгана. По телевидению рассказывается о жестокости реальной, а не мнимой: с огромным вниманием все следят за историей с поджогами в Бронксе. В американских домах телевизор почти всегда включен. Опросы показывают, что к моменту окончания начальной школы американский ребенок увидит около восьми тысяч убийств и сто тысяч актов насилия, совершенных как «плохими», так и «хорошими» парнями. Жестокие телевизионные зрелища, современная ипостась гладиаторских боев, вызывают у пресыщенной публики отвращение и одновременно с этим доставляют удовольствие. Но готов ли американец, которому страшно, платить больше налогов на строительство тюрем и психиатрических больниц? Требуется ли он, как это делает француз, постоянного контроля?

Ответ отрицательный. Еще в 1911 году политолог Моисей Острогорский писал, что веря в будущее, американец удивительно стойко переносит невзгоды настоящего. Испытывая страх, американец-горожанин привыкает жить под непрерывным контролем видеокамер, передвигаться в закрытых автомобилях, жить в домах с намертво закрытыми окнами. Для француз, попадающего в этот мультикультурный мир, где

в любой момент могут возникнуть конфликты на этнической, социально-экономической, политической или идеологической почве, самым большим потрясением, вероятно, может быть следующее: здесь нет непрерывного спора о «выборе общества»... даже с целью признания существования различий. Стараясь не бередить раны на теле общества, СМИ показывают, что происходит, не давая никаких комментариев, которые могут травмировать аудиторию. Например, они восхваляют «успехи», не задаваясь вопросом о том, что было условием их достижения. Более того, отсутствие безопасности, гнев и страх цементируют консенсус, который, объединяя богатых и бедных, белых, черных и желтых, горожан и селян, увековечивает моральный порядок, на который, по их собственным словам, уповаet большинство американцев. Негодование создает клуб, куда могут вступить все добродетельные граждане.

Взгляды встречаются...

Различное восприятие одного и того же наводит на мысль, что взгляды могут встречаться, не замечая друг друга. Эту двойственность выражают творчество и личность Чаплина. Фильм «Новые времена» (1936) имел большой успех во Франции, нежели в США, хотя Жорж Дюамель объявил его «развлечением для рабов и неграмотных». А что же французы? Смотрели фильм или аплодировали неконструктивной критике? В работе «Американский рак», опубликованной в 1931 году, Робер Арон и Арно Дандье описали американца как «кочевника без роду и племени, озабоченного лишь варварской идеей производства и бесполезной спекуляции». В 1934 году, в год запуска в производство переднеприводного автомобиля Traction Avant и за год до появления прототипа малолитражки 2CV, Андре Ситроен потерпел крах, чем порадовал скептиков: он заслужил свой провал — мало того что он был евреем, так еще и перенял американское конвейерное производство! Чарльз Спенсер Чаплин тоже еврей, но так критически настроен

по отношению к американскому обществу, что даже фашисты Бардеш и Бразийак в «Истории кино», вышедшей в свет в 1935 году, признавали его гений. Этот английский подданный, не желавший принимать американское гражданство, хотя Штаты давали эмигранту, каким он являлся, возможность добиться успеха — в частности, финансового, — невообразимую ни в одном другом обществе, покинет Америку в октябре 1952 года и в 1957-м снимет в Лондоне свой предпоследний фильм «Король в Нью-Йорке», беспощадное обвинение нью-йоркскому миру. Биография Чаплина идеальным образом удовлетворила завистливый антиамериканизм французов.

КТО ВСТРЕЧАЕТСЯ? АНТАГОНИСТЫ, ПРОТАГОНИСТЫ ИЛИ РАВНЫЕ?

Распорядок дня

Распорядок дня — это культурный феномен, на нем чувствуется груз прошлого. Во Франции, если ты относишься к высшему слою господствующего класса, тебе прилично выглядеть «заваленным работой», постоянно переносить назначенные встречи, важные с точки зрения ходатая, приходиться на обеды в городе после девяти часов вечера, не отвечать на письма, не перезванивать тем, кто оставил сообщение, и т. п. Американцы же разработали технику управления временем, которую изучают в старших классах школы. Целью этого является эффективность, для обозначения которой есть два термина: *efficient* (задача будет решена в кратчайшие сроки) и *effective* (цель будет достигнута). Концепция планирования пришла из США. Американцу не мешает знание истории — в школе она изучается мало, поэтому он живет настоящим и устремлен в будущее. Его воображение в большей степени проспективно, нежели ретроспективно. «Поиски утраченного времени» — это не для него. Бытовая техника, телефон, телекс, компьютер, интернет и прочее создают свободное время, которое француз старается чем-то занять. Все

эти вещи, позволяющие «выиграть время» (как обещает реклама высокоскоростных поездов в 1980-е годы), вначале воспринимались как враждебные. В 1959 году Франсуа Мориак обличает «обожествление техники, любой техники, изобретенной человеком, рабом которой он стал, страсть к скорости, которой подвержены все бараны Запада, суету, которой никто из нас не может избежать, неумеренность во всем — вещь, меньше всего соответствующую нашему духу».

Умение управлять временем дает свободное время. Так называемые «влиятельные лица» доступнее в США, чем во Франции, но встречи с ними объясняются не только жаждой наживы. «Граница» исчезает благодаря инновациям и духу предпринимательства, и не следует давать новой идее возможность ускользнуть. Уже упоминавшаяся мысль Уолтера Бэджета о том, что никакое страдание не может сравниться с тем, что вызвано новой идеей, — английская, а не американская. Не исключено, что эта «новая идея» может оказаться прибыльной, тогда это будет счастливое совпадение. Время — деньги? Конечно, но ведь это «сэкономленное» время может быть посвящено информации, без которой не организовать предприятие. С планированием времени связан фастфуд, постепенно появляющийся и во Франции, особенно популярный среди молодежи (60% клиентов заведений фастфуда моложе двадцати пяти лет; в 1984 году во Франции насчитывалось шестнадцать «Макдоналдсов» против ста пятидесяти в Великобритании, двухсот в ФРГ и шести с половиной тысяч в Соединенных Штатах. Сегодня в 72 странах функционируют 14 350 ресторанов McDonald's, из них 1000 — в одной лишь Японии)*. Наличие пространства для детских игр объясняется привычкой американцев брать с собой всюду совсем маленьких детей, тогда как во Франции в случае похода в ресторан к детям приглашают няню.

* На 2019 год число ресторанов McDonald's в мире — около 37 000. — Примеч. ред.

Американской концепцией планирования времени объясняется и высокий уровень разводов. Господствует убежденность, что впереди «есть время», что после провала можно начать все сначала и преуспеть. Брак — слишком серьезное предприятие, чтобы мириться с посредственностью. Не сложилось в Новой Англии? Попробую в Калифорнии или в Техасе, и мне обязательно повезет! Идеальная чета Рейганов подтверждает мысль о том, что часто удачной бывает именно вторая попытка.

Взрыв вскоре после взлета космического челнока «Челленджер» во вторник, 28 января 1986 года, потряс каждого американца, напомнил ему, что несмотря на то, что ничего невозможного нет, прогресс, идущий все дальше и все быстрее, требует жертв и мучеников. Фраза Рейгана «Мы оплачем семерых наших героев и продолжим освоение космоса» могла бы быть сказана любым американским гражданином, каких бы политических убеждений он ни придерживался. Во Франции — вечное возвращение; в США — вечное начинание сначала. Представьте себе Прометея, освобожденного от цепей.

Стена и газон

«Площадь Соединенных Штатов без Аляски в четырнадцать раз превышает площадь Франции». Эта истина, которую знают все французские дети, забывается взрослыми. О чем бы речь ни шла — о кровати «кинг сайз» шириной два метра, о парковках для «прекрасных американок», о монументальных порциях мороженого, о гигантских стейках (которые, не доев, берут из ресторана с собой якобы для собаки, что французам кажется простой экономностью), об огромных бассейнах или головокружительных аттракционах, — Америка воспринимается как страна излишеств. Здесь часто говорят о «четырёхдневном путешествии на автомобиле», а на деле проезжается не более 3600 километров, в день — 900 километров со скоростью, не превышающей 55 миль в час (скоростные ограничения свято соблюдаются). На этом гигантском пространстве все постоянно

перемещаются: каждая пятая американская семья переезжает ежегодно, тогда как рабочий из Деказвиля* отказывается от «ссылки» в Фос-сюр-Мер в соседнем департаменте. С первого года в колледже, а то и раньше парень или девушка покидает семью. «Иди на запад, сынок», — говорили американским пионерам. Пространство, земное или межзвездное, существует для того, чтобы быть покоренным. Это место для подвига, а не базовые данные (как это воспринимается во Франции).

Дом, в котором живет (или мечтает жить) американец, просторен; как правило, он построен из дерева, на бетонном фундаменте. В нем должны жить одно-два поколения. Будущее принадлежит нам, но кто знает, как оно сложится... Лужайка перед домом доходит до соседних домов. Заборы и ограды запрещены не столько законом, сколько обычаями: дом должен быть открытым для чужих, добропорядочному американцу нечего скрывать. Французские невесты американских солдат часто страдали от «общительности», которая казалась им чрезмерной. Их критиковали и вынуждали перенести границу своей частной жизни или же обвиняли в лицемерии. Когда Франция вышла из НАТО, американцы уехали из Шатору. Этот одноэтажный мирок достался французам, и вокруг домов возвели живые изгороди, решетки, стены: больше конфликтов на тему «сосед ходит по моему газону» или «бросает камни в мой сад», потому что «дверь открыта кому угодно», не возникало.

Отношение к пространству, подобное американскому, не прижилось во Франции, и связано это с ее меньшей территорией и высокой по сравнению со Штатами плотностью населения. Разница в масштабах не позволяет имитировать американский стиль. Эта привлекательная модель (большой дом на лужайке), иногда пугающая (что видно на картинах Хоппера), принадлежит мифическому миру. На самом ли деле американские дома открыты *всем* посторонним? Соседи — это не неизвестно кто.

* Деказвиль — небольшой город на юго-западе Франции.

«Зонирование» все же существует, и нежелательные элементы исключаются, в том числе дети. Место жительства определяет статус как в Америке, так и во Франции.

Толстяки и худышки

Немного раздраженный американец говорит: «Да, у нас встречаются толстяки, но у вас зато полно плюгавых»*. Все неоднократно видели в кафе, как толстые американцы и американки поглощают порции мороженого с безе величиной с гору... и при этом добавляют в кофе сахарин. Что же до «плюгавого» француза, то это, как правило, тщедушный нервный тип, болтливый и завистливый, социально обеспеченный, ругающий государство и непрерывно что-то у него требующий, не способный предпринять что-то, кроме бесконечных судебных процессов, топящий ностальгию по былому величию в красном вине, которое закусывает тремя сотнями сортов сыра. Для привыкших смотреть телевизор французов американцы — это «божественная» Грета Гарбо, Лиз Тейлор, Мэрилин Монро, Пол Ньюман, Роберт Редфорд и все в таком духе. Для газетных обозревателей это также доктор Уэстлейк и его жена Кэрол, герои «Главной улицы» Синклера Льюиса. За этими клише можно увидеть, что по обоим берегам Атлантики «тело Нарцисса» улучшается. «То, как ты выглядишь, мне расскажет, кто ты есть». В плане «победы тела» инициатива принадлежит американцам. Статистические данные (допустим, что они достоверны) рассказывают нам о предпринятых усилиях и достигнутых результатах: если в 1960 году каким-либо видом спорта занимались 50 миллионов американцев, то в 1980-м их стало 100 миллионов; соблюдение диеты значительно сократило количество сердечно-сосудистых заболеваний, случаев диабета, ожирения. Несмотря на то что американцы оплачивают треть получаемых медицинских услуг, три четверти

* Свидетельство автора этих строк. — *Примеч. авт.*

стоматологических услуг и четыре пятых расходов на лекарства, они все чаще обращаются к врачам, вне зависимости от своих доходов. Кампания против курения оказалась успешной: среди мужчин количество курящих и некурящих сравнялось. С момента возобновления своего выхода в свет после войны журнал *Marie Claire* стал превозносить разнообразные диеты. Затем последовали переводы на французский язык бестселлеров американских специалистов по правильному питанию, и иллюстрированные журналы (*Vital*, *Biba*, *Prima* и др.) вскоре начинают воспевать красоту человеческого тела, обнаженного настолько, насколько позволял заокеанский пуританизм. Тем не менее на настоящий момент в историческом споре между Кранахом и Рубенсом побеждает первый. Почти андрогинный силуэт выражает победу воли над прожорливостью. Начиная с 1950-х годов специализированная французская пресса рассказывает нам о славной борьбе Мартин Кароль с килограммами, которую она вела в Голливуде (напомним, что сериал «Каролина» начал сниматься в 1950 году, а фильм «Лола Монтез» Макса Ольфюса вышел в 1955-м). Она пьет молоко, ест фрукты, занимается спортом, отказывается от табака и алкоголя, которые «портят цвет лица», и т. д. И что взамен? Она снимется в большом фильме в синемаскопе. Французы были — или такими и остаются? — грязными, это подтверждают все медики. Борьба с грязью приходит к нам из Нового Света. Следует чистить зубы и даже язык — для свежести дыхания — перед сном и полностью отказаться от сахара, чтобы избежать кариеса. В США практически нет душей на шланге: позволяя мыть отдельные участки тела, они противостоят целям гигиены и этическим нормам. Американский душ обеспечивает чистоту и очищение. Если природа одарила вас какими-то недостатками, которые можно исправить, без колебаний идите к пластическому хирургу. Вы не виноваты, что у вас такая генетика. С 1981 по 1984 год количество пластических операций возросло на 61% (за один только 1984 год их

было сделано 477 000), большая часть делалась с целью омоложения. Стареть надо счастливым. Отказ от старения (или по крайней мере искусство приспособливаться к нему) зародился в США в 1960-х годах. В специально созданную комиссию поступали многочисленные жалобы на дискриминацию в связи с возрастом. Талассотерапия, массаж, лифтинг, спорт, витаминные коктейли и прочее поддерживают тело в любом возрасте. В любом возрасте можно заново вступить в брак. «Серые пантеры»* путешествуют по всему миру. Франция как будто бы тоже пускается в погоню за вечной молодостью, но неохотно. Грета Гарбо в тридцать шесть лет стала затворницей после провала фильма «Двуликая женщина» («Женщина — это сфинкс без загадки», — говорил злой Оскар Уайльд, у которого, как известно, были другие предпочтения). А постаревшее лицо Симоны Синьоре, блиставшей в фильме «Золотая кадка», до самой ее смерти вызывало уважение и восхищение, как у примитивных народов, которые всегда чтили стариков.

Можно с уверенностью сказать, что Америка — это страна, где брак свят и где руководствуются высокой и справедливой идеей супружеского счастья.

Алексис де Токвиль

Как же может женщина жить без взгляда мужчины, жаждущего видеть ее жизнь и ее личность?

Колетт

Мужчина и женщина. Предвкушение

Американская школа поддерживает некоторое гендерное разделение. Смешанность сопровождается распределением ролей. Над мальчиком, который дружит с девочками, смеются, во Франции подобное тоже существует. В спорте — главным

* «Серые пантеры» — движение против дискриминации по возрастному признаку.

занятии — мальчики играют ведущую роль, девочки — группа поддержки. Потом начинается пора *дэйтинга*, когда молодежь, следуя строго установленному ритуалу, имитирует поведение пар постарше. Выходы «в свет» целой компанией встречаются реже, чем во Франции. На свиданиях (*dating*) молодежь осваивает *неккинг* и *петтинг*, предшествующие «полноценному» сексу, к которому переходят приблизительно в том же возрасте, что и во Франции. Надо сказать, что ввиду отсутствия необходимой информации этот секс не остается без последствий, причем не только среди чернокожих и латиноамериканцев, но и среди белой молодежи. Согласно докладу института Алана Гутмахера за 1985 год, американские девочки-подростки — «чемпионки» по ювенильной беременности: 96 случаев на 10 000 (против 43 во Франции), или миллион в год. В последние годы эти цифры снизились.

Непобедимый герой-одиночка, конечно, соблазнительный, но сопротивляющийся зову плоти для выполнения своей «миссии», — часть американской мифологии, идет ли речь о *lonely cowboy* — одиноком ковбое, Филипе Марлоу* или Тревисе Макги**. Великая фигура Линкольна воплощает одиночество одного из Отцов-основателей, он безразличен к женщинам, в частности к собственной жене, об алкоголизме и полубезумии которой вспоминать не принято. Если французская среда — это «межполовая среда, где любовь, ненависть, интерес, власть и разговоры об этом происходят поблизости от тел», как писала Мишель Сард, то в США в XIX веке, даже в штатах, где женщины в 1869 году получили право голоса, женское общество, опирающееся на церковь, несколько маргинально. Вестерны рассказывают нам о полнейшем одиночестве героев, как положительных, так и отрицательных, и Чарли, герой «Золотой лихорадки», может «потанцевать» разве что с булочками.

* Филип Марлоу — персонаж детективных романов Рэймонда Чандлера

** Тревис Макги — персонаж детективных романов Джона Данна Макдональда.

Француз слывет дамским угодником: он знает, как разговаривать с женщинами, умеет делать комплименты, возможно, преследуя при этом цель оставлять их на вторых ролях. Американец же воспринимает женщину прежде всего как партнера — протагониста? антагониста? — роль и функцию которого приходится постоянно определять. Для одиноких мужчин существует сервис «жена напрокат»: за определенную плату на один вечер (и без какого бы то ни было интима) можно нанять «профессиональную супругу», которая уложит детей спать, приготовит еду и во время ужина будет играть роль хозяйки дома. Мужские или женские клубы и ассоциации, куда представители другого пола не допускаются или допускаются в исключительных случаях на время — в роли конферансье, например, — не имеют аналогов во Франции. Тем не менее этот относительный апартеид (равные, но существующие по отдельности) не препятствует привязанности супругов друг к другу. Частная жизнь, как и публичная, должна быть успешной, и развод предпочтительнее неудачного брака.

После пересмотра экспериментов, проводившихся в 1965–1975 годах (жизнь общиной, обмен супругами и т. п.), чего было больше в Калифорнии, нежели на Среднем Западе, все вернулось на круги своя. Из анкетирования, проведенного в 1980-е годы, узнаем, что большинство опрошенных считают свой брак более «удачным», чем родительский, и девять десятых сообщают, что залог их счастья именно в супружестве. Что касается супружеского секса, здесь мы можем лишь строить догадки, пытаясь освободиться от предрассудков и условностей. Мужчина-американец закомплексован по сравнению с европейцем, а белый — по сравнению с чернокожим: им приписывается неукротимая сексуальность. «Доклад Хит» (опрашивалось 119 000 добровольцев, поэтому выборка, хоть и значительная, не может считаться репрезентативной) не приводит никаких скандальных разоблачений и не позволяет уловить ни какого-то значимого различия, ни взаимовлияния

между сексом во Франции и в США. 99% мужчин признаются, что мастурбируют («У меня две половые жизни — одна с женой, другая с самим собой», — заявил один из опрашиваемых); в половом акте ценится в первую очередь проявление нежности, а уж потом оргазм, к которому в лучшем случае он приводит; в общем, ничего нового и особенного об американском сексе из доклада узнать не удастся.

Мужчина и женщина. Супружеская жизнь

Если французам свойственно терпимо относиться к изменам супруга (а в последние десятилетия — и супруги), то американская (официальная?) этика осуждает адюльтер. В период между двумя мировыми войнами Андре Моруа отмечал: «Внебрачных связей, какие мы наблюдаем в Париже и Лондоне, когда по вечерам любовники возвращаются каждый к своей „законной половине“, в американском обществе не существует». Он добавлял, что адюльтер «не призван, как в Европе, подсластить моногамию, [в Соединенных Штатах] предпочитают повторные браки». Запрет на адюльтер иллюстрируется таким анекдотическим случаем. В 1984 году в городе Талса, штат Оклахома (правда, Оклахома — это не толерантные Калифорния или Нью-Йорк), три члена «Христовой церкви» (насчитывающей два миллиона адептов) публично обвинили в разврате тридцатилетнюю разведенную женщину, мать четверых детей, состоявшую в связи с неженатым мужчиной, и принудили ее покинуть секту «во имя Библии».

Что интересно, обвиненная в разврате дама подала в суд за вмешательство в ее частную жизнь и добилась возмещения ущерба. Талса — это не Франция, где, согласно данным опроса, проведенного в 1966 году, три четверти молодых людей обоего пола, не достигших двадцатипятилетнего возраста, не считали, что «развод лучше, чем супружеская измена». Они, вероятно, как Александр Дюма, полагали, что «цепи супружества так тяжелы, что нести их следует вдвоем... а иногда и втроем». Если

же подобная проблема возникает у американца, он без колебаний обращается к психоаналитику или сексологу и, веря в просвещенность специалистов, пользуется их советами. Если же и это не поможет, он разведется и женится вторично.

«Хардкор» в гостиной

Для уважаемого человека очень неприятно, если его замечают входящим или выходящим из зала, где показывают порнографические фильмы. С появлением видеоманитофона стало возможно их смотреть — и пересматривать — у себя в гостиной, когда дети легли спать или ушли. Купить или взять напрокат кассету можно в любом супермаркете, желательно в том, что находится далеко от дома или работы. Может ли общество, продолжающее считать себя пуританским, согласиться на приватизацию подобного вуайеризма? Но может ли общество коммерсантов, превозносящее свободную конкуренцию и как заклинание повторяющее, что человек способен к самодисциплине, выступить в качестве цензора? Семейные ассоциации и феминистские лиги оказывали давление на местные власти, и кое-где в отношении коммерсантов, торгующих подобной продукцией, начались судебные процессы. Обвиняемые, даже пуритане, ссылались на свободный выбор потребителей. В июле 1985 года Верховный суд дал настолько размытое определение «похотливости» и «вождеванию», что противоречие между этикой и выгодой преодолено не было. Если мы правильно понимаем, фильмы и книги не являются запрещенными, если они ограничиваются «оживлением сексуальных отношений». Авторы же «обсценных» произведений, наоборот, подлежат преследованию. Американские мудрецы оказались более чувствительными к этимологии слова «обсценный» (одно из значений латинского слова *obscenus* — зловещий, предвещающий недоброе), чем героиня Мольера, воскликнувшая: «Ах, боже мой, обсценно! Я не понимаю, что это значит, но, по-моему, это прелестно»³.

Граница между естественной склонностью и потреблением весьма условна.

Французская чувствительность — более толерантная? менее лицемерная? или же латинская, в духе Аретино? — не концентрируется на этой проблеме. Маленькие «частные» объявления и реклама услуг девушек по вызову не вызывают жалоб защитников нравственности. Инициатива министра по правам женщин Ивет Руди о запрете использования женского тела в рекламных целях была высмеяна и практически не дала результата.

Регламентирование воображения и фантазий — не дело властей. Руководство телефонных компаний отказалось передавать подробные счета за телефонные разговоры именно из уважения к частной жизни, тогда как в США (во имя «честной и открытой коммерции») доступны все данные о междугородных телефонных разговорах.

Освобождение геев

Удастся ли геям в США избежать осуждения с точки зрения этики и медицинских властей? И если да, то как обстоят дела с этим во Франции? В этой сфере влияние «американской модели» пока не доказано. Признание обществом гомосексуальной специфики датируется в обеих странах концом 1960-х годов. Американское исследование 1957 года демонстрирует практически единодушное осуждение гомосексуалов, а в 1976 году уже лишь треть опрошенных осуждает их безоговорочно. Гомосексуалы начали вести свой образ жизни не таясь в кампусах и отдельных городах. Но там, как и во Франции, «согласие» на подобное соседство было и остается ограниченным. Говоря о гомосексуалах, всегда принято упоминать Кастро-стрит в Сан-Франциско, где геи, которые составляют 17% общего населения города, взяли в свои руки культурную, экономическую и политическую власть, обновили квартал и проводят публичные парады. Но если нетрудно

быть геем на Кастро-стрит или в Сен-Жермен-де-Пре, то в таких местах, как Талса или Везуль, афишировать свою гомосексуальность рискованно. Если правы были римляне, утверждавшие, что человеческая природа бисексуальна, то надо еще очень многое сделать, чтобы стереть из памяти двухтысячелетнее осуждение этого христианской церковью. Невозможно определить, где процент геев выше — в США или во Франции. (Да и каких геев? Тех, кто выставляет свою ориентацию напоказ? Тех, кто скрывает ее за «добропорядочной» семейной жизнью? Тех, кто предается тайной игре воображения?) Концентрация геев в определенных местах — гетто — доказывает, что они находятся в меньшинстве и вынуждены защищаться, что общество в целом их не принимает. Появление СПИДа, сеющего панику в сообществе и повлекшего за собой «новое завоевание» квартала Кастро-стрит гетеросексуалами, оказалось на руку латентному американскому фундаментализму. Он как будто доказывает, что есть высшая справедливость и что содомия — это смертный грех, потому что она метафорическим образом убивает тело, прежде чем обречь на муки душу.

Любовь к труду и игра в шашки

Американец охотно определил бы француза как типа, который вечно отдыхает и иногда делает паузы для работы. Из этой клеветы можно сделать вывод, что в Соединенных Штатах протестантская этика продолжает подпитывать дух капитализма и труд рассматривается не как посягательство на частную жизнь, но как суть существования. Состязательный дух, с молодых ногтей вдальблываемый в головы американцев, — неотъемлемая часть социализации индивида. Успешная профессиональная деятельность — неперемное условие того, что личность состоялась. Француз смеется над «продавцами арахиса» и «актерами категории В», ставшими президентами; американец осознает степень риска, объем

выполненной работы, морали Картера и политического опыта Рейгана, короче говоря, огромной вложенной энергии, которая привела этих двух мужчин на высший государственный пост.

Куча долларов — это не столько средство для приобретения вещей, сколько признак удачи, успеха. Американцу, влюбленному в работу, без которой он не может обойтись, настоящему трудоголику, идеалом жизни представляется бесконечный социальный рост. Что будет, если он потерпит крах? Он рискует потерять уважение, к которому стремится, и, в отличие от француза, не противопоставляет себя и свои личные добродетели «системе». Обвиняли ли пионеры природу, когда стихийные бедствия задерживали их в пути на Запад? Люди, которых надо побеждать, — часть этой природы, и любой социальный успех в конечном счете есть завоевание территории. Отношение к социальным гарантиям «здесь» и «там» разное. Об этом сказано уже достаточно. Это не бездействие законодателя, но глубокое убеждение, что взрослый человек должен быть способен постоять за себя. Отступление от границы не было делом платящих взносы на социальное обеспечение. Это еще одна иллюстрация того, что Атлантический океан в самом деле разделяет два мира.

В США, как и во Франции, постоянно растет доля женщин в активном населении, и здесь нет никакой причинно-следственной связи. «Домохозяйкам» все меньше нравится сидеть дома; опросы, проведенные в 1980-е годы, показывают, что американки менее, чем их супруги, удовлетворены семейной жизнью. В обеих странах растет количество семей с одним родителем, как правило это женщина: так происходит в трех американских семьях из десяти (в среде чернокожих — в двух семьях из трех). Женщину принимают на работу в последнюю очередь и увольняют в первую, ее положение в обществе, где четырехпроцентный уровень безработицы считается «нормой», неустойчиво. Патриархальные традиции живучи.

и мужчины не доверяют работающим женщинам, видя в них потенциального соперника в профессиональном плане. В среде с благоприятными условиями, где желание женщины найти работу не является вопросом выживания семьи, но связано с личностным ростом, мужчины стремятся к тому, чтобы соотношение сил было в их пользу. Конечно, на вопросы анкет они отвечают корректно: в 1938 году лишь 22% допускали, что их жена будет работать, в 1976 году таких уже 68%. Однако в 1979 году жительницы одного из нью-йоркских пригородов начали кампанию за организацию питания детей в начальных школах, что было вызвано их увлечением теннисом. О чем бы речь ни шла — о столовых для детей, о детских садах, яслях и т. п., — сразу вспоминают, что передача общественным службам функций семьи противоречит американским традициям. С точки зрения средств массовой информации — по крайней мере некоторой их части — причина современных бед, таких как токсикомания, побеги из дома, самоубийства подростков, насилие и пр., заключается в отсутствии матери семейства дома.

Поскольку, пусть это и звучит несколько преувеличенно, речь идет о войне полов, она должна быть выиграна. Хитрость, женское оружие, начинает использоваться мужчинами с присущей им силой. В 1984 году чернокожая служащая калифорнийского банка была уволена за длительное отсутствие на работе, вызванное тяжелыми родами. Это увольнение противоречит калифорнийскому закону от 1979 года, запрещающему какое-либо преследование за отсутствие на работе в связи с родами и приравнивающему молодую мать к пострадавшей при несчастном случае (*medical disability caused by pregnancy or childcare*). Банк при поддержке Торговой палаты и могущественной ассоциации владельцев опротестовал конституционность этого закона под тем предлогом, что обязывать администрацию учреждений согласовывать отпуск по беременности и родам означает ставить женщин

в более благоприятные условия труда, то есть дискриминировать (мужчин). Суд первой инстанции признал правоту работодателя. Одни штаты не дают никакого отпуска в связи с рождением ребенка, другие дают очень небольшой. Мужчины выдвигают два аргумента: производственная этика не обязывает предприятия брать на себя заботу о беременных женщинах, которые при всем к ним уважении своим отсутствием на работе нарушают рабочий процесс; феминистское движение вступает в противоречие со своей традицией, поскольку, всегда выступая против преференций в качестве предлога для дискриминации, в данном случае оно их требует только для женщин.

Для женщины, американки или француженки, которая думает о своем личностном росте и профессиональном успехе, проблема материнства встает по-новому. Карьера обычно складывается в возрасте человека от двадцати до тридцати лет. Родить двоих детей за эти десять лет означает поставить под угрозу будущее (оборотной стороной декретного отпуска в том виде, в котором он существует во Франции, является более выгодное положение мужчин). Представляется, что в США чаще, чем во Франции, женщины сначала стараются «состояться» в профессиональном плане, а потом заводить детей. В последнее время наблюдается все больше удачных родов в сорок лет, развивается техника выявления и исправления аномалий плода на ранней стадии. Американка хочет преуспеть на всех фронтах: в профессии, в супружестве, в материнстве. Это беспокоит мужа. Француженка, более осторожная и практичная, даже если она феминистка, редко выражает ненависть к мужчине и стремление занять его место. Она хочет сохранить свои отличия. «Мы вовсе не стремимся к тому, чтобы женщины почувствовали вкус к власти и переняли все мужские недостатки», — писала Симона де Бовуар. Мужчинам затыкает рот подобное презрение.

«Превратите свой дом в место для погружения в счастливый ужас. Наденьте на мебель черные чехлы. Вам понадобится как минимум одна паутина, пластиковые змеи, летучие мыши... Набейте старый костюм газетами, прикрепите к нему высокую шляпу: это чучело будет гвоздем программы... Действо должно происходить в полумраке... Как только дети усядутся за столом в темной комнате, начинайте страшный рассказ, добавьте спецэффектов. Когда речь пойдет о мертвце, обойдите стол вокруг, и пусть дети потрогают „тело“ — виноградины вместо глаз, в качестве языка устрица, размороженная печенка пусть изображает сердце, мокрая губка — легкие, а холодные спагетти — мозг...»

The New York Times, 24 октября 1979 года.

«Советы, как провести Хеллоуин».

Деньги покойного

В американских СМИ важное место занимает культура индивидуальных и коллективных страхов. Рак, СПИД, депрессия, гибель молодежи в результате несчастных случаев, передозировка наркотиков, самоубийства иллюстрируют первые, слепой терроризм или ядерный апокалипсис (фильм «На следующий день» 1983 года) — вторые. Пресса и телевидение постоянно смакуют нечто подобное, по-видимому отвечая ожиданиям. Фантастические фильмы и видеоклипы, наследники популярной литературы в жанре ужаса, восходящей к готическим романам XVIII века и пришедшим им на смену рассказам Эдгара По, с успехом поддерживают тревогу и страхи. Можно упомянуть такие фильмы, как «Ночь живых мертвецов», «Черви», «Вторжение похитителей тел», «Изгоняющий дьявола» и клипы «Триллер», «Проклятие оборотня» и пр. Смерть, вызванная монстрами (более или менее похожими на людей), ошибками науки или войной, не сходит с кино и телеэкранов. Наиболее успешные из этих произведений экспортируются во Францию, где воспринимаются как экзотика.

Мы не будем останавливаться здесь на месте, занимаемом смертью в современном обществе, потому что эта тема рассматривается в другой части настоящего тома. Постараемся узнать, имеем ли мы дело с точной копией «американской модели» или же речь идет о почти полном совпадении, с некоторым опозданием, вызванным отставанием Франции в научно-технологической сфере. В обеих странах в 1950-е годы половина людей умирала в своей постели, в 1985 году таких всего 20%. И здесь, и там дату смерти постепенно отодвигают. Тем не менее представляется, что во Францию постепенно приходят две американские практики. Первая — контроль врачей со стороны адвоката, который нашел в процессе умирания выгодную для себя нишу. Врача обвиняют в грубой ошибке, вызвавшей смерть, или в излишнем врачебном рвении, не отменяющем смерть, но делающем ее более мучительной. Вторая — смещение границы между тем, что говорится, и тем, о чем умалчивается. Американская врачебная этика предписывает врачу говорить пациенту правду. Французский же врач, знающий, как на самом деле обстоят дела, и сознающий реакцию отрицания умирающего, долгое время хранит молчание по поводу тяжести заболевания и того, сколько больному осталось. Согласно опросу, проведенному в 1978 году, 77% французов желали бы для себя «внезапной смерти» и 53% хотят «не знать». То, что французский врач теперь называет вещи своими именами («У вас рак»), возможно, объясняется не столько «американским влиянием», сколько появлением эффективной диагностической аппаратуры (УЗИ позволяет пациенту увидеть свою опухоль) и прогрессом медицины (отдельные формы рака излечимы или, по крайней мере, состояние больного можно стабилизировать).

Культурные различия между США и Францией проявляются также в отношении к смерти (да простит нам читатель излишнее многословие на эту тему). В 1963 году Джессика Митфорд в работе «Американский стиль смерти» описала

коммерческую сторону смерти в следующих терминах: «Помпезные похороны становятся теперь частью американского стиля жизни». Она настаивает на том, что организаторы похорон (*funeral directors*) получают значительную прибыль благодаря оказываемым услугам: туалет, бальзамирование тела, грим, помещение тела в открытый гроб, установка его в траурном зале (*funeral home*). Последняя инновация в этом вопросе — услуга *drive-in funeral home*, позволяющая увидеть покойного и сделать запись в книге соболезнований, не выходя из своей машины. Во Франции, где существует всего лишь три десятка «фюннерариумов» — траурных залов, подобное было бы неуместно; рынок смерти тем не менее функционирует исправно, без потерь и с прибылью, но «а-ля франсез». Фирма *Pompes funèbres générales* при взаимодействии с муниципалитетами практически монополизировала его.

После распорядителя похорон (*funeral director*) инициатива переходит в руки кладбищенского распорядителя. 75% кладбищ в Америке находятся в частных руках, и там, как и везде, существует социальная иерархия (место захоронения должно говорить о *статусе* покойного), и доступ на *статусное* кладбище является апофеозом жизненного успеха. В статье, посвященной мемориальному парку Форест-Лаун в Лос-Анджелесе, «самому веселому в мире кладбищу», если верить рекламе, Пол Джейкобс с усмешкой отмечает, что «смерть в Лос-Анджелесе является наградой — потому что только умерев, можно навсегда поселиться в Форест-Лаун». Ничего подобного не наблюдается во Франции, где, как подчеркивает Мишель Вовель, начиная с 1930 года уходят в прошлое «надгробные памятники, семейные захоронения, эпитафии». Французский покойник сопротивляется американизации*.

* Как и семья умершего во Франции, поскольку визиты французов на кладбище в День всех святых, не принятые в США (по крайней мере в таком масштабе), — дань семейному прошлому и, таким образом, сторона частной жизни. — *Примеч. авт.*

БОГ — АМЕРИКАНЕЦ?

В республиканской и монархической Франции (Конституция 1958 года с поправками от 1962-го показывает всю меру своей ностальгии по монизму), некогда «старшей дочери церкви», Бог проявляется крайне сдержанно. Даже под «коммунистическим игом» в годы, последовавшие за победой левых в 1981 году, ни один из политических лидеров «республиканской оппозиции» не олицетворял Франсуа Миттерана с Люцифером, а Ширака, Жискара д'Эстена и Барра — с новой Троицей. В разгаре «спора о школьном образовании» церковь воздержалась от обвинений правительства в «удушении свобод» и действовала осторожно, чтобы сохранить свои школы, не возбуждая судебного преследования своих противников. Французы больше не боятся «того света», и проповедники-иезуиты больше не имеют успеха. В 1977 году в бессмертие души верили соответственно 35% французов и 73% американцев, в существование рая — 52% и 85%, в существование ада — 22% и 65%. В США религия — слишком серьезная вещь, чтобы ускользнуть от маркетинга. По воскресеньям на телеканалах проповедники один за другим вещают о потустороннем мире, и то же самое можно прочесть в брошюрах, продаваемых в любом супермаркете. Собираются пожертвования, чрезмерные, как и всё в Америке. Сорокапроцентный рост отделений Ку-клукс-клана и групп неонацистов в 1997 году показывает, что подобные явления повторяются.

Если посмотреть глубже, то мы вправе сказать, что частная жизнь в Америке пронизана тем, что можно назвать верой. На пресловутое «освобождение нравов», развернувшееся в «безумные двадцатые», бурно реагируют баптисты и методисты, трактуя библейские тексты буквально. Под улюлюканье толпы в долине Миссисипи пасторы жгут книги Дарвина и его последователей как противоречащие учению о Бытии. В 1925 году в штате Теннесси принимается закон, запрещающий преподавать любую теорию, отличную от библейской

версии происхождения человека. Это вызывает типично американскую реакцию, которая снова проявит себя в эпоху маккартизма и которая основывалась на персонализации ответственности и автономии личности. Американский союз защиты свобод начинает борьбу против фундаментализма. Джон Скопс, молодой учитель средней школы в Дейтоне, при поддержке известного адвоката нарушая упомянутый выше закон, рассказывает ученикам о том, что человек произошел от обезьяны. Судебный процесс над ним длится две недели, радио и пресса мобилизуют общественное мнение в его пользу, несмотря на то что суд присуждает ему штраф в размере ста долларов. «Великий мудрец» Ку-клукс-клана Эванс, по профессии — врач-стоматолог, собрал под свои знамена более пяти миллионов американцев, «белых англосаксонских протестантов», настроенных против чернокожих, евреев, католиков, модернистов, большевиков. Одеты в платья и капюшоны с прорезями для глаз, как у Ку-клукс-клана, его сторонники убивают, расстреливают, похищают, калечат. Что это, американская версия гитлеровских штурмовых отрядов? После чудовищных манифестаций, устроенных в Вашингтоне, движение распадается, раздираемое внутренними скандалами. Перед президентскими выборами 1936 года два крупных демагога, доктор Фрэнсис Таунсенд и Хьюи Лонг, создали Союз за социальную справедливость, который, как на какой-то момент показалось, угрожал переизбранию Рузвельта то ли с правой стороны, то ли с левой, не совсем понятно... и который набрал менее миллиона голосов. Именно вера в «гражданскую добродетель» в дальнейшем помогла бесстрашному Эйзенхауэру победить маккартизм.

«Стать самим собой»

Американец считает себя индивидуалистом. Француз тоже. Идет ли речь об одном и том же индивидуализме? «Для нас, французов, индивидуализм сохранил старую классическую

форму „борьбы индивида против общества, в особенности против государства“. В Америке дело обстоит по-другому»⁴, — пишет Сартр. В основе любого «индивидуализма» — противоречие между своеобразием (требующим «признания») и социализацией (в обществе в целом или в какой-то группе). Американским детям внушается необходимость развивать все свои способности, уважая при этом нормы общества, что требует определенного конформизма. В детстве ребенку дают понять, что в юности ему придется покинуть семью, чтобы «стать самим собой», как говорил американский социолог Роберт Белла. Возможно все, и так и должно быть. Речь идет не о том, чтобы отказаться от своей семьи, но о том, чтобы освободиться от прошлого и не цепляться за свои корни. Нужно быть предприимчивым, не бояться риска, но оставаться «популярным» в своей группе, завоевывать уважение со стороны побежденных или тех, кого победили другие. И, как утверждают, это возможно для всех, поэтому «изгой» из Бронкса или других подобных мест не теряют надежды. Социальные структуры воспринимаются как подвижные, а не как затягивающие. Сопоставление социальной мобильности во Франции и в Соединенных Штатах показывает, что подобное восприятие в какой-то мере иллюзорно. Но представления в данном случае важнее фактов. Готовы ли французы присоединиться к когорте «еврояппи»? Безусловно, желание добиться профессионального успеха и чувство национальной гордости подталкивают к действиям, но груз прошлого генерирует «коды успеха», которые мало что возьмут из американских норм, при всем сходстве «средств производства».

Американец — человек свободный и ответственный, для него естественна *self-help* — самопомощь, незнакомая французам, для которых обращение за помощью к властям стало почти инстинктом. В опасных кварталах, на которые власти не обращают внимания, родители самоорганизуются. Путь из школы домой размечен: на окнах каждого пятого дома есть

условный знак, говорящий о том, что сюда ребенок может обратиться за помощью в случае, если ему грозит опасность. Волонтеры сопровождают пожилых людей в их перемещениях. Жители квартала, сменяя друг друга на посту, по уоки-токи информируют друг друга о подозрительных движениях. В других местах люди красят стволы деревьев в белый цвет, чтобы потенциальный злоумышленник был заметнее. Отношение полиции к этим волонтерам довольно неоднозначное. Если деятельность таких ассоциаций оказывается успешной, власти часто пытаются брать их под свой контроль, что является посягательством на дух самоуправления.

Пуританский менталитет видит в успехе — а следовательно, выгоде — подобной деятельности возможное проявление божественной благодати. По возвращении из США в 1948 году Жан-Поль Сартр прочитал лекцию и рассказал следующий анекдот: один крайне суровый коммерсант из Филадельфии полагает, что его прибыль слишком велика, и снижает цены; его магазин, ставший самым дешевым в городе, привлекает значительную клиентуру, и этот неисправимый пуританин сколачивает состояние. Таким образом, не только деньги порождают мораль (молодой человек или его родители платят большие деньги за поступление в университет, и студент начинает прилежно учиться: он стремится приобрести знания, пропорциональные вложенным средствам), но и мораль притягивает деньги, как случилось с филадельфийским негоциантом. Демонстрировать свое богатство, бесконечно говорить о нем, интересоваться деньгами других не «непристойно». Французские правила хорошего тона на протяжении долгого времени запрещали хвастаться своим успехом (всяким «парвеню» и «нуворишам» не хватает «поколения», как говорится), и любые разговоры о заработной плате или гонорарах считались «неуместными». В этом отношении произошли изменения в менталитете. В 1984 году в результате опроса выяснилось, что 80% не считают «льготником» того, кто, «начав с нуля, сколотил состояние»,

а 59% полагают, что «он много для этого работал». На стенах и в газетах полно рекламы банков: мужчина пальцем указывает на прохожего или читателя и говорит: «Меня интересуют ваши деньги». Французские медиа прославляли бизнесменов Жильбера Тригано и Бернара Тапи. Фамилии *спонсоров* указываются на спортивной форме и экипировке (речь может идти как о физических лицах, так и о фирмах), и в то же время не наблюдается стремления подобрать для этого явления специальное слово (могло бы подойти словосочетание «крестный отец», но оно слишком напоминает одновременно о церкви и об уголовном мире, поэтому двусмысленно). Тем не менее француз не видит (или не признается в том, что видит) в преуспевающем бизнесмене идеал, с которым прилично было бы себя идентифицировать, и скептически относится к возможности каждого разбогатеть и подняться по социальной лестнице за одно поколение. Если он приезжает в Соединенные Штаты и видит количество бедняков, его убежденность в том, что американцы — это «большие дети» или же лицемеры, только укрепляется. Обнаружение недостатков других доставляет бесплатное удовольствие, и было бы глупо от него оказываться.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗОВ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ АМЕРИКАНЦЕВ: СОВПАДЕНИЕ, ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ИЛИ ЖЕ ПОЛНЫЙ РАЗРЫВ?

К тексту, который вы только что прочитали, заключение не требуется. На поставленный вопрос ответит будущее. Однако, коль скоро здесь содержится некая теза, то, чтобы закончить, нам хотелось бы напомнить, что между тремя уровнями социальной жизни существует различие.

В экономическом и, следовательно, политическом плане Франция находится в сфере американского влияния и неплохо себя там чувствует. Планировать и даже что-то предвидеть

в этом вопросе нельзя, все зависит от доминирующей стороны. Доллар поднимается — и начинается безумие: как оплачивать счета за электричество и прочие энергоносители? Доллар падает — все впадают в панику: как защититься от массового экспорта американской продукции, когда автомобиль «Бьюик» будет стоить дешевле, чем «Пежо-205»? Когда в Соединенных Штатах с опозданием начинают понимать, что диктатуры, которые они поддерживают, могут стать новым воплощением режима Кастро, от их поддержки отказываются и разыгрывают карту контролируемого «либерализма». Современность американской империи довольно сомнительна. В то время как русские сапоги топчут страны Восточной Европы и Афганистан, Пиночет давит чилийцев, а Маркос в Маниле покрывает женскую и детскую проституцию. Экономическая мощь Америки непреступна. Сегодня (в 1985 году) сравнить с американцами здесь можно немцев — отчасти и японцев. Но французы могут сколько угодно льстить странам третьего мира, выступая с речами в Пномпене, или кричать: «Да здравствует свободный Квебек!» — Старший Брат улыбается в Вашингтоне, не теряет уверенности в себе и терпимо относится к выходкам своих «союзников».

Что касается внешней стороны, то можно сказать, что американцы живут среди нас. Джинсы, фастфуд, восторженное потребление медиапродукции, американизмы в языке и речи, паломничество в капиталистическую Мекку — все эти признаки даже марсианина заставили бы заметить, что французы подражают американцам.

Однако что касается частной жизни, понимаемой во всей полноте ее интимности, — не будем забывать, что мы, авторы книги, все время стремимся избегать путаницы между жизнью повседневной и жизнью частной, — то здесь нам напоминает о французской специфике груз прошлого. Любой медийный месседж из-за океана интерпретируется по-новому, в зависимости от нашей коллективной памяти. Деколонизация удивила

воскрешением доколониальных культур, которые считались навсегда погибшими. Включение Франции в американскую сферу влияния, неявная форма технической и управленческой колонизации, не вырвало частную жизнь с корнем. Впрочем, именно сила — а может быть, и честь — американской *империи* заключается в распространении и поддержании своего влияния без уничтожения национальной идентичности народов, которых нельзя назвать «порабощенными», поскольку они по собственному выбору примкнули к «модели», не разрушив своих столетних обычаев. В предисловии к французскому переводу книги Дэвида Рисмена «Одинокая толпа» Эдгар Морен писал: «На протяжении уже нескольких лет мы не просто ищем в американской литературе проявления чего-то необычного или футуристического, но начинаем благодаря ей пристально вглядываться в самих себя». Это эффектное утверждение кажется нам спорным. Французское общество существует «на двух скоростях». Конфронтация старой французской культуры и синкретической американской выявила их сходство, подчеркнув различия. Столь желанная модернизация Франции происходит через технико-управленческую адаптацию американской «модели», поскольку США находятся в авангарде этого процесса. Чтобы «оставаться на месте», надо очень быстро двигаться вперед. Однако частная жизнь и ее тайны могут существовать на малых скоростях. Со своих небольших перенаселенных островов японцы отправляются на покорение Америки, экспортируя не людей, а свою продукцию. Что это? Наступление «японской модели»? Или же Франция изобретет свое собственное будущее, безусловно подчиненное мировым экономическим целям, но уважающее культурный «фундаментализм»? Его никто не собирается отрицать, и сутью его является «частная жизнь», неуловимые коды которой в конечном счете понятны только нам.

Софи Боди-Жандро

ПРОЗРАЧНАЯ МОДЕЛЬ: ШВЕДСКОЕ ОБЩЕСТВО*

Швеция — одна из немногих стран, которая наравне с США притягивала воображение французов. Сексуальное эльдорадо 1960-х годов, полное пышнотелых Анит Экберг, роковых Грет Гарбо и болезненных бергмановских героинь, Швеция манила целое поколение латинян, вскормила их «эпинальскими оттисками»**, поражающими воображение блондинками и свободой. Но страна, изобилующая красивыми мужчинами и женщинами, богатыми и счастливыми, постепенно превратилась в страну мрачную, населенную скучными, болезненными, склонными к самоубийству людьми; теперь это мир «шведских семей»⁵, «отвязного секса»⁶, «людей вольных нравов в поисках любви»⁷, в общем, «мир потерянного счастья»⁸. Была ли хваленая и в то же время хулимая шведская модель, этот северный мираж, лишь воображаемой проекцией желаний и страхов французов? Во всяком случае, идиллия кончилась. Государство всеобщего благоденствия превратилось в государство, которое вмешивается в жизнь граждан и больше не входит в список наций-моделей; *middle way*, «третий путь» прошлого в настоящее время сделался утопией. Сегодня стало хорошим тоном обличать контрмодель, «мягкую диктатуру», «нежный тоталитаризм».

* В этой главе примечания, если не указано иное, принадлежат автору.

** Эпинальские оттиски — разновидность лубочных картинок, изготавливавшихся в городе Эпиналь на северо-востоке Франции. — *Примеч. пер.*

И повальное увлечение, и последовавшее за ним разочарование не случайны. Шведская модель, экономическая и политическая*, но в первую очередь общественная, существовала и частично существует и ныне. Термин «модель» (необходимо заметить, что это слово было придумано за пределами Швеции) очень показателен. Тогда как говорят об американизации французского общества, об американском мифе («каждый может в один прекрасный день разбогатеть») или даже об американских ценностях, шведская модель отсылает к понятию образцовости. Слово имеет не только материальный или политический смысл, но философский («счастье»), даже моральный... Философ Эмманюэль Мунье в далеком 1950 году, задаваясь вопросом о том, что есть счастливый человек, отвечал на него: «Шведы. Они являются первыми свидетелями счастливого города»⁹.

Шведская модель в большей степени, чем это может показаться, — это модель социальной этики. В том, что она вне всяких подозрений**, в претензиях на универсальность (пацифизм, помощь странам третьего мира, социальная солидарность, уважение прав человека), в том, что за идеологическую основу взяты консенсус и прозрачность, шведская модель представляет собой новый социальный порядок.

В этом отношении весьма значимо различие между частным и публичным в Швеции. Раскрытие тайны, деприватизация, публичное управление частным. Это смещение границы, каким бы специфически шведским оно ни представлялось,

* В рамках европейских демократий Швеция выделяется большим количеством женщин в выборных органах: в правительстве в 1996 году женщины занимают 50% постов, 40% — в парламенте, 48% — в Генеральных советах, 41% — в муниципальных советах.

** В швейцарских банках существуют тайные счета, у Германии тяжелое прошлое; американские ценности сами по себе сомнительные («империализм», «неоколониализм», «нарушение прав человека...»). Шведские ценности кажутся кантовским категорическим императивом: они со всех точек зрения могут стать универсальными законами.

является образцовым. В действительности в этой стране — которая, парадоксальным образом, сама себя называла «северной Францией» — французы больше, чем другие народы, искали изменения социального порядка. Однако сегодня этика абсолютной прозрачности общественных отношений и идеальной коммуникации воспринимается во Франции как вмешательство в частное пространство индивида. Модель «антитайны» стала недопустимым империализмом.

МОДЕЛЬ АНТИТАЙНЫ

На самом деле эта модель касается всех сфер общественной жизни, вплоть до самых «частных». Отсюда — открытость частной жизни публике, возможно более сильная в Швеции, чем где бы то ни было: одержимость общинной и социал-демократической этикой приводит к полнейшей прозрачности всех отношений и связей, всех областей социальной жизни.

Деньги без тайн

В отличие от того, что принято во Франции*, в Швеции деньги не относятся к сфере конфиденциального. Материальный успех признается обществом и выставляется напоказ, как в Соединенных Штатах. Более того, декларации о доходах находятся в общем доступе, любой человек может поинтересоваться фамилией, домашним адресом, гражданским состоянием всех налогоплательщиков страны, как и их заявленными доходами, — все публикуется Министерством финансов. Наконец,

* Большинство французов согласились бы со словами генерала де Голля, который считал разговоры о деньгах «непристойными». Это показывают все социологические опросы: на прямой вопрос о доходах, о зарплате, о наследстве в лучшем случае назовут более скромную сумму, в худшем он вызовет защитную реакцию: «Сколько я зарабатываю, касается только меня и не должно быть прозрачным» (опрос, проведенный Франс-Интер 9 июня 1985 года; курсив наш).

попытки уйти от налогов предаются гласности: это тоже практически узаконено. Фискальные органы открыто признают (например, в печати), что доносительство предосудительно с моральной точки зрения и что оно тем не менее широко используется: требования прозрачности превалируют даже в этическом плане*.

Открытость официальных документов

В этих же целях действует хорошо известный принцип «свободного доступа к официальным документам»**. Основываясь в значительной мере на законе о свободе печати от 1766 года, закон о свободном доступе гарантирует каждому право знакомиться с официальными документами, то есть со всеми составленными или отправленными при помощи национальной или местной общественной службы. Существует возможность пользоваться документами на месте и копировать; более того, если кто-то столкнется с отказом в предоставлении ему информации, он может сразу же подать в суд. На практике право доступа к документам ограничено положениями закона о соблюдении тайны, что исключает свободный доступ к определенным документам (национальная безопасность, оборона, конфиденциальная коммерческая информация и пр.). Однако, как правило, «в случае сомнения общий принцип должен брать верх над соблюдением тайны»¹⁰.

«Открытые архивы»

В связи с чрезвычайной открытостью шведских публичных властей шведское общество — издавна «информационное общество», общество прозрачных связей. Разумеется, информа-

* Доносительство играет важную роль и во Франции, но здесь налоговые органы никогда не сообщают через прессу цифры полученных доходов (с местных налогов в городе Мальмё в 1984 году — 150 000 крон, статья в газете *Sydsvenska dagbladet*).

** Offentlighets Principen.

тизация утвердила этот порядок вещей, создав огромные информационные потоки, в частности между частным сектором и администрацией. Нет больше ни одной страны, в которой бы компьютеры многих страховых компаний функционировали совместно с компьютерами центральных органов записи актов гражданского состояния. Случается и так, что компьютер продавца автомобилей связан с базой индексов автомобильных номеров или что органы государственной власти используют сведения о платежеспособности из частных файлов. С 1974 года информация, хранимая на компьютерах, приравнивается к традиционным документам публичных служб.

Коммуникация между различными именованными архивами облегчается благодаря существованию личного идентификационного номера. Уникальные для каждого гражданина номера присваиваются с 1946 года и стали использоваться службами гражданского состояния задолго до появления компьютеров в органах власти. Этот номер включается в большинство шведских именных архивов, публичных и частных. Швеция — первая европейская страна, в которой в 1756 году на государственном уровне была создана служба статистики; здесь также впервые в Европе стало возможным получение любой личной информации по одному номеру.

Если информационные службы делают доступными для государства сведения о гражданах, они, в свою очередь, тоже должны быть прозрачны для граждан. На основании закона об информационных службах, принятого в 1973 году и дополненного в 1982-м, первого подобного закона в западном мире, в частности, создана Информационная инспекция, в обязанности которой входит предоставление именных файлов, обеспечение их безопасности и работа с жалобами по этим вопросам, которые иногда подаются. Особенно затруднительно бывает дать доступ к файлам, содержащим личную информацию, тогда как процесс выдачи прочих справок и документов автоматизирован. В эту категорию данных входят сведения

о медицинских и санитарных услугах, об обращении в административные органы, о правонарушениях или же о национальной безопасности и обороне и т. д. Собирать и хранить подобную информацию уполномочены лишь специальные службы. Наконец, любой человек имеет право один раз в год в удобное для себя время получить касающуюся его информацию, хранящуюся в архивах.

Такая информатизация общества может рассматриваться как очень эффективный (если не сказать — опасный) инструмент социального контроля. Многие иностранные наблюдатели увидели здесь подтверждение наступления полицейского государства, «из тени» манипулирующего во всех частных сферах (от здоровья и доходов до профессиональной ситуации и прочего). При этом интересно отметить, что подобная информатизация не вызывает практически никаких возражений в самой Швеции; каждый убежден (возможно, напрасно), что подобная практика никогда не будет направлена против граждан, но, наоборот, существует для их блага. В любом случае этот консенсус свидетельствует о глубоком доверии к государству: в сознании шведов вся система, от каждого индивида до органов власти, вписана в коллективную мораль и, следовательно, подчиняется одним и тем же требованиям.

«Общество лиц»

Не следует, однако, упрощать: шведское общество — это не антигуманное общество а-ля Оруэлл. Парадоксальным образом это общество, состоящее из каталогизированных и пронумерованных индивидов, гораздо в большей мере, чем во Франции, представляет собой общество лиц. Нет ни одной ежедневной газеты, которая не выделяла бы по крайней мере полполосы на публикацию фотографий читателей по случаю их дней рождения, свадьбы, похорон. «Светский дневник» занимает как минимум одну полосу; отсутствие какой-либо социальной дискриминации бросается в глаза. В некрологах описывается

карьера как господина Андерсона, *Verkställande direktör* (директора предприятия), так и господина Свенсона, *Taxichaufför* (таксиста). Наконец, сообщениям о юбилеях, в частности о таком важном в Швеции, как пятидесятилетие, выделяется в ежедневных газетах по многу строк, а государство дает юбиляру несколько дней отпуска. Такая смесь информатизации и живучих старинных обычаев — одна из наиболее оригинальных и малоизученных специфических черт шведского общества.

«Омбудсмен» и социологические опросы

Что касается коллективных решений, здесь тоже царит прозрачность. Институт омбудсменов — уполномоченных по правам человека — широко известен за границей. В обязанности парламентского омбудсмана (должность которого существует с 1809 года) входят улаживание споров в отношении границ между частным и публичным (в частности, защита «права индивида на тайну»), работа с жалобами, применение санкций к нарушениям законов... или же просто консультации чиновников. Возможно, менее известным, но не менее важным является проведение больших социологических опросов. Эти опросы предшествуют принятию всех законов и проводятся комитетами, в которых заседают представители самых разных политических партий и важнейших групп, эксперты из разных областей (экономисты, социологи и пр.). После слушаний, исследований, даже территориальных опросов выводы экспертов передаются на рассмотрение законодательным службам соответствующих министерств, мнение которых по предлагаемым вопросам также учитывается. Кроме того, каждый гражданин имеет право передать в министерство свою точку зрения по изучаемому вопросу. Таким образом, самые «частные» вопросы — гомосексуальность, проституция, насилие и пр. — становятся предметом больших публичных дискуссий, наравне с установлением цен, видеопродукцией, переводом Библии на шведский или политикой в сфере энергетики.

Подобная процедура, свойственная Швеции, играет основную роль в принятии политических решений и в достижении согласия по обсуждаемым вопросам. Ее существование показывает даже, с одной стороны, как кажущиеся наиболее «частными» темы принимаются во внимание общественными институтами, а с другой — как практически каждый индивид на любом этапе может подключиться к принятию того или иного решения. Здесь выражаются также важнейшие требования коллективной этики: прозрачность процесса принятия решений и достижение согласия по принимаемым мерам.

Государственная церковь

Мало кто знает, что церковь в Швеции государственная и что лютеранство — государственная религия*. Церковь стала действовать как часть государственного аппарата в 1523 году, с началом Реформации. Церковь была инструментом шведской политической унификации, участие в церковных службах рассматривалось как гражданская обязанность. Прочность связей церкви и государства доказывает тот факт, что лишь начиная с 1860 года шведы получили возможность покидать лоно церкви. В то время можно было лишь переходить в другую христианскую общину. Это условие было отменено в 1951 году. Тем не менее каждый ребенок, имеющий шведское гражданство, автоматически становится прихожанином церкви, если таковыми являются его мать или отец и если родители от его имени в шестинедельный срок после рождения не откажутся от этого. Таким образом, 87% шведского населения официально относятся к шведской церкви.

Швеция — одна из самых христианских стран и в то же время одна из наиболее секуляризованных. Церковь находится в руках государства, именно государство назначает епископов

* Для сравнения: в Италии дела уже обстоят не так!

и частично духовенство*, именно оно определяет уровень их заработной платы, собирает налоги на церковь и т.п. В свою очередь церковь начиная с 1968 года занимается регистрацией актов гражданского состояния, управлением кладбищами и т.п. Тем не менее новый закон от 1992 года передал из рук церкви публичным органам то, что касается актов гражданского состояния. Несмотря на это, связь между церковью и государством остается неприкосновенной. Большинство граждан Швеции относятся к каким-либо приходам, и религиозный брак равен перед законом гражданскому.

Институционный характер шведской церкви в глазах населения выражается и в публичном участии в церемониях, которые она организует. Так, около 63% пар заключают брак по религиозным обрядам. Если обряд крещения проходят 73% детей и лишь 56% — конфирмацию в лоне шведской церкви, то похороны в 90% случаев проводятся в церкви. Наконец, некоторое количество членов государственной церкви одновременно принадлежат к одной из «свободных», или «диссидентских», протестантских церквей из евангелистского лютеранского крыла движения духовного пробуждения (*Väckelse rörelser*), бывшего особенно активным в начале XIX века. В целом свободные шведские церкви собирают пропорционально больше прихожан, чем в других северных странах.

Формальное присутствие в лоне церкви не может скрыть потерю интереса шведов к религии. Лишь 10% опрошенных заявили, что активно посещают церковь. Зато важной составляющей шведского темперамента является почти метафизическая тревога, глухая и неотступная. Возможно, ада в представлении шведов не существует, но сверхъестественное, без сомнения, присутствует. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на полужыческие, полурелигиозные праздники,

* Начиная с 1958 года в шведской церкви разрешено посвящать в сан женщин. Сегодня в Швеции насчитывается около трехсот пятидесяти женщин-священников.

которыми полон календарь, или вспомнить о фантастическом мире троллей, который присутствует в фольклоре, литературе и кино. Достаточно упомянуть такого по-настоящему шведского писателя, как Пер Лагерквист*, автора «Вараввы» и «Смерти Агасфера», все творчество которого — это долгий и мучительный религиозный поиск. Андре Жид, еще одна мятущаяся душа, писал по поводу «Вараввы», что Лагерквисту удалось «удержаться на канате, натянутом сквозь мрак между реальным миром и миром веры»¹¹.

Вот так изысканно реальное сочетается с духовным. Коллективная религиозная мораль прошлого трансформировалась в мораль по-прежнему коллективную, но теперь светскую, а в кино и литературе слышен отзвук духовного мира, метафизической тревоги и вязкого чувства вины, которым отмечен шведский менталитет.

«Деприватизированная» семья

Открытие частной сферы взглядам широкой публики хорошо заметно в эволюции структуры семьи. То, что функции, прежде возложенные на семью, теперь переходят к государству или коллективу, в современном обществе не ново. Однако в Швеции эта «деприватизация» частной сферы носит особенный характер. Речь идет не только о вмешательстве в частное пространство, но главным образом о том, чтобы сделать его максимально прозрачным, снять завесу «тайны», иными словами, узнать, что там происходит. Так, шведские власти систематически занимаются установлением отцовства каждый раз, когда поступает просьба о финансовой помощи от матери-одиночки или разведенной женщины, и каждый раз, когда существуют сомнения по поводу того, кто является отцом ребенка. Любой мужчина, который, по заявлению женщины или ее друзей, имел интимные отношения с матерью ребенка,

* Лауреат Нобелевской премии по литературе 1951 года.

вызывается в соответствующие структуры для установления отцовства. Предполагаемый отец или, возможно, предполагаемые отцы в случае разногласий должны сдать кровь на анализ. При необходимости дело передается в суд. По окончании этого процесса выявленный отец должен платить алименты.

Процедура установления отцовства оправдана не столько с экономической точки зрения, сколько с этической. Каждый ребенок имеет право знать своего настоящего отца. Конечно, в осуществлении этого принципа есть некий парадокс. Одинокая женщина, которая любой ценой хочет завести ребенка, но не хочет, чтобы затем в ее жизнь вмешивался отец этого ребенка, окажется лишенной социальной помощи, если откажется от обязательного установления отцовства. Получается, что, согласно закону об абортах от 1975 года, женщина вправе располагать своим телом, но «не имеет права рожать ребенка без объявления имени его отца». Таким образом, право ребенка — превыше всего, и даже если женщина откажется от пособия, будут пущены в ход все средства, вплоть до привлечения к суду, чтобы заставить ее сказать, кто же отец ребенка: предполагается, что в случае если отец останется неизвестным, вопрос о том, кто же он такой, будет преследовать ребенка всю его дальнейшую жизнь. Таким образом, тайны отцовства не существует. Происхождение детей тоже должно быть прозрачным и ясно установленным. Семьи стараются не рисковать понятием легитимности, и институт брака основан на публичности информации, санкционированной законом.

Новое шведское законодательство — об искусственном осеменении — также покоится на требовании абсолютной прозрачности. Гёрун Эверлёф, судья и секретарь Комиссии по искусственной инсеминации, подчеркивает: «Очень надеюсь, что в дальнейшем этот процесс будет более открытым, чем до сих пор. Искусственное осеменение не следует рассматривать как нечто невыносимое — к этой ситуации стоит относиться так же, как к усыновлению. В Швеции уже давно не существует

тайны усыновления детей, как это было прежде. Это способствовало тому, что приемные дети стали более счастливыми». Швеция — первая страна в мире, с 1 марта 1985 года имеющая комплекс законов об искусственном осеменении. До тех пор искусственное осеменение с использованием донорской спермы окружалось завесой тайны; кроме того, все сведения, касающиеся донора, тщательно скрывались. Важная инновация в новом законе, которая к тому же прекрасно иллюстрирует социальную модель антитайны, — отсутствие анонимности донора. Таким образом, каждый ребенок получает право знать, кто его биологический отец, и даже может получить все имеющиеся в больнице данные об этом*. До недавнего времени все усилия были направлены на то, чтобы ребенок не узнал, каким образом он был зачат. Сегодня дела обстоят по-другому: в первую очередь заботятся об интересах ребенка, и, следовательно, ему не препятствуют в получении всех доступных сведений о личности его биологического отца**. Кроме того, комиссия подчеркивает, как важно, чтобы родители были с ребенком откровенны. Она рекомендует, в частности, в подходящий момент сообщить ребенку о том, как он был зачат (несмотря на то, что закон не обязывает это делать). Также в интересах ребенка искусственное осеменение разрешается только для женатых пар или для людей, живущих вместе как супруги, не разрешается для одиноких женщин или лесбийских пар. В стране, где множится число семей с одним родителем, этот запрет отсылает при этом к классической структуре семьи, с отцом и матерью; на это настраивают проведенные психологические и психиатрические исследования. Таким образом, прежде всего

* Зато приемные родители не имеют права доступа к этим сведениям.

** Хотя закон различает отца биологического и отца законного и оговаривает, что вся ответственность ложится на плечи второго (биологический отец ни при каких обстоятельствах не может привлекаться к какой бы то ни было ответственности), первым следствием закона, несмотря на исследования, проводившиеся во время его разработки, стало резкое сокращение количества желающих стать донорами.

речь идет об оптимальном развитии ребенка. Для усыновления таких детей есть пока некоторые ограничения — это разрешено только супружеским парам.

Ребенок — полноправный гражданин

Также для шведской культуры и этики характерен статус, который шведы придают ребенку. В Швеции ребенок рассматривается как полноправный гражданин и как незащищенный индивид, которого следует защищать почти так же, как и остальные меньшинства: лапландцев, иммигрантов и т. д. Путь к «деприватизированной» семье более всего заметен в статусе ребенка, единственном подобном в мире. Начиная с 1973 года существует *омбудсмен* по правам ребенка, который выступает «рупором» детей; в его функции входит информировать общество и освещать проблемы, нужды и права детей. Этот уполномоченный не имеет установленного законом права вмешиваться в конкретные дела, зато он может оказывать давление на социальные службы и политических деятелей, предлагать разного рода акции, направленные на улучшение положения детей, повышать ответственность взрослых по отношению к детям, наконец, поддерживать контакт по телефону с ребенком, оказавшимся в трудной ситуации. Таким образом, мы видим, что шведское общество признает за детьми (как раньше за женщинами, иммигрантами и прочими меньшинствами) специфические права, что существуют специальные организации по защите детства, целью которых является создание наиболее гармоничных условий для интеграции ребенка в общество и вместе с тем уважение его индивидуальности.

То же самое касается и ребенка-иммигранта. Так, он имеет право получать образование на родном языке. Начиная с 1979 года государство выдает кредиты на то, чтобы дети пяти-шести лет, посещающие коммунальные детские дошкольные учреждения, могли говорить на родном языке, и во все большем количестве детских садов детей начинают распределять

по однородным лингвистическим группам. Дети-иммигранты имеют, таким образом, все средства поддерживать знание родного языка и сохранять свою культуру и могут развить у себя активный билингвизм. Здесь также стремление к интеграции проявляется в уважении к культурной идентичности, хотя достигнутые результаты неоднозначны¹².

Многие дети с трудом интегрируются в ту или иную культуру и плохо говорят на том или ином языке. Несмотря на многочисленные права, которыми пользуются иммигранты (право выбирать и быть избранным на муниципальных и кантональных выборах, право на дисперсное, а не компактное проживание, что облегчает процесс интеграции, бесплатные курсы шведского языка, те же льготы, что и для шведов, и даже закон о запрете дискриминации по этническому признаку при приеме на работу, действующий с 1994 года, и т. п.), шведскому обществу при наличии более 140 лингвистических групп не удается создать тот «плавильный котел», *melting-pot*, который получился у американцев.

Запрет на шлепки

Автономия ребенка в семье выражается также в законе о запрете телесных наказаний. Действительно, с июля 1979 года шведское законодательство о семье и детстве (Семейный кодекс) пополнилось запретом всех форм телесного наказания, включая шлепки по ягодицам, так же как и «моральных наказаний» или «оскорбительного обращения» (приводятся примеры: нельзя запира́ть ребенка в чулане, угрожать ему или пугать его, игнорировать его в воспитательных целях, открыто высмеивать). Запреты, надо сказать, не совпадают с положениями Уголовного кодекса (только в случае нанесения вреда). Однако любой ребенок имеет право пожаловаться на побои, и виновный в них не может сослаться на то, что полагал себя вправе шлепнуть ребенка по попе: ранее это было «частным» тайным делом, символом родительской власти. Теперь дела обстоят иначе.

Политическая сфера в той или иной форме контролирует пространство, прежде бывшее частным. Семья больше не несет исключительную ответственность за ребенка. Его права определяет не семья, а общество в целом, в форме законодательства или социальной защиты. Ребенок выходит из частного пространства, все больше социализируется вне семейного контекста. Отношения между родителями и детьми больше не относятся только к вопросам частной жизни, они управляются «коллективом». За всех детей несет ответственность все общество.

В качестве иллюстрации можно назвать реформу 1980 года, получившую название «воспитание родителей»¹³. Будущим родителям на протяжении всей беременности и первого года жизни ребенка предлагается посещать факультативы, где будут проводиться беседы и обучение тому, как обращаться с детьми. (Тем, кто посещает занятия в рабочее время, выплачивается компенсация в рамках социального страхования.) Цель «воспитания родителей» — «способствовать улучшению положения детей и семей в обществе»: «Общественные институты не должны брать на себя ответственность за детей, им следует давать родителям средства выполнять свои обязанности»*. Интересно отметить, что и в занятиях по воспитанию родителей, проводящихся, как правило, вне дома, приоритет имеет коллектив. В этом смысле воспитание родителей — форма коллективной деятельности, объединяющая индивидов, в данное время находящихся в схожей ситуации. В ходе занятий индивид все активнее интегрируется в группу: фактически большинство тех, кто начинает заниматься в группе при центре защиты матерей, затем продолжает занятия в группе при центре защиты детей и т.д. Таким образом, новые социальные реформы способствуют тому, чтобы

* Предложение Кайсы Сундстрём-Файгенберг, гинеколога, ответственной за проект воспитания родителей Национального департамента здравоохранения и социальной защиты.

усилить коллективизм шведского общества, отдавая предпочтение всему, что помогает включению индивида или семьи в группу, в общество.

Шведский ребенок, считающийся полноправным гражданином, имеет право, как только его возраст и уровень развития это позволяют, самостоятельно действовать в сложившейся ситуации. Особенно это касается проблем, возникающих в результате развода. Ребенок должен иметь возможность участвовать в вопросах установления опекунства, своего основного места жительства, посещения вторым родителем, а также получать юридическую помощь. Его интересы в суде должен представлять назначенный судом уполномоченный. Наконец, в случае развода он может выбирать, с кем из родителей останется жить, вплоть до оспаривания полюбовного соглашения между ними (при этом, однако, право на посещение остается неприкосновенным). Коротко говоря, мнение ребенка заслуживает того, чтобы быть выслушанным и защищенным так же, как и мнение любого другого гражданина.

Конец альковных тайн

Как мы видели, жизнь семьи широко открыта для публики. То же самое и с жизнью супружеской. Так, начиная с 1965 года сексуальные преступления (например, изнасилование) в браке подлежат уголовному преследованию. С 1981 года женщине не обязательно подавать жалобу на мужа или сожителя самостоятельно, для возбуждения уголовного дела достаточно заявления третьего лица. Разумеется, гомосексуальность в Швеции не рассматривается как перверсия (между прочим, уголовные санкции были отменены уже в 1944 году). В 1970 году, после мощного всплеска либерализации нравов, гомосексуалы создали Национальную организацию за сексуальное равенство (RFSL*). В 1980 году правительство провело массовый опрос,

* Riksförbundet för Sexuellt Likaberättigande.

целью которого было реформирование законодательства по вопросу гомосексуалов, чтобы исключить любую дискриминацию. Предлагалась не только серия законов, гарантирующих полное равенство гетеро- и гомосексуалов, но и активная поддержка субкультуры и организаций последних, узаконивание совместного проживания гомосексуальных пар, предоставляющее им те же льготы, что и брак. В связи с этим интересно отметить, что обновление нравов идет сверху (например, упомянутый выше правительственный опрос*). Парадоксальным образом эти инициативы вызвали живейший протест со стороны лесбиянок: они полагали, что их пытаются вернуть в устаревшие формы семьи и что никакие льготы здесь не нужны. Прозвучали и возражения по поводу того, что закон адресован парам, неважно, гетеро- или гомосексуальным, а не индивидуам, независимо от отношений, в которых они состоят. Лишь в 1994 году был принят закон о сожительстве двух лиц одного пола (*Partnerskap*), который легализует подобные союзы с некоторыми оговорками (нужно иметь шведское гражданство и жить на территории страны).

Секс

Задолго до «сексуальной революции» 1960–1970-х годов в исключительно частном характере этой сферы была пробита брешь — появилось сексуальное просвещение. Действительно, еще в 1933 году была создана некоммерческая Национальная ассоциация сексуального воспитания (RFSU**). Ее целью было

* Правительственный опрос *Homosexuella och Samhället* («Гомосексуалы и общество»), SOU 1984: 63, 54% опрошенных выступали против однополых браков, но 46% соглашались с тем, чтобы гомосексуальная пара, проживающая вместе, имела право на получение ссуды на жилье (против выступали всего 25%).

** *Riksförbundet för Sexuellt Upplysning*. Треть бюджета этой ассоциации составляют дотации государства и комитетов по здравоохранению. Численность персонала — около ста человек; в это число не входят врачи на полставки и пр.

«создать общество без предрассудков, толерантное и открытое проблемам секса и жизни вдвоем». Первоочередной задачей была не столько либерализация секса, сколько борьба с венерическими заболеваниями и абортами. Однако с этого момента акцент делается на сексуальном просвещении и постепенной отмене табу. В 1938 году новый закон о контрацепции и об абортах отменял запрет на пропаганду и продажу противозачаточных средств, существовавший с 1910 года. Были внесены изменения и в положения закона об абортах*. В 1942 году рекомендуется проводить уроки сексуального просвещения в школах, а в 1955 году они становятся обязательными. Конечно, поначалу подход к этому вопросу в школах был достаточно консервативен (интимные отношения в браке обсуждались лишь с точки зрения продолжения рода). Однако очень скоро именно секс — или, как называла его газета *Le Monde* в декабре 1973 года, «жизнь вдвоем» — стал изучаться в классах начиная с семилетнего возраста**. Подчеркивается, что «акт любви должен быть основан на чувстве взаимной склонности и взаимоважнении»; затрагиваются и такие секретные вещи, как «онанизм, фригидность, гомосексуальность, контрацепция, венерические болезни и даже удовольствие». Сопутствующие меры не заставили себя долго ждать. Уже в 1946 году закон обязал все аптеки продавать контрацептивы. Позже, в 1959 году, контрацептивы разрешили продавать не только в аптеках: секс выходит в общественные места в прямом смысле слова. Наконец, в 1964 году реклама противозачаточных средств (под патронажем RFSU) наводнила газеты и журналы. Сначала предполагалось, что эта реклама будет носить информативный и даже технический характер, но очень скоро она стала веселой и привлекательной.

* Аборт разрешался только в трех случаях: физическая слабость, беременность в результате изнасилования и вероятность передачи ребенку серьезного наследственного заболевания.

** В 1922–1926 годах сексуальное воспитание в школе получили 7% пятнадцатилетних, в 1952–1956 годах — 48%, в 1957–1961 годах — 65%.

Дело в том, что цель у нее двоякая: конечно, проинформировать, но и продать. В результате секс очень быстро покинул область презервативов и гигиенических прокладок и стал основой рекламы всех видов потребительских товаров.

Отмена цензуры

Демифологизация секса, изначально продиктованная заботой о здоровье, а также борьбой с нищетой и невежеством, в 1960-е годы сопровождалась дебатами о цензуре. Снятый в 1951 году, а в 1957-м вышедший на мировой экран фильм «Она танцевала одно лето», в котором жарко обнимаются обнаженные по пояс Фольке Сундквист и Ула Якобсон, имел скандальный успех и способствовал установлению репутации Швеции как страны, в которой процветает сексуальная свобода. В 1963 году цензура пропускает фильм Бергмана «Молчание», несмотря на его смелость, но фильм Вильгота Шёмана «491» выходит на экраны лишь после того, как из него была удалена сцена, в которой молодые люди заставляют проститутку совершить половой акт с собакой. Цензурирование вызвало ожесточенные дебаты, и в результате в 1964 году фильм был разрешен к показу в полном виде. В 1965 году на экранах начинают показывать гомосексуальные сцены. Наконец, с появлением фильма того же Шёмана «Я любопытна» пали все табу для секса в кино. Фильм вызвал полемику, в результате чего он был запрещен для просмотра детям, но не подвергся цензуре. С этого момента начали создаваться бесконечные комиссии для изменения законодательства, так как все границы, казалось, были перейдены. Распространялись фильмы по сексуальному просвещению — например, «Язык любви», касающийся женского оргазма, потом, в 1971 году, «Еще о языке любви», в котором среди прочего показывались мужские гомосексуальные сцены и секс людей с ограниченными возможностями. В конечном счете в том же году цензура была полностью отменена, за исключением сцен чрезмерного насилия.

Порнография

Порнография для сексуальной революции 1970-х годов была тем же, чем сексуальное воспитание — для 1940–1950-х. Возможно, это непосредственное проявление сексуальности, потому что, в отличие от эротики, в ней нет никакого посредника между зрителем и объектом его желания. Ничто не скрывается, все показывается. В связи с этим интересно отметить, что в шведской литературе не существует такого жанра, как эротический роман, нет ни «Жюстины», ни «Истории О.»; ничего эквивалентного произведениям Жоржа Батая, маркиза де Сада или даже «Нескромным сокровищам» Дени Дидро. Легкая либертинская литература датируется XVIII веком, когда Швеция была «Северной Францией». При этом в шведской литературе — в частности, в литературе о сексе — не используется преуменьшение, подразумеваемое или скрытое содержание; она либо попросту порнографическая, либо учебная. Порнография, следовательно, представляет собой некий закат фантазмагорического воображения, метафорического описания тела. Фантазии — из мира тайны или возможного; их реальное (*live show*) или же иконографическое представление устраняет какую-либо медиацию, все воображаемое, а иногда и трансгрессию. Вероятно, именно поэтому порнографическая литература кажется такой повторяющейся и неоригинальной. Учебные пособия по сексу показывают его техническую сторону; порнографические журналы демонстрируют, по сути, то же самое с некоторыми псевдоизвращенными вариациями.

Право на удовольствие

Сексуальная революция устранила последние табу. После права на получение сексуальной информации провозглашается право на получение удовольствия от секса. Равенство обязывает убрать любые ограничения: любое сексуальное поведение легитимно, от гомосексуальности и вуайеризма до зоофилии.

В юридическом плане исчезает понятие «посягательство на нравственность», его заменяет «преступление сексуального характера»*. Тем не менее откат назад последовал незамедлительно. Сексуальная революция 1960–1970-х годов при ближайшем рассмотрении оказывается в какой-то мере фиктивной: она уничтожила формальные запреты, но по существу не изменила традиционные схемы. Во всяком случае, так утверждали шведские феминистки, которые, в частности, не соглашались с тем, как порнографическая литература иллюстрировала отношения между мужчиной и женщиной. В связи с этим можно вспомнить такой случай. В 1964 году был создан журнал *Expédition 66*, этакий *Playboy* для женщин. Журнал прекратил свое существование очень быстро — за неимением читателей, а особенно — из-за отсутствия моделей (редактор журнала Нина Эстин со своей истинно шведской честностью отказалась от поиска моделей в журналах для геев). После этого аудитория подобного рода литературы будет состоять в основном из мужчин.

Проституция

Прекрасную иллюстрацию этого отката и в особенности роли, которую в нем сыграло функционирование институтов, представляет собой проституция. Как ни странно, в начале 1970-х годов — то есть в момент, когда секс, по крайней мере внешне, перестает быть чем-то запретным, — наблюдается выраженный рост проституции в Швеции: в 1970–1972 годах только в Стокгольме насчитывалось более сотни «массажных салонов» или «ателье для позирования»**. Тогда же множатся выступления в защиту более свободной и менее завуалированной проституции. Эрикссон в 1965 году выступает в поддержку

* *Sedlighetsbrotten*. См.: *Sexuella Övergrepp* (публичный опрос по преступлениям на почве секса), SOU 1976.

** Источник: *La Prostitution en Suède*. SOU 1981, 71. Зато в Швеции практически не существует приставания к прохожим на улицах.

легализации проституции и даже за социальное страхование секс-работниц.

В 1976 году создана комиссия по изучению проституции, а в 1980 году разрабатывается проект по социальной реабилитации проституток. Чрезвычайно подробный доклад, в котором проводится анализ всех звеньев проституции (проститутка, клиент, сутенер), вызвал полемику между сторонниками запрета проституции (в частности, это различные женские движения) и теми, кто опасался, что криминализация проституции не уничтожит ее, а сделает подпольной, а значит, неконтролируемой. В докладе, в частности, отмечалось, что проституция в Швеции была напрямую связана с наркотиками; поэтому те, кто защищал проституцию в 1960-е годы, сегодня сомневаются в ее «освободительном» характере. Наконец, подчеркивалось, что проституция существовала лишь для удовлетворения мужчин — еще одно подтверждение того, что сексуальной революции 1960–1970-х годов не удалось «реально» освободить женщину.

На основании этого доклада был принят ряд запретительных законодательных мер. Новые положения не наказывают клиента (кроме случаев занятия сексом с несовершеннолетними), но позволяют обвинить в сводничестве собственников помещений, служащих для занятия проституцией. Вместе с эффективной деятельностью по реабилитации проституток* эти законодательные акты вызвали значительное снижение уровня проституции в начале 1980-х**. Также пресекалось сочетание секса с насилием, часто встречающееся в порнографических публикациях. Наконец, с 1982 года запрещены *live shows*; комиссия изучила клиентуру и пришла к выводу, что в основном это мужчины зрелого возраста, в особенности

* Благодаря проекту реабилитации проституток в Мальмё этот процесс был успешным более чем в половине случаев.

** В 1980 году количество «массажных салонов» и прочего в Стокгольме снижается до двадцати пяти.

иностранные бизнесмены. Следовательно, «речь не шла о шведском культурном наследии, которое необходимо было охранять». Таким образом, пришел конец шведской специфике, имеющей международное реноме... На самом деле наблюдается если не полное угасание интереса к порнографии, имевшего место в 1960–1970-е годы, то по крайней мере ее банализация, и дебаты о сексе, разгоревшиеся в те годы, теперь сменились спорами о насилии во всех его проявлениях (в том числе сексуальном).

Грани частной жизни

Все же в практически прозрачном шведском обществе существуют скрытые стороны. Здесь есть свои немногочисленные, но строго охраняемые тайны. Это, например, насилие, формально наказуемое и повсеместно преследуемое, но существующее; это алкоголизм, область, в которой консенсус наиболее хрупок, а социальный контроль подвергается критике. Кроме того, ускользают от чужих взглядов некоторые ревниво охраняемые географические (дом, корабль, остров...), а также зачастую воображаемые поэтические пространства.

Насилие

В «приглушенном» шведском обществе, несмотря на то что насилие встречается так же часто, как и в других странах (и чуть реже, чем, например, во Франции), оно шокирует гораздо сильнее. Отсюда — упорство, с которым с ним ведется борьба, вплоть до самых частных моментов (запрет шлепков по ягодицам) и самых смехотворных (например, запрет на продажу военных игрушек, действующий с 1979 года). В 1978 году на выставке под названием «Насилие порождает насилие» выставлялись вперемешку так называемые жестокие комиксы, приводились сведения о детях, ежегодно гибнущих в автокатастрофах, статистические данные по наркотикам и т. д. Речь идет не о запрете насилия, а о его предупреждении; государство

рассматривает открытое, публичное насилие как результат насилия в частной сфере, побоев родителей или жестоких игр. Если посмотреть глубже, насилие, внешнее или внутреннее, в частной сфере или в публичной, представляет собой угрозу для порядка, для согласия в обществе; оно является одним из последних неконтролируемых явлений в шведском обществе.

Алкоголизм

Еще одна неконтролируемая сфера — алкоголизм. Пить алкоголь в Швеции — не безобидное занятие. Того, кто пьет, преследует вязкое чувство вины. Не закоренелый пьяница, но средний швед, стоящий в очереди в *Systembolaget* (государственный магазин, торгующий алкогольной продукцией), старающийся не встретить соседей, с тщательно упакованными и спрятанными бутылками, — это как какой-нибудь мсье Дюпон, которого застукали на выходе из секс-шопа. Пить в Швеции — почти табу, особенно в общественных местах; официально приветствуется и поощряется умеренность и трезвость, пьянство осуждается и презирается, продажа алкоголя резко ограничена. Таким образом, в Швеции крайне редко пьют в общественных местах: не только потому, что цены на алкоголь очень высоки, но в особенности потому, что пьющий ловит на себе косые взгляды и чувствует глухое, но неотвязное осуждение. Алкоголь разрешен и даже приветствуется в строго определенных случаях, например в Иванов день или в праздник раков в августе и т. п.; впрочем, в эти дни пьют, чтобы напиться. По официальной морали, абсолютно неприлично пить у себя дома, без «общественного» повода, по сути, без какого-то ритуала общения. Ежедневный аперитив или бокал красного вина становятся секретными привычками, вызывающими чувство вины и предосудительными.

Чрезвычайную строгость шведского законодательства в отношении алкоголя (очень высокие штрафы за вождение автомобиля в нетрезвом виде, вина начинается с 0,5 грамма алкоголя в крови; запрет на продажу алкоголя лицам, не достигшим

21 года, хотя совершеннолетие наступает в 18 лет, и т. п.) лишь на основе статистических данных понять невозможно. В пересчете на чистый спирт потребление алкоголя в Швеции в 1979 году составило 7,1 литра на одного взрослого человека, а во Франции — 17 литров. Швеция занимает примерно двадцать пятое место в мире по потреблению алкоголя. Суровость законов становится понятной, если обратиться к истории. Задолго до наступления XX века производство и продажа алкогольной продукции уже были регламентированы. Однако в начале XX века движение за трезвость, имевшее очень большое влияние в парламенте, заставило его принять единственный в мире закон, известный как «система Братта», или «гётеборгская система», согласно которой спиртное отпускалось по талонам. До сих пор алкогольный вопрос в политических дебатах — ни одна проблема не обсуждается так страстно — в значительной степени объясняется влиянием членов Лиги трезвости, доля которых в парламенте выше, чем в обществе в целом. Не так давно каждый третий парламентарий был членом того или иного общества трезвости, а подобные общества остаются традиционными инкубаторами для политических деятелей.

Тем не менее алкоголь выступает одной из причин нарушения общественного согласия. Единодушное осуждение алкоголя — лишь видимость: в своей частной жизни шведы охотно нарушают порядок. Как и прежде, люди хвастаются способностью много выпить, а шутки про алкоголь — одна из излюбленных тем телевизионных скетчей.

Наркотики

Борьба с наркотиками, наоборот, сплачивает общество. В отличие от Испании, в Швеции не разрешен даже гашиш, а начиная с 1968 года политика борьбы со злоупотреблением наркотическими веществами становится все более жесткой. Нарушение шведского противонаркотического законодательства карается

десятью годами тюрьмы. В Швеции также не различаются «легкие» и «тяжелые» наркотики. Токсикоманов по сравнению с алкоголиками меньше.

Насилие, алкоголизм, наркомания — вот три главных «отклонения» в шведском обществе. Это последние не полностью контролируемые области, последние нарушения в обществе, освобожденном от прежних табу.

Воображаемое

Где же в таком коллективистском обществе можно укрыться от посторонних взглядов? В загородном доме *sommarstuga*, что можно перевести как «хижина», где-нибудь в лесу или на берегу озера. Этот домик, как остров, остается преимущественно частным пространством, закрытым и личным. Э. Мунье в своих «Скандинавских заметках»¹⁴ писал: «Люди, населяющие самые коллективистские страны — Россию, Германию, Швецию, — живут поодиночке». В самом деле, мечта любого шведа — это мечта индивидуалиста, выражающаяся в этом зове примитивного одиночества, в зове шведской природы. *Sommarstuga*, в которой часто нет водопровода и удобства весьма сомнительны, позволяет припасть к своим истокам, слиться с природой. Никто из шведов (или почти никто) не покидает свою страну в мае — июне, когда природа вдруг выходит из зимней спячки, когда делается светло и Швеция вновь становится страной 24 000 островов и 96 000 озер! Маленький частный домик, затерявшийся в деревне или в лесу, островок, архипелаг, парусная лодка (которых лишь в окрестностях Стокгольма 70 000) остаются последними прибежищами индивидуализма в коллективистском обществе.

Темы уединения и природы постоянно присутствуют в шведской литературе и шведском кино. Роман «Жители острова Хемсё» — луч света в мрачном творчестве Стриндберга; действие в прекрасном фильме Гуннель Линдблум «Райский уголок» происходит вплоть до драматической развязки

в очаровательном домике у воды... Настоящее убежище, это частное интимное пространство иногда может стать тюрьмой, в которой люди отчаянно пытаются найти простое общение, первозданную чистоту. В закрытом пространстве, в частности служащем фоном для фильмов Ингмара Бергмана — «Молчание», «Шепоты и крики» и др., — люди ищут слова для общения, которые так и не приходят. В без конца повторяемых словах «дистанция и тревога, дистанция и скука» героя фильма «После репетиции», альтер эго Бергмана, слышна невозможность коммуникации... Этот же мотив — и в фильме «Сцены из супружеской жизни», имевшем в Швеции оглушительный успех. В душной атмосфере даже жестокость в отношениях пары сдержанная, приглушенная. От этого она еще мучительнее. Отношения в паре, показанные в фильмах Бергмана и пьесах Стриндберга, полны одной и той же предгрозовой духоты... В разделе происшествий в шведских газетах практически никогда не описываются преступления на почве страсти, а если что-то подобное случается, событие занимает первые полосы всех газет. Здесь никогда не кричат, почти не жестикулируют, а чаще всего молчат... Странно, что в обществе, где обо всем принято с неожиданной откровенностью говорить вслух, люди с трудом находят слова, чтобы поговорить между собой... На работе все общаются друг с другом прямо, просто, на «ты», какая-либо иерархия отсутствует, зато пригласить кого-нибудь на обед — дело трудное, оно сопровождается очень тонкими формальностями, что не перестает удивлять иностранцев в Швеции. Разговоры также даются не просто. «Мистицизм и смутная поэтичность одиноких людей: шведам трудно выражать свои чувства и мысли», — писал Мунье¹⁵. Это частный аспект индивидуального «Я» в самом прямом смысле, который проявляется, как мы увидели, не столько в поведении, сколько в воображении (шведском и, в целом, скандинавском).

Именно с этого надо начинать изучение шведского общества, стараться постичь его парадоксы и противоречия. Как же

иначе можно понять сосуществование столь сильного коллективистского чувства и столь неистового индивидуализма, замкнутости человека на самом себе? Одиночество Великого Севера, этого мира тишины, этой интимнейшей связи с природой — вот источник, питающий скандинавский индивидуализм. Примитивное одиночество, которое компенсируется общением во всех формах — работой в общественных организациях, занятиями в кружках и на курсах, праздниками. Праздники прерывают одиночество, слово дается каждому; только так можно сохранить традиционную общность, единственное условие для физического выживания в тяжелых условиях прошлого и выживания психологического в условиях настоящего. Как понять невероятную популярность всех старинных деревенских языческих праздников, смешавшихся с христианскими? Назовем лишь несколько: праздник прихода весны, Вальпургиева ночь, ночь накануне Иванова дня (*Midsommar*). В эти ночи все равны, все забывают о своем положении в обществе, об обидах и ревности и совместно воссоздают утопическое сообщество полнейшего согласия. Фрекен Юлия, героиня одноименной пьесы Стриндберга, спорит, пьет, спит и строит планы на будущее со слугой своего отца... Но когда разнузданная ночь *Midsommar* проходит и заря расставляет все по местам, общение и бунт уже невозможны... Безумие ночи кончается смертью... Как понять шведское воображение, если увидеть в этой драме лишь невозможную и пошлую историю любви юной графини и слуги?

Шведскую модель можно определить также как «тотальное» или «тотализирующее» общество. Она функционирует на основе общинной этики полнейшего согласия и на требовании абсолютной прозрачности социальных отношений (от *nattfrieri** — «ночных ухаживаний», «вечерок» — до права

* Многие авторы (В. Муберг, А. Мюрдаль) ссылаются на весьма укрепощенные сексуальные практики в шведской деревне. В некоторых провинциях жениху и невесте разрешалось иногда спать в одной постели, не совершая тем не менее полового акта.

ребенка знать имя своего отца в наши дни). И частная жизнь не может ускользнуть от господствующей этики. Шведская модель, объединяющая коллективную мораль прежних времен и современную социал-демократическую этику, может быть определена как модель антитайны — единственное, к чему принуждает общество, это прозрачность. Тайна выступает как угроза порядку, консенсусу; отсюда — желание ее разоблачить.

ВЕЛИЧИЕ И ЗАКАТ ОДНОГО МИФА

В 1930-е годы американский журналист Маркиз Чайлдз выдвинул знаменитую формулу «Sweden, the middle way» (серединный путь), что создало образ Швеции, который сильно повлиял на американцев, а потом и на французов. Материальное благосостояние Швеции, описанное в 1928 году следующим образом: «телефон в каждом номере отеля, электричество повсюду, образцовые больницы, широкие чистые улицы», а также ее почти идеальное общественное устройство начиная с 1930-х годов способствовали продвижению понятия «шведская модель». Франция, Англия и другие страны еще до войны увлеклись шведским казусом, пытаясь понять, в чем секрет потрясающего материального успеха этой страны.

Швеция, не пострадавшая во время II Мировой войны, сохранила свою производственную мощь и в глазах разгромленной Европы была воплощением утопии, а шведы — «европейскими американцами». Во многих отношениях модель общественного устройства Швеции более привлекательна, нежели американская, потому что здесь не так сильно неравенство; потому что, как писал в 1948 году Анри Кеффелек, у шведов существует «рефлексия на тему всего этого природного богатства»; потому что, в конце концов, благодаря своему «моральному здоровью» шведам «удалось избежать американизации». Мунье с восторгом передает соображения своего

собеседника-шведа, который, впрочем, очень тепло относится к американской цивилизации: «...но швед гораздо более тяготеет к индивидуальному, чем американец». Американской модели как бы не хватает души, которая привлекает в шведской модели. Сразу после войны «Швеция вселяла головокружительное чувство предвкушения» (Le Franc-Tireur, 1951). Французская пресса заголовками в газетах создает образ идеальной Швеции: «Швеция, современное социальное государство» (L'Économie, 1950), «Никто здесь не голодает, никто не живет в трущобах» (Le Matin, 1948), или вот еще: «Рождение социальной гармонии» (Les Documents-Jeune Patron, 1946). Вслед за материальной моделью, так привлекающей французов после войны, приходит модель социальной жизни.

Миф о шведской женщине

Шведки в глазах французов в 1940–1950-е годы продолжают оставаться «красивыми, спортивными и здоровыми». Существование «легендарной скандинавской свободы нравов» не подлежит сомнению, однако «в глазах путешественника этот молодой задор не экспансивен. Пары ведут себя корректно» (Action, сентябрь 1946 года). Или вот: «В этой стране в высшей степени сложно ухаживать за женщинами: они относятся к вам исключительно как к приятелям» (Луи-Шарль Руайе, «Северный свет» — Les Éditions de France, 1939). Франсуа-Режи Бастид в своем эссе «Швеция» задает в 1954 году вопрос: «Что нужно говорить шведской девушке?» и отвечает на него: «Опаснее всего говорить ей о скандальной репутации шведок во Франции. Она будет холодна как лед»¹⁶. Чтобы авторы, пишущие о Швеции, так нуждались в пересмотре мифа, надо, чтобы образ шведки свободных нравов как следует укоренился в воображении французов до пресловутой «сексуальной революции» 1960-х годов. Эта репутация, конечно же, связана с кампанией за сексуальное просвещение, которая начиная с 1933 года, как мы видели, сняла в Швеции завесу тайны

с темы секса. С 1942 года Швеция — в авангарде сексуального просвещения в школах; ни в одной стране в этом вопросе не продвинулись тогда так далеко. Французы, без сомнения, усвоят сексуальное просвещение и сексуальную свободу, а Швеция в их представлении будет таким сексократическим эльдорадо. Миф так силен, что в 1962 году американка по имени Шерри Финкбайн совершила путешествие в Швецию, чтобы сделать медицинский аборт после лечения нейроседином (талидомидом), имевшим тяжелые побочные эффекты. Чете Финкбайн было невдомек, что их случай не был предусмотрен шведским законодательством; в этой сфере Швеция отставала от Японии, Израиля и некоторых стран Востока. В противоположность мифу, созданному на основе сексуального воспитания и пропаганды контрацепции, аборт до 1975 года делался в исключительных случаях. СМИ распространяли образ тотальной свободы в Швеции, и казус Финкбайнов показывает, как функционировал миф...

В 1964 году Жорж Помпиду съездил в «эту странную социалистическую монархию» и произнес знаменитую фразу, определив свой социально-политический идеал как «Швецию, в которой было бы чуть больше солнца». Шведская модель достигнет своего звездного часа в 1970-е годы. Швеция тогда была в моде, ее по любому поводу приводили в пример. Социально-политическую модель Швеции в 1970 году описал в книге «Шведская модель» Жан Паран. «Является ли Швеция моделью для Франции?» — задается вопросом в 1969 году газета *Combat*. Швеция прославляется буквально повсюду... После американской мечты, после идеализации некоторыми Советского Союза, Китая или Кубы «шведская модель», образ справедливого компромисса, соблазнял Европу и, в частности, французских политиков, как левых, так и правых. Швеция становится газетным штампом. Сексуальная революция 1960-х годов усиливает миф; *L'Express* в 1965 году публикует статью под названием «Любовь на свободе», а *Le Crapouillot* посвящает

Швеции специальный номер, Сергерс начинает серию «Изучая Швецию» (*La Suède en question*), издательство Balland посвящает Скандинавии том в серии Éros International, Клод Серван-Шрайбер в 1972 году отправился анкетировать на месте. В газетах, на телевидении, в книгах объясняют: Швеция — это страна, опередившая время. «Шведский феномен» анализируют и препарируют. Откровенно говоря, начинают и недоумевать.

Контрмиф

Примерно в 1975 году во французской прессе начинают появляться критические статьи. Вот заголовки из газеты *Le Monde*: «Женщины не так уж и свободны», «Семья рушится» (1976); Роланд Хантфорд весьма злобно анализирует социал-демократическую Швецию в книге «Новый тоталитаризм» (издательство Fayard, 1975). Поражение социал-демократов на выборах 1976 года после сорокалетнего пребывания у власти ставит под вопрос стабильность шведской модели. От «темных углов шведской модели» (*Le Monde*, 1976) до «хулиганов против черноголовых» (*La Croix*, 1977) — шведская модель теперь воспринимается как извращение, как общество принуждения. Швеция по-прежнему остается образцовой, но теперь это образец со знаком минус. Чрезвычайно терпимое общество выработало механизм саморазрушения. «Швеция: освобожденные в поисках любви» — заголовок в газете *Le Monde* в 1980 году; газета *L'Express* в том же году утверждает: «Шведское зеркало, столь любимое иностранцами, разбилось, что-то портит самое обычное общество в мире»; *Le Nouvel Observateur* тогда же задается вопросом: «Швеция — потерянное счастье?». Расизм, ксенофобия, самоубийства, алкоголизм — шведская модель не оправдала себя. Это время — расцвет контрпримера, даже если где-то что-то еще напоминает о былом рае (см. передачу радио RF3 (1982), где в идиллическом виде представляется шведский социализм). В 1984 году газета *Le Point* провела анкетирование об элите будущего, задав студентам виднейших

вузов вопрос: какая страна, с их точки зрения, наилучшим образом соответствует идее правильной организации общества? На первом месте была Швейцария*, затем США; Швеция же оказалась на пятой позиции, после Франции. Шведская модель перестала быть привлекательной, потому что начались перекосы: «Бесконечный, маниакальный фискальный и семейный контроль, почти как у Оруэлла; слежка за доходами и людьми; вмешательство государства во всё и вся, включая то, как вы воспитываете детей. Поощрение доноительства детей на родителей „с отклонениями“ и т. д.» (Клод Саррот). Иначе говоря, французы не захотели «революции частной жизни». Если шведская модель и существует, то миф о ней однозначно умер.

Кристина Орфали

* При том что в Швейцарии еще не было отпусков по уходу за ребенком, зато сохранялось такое понятие, как «глава семьи»; там запрещены были аборт (кроме как по медицинским показаниям), а подпись супруга на декларации о доходах не являлась обязательной и т. д.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жерар Венсан

ОТНОСИТЕЛЬНО ВРЕМЕНИ*

Пятый том «Истории частной жизни» вышел в свет в ноябре 1987 года. За двенадцать лет «манера жить» во многом изменилась. Мы не будем ничего менять в том, что написали, но нам есть что добавить. Ограничимся некоторыми замечаниями и гипотезами; я буду писать от первого лица единственного числа.

Кто такой присутствующий? Что такое настоящее?

Говоря о «присутствующем», я буду употреблять это полисемичное слово в первом значении, которое дает словарь «Малый Робер»: «Тот, кто находится в данном месте, в группе, где находится говорящий или о которой он говорит». В книге «Жить во времени» Жан Шено¹ подчеркивает, что мы осознанно или неосознанно тянемся к настоящему, что на нас давит груз прожитого или планы на будущее, что мы также осознаем или не осознаем. Он подчеркивает богатство немецкого слова *Zeitlichkeit*, которое можно перевести как «существование во времени», что включает в себя и прошлое, и будущее. Он говорит нам об уловках китайского языка, в котором есть два слова: *qiu*, обозначающее нечто старое и отжившее, и *lao* — то,

* Этот текст написан для второго издания «Истории частной жизни» в 1999 году. — *Примеч. ред.*

что ценится благодаря своему возрасту². Это дробление настоящего на три части объясняется всеми, кто думает об истории, и Жан Шено приводит три примера. Токвиль: «Прошлое не озаряет светом будущее, и разум бредет во тьме»³. Хайдеггер: «Настоящее и будущее имеют общее происхождение (*Gleichursprünglichkeit*). И их давление друг на друга делает время аутентичным»⁴. Ницше: «Заветы прошлого суть всегда изречения оракула: только в качестве строителей будущего и знатоков настоящего вы поймете их. Слово прошлого всегда пророческое; его можно услышать, только если вы создатель будущего и знаток настоящего»⁵.

Что такое частная жизнь?

Существует «тайная жизнь», о которой я уже много сказал в этой книге. Она скрывается, несмотря на все страдания, которые приносит. Вчера завесу тайны приоткрывали (частично?) на исповеди, сегодня — перед психоаналитиком или психотерапевтом. Есть жизнь «частная», открытая взглядам семьи, друзей и знакомых. Такой-то человек испытывает страсть к шахматам. Он играет с приятелями, с компьютером, учит играть сына и торжествует, когда ребенок в состоянии обыграть его. Есть «статусная частная жизнь» — та, которую «успешный» человек — политик, актер, спортсмен — соглашается выставить напоказ. Президент Республики Валери Жискар д'Эстен фотографируется, играя на аккордеоне с Иветт Орнер. «Первое лицо государства, президент, с большим трудом убедил французов, что он такой же человек, как и все остальные»⁶. Наконец, есть частная жизнь, «оскверненная (изнасилованная)» средствами массовой информации с целью проверки количества и состава аудитории: президент Клинтон вполне бы обошелся без медийного шума по поводу его связи с Моникой Левински... и кое-кем еще. «Малый Робер» определяет частную жизнь

⁴ Пер. Я. Бермана.

через плеоназм: «Особое отношение, с которым каждый индивид относится к действиям других». Я предлагаю более точное определение: «Непреодолимое решение провести границу между личным существованием и социальным окружением». Каким бы ни было определение, каждый индивид, никому не известный или знаменитый, стремится дать понять другому, что он «личность», «то есть разграничить роли, пространство, социальные функции. Это стремление базируется на сущностной модели, которую можно представить себе так: внешний круг, круг ролей, и внутренний круг, где прячется истинное „Я“ <...>. Таким образом, есть и „интимное Я“ для себя и для других, и „Я статусное“, также для себя и для других»⁷.

Конечно, эта граница смещается в зависимости от времени и места. Всевышний не рассердился на Давида за то, что тот послал на смерть Урию, мужа своей любовницы Вирсавии* Всевышний простил Соломона, супруга дочери фараона, за то, что тот выдохся, ублажая свой гарем из двухсот наложниц, и стал пренебрегать своими обязанностями царя Израиля, что породило после его смерти раскол в северных племенах. Никто не возмущался, когда Людовик XIV, «король-христианин», выставлял напоказ свои любовные связи и назначал на высокие государственные посты своих бастардов.

В феврале 1999 года в суде присяжных состоялся процесс по поводу матерей, подвергших своих дочерей обрезанию. Однако в африканских племенах, выходцами из которых были истицы и ответчицы, женское обрезание — обязательная традиция, потому что считается (и здесь вера опережает знание), что необрезанная женщина бесплодна. Во французском праве женское обрезание — это уголовное преступление. В предыдущих процессах по тому же обвинению присяжные всегда проявляли понимание. Остается только надеяться, что африканские матери согласятся подчиняться законам приютившей их страны.

* Автор ошибается: согласно Библии, Бог был разгневан на Давида и покарал его, послав смерть его первенцу от Вирсавии. — *Примеч. ред.*

ИННОВАЦИИ

Мобильный телефон

Триумфальное шествие мобильного телефона началось с появления автоответчика и определителя номера. 24 августа 1854 года французский изобретатель, инженер Шарль Бурсель писал в еженедельном журнале *L'illustration*: «Вообразите, что человек, разговаривая, держит рядом с лицом чувствительную пластинку, которая улавливает все вибрации голоса <...>, а на достаточно большом расстоянии находится вторая такая же пластинка, которая будет вибрировать точно так же. Как бы там ни было, но в более или менее отдаленном будущем слова будут передаваться на расстоянии электричеством». Он не ошибался: «В 1876 году американец Александр Белл сделал и представил публике первые аппараты, передающие голос по электрическому проводу длиной около трех километров»⁸. Автоответчик — сдержанный связной: при посторонних можно отключить громкую связь, сообщение будет записано и его можно будет прослушать в любой удобный момент.

С некоторым отставанием от других стран, которые принято называть «передовыми», Франция попала под власть сотового телефона, который называли *portable* — переносной. Цены на мобильники понижаются, сами они становятся все более миниатюрными и, следовательно, менее заметными; количество пользователей с 10 тысяч в 1986 году увеличилось до 9 миллионов в 1998-м, и предполагается, что к 2002 году их будет от 20 до 30 миллионов, что составляет почти половину населения, как сейчас это наблюдается в Скандинавии: в Финляндии 53% населения пользуются мобильными телефонами, в Швеции — 47%, в Норвегии — 44%. Мировые продажи мобильных телефонов в 1998 году выросли более чем на 50% — продано 163 миллиона штук. В 1999 году ожидается 39%-ный рост продаж. Мобильник 1999 года будет тем более эффективен и, следовательно, желанен, что будет подключен к интернету. «Наша цель — дать возможность пользоваться

интернетом мобильным клиентам, которые хотят оставаться в постоянном контакте со своими предприятиями, иметь доступ к документам, отправлять и получать электронную почту, где бы они ни находились»⁹, — заявляет представитель компании Microsoft во Франции. Мобильный телефон 1999 года окажется тем рентабельнее для производителя, что будет технически отличаться от своего предшественника и, следовательно, потребует покупки нового оборудования.

Появившись в 1985 году, мобильные телефоны использовались почти исключительно в профессиональной сфере и подчеркивали высокий статус владельца. Реклама показывала руководителей фирм, разговаривающих по мобильным телефонам в шикарных офисах. Счастливый обладатель безоговорочно считался важной персоной, мнение которой нельзя было не учитывать. Однако все это не привело к успеху, и сегодня мобильный телефон, как всякое новшество, вызывает противоречивые реакции.

Мобильный телефон позволяет оперативно связываться с другими, когда это необходимо. Прораб на стройке может немедленно получить информацию о пожеланиях архитектора или еще какого-нибудь ответственного лица. Он позволяет делать две вещи одновременно: например, вести автомобиль и обмениваться информацией. Конструкторы автомобилей начинают внедрять автоматическую коробку передач, распространенную в США и пока редко встречающуюся во Франции, чтобы освободить правую руку водителя. Он защищает частную жизнь, позволяя общаться с кем-то без опасности быть услышанным членами семьи или коллегами, от которых, возможно, есть что скрывать. По меткому выражению профессора Мишеля Маффесоли, пользователь мобильного телефона — это «*Ното mobilis*, одинокий, но не изолированный». В самом деле, в случае опасности или тревоги всегда можно немедленно связаться с семьей или другом. Вскоре на рынке появятся «базовые телефоны», предназначенные для

детей 8–10 лет, с одной лишь кнопкой, чтобы, выходя из школы, можно было позвонить маме.

Однако неумеренное пользование сотовым телефоном часто доставляет неприятности другим. Требуются новые кодексы приличий. Маленький мобильный телефончик лежит в кармане. Во время обеда и важных встреч его следует отключать. Желая спокойно провести время в дороге, порой человек предпочитает автомобилью метро, где не всегда ловит связь. «Некоторые врачи, работающие в клиниках, жалуются, что у их подчиненных, получивших средство столь быстрой связи, вошло в привычку звонить им по любому поводу и тем самым снимать с себя всякую ответственность»¹⁰. Бесцеремонность, с которой люди пользуются мобильной связью, провоцирует появление нового стиля поведения людей, которые претендуют на то, чтобы считаться «хорошо воспитанными».

Остается последний вопрос, для меня один из самых важных. Привязанный к телефону, внимательно слушающий собеседника, я больше не замечаю тех, с кем встречаюсь, не вижу «феноменального» разнообразия лиц, рассеянно скользя взглядом по витринам магазинов, не заходя в них, больше не знаю среду, в которой существую. Не говорит ли это о новом стиле «жизни во времени» — богатом в слуховом отношении и бедном в зрительном?

Интернет

В 1450 году Гутенберг, усовершенствовав ксилографию, изобрел книгопечатание и напечатал несколько экземпляров Библии. В 1517 году Лютер повесил на воротах Виттенбергского замка свои девяносто пять тезисов, обличавших скандал с продажей индульгенций. Таким образом, со времени, когда христианин, в массе своей неграмотный, слушал Евангелие «в пересказе» священника, до момента, когда он смог прочитать его самостоятельно, прошло шестьдесят семь лет. Как известно, после этого началась Реформация. Такой разрыв во времени между

технической инновацией и ее экономическими, социальными и культурными последствиями сегодня невообразим.

Проблема коммуникации в условиях уничтожения связи с командным центром стала заботить американских военных в 1960-е годы, когда ядерный конфликт между СССР и США был весьма вероятен и вообразим. В результате появился интернет.

Начиная с 1980-х новая сеть становится средством университетской связи, и впервые ею начинают пользоваться в Калифорнии. В 1992 году она выходит на широкую публику и в торговлю. Мы не располагаем точными цифрами о количестве подключений к интернету, но к концу века речь может идти о десятках миллионов. Французы присоединились к Всемирной паутине с некоторым опозданием, факс и Минител удовлетворяли их потребности. France Télécom открыла французам доступ к интернету весной 1996 года, а к концу 1998 года во Франции было уже 4 миллиона юзеров, и, по оценкам специалистов, в 1999 году их будет присоединяться по 200 000 ежемесячно.

Мы не будем вдаваться в технические или статистические подробности, потому что наша скромная задача — постараться понять, в чем состоят изменения, которые интернет внес в частную жизнь наших современников. Ограничимся лишь перечислением некоторых сфер применения.

а) Доступ к разного рода информации — текстам, фотографиям, коротким видео- и аудиофайлам. Счастлив студент, которому больше не надо идти в BNF (Национальную библиотеку Франции), чтобы прочитать тексты Платона, Гёте или Клинтона, в зависимости от того, что он изучает в университете или что вызывает его любопытство. Все есть у него на экране. Счастлив мелкий садист-лицеист, который, зная, что завтра на уроке истории речь пойдет о царствовании Людовика XIV, найдет в интернете знаменитого короля, кликнет мышкой на отмене Нантского эдикта, поднимет руку и задаст

следующий вопрос: «Господин учитель, объясните нам, пожалуйста, в чем суть расхождений католиков и протестантов при интерпретации Послания к Римлянам и Послания к Галатам». Бедный господин учитель!

б) Электронная почта, благодаря которой возможен практически моментальный обмен информацией, тогда как обычное письмо идет из Парижа в Лос-Анджелес шесть дней. Бедная почта!

в) Обсуждение самых разных проблем на форумах. Оно позволяет познакомиться с людьми из других стран: «Современное общество и новые средства коммуникации подчеркивают индивидуальность множеством кругов, в которые один и тот же человек может входить <...>. Отношения современного человека с окружающим его миром стали настолько другими, что он может отдалиться от своего ближайшего окружения и общаться с теми, кто далеко»¹¹.

г) Заказы каких-либо товаров по интернету и возможность оплатить их, указав номер банковской карты.

д) При наличии персонального сайта — возможность выложить в свободный доступ тексты, музыку, освободившись таким образом от препятствий, чинимых правообладателями.

е) Возможность познакомиться с мужчиной или женщиной своей мечты, обмениваться письмами, фотографиями, вести дискуссии. Возможность встретиться и посмотреть, совпадает ли мечта с действительностью. Мне рассказывали, что некая американка, считавшая себя «свободной женщиной» и при этом хотевшая стать матерью, не выходя замуж, получила по почте порцию спермы от понравившегося ей мужчины, которого она встретила в интернете и к которому никогда в жизни не приближалась.

ж) Необходимость не «запустить» свой мозг, довольствуясь имеющимся багажом знаний. Мы на пороге новой технологии: ты больше не тянешься к знаниям, они тянутся к тебе. Благодаря новому программному обеспечению пользователю

больше не надо самостоятельно искать данные: после предварительного указания того, что интересует, информация будет поступать к нему автоматически и ему не придется каждый раз, входя в сеть, снова формулировать задачу.

Необратимый прогресс, который несет информационная революция, не должен скрывать рисков, которые она также несет.

а) Тщательно ли проверены данные? Можно ли им доверять?

б) Не ведет ли наличие персонального сайта к посягательствам на частную жизнь?

в) Преступность в информационной сфере существует, это известный факт: шпионаж, манипулирование данными и их использование конкурентами. Отсюда — необходимость кибербезопасности. Не рискует ли писатель, выкладывающий свой роман в сеть, что какой-нибудь плагиатор, страдающий отсутствием воображения, «позаимствует» что-то из его произведения? И как он потом подтвердит свое авторство?

г) Распространение расистской информации, непристойностей, порнографии, в том числе детской. В ноябре 1996 года в Баварии было закрыто около двухсот форумов, на которых велись дискуссии, противоречащие законодательству этой немецкой земли.

д) Возможность контактов между людьми, занимающимися противоправной или преступной деятельностью.

е) Пользователь, прилипший к экрану и получающий новости из других миров, должен не только «жить во времени», но и «жить в пространстве» — сейчас и здесь. Если у него слабая психика, не грозит ли ему шизофрения?

ж) Я хочу еще раз увидеть картину «Воскресный день на острове Гранд-Жатт», которую не смогли доставить в Париж на последнюю выставку Сёра из-за хрупкости этого огромного полотна. То, что я вижу на экране компьютера, не имеет ничего общего с оригиналом. Я рассматриваю детали: краски

у Сёра совсем не те. Но на каком-нибудь званом обеде я смогу блеснуть эрудицией... Это то, что я называю «миром псевдо», который постепенно затягивает нас. Организованные туры позволяют съездившим говорить, что они объехали США за три недели, Марокко — за две, Йемен — за одну. Но если они живут в XVI округе Парижа, то «обошли» ли они XX округ и «объездили» ли пригороды? Настоящее знание требует любопытства (в хорошем смысле слова), терпеливого наблюдения, а значит, времени и преодоления трудностей, чего не случилось с вышеупомянутым лицеистом.

з) Последний вопрос, и самый главный: за этой чудовищной (во всех смыслах слова) информацией скрывается... человеческий мозг. Согласно одной современной теории (а может быть, гипотезе?), утверждаемой одними и критикуемой другими, мы используем лишь ничтожную часть своих интеллектуальных возможностей и наука обязательно увеличит этот показатель. Вот бы оптимисты оказались правы!

Генетика

Самое «частное» в частной жизни — это генетический код. Каждый человек — это комбинация генов и окружения. Сыновья выпускника Национальной школы управления, рабочего или бездомного не выбирают цвет глаз, волос и кожи. С этим ничего не поделаешь, гены неизменны, а что касается окружения, то именно оно определит дальнейшую судьбу человека.

Гены неизменны? На протяжении десятилетия ученые мучаются этой проблемой. «Гены, элементы хромосом, состоят из элементов ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты), переносящей наследственную информацию»¹².

В первую очередь манипуляции с генами касаются растений. После многолетних исследований ученые смогли вывести генномодифицированные сорта растений, способные сопротивляться насекомым и гербицидам. В 1996 году введение чужого защитного гена в живой организм оправдало

ожидания аграриев. В следующем году ученым из Национального института здоровья и медицинских исследований (INSERM) удалось добиться того, чтобы «растения табака производили человеческий гемоглобин <...>, заменитель крови, которому не угрожает заражение»¹³. Несмотря на манифестацию против производства генномодифицированных продуктов, организованную 16 октября 1997 года движением «Гринпис» в Париже, французское правительство указом от 27 ноября 1997 года разрешило выращивание генномодифицированной кукурузы.

Появившаяся на свет в июле 1996 года в эдинбургской лаборатории овечка Долли стала мировой знаменитостью, потому что была первым млекопитающим, клонированным из клетки, взятой у взрослого животного. Ученые не исключают, что внутренние органы генномодифицированных животных (сердце, легкие, печень) можно будет пересаживать людям и что в результате введения коровам и овцам человеческих генов можно получать от них молоко, богатое человеческими протеинами и пептидами и, следовательно, подходящее для использования в медицинских целях. Наконец, можно вводить в клетки больного «трансген», который заменит ненормальный ген и поможет иммунной системе уничтожить рак или вирусное заболевание.

После того как будет освоена модификация растительного и животного миров, человек сможет изменять свой собственный вид. Но в каком направлении?

Сознавая, что генетическая революция есть поворотная точка в истории человечества, ЮНЕСКО 11 ноября 1997 года приняла «Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека», подготовленную и задуманную много лет назад Международным комитетом по биоэтике. В этой хартии, состоящей из двадцати пяти статей, утверждается, что «каждый индивид имеет право на уважение своего достоинства и своих прав, какими бы ни были его генетические

характеристики», а «любая дискриминация по генетическим признакам» осуждается.

Генная инженерия, позволяющая снабдить живое существо новыми характеристиками, изменив его генетику, то есть внести изменение в живое, вызывает множество надежд и опасений.

В 1998 году парламент Рейкьявика предоставил частной компании эксклюзивный доступ сроком на двенадцать лет к генетическим и генеалогическим данным жителей Исландии, страны, которая не очень интересует СМИ, и при этом страны поистине особенной: ее площадь составляет 103 000 квадратных километров, а население — всего лишь 300 000 человек; население очень однородно на протяжении веков, иммиграции практически не существует, среднедушевой доход составляет 27 590 долларов на человека, уровень рождаемости — 2,1, средняя продолжительность жизни — 79 лет; мы видим, что речь идет не о бедной стране. Во что превратится частная жизнь, если генетические и генеалогические данные будут доступны соседям, работодателю, судьям?

На момент написания этих строк (февраль 1999 года) замечательная «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» уже поставлена под сомнение. Текст, написанный менее полутора лет назад, уже устарел? Как быстро летит время! Как защитить индивида и не скомпрометировать исследования? Когда начнется клонирование человека?

Как говорится, прогресс не остановить. Мнения исследователей и моралистов по вопросам процедуры ловко и несколько лицемерно разделились.

Во Франции Национальный комитет по этике и Национальный консультативный совет французских работодателей сосредоточились на превентивных мерах. Усилия будут направлены на «определение биологических и генетических основ предрасположенности к некоторым заболеваниям во избежание дополнительного риска при работе в потенциально патогенной среде»¹⁴.

Такая «альтруистическая» озабоченность беспокоит профсоюзы, которые задают резонный вопрос: нет ли здесь поворота в сторону отбора работников по генетическому признаку? Не станет ли завтра генетический тест инструментом селекции при приеме на работу? Не будет ли разрешаться следствию проводить генетический анализ подозреваемого? И в более общем плане — не начнут ли клонировать человека? Приведем свидетельство враждебно настроенного, но смирившегося профессора Аксея Кана из Института молекулярной генетики: «Даже если предположить, что клонирование технически применимо к человеческому виду и будет легитимизировано, все равно нельзя забывать, что никакой бой не проигран, пока он не начат. Поэтому, как и многие другие, без колдовства и демонизации противника, я буду вести этот идейный бой».

Американцы и британцы настроены более решительно или уже смирились. Страховщики подумывают о выгодах, которые могут принести им результаты некоторых биологических тестов. Не будет ли стоимость медицинской страховки в Соединенных Штатах зависеть от диагноза, поставленного на основании целой череды тестов? Профессор Роберт Дж. Эдвардс (Кембриджский университет), один из тех, кто двадцать лет назад впервые провел зачатие ребенка «в пробирке» (или, если угодно, *in vitro*), и Хелен К. Бирд, редактор журнала *Human Reproduction*, выступают против запретов на клонирование человека и на изменение его наследственности. Дадим им слово: «Современное общество настроено враждебно по отношению к новым идеям, в частности, в области репродукции. Страх чего-то незнакомого — контрацепции, экстракорпорального оплодотворения, консервации замороженных эмбрионов, суррогатного материнства, донорства спермы, генной инженерии — совершенно необоснован. Введение чужих генов могло бы улучшить его жизнь, например увеличить ее продолжительность <...>. Не стоит сразу отметить

такие богатые возможности, которые могут оказаться очень полезными будущим поколениям»¹⁵.

Оппоненты пока держатся в рамках приличия, но бой начался, и можно не сомневаться, что в конечном счете доводы профессора Эдвардса одержат верх над опасениями профессора Кана.

СПИД

Специалисты пока не сошлись во мнении о происхождении сифилиса: по мнению одних, он прибыл к нам с моряками Колумба, не устоявшими перед чарами красавиц с Антильских островов; согласно уницистской теории, сифилис существовал с доисторических времен в других формах (трепонематоз — обобщающий термин). В любом случае понадобились тысячелетия или века, чтобы появился пенициллин и если не искоренил его, то по крайней мере помог поставить под контроль. Чума существует в Центральной Азии также с незапамятных времен; пандемия легочной чумы в Европе за семь лет (с 1346 по 1353 год) уничтожила от четверти до половины населения, то есть 25–50 миллионов человек. Вакцины и антибиотики смогли лишь частично побороть болезни, но не полностью избавиться от них.

СПИД появился в 1980-х годах и распространился с большой скоростью. Как все болезни, передаваемые половым путем, он вызвал двойственную реакцию, тем более сильную, что заболело множество гомосексуалов, у которых, как правило, половых партнеров больше, чем у гетеросексуалов. Вначале «спидоносцев» (слово обидное и имеющее негативную коннотацию) отождествляли с гомосексуалами, но потом оказалось, что болезнь затрагивает в равной степени и гетеросексуалов и может передаваться при переливании крови.

В первое время медицина была бессильна. И лишь в 1996 году антипротеазы явились эффективным средством борьбы против этого загадочного вируса: «Мои больные умирали по двое

в неделю. Это был какой-то смерч, кошмар, это было невыносимо»¹⁶, — вспоминает доктор Марк Бари. Сегодня от СПИДа умирают реже, и распространение вируса снижается: в первом триместре 1998 года зарегистрировано 11 000 новых клинически подтвержденных случаев, то есть в два с половиной раза меньше, чем в аналогичный период 1996 года.

Тритерапия (высокоактивная антиретровирусная терапия, ВААРТ) имеет впечатляющий эффект, в прямом смысле ставит больных на ноги, но не вылечивает их. Вирус никуда не исчезает, он вновь начнет размножаться, если лечение не будет строго регулярным. Соблюдать рекомендации врача очень трудно: режим приема медикаментов очень жесткий, диета, кроме прочего, исключает жиры и алкоголь, некоторые препараты несовместимы с другими лекарствами. Могут быть непонятные побочные эффекты: ожирение тела и исхудание лица, рук и ног; повышение уровня холестерина; диабет, почечная недостаточность, сердечные приступы, лимфомы, ментальные расстройства и пр. Вот почему некоторые из обреченных на смерть «делают паузу» в лечении или прекращают его.

Здесь нужно сделать важнейшее замечание, которое не удивит историка, привыкшего к тому, что, каким бы ни был технический прогресс, социальное неравенство существует всегда. Жертвы СПИДа сегодня находятся в худших условиях: они «более других уязвимы, хуже информированы, имеют ограниченный доступ к медицинским услугам. Сегодня в больницы поступает маргинальный контингент: бездомные, наркоманы, мигранты, у которых порой нет ни средств, ни желания следить за собой»¹⁷. Часто больной теряет работу, спутника или спутницу жизни, жилье и кое-как выживает на 4000 франков пособия, выплачиваемого взрослому инвалиду.

Еще одно важное замечание: реклама ВААРТ как эффективного лечения СПИДа в СМИ разрушила большое количество ассоциаций и организаций, демобилизовала волонтеров

и спонсоров. «СПИД больше не в моде», — с сожалением говорит вице-президент ассоциации «Радуга» (Arc-en-Ciel).

Если СПИД мало интересуется общество — за исключением больных, их семей и друзей, — то очень живо интересуется узкий политический круг, потому что сейчас, когда пишутся эти строки, Лоран Фабиус, бывший премьер-министр, Жоржина Дюфуа, бывший министр социальной защиты, и Эдмон Эрве, бывший государственный секретарь по вопросам здравоохранения, предстали перед Высокой палатой правосудия за «непредумышленные убийства и покушения». Это было первое заседание палаты, созданной по закону от 27 июля 1993 года в связи с делом о переливании зараженной крови. В нарушение традиции разделения властей в этот орган входят трое судей и двенадцать депутатов или сенаторов. Трех подозреваемых судили за то, как они в 1985 году руководили борьбой с распространением СПИДа. Больше ничего говорить на эту тему я не буду — в противном случае речь пойдет уже не о частной жизни, но о сведении политических счетов.

ПОСТОЯНСТВО И УСКОРЕНИЕ

Секс

О коитусе (от латинского co-ire), самом частном акте частной жизни, нечего писать. В этой интимнейшей сфере разнообразие «поз» вряд ли изменилось со времени, когда Адам и Ева зачали кроткого Авеля и «дикаря» Каина. Если почитать «Камасутру», трактат об эротической технике и философии, приписываемый Ватсьяне (конец IV века), или маркиза де Сада, напрашивается вывод о завидном постоянстве.

Тем не менее недавнее появление и экономический триумф виагры ставят под сомнение сексуальные подвиги, которыми так любят хвалиться мужчины. Когда в центре политических дебатов находится равенство мужчин и женщин, постоянная

«готовность» женщины к сексу и достаточно частые отказы мужчин представляют собой стыдливо скрываемый, но мощный аргумент в пользу женщин...

Занятость

Драму безработицы можно резюмировать одной фразой: технический прогресс способствует уменьшению количества рабочих мест. Не будем утомлять читателя статистическими данными, их слишком много. Напомним лишь, что количество безработных во Франции с 1960 по 1985 год выросло в десять раз и что оно продолжает расти. Согласно данным, опубликованным Министерством труда и социальной защиты 29 января 1999 года, уровень безработицы превышает 11,5% активного населения, несмотря на то что в декабре 1998 года количество ищущих работу сократилось на 41 000. Соединенные Штаты гордятся своими 4,7% безработных, а хуже всего дела обстоят в Испании — 19,5% безработных. Проект перехода на тридцатипятичасовую рабочую неделю весьма похвален, но работодатели к нему относятся сдержанно. В связи с этим возникают два вопроса: что такое «один час» рабочего времени? Можно ли сравнивать напряжение и стресс хирурга или медсестры с тревогой продавщицы, которая ждет покупателей в маленьком магазинчике рядом со стройкой, где возводится гипермаркет, который обречет ее магазинчик на закрытие? Второй вопрос: не будет ли руководитель предприятия, которому для выживания необходимо поддерживать низкие цены на свою продукцию, получать ее в том же объеме при тридцатипятичасовой рабочей неделе, что и при сорокачасовой, если вследствие технического прогресса интернет заменит служащих, а роботы — рабочих? В 1950 году (славное тридцатилетие) во Франции было 260 000 безработных, в конце 1998-го их 2 899 000.

Можно себе представить последствия безработицы для семейной жизни. Мы к этому еще вернемся. Здесь же подчеркнем, что она усиливает социальное неравенство. В поисках работы

диплом играет решающую роль: в марте 1998 года уровень безработицы среди тех, у кого есть лишь аттестат об окончании школы, в три раза выше, чем у тех, кто имеет диплом о высшем образовании, а само высшее образование доступнее тем, чьи родители имеют университетские дипломы и/или финансовую возможность обеспечить своим детям «доступ к знаниям», купив компьютер, подключив его к интернету и т. п. Подросткам из неблагополучной среды все труднее преуспеть в жизни.

Разобщенность людей

Если и есть сфера, где за истекшие двенадцать лет ничего не изменилось, то это мораль, безразличие к окружающим и слабая солидарность людей, их разобщенность. Не прекращается рост социального неравенства: в Швейцарии среднедушевой доход составляет 44 380 долларов, в Мозамбике — 90 долларов. В самых процветающих странах увеличивается пропасть между 10% самых богатых и 10% самых бедных. Пресловутый технический прогресс мог бы дать каждой семье крышу над головой и пропитание. На самом деле это не так. Состоятельный телезритель видит на экране изможденных от голода женщин Южного Судана, тощие фигуры манекенщиц, демонстрирующих на подиуме новинки высокой моды, толстяков, слоняющихся по улицам американских городов, зверства в «демократических» государствах типа ДР Конго, Республики Конго, Косова и т. п. Все это не вызывает у него потерю аппетита и не заставляет подумать о смысле истории или истории смысла.

В самых бедных странах наблюдается самый высокий уровень рождаемости: если в Швейцарии он составляет 1,67, а во Франции — 1,7, то в Мозамбике — 6,5, в Того — 6,9. Независимо от традиций и культуры этот демографический взрыв можно объяснить в первую очередь тем, что цена презерватива в беднейших странах равна дневному заработку. В результате у подростков, обреченных на нищету, возникает желание уехать в страну, считающуюся богатой, где есть вероятность

найти работу. Это касается алжирцев (среднедушевой налог в Алжире 1490 долларов, у подавляющего большинства гораздо меньше, а уровень рождаемости — 4,4), доставляющих французским властям множество проблем, о которых всем известно. Какой-нибудь утопист мог бы подумать, что страна-колонизатор принимает у себя представителей некогда поработанных народов и берет на себя ответственность за них или их потомков: алжирцы не приглашали 37 000 человек, посланных туда Карлом X и захвативших его 5 июля 1830 года, хотя коренное население и страдало от турецкого господства. Ни один ребенок в мире никогда не просил, чтобы его рожали, и родители признают — или по крайней мере должны признавать — свою ответственность за него, даже если комбинация генов и окружения, о которой мы уже упоминали, не отвечает их ожиданиям.

Однако вернемся к настоящему, и к настоящему во Франции. Министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенман ввел в свой кабинет Карима Зереби, выходца из алжирской семьи, жившей в Авиньоне. В обязанности этого чиновника входит создание в каждом департаменте не позднее конца февраля 1999 года «комиссии по получению гражданства» (CODAC), новой инстанции, в которую будут входить представители администрации, общественных служб, выборных органов, профсоюзов, ассоциаций и организаций HLM — недорогого социального жилья, миссия которой — «помочь детям иммигрантов, родившимся во Франции, найти работу и место в обществе и свести к минимуму дискриминацию, которой они подвергаются при приеме на работу, поиске жилья, проведении досуга».

В письме префектам министр внутренних дел, назвавший когда-то малолетних преступников «дикарями», теперь напоминает, что «сотни тысяч детей, родившихся у иммигрантов, подвергаются дискриминации. Существенная часть населения чувствует себя отверженной, исключенной из общественного договора (пусть это их и не извиняет), что выражается

в поведении с тяжелыми последствиями, вплоть до самоубийств: городская преступность, вандализм, хулиганство несовершеннолетних, нарушение порядка, принятого в общине». Письмо волнующее, обоснованное, но возможно ли министерским письмом убедить иммигрантов и французов одинаково «жить во времени»? Отдельные политики, более реалистично мыслящие, уповают на привлечение в ряды полицейских выходцев из стран Магриба и Африки для облегчения контакта с правонарушителями.

Во всех так называемых богатых странах сосуществование — иногда в одном и том же многоквартирном доме — коренных жителей и мигрантов вызывает проблемы, связанные с большими различиями в частной жизни: еда, одежда (например, проблема молодых мусульманок, носящих паранджу), власть главы семьи над женой и детьми, шум и т. п. Канцлер Шрёдер вынужден был отложить натурализацию миллионов турок, не одно поколение живущих в Германии; Италия только что предоставила убежище двумстам тысячам албанцев и т. д. В северных странах — Нидерландах, Дании, Швеции, Норвегии — мигрантов принимают охотнее: возможно, это связано с протестантизмом? Или туда меньше едут из-за сурового климата?

Что касается католической церкви, то она выступает за солидарность в обществе. В XVI веке священник-доминиканец Бартоломе де Лас Касас (1474–1566), ставший епископом Чьяпаса в Мексике в 1543 году (ему было тогда 69 лет!), долгое время безразлично относившийся к настоящему геноциду американских индейцев, проводимому испанскими и португальскими конкистадорами, встал на их защиту и отправил императору Священной Римской империи Карлу V, ставшему в 1516 году также королем Испании, «Кратчайшую реляцию о разрушении Индий». Описание страданий индейцев вызвало скандал, но также легло в основу новых законов, которые немного защищали коренное население. В конце своей долгой жизни

Бартоломе де Лас Касас стал считать работорговлю позором, признав, что «негры» — тоже люди.

Возможно, этот исторический экскурс покажется читателю излишним, однако я продолжу. В 1960-е годы аргентинец Че Гевара (1928–1967), примкнувший к кубинской революции, пытался путем «социалистической революции» создать «нового человека» в тот самый момент, когда часть южноамериканского духовенства включила тезисы Бартоломе де Лас Касаса в «теологию освобождения». В эпоху, когда «мощный СССР», скорый распад которого ничто не предвещало, поддерживал антиколониальный подъем не только в Центральной и Южной Америке, но и в Африке, Ватикан осудил эту теологию, потому что она была очень близка к коммунистической теории.

В январе 1999 года Иоанн Павел II едет в Мексику. Из 97 миллионов мексиканцев 40 миллионов страдают от недоедания (отсюда их стремление эмигрировать в США). Среднедушевой доход в Мексике составляет 3680 долларов, уровень рождаемости — 3,1, а средняя продолжительность жизни — 71,5 года (согласно данным *Le bilan du Monde*). 24 января 1999 года на автодроме имени братьев Родригес в присутствии более миллиона полных невиданного энтузиазма верующих (90% мексиканцев называют себя католиками) папа заявил: «Я прошу всех верующих в этой стране помогать и оказывать всяческую поддержку тем, кто больше всего в ней нуждается. Надо, чтобы каждый мексиканец имел все, что необходимо для достойной жизни. Все члены общества равны в своем достоинстве, все — сыновья Бога и, следовательно, заслуживают уважения и имеют право на самореализацию в условиях справедливости и мира».

Затем Иоанн Павел II пересек границу и был принят в Сент-Луисе, штат Миссури. Еще до встречи с Биллом Клинтонем он повторил все тезисы Бартоломе де Лас Касаса и призвал превратить «континент надежды в континент жизни! Достойной жизни для всех! Для тех, кто еще не родился и находится

во чреве матери, для уличных детей, для представителей коренных народов и афроамериканцев, для мигрантов и беженцев, для молодежи, лишенной надежды, для стариков, для всех, кто страдает от бедности и отверженности, какова бы ни была их причина и форма <...>. Надо положить конец неоправданной смертной казни! Нет эксплуатации слабых! Нет расовой дискриминации и трющобам! Отныне и навсегда!»

26 января 1999 года во время неформальной встречи в аэропорту Сент-Луиса с Биллом Клинтонем Иоанн Павел II на похвалы американского президента ответил беспощадно: «Вот в чем суть сегодняшнего конфликта: с одной стороны, утверждается, пестуется и прославляется дар жизни, а с другой — целые группы человеческих существ: еще не рожденных детей, умирающих больных, инвалидов и прочих, кто считается „бесполезным“, — не защищены законом».

Противопоставление «культуры жизни» и «культуры смерти» не должно вызывать излишнего оптимизма. В своем экзистенциальном одиночестве человек верит в свое единство с сотнями тысяч других, о чем бы речь ни шла — о торжественной встрече папы римского или чемпионов мира по футболу. И от денег никуда не деться. Многие фирмы использовали тогда папу в качестве поддержки рекламных кампаний. Например, производители одной знаменитой марки фотопленки сообщали, что для фотографий с изображением папы она будет бесплатной.

Французский глагол *adorer* (обожать) происходит от латинского *adorare* — молиться*. Этимология и фонетика показывают нам, что на самом деле правит миром. Культ золота, часто стыдливо скрываемый, вездесущ. Это средство, путь к признанию.

Для борьбы с неравенством и жизненными тяготами создается огромное количество всяких ассоциаций, собирающих

* В обоих словах, и французском, и латинском, корень *or* — золото.

неравнодушных людей, ищущих спонсоров. Деньги стекаются, и часть из них прилипает к рукам руководителей этих благотворительных организаций. Имен мы называть не будем.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Пара

а) Приблизительно до XVII века супружеская пара существовала около семи лет. Слишком часто имели место несчастные случаи на работе, инфекции, эпидемии, выкидыши, роды со смертельным исходом — и один из супругов преждевременно умирал.

б) С увеличением продолжительности жизни «проживание жизни вдвоем» ставит все новые проблемы. Во Франции в последние десятилетия количество браков снижалось и вдруг в 1996 году выросло сразу на 10,2%, а в 1997-м — еще на 1,4%. Этому не могли не поспособствовать изменения в налоговом законодательстве — отменены статьи, по которым неженатые пары находились в более выгодных условиях. В 1997 году было зарегистрировано 284 500 браков. В брак вступают все позже: в среднем в 1970 году мужчины женились в 24 года, в 1980-м — в 25 лет, в 1996-м — в 29; женщины в 1970-м выходили замуж в 22 года, в 1980-м — в 23, в 1996-м — в 27,5 лет. Раньше всего выходят замуж в странах Южной Европы (в Португалии — в 24 года), тогда как датчанки и шведки — в 29 лет. Легализация противозачаточных таблеток и, в случае неудачи, искусственного прерывания беременности позволяет молодым женщинам — девушкам! — контролировать беременность. Если доверять статистическим данным, согласно которым первый полноценный половой акт (как несколько громоздко выражаются социологи) происходит в 16–17 лет, то можно сделать вывод, что белое платье невесты (белый цвет означал девственную чистоту) не более чем символ. Остается выяснить,

что же такое полноценный половой акт... Избавим читателя от непристойных подробностей. Скажем лишь, что в США этот вопрос в данный момент стоит на повестке дня и защитники президента Клинтона утверждают, что оральный секс таковым, то есть полноценным половым актом, не является*.

«Молодожены» теперь не очень молоды: у обоих есть сексуальный опыт, иногда они живут вместе до брака несколько месяцев или лет. Можно было бы ожидать, что обоюдная зрелость готовит к долгой супружеской жизни. Ничего подобного. «Жених и невеста», если можно их еще так называть (на старофранцузском fiancés — жених и невеста — означает «исполненные чести»), если они не жили вместе до вступления в брак, должны урегулировать деликатную «территориальную» проблему. Как, имея за плечами груз прошлого, переместиться из своего персонального пространства в пространство общее? Как примирить вкусы каждого? Как сделать, чтобы «мой дом» стал «нашим домом»?

В прежние времена жена земледельца помогала супругу управляться с хозяйством, жена ремесленника — своему мужу в его делах; у мелких коммерсантов «мадам» была продавщицей, а ее супруг занимался поставками товаров и финансовыми вопросами. Сегодня в паре молодоженов (во Франции венчаются в церкви менее чем в половине случаев), которым удастся избежать безработицы, работают и муж, и жена. Иногда они занимаются одним и тем же делом (например, много супругов-врачей), но при этом работают в разных местах. Чаще всего профессии у супругов разные, и у каждого есть свое «профессиональное пространство», где человек встречается с людьми, не входящими в круг друзей семьи, и ускользает от строгого контроля со стороны супруга или супруги. Это может обогащать супружескую жизнь — за ужином они

* Речь идет о разворачивавшемся в 1999 сексуальном скандале с участием Билла Клинтона и стажерки Белого дома Моника Левински.

рассказывают друг другу о том, с кем общались в течение дня (о совместных обедах речь теперь не идет). Чаще всего (и это возможно и желательно) супруги занимают приблизительно равное положение, о чем речь пойдет дальше, но случается, что социальный статус жены выше, чем у мужа. Если жена — префект, а муж — мелкий чиновник, это может вызывать проблемы.

в) Раньше браки устраивались родителями, а в буржуазной среде — с участием нотариуса. Невеста была девственной, жених же терял невинность в объятиях служанки, проститутки или сговорчивой подруги матери. Сегодня каждый предстает перед господином мэром, имея за плечами богатый жизненный опыт. Этот опыт может быть полезен — имея его, легче согласиться с различиями, проще быть снисходительным и терпимым. Но иногда все может быть и по-другому — человеку может быть трудно избавиться от ярких эротических воспоминаний об идиллических путешествиях, нежных словах, которых нет в новой повседневности. Иногда исполнение «супружеского долга» может смягчить стресс, вызванный грузом прошлого, а иногда, наоборот, побудить к поиску на стороне того, что ему/ей не дает супружество.

Тогда — развод по взаимному согласию, пришедший из Древнего Рима и разрешенный в революционной Франции 20 сентября 1792 года, отмененный в 1816-м и восстановленный по закону от 27 июля 1884 года. В 1900 году во Франции было 7400 разводов, в 1995-м — 117 000. С 1970 по 1985 год количество разводов утроилось, а в 1996 году распалось 42 брака из 100. Больше всего разводов наблюдается в Северной Европе, меньше всего — в странах Южной Европы.

Выходом из ситуации, когда долго жить вместе паре трудно или даже невозможно, могла бы стать «двойная жизнь» по договоренности. Когда брак заключается по взаимному желанию мужчины и женщины завести детей, естественно, что «законный» отец является также и биологическим. Молодожены

(причем не обязательно молодые в буквальном смысле) обязуются хранить друг другу верность в течение пяти лет. В дальнейшем они могут жить вместе ради блага детей, имея право на свою собственную личную жизнь.

г) PACS — Гражданский договор солидарности (ПАКС) — был принят в первом чтении 9 декабря 1998 года 314 депутатами против 251. Его могут подписать в канцелярии суда малой инстанции неженатые пары, гомо- или гетеросексуальные, а также два человека, живущие вместе и не поддерживающие сексуальных отношений, — два брата, две сестры или брат и сестра. Это делается для облегчения финансовой нагрузки, ложащейся на партнеров при получения наследства по завещанию, при договоре дарения, при налогообложении и т. п. Сенат должен высказаться по этому вопросу в марте 1999 года.

ПАКС был моментально воспринят как признание и легализация гомосексуальности, которая признавалась и даже прославлялась в античном мире, но категорически отвергалась тремя монотеистическими религиями. Реакция была незамедлительной и яркой: 31 января 1999 года, менее двух месяцев спустя после голосования в Национальной ассамблее, состоялась многотысячная манифестация противников ПАКСа — от Дворца инвалидов до Трокадеро. По подсчетам полиции, было 98 000 участников, по мнению самих протестующих — около 200 000. Редко когда под одними знаменами собирались столь разные деятели: возглавлял колонну Брюно Мегре, один из лидеров Национального фронта, за ним следовали католики и мусульмане. Участники упражнялись в остроумии. Кое-кто распевал: «Не получите ни ПАКСа, ни Эльзаса, ни Лотарингии». Несколько священников в сутанах несли плакаты следующего содержания: «Боже, избавь нас от ПАКСа!». Какие-то шутники расшифровали аббревиатуру PACS (Pacte civil de solidarité) как «Пакт агрессии против общества» (Pacte d'agression contre la société), а любители юмора попроще называли этот договор «социальной ловушкой для дураков».

В Германии гомосексуалы высказались против французской системы, сочтя, что геев там держат за людей второго сорта. Статья 6 Конституции, гласящая, что «брак и семья находятся под защитой закона и существующего порядка», делает невозможной создание ПАКСа. Официальный представитель осторожного министра юстиции высказал мнение начальства: «В первую очередь мы будем рассматривать гомосексуальные пары, которые живут вместе очень долго. Во вторую очередь, но не ранее чем через несколько лет, займемся парами, живущими вместе не так долго, вне зависимости от того, гомосексуальны эти пары или гетеросексуальны. Однако в этом последнем случае прежде всего речь пойдет о защите наиболее уязвимых — женщин, оставивших работу десять-двадцать лет назад, чтобы воспитывать детей». Что же касается усыновления детей гомосексуальной парой, такой вопрос даже не возникал*

д) С момента появления *Homo sapiens* человечество если не управляется самцами, то, по крайней мере, они играют доминирующую роль. Нетрудно заметить, куда это нас завело. Обожаемые, прославляемые, унижаемые женщины занимали подчиненное положение, даже если некоторые из них хитростью умудрялись «управлять» своими так называемыми «повелителями». Сегодня «антиженский расизм» широко обсуждается. Во вторник, 16 февраля 1999 года, Национальная ассамблея приняла во втором чтении проект конституционной поправки о равном доступе мужчин и женщин к выборным должностям, отклоненный Сенатом 26 января. При этом проект был принят Национальной ассамблеей практически единогласно — против было подано всего два голоса. Бедные сенаторы, как правило люди пожилые, в момент, когда пишутся эти строки, ищут компромисс, который избавил бы их от обвинений в «мачизме» и, следовательно, от возможных проблем в их собственной

* ПАКС был принят в ноябре 1999 года. Однополые браки и усыновление детей однополыми парами во Франции были узаконены в 2013 году, в Германии — в 2017-м. — *Примеч. ред.*

частной жизни. Мадам Марисоль Турен, депутат-социалист от Эндра и Луары, заявила: «Мы все преданы республиканскому универсализму, но у нас усеченная демократия, потому что женщины в массе своей из нее исключены».

В пятницу, 19 февраля 1999 года, правительство социалистов предало гласности доклад Анны-Марии Кольму из Государственного совета, в котором сравнивается количество мужчин и женщин на ответственных постах в государственных и общественных организациях. Приведем лишь несколько примеров: из 109 префектов — 5 женщин, из 88 ректоров университетов — 4, из 74 членов Генеральной финансовой инспекции — 9, из 201 члена Государственного совета — 40, из 217 членов Счетной палаты — 29, из 29 генеральных директоров медицинских центров — 1 женщина¹⁸. Напомним, что женщины при этом составляют большинство населения, несмотря на то что девять месяцев беременности гораздо тяжелее девяти секунд эякуляции: средняя продолжительность жизни женщин 81 год, а мужчин — 74 года 8 месяцев. Напомним также, что недавно одна девушка имела наглость окончить лучше всех Политехническую школу, куда женщины получили доступ лишь в 1972 году. «Воля к паритету» тут же вызвала новую волну антифеминизма, причем главный и, возможно, наиболее эффективный аргумент униженного самца звучит следующим образом: «Ты жертвуешь воспитанием детей ради карьеры».

е) Заканчивая изучение пары, посмотрим, что происходит за пределами Франции. За неимением места коротко опишем ситуацию в Германии и Испании, двух странах, где частная жизнь страдала от политики. В ГДР доходы населения были гораздо ниже, чем в Западной Германии, однако между мужчинами и женщинами было больше равенства, в частности благодаря наличию бесплатных яслей, позволявших женщинам работать. В Испании смерть каудильо Франко в 1975 году значительно сократила, если не уничтожила, могущество трех его опор: Фаланги, армии и очень консервативно настроенной

церкви. Были легализованы разводы. Множество пар живет, не заключая брак. Аборты запрещены по-прежнему, но лицемерно практикуются в некоторых частных клиниках, а также кустарным способом, что иногда оказывается смертельным для неимущих пациенток. Доказательством тому служит самый низкий в Европе уровень рождаемости — 1,2. Несмотря на отсутствие статистических данных, скажем, что первый «полный» сексуальный опыт имеет место в 16–17 лет, некоторые родители соглашаются приютить в своих домах сына с девушкой или дочь с парнем. В студенческой среде секс весьма распространен.

«Подъем женщин» впечатляет: в школах журналистики их больше, чем мужчин. В церковь стали ходить гораздо реже. В Испании самый высокий уровень безработицы из всех стран Евросоюза (19,5% активного населения), в результате — массовая эмиграция, что не может не сказываться на семейной жизни. Потрясения, произведенные падением диктатуры Франко, были так сильны, что вызвали приток в Испанию психоаналитиков из Латинской Америки, главным образом из Аргентины.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ И ДЕТЕЙ МЕЖДУ СОБОЙ

а) Как растить детей и готовить их к совершенно непонятному будущему? Мы не дадим ответа на этот вопрос, ограничимся лишь некоторыми соображениями по поводу довольно неопределенных гипотез.

Несомненный факт: изменения в питании. В связи с инновациями в животноводстве кормление животных изменилось, и вкус мяса становится все менее выраженным. Телевидение показывает нам этих приговоренных к смерти, и никого не обманешь этикеткой, наклеенной на курицу: «выращена на свободе»; но никого, кроме нескольких экологов, не волнуют

мучения этих животных, всю свою недолгую жизнь проводящих в заточении.

Постепенно нам навязывается американская модель «непрерывной еды». Заведения, в которых продаются блины, сэндвичи, традиционная выпечка, дают отныне возможность есть на ходу или сидя на скамейке между полуднем и двумя часами. Повсюду продаются напитки, кофе, сэндвичи, *панини* и пр., стоять в очереди в специализированных магазинах теперь не надо. Это до некоторой степени разнообразит питание; между двумя кусками хлеба теперь кладется не только ветчина: появляются «иностранные» салаты, в основном ближневосточные, в которых, правда, меньше специй, чем в аутентичном варианте, — торговцы приспособливаются к вкусам европейцев. Если папа и мама работают, семейный ужин часто состоит из замороженных продуктов, извлеченных из морозилки, таких же безвкусных, как и вышеупомянутое мясо. Но зато какая экономия времени! Однако эта экономия не безопасна: голодному человеку трудно устоять перед искушением съесть шоколадный эклер и запить его сладким кофе за умеренную плату. Последуем по американскому пути, и на наших улицах будет столько же толстяков, как в Нью-Йорке...

Все начали одеваться одинаково. Вчера по «прикиду» можно было определить социальное положение человека. Различия проявлялись не только в манере поведения, но и в манере одеваться. Буржуа носил костюм, сшитый на заказ; мужчины и женщины со скромными доходами довольствовались «конфекционом» — уничижительная коннотация этого слова стерлась понятием «прет-а-порте» (готового платья); одежда подгонялась под фигуру клиента, маскируя лишнее и добавляя объема там, где его не хватает. Вот только проницательный наблюдатель замечает «фирму» джинсов, кроссовок, колье, браслетов, колец. В первый день распродаж у дверей парижских бутиков *Herbès* собирается столько народу, что охранник, улыбающийся, но непреклонный, запускает покупателей маленькими группами.

Часто — очень часто — внушительные семейные траты идут на ребенка: ему нужна именно такая одежда, вот такая компьютерная игра, только такой горный велосипед и т. п. Давно прошли те времена, когда родители ограничивались несколькими подарочками, которые они клали в сапожки, заботливо расставленные перед камином вечером 24 декабря. В далеком прошлом обеда, с любовью приготовленные матерью, за которыми отец мог строго сказать: «Замолчи, выпрями спину и не задавай вопросов!» Бизнес прекрасно понял роль детей в семейных расходах, и на экранах телевизоров, включенных во время семейных трапез, одна за другой следует реклама товаров для милых малышей.

б) Если оба родителя работают, выполняют схожие функции или, наоборот, соперничают между собой, получают схожие деньги, порой они вступают в конфликт по поводу того, как следует жить. Кто из них главнее? Чью концепцию воспитания детей применять в семье? Следует ли баловать детей — удовлетворять все их желания в качестве доказательства любви и все им позволять? Или же надо быть твердым, воспитывать, растить, запрещать, чтобы лучше подготовить их к трудностям взрослой жизни; заставлять работать в поте лица, чтобы получить диплом, лучшее средство от постоянно растущей безработицы? А в случае, если в семье один родитель (как правило, мать) — как ей сочетать нежность, которую она «должна» давать, с авторитетом, которым она опять-таки «должна» воздействовать на ребенка?

Еще одна проблема — сущностная: насколько родители могут помочь ребенку в учебе? В 1900 году 5000 детей успешно окончили школу: вероятно, у них всех были отцы с высшим образованием, которые могли помогать им делать уроки. А что насчет сегодняшних лицеистов арабского происхождения, отцы которых, зачастую неграмотные, с трудом говорят по-французски? Нынешние учителя должны брать на себя новые обязанности и ответственность. Когда они сами учились, ничего подобного не было.

Вернемся к «традиционной» семье: часто 16-летний сын, который уже перерос отца, учит родителей пользоваться интернетом. Все меняется так быстро, что даже среди братьев и сестер возникают проблемы: будет ли 15-летний старший брат или сестра помогать младшему брату или младшей сестре восьми лет постигать виртуальный мир или же будет считать его невеждой? Эта проблема стоит еще острее в так называемых смешанных семьях, которых в последнее время становится все больше. Будут ли дети от первого брака родителей воспитателями или же снисходительными повелителями по отношению к сводным братьям и сестрам? Будут ли они чувствовать ответственность или же испытывать ревность? Представим себе такую ситуацию: у мужа и жены есть по двое детей от предыдущих браков и двое общих детей. Что за отношения сложатся у этих шестерых юных членов семьи? Что за отношения будут с прежними супругами? С кем будут жить дети от первых браков?

Не будем пессимистами. Во вчерашних семьях с их жесткой дисциплиной, уважительным отношением к родителям и послушанием есть что-то удушающее. Был ли ребенок из буржуазной семьи действительно увлечен музыкой или живописью? Он должен был прежде всего «работать». Сегодня девочка играет на флейте, а мальчик берет уроки рисунка и живописи (если им этого хочется). В смешанных семьях дети, расширяя свои семейные связи, обогащаются знаниями, планами сводных братьев и сестер.

Не будем, однако, и оптимистами. Многие родители приходят в такое замешательство, что в последние годы появились частные школы для родителей. Психологи, учителя, юристы консультируют их и если не дают готовых решений, то по крайней мере показывают направление движения. От новых «учеников» требуется раскрыть перед «чужаками» тайны своей частной жизни.

Попытаемся развеселить читателя и поговорим о том, что ему хорошо известно, — о животных-компаньонах. Мир

меняется, распадаются семьи, техника моментально устареет, и в этих условиях человек порой находит утешение в общении с домашним животным. Кот, собака и птичка почти не меняются, став взрослыми, у них не бывает морщин, к тому же на протяжении тысячелетий своего существования они не «мутировали». В современной Франции в 52% домов есть домашние животные: 28% французов держат собак, 26% — кошек, 45% — и тех и других. В 1997 году во Франции насчитывалось 8,4 миллиона кошек и 7,9 миллиона собак. Согласно данным анкетирования, проведенного в 1998 году Британской ассоциацией ветеринаров (BVA), «в случае, если у кого-то не складываются отношения с собакой или кошкой друга (подруги), то 60% хозяев животных отказывается от своих питомцев, а 20% — от потенциальных спутников жизни»¹⁹. Отрываясь на несколько секунд или минут от интернета, человек смотрит на свою кошку и испытывает те же чувства, что и египтяне, поклонявшиеся богине Бастет, которая изображалась в виде кошки или женщины с головой кошки.

в) Еще вчера невозможно было представить себе, чтобы школьный учитель вмешивался в частную жизнь кого-то из учеников. Он ограничивался тем, что в первый день учебного года просил детей заполнить карточку, в которой указывалась профессия родителей. Подготовка к конкурсу на должность преподавателя лица (агрегасьон) включала лишь одну полтора часовую лекцию об отношениях учителей и учеников. Сегодня же министр образования Клод Аллегр предлагает провести глубокие изменения в системе, встречающие, впрочем, бурное негодование со стороны преподавателей, традиционно занимающих левые позиции.

Позволю себе привести здесь факт из собственного опыта. В 1960 году, на излете моей учительской карьеры, я преподавал историю и географию в лицее Генриха IV в «математическом» классе, где было пятьдесят шесть учеников и все они занимались в первую очередь точными науками, потому что

собирались поступать в Политехническую или Центральную школу*. У меня не возникало никаких проблем, ребята в массе своей были выходцами из одной и той же социальной среды.

Может ли в наши дни быть одинаковым поведение учителей, работающих в привилегированных лицах и в школах из «горячих» пригородов? Может ли и должен ли учитель одинаково относиться к сыну «энарка», выпускника ЕНА, Национальной школы администрации, к сыну коллеги и к сыну мигранта? Что он может и должен сделать, чтобы сгладить социальное неравенство и культурные различия? Как примирить сиюминутную жизнь, навязываемую нам СМИ и техническим прогрессом, с планами на будущее, с карьерой, с миром завтрашнего дня, который невозможно себе представить? Как рассказывать ученикам — хулиганам или, наоборот, равнодушным — о том, как ненавидели друг друга французы с англичанами и французы с немцами и к каким войнам эта ненависть привела? Как заставить их читать Платона и Декарта и довести до их сознания, что Галилей отказался от своей гелиоцентрической теории, чтобы не попасть на костер инквизиции, что Луи Альтюссер прославился и подвергся критике за то, что утверждал, что «герменевтика подозрения должна привести к симптомальному чтению Маркса»?

Знакомство с семьей, помощь молодых учителей, которые ненамного старше учеников и которые также испытывают трудности на пути к «признанию», в этом отношении неоценимы. Дело министра, депутатов, профсоюзов — стать во главе этой культурной революции.

г) В этом процессе должны также принимать участие психологи, психиатры, психотерапевты и врачи в целом. Успех имеют в первую очередь те, кто знает, чего хочет, кто верит в себя. Как это обеспечить? Как успокоить постоянно возбужденного

* Политехническая школа, Центральная школа — знаменитые высшие учебные заведения Франции, занимающиеся подготовкой инженеров и предъявляющие очень высокие требования к абитуриентам.

молодого человека? Как активизировать вялого? Как уменьшить стресс, из-за которого хороший ученик может провалиться на экзаменах? При помощи лекарственных препаратов? Сейчас наблюдается невероятная физическая «шаткость». К ней ведет, с одной стороны, наличие огромного выбора (кем быть, с кем жить, курить или не курить), с другой стороны, отсутствие такового вследствие безработицы и расизма. Отсюда — обращение к психотропным препаратам, чтобы облегчить общение с окружающим миром, и риск, что эти препараты постепенно сменяются наркотиками. Вследствие всего этого появляются секты и прочие объединения тоталитарного толка, чьи функции заключаются в защите индивида от необходимости принимать решение: ему указывают, что он «должен» делать.

д) Второй, если не первый, хозяин в доме сегодня — это телевизор. Во Франции в 95% домов есть по крайней мере один телевизор, в 37% их несколько и 69% имеют видеомагнитофоны. В среднем перед экранами телевизора люди просиживают по три часа в день. Вечером, во время или после ужина, все смотрят информационные программы. Что это, информация или дезинформация? Каждая «новость» должна отвечать ожиданиям зрителей: снежная лавина, унесшая чьи-то жизни; нераскрытое убийство молодой пары; любовные похождения Клинтона или леди Дианы; арест рецидивиста-педофила — подобные сюжеты могут поднять рейтинг программы и привлечь рекламодателей. О массовых убийствах в Алжире, Анголе и Конго — по одной фразе. Кто создает современное эффективное оружие? Ни слова. 15-летний мальчишка «попал в телевизор», потому что поджег автомобиль где-то в пригородах Парижа. «Делать было нечего», — объясняет он свой поступок. А что его родители? Они вместе, или в разводе, или конфликтуют между собой? Есть ли у них на что жить — лучше сказать, выживать? Есть ли у них приемлемое жилье? Ни слова. Почему шииты и сунниты, и те и другие — мусульмане, противостоят друг другу в Ираке или где-то еще? Ни слова.

Сколько времени отводится на созерцание жестокости и насилия? И сколько — на показ, как богатые приходят на помощь обездоленным? Похоже, главными хозяевами «второго хозяина дома» являются рекламодатели. Не способствует ли телевидение появлению «мира псевдо»? Псевдознание о мире, который мы видим. Псевдознакомство с Египтом, который мы «посещаем» за час благодаря «высококласной» телепередаче. Псевдознание о всемогуществе СССР, о неминуемости распада которого телевидение ничего не сообщает. Псевдознакомство с шедеврами галереи Тейт или еще какого-нибудь музея, по которым камера скользит в течение нескольких минут...

Не будем, однако, слишком строги. Телевидение, развлекая, позволяет забыть на время о тревогах повседневности. Некоторые каналы — в основном те, где реклама запрещена, — увеличивают познавательный капитал зрителей. Телевидение позволяет моментально перемещаться в пространстве и во времени. Благодаря наличию параболических антенн мигранты имеют возможность ежедневно видеть свои родные страны. Короче говоря, телевидение расширяет горизонты, а уж как распорядятся этими возможностями зрители — неизвестно.

Перед завтрашним — или уже сегодняшним? — историком телевидение поставит трудноразрешимые эпистемологические задачи. Я настаиваю на том, чтобы разделять «историю прожитую» и «историю написанную» (исторические тексты), которую Поль Вейн определяет как «обнаружение следов, оставленных интригами», а Жан Шено дает ей такое удачное и веселое толкование: «историческая история». Но сколько же интриг не оставили следов? Для историка, который в 2050 году будет писать «Историю Франции в 1999 году», главным источником информации окажутся телепередачи, в особенности «новости», однако о некоторых фактах будет несправедливо умалчиваться. К счастью, у него будут и другие источники информации.

Закончу эту тему словами китаиста и философа Жана Шено: «Предполагалось, что телевидение будет лишь развлекать

в свободные часы, но оно навязало свое особое время, взрывающееся клипами и месседжами, которые сменяют друг друга на экране без какой бы то ни было связи с предыдущими и последующими. Оно мгновенно, потому что реальность возникает из небытия и погружается туда снова; оно иерархизировано в зависимости от размаха аудитории; оно в высшей степени коммерциализировано — тарифы на рекламу и гонорары звезд, рекламирующих тот или иной товар, возрастают до небес. Оно подчиняет себе семейное время и публичные пространства»²⁰

е) Все вышеизложенные мысли, окрашенные в пессимистические или скептические тона, не должны скрывать позитивного аспекта новаций, которые предлагает нам технический прогресс. Конечно, смешанные семьи ставят много проблем, но расширение семей помогает решить другие. Благодаря интернету пообщаться с родственниками, работающими вдали от дома, можно в любой момент и не за такие большие деньги, как это было раньше. Увеличение продолжительности жизни побуждает представителей старшего поколения, располагающих свободным временем и финансовыми возможностями, превышающими финансовые возможности детей, заниматься внуками: дедушка рассказывает им о том, как жил в молодости, бабушка осыпает ласками, на которые у работающей матери нет времени. Внуки, в свою очередь, учат бабушек и дедушек пользоваться компьютером и интернетом. Таким образом, если пожилой человек отправляется в путешествие, организованное для пенсионеров, дети и внуки всегда могут быть в курсе того, как он себя чувствует.

Наконец, когда все поколения перемешиваются, наступает «реакция» (не реакционность!). Глобализация, сделавшая английский — в первую очередь его американский вариант — языком международного общения, вызывает потребность в сохранении культурных и лингвистических традиций, существующих на «земле предков». Баскский, язык, возникший в доиндоевропейскую эпоху, которому уже около четырех

тысяч лет, в ходу по обе стороны франко-испанской границы. В некоторых школах изучается бретонский язык. Жители больших городов мечтают о доме в сельской местности, где можно было бы развести сад и держать собаку, и их отношения с местными жителями становятся все лучше. Местный же крестьянин, ставший «главой сельскохозяйственного предприятия», чтобы спасти свое семейное дело, пользуется компьютером и даже интернетом. С ним можно поболтать о собаках, коровах, евро и т. д. Говорят, что в Соединенных Штатах имеет место впечатляющая «реакция». В какой-то семье мать уходит с работы, чтобы заниматься детьми и домом, пусть и в ущерб доходам; они переезжают в близкий пригород, откуда муж ездит на работу. Семья живет в отдельном доме, разводит сад, который обрабатывает традиционными инструментами.

Рейв

Прекратим, однако, ностальгировать по прошлому и вернемся к настоящему. Будущее непредсказуемо, ненадежно, несет в себе угрозу, и встревоженная молодежь хочет жить сиюминутной жизнью и в то же время убегает от настоящего. Как разрешить это противоречие? С незапамятных времен существует выход: это мечты. Таким образом, для историка нет ничего нового в *рейве*, который приводит в негодование взрослых и, надо признать, оглушает окружающих. Оставим специалистам по этимологии выяснение того, имеют ли общее происхождение английский глагол *to rave*, означающий «рычать», «бредить», «приходить в экстаз», и французский глагол *rêver*, появившийся около 1130 года, имевший в те времена смысл «бредить», «блуждать» и лишь к концу XVII века приобретший современное значение «мечтать» и «видеть сны». Рейв (французы произносят «рэв») стал тем, что раньше называлось «вечеринкой», «танцуйками», «тусовкой» и т. п. Как правило, вечеринка готовится диджеями, вчера анонимными, сегодня суперпопулярными благодаря средствам массовой информации,

которые раздают флаеры, где указана дата и время собрания в каком-нибудь неожиданном месте типа старого ангара или заброшенной фермы — дискотеки вынуждены были отказаться от рейва из-за слишком большого количества децибелов.

В рейве используется самая современная техника, музыка техно обрабатывается компьютером. Рейв, коллективный «отрыв», выход за пределы повседневности, может напомнить о религиозных церемониях в соборах и церквях, при проведении которых грегорианские гимны позволяли христианам на несколько мгновений забыть о тяготах и страданиях жизни. Историк должен всегда помнить о том, что очень часто новое — это хорошо забытое старое.

Рейверы танцуют по одному в ритме техно, значительно превышающем ритм человеческого сердцебиения, который в среднем составляет 80 ударов в минуту. Ритм музыки техно может достигать до 120–160 и даже 240 ударов в минуту. Чтобы сопротивляться усталости (некоторые рейв-вечеринки длятся по несколько дней), рейвер принимает *smart drinks* — коктейли, богатые витаминами и микроэлементами, экстази или другие психотропные вещества. Любимые места рейверов — испанский остров Ибица и заброшенные бункеры Восточного Берлина.

Ужасный шум, производимый рейв-вечеринками, конечно же, вызывает протесты. Что касается Франции, здесь «в 1996 году было 62 рейв-вечеринки, собравшие от 30 до 3500 участников, всего их было 44 450. Они стали объектом пристального внимания полиции, жандармерии и таможенных служб, в двадцати трех случаях проводились облавы в связи с торговлей наркотиками. Однако истинное количество рейв-вечеринок не отражено в этой переписи, его оценить очень трудно, даты и места проведения очередного „мероприятия“ тщательно скрываются организаторами, и все участники молчат, как партизаны»²¹ Чтобы оправдать ожидания подружек, наевшихся экстази и желающих завершить вечеринку «как следует», многим переутомленным рейверам требуется виагра.

Необходимость прибегать к наркотикам, чтобы «развлечься» (французский глагол *se distraire* — развлекаться — происходит от латинского *distrahere* — тянуть в разные стороны, отсюда французские значения «отделять часть от целого» и «отклонять»), ставит проблемы этического и санитарного порядка. Оптимизма ради скажем, что происхождение рейверов самое разное — это и французы, и выходцы из Севернй или Центральной Африки, и их «коллективный отрыв» от повседневности может смягчить проявления расизма, а чтобы быть объективными, упомянем, что производимый рейверами шум вписывается в общемировую шумовую тенденцию; одним из наиболее опасных источников шума являются самолеты. Несчастный человек, живущий рядом с аэропортом, страдает не только от снижения слуха, но и от сужения периферических сосудов, сердцебиения, что создает благоприятные условия, если можно так выразиться в данном контексте, для гипертонии и инфаркта миокарда. Мешая спать, вызывая тревогу и депрессию, шум (производимый самолетами, мопедами, с которых хозяева снимают глушители, чтобы привлечь к себе внимание, клаксонами нетерпеливых автомобилистов, музыкой техно, которую жильцы многоквартирных домов включают на полную мощность) заставляет несчастных жертв принимать транквилизаторы. Опять наркотики...

КАКОЕ МОЖЕТ БЫТЬ БУДУЩЕЕ В НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОМ МИРЕ?

Каков будет дом завтрашнего дня?

Не приведет ли рост безработицы, а следовательно, и преступности и нестабильности в обществе к тому, что отдельные городские кварталы превратятся в настоящие крепости, как это уже произошло во многих американских городах: частная полиция, хитроумные системы слежения и т. д.? Возникнут ли вновь средневековые крепости с видеонаблюдением?

Не исчезнут ли из библиотек и с книжных стеллажей книги и не будет ли их содержимое распечатываться на принтере прямо из интернета? И что же будет на освободившихся стенах? На одной из них будет большой экран, который заменит собой сегодняшний маленький экран телевизора. А на других что? Ничего? Фотографии? Или же картины? Музыка будет записана на компакт-диски, цифровые мини-кассеты, мини-диски фирмы Sony, цифровые компакт-кассеты фирмы Philips, DVD и пр., и все это будет храниться в небольшом шкафчике? А комнаты будут загромождены горшками с растениями, которых уже полно на балконах, к вящей радости котов, которые обожают их обглаживать? Будет ли подаваться обед на одноразовых тарелках, чтобы освободить «первую хозяйку дома» от необходимости мыть посуду?

А может быть, возвратится мода на рояль, на сервизы и серебряные приборы с вензелями предков, живописные портреты которых будут извлечены из подвалов и, отреставрированные, украсят стены? Будут ли признаками изысканности вкуса мебель в стиле Людовика XV и вольтеровские кресла, аутентичные или копии? Можно ли будет «жить во времени», уничтожив прошлое?

Кто будет управлять?

Сегодня этот вопрос задается постоянно. Действительно ли управляют те, кто избран демократическим путем, кто считается защитником всех социoproфессиональных категорий, кто собирает толпы сторонников на бесчисленных митингах? Или это очередной обман зрения в буквальном смысле слова, который подают нам медиа, а на самом деле решения принимают мужчины (редко — женщины), держащиеся в тени, мало или совсем неизвестные, избегающие попадать в объективы видеокамер и считающиеся способными негативно или позитивно влиять на принятие решений?

С 28 января по 2 февраля 1999 года в швейцарском Давосе состоялся Всемирный экономический форум, на котором

собралось более тысячи генеральных директоров, триста ответственных политиков и столько же «экспертов» со всех концов света. Тревожный итог этого форума заключается в том, что в начале 1999 года наш мир неустойчив. Неустойчиво все: деньги, государства, предприятия и умы. «Участники форума выразили неуверенность в том, что граждане мира способны отразить и принять постоянную нестабильность, свойственную экономике XXI века»²².

Хвастаясь низким уровнем безработицы (4,7% в 1998 году), сбалансированным бюджетом, ростом среднедушевого дохода (3,9%), низкой инфляцией (1%), США, освободившись от помех в лице СССР, стали проявлять высокомерие. Чтобы выжить в условиях конкуренции, компаниям приходится сливаться: Volvo с Ford, банк Paribas с Société générale и т. д., и это только начало. Какие последствия это будет иметь для частной жизни людей? Неизвестно. Не обходится и без доброй воли. Было согласовано предварительное спасение сорока двух миллиардов долларов в Бразилии... без убедительных результатов.

Не стоит все валить на тех, кто принимает решения, будь они в тени или на виду. Возникают проблемы, очевидное решение которых весьма противоречиво, и это тоже очевидно. Например, пенсии. В связи с ростом продолжительности жизни финансовое бремя столь велико, что приходится повышать пенсионный возраст. Это обстоятельство будет иметь тяжкие последствия в виде резкого повышения уровня безработицы, что, помимо того что плохо само по себе, приведет к большим бюджетным тратам.

Американская модель под вопросом

Вернемся к Давосскому форуму, на котором американский экономист Брюс Стайнберг в присутствии вице-президента США Альберта Гора заявил следующее: «Американская экономика — это чудо. Повсюду в мире экономика еле дышит, а в США показывает постоянный рост». Тем не менее «черной цифрой»

американской экономики остается очень высокий торговый дефицит (в 1998 году он оценивался в 263 миллиарда долларов), что дает серьезные аргументы сторонникам протекционизма, защищающим гипотезу о том, что другие крупные экономики не приветствуют американский экспорт.

Я не буду здесь распространяться о глобализации, поскольку тема этой книги — история частной жизни. Но одно обуславливает другое. «Кто следующий, после СССР, потерпит жестокое поражение на мировом финансовом рынке, проблемы на котором начались в последние полтора года? Юго-Восточная Азия, Бразилия, Китай? <...> Страшный финансовый вирус стоит на пороге западного мира»²³.

Станет ли евро «щитом», который позволит Европе не замедлять темпов своей деятельности? Теперешнее (февраль 1999 года) снижение уровня евро к доллару ставит проблему.

Из вышеприведенной главы, посвященной «американской модели», читатель узнал, что в США вооруженных нападений на миллион жителей в 175 раз больше, чем в Великобритании, что в Нью-Йорке убивают в 11 раз чаще, чем в Лондоне, что американский школьник видит на телеэкране около 8000 убийств в год. Речь идет не о возбуждении судебного процесса против США, где автор этих строк с большим удовольствием преподавал, а о постановке фундаментального вопроса частной жизни: как воспитывать, учить и готовить детей к жизни в нецелесообразном мире?

Нецелесообразный мир

Главная обязанность пары — воспитание детей. У верующих — христиан, иудеев, мусульман, рассмотрим лишь три монотеистические религии, — существуют заповеди, строго регулирующие, что следует делать, а что нет (конечно, наличие заповедей не исключает их несоблюдения). Так же было и в те времена, когда коммунизм — пока не стал сбывшейся мечтой — давал надежду на то, что справедливое общество на земле все же достижимо.

Как перед лицом глобализации — никем не контролируемой, покоящейся на культе золота, увеличивающей неравенство и угрозы — примирить воспитание ребенка с необходимостью приспособляться к год от года меняющемуся обществу, непреложным требованием позволить ему создать свою собственную личность, стать и оставаться самим собой в условиях постоянной трансформации общества?

Как я уже говорил — «все уже было сказано, но поскольку никто не слушает, все время приходится начинать сначала», — знание прогрессирует, но нецелесообразно: мы не знаем, куда оно нас ведет. «Постепенно мы начинаем овладевать повседневностью, но парадоксальным образом все меньше и меньше знаем, что нас ждет в будущем: к чему готовить детей? С этим незнанием я сталкиваюсь практически ежедневно, встречаясь с подростками и их семьями»^{*}.

В результате в некоторых странах наблюдается возврат к верованиям вчерашнего дня с их «стабильностью»: исламская революция в Иране, изгнавшая шаха из страны в январе 1979 года; наступление талибов, которые сегодня доминируют практически во всем Афганистане.

Закончу послесловие несколькими пессимистическими гипотезами и несколькими проблесками надежды.

Жан Шено подвергает сомнению опасности, «список которых всем хорошо известен и которые стали бомбой замедленного действия, угрозой для будущего: разрастание пригородов до гигантских размеров, неконтролируемый рост населения, массовая безработица, разрушение верхних слоев атмосферы, нехватка питьевой воды, скрытое давление непополитизированных технологий, моральное падение, наркотики, кризис культурной идентичности... Другой аспект глобализации — повсеместный экологический кризис. Никогда еще наша экосфера

^{*} Это было сказано Тьерри Венсаном, главным врачом психиатрической больницы MNEF (Национального общества взаимопомощи студентов Франции). — *Примеч. авт.*

не была в таком плачевном состоянии в результате человеческой деятельности: озоновые дыры, парниковый эффект, деградация почв, кризис биологического разнообразия»²⁴.

Встает важнейший вопрос, до сих пор остающийся без ответа: каким будет влияние ГМО на здоровье потребителей — катастрофическим или благотворным? По окончании трехлетней дискуссии и двух дней жарких дебатов на конференции в Картахене, собравшей делегатов из ста семидесяти стран, правила международной торговли продуктами, содержащими ГМО, так и не были установлены из-за несогласия Соединенных Штатов, которые, как считается, стремятся уменьшить свой торговый дефицит массовым экспортом такой продукции. В 1998 году объем экспорта составил 30 миллиардов долларов. Соединенные Штаты получили поддержку таких стран, как Канада, Аргентина, Чили, Австралия и Уругвай, у которых те же проблемы. 24 февраля 1999 года эта конференция отказалась от «принципа соблюдения предосторожностей». Он необходим или, наоборот, бесполезен? Будущее покажет...

Хиросима была стерта с лица земли 6 августа 1945 года, Нагасаки — 9 августа. Соединенные Штаты и Советский Союз, союзники в борьбе с нацистской Германией, быстро ставшие врагами, располагали возможностью нанесения сдерживающего «удара возмездия». Тогда заговорили о *MAD* (*mutually assured destruction* — взаимном уничтожении). Не обошлось без черного юмора — слово *mad* по-английски означает «безумный». Распад Советского Союза, как представляется, устранил эту угрозу. Индия и Пакистан обзавелись ядерным оружием; будем надеяться, что и они пойдут по пути здравого смысла, как и на то, что человечеству удастся нейтрализовать смертельную опасность ядерных отходов.

Прогресс рождается не из веры, а из наблюдения. В современном мире сосуществуют два восприятия времени: короткое время телезрителя и длинное время исследователя, который внимательно за всем наблюдает и на основе своих

наблюдений строит гипотезы, одни из которых подтверждаются (и ученый продолжает идти по этому пути), другие же оказываются несостоятельными и отбрасываются. В результате неутомимого труда ученых побеждены чума и туберкулез, на очереди — СПИД. Благодаря их труду растет продолжительность жизни, устраняется опасность случайностей; если же ученый — философ, он старается заставить общество задуматься о своем будущем. Работа ученого ведет к созданию атомной бомбы, а с другой стороны, к успешной пересадке сердца. Поскольку создание «комиссии по сдерживанию прогресса» маловероятно, предоставим ученому возможность поиска, а телезритель пусть смотрит телевизор, веря, что он при этом учится.

У нас есть лишь одна непреложная истина: сомнение.

февраль 1999 года

ПРИМЕЧАНИЯ

Трудности выбора

1. См.: История частной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 12. В дальнейшем мы даем ссылки на тома русского издания. — *Примеч. ред.*
2. История частной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 2. С. 10.

Глава 1. Границы и пространства частной жизни

1. Baronne Staffe. Usages de mondes. Règles du savoir-vivre dans la société moderne. Paris: Victor-Havard, 1893. P. 342, 317, 320.
2. Thuillier G. Pour une histoire du quotidien. Paris: Mouton, 1977. P. 178.
3. Sartre J.-P. Lettres au Castor et à quelques autres. Paris: Gallimard, 1983. Т. 1. P. 79.
4. Grafteaux S. Mémé Santerre, une vie. Paris: Ed. du Jour, 1975.
5. Frapié L. La Maternelle. Paris: Albin Michel, 1953. Леон Фрапье, бывший чиновником в Парижской ратуше, хорошо знал жизнь в квартале Бельвиль, который описал в своем романе.
6. Guéhenno J. Journal d'un homme de quarante ans. Paris: Grasset, 1934. P. 67–73.
7. Grenadou É., Prévost A. Grenadou, paysan français. Paris: Éd. du Seuil, 1966.
8. Fridenson P. Histoire des usines Renault. Paris: Éd. du Seuil, 1972. На с. 332 тома 1 приводятся планы заводов 1898, 1914, 1919 и 1926 годов.
9. Noiriel G. Longwy, immigrés et prolétaires, 1880–1980. Paris: PUF, 1984. P. 42. В Крезе специализация огромного заводского пространства

- началась в середине XIX века. См.: *Huet B. Le Creusot, naissance et développement d'une ville industrielle, 1782-1914*. Seyssel: Éd. du Champ Vallon, 1981.
10. *Noiriel G.* Op. cit. P. 91. Материалы доклада Государственного совета, сделанного по результатам опроса, проведенного Комитетом металлургических заводов. Обследование северных районов.
 11. *Lamirand G.* Le rôle social de l'ingénieur. Scènes de la vie d'usine. Paris: Éd. de la Revue des jeunes, s. d. (1937). P. 164-166.
 12. *Lequin Y.* Les Ouvriers de la région lyonnaise. Lyon: PUL, 1977. T. 2. P. 115-116. Подчеркивается важность «заводов-интернатов», существовавших в этом регионе в конце XIX века.
 13. *Cornettes et Blouses blanches, les infirmières dans la société française, 1880-1980 // Sous la direction d'Y. Knibiehler.* Paris: Hachette, 1984. P. 50.
 14. *Hélias P.-J.* Le Cheval d'orgueil. Mémoires d'un Breton du pays bigoudin. Paris: Plon, 1975.
 15. *Payot J.* La Morale à l'école (cours moyen et supérieur). Paris: Armand Colin, 1907. P. 193.
 16. Эти примеры взяты из отчета о переписи 1911 года в Орлеане.
 17. *Noiriel G.* Op. cit. P. 211.
 18. *Depretto J.-P., Schweitzer.* Le Communisme à l'usine. Roubaix: EDIRES, 1984. P. 61.
 19. Эта формула принадлежит генеральному секретарю Всеобщей конфедерации труда (Confédération Générale du Travail, CGT), впервые появилась в печатном органе L'Action directe 23 апреля 1908 года. См.: *Julliard J. Clemenceau, briseur des grèves.* Paris: Julliard, 1965. P. 31.
 20. Выражение принадлежит М. Жаке, владельцу сталеплавильного завода в Клермон-Ферране. См.: *Shorter E., Tilly Ch.* Strikes in France, 1830-1968. London: Cambridge University Press, 1974. P. 35.
 21. Это письмо было опубликовано в газете Le Peuple 21 августа 1936 года. Это был владелец заводов в Бразе, Жанлисе и Труане.
 22. Переговоры, в результате которых был достигнут компромисс 1937 года, проанализировал Жорж Рибейль.

23. *Guerrand R.-H.* Les Origines du logement social en France. Paris: Éd. Ouvrières, 1966.
24. *Guéhenno J.* Op. cit. P. 57–58.
25. *Guerrand R.-H.* Op. cit. По статье Ж. Бертильона в *Revue d'hygiène et de police sanitaire* (май 1908). P. 377–399.
26. *Quoist M.* La Ville et l'Homme. Paris: Éd. Ouvrière, 1952.
27. *Chombart de Lauwe P.-H.* La Vie quotidienne des familles ouvrières. Paris: Éd. du CNRS, 1956.
28. Ibid. P. 64–65.
29. *Bernot L., Blancard R.* Neuville, un village français. Paris: Institut d'ethnologie, 1953.
30. *De Foville A.* Les Maisons types, 1894. Цит. по: *Cuerrand R.-H.* Op. cit. P. 218.
31. *Frapié L.* Op. cit.
32. *Rogers S. C.* Female forms of power and the myth of male dominance: a model of female male interaction in peasant society // *American Ethnologist*. Nov. 1975. T. II. No. 4. P. 727–756.
33. *Segalen M.* Mari et Femme dans la société paysanne. Paris: Flammarion, 1980.
34. *Wolfenstein M.* French parents take their children to the park // *Mead M., Wolfenstein M.* Childhood in Contemporary Culture. Chicago: Chicago University Press, 1955. P. 99–117.
35. *Mendras H.* Études de sociologie rurale, Novis et Virgin. Paris: Armand Colin, 1953.
36. «Comment élever les enfants», анкетирование, проведенное 29 июля 1938 года журналом *Confidences* (результаты опубликованы 14 октября 1938 года).
37. *Martin M.* Images du mari et de la femme au XXe siècle. Les annonces du mariage du «Chasseur français» // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1980. No. 2. P. 295–311. Для 50% мужчин и 67% женщин в брачных объявлениях 1930 года особо оговаривалось наличие приданого или «ожидаемого наследства»; в 90% и 38% соответственно указывалась профессия или социальное положение.

38. *Sohn A.-M.* Les rôles féminins dans la vie privée, approche méthodologique et bilan de recherches // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1980. No. 4. P. 597–623.
39. «В чем, по-вашему, заключается супружеское счастье?» (анкетирование, проведенное 17 июня 1938 года журналом *Confidences*; результаты опубликованы 26 августа 1938 года).
40. *Ariès Ph.* *Famille du demi-siècle // Renouveau des idées sur la famille / Sous la dir. de P. Prigent.* Paris: PUF, 1953. P. 162–170.
41. См. тексты этих лекций (A. Le Gall, S. Lebovici, M. Cenac, A. Berge, J. Boutonier-Favez, Cl. Lannay): *École des parents* (Nov. 1953).
42. Я цитирую здесь подпись к фотографии молодой пары с ребенком на руках у отца, опубликованной христианским изданием *La Croix* 5 мая 1954 года.
43. *La femme de marbre // Confidences.* 17 mars 1950.
44. *Femmes françaises.* 12 août 1950.
45. *Roussel L.* *La cohabitation juvénile en France // Population.* 1978. No. 1. P. 14–41. Работы других авторов, в которых анализируется брак, многим обязаны трудам Л. Русселя, в частности «Брак во французском обществе: факты и мнения», и написанным в соавторстве с Одиль Бургиньон книгам «Семья после женитьбы детей: исследования межпоколенческих отношений» и «Новые поколения и традиционный брак: опрос среди молодежи 18–30 лет», изданным соответственно в 1975, 1976 и 1979 годах (Paris, PUF).
46. *Singly F. de.* *Le mariage informel. Sur la cohabitation // Recherches sociologiques.* 1981. No. 1. P. 61–90.
47. *Thuillier G.* *Pour une histoire du quotidien au XIXe siècle en Nivernais.* Paris: Mouton, 1977; *Weber E.* *La fin des terroirs.* Paris: Fayard, 1983.
48. Эту историю рассказал мне мой коллега Мишель Вовель, мать которого и была той директрисой.
49. *Mirbeau O.* *Journal d'une femme de chambre.* Цит. по: *Vigarelo G.* *Le Propre et le Sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Âge.* Paris: Éd. du Seuil, 1985. P. 231.

50. *Lipovetsky G. L'Ère du vide. Essai sur l'individualisme contemporain.* Paris: Gallimard, 1983. P. 191; *Ory P. L'Entre-deux-Mai, histoire culturelle de la France mai 1968 — mai 1981.* Paris: Éd. du Seuil, 1983. P. 129.
51. *Yonnet P. Des modes et des looks // Le Débat.* 1985. No. 34. P. 113–129.
52. *Lipovetsky G. Op. cit.* P. 223.
53. *Giard L., Mayol P. Habiter, cuisiner.* Paris: Union générale d'éditions, 1980. Вся первая часть книги представляет собой описание жизни рабочей семьи в Круа-Руссе. Мы многим обязаны авторам.
54. *Bertaux D., Bertaux-Wiame I. Artisanal bakery in France: how it lives and why it survives // Bechofer F., Ellikort B. The Petite Bourgeoisie. Comparative Studies of the Uneasy Stratum.* London: Macmillan, 1981. P. 155–181.
55. *Mayol P. Op. cit.* P. 97.
56. *Marty L. Chanter pour survivre, culture ouvrière, travail et technique dans le textile. Roubaix 1850–1914.* Liévin: Fédération Léo-Lagrange, 1982. P. 123 sq.
57. *Pétonne C. Espace habitée. Ethnologie des banlieues.* Paris: Éd. Galilé, 1982.
58. *La Population française de A à Z.* Paris: La Documentation française // Les Cahiers français. Janv. — févr. 1985. No. 219. P. 9.
59. *Centre d'études des groupes sociaux. Centre de sociologie urbaine, Logement et Vie familiale. Étude sociologique de quartiers nouveaux.* Paris: CSU, 1965.
60. *Haumont N. Les Pavillonnaires.* Paris: Centre de recherches d'urbanisme, 1975.
61. *Rousselet J. L'Allergie au travail.* Paris: Éd. du Seuil, 1974.
62. *Dossou F. S. L'insertion des jeunes dans la vie professionnelle, conditions et mécanismes de l'insertion // L'Entrée dans la vie active.* Paris: PUF, 1977. P. 181–332 (Cahiers du Centre d'études de l'emploi. No. 15).
63. *Galambaud B. Les Jeunes Travailleurs d'aujourd'hui.* Toulouse: Privat, 1977.
64. *Lamirand G. Le Rôle social de l'ingénieur. Scènes de la vie d'usine.* Paris: Éd. de la Revue des jeunes, s. d. (1937).
65. *Barou J.-P. Gilda, je t'aime, pas le travail.* Paris: Les Presses d'aujourd'hui, 1975. P. 67.

66. *Dubost N.* Flins sans fin. Paris: Maspero, 1979. P. 172.
67. *Mothé D.* Militant chez Renault. Paris: Éd. du Seuil, 1965. P. 32, 40.
68. *Piaget Ch.* Lip. Paris: Stock, 1973. P. 43, 54, 95, 97.
69. *Ehrenberg A.* C'est au Club et nulle part ailleurs... // *Le Débat*. 1985. No. 34. P. 130–145. Именно у этого автора мы позаимствовали выражение «общество без принуждения».
70. *Morin E.* L'Esprit du temps. Paris: Grasset, 1962. P. 97. В этой книге несколько десятилетий назад был сделан прогноз, который подтвердился дальнейшим развитием событий.
71. В этой части текста мы многим обязаны Жилю Липовецкому (Op. cit.).
72. *Barthes R.* Système de la mode. Paris: Éd. du Seuil, 1967.
73. *Tudesq A.-J.* L'Évolution de la presse quotidienne en France au XXe siècle // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1982. No. 3. P. 500–507.
74. *Rioux J.-P.* Les trente-six chandelles de la télé // *L'Histoire*. 1986. No. 86. P. 38–53; *Albert P., Tudesq A.-J.* Histoire de la radiotélévision. Paris: PUF, 1981.
75. *Ory P.* Op. cit. P. 47.
76. См. опросы Ж. Вальдура, проведенные в начале 1920-х годов, например: *Ateliers et Taudis de la banlieue de Paris*. Paris: SPES, 1923.
77. *Sullerot É.* La Presse féminine. Paris: Armand Colin, 1966. P. 58.
78. Термин принадлежит Анри Раймону: *Raymond H.* Hommes et dieux à Palinuro // *Esprit*. Juin 1959. No. 6. P. 1030–1040.
79. Этот анализ был проведен более тридцати лет назад — что очень показательно — Эдгаром Мореном (Op. cit., см., в частности, p. 142).

Глава 2. История тайны?

1. *Bredin J.-D.* Le droit, le juge et l'historien // *Le Débat*. 1984. No. 32. P. 93–111.
2. Эту этимологию мы заимствуем из статьи: *Lévy A.* Évaluation étymologique et sémantique du mot «secret» // *Nouvelle Revue de psychanalyse*. 1976. No. 14. P. 117–130.
3. *Borges J.L.* Enquêtes. Paris: Gallimard, 1957. P. 116. Рус. пер. Е. Лысенко цит. по: *Борхес Х.Л.* Новые расследования. М.: АСТ, 2015.

4. *Michelat G, Boy D.* Les Français et les parasciences // *La Recherche*. 1984. No. 161. P. 1560–1567.
5. *Peynel E.* *Le Monde*. 5 mai 1984.
6. *Prost A.* Les monuments aux morts // *Les Lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora.* Paris: Gallimard, 1984. P. 195–228.
7. *Azéma J.-P.* De Munich à la Libération, 1938–1944. Paris: Éd. du Seuil, 1979. Дальнейшие сведения взяты из того же источника.
8. Данные взяты у: *Pollak M.* Des mots qui tuent. Actes de la recherche en sciences sociales. 1982. No. 41. P. 28–45.
9. *Botz G., Pollak M.* Entretien avec Margareta Glas-Larsson. Survie dans un camp de concentration // *Ibid.* P. 3–28.
10. *Hoess R.* Le commandant d'Auschwitz parle. Paris: Julliard, 1959.
11. *David Ch.* Le cauchemar d'un curieux // *Nouvelle Revue de psychanalyse*. 1976. No. 14. P. 261–274.
12. *Calot G.* Forces et faiblesses de la population française. La population française de A à Z // *Les Cahiers français*. 1985. No. 219. P. 69–72.
13. Здесь мы продолжаем рассказ доктора П. Симона, изложенный в работе «De la vie avant toute chose» (Paris: Mazarine, 1979).
14. Эти сведения взяты из работы, опубликованной коллективом ученых: *Docteur P. Coutant et al.* Les Mères de substitution // *Mémoire IEP, ronéoté*, 1985.
15. *Verdier Y.* Façon de dire, façon de faire. Paris: Gallimard, 1980.
16. *Béjin A.* Le mariage extraconjugal aujourd'hui // *Communications*. 1982. No. 35. P. 138–146.
17. *Chalvon-Demersay S.* «L'union libre» // *Encyclopaedia Universalis*. 1985. P. 408–411.
18. Le Statut matrimonial et ses conséquences juridiques et sociales: Rapport présenté au Conseil économique et social les 24 et 25 janvier 1984, par Mme E. Sullerot.
19. *Ariès Ph.* Le mariage indissoluble; L'amour dans le mariage // *Communication*. 1982. No. 35. P. 123–137, 116–122.
20. *Girard A., Stoetzel J.* Les Valeurs du temps, une enquête européenne. Paris: PUF, 1983.
21. *Delphy C.* Mariage et divorce: une impasse à double face // *Les Temps modernes*. 1974. No. 333/334. P. 1815.

22. *Belotti E. G.* Du côté des petites filles. Paris: Éd. des Femmes, 1974.
23. «Детский сад» по-французски буквально — «материнская школа».
24. *Verdier Y.* Op. cit. P. 19.
25. *Groddeck G.* Le Livre du ça. Paris: Gallimard, 1973. P. 120.
26. *Perrot Ph.* Le Travail des apparences. Paris: Éd. du Seuil, 1984.
27. *Nahoum V.* La belle femme ou le stade du miroir en histoire // Communications. 1979. No. 3. P. 22–32.
28. *Bourdieu P.* Remarques provisoires sur la perception sociale du corps // Actes de la recherche en sciences sociales. Avr. 1977. No. 14.
29. *Douglas M.* Les structures du culinaire // Communications. 1979. No. 31. P. 145–170.
30. *Verdier Y.* Op. cit. P. 322.
31. *Fischler C.* Gastronomie et gastro-anomie. Sagesse du corps et crise bioculturelle de l'alimentation moderne // Communications. 1979. No. 31. P. 189–210.
32. *Grignon C., Grignon Ch.* Styles d'alimentation et goûts populaires // Revue française de sociologie. Numéro special. 1980, oct. — déc. P. 531–569.
33. *Petitjean G.* Des cocktails dangereux // Le Nouvel Observateur. 13 août 1973.
34. *Muel Dreyfus F.* Le fantôme du médecin de famille // Actes de la recherche en sciences sociales. Sept. 1984. No. 54. P. 70–71.
35. *Bariety M., Coury Ch.* Histoire de la médecine. Paris: Fayard, 1963.
36. *Vincent G.* Les Jeux français. Essais sur la société moderne. Paris: Fayard, 1978. P. 82–100.
37. *Andréani E.* Indicateurs sociaux pour la population âgée. Documents d'information et de gestion // Gérontologie. 1974, sept. — nov.
38. *Paillat P.* Op. cit. P. 33.
39. Самые последние статистические данные приводятся в: *Données sociales*, éс. 1984, INSEE, 1985. P. 348–383. См. также: *Desplanques G.* L'inégalité sociale devant la mort // Économie et Statistique. 1984. No. 162. P. 29–50.
40. *Ariès Ph.* Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Âge à nos jours. Paris: Éd. du Seuil, 1975. См. также: La mort inversée, le changement des attitudes devant la mort dans les sociétés occidentales // Archives européennes de sociologie. 1967. T. VIII. P. 169–195.

41. *Chamboredon J.-C.* La restauration de la mort, objets spécifiques et fantasmes sociaux // Actes de la recherche en sciences sociales. 1976, juin. No. 2/3.
42. *Herzlich C.* Le travail de la mort // Annales ESC. 1976, janv. — févr. P. 197–217. Частично наша информация позаимствована из этой статьи.
43. *Sournia J.-C.* Mythologie de la médecine moderne // Paris: PUF, 1969. P. 106.
44. *Pouillard D.* Le droit de vivre sa mort // Encyclopaedia Universalis. 1979. P. 162–164. Частично наша информация позаимствована из этой статьи.
45. *Guiraud P.* Dictionnaire historique, stylistique, rhétorique, étymologique de la littérature érotique. Paris: Payot, 1978.
46. *Dekhli K.* Civilité du sexe moderne // La Chose sexuelle, Nouvelle Revue du psychanalyse. 1983. No. 29. К сказанному добавим, что если о сексе и говорят много, то редко это бывает серьезно: почти все многочисленные анкеты достаточно легкомысленны. Исключение составляет, к несчастью, уже достаточно давний доклад: *Rapport sur le comportement sexuel des Français, dit Rapport P. Simon* (R. Julliard, P. Charron, 1972). В период с 20 июня по 25 сентября 1970 года были опрошены 2625 человек. Письменный и устный опросы проводили 173 анкетера из Французского института общественного мнения (IFOP). К каждой заполненной анкете прилагался «список замечаний», составленный анкетером, и «доклад об анкете».
47. Основную информацию мы заимствуем из работ Ж.-Л. Фландрена, резюме которых представлены в публикации: *La vie sexuelle des gens mariés dans l'ancienne société: de la doctrine de l'Église à la réalité des comportements* // Communications. 1982. No. 35. P. 102–113.
48. *Revue française de psychanalyse.* 1939. No. 1. P. 3–38
49. *Béjin A.* Crépuscules des psychanalystes et matin des sexologues; *Béjin A.* Le pouvoir des sexologues et la démocratie sexuelle // Communications. 1982. No. 35. P. 159–171, 178–191.
50. Цит. по: *Dekhli K.* Civilité du sexe moderne // *Op. cit.* P. 112. Автор задает вопрос: «Что ответить человеку, который мастурбирует, разговаривая по телефону?»

51. *Stoller R. L'excitation sexuelle et ses secrets // Nouvelle Revue de psychanalyse. 1976. No. 14. P. 159–182.*
52. *Friday N. My Secret Garden: Women's Sexual Fantasies. N. Y.: Trident Press, 1973.*
53. *Baudrillard J. Traverses // 1983. No. 29. P. 2–15.*
54. Цит. по: *Dekhli K. Op. cit. P. 120.*
55. *Pollak M. Homosexualité masculine ou le bonheur dans le ghetto? // Communications. 1982. No. 35. P. 37–53.*
56. *Dannecker M., Reiche R. Der gewöhnliche Homosexuelle. Frankfurt/M: Fischer, 1974.*
57. *Bell A. P., Weinberg M. S. Homosexualities: A Study of Diversity among Men and Women. N. Y.: Simon & Schuster, 1978.*
58. *Recueil Dalloz–Sirey. 1984. P. 165–165.*
59. *Gazette du Palais. 6–8 nov. 1983. P. 5–12.*
60. *Corbin A. Les Filles de nocés. Misère sexuelle et Prostitution aux XIXe et XXe siècles. Paris: Aubier-Montaigne, 1978.*
61. *Ibid. P. 450.*

Глава 3. Культурное разнообразие

1. Подробные результаты этого исследования см.: *Bessière G., Piquet J., Potel J., Vulliez H. Les volets du presbytère sont ouverts... Краткое содержание этой работы см.: Petit J.-C. La Vie. No. 2091. 26 sept. — 2 oct. 1985.*
2. *Girard A., Stoetzel J. Les Valeurs du temps: une enquête européenne. Paris: PUF, 1983. Анкетирование проводилось в девяти странах. Итоги, касающиеся Франции: Girard A., Stoetzel J. Les Français et les valeurs du temps present // Revue française de sociologie. Janv. — mars 1985. P. 3–31. Напомним, что всякое исследование, касающееся «ценностей», ставит сложные проблемы в связи с формулировками вопросов.*
3. *Mehl R. Rapport présenté au Conseil de la fédération protestante de France le 30 mai 1981. Автор берет за основу опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения (IFOP) в марте 1980 года. Участвовал 9871 человек в возрасте 15 лет и старше, 414 из которых объявляли свои взгляды «близкими к протестантизму».*

- Опрос был заказан изданиями *La Vie*, *Les Dernières Nouvelles d'Alsace*, *Midi libre* и *Le Christianisme au XXe siècle*.
4. *Lambert Y.* Crise de la confession, crise de l'économie du salut: le cas d'une paroisse de 1900 à 1902 // *Pratiques de la confession. Les Pères du Désert de Vatican II, quinze études d'histoire, colloque de Bussière*; cerf, 1983.
 5. *Ibid.*
 6. *Ibid.*
 7. *Boutry Ph.* Réflexions sur la confession au XIXe siècle: autour d'une lettre de sœur Marie-Zoé au curé d'Ars (1858) // *Pratiques de la confession...*
 8. *Lambert Y.* *Op. cit.* P. 257.
 9. *Ibid.* P. 259.
 10. Частично информация заимствована у: *Boutry Ph.* *Op. cit.*
 11. *Vincent G.* *Les Jeux français.* Paris: Fayard, 1978. P. 83–100.
 12. Мф. 5:44–46.
 13. Интервью газете *Le Monde*, 5 февраля 1985 года.
 14. Интервью газете *Le Monde*, 13 сентября 1984 года.
 15. *Desanti D.* *Les Staliniens, une expérience politique, 1944–1956.* Paris: Fayard; Marabout, 1975. P. 270.
 16. *Harris A., de Sédouy A.* *Voyage à l'intérieur du parti communiste.* Paris: Éd. du Seuil, 1974. P. 34.
 17. *Desanti D.* *Op. cit.* P. 513, 520.
 18. Цит. по: *Lazard M.* *Le mineur de fond. Un exemple de l'identité du PCF* // *Revue française de science politique.* 1985. P. 190–205.
 19. *Casanova L.* *Le PCF, les Intellectuels et la Nation.* Paris: Éd. social, 1949. P. 67–68.
 20. *Desanti D.* *Op. cit.* P. 205.
 21. *Ibid.* P. 206.
 22. *Ibid.* P. 36.
 23. *Marcuse H.* *L'Homme unidimensionnel.* Paris: Éd. de Minuit, 1968. P. 76. Мы приводим здесь почти что слово в слово исследование, которое посвятили этой проблеме в: *Les Jeux français.* P. 256, 257, 272, 273.

24. *Desanti D.* Op. cit. P. 33
25. *Harris A., de Sedouy A.* Op. cit. P. 35.
26. *Kriegel A.* Les Communistes français (1920–1970). Paris: Éd. du Seuil, 1985.
27. *Robireux Ph.* Maurice Thorez, vie secrète et vie privée. Paris: Fayard, 1975. P. 365.
28. *Sorel G.* Réflexions sur la violence. Paris, 1908. P. 55.
29. *Malia M.* Comprendre la révolution russe. Paris: Éd. du Seuil, 1980.
30. *Lefebvre H.* La Somme et le Reste // La Nef de Paris. 1959. T. 1. P. 73.
31. Об этом см.: *Chambre H.* Le Marxisme en Union Soviétique. Paris: Éd. du Seuil, 1955. P. 468 sq.; *Carrère d'Encausse H., Schram S.* Le Marxisme et l'Asie, 1853–1954. Paris: A. Colin, 1965; в последней работе рассматриваются вопросы перемещения эпицентра коммунизма из Европы в Азию.
32. *Le Monde.* 7 juil 1977.
33. *Schnapper D.* Une mémoire de l'enracinement: les juifs français avant 1940 // Revue des sciences humaines de Lille-III. 1983. No. 191. P. 91.
34. *Benveniste A.* Structures de la communauté judéo-espagnole du quartier de la Roquette entre les deux guerres: les faits de leur mémoire // Traces. 9/10. P. 36.
35. *Leveau R., Wihtol de Wenden C.* L'évolution des attitudes politiques des immigrés maghrébiens // Vingtième Siècle. 1985. No. 7.
36. *Vloceviski S.* L'Installation des Italiens en France. Paris: Alcan, 1934. P. 84.
37. *Mauco G.* Les Étrangers en France, leur rôle dans l'activité économique. Paris: A. Colin, 1932. P. 558.
38. *Ibid.* P. 315.
39. *Sayad A.* Les trois âges de l'émigration algérienne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1977. No. 15. P. 59–79.
40. *Bonnet S.* L'Homme de fer (1930–1959) // Centre lorrain d'études sociologiques. 1979. T. 2. P. 147.
41. *Ibid.*
42. *Schnapper D.* Identités et acculturation: à propos des travailleurs émigrés // Communications. 1986. No. 43. P. 141–168.
43. *Koll L.* Auboué en Lorraine du fer. Paris: Karthala, 1981. P. 201.

44. *Mauro G.* Op. cit. P. 332.
45. *Blanc A.-M.* Marie Romaine. Metz: Éd. Serpenoise, 1978. P. 146–147.
46. *Mauro G.* Op. cit. P. 333.
47. Ibid.
48. *Koll L.* Op. cit. P. 109.
49. Цит. по: *Noiriel G.* Longwy, immigrés et prolétaires. Paris: PUF, 1985. P. 183.
50. *Blanc A.-M.* Op. cit. P. 125.
51. *Mauro G.* Op. cit. P. 337.
52. *Blanc A.-M.* Op. cit. P. 150, 151.
53. Цит. по: *Noiriel G.* Op. cit. P. 225.
54. *Vloceviski S.* Op. cit. P. 83.
55. *Bonnet S.* Op. cit. P. 146.

Глава 4. Иностраннные модели?

1. *Lévi-Strauss C.* Introduction à l'œuvre de M. Mauss. P. XIX.
2. *Bourdieu P.* Sur le pouvoir symbolique // *Annales ESC.* 1977. Mai — juin. P. 408.
3. *Мольер Ж.-Б.* Критика школы жен, сцена III. Цит. в пер. А. М. Апро.
4. *Sartre J.-P.* Situations, III. P. 84.
5. *Le Monde.* 1976.
6. «Пари-матч». Август 1979 года.
7. *Le Monde.* 1980.
8. *Le Nouvel observateur.* Май 1980 года.
9. *Mounier E.* Notes scandinaves // *Esprit.* Févr. 1950.
10. Ян Фриз, генеральный директор Информационной инспекции.
11. Из письма Андре Жида Л. Мори. Октябрь 1950 года.
12. *Orfali K.* Suède, de l'immigré au réfugié politique // *Immigrés en Europe / Sous la dir. de D. Lapeyronnie, La Documentation française.* Paris, 1992.
13. *Barn och vuxna («Дети и взрослые»).* SOU 1980: 27.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. *Bastide F.-R.* Suède. Paris: Éd. du Seuil, 1954.

Послесловие

1. *Chesneaux J.* Habiter le temps. Bayard Éditions, 1996. 320 p. P. 20.
2. Ibid. P. 72.
3. Ibid. P. 275. (Рус. пер. цит. по: *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке / Пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; Предисл. Гарольда Дж. Ласки; Комм. В. Т. Олейника. М.: Прогресс, 1992.)
4. Ibid. P. 107.
5. Ibid. P. 168.
6. François de Singly // Encyclopaedia universalis. 1998. P. 296. См. фото на этой же странице.
7. Ibid. P. 295–296.
8. Ibid. T. XV. P. 847.
9. Le Monde. 12 févr. 1999.
10. Encyclopaedia universalis. 1998. P. 293.
11. Ibid. P. 321.
12. Ibid. P. 83.
13. Ibid. P. 90.
14. Le Monde. 5 févr. 1999.
15. Ibid.
16. Le Monde. 7–8 févr. 1999.
17. Ibid.
18. Цит. по: Ibid. 18 févr. 1999.
19. Francoscopie. 1999. P. 195–196.
20. *Chesneaux J.* Op. cit. P. 8.
21. Encyclopaedia universalis. 1998. P. 284. Именно отсюда я беру основную информацию, так как мой возраст не позволяет мне быть *рейвером*.
22. Le Monde. 4 févr. 1999.
23. Ibid. 2 févr. 1999.
24. *Chesneaux J.* Op. cit. P. 201, 242.

БИБЛИОГРАФИЯ

Рукопись настоящего тома была передана в издательство в марте 1986 года. При его написании использовалась литература, вышедшая в свет не позднее середины 1985 года.

Глава 1. Границы и пространства частной жизни

У литературы по такой неисчерпаемой теме нет строгих границ. Надо было чем-то ограничиться. Критерием отбора явилась польза, которую предполагаемый читатель сможет получить от дополнительного чтения. Библиография этой части включает в себя, таким образом, множество свидетельств и монографических исследований, в которых можно найти конкретный опыт. Поостережемся делать смелые выводы.

Три работы заслуживают того, чтобы быть упомянутыми вне рубрик.

Lequin Y. Histoire des Français, XIXe — XXe siècle. Paris: Armand Colin, 1983–1984. 3 vol.

Thuillier G. Pour une histoire du quotidien. Paris; La Haye: Mouton, 1977.

Zeldin Th. Histoire des passions françaises. Paris: Éd. du Seuil, coll. «Points Histoire». 1980–1981. 5 vol.

Мир рабочих

Blasquez A. Gaston Lucas, serrurier. Paris: Plon, 1976.

Chabot M. L'Escarbille. Histoire d'Eugène Saulnier, ouvrier-verrier. Paris: Les Presses de la Renaissance, 1978.

Chombart de Lauwe P.-H. La Vie quotidienne des familles ouvrières. Paris: CNRS, 1956.

- Depretto J.-P., Schweitzer S.* Le Communisme à l'usine: vie ouvrière et mouvement ouvrier chez Renault, 1920-1939. Roubaix: Édires, 1984.
- Fridenson P.* Histoire des usines Renault. Paris: Éd. du Seuil, 1982. T. I.
- Guéhenno J.* Journal d'un homme de quarante ans. Paris: Grasset, 1934.
- Lengrand L., Craipeau M.* Louis Lengrand, mineur du Nord. Paris: Éd. du Seuil, 1974.
- Marty L.* Chanter pour survivre. Culture ouvrière, travail et technique dans le textile. Roubaix, 1850-1914. Liévin: Féd. Léo-Lagrange, 1982.
- Noiriel G.* Longwy, immigrés et prolétaires, 1880-1980. Paris: PUF, 1985.
- Pelloutier F., Pelloutier M.* La Vie ouvrière en France. Paris: Schleicher, 1900.
- Schweitzer S.* Des engrenages à la chaîne. Les usines Citroën, 1915-1935. Lyon: PUL, 1982.
- Verret M.* L'Ouvrier français. T. I. L'Espace ouvrier. Paris: Armand Colin, 1979.
- Weil S.* La Condition ouvrière. Paris: Gallimard, 1964.

Города и жилье

- Frapié L.* La Maternelle (roman). Paris: Librairie universelle, 1904.
- Giard L., Mayol P.* Habiter, cuisiner. Paris: UGE, 1980.
- Guerrand R.-H.* Les Origines du logement social en France. Paris: Éd. ouvrières, 1967.
- Haumont N.* Les Pavillonnaires. 2e éd. Paris: CRU, 1975.
- Kaes R.* Vivre dans les grands ensembles. Paris: Éd. ouvrières, 1963.
- Petomet C.* On est tous dans le brouillard. Ethnologie des banlieues. Paris: Éd. Galilée, 1979.
- Quoist M.* La Ville et l'Homme. Paris: Éd. ouvrières, 1952.
- Valdour J.* Ateliers et taudis de la banlieue de Paris: observations vécues. Paris: Spes, 1923.

Мир крестьян

- Bernot L., Blancard R.* Neuville, un village français. Paris: Institut d'ethnologie, 1953.
- Burguière A.* Bretons de Plozévet. Paris: Flammarion, 1975.
- Carles É.* Une soupe aux herbes sauvages. Paris: Simoën, 1978.
- Enquête à Chardonneret // Ethnologie française. Numéro spécial 1/2. 1974.
- Grafteaux S.* Mémé Santerre. Paris: Éd. du Jour, 1975.

- Grenadou É., Prévost A.* Grenadou, paysan français. Paris: Éd. du Seuil, 1966.
Hélias P.-J. Le Cheval d'orgueil. Paris: Plon, 1975.
Segalen M. Mari et Femme dans la société paysanne. Paris: Flammarion, 1980.
Verdier Y. Façons de dire, façons de faire. Paris: Gallimard, 1980.
Weber E. La Fin des terroirs. La Modernisation de la France rurale, 1870-1914. Paris: Fayard, 1983.
Wylie L. Un village du Vaucluse. Paris: Gallimard, 1968.
Zonabend F. La Mémoire longue. Paris: PUF, 1980.

Буржуазия

- Martin-Fugier A.* La Place des bonnes. Paris: Grasset, 1979.
Perrot M. Le Mode de vie des familles bourgeoises, 1873-1953. Paris: Armand Colin, 1961.

Семья, образование, здоровье

- Boltanski L.* Prime Éducation et Morale de classe. Paris; La Haye: Mouton, 1969.
 Du paupérisme à la Sécurité sociale. Paris: Armand Colin, 1971.
 Générations nouvelles et Mariage traditionnel. Paris: PUF, 1978.
Hatzfeld H. Le Grand Tournant de la médecine libérale. Paris: Éd. ouvrières, 1963.
Knibiehler Y. Cornettes et Blouses blanches. Les Infirmières dans la société française, 1880-1980. Paris: Hachette, 1984.
Pitrou A. La Famille dans la vie de tous les jours. Toulouse: Privat, 1972.
Prigent R. (sous la dir. de). Renouveau des idées sur la famille. Paris: PUF, 1954.
Prost A. L'École et la Famille dans une société en mutation (1930-1980), tome IV de l'Histoire générale de l'enseignement et de l'éducation en France. Paris: Nouvelle Librairie de France, 1982.
Rémy J., Woog R. La Française et l'Amour. Paris: Robert Laffont, 1960.
Roussel L. Le Mariage dans la société française contemporaine. Faits de population, données d'opinion. Paris: PUF, 1975.
Roussel L., Bourguignon O. La Famille après le mariage des enfants. Paris: PUF, 1976.
Simon P. Rapport sur le comportement sexuel des Français. Paris: Julliard, 1972.
Vigarello G. Le Propre et le Sale. L'Hygiène du corps depuis le Moyen Âge. Paris: Éd. du Seuil, 1985.

Культура, менталитет

Lipovetsky G. L'Ère du vide. Essai sur l'individualisme contemporain. Paris: Gallimard, 1983.

Miquel P. Histoire de la radio et de la télévision. Paris: Éd. Richelieu, 1973.

Morin E. L'Esprit du temps. Paris: Grasset, 1962.

Ory P. L'Entre-Deux-Mai. Histoire culturelle de la France, mai 1968 — mai 1981. Paris: Éd. du Seuil, 1983.

Глава 2. История тайны?

Конечно, выбор этого небольшого количества библиографических источников достаточно субъективен. Литература, касающаяся тайны, огромна. Мы не рассматриваем здесь объемные биографические тексты: Пруста, Жида, Лейрису, Жене, Леото, Сартра, Бовуар и прочих. Автор этой части книги не использовал свои собственные исследования семейных историй по соображениям анонимности. Постоянно изучались следующие издания: *Nouvelle Revue de psychanalyse*, *Communications*, *Traverses* (журнал, издаваемый Центром Жоржа Помпиду), *Actes de la recherche en sciences sociales*, *Population*, *Revue française de sociologie*, *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, *Annales ESC*, *Études*, *Esprit*, *Économie et Statistique*. Ссылки на них приводятся в примечаниях.

Тайны истории и история тайны

Certeau M. de. L'Invention du quotidien. Т. I. Paris: UGE, 1980; *Giard L., Mayol P.* L'Invention du quotidien. Т. II. Paris: UGE, 1980. В каждом томе представлен значительный объем библиографии.

Couetouy M., Di Ruzza R., Dumoudin J., Gleiza J.-J. Figures du secret. Presses universitaires de Grenoble, 1981.

Dumont L. Essais sur l'individualisme. Paris: Éd. du Seuil, 1983. Множество указаний можно найти в пятитомнике: *Zeldin Th.* Histoire des passions françaises. Paris: Éd. du Seuil, 1980–1981.

Kaysner P. La Protection de la vie privée. Protection du secret de la vie privée. Economica, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1984, 396 p.

- Labrusse C.* Le Droit de la famille. T. I. Les Personnes. Paris: Masson, 1984, 412 p.
 Nouvelle Revue de psychanalyse. No. 14. Du secret. Paris: Gallimard, 1976 — фундаментальный источник для нашей работы.

Войны известные и неизвестные

- Becker J.-J.* La Première Guerre mondiale. MA, 1985. Эта небольшая книга содержит самый актуальный (на момент выхода в свет) библиографический список.
- Bettelheim B.* Le Cœur conscient. Paris: Robert Laffont, 1972.
- Durand Y.* La Captivité, histoire des prisonniers de guerre français 1939–1945. Paris, 1980. Издание подготовлено бывшими военнопленными.
- Duras M.* La Douleur. Paris: Pol, 1985.
- Glas-Larsson M.* Comment survivre dans un camp de concentration? // Actes de la recherche en sciences sociales. 1982. No. 41. P. 3–28.
- Grossmann V.* Vie et Destin. Paris: Julliard, coll. L'âge d'homme, 1983. (Василий Гроссман. Жизнь и судьба)
- Prost A.* Les monuments aux morts / Sous la dir. de P. Nora. Paris: Gallimard, 1984. P. 195–228.
- Roudinesco E.* La Bataille de cent ans. Histoire de la psychanalyse en France. T. I. 1885–1939. T. II. 1925–1985. Paris: Éd. du Seuil, 1986.
- Vidal-Naquet P.* La Torture dans la République. Paris: Éd. de La Découverte, 1983.
- В журнале Nouvelle Revue de psychanalyse можно найти следующие статьи: *Fernandez D.* Introduction à la psychobiographie (No. 1); *Lavie J.-C.*, Notre corps ou le présent d'une illusion (No. 2); *Anzieu A.* L'heure de la répétition (No. 15); *Lévy A.* Devant et derrière soi (No. 15); *Lassoun P.* Trouble de penser et pensée du trouble (No. 25); *Schneider M.* À quoi penses-tu? (No. 25); *Descombes V.* La pensée est-elle chose mentale? (No. 25); *Dekhli K.* Civilité du sexe moderne (No. 29).

Семейные тайны

Ценные статистические данные содержатся в: La population française de A à Z // Les Cahiers français. 1985. No. 219.

Фундаментальные работы Филиппа Арьеса упоминать не будем. Скажем лишь о двух недавних статьях:

L'amour dans le mariage и Le mariage indissoluble // Communications.
Paris: Éd. du Seuil, 1982. P. 116–137. (Специальный номер о сексе
в западном мире.)

*Roussel L. Le Mariage dans la société française contemporaine. Faits de
population, données d'opinion.* Paris: PUF, 1975.

Simon P. De la vie avant toute chose. Paris: Mazarine, 1979.

*Le Statut matrimonial et ses conséquences juridiques, fiscales et sociales,
dit Rapport Sullerot, Conseil économique et social, janvier 1984.*

Verdier Y. Façons de dire, façons de faire. Paris: Gallimard, 1980.

Многочисленные статьи на интересующую нас тему можно
найти в *Revue française de sociologie*. Назовем следующие:

Pitrou A. Le soutien familial dans la société urbaine. 1977, janv. — mars.
P. 47–83.

*Requilart M.-A. Une enquête locale sur le recours des adolescentes à la
contraception.* 1983, janv. — mars. P. 81–96.

В журнале *Population*:

*Roussel L. La nuptialité en France. Précocité et intensité suivant les régions
et les catégories socioprofessionnelles.* 1971, nov. — déc. P. 1029–1055.

*Bastide H., Girard A. Attitudes et opinions des Français à l'égard de la
fécondité et de la famille.* 1975. P. 693–751.

*Bastide H., Girard A. Attitude des Français sur la conjoncture démographique.
La natalité et la politique familiale à la fin de 1976.* 1977.
P. 519–751.

*Léridon H., Sardou J.-P., Collomb Ph., Charbit Y. La contraception en France
en 1978: une enquête INED/INSEE.* 1979, déc. P. 1349–1391.

Roussel L. Le remariage des divorcés. 1981.

Roussel L., Le Bras H. Retard ou refus du mariage. 1982, nov. — déc.

Тело и загадка секса

Bensaïd N. La Consultation. Paris: Mercure de France, 1974.

*Bruch H. L'Énigme de l'anorexie: résumé de la grosse thèse parue chez
Payot.* Paris: PUF, 1979.

*Dongier M., Dongier S. L'attrait de la prostitution et de la prostituée // Acta
neurologica et psychiatrica belgica.* 1964. P. 719–724.

Friday N. My Secret Garden. N. Y.: Trident Press, 1973.

Simon P. et al. Rapport Simon sur le comportement sexuel des Français.
Paris: Julliard-Charron, 1972.

Vigarello G. Le Propre et le Sale. L'Hygiène du corps depuis le Moyen Âge.
Paris: Éd. du Seuil, 1985.

Winick Ch. Prostitute's Clients' Perception of the Prostitutes and of
Themselves // International Journal of Social Psychiatry. 1982. P. 289–297.

Исследований о смерти очень много (см. наиболее известные
книги Ф. Арьеса и Л. В. Тома). Упомянем две малоизвестные
работы:

La sociologie de la mort // Archives de sciences sociales des religions. 1975.
No. 20; Lieux et objets de la mort // Traverses. Sept. 1975.

Rosolato G. Recension du corps // Nouvelle Revue de psychanalyse. No. 2.

Masud Kman. De la nullité au suicide // Nouvelle Revue de psychanalyse.
No. 11.

Stoller R. J. L'excitation sexuelle et les secrets // Nouvelle Revue de
psychanalyse. No. 24.

Chamboredon J.-Cl. La restauration de la mort, objets scientifiques et
fantasmes sociaux // Actes de la recherche en sciences sociales. Juin
1976. P. 78–88.

Muel-Dreyfus F. Le fantôme du médecin de famille // Actes de la recherche
en sciences sociales. Sept. 1984. Содержит интересную библиогра-
фию, касающуюся мемуаров и воспоминаний о врачах XIX века.

Журнал Communications посвятил номер 31 за 1979 год западному
стилю питания, а номер 35 за 1982 год — западному сексу.

Desplanques G. L'inégalité sociale devant la mort // Économie et Statistique.
1984. No. 162. P. 29–50.

Глава 3. Культурное разнообразие

Католики, воображение и грех

Мы будем ссылаться на ставшие классическими работы канони-
ка Ф. Булара и Ж. Ле Бра.

Mayeur J.-M. Histoire religieuse de la France XIXe—XXe siècle //
Problèmes et méthodes. Paris: Beauchesne, 1975.

Michelat G., Simon M. Classe, Religion et Comportement politique. Presses
de la FNSP-Éd. sociales, 1977.

- Petit J.-C.* Les volets du presbytère sont ouverts // *La Vie*. 1985. No. 2091.
- Poulat E.* Église contre bourgeoisie. Introduction au devenir du catholicisme actuel. Paris: Casterman, 1977.
- Pratiques de la confession: quinze études d'histoire, colloque du groupe de Bussière. Paris: Le Cerf, 1983. В частности, упомянем следующие работы: *Boutry Ph.* Réflexions sur la confession au XIXe siècle: autour d'une lettre de sœur Marie-Zoé au curé d'As, 1858; *Lagrée M.* La confession dans les visites pastorales et les statuts synodaux bretons aux XIXe et XXe siècles; *Lambert Y.* Crise de la confession, crise de l'économie du salut: le cas d'une paroisse de 1900 à 1982.
- Sutter J.* La Vie religieuse des Français à travers les sondages d'opinion. 1944–1976. CNRS, 1984.

Что значит быть коммунистом?

- Aux origines du communisme français. Paris: Flammarion, 1969.
- Bruhat J.* Il n'est jamais trop tard. Paris: Albin Michel, 1983. (Автобиография активиста, однокашника Р. Арона и Ж.-П. Сартра, который оставался членом партии до своей смерти в 1984 году.)
- Caute D.* Le Communisme et Les Intellectuels français. 1914–1966. Paris: Gallimard, 1967.
- Desanti D.* Les Staliniens. Une expérience politique. 1944–1956. Paris: Fayard-Marabout, 1975.
- Kriegel A.* Les Communistes français dans leur premier demi-siècle 1920–1970, avec la collab. de G. Bourgeois, éd. refondue et remaniée. Paris: Éd. du Seuil, 1985.
- Lazard M.* Le mineur de fond. Un exemple de l'identité du PCF // *Revue française de science politique*. Avr. 1985. P. 190–205.
- Maurice Thorez, vie secrète et vie publique. Paris: Fayard, 1975.
- Robrieux Ph.* Histoire intérieure du parti communiste. Paris: Fayard, 1980–1984, 4 vol., содержит исчерпывающую библиографию.
- Verdès-Leroux J.* Au service du Parti: le PC, les intellectuels et la culture, 1944–1956. Paris: Fayard-Minuit, 1983.

Что значит быть евреем во Франции

- Bahloul J.* Le Culte de la table dressée. Paris: A.-M. Metailié, 1983.
- Bensimon-Donath D.* L'Intégration des juifs nord-africains en France. Paris: Mouton, 1971.
- Hyman P.* De Dreyfus à Vichy. Paris: Fayard, 1985.

Korkaz S. Les Juifs en France et l'État d'Israël. Paris: Denoël, coll. Dossier des lettres nouvelles, 1969.

Levinas E. Difficile Liberté. Paris: Le Livre de Poche, 1984.

Roblin M. Les Juifs de Paris, démographie, économie, culture. Paris: Éd. A. et J. Picard, 1952.

Schnapper D. Juifs et Israélites. Paris: Gallimard, coll. Idées, 1980.

Об иммиграции

Billy A., Twerdsky M. Comme Dieu en France, l'épopée de Muraché Foigel. Paris: Plon, 1927.

Ertel R. Le Shtetl, la Bourgade juive de Pologne de la tradition à la modernité. Paris: Payot, coll. Le regard de l'histoire, 1982.

Green N. Les Immigrés en France à la Belle Époque. Paris: Fayard, 1985.

Roland C. Du ghetto à l'Occident. Deux générations yiddish en France. Paris: Éd. de Minuit, 1962.

Tchernoff J. Dans le creuset des civilisations. Paris: Éd. Rieder, 1936–1938. 4 vol.

Что значит быть иммигрантом во Франции

О миграциях в Европе в межвоенный период

Vonnet S. L'Homme du fer, mineurs de fer et ouvriers sidérurgistes lorrains. Nancy: Centre lorrain d'études sociologiques. 1976–1985. 4 vol.

Maucio G. Les Étrangers en France, leur rôle dans l'activité économique. Paris: Armand Colin, 1932.

Noiriél G. Longwy, immigrés et prolétaires, 1880–1980. Paris: PUF, 1985.

Ponty J. Histoire des travailleurs immigrés en France dans l'entre deux-guerres: thèse. Paris.

Schnapper D. Modernité et acculturations. À propos des travailleurs émigrés. Communications. No. 43. 1986. P. 141–168.

Une intégration difficile: les Polonais en France dans le premier XXe siècle // Vingtième Siècle. 1985. No. 7.

Vloceski S. L'Installation des Italiens en France. Paris: Alcan, 1934.

О мигрантах из Магриба

КНИГИ

Anglade J. La Vie quotidienne des immigrés en France de 1919 à nos jours. Paris: Hachette, 1976.

Cresm. Maghrébins en France: émigrés ou immigrés? Paris: CNRS, 1983.

Freeman G. Immigrant Labor and Racial Conflict in Industrial Societies. The French and British Experiences, 1945–1975. Princeton University Press, 1979.

Garson J.-P., Tapinos G. L'Argent des immigrés. Revenus, épargne et transferts de fonds de huit nationalités en France. Paris: INED, Travaux et Documents. Cahier No. 94. 1981.

Zehraoui. Les Travailleurs algériens en France. Étude sociologique de quelques aspects de la vie familiale. Paris: Maspero, 1976.

Специальные выпуски журналов

Français-Immigrés. Esprit. Numéro spécial. Mai 1985.

L'immigration maghrébine en France — Les faits et les mythes // Les Temps modernes. No. 452–454. 40e année, mars, avr., mai 1984. Numéro spécial. P. 1556–2192.

Étrangers, immigrés, Français // Vingtième Siècle. Jul. — sept. 1985. Numéro spécial.

Статьи

Sayad A. Les trois âges de l'émigration algérienne en France // Actes de la recherche en sciences sociales. 1977. No. 15. P. 59–79.

Talha L. L'évolution du mouvement migratoire entre le Maghreb et la France. Maghreb-Machrek // La Documentation française. 1974. No. 61. P. 17–34.

Диссертации

Wittol de Wenden-Didier C. Les Immigrés et la Politique (thèse). Paris: IEP, 1986.

Глава 4. Иностранные модели?

Американская модель частной жизни французов

Книги

Aron R., Dandieu A. Le Cancer américain. Paris: Rieder, 1931.

Beauvoir S. de. L'Amérique au jour le jour. Paris: Gallimard, 1954.

Bellah R. N., Madsen R., Sullivan W., Swidler A., Tipton S. M. Patterns of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984.

Body-Gendrot S., Maslow-Armand L., Stewart D. Les Noirs américains aujourd'hui. Paris: Armand Colin, 1984.

- Courtade F.* Les Malédiction du cinéma français. Paris: Alain Moreau, 1978.
- Dorfman A., Mattelart A.* Donald l'imposteur ou l'Impérialisme raconté aux enfants. Paris: Alain Moreau, 1976.
- Duhamel G.* Scènes de la vie future. Paris: Mercure de France, 1930.
- Gobard H.* L'Aliénation linguistique. Paris: Flammarion, 1976.
- Hite.* Rapport Hite. Paris: Robert Laffont, 1977.
- Huvos K.* Cinq Mirages américains. Les États-Unis dans l'œuvre de G. Duhamel, J. Romain, A. Maurois, J. Maintain et S. de Beauvoir. Paris: Librairie Marcel Didier, 1972.
- Jarraud F.* Les Américains à Châteauroux, 1951–1967. [S. l.], 1981.
- Mitford J.* The American Way of Death. N. Y.: Simon & Schuster, 1963.
- Morand P.* New York. Paris: Flammarion, 1930.
- Ouvry-Vial B.* Femmes made in USA. Paris: Autrement, 1984.
- Packard V.* Nos enfants sont en danger. Paris: Calmann-Lévy, 1984.
- Ramonet I.* Le Chewing-gum des yeux. Paris: Alain Moreau, 1980.
- Religion in America. Princeton Religious Research Center, 1982.
- Report on Male Sexuality. N. Y.: Knopf, 1981.
- Sarde M.* Regard sur les Françaises. Paris: Stock, 1983.
- Siegfried A.* Les États-Unis d'aujourd'hui. Paris: Armand Colin, 1930.
- Thibau J.* La France colonisée. Paris: Flammarion, 1980.
- Yonnet P.* Jeux, Modes et Masses, la société française et le moderne, 1945–1985. Paris: Gallimard, 1985.

Статьи

- Bertrand C.-J.* L'impérialisme culturel américain, un mythe? // *Esprit*. 1985. No. 101. P. 63–76.
- Body-Gendrot S.* L'insécurité aux États-Unis: réalité et imaginaire // *Projet*. Juil. 1985. 194. P. 19–31.
- Culture: faut-il brûler les Américains? // *Le Nouvel Observateur*. 7 août 1982.
- Delacy J.* How French Women Got That Way — and How to Handle Them // *The New York Times*. Jan. 13th, 1974.
- Eslin J.-C.* Une France anglo-saxonne ? // *Le Monde*. 26 avr. 1985.
- L'influence culturelle américaine en France: Dossiers et documents // *Le Monde*. Mai 1981.
- Pinto D.* Histoire et géographie: le divorce américain // *L'Express*. 30 août 1985.
- Ravault R.-J.* L'impérialisme boomerang // *RFEA*. 1985. No. 24–25. P. 291–311.

- Rupnik J., Humbertjean M.* Images des États-Unis dans l'opinion publique française: colloque FNSP-CERI De l'antiaméricanisme à l'américanophilie. Déc. 1984.
- Winock M.* L'antiaméricanisme français // L'Histoire. Nov. 1982. P. 7-20.
- Wylie L., Henriquez S.* French Images of American Life // Revue Tocqueville. 1982. IV. 2. P. 176-274.

Исследования

- Cantril H., Buchanan W.* How Nations See Each Other. Urbana: University of Indiana Press, 1953.
- Ce que les Français pensent des Américains. Réalités. 91. 1953. P. 18-22. Faits et Opinions, sondage. 1982.
- French American Foundation, enquête «French and the U.S. View Each Other from across the Atlantic» // Revue Tocqueville. 1982. IV. 2. P. 275-279.
- Gallup, sondage pour L'Express. 27 janv. 1984.
- Les États-Unis, les Américains et la France: IFOP, sondage 1944 // Sondages. 1953. No. 2.
- L'image du peuple américain vu par les Français: SOFRES // Le Pèlerin. Oct. 1984.
- Questions sur la société américaine: SOFRES // Le Monde. 6 nov. 1984.

Шведская модель

Публикации шведских институтов и организаций

- Almqvist C. J. L.* Sara / Trad. du suédois par R. Boyer. Aix-en-Provence: Pandora, 1982.
- Bastide F.-R., Faramond G. de.* Suède. Paris: Éd. du Seuil, 1976.
- Bergström-Walan M. B.* Den svenska Kvinnorapporten. Bokförlaget Trevi AB, 1981.
- Boyer R.* Les Religions de l'Europe du Nord. Paris: Fayard, 1974.
- Childs M. W.* Sweden, the Middle Way on Trial. New Haven; London: Yale University Press, 1980.
- Durand F.* Les Littératures scandinaves. Paris: PUF, 1974.
- Elmer Å.* Svensks Social Politik, Liber Läromedel. Lund, 1981.
- Gaillard A.-M.* Couples suédois — Vers un autre idéal sexuel. Éd. universitaires, 1983.
- Gras A.* Divorces et suicides en Scandinavie // Cahiers du CIREN. 1979. 2.

- Gras A., Sotto R. La Suède et ses populations. Bruxelles: Éd. Complexe, 1981.
- Hélyes M. À travers le féminisme suédois. Paris: Plon, 1906.
- Huntford R. The New Totalitarians. N. Y.: Stein & Day, 1972.
- Kumilien et André. La Gymnastique suédoise. Manuel de gymnastique rationnelle... Paris: Flammarion, 1901.
- Leijon A. G., Karre M. La Condition familiale en mutation. Paris: Seghers, 1972.
- Liljeström R. Det erotiska kriget. Publica, Liber förlag, 1981.
- Liljeström R. et al. Roller i omvandling. SOU 1976: 71, Liber för lag, 1976.
- Linner B. Sexualité et Vie sociale en Suède. Paris: Éd. Gonthier, 1968.
- Moberg V. Min svenska historia berättad för folket, Del 1 & 2. Stockholm: Norstedt & Jöners förlag, 1970.
- Mounier E. Notes scandinaves // Esprit. Févr. 1950.
- Musset L. Les Peuples scandinaves au Moyen Âge. Paris: PUF, 1951.
- Myrdal A. Folk och familj. 1944.
- Parent J. Le Modèle suédois. Paris: Calmann-Lévy, 1970.
- Queffélec H. Portrait de La Suède. Paris: Hachette, 1948.
- Quillardet M. Suédois et Norvégiens chez eux. Paris: Armand Colin, 1900.
- Royer L.-Ch. Lumières du Nord. Les Éd. de France, 1939.
- Saint-Agnès Y. de. Éros international-Scandinavie. Paris: Balland, 1971.
- Samhällsguiden. Liber Allmänna förlaget, Falun, 1983.
- SOU 1976: 9, Sexuella Övergrepp, Liberförlag.
- SOU 1979: 56, Steg på väg, Liberförlag.
- SOU 1980: 27, Barn och Vuxna, Liberförlag, 1980.
- SOU 1981: 71, Prostitutionen i Sverige, Liberförlag, 1981.
- SOU 1983: 4, Om hälften vore Kvinnor, Liberförlag, 1983.
- Suède — la Réforme permanente. Livre-dossier. Paris: Stock, 1977.
- Les Suédois. Le Crapouillot. 1966. No. 70.
- Ullerstam L. Les Minorités érotiques. Paris: J.-J. Pauvert, 1965.
- Wistrand B. Le mythe de l'égalité des sexes en Suède: la lutte continue // Cultures. 1982. T. VIII. No. 4.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин (святой) 312
Авель 609
Авраам 242
Адам 239, 417, 609
Азема, Жан-Пьер 197, 198, 646
Алиенора Аквитанская 242
Аллегр, Клод 626
Альенде, Сальвадор 531
Альтюссер, Луи Пьер 627
Амбурже, Жан, профессор 328
Аминий 294
Андерсен, Ханс Кристиан 179
Андропов,
Юрий Владимирович 172
Аннюие, Бернар 320
Анрио, Филипп 432
Ансель, Жорж 449
Арагон, Луи 422, 424, 427
Арендт, Ханна 203, 211, 212
Аретино, Пьетро 341, 369, 546
Аркур, Флоранс д 292
Арнольд, Томас 298
Арон, Раймон 141
Арон, Робер 534
Арьес, Филипп 77, 278, 279, 322-
326, 335, 336, 356, 376, 379, 658
- Бадинтер, Робер 246, 248, 251
Бадинтер, Элизабет 251
Бакунин, Михаил
Александрович 438
- Бакюлар д'Арно 367
Балланже, Робер 443
Балуль, Жоэль 452
Бальзак, Оноре де 140, 226
Барбье 356
Барбюс, Анри 421, 439
Бардеш, Морис 535
Бари, Марк 608
Баррес, Морис 459
Барр, Раймон 554
Барт, Ролан 224
Бастид, Франсуа-Режи 590
Батай, Жорж 580
Бежен, А. 270, 271, 342-344
Безансон, Ален 427
Бейль, Антуан 313
Беккер, Жак 524
Беккер, Жан-Жак 186-188
Беккет, Сэмюэл 226
Беклер, Антуан 243
Белл, Александр 597
Белла, Роберт 556
Белотти, Елена Джанини 289, 290
Бен-Амми 349
Бенвенисте, А. 466
Бенда, Жюльен 460
Бене, Эжен 191
Бенсаид, Норбер, доктор 312
Бенсимон, Дорис 456, 473
Бергман, Эрнст Ингмар 579, 587
Бергсон, Анри 459, 460

- Берлье 30
 Бернар, Жан 246
 Бернар, Сара 146
 Бертильон, Жак 55
 Беттельгейм, Бруно 206, 208,
 209, 212
 Бирнс, Джеймс 524
 Бис 114
 Бисмарк, Отто фон 420
 Блан, Анна-Мария 494
 Бланки, Луи Огюст 437
 Блюм, Леон 269, 280, 524, 525
 Бовуар, Симона де 523, 550, 657
 Боди-Жандро, Софи 10
 Бодрийяр, Жан 348
 Бодрийяр, монсеньор 195
 Боллетьеры, Ник 299
 Бонапарт, Наполеон 295, 390, 417
 Боном, доктор 365
 Бонфу, Эдуард 257
 Борг, Бьорн 299
 Бордо, Анри 226
 Борман, Мартин 205
 Боровский, Тадеуш 212
 Борхес, Хорхе Луис 161, 176
 Босх, Иероним 179, 388
 Ботц, Герхардт 211
 Бофф, Леонардо, отец 409, 410
 Бразийак, Робер 195, 198, 535
 Брантом, Пьер де Бурдейль
 340, 341, 369
 Братт, Иван 585
 Брейгель, Питер Старший 416
 Бреньо, Паскаль 345
 Бретон, Андре 421
 Бубер, Мартин 212
 Будон, Раймон 145
 Буковский, Владимир
 Константинович 208
 Булен, Робер 136, 238
 Бурдьё, Пьер 8, 259, 298, 513
 Бурневиль, доктор 30
 Бутри, Филипп 396
 Буцер, Мартин 406
 Бьюкенен, Патрик Джозеф 361
 Бэджет, Уолтер 411, 536
 Бюргьер, Андре 297
 Бюрдо, Жорж 153
 Вайнберг, М. С. 649
 Валенса, Лех 516
 Валери, Поль 141, 153, 527
 Вальдур, Жак 56, 645
 Ван Гог, Винсент 305
 Варлен, Эжен 437
 Ватель, Франсуа 306
 Ватсьяна Малланага 609
 Вебер, Макс 145, 149, 177, 219
 Вебер, Эжен 83
 Вейль, Симона 79, 238
 Веллерс, Жорж 469
 Вельзевул 430
 Вен, Поль 5, 141, 279, 356, 629
 Венсан, Тьерри 637
 Вердье, Ивонна 258, 301
 Веретт, Никола, доктор 339
 Вермеер, Ян 367
 Вермерш, Жанетта 433, 434
 Вестлейк, доктор 539
 Вестлейк, Кэрол 539
 Виан, Борис 524
 Вианне, Жан-Мари, кюре
 из Арса 392, 395, 396
 Виган, Робер Ле 195
 Видаль-Наке, Пьер 215
 Вижье, Жан 187
 Виллар, Клод де, маршал 297
 Вильсон, Даниэль 169
 Вламинк, Морис де 195
 Влоцевский, Стефан 492
 Вовель, Мишель 553
 Вольтер 214

- Галамбо, Бернар 114
 Галилей, Галилео 423, 627
 Гарбо, Грета 539, 541, 561
 Гаро, Мари-Франс 292
 Гароди, Роже 442
 Геббельс, Йозеф 195
 Гегель, Георг Вильгельм
 Фридрих 141, 204, 334
 Геенно, Жан 19, 55, 421
 Гейсмар, Ален 443
 Герцберг, Бернар 443
 Гёте, Иоганн Вольфганг 416, 600
 Гетц, Бернард 532
 Гивенс, Дэвид 352
 Гизо, Франсуа 150
 Гийон, Клод 333
 Гилмор, Гэри 224
 Гиммлер, Генрих 205, 210
 Гинзбург,
 Евгения Соломоновна 208
 Гиро, П. 338
 Гитлер, Адольф 183, 193, 205, 210,
 372, 418, 420
 Глас-Ларссон, Маргарета 206, 211
 Глацар, Рихард 197
 Гоббс, Томас 214, 219
 Гоген 220
 Гокальп, Катрин 269
 Голль, Шарль де 128, 145, 154, 171,
 172, 187, 195, 320, 419, 441-443,
 470, 530, 563
 Гонорий III 402
 Гор, Альберт 635
 Горбаневская,
 Наталья Евгеньевна 216
 Горер, Джефффри 324, 325
 Горсе, профессор 365
 Грамон, Д. 201
 Грамши, Антонио 438
 Грегуар, Мени 132
 Грёз, Жан-Батист 324
 Гренаду, Эфраим 27
 Гренье, Фернан 419
 Грили, Эндрю 398
 Гримо, Шарль, аббат 280
 Гроддек, Георг 297
 Гроссман,
 Василий Семенович 209
 Гуро, Мирей 330
 Гуссерль, Эдмунд 415
 Гутенберг, Иоганн 599
 Гутмакер, Алан (институт) 542
 Гутьеррес, Густаво 409
 Гэллап, Джордж 529
 Гюго, Виктор 164

 Давид, Ш. 229
 Дакен, Луи 424
 Дандье, Арно 534
 Данте 356
 Даньелу, отец 401
 Дарвин, Чарльз 554
 Дарьё, Даниель 195
 Дафф, Р. С. 327
 Девере, Жорж 144
 Деви, монсеньор 393
 Дега, Эдгар 179
 Декарт, Рене 627
 Декли, К. 345, 353, 354
 Делез, Жиль 350
 Дерен, Андре 195
 Деррида, Жак 224
 Десанти, Доминик 418, 429
 Десанти, Жан-Гуссен 423, 427,
 430, 442
 Дефорж, Режин 368
 Джейкобс, Пол 553
 Джеймс, Генри 230
 Джойс, Джеймс 445
 Джонсон, Вирджиния 339, 342,
 357, 360, 375
 Диана (леди) 628

- Дидро, Дени 580
 Дизраэли, Бенджамин 437
 Дин, Джеймс 513
 Дольто, Франсуаза 246
 Дос Пассос, Джон 524
 Доссе, Жан 246
 Достоевский,
 Федор Михайлович 416
 Дрейфус, Альфред 198, 458, 460
 Дрейфус, Пьер 469
 Дриё Ла Рошель 195
 Дрюмон, Эдуард Адольф 461
 Дуглас, Мэри 300, 301
 Дупанлу, монсеньор 254
 Дюамель, Жорж 225, 226, 421,
 432, 517, 518, 534
 Дюби, Жорж 5, 10, 173, 224, 262
 Дюгеклен, Бертран 295
 Дюкло, Жак 432
 Дюкло, Э. 372
 Дюма, Андре, пастор 236, 334,
 385, 413
 Дюпюи, Анна-Мария 292
 Дюрас, Маргерит 161, 194, 213, 227
 Дюркгейм, Эмиль 141, 157, 170, 219,
 262, 459
 Дюфуа, Жоржина 248, 609
- Ева 230, 239, 609
- Жабес, Эдмон 454
 Жанна д'Арк 349
 Жданов,
 Андрей Александрович 425
 Жене, Жан 145, 371, 657
 Жером, Жан-Леон 346
 Жид, Андре 145, 195, 225, 226, 357,
 570, 657
 Жирар, Ален 254, 276, 282, 377, 384
 Жиро, Анри, генерал 419
 Жиро, П. 257
- Жискар д'Эстен, Анна-Эймона 258
 Жискар д'Эстен, Валери 124, 224,
 530, 554, 595
 Жолио-Кюри, Фредерик 421
 Жорес, Жан 12, 421, 437
 Жоффр, Жозеф Жак Сезер,
 маршал 187, 192
 Жуве, Луи 525
 Жюкен, Пьер 443
- Зельдин, Теодор 151, 237, 308
 Зереби, Карим 612
 Зиммель, Георг 140, 283
 Зиновьев, Александр 143
 Золя, Эмиль 226, 433
 Зухомель, Франц 199
- Иаков, святой 408
 Иероним, святой 279, 340
 Изак, Жюль 461
 Иннокентий III 402
 Иоанн XXIII 402, 403, 412
 Иоанн Златоуст 150
 Иоанн Павел II 398, 401, 406, 407,
 412, 413, 614, 615
 Ир 343
 Иуда 343, 356
- Йеламма, богиня 144
 Йорданс, Якоб 297
- Казанова, Лоран 424, 425, 427
 Каин 356, 609
 Кайаве, Анри 329
 Кайо, Жозеф 135
 Кальвин, Жан 405
 Камара, Элдер, монсеньор 404
 Камзи 492
 Камю, Альбер 428
 Кан, Аксель 606, 607
 Канделу, Ф. 335

- Кан, Ж. 429
 Кант, Иммануил 150, 211
 Кардоннель, Жан 405, 411
 Карильо, Фернандо 330
 Карл X 612
 Кароль, Мартин 540
 Картер, Джимми 547
 Карфур 103
 Касерес, Бениньо 47
 Кастельно, Эдуард де, генерал 187
 Кастро Рус, Фидель 417, 444
 Кафка, Франц 176, 202
 Кашен, Марсель 422
 Кемп-Генефке, Инге 216
 Кендалл, Пол Мюррей 224
 Кено, Раймон 524
 Кеффелек, Анри 589
 Кинси, Альфред Чарльз 342, 357
 Кинэ, Эдгар 416
 Кларсфельд, Серж 198
 Клаузевиц, Карл Филипп
 Готлиб фон 283
 Клинтон, Билл 531, 595, 600, 614,
 615, 617, 628
 Клодель, Поль 195
 Клотц, профессор 365
 Кокто, Жан 519
 Колдуэлл, Эрскин 524
 Колетт 195, 541
 Кольму, Анна-Мария 621
 Компайре, Габриэль 254
 Коперник, Николай 179, 423
 Корбен, Ален 370, 372
 Коти, Рене 196, 197
 Кравченко, Виктор 213
 Крапах, Лукас Старший 297
 Крейн, Д. 327
 Крепелин, Эмиль 313
 Крессон, Эдит 378
 Кригель, Анни 435, 439, 474
 Кристи, Агата 170
 Крозье, Мишель 113, 114, 169
 Кромвель, Оливер 417
 Кубертен, Пьер де 299
 Куост, Мишель 56, 60
 Купер, Дэвид 343
 Куртнер, Л. 328
 Кутан, доктор 249, 253
 Кюрьен, Юбер 246
 Лаваль, Пьер 432
 Лагерквист, Пер 570
 Лагруа Вейль-Алле,
 Мари-Андре, доктор 236
 Лазар, Люсьен 471
 Лакан, Жак 224
 Лакретель, Жак де 195
 Лакруа, Жан 417
 Ламаз, доктор 240
 Ламбер, Ив 392, 399
 Ламиран, Жорж 29
 Ланцман, Клод 214
 Лапуж, Жиль 369
 Ларошфуко, Франсуа, герцог де
 158, 167, 168
 Ларраин, Хуан Франсиско
 Фресно, монсеньор 404
 Лас Кас, граф де 145
 Лас Касас, Бартоломе де 408,
 613, 614
 Латини, Брунетто 356
 Лафонтен, Жан де 325, 333
 Ле Боньек, Ив 333
 Лев XIII 391, 392
 Леви, А. 166, 167
 Леви, Николь 216
 Леви-Брюль, Люсьен 460
 Левин, Курт 116
 Левинас, Эммануэль 450
 Левински, Моника 596

- Леви-Стросс, Клод 181, 300, 462,
 511, 513
 Лево, Реми 10
 Ле Гофф, Жак 224
 Ле Корбюзье 32
 Леже, Фернан 421
 Лежён, Филипп, профессор
 225, 238
 Лейо, Поль 480
 Лекёр, Огюст 432
 Леклер, Серж 175, 176
 Ле Корбюзье 169, 218, 519
 Ленин, Владимир Ильич
 416, 437, 438
 Леото, Поль 657
 Лейрис, Мишель 142, 145, 225, 657
 Лернер, Макс 512
 Ле Руа Ладюри, Эмманюэль 427
 Лефевр, Анри 421
 Лефевр, Жорж 422
 Лефевр, монсеньор 411
 Ли, Генри 532
 Линдблум, Гуннель 586
 Линкольн, Авраам 542
 Лиотэ, маршал 115
 Липовецки, Жиль 93, 122, 225
 Липпит, Р. 116
 Лонг, Хьюи Пирс 555
 Лопес Трухильо, Альфонсо,
 монсеньор 407
 Лосфельд, Эрик 368
 Лот 349
 Лотман, Франсуаза 456
 Лушёр, Луи 56
 Лысенко, Трофим Денисович 423
 Льюис, Синклер 518
 Лэндон, Альфред Моссман 529
 Людовик VII 242
 Людовик XIV 153, 314, 324, 596, 600
 Люксембург, Роза 438
 Лютер, Мартин 177, 405, 599
 Люцифер 554
 Мадлена, Д. 224
 Майоль, Аристид 195
 Майоль, Пьер 102–104, 109
 Макиавелли, Никколо 176, 422
 Маккарти, Джозеф 420
 Мак-Орлан, Пьер 195
 Малер, Густав 207
 Малиа, Мартин 203, 436
 Мальро, Андре 195, 226
 Мандра, Анри 67
 Манушян, Мисак 20
 Мао Цзэдун 183, 417, 444
 Марен, Луи 186
 Мари-Зоэ, сестра 396, 397, 399
 Маркс, Карл 151, 177, 334, 390, 416
 421, 436, 438, 627
 Маркузе, Герберт 431
 Мартен, Анри 419
 Мартен, М. 276, 277
 Маршалл, Джордж К. 431, 441
 Марше, Жорж 196, 444
 Мастерс, Уильям 339, 342, 357,
 360, 375
 Мате, профессор 238
 Маттене, Ф. 495
 Маффесоли, Мишель 598
 Мегре, Брюно 619
 Мезар, Жан 329
 Мезюрер, Гюстав 30
 Мейлер, Норман 224
 Мель, Р. 385, 412, 413
 Мельес, Жорж 179
 Мемми, Альбер 455
 Менгеле, Йозеф 211
 Ментенон, мадам де 314
 Мерло-Понти, Морис 428
 Мертон, Роберт 262
 Мийотт, Жиль 330
 Миллер, Генри 524
 Миллет, Кейт 230
 Мильес, профессор 238

- Минковски, профессор 238
 Мирбо, Октав 84
 Миттеран, Франсуа 196, 224, 236,
 320, 530, 554
 Митфорд, Джессика 552
 Митчел, Эдди 513
 Мичурин,
 Иван Владимирович 423
 Мишель, Андре 292
 Мишлен 171
 Моав 349
 Моисей 217
 Моко, Жорж 478, 486, 491, 492, 494
 Молотов, Вячеслав Михайлович
 419, 441
 Мольер, Жан Батист 122
 Монро, Мэрилин 539
 Монтень, Мишель де 340, 341, 356
 Монтерлан, Анри де 254
 Монтескье, Шарль 214
 Моран, Поль 195, 518
 Морен, Эдгар 122, 169, 560, 645
 Мориак, Клод 445
 Мориак, Франсуа 226, 432, 536
 Моро, Ален 333
 Моруа, Андре 223, 544
 Моруа, Пьер 444
 Мосс, Марсель 394
 Моте, Даниель 117
 Муберг, Вильгельм 588
 Мукьелли, Роже 116
 Мунье, Эмманюэль
 562, 586, 587, 589
 Мутье, Жан Вильмен де 495
 Мюель-Дрейфюс, Франсин
 310, 311
 Мюрдаль, Альва 588
 Мюри, Ж. 442

 Наке, Альфред 284
 Нарцисс 294
 Наум, Вероник 297

 Нежелен, Рене 189
 Немезида 294
 Нива, Жорж 204
 Низан, Поль 421
 Николаи, доктор 239
 Никсон, Ричард 361, 531
 Нику, Жерар 23
 Ницше, Фридрих Вильгельм
 142, 213, 595
 Нойвирт, Люсьен 236, 238
 Нора, Пьер 140
 Нуарьель, Жерар 494, 495
 Ньюман, Пол 539

 Оклер, Марсель 132
 Оливенштайн, доктор 263–265
 Онан 343
 Орезон, Марк, аббат 236
 Орнер, Иветт 595
 Орсель, доктор 265, 266
 Ору, Жан 120
 Оруэлл, Джордж 172, 217, 566, 593
 Орфали, Кристина 10
 Острогорский,
 Моисей Яковлевич 533

 Павел V 423
 Павел VI 405, 406, 412, 434
 Павлов, Иван Петрович 239
 Павсаний 294
 Пазолини, Пьер Паоло 225
 Пайо, ректор 38
 Пайя, Поль 316, 317
 Пальмад, Ги 116
 Палю, Пьер де ла 341
 Панкеев, Сергей 228, 229
 Паньоль, Марсель 195
 Паперник-Берльхауэр, Эмиль,
 профессор 246
 Паран, Жан 591
 Парето, Вильфредо 182, 219

- Парпалекс, Коринн 247, 249
 Паше, П. 216
 Пейн, Томас 510
 Пенанстер, Ален де 223
 Пенья, Франсиско 213
 Пери, Габриель 416
 Перро, Мишель 370
 Перро, Шарль 179
 Перрон, Ш.-Ф., доктор 310
 Петен, Анри Филипп, маршал
 128, 192, 194–197, 320, 444
 Петонне, Колеетт 106
 Петр I 512
 Петр, апостол 417
 Пий V 404
 Пий X 402
 Пий XI 411
 Пий XII 240, 402
 Пикассо, Пабло 352, 421, 422, 519
 Пине, Антуан 197
 Пинкус, Грегори 235
 Питру, Аньес 261
 Плантагенет, Генрих 242
 Платини, Мишель 300
 Платон 600, 627
 По, Эдгар Аллан 551
 Повер, Жан-Жак 367, 368
 Подхлебник, Мордехай 185
 Политцер, Жорж 421
 Поллак, Майкл 358, 359
 Поллак, Микаэль 211
 Пол Пот 133, 183
 Помпиду, Жорж 260, 292, 591
 Прево-Парадоль,
 Люсьен Анатоль 415
 Прежан, Альбер 195
 Про, Антуан 9, 191, 192, 253
 Прометей 217, 416
 Пруво, Жан 519
 Пруст, Марсель 357, 378, 461, 657
 Пужад, Пьер 23
 Пьер, аббат 404
 Пьяже, Шарль 119
 Раво, Рене-Жан 516
 Райк, Ласло 428, 430
 Раймон, Анри 645
 Райх, Р. 649
 Ратцингер, Йозеф Алоиз,
 кардинал 410
 Редфорд, Роберт 539
 Рейган, Рональд 202, 515, 533, 547
 Рейно, Поль 523
 Ренар, Жюль 352
 Рено 30
 Рено, Луи 27, 42
 Ретиф де ла Бретонн, Никола 366
 Ретц, Жиль де 349
 Риббентроп, Иоахим фон 419, 441
 Риджуэй, Мэтью 422
 Рике, преподобный отец 328
 Рикёр, Поль 172
 Рисмен, Дэвид 560
 Роб-Грийе, Ален 226, 367
 Робен, Поль, доктор 232, 254
 Робире, Филипп 435
 Роджерс, Карл 116
 Роджерс, Сьюзан 65
 Розе, Альма 207
 Роланд 325
 Роллан, Ромен 421, 439
 Романс, Вивиан 195
 Ромен, Жюль 226, 421
 Ромеро, Оскар Арнульфо,
 монсеньор 407
 Ротшильд (банк) 460
 Руайе, Луи-Шарль 590
 Рубенс, Питер Пауль 297, 427
 Рубо, Ф., доктор 341
 Руди, Ивет 546

- Рузвельт, Франклин Делано
 523, 529, 555
 Руссе, Давид 428
 Руссель, Луи 268, 269, 276
 Руссо, Жан-Жак 219, 225
- Савариус, Винсент 429
 Савонарола, Джироламо 143, 433
 Сад, маркиз де 580, 609
 Салливан, Вернон 524
 Сальеж, монсеньор 195, 197
 Сантер, Катрин 18
 Санчес, Томас 341
 Санье, Марк 402
 Сара (супруга Авраама) 242
 Сард, Мишель 542
 Сароян, Уильям 524
 Саррот, Клод 593
 Саррот, Натали 226
 Сартр, Жан-Поль 13, 106, 143, 217,
 225, 326, 421, 428, 556, 557, 657
 Севинье, мадам де 314
 Сегален, Мартин 65
 Сегаль, Марсель 132
 Сегерс, Пьер 592
 Селин, Луи-Фердинанд 154
 Селье, Анри 74
 Сенгли, Франсуа де 282
 Сен-Симон, герцог де 324
 Серван-Шрайбер, Клод 592
 Серж, Виктор 423, 428
 Серр, Мишель 246
 Серто, Мишель де 141, 398, 399,
 404, 406, 411
 Симон, Перрин 10
 Симон, Пьер, доктор 231, 235,
 236, 238, 240, 241, 247, 255, 287,
 330, 342, 374, 468, 646
 Симоно, О., доктор 373
 Синклер, Эптон Билл 517, 520
 Синьоре, Симона 541
- Синьорелли, Лукас 388
 Ситроен 30
 Ситроен, Андре 534
 Скопс, Джон 555
 Сланский, Рудольф 428, 430
 Смит, Уолтер Беделл 432
 Сови, Альфред 234, 317
 Соле, Шарль 367
 Солженицын,
 Александр Исаевич 204, 208
 Соллерс, Филипп 224
 Сорель, Жорж 177, 435
 Соссюр, Фердинанд де 528
 Средиземноморский клуб 121
 Стайн, Гертруда 517
 Стайнберг, Брюс 635
 Сталин, Иосиф Виссарионович
 177, 183, 417, 418, 422, 424, 427,
 436, 437, 444
 Стафф, баронесса 13
 Стейнбек, Джон 518, 524
 Стендаль 190
 Стилль, Андре 424
 Столлер, Роберт 346, 347
 Стриндберг, Юхан Август
 586–588
 Суварин, Борис 423, 427
 Суде, Пьер 326
 Сундстрём-Файгенберг, Кайса 575
 Сюар, Эмманюэль-Селестен,
 кардинал 401
 Сюльро, Эвелин 132, 274, 286, 646
 Сюпервьель, Жюль 314
 Сюттон, Женевьева 366
- Талейран 158
 Тапи, Бернар 558
 Тапия, Клод 473
 Тард, Габриель 371, 373
 Тардье, доктор 356
 Татлин,
 Владимир Евграфович 519

- Таунсенд, Фрэнсис, доктор 555
 Тафт, Роберт Альфонсо 420
 Тейлор, Элизабет 539
 Терив, Андре 195
 Тило, Хайнц, доктор 203
 Тиресий 294
 Токвиль, Алексис де 150, 153, 415, 541, 595
 Толстой, Лев Николаевич 325
 Тольятти, Пальмиро 417, 418
 Тома, Л. В. 334, 335, 336
 Торджман, Жильбер 344
 Торез, Морис 417, 418, 424, 426, 429, 433-435, 439, 442
 Тосс, доктор 330
 Тригано, Жильбер 222, 558
 Тристан 325
 Турен, Марисоль 620
 Тьер, Адольф 150
 Тюилье, Ги 83
- Уайльд, Оскар 541
 Уайт, Р. К. 116
 Унру, Фриц фон 189
- Фабиус, Лоран 444, 609
 Фабр, Анри, доктор 236
 Фабр-Люс, Альфред 195
 Фажон, Этьен 212
 Файта, Луиджи 330
 Фамарь 343
 Фейдо, Жорж 286
 Фернандес, Доминик 225, 357
 Ферри, Жюль 69
 Ферро, Марк 188, 224
 Финкбайн, Шерри 591
 Финкелькраут, Ален 475
 Фицджеральд, Фрэнсис Скотт 517
 Фишлер, Клод 305, 307, 308
 Фландрен, Жан-Луи 341, 344, 648
 Флекснер, Саймон 372
- Флеминг, Александр 95
 Фолкнер, Уильям 524
 Фонда, Генри 518
 Фонда, Джейн 94
 Фор, Феликс 169
 Форд, Джон 518
 Фориссон, профессор 213
 Фош, Фердинанд, маршал 192
 Фрайдей, Н. 347
 Франк, Анна 212
 Франко, Франсиско 621, 622
 Франс, Анатолий 421
 Франциск Ассизский, святой 224, 262, 402
 Фраппа, Бруно 220
 Фрапье, Леон 56, 61
 Фревилль, Жан 425
 Фрейд, Анна 229
 Фрейд, Зигмунд 175, 227, 228, 289, 294, 295, 334, 342, 345, 349, 350, 396
 Френе, Анри 195
 Фужерон, Андре 422, 424-427
 Фукидид 141, 312
 Фуко, Мишель 149, 224, 339, 375, 396
 Фурман, Елена 297
 Фурнье, А., доктор 371, 372
 Фурье, Шарль 291, 375
- Хайдеггер, Мартин 172, 203, 512, 595
 Хамфри, Дерек 330
 Хантфорд, Роланд 592
 Харрис, Луис 383
 Хартли, Фред Аллан младший 420
 Херцлих, Клодин 327
 Хёсс, Рудольф 209, 216
 Хинкли, Джон младший 533
 Хит, Шер 543
 Хичкок, Альфред 170
 Холидей, Джонни 513

Холлингсхед, А. Б. 327
 Холлистер, Дэвид 328
 Хомейни 320
 Хоппер, Эдвард 538
 Хох, Питер де 367
 Хо Ши Мин 416
 Христос, Иисус 400, 401, 410,
 414, 416
 Хуа Гофэн 172

 Цвингли, Ульрих 406
 Цезарь 417

 Чайлдз, Маркиз 589
 Чаплин, Чарльз Спенсер 122, 355,
 534, 535
 Че Гевара, Эрнесто 614
 Чернов, И. 465

 Шабан-Дельмас, Жак 238
 Шаламов, Варлам Тихонович
 208, 211
 Шамборедон, Жан-Клод 337
 Шардонн, Жак 195
 Шевенман, Жан-Пьер 612
 Шёман, Вильгот 579
 Шено, Жан 594, 595, 629, 637
 Шиле, Эгон 340
 Ширак, Жак 201, 224, 554
 Шнаппер, Доминик 10, 451, 458
 Шомбар де Лов, Поль-Анри 58

Шоу, Джордж Бернард 527
 Шрёдер, Герхард 613
 Штетцель, Жан 254, 282, 377, 384
 Шуман, Робер 196

 Эберт, Фридрих 435
 Эвердэф, Гёрун 571
 Эдвардс, Роберт Джеффри
 606, 607
 Эдельман, Б. 363
 Эдип 230
 Эйзенхауэр, Дуайт 422, 555
 Эймерик, Николас 213
 Эйхман, Адольф 205, 211, 216
 Экберг, Анита 561
 Элиас, Пьер-Жак 38, 60
 Эллингтон, Дюк 524
 Эльюар, Поль 421
 Эрве, Эдмон 609
 Эрель, К. 256
 Эрикссон 581
 Эскофье-Ламбьот, Клодина,
 доктор 236
 Эстре, Габриэль д' 297
 Эхо, нимфа 294, 314

 Юнг, Карл Густав 289

 Янкелевич, Владимир 446, 470
 Ясперс, Карл 203

СОДЕРЖАНИЕ

Трудности выбора (<i>Жерар Венсан</i>)	5
Глава 1. Границы и пространства частной жизни (<i>Антуан Про</i>)	11
Работа	16
Специализация пространства	16
Социализация наемного труда	35
Семья и индивид	53
Пространство частной жизни	53
Частная жизнь против семейного уклада	64
Индивид-король	82
Взаимодействие и взаимовлияние	100
Переходное состояние между частным и публичным	100
Частные нормы публичной жизни	112
Влияние, оказываемое на частную жизнь	126
Глава 2. История тайны? (<i>Жерар Венсан</i>)	139
Тайны истории и история тайны	140
История и истории	140
Частная жизнь в городе	142
Какие источники?	145
Где деньги?	149
Частная жизнь, государство и право	152
Тайна	165
Работа памяти	172
Как функционирует воображение	176
Где скрывается тайна: унижение, стыд, страх	181
Предыстория к истории?	183

Войны известные, войны неизвестные и тайна идентичности	185
Перманентная война	185
1914–1918 годы: «это не должно повториться».	
Война, о которой говорили	186
1939–1945 годы: война, о которой не говорили, и попытка отрицания	194
Замолчанные войны	199
Места заключения	202
Всемирная гангрена	213
Загадка идентичности.	
«Дезориентированный» человек	217
Семейные тайны	231
Быть ребенку или не быть? Легализация контрацепции	231
Быть ребенку или не быть? Легализация абортов	237
Роды без боли	239
Желание иметь ребенка и борьба с бесплодием.	
Преодоление биологии	241
Желание иметь ребенка и борьба с бесплодием.	
Неправовая сфера	244
Желание иметь ребенка и борьба с бесплодием.	
Этические и психологические вопросы	250
Дети растут. Отношения детей и родителей	253
Отклонения	261
Сожительство молодых пар	267
Споры вокруг брака и дифирамбы сожительству	274
Выбор партнера	276
Любовь в браке	278
Развод — дело веселое?	283
Женщина в паре: закат главенства мужчин?	287
Тело и загадка секса	294
Тело Нарцисса	294
Земная пища	300
Тело под угрозой. Пациент становится клиентом	308
Разум под угрозой. Душевные болезни	312
Старение	314

Кто умирает? От чего? И когда?	321
Как умирать?	324
Значение смерти. Что делать с покойным?	333
Деньги покойного	336
В погоне за оргазмом	338
Следует ли потакать естественной склонности к потребительскому отношению?	350
От извращенности к образцовости: гомосексуалы среди нас	355
От хромосомного пола к психологическому: трансгендерность и сексуальная идентичность	361
Порнография, или закат запретного наслаждения	366
Проституция	369
Секс и социальный контроль	375
На пути к унисексу?	376
Глава 3. Культурное разнообразие	381
Католики: воображение и грех (Жерар Венсан)	382
Несколько цифр, которые не раскрывают тайны	382
Представления христиан	386
Исповедь, покаяние, обращение в веру	392
Новое чувство вины. Расширение поля сознания	401
Каково это — быть коммунистом? (Жерар Венсан)	415
Как вступить в партию	415
Активисты	422
Дистанцирование	437
Отречение?	444
Быть евреем во Франции — каково это? (Перрин Симон-Наум)	446
Проблематика	446
Евреи в межвоенный период	457
Французские евреи после 1940 года	468
Что значит быть иммигрантом во Франции (Реми Лево и Доминик Шнаппер)	476
Предвоенное время. Итальянцы и поляки	483
Послевоенное время. Мигранты из стран Магриба	495

Глава 4. Иностранные модели?	509
Американская модель частной жизни французов (Софи Боди-Жандро)	510
Сложность модели и уникальность мифа	510
Векторы американской модели в межвоенный период	516
Векторы американской модели. Послевоенное время	523
Перекрестные взгляды	529
Кто встречается? Антагонисты, протагонисты или равные?	535
Бог — американец?	554
Частная жизнь французов и частная жизнь американцев: совпадение, параллельное движение или же полный разрыв?	558
Прозрачная модель: шведское общество (Кристина Орфали)	561
Модель антитайны	563
Величие и закат одного мифа	589
Послесловие (Жерар Венсан)	594
Относительно времени	594
Инновации	597
Постоянство и ускорение	609
Семейная жизнь между прошлым и будущим	616
Взаимоотношения между родителями и детьми и детей между собой	622
Какое может быть будущее в нецелесообразном мире?	633
Примечания	640
Библиография	654
Именной указатель	667

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

под общей редакцией
Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби

ТОМ 5

От I Мировой войны до конца XX века

Софи Боди-Жандро, Реми Лево, Кристина Орфали,
Антуан Про, Доминик Шнаппер,
Перрин Симон-Наум, Жерар Венсан

Под редакцией Антуана Про и Жерара Венсана

Редактор *О. Аверьянов*
Дизайнер обложки *С. Тихонов*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84 × 108 1/2. Бумага офсетная №1.
Офсетная печать. Печ. л. 21,5. Тираж 3000. Зак. № 305
Отпечатано в ООО «Типография „Миттель-Пресс“»
Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Пятитомная «История частной жизни» —
всеобъемлющее исследование, созданное в 1980-е годы
группой французских, британских и американских
ученых под руководством прославленных
историков из Школы «Анналов» —
Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби.
Пятитомник охватывает всю историю Запада
с Античности до конца XX века.

ПЯТЫЙ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ТОМ —
О XX ВЕКЕ, В КОТОРОМ ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
ПРЕТЕРПЕЛА НЕВЕРОЯТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.
ЗДЕСЬ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ДЕГУМАНИЗАЦИИ
ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ И В КОНЦЛАГЕРЕ,
О СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НОВОМ
ВОСПРИЯТИИ СПОРТА, О ТОМ, КАК МОЖНО
ХРАНИТЬ ЛИЧНЫЕ ТАЙНЫ В ЭПОХУ
МАСС-МЕДИА И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ,
О ТРАНСФОРМАЦИЯХ РЕЛИГИИ И ПОЯВЛЕНИИ
ИНТЕРНЕТА — И О МНОГОМ ДРУГОМ.

ISBN 978-5-111-00000-0

2-28-1 Читин-город
10.07.2019 ООО "ГРАМОТА"

История частной жизни Т. 5 От 1 мирово
войны до конца 20 века (Куль-Пов)

9785444809983 ВК

Цена 908 руб.

РЧ
Чел

16
Номер
10883954
Код
2728153
ТБК
11-7115